

ТЕДА СКОЧПОЛ

ГОСУДАРСТВА
И СОЦИАЛЬНЫЕ
революции
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ФРАНЦИИ, РОССИИ И КИТАЯ

Theda Skocpol

States and Social Revolutions

A Comparative Analysis
of France, Russia and China

Теда Скочпол

Государства и социальные революции

Сравнительный анализ
Франции, России и Китая

Перевод с английского

СЕРГЕЯ МОИСЕЕВА

Под научной редакцией

ДМИТРИЯ КАРАСЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА ГАЙДАРА

МОСКВА • 2017

УДК 316.2
ББК 60.51
С44

Скочпол, Теда

С44 Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая / пер. с англ. С. Моисеев; научный редактор перевода Д. Карасев. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. — 552 с.

ISBN 978-5-93255-491-3

От Франции 1790-х гг. до Вьетнама 1970-х гг. социальные революции были редкими, но грандиозными по своему значению событиями мировой истории. Почему социальные революции произошли в одних странах, но не в других? Как дореволюционные режимы вошли в состояние кризиса? Книга профессора Гарвардского университета Теда Скочпол «Государства и социальные революции» задает новую систему координат для анализа причин, конфликтов и итогов революций. Исследование соединяет новаторские теоретические подходы с глубоким, скрупулезным сравнительно-историческим анализом французской революции с 1787 г. до начала 1800-х гг., русской революции с 1917 г. вплоть до 1930-х гг. и китайской революции с 1911 г. по 1960-е гг. Теда Скочпол демонстрирует, каким образом сочетание таких факторов, как государственные структуры, внешнеполитические и внешнеэкономические силы и отношения классов, позволяет объяснить истоки социальных революций и их свершения. Считая, что существующие теории революции, как марксистские, так и немарксистские, недостаточны для объяснения их реальных исторических закономерностей, автор призывает нас взглянуть на революции по-новому. Прежде всего она настаивает на том, что государства, рассматриваемые как организации, осуществляющие управление и принуждение, потенциально автономные от классовых интересов и контроля со стороны классов, должны стать главным элементом в объяснении революций.

УДК 316.2
ББК 60.51

ISBN 978-5-93255-491-3

States and Social Revolutions:
a Comparative Analysis of France, Russia and China
Theda Skocpol

Published by the Press Syndicate of the University of Cambridge

© Cambridge University Press, 1979

© Издательство Института Гайдара, 2017

Содержание

Таблицы и карты · 7

Предисловие · 11

ВВЕДЕНИЕ · 21

Глава 1. Объяснение социальных революций:
альтернативы существующим теориям · 23

Структурная перспектива · 44; Международный и всемирно-исторический контексты · 52; Потенциальная автономия государства · 62; Сравнительно-исторический метод · 78; Почему Франция, Россия и Китай? · 90

ЧАСТЬ I

ПРИЧИНЫ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ
ВО ФРАНЦИИ, РОССИИ И КИТАЕ

Глава 2. Государства Старого порядка
в состоянии кризиса · 99

Франция при Старом порядке: противоречия абсолютизма Бурбонов · 107; Китай под властью маньчжуров: от Поднебесной империи до падения имперской системы · 135; Имперская Россия: отсталая великая держава · 160; Япония и Пруссия как контраст · 193

Глава 3. Аграрные структуры
и крестьянские восстания · 213

Крестьяне против сеньоров во французской революции · 224; Революция общин: крестьянский радикализм в России · 241; Два контрпримера: отсутствие крестьянских восстаний в ходе английской и немецкой революций · 261; Бессилие крестьян и уязвимость джентри в Китае · 275

ЧАСТЬ II
РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ
ВО ФРАНЦИИ, РОССИИ И КИТАЕ

Глава 4. Что и как изменилось:
фокус на государственном строительстве · 295

Политическое лидерство · 301; Роль революционных идеологий · 308

Глава 5. Рождение «современного государственного
устройства» во Франции · 318

Буржуазная революция? · 319; Последствия социально-революционного кризиса 1789 г. · 329; Война, якобинцы и Наполеон · 337; Новый порядок · 355

Глава 6. Возникновение диктаторского
партийного государства в России · 371

Последствия социально-революционного кризиса 1917 г. · 372; Борьба большевиков за власть · 381; Сталинская «революция сверху» · 395; Новый порядок · 405

Глава 7. Возникновение мобилизующего массы
партийного государства в Китае · 422

Социально-революционная ситуация после 1911 г. · 423; Подъем и упадок опирающегося на городские слои Гоминьдана · 432; Коммунисты и крестьяне · 448; Новый порядок · 466

Заключение · 500

Библиография · 517

Таблицы и карты

Таблицы

1. Причины социальных революций во Франции, России и Китае · 289
2. Итоги социальных революций во Франции, России и Китае · 498

Карты

1. Основные административные единицы Франции при Старом порядке · 110
2. Главные регионы Европейской России · 247
3. Департаменты Франции · 328
4. Железные дороги и основные промышленные районы Европейской России · 383
5. Провинции Китая и прилегающие территории · 438
6. Железные дороги и основные промышленные районы Китая · 442

Посвящается Биллу

Предисловие

ОДНИ КНИГИ предлагают свежий фактический материал, другие — теоретические аргументы, позволяющие читателю увидеть старые проблемы в новом свете. Эта работа определенно относится к последним. Она предлагает концептуальные рамки для анализа социально-революционных трансформаций в мировой истории Нового времени. В ней также используется сравнительно-исторический метод для разработки объяснений причин и результатов французской революции 1787–1800 гг., русской революции 1917–1921 гг. и китайской революции 1911–1949 гг. В первой главе обозначены принципы анализа, разработанные путем критического переосмысления исходных постулатов и типов объяснения, которые являются общими для наиболее часто используемых теорий революции. Эти принципы предназначены для того, чтобы дать новые ориентиры нашему пониманию того, что характерно для революций, как они действительно происходили в истории и что входит в круг проблем при их изучении. Оставшаяся же часть книги посвящена практической реализации программы Главы 1, требующей новых видов объяснительных аргументов. В Части I раскрываются истоки революционных кризисов и конфликтов во Франции, России и Китае путем исследования государств, классовых структур и международных положений старых порядков: государства Бурбонов, царской России и Поднебесной империи. Особое значение придается тому, каким образом государства Старого порядка оказались в состоянии кризиса, а также вспышкам крестьянских восстаний в ходе революционных между-

царствий. Далее, в Части II, прослеживается ход самих революций от первоначальных возмущений до консолидации относительно стабильных и особым образом структурированных новых порядков: наполеоновского во Франции, сталинского в России и коммунистического с местной спецификой в Китае с середины 1950-х гг. В этой части особое внимание уделяется усилиям революционного лидерства в направлении государственного строительства, а также структурам и деятельности новых государственных организаций в революционных обществах. На длинном пути от старых до новых порядков французская, русская и китайская революции рассматриваются как три сопоставимых примера единой, последовательной социально-революционной модели. В результате и сходства, и специфика этих революций освещаются и объясняются путем, который несколько расходится с прежними теоретическими и историческими дискуссиями.

Книги рождаются в уникальных условиях из опыта их авторов, и эта — не исключение. Ее идеи зрели во мне во время обучения в Гарвардском университете в начале 1970-х гг. Это было время (какими бы далекими ни казались его отголоски сейчас), когда политическая ангажированность многих студентов была очень велика, и я не была исключением. Соединенные Штаты вели беспощадную войну против вьетнамской революции, в то время как внутри страны движения за расовую справедливость и немедленное окончание военного вмешательства за рубежом оспаривали, что является хорошим, а что плохим для нашей собственной политической системы. Это время, разумеется, поспособствовало моему желанию переосмыслить революционные изменения. Именно в эти годы во мне созрела приверженность идеалам демократического социализма. Но было бы ошибкой предполагать, что «Государства и социальные революции» прямо обязаны своим появлением повседневной вовлеченности в политику. Это не так. Они совершенствовались, можно сказать, «в башне из слоновой кости» — в тиши библиотеки и кабинета. В аспирантуре я изучала макросоциологическую теорию, сравнительную социальную и политическую историю. Пересече-

ние этих исследовательских полей порождало ставящие в тупик вопросы. Мои попытки сформулировать ответы на эти сложные вопросы и затем проследовать дальше, к выводам, вытекающим из этих ответов, привели меня, через ряд этапов, к представленным здесь аргументации и анализу.

Например, я столкнулась с проблемой Южной Африки. История этой несчастной страны поразила меня и как очевидное опровержение парсонсианских структурно-функциональных объяснений социального порядка и изменений, и как серьезный вызов общепринятым и обнадеживающим предсказаниям о том, что массовое недовольство с неизбежностью приведет к революции против вопиюще репрессивного режима *апартеида*. Триумф либеральной справедливости не представлялся неизбежным. Марксистский классовый анализ произвел на меня впечатление более полезного, по сравнению со структурным функционализмом или теорией относительной депривации, для понимания положения небелого населения Южной Африки и обнаружения долгосрочных тенденций в социально-экономических изменениях. Но, работая строго в категориях классового анализа, было трудно концептуализировать, не говоря уже о том, чтобы точно объяснить, структуры южноафриканского государства и политическую роль африканеров. А именно они, по всей видимости, были ключом к пониманию того, почему социальная революция не произошла (или в скором времени не произойдет) в Южной Африке.

Другим исходным опытом, повлиявшим на меня впоследствии, было длительное, глубинное исследование исторических истоков китайской революции. Чтобы структурировать свою исследовательскую программу, я сравнила и попыталась объяснить относительные успехи и провалы Тайпинского восстания, националистического движения Гоминьдан и Коммунистической партии Китая, рассматривая их все в исторически изменяющемся всеобъемлющем контексте китайского общества. Глубоко очарованная позднеимперским и современным Китаем, по итогам этого исследования я стала глубоким скептиком в вопросе о применимости (к Китаю, а возможно, также и к другим аграрным государ-

ствам) общепринятых категорий социальных наук, таких как «традиционный» или «феодальный». Я также убедилась в том, что причины революций могут быть поняты только при рассмотрении конкретных взаимосвязей между классовыми и государственными структурами и сложных взаимодействий внутренних и международных процессов.

Если большинство исследователей, занимающихся сравнительными исследованиями революций, двигались, так сказать, с Запада на Восток (истолковывая русскую революцию в категориях французской или китайскую в категориях русской), то мое интеллектуальное путешествие вокруг света происходило в противоположном направлении. От исследований Китая я перешла к Франции в рамках общей программы сравнительного исследования политического развития Западной Европы. Хотя я понимала, что Франция «должна быть» похожей на Англию, Старый порядок французского абсолютизма казался во многих отношениях похожим на имперский Китай. Я также выявила фундаментальное сходство революционных процессов во Франции и Китае. В обеих странах они начинались с мятежей земельно-владельческих высших классов против абсолютистской монархии, сопровождались крестьянскими восстаниями и завершились более централизованными и бюрократическими новыми порядками. И наконец, я пришла к пониманию Старого порядка и революционной России в тех же аналитических категориях, что разработала для Китая и Франции. Особое внимание, уделенное изучению аграрных структур и государственного строительства, оказалось весьма плодотворным для понимания судеб этой «пролетарской» революции от 1917 до 1921 г. и 1930-х гг.

Следует отметить еще одну особенность моего подхода к систематическому исследованию революций. В отличие от большинства социологов, работающих в этой области, я получила очень много знаний об истории реальных революций *до того*, как приступила к широкому знакомству с литературой по социальным наукам, претендующей на то, чтобы объяснить революции теоретически. Изучив эту литературу, я быстро в ней разочаровалась. Революционный процесс преподносился

в ней таким образом, который весьма слабо соответствовал известным мне историческим событиям. А причинно-следственные объяснения казались либо не релевантными, либо откровенно неправильными, учитывая то, что я знала о сходстве и различиях между странами, в которых революции произошли, в отличие от тех, в которых их не было. Вскоре я решила (по крайней мере, к собственному удовлетворению) что фундаментальной проблемой было вот что: теории в социальных науках выводили свои объяснения революций из моделей того, как политический протест и изменения должны в идеале происходить в либерально-демократических или капиталистических обществах. Поэтому немарксистские теории имели тенденцию рассматривать революции как особенно радикальные и идеологизированные варианты типичных реформистских общественных движений, а марксистские — видели в них классовое действие, возглавляемое буржуазией или пролетариатом. Неудивительно, — сказала я себе, — что эти теории так мало давали для понимания причин и достижений революций в преимущественно аграрных странах с абсолютистско-монархическими режимами и крестьянством в основе социальной структуры.

Из этой интеллектуальной смеси мне явился возможный проект, кульминацией которого стала эта книга: использовать сравнение французской, русской и китайской революций и некоторые их сопоставления с другими странами для того, чтобы пояснить мою критику несостоятельности имеющихся теорий революций, а также разработать альтернативный теоретический подход и объяснительные гипотезы. Хотя я отвергла исходные допущения и сущностные аргументы известных мне теорий революции, у меня по-прежнему было желание пояснить ту общую логику, которая работала вопреки прочим различиям во всех изучаемых мною основных революциях. Сравнительно-исторический анализ представлялся идеальным средством для этого.

К счастью, те три революции, которые я хотела исследовать на основе сравнительного анализа, уже были хорошо изучены историками и регионоведами. Большой объем существующей литературы может быть головной болью для специалиста, желающего внести новый вклад

на основе ранее не открытых или недостаточно разработанных первичных данных. Но для социолога-компаративиста это идеальная ситуация. Сравнительно-исторические проекты неизбежно и почти полностью заимствуют данные из вторичных источников — то есть из исследовательских монографий и того синтеза, который уже достигнут историками, регионоведами и культурологами и существует в виде опубликованных ими журнальных статей и книг. Задача специалиста по сравнительной истории (и его возможный исследовательский вклад) состоит не в выявлении новых данных о конкретных аспектах больших исторических периодов и разнообразных регионов, обозреваемых в сравнительном исследовании, но скорее в установлении того, представляет ли интерес и валидна ли, при прочих равных условиях, общая аргументация относительно причинно-следственных закономерностей, проявляющихся в различных исторических ситуациях. У компаративиста нет ни времени, ни (всех) должных умений для осуществления первичных исследований, с необходимостью составляющих то основание, на которых строятся сравнительные исследования. Напротив, компаративист должен сосредоточивать внимание на поиске и систематическом изучении публикаций специалистов, касающихся тех вопросов, которые по теоретическим соображениям и в соответствии с логикой сравнительного анализа определяются в качестве важных. Если, как это часто бывает, вопросы, обсуждаемые специалистами относительно той или иной исторической эпохи или события, — не совсем те, что представляются наиболее важными в сравнительной перспективе, то аналитик-компаративист должен быть готов к тому, чтобы адаптировать данные, имеющиеся в работах специалистов, для аналитических целей, несколько отклоняющихся от тех, в рамках которых они первоначально рассматривались. И компаративист должен действовать систематически, насколько только это возможно, в поисках информации по одной и той же теме от ситуации к ситуации, даже несмотря на то, что специалисты, скорее всего, будут выдвигать на первый план разные темы в своих исследованиях и полемике, от страны к стране. Очевидно, что работа компаративиста становится

возможной только *после* того, как специалистами будет создана обширная первичная литература. Только в этом случае компаративист может попытаться найти, по крайней мере, какой-то материал, относящийся к каждой теме, исследование которой продиктовано сравнительной, объяснительной аргументацией, которую он или она пытается разработать.

Как должна продемонстрировать библиография к этой книге, я имела возможность опираться на такие обширные источники о Франции, России и Китае. Литература по каждому из примеров обширна и глубока, она включает множество книг и статей, изначально опубликованных на английском или французском (двух языках, на которых я лучше всего читаю), или переведенных на них. За редкими исключениями, объясняемыми малым интересом к тем или иным темам в той или иной исторической литературе, те препятствия, которые стояли передо мной, не были вызваны трудностями в обнаружении базовой информации. Они скорее выражались в необходимости изучить огромные массивы исторической литературы, правильно взвесить и использовать разработки специалистов для того, чтобы развить последовательную сравнительно-историческую аргументацию. Насколько хорошо я справилась с этими препятствиями, судить самим читателям (включая историков и регионоведов). Для себя я буду удовлетворена, если эта книга в какой-то мере стимулирует дискуссию и вдохновит дальнейшие исследования, как среди людей, интересующихся той или иной конкретной революцией, так и среди тех, кто хочет понять современные революции в целом, их прошлые причины и достижения и будущие перспективы. Сравнительная история вырастает из взаимодействия теории и истории и должна, в свою очередь, способствовать дальнейшему обогащению каждой из них.

Разработка и переработка аргументации в этой книге на протяжении последних нескольких лет часто ощущалась как бесконечная борьба с гигантским паззлом. Но на самом деле многие люди протянули мне руку помощи, позволявшую лучше увидеть общую картину и указавшую, куда подходят конкретные части этого паззла, а куда нет.

В научном плане я в неоплатном долгу перед Баррингтоном Муром-младшим. Именно прочтение его «Социальных истоков диктатуры и демократии» еще в студенческие годы в Мичиганском государственном университете явило мне великолепный размах сравнительной истории и научило тому, что аграрные структуры и конфликты дают важные ключи к пониманию структур современной политики. Более того, на аспирантских семинарах Мура в Гарварде выковывались мои способности к сравнительному анализу, при том что мне всегда предоставлялись возможности для разработки собственных интерпретаций. Мур ставил трудные задачи и реагировал впечатляющей критикой. А студенческое братство на семинарах обеспечивало атмосферу интеллектуального оживления и поддержки. На самом деле, два друга из числа участников семинаров Мура, Мунира Чаррад и Джон Молленкопф, поддерживали меня и давали советы на всех стадиях этого проекта сравнительного исследования революций.

Другое критически важное и продолжительное воздействие было оказано Эллен Кей Тримбергер. Сначала в 1970 г. я узнала о ее схожей работе, посвященной «революциям сверху» в Японии и Турции. И с тех пор идеи Кей, ее комментарии и дружба с ней в огромной степени способствовали моему исследованию Франции, России и Китая.

Как и многие другие первые книги, эта имела свое более раннее воплощение в докторской диссертации. Эта фаза проекта, несомненно, была самой болезненной, потому что я взяла на себя слишком много в слишком короткие сроки. Тем не менее, оглядываясь назад, можно сказать, что это того стоило, так как «большая» диссертация, какой бы она ни была несовершенной, имеет больший потенциал для последующего развития в заслуживающую публикации книгу, чем более «отполированная», но узкая. Я благодарю Дэниела Белла за то, что он поощрял меня сделать почти невозможное, а также давал детальные и провокационные комментарии к черновому варианту диссертационной работы. Моим официальным научным руководителем был добрый и восхитительный Джордж Каспар Хоманс, который делал внимательные замечания и давал коммента-

рии к моей работе и непрестанно давил на меня с тем, чтобы я закончила ее быстро. Последний член комиссии на защите моей диссертации, Сеймур Мартин Липсет, с самого начала и до конца написания работы давал пронизательные рекомендации и был так добр, что не стал ставить мне в вину то, что я закончила ее позже, чем первоначально планировалось. Финансовую поддержку в последние годы работы над докторской диссертацией мне оказывала программа аспирантских стипендий Данфорт (*Danforth Graduate Fellowship*), которая предоставляет получателям возможность свободно выбирать темы для исследования.

После того, как диссертация была закончена, Чарльз Тилли сделал ценные замечания по основным направлениям переработки текста в будущем. Коллеги и студенты в Гарварде, где я преподаю, бесчисленными способами помогали мне и стимулировали мое продвижение в работе над книгой. И как только доработка была частично завершена, многие люди оказали помощь, ускорившую завершение книги. Уолтер Липпикотт-младший из Кембриджского университетского издательства организовал получение рецензий на рукопись еще на ранней стадии работы над ней. Результатом стал не только договор о публикации, но и очень полезные советы относительно Введения, которые дали Джон Данн и Эрик Вульф. Питер Эванс также высказал предложения, которые помогли мне доработать первую главу книги. Мэри Фулбрук предложила исследовательскую помощь при доработке главы 3, и ее старания были оплачены из малого гранта Гарвардского общества аспирантов. Я также получила поддержку Фонда исследований молодых преподавателей факультета социологии Гарвардского университета.

Несколько друзей героически пожертвовали своим временем, чтобы написать комментарии к черновому варианту книги. Эту особую помощь оказали: Сьюзан Экштейн, Хэрриет Фридманн, Уолтер Голдфранк, Питер Гуревич, Ричард Краус, Джоэл Мигдал и Джонатан Цейтлин. Вдобавок к этому Перри Андерсон, Рейнхард Бендикс, Виктория Боннел, Шмуэль Эйзенштадт, Теренс Хопкинс, Линн Хант, Баррингтон Мур-младший, Виктор Ни, Магали Сарфатти-Ларсон, Энн Свидлер

и Иммануил Валлерстайн давали комментарии по поводу опубликованных мной статей по сходной проблематике, комментарии, существенно повлиявшие на мою дальнейшую работу над книгой. Нет нужды говорить о том, что всем упомянутым выше людям я обязана большей частью того, что хорошо в этой книге, и ни один из них не несет ответственности за ее недостатки.

Миссис Нелли Миллер, Луиза Амос и Линн МакКей с великолепной быстротой и точностью напечатали итоговый манускрипт. Миссис Миллер более всего заслуживает благодарностей, так как она печатала больше остальных на каждой стадии доработки текста. Мне действительно повезло, что я могла положиться на ее перфекционизм и сообразительность.

И конечно, я с любовью отмечаю помощь моего мужа, Билла Скочпола, которому посвящается эта книга. Его комментарии по поводу всех частей текста на всех стадиях доработки, его готовность помочь с практически хлопотами, такими как печатание ранних версий диссертации и итоговая проверка цитат, его терпение по отношению к моим эмоциональным взлетам и падениям в ходе всего процесса — весь этот вклад воплощен в каждой части «Государств и социальных революций». Билл — физик-экспериментатор, но без его охотно оказанной помощи эта работа по сравнительно-исторической социологии не была бы доведена до конца.

Введение

ГЛАВА 1

Объяснение социальных революций: альтернативы существующим теориям

Революции — это локомотивы истории.

Карл Маркс

Обсуждение различных взглядов на «методологию» и «теорию» уместно только при близком и постоянном соотнесении с общественно значимыми проблемами... Характер самих проблем ограничивает и подсказывает необходимые методы и концепции и способы их применения.

Чарльз Райт Миллс

СОЦИАЛЬНЫЕ революции были редкими, но исключительно важными моментами в мировой истории Нового времени. От Франции 1790-х гг. до Вьетнама середины XX в. эти революции трансформировали организацию государств, классовые структуры и господствующие идеологии. Они породили национальные государства, чье могущество и самостоятельность заметно превзошли те, что существовали в их дореволюционном прошлом, и опередили другие страны в сходных обстоятельствах. Революционная Франция внезапно стала завоевательницей континентальной Европы, а русская революция породила индустриальную и военную сверхдержаву. Мексиканская революция придала своей родине политическую силу стать одним из самых индустриализованных постколониальных государств Латинской Америки, наименее подверженным военным переворотам. После Второй мировой войны кульминация давно шедшего революционного процесса воссоединила и трансформировала раздробленный

Китай. Новые социальные революции позволили деколонизованным и неокOLONиальным странам, таким как Вьетнам и Куба, порвать цепи крайней зависимости.

Социальные революции имели не только национальное значение. В некоторых случаях социальные революции породили модели и идеалы, отличающиеся огромным международным значением и влиянием — особенно там, где претерпевшие трансформацию общества были большими и геополитически важными, реальными или потенциальными сверхдержавами. Патриотические армии революционной Франции подчинили значительную часть Европы. Даже до завоеваний и долго после военного поражения, французские революционные идеалы «свободы, равенства и братства» воспламеняли воображение, ищущее социального или национального освобождения. Это воздействие простиралось от Женевы до Санто-Доминго, от Ирландии до Латинской Америки и Индии, оно повлияло на последующих теоретиков революции от Бабёфа до Маркса, Ленина и теоретиков антиколониализма XX в. Русская революция ошеломила капиталистический Запад и обострила амбиции возникающих наций, продемонстрировав, что революционная власть может в течение двух поколений трансформировать отсталую аграрную страну во вторую индустриальную и военную сверхдержаву мира. То, чем русская революция была для первой половины XX в., для второй половины стала китайская. Продемонстрировав, что партия ленинского типа может возглавить крестьянское большинство на экономических и военных фронтах, она «породила великую державу, провозглашающую себя образцом революции и развития для беднейших стран мира»¹. «Яньаньский путь»² и «деревня против города» предложили свежие

1. Franz Schurmann, *Ideology and Organization in Communist China*, 2nd ed. (Berkeley: University of California Press, 1968), p. xxxv. Предыдущее предложение о Китае и России также фактически перефразирует Шурманна.

2. Новая стратегия (этап, «Яньаньский период») в борьбе китайских коммунистов с началом гражданской войны после разрыва союза с Гоминьданом и «Великого похода», в широком смысле связанная с переориентацией на крестьян горных районов северного Китая и партизанскую войну. Подробнее см. главу 7. «Яньаньский путь» — термин не устоявшийся, Теда Скочпол заимствует его из работы 1971 г. Марка Селдена «Яньаньский путь в революционном Китае» для обозначения револю-

идеалы и модели и возродили надежды революционных националистов в середине XX в. Более того, как подчеркивал Илбаки Хермасси, важнейшие революции оказывают влияние не только на тех иностранцев, которые хотели бы им подражать. Они также влияют на иностранных противников революционных идеалов, которые вынуждены отвечать на вызовы или угрозы усилившихся национальных государств, порожденных революциями. «Всемирно-исторический характер революций означает, — утверждает Хермасси, — [что они] производят демонстрационный эффект за пределами своих стран, обладая потенциалом вызывать волны революции и контрреволюции как внутри обществ, так и между ними»³.

Конечно, социальные революции — не единственные силы изменений, действующие в современном мире. В рамках матрицы «Великой трансформации» (то есть всемирной коммерциализации и индустриализации, подъема национальных государств и экспансии европейской системы государств, охватившей весь мир) политические сдвиги и социально-экономические изменения имели место в каждой стране. Но в рамках этой матрицы социальные революции заслуживают особого внимания, не только из-за их чрезвычайной важности для истории государств и всего мира, но также из-за их особой модели социально-политических изменений.

Социальные революции — это быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества; они сопровождаются и отчасти осуществляются низовыми восстаниями на классовой основе. От другого рода конфликтов и процессов трансформации социальные революции отличаются прежде всего комбинацией двух обстоятельств: совпадением структурных социальных изменений с классовыми восстаниями и совпадением политических трансформаций с социальными. Напротив, бунты, даже если они успешны, могут включать в себя восстание подчиненных клас-

ционной стратегии китайских коммунистов, отличающейся от стратегии большевиков в России. — *Прим. пер.*

3. Elbaki Hermassi, "Toward a Comparative Study of Revolutions", *Comparative Studies in Society and History* 18:2 (April 1976), p. 214.

сов — но они не приводят к структурным изменениям⁴. Политические революции трансформируют государственные структуры, но не социальные структуры, кроме того, они не обязательно совершаются путем классово-вой борьбы⁵. А такие процессы, как индустриализация, могут трансформировать социальные структуры, не обязательно порождая внезапные политические сдвиги или фундаментальные политико-структурные изменения (или не обязательно являясь результатом этих сдвигов или изменений). Уникальной особенностью социальных революций является то, что фундаментальные изменения в социальной структуре и в политической структуре происходят одновременно, взаимно усиливая друг друга. И эти изменения происходят посредством интенсивных социально-политических конфликтов, в которых ключевую роль играет борьба классов.

Такая концепция социальной революции отличается от многих других определений революции в ключевых аспектах. Во-первых, она определяет *сложный* предмет, требующий разъяснений, исторические примеры которого относительно малочисленны. Она делает это вместо попыток размножить число случаев, подлежащих объяснению, которые сосредоточиваются только на одной аналитической характеристике (такой как насилие или политический конфликт), характерной для массы событий различной природы и с различными последствиями⁶. Я твердо убеждена в том, что аналитическое

4. Хорошими примерами являются крестьянские восстания, которые время от времени сотрясали средневековую Европу и имперский Китай. Китайские восстания иногда добивались успеха в свержении и даже смене династий, но фундаментальным образом никогда не трансформировали социально-политическую структуру. Более подробное обсуждение и анализ см. в главе 3.

5. Насколько я понимаю этот исторический случай, английская революция (1640–1650 гг. и 1688–1689 гг. вместе взятые) выступает отличным примером политической революции. Ее фундаментальным достижением было установление власти парламента путем восстания некоторых групп господствующего класса против претендующих на абсолютную власть монархов. Этот случай рассматривается в главе 3 и главе 5. Еще одним хорошим примером политической, а не социальной революции является японская Реставрация Мэйдзи, которая будет рассмотрена в главе 2.

6. В качестве примеров попыток объяснения революции при помощи стратегий аналитического упрощения см. различные работы, приведенные в сносках 19 и 21 к этой главе. Ниже будут подробно раскрыты идеи

упрощение не может привести к обоснованным, всесторонним объяснениям революций. Если мы намереваемся понять крупномасштабные конфликты и изменения, как те, что происходили во Франции с 1787 по 1800 гг., то не сможем далеко уйти, начиная с предметов для объяснения, которые фиксируют только аспекты, общие для таких революционных событий и, скажем, бунтов или переворотов. Мы должны рассматривать революции в целом, во всей их сложности.

Во-вторых, это определение делает успешную социально-политическую трансформацию (*реальное* изменение государственных и классовых структур) частью конкретизации того, что следует называть социальной революцией, а не оставляет изменение необязательным в определении «революции», как это делают многие другие исследователи⁷. Основанием тому служит моя убежденность в том, что успешные социальные революции, вероятно, возникают в иных макроструктурных и исторических контекстах, нежели неудавшиеся социальные революции либо политические трансфор-

двух влиятельных теоретиков: Теда Гарра и Чарльза Тилли, которые включают революции в более широкие аналитические категории, хотя и разного рода.

7. Тремя примерами исследователей, которые рассматривают изменение в качестве необязательного, являются: Arthur L. Stinchcombe, "Stratification among Organizations and the Sociology of Revolution", in *Handbook of Organizations*, ed. James G. March (Chicago: Rand McNally, 1965), pp. 169–180; Charles Tilly, *From Mobilization to Revolution* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978), ch. 7; D. E. H. Russell, *Rebellion, Revolution, and Armed Force* (New York: Academic Press, 1974), ch. 4. Те, кто хочет оставить изменение необязательным, обычно утверждают, что от этого ничего не теряется, так как после изучения причин всех восстаний — принесших реальные перемены или нет — можно далее начать задавать вопросы о том, какие *дополнительные* причины объясняют подмножество восстаний, которые действительно привели к успешным переменам. Но чтобы принять такую аргументацию, надо быть готовым исходить из того, что успешные социально-революционные трансформации не имеют отличительных, долгосрочных, структурных причин или предпосылок. Нужно исходить из допущения о том, что социальные революции — это просто политические революции или восстания масс, которые обладают некоторыми дополнительными, краткосрочными компонентами, такими как военные успехи или установка идеологических лидеров на перемены после захвата власти. Вся аргументация в этой книге строится на *противоположном допущении* о том, что социальные революции на самом деле имеют долгосрочные причины и что они вырастают из структурных противоречий и напряжения, внутренне присущих старым режимам.

мации, не сопровождающиеся трансформациями классовых отношений. Поскольку в моем сравнительно-историческом исследовании я намереваюсь сфокусировать внимание именно на этом вопросе (произошедшие социальные революции будут сопоставлены с неудавшимися случаями, а также с не социально-революционными трансформациями), мое понимание социальной революции с необходимостью выдвигает на первый план успешное изменение как фундаментальную характеристику ее определения.

Как тогда следует объяснять социальные революции? Куда нам следует обратиться за плодотворными методами анализа их причин и следствий? На мой взгляд, существующие в социальных науках теории революции не являются адекватными⁸. Так что главной целью данной главы будет представить и обосновать принципы и методы анализа, альтернативные тем, которые являются общими для всех (или большинства) существующих подходов. Я буду утверждать, что, в противоположность способам объяснения, используемым доминирующими в настоящий момент теориями, социальные революции должны анализироваться на основе структурной перспективы, уделяющей особое внимание международным контекстам и внутренним и зарубежным процессам, влияющим на распад государственных организаций старых порядков и построение новых, революционных государственных организаций. Более того, я буду доказывать, что сравнительно-исторический анализ представ-

8. Здесь я не претендую на то, чтобы дать обзор всей литературы по революциям в социальных науках. Такие обзоры приводятся в двух книгах: A. S. Cohan, *Theories of Revolution: An Introduction* (New York: Halsted Press, 1975); Mark N. Hagopian, *The Phenomenon of Revolution* (New York: Dodd, Mead, 1974). Полезную критику можно найти в: Isaac Kramnick, "Reflections on Revolution: Definition and Explanation in Recent Scholarship", *History and Theory* 11:1 (1972), pp. 26-63; Michael Freeman, "Review Article: Theories of Revolution", *British Journal of Political Science* 2:3 (July 1972), pp. 339-359; Barbara Salert, *Revolutions and Revolutionaries: Four Theories* (New York: Elsevier, 1976); Lawrence Stone, "Theories of Revolution", *World Politics* 18:2 (January 1966), pp. 159-176; Perez Zagorin, "Theories of Revolution in Contemporary Historiography", *Political Science Quarterly* 88:1 (March 1973), pp. 23-52; Theda Skocpol, "Explaining Revolutions: In Quest of a Social-Structural Approach", in *The Uses of Controversy in Sociology*, eds. Lewis A. Coser, Otto N. Larsen (New York: Free Press, 1976), pp. 155-175.

ляет собой наиболее уместный способ разработать такие объяснения революций, которые одновременно и исторически обоснованы, и выходят за рамки единственных в своем роде случаев, давая возможность обобщения.

Чтобы облегчить дальнейшее изложение этих теоретических и методологических альтернатив, целесообразно выделить основные типы теорий революции в социальных науках, вкратце обрисовав важные характеристики каждого из них, воплощенные в исследованиях какого-либо автора, концепция которого служит типичным представителем того или иного типа теорий. Те виды теорий, которые я собираюсь резюмировать таким образом, следует называть «общими» теориями революции — то есть они представляют собой довольно широко сформулированные концептуальные схемы и гипотезы, чтобы их можно было применять для множества конкретных исторических случаев. Данная книга не представляет собой научное предприятие такого рода, к которому стремятся эти общие теории. Напротив, как и другие исторически фундированные сравнительные исследования революций (такие как «Социальные истоки диктатуры и демократии» Баррингтона Мура-младшего, «Крестьянские войны двадцатого века» Эрика Вульфа и «Современные революции» Джона Данна⁹), эта книга в основном посвящена глубокому анализу узкого ряда случаев. Но, так же как и эти родственные работы (и, возможно, даже более целенаправленно, чем последние две из них), эта книга ставит задачу не просто изложить эти случаи один за другим, но прежде всего понять и объяснить общую логику процессов, действующих в рассматриваемом ряду революций. Очевидно, что те виды концепций и гипотез, которые мы находим в общих теориях революции, потенциально применимы для объяснительных задач историка-компа-

9. Barrington Moore, Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World* (Boston: Beacon Press, 1966); Мур-младший Б. *Социальные истоки диктатуры и демократии: роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016; Eric Wolf, *Peasant Wars of the Twentieth Century* (New York: Harper & Row, 1969); John Dunn, *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972).

ративиста. В действительности, любое сравнительное исследование либо основывается на идеях, выдвигаемых в социальных науках теоретиками революции, начиная от Маркса и вплоть до более современных авторов, либо выстраивается им в пику. Таким образом, из этого следует, что краткий обзор общих теорий, хотя и не позволит нам изучить намного более богатую аргументацию, которой располагают сравнительно-исторические исследования революций, тем не менее, будет экономным способом выявить основные теоретические вопросы для дальнейшего их обсуждения.

Я полагаю, что целесообразно рассмотреть важнейшие современные теории революции социальных наук, сгруппировав их в четыре основных «семейства», к которым я последовательно обращусь. Очевидно, что наиболее релевантной из этих групп являются марксистские теории; ключевые идеи этой группы наилучшим образом представлены в работах самого Карла Маркса. Будучи активными сторонниками такого способа социальных изменений, марксисты выступают социальными исследователями, которые заинтересованы в наиболее последовательном осмыслении социальных революций как таковых. Разумеется, в течение бурного столетия после смерти Маркса в марксистской интеллектуальной и политической традиции возникла масса расходящихся тенденций. Последующие марксистские теоретики революции разнятся от технологических детерминистов, как Николай Бухарин (в «Историческом материализме»¹⁰), до политических стратегов, таких как Ленин и Мао¹¹, западных марксистов (Георг Лукач, Антонио Грамши) и современных структуралистов, таких как Луи Альтюссер¹². Тем не менее, сам исходный подход к рево-

10. Nikolai Bukharin, *Historical Materialism: A System of Sociology*, trans. from the 3rd Russian ed., 1921 (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1969); Бухарин Н. И. *Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии*. Москва: Госиздат, 1928 (особенно гл. 7).

11. См: Robert C. Tucker, ed., *The Lenin Anthology* (New York: Norton, 1975), особенно части 1–3; Stuart R. Schram, ed., *The Political Thought of Mao Tse-tung*, rev. and enlarged ed. (New York: Praeger, 1969), особенно части 2–6. Прекрасное изложение основ ленинской и маоистской теорий революции можно найти в: Cohan, *Theories of Revolution*, ch. 5.

12. См. в особенности: Georg Lukacs, *History and Class Consciousness*, trans. Rodney Livingstone (Cambridge: The MIT Press, 1971); Лукач Г. *История*

люциям Маркса остается непререкаемой, хотя и по-разному интерпретируемой, основой для всех этих позднейших марксистов.

Можно выделить основные элементы теории Маркса, нисколько не отрицая того, что всем этим элементам можно придавать разный вес и по-разному интерпретировать. Маркс понимал революции не как изолированные эпизоды насилия или конфликтов, но как классовые движения, вырастающие из объективных структурных противоречий внутри исторически развивающихся и по своей сути пронизанных конфликтами обществ. Для Маркса ключ к пониманию любого общества лежит в его способе производства (технологии и разделении труда) и классовых отношениях по поводу собственности и присвоения прибавочного продукта. Последние, производственные отношения, особенно важны:

Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, — вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства¹³.

Основным источником революционных противоречий в обществе, согласно наиболее общей теоретической

и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Москва: Логос-Альтерра, 2003; Antonio Gramsci, *Selections from the Prison Notebooks*, ed. and trans. Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith (New York: International Publishers, 1971); Грамши А. *Тюремные тетради (избранное)*. Москва: Иностранная литература, 1959; Louis Althusser, "Contradiction and Overdetermination", in *For Marx*, ed. L. Althusser, trans. Ben Brewster (New York: Vintage Books, 1970), pp. 87–128; Альтюссер Л. Противоречие и сверхдетерминация // *За Маркса*. Москва: Праксис, 2006. С. 127–186. Обзор исторического развития различных течений «западного марксизма» можно найти в: Perry Anderson, *Considerations on Western Marxism* (London: New Left Books, 1976); Андерсон П. *Размышления о западном марксизме*. Москва: Интер-Версо, 1991.

13. Karl Marx, *Capital* (New York: International Publishers, 1967), vol. 3, *The Process of Capitalist Production as a Whole*, ed. Frederick Engels, p. 791; Маркс К. Капитал. Т. 3 // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 25. Ч. 11. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 354.

формулировке Маркса, является появление разрыва внутри способа производства между социальными силами и социальными отношениями производства.

На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции¹⁴.

В свою очередь, этот разрыв находит выражение в усиливающихся классовых конфликтах. Зарождение нового способа производства в рамках существующего (капитализма внутри феодализма, социализма в рамках капитализма) создает динамичную основу для роста единства и сознания каждого протореволюционного класса в рамках его борьбы с существующим господствующим классом. Таким образом, «средства производства и обмена, на основе которых сложилась буржуазия, были созданы в феодальном обществе»¹⁵, что и привело к европейским буржуазным революциям.

Каждая из этих ступеней развития буржуазии сопровождалась соответствующим политическим успехом. Угнетенное сословие при господстве феодалов, вооруженная и самоуправляющаяся ассоциация в коммуне, тут — независимая городская республика, там — третье податное сословие монархии, затем, в период мануфактуры — противовес дворянству в сословной или в абсолютной монархии и главная основа крупных монархий вообще, наконец, со времени установления крупной промышленности и всемирного рынка, она завоевала себе исключительное политическое господство в современном представительном государстве¹⁶.

14. Lewis S. Feuer, *Marx and Engels: Basic Writings on Politics and Philosophy* (New York: Doubleday (Anchor Books), 1959), pp. 43–44, 53. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 13. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. VIII.

15. Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works* (New York: International Publishers, 1968), p. 40; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 4. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 429.

16. *Ibid.*, p. 37; Там же: С. 426.

Подобным же образом, с установлением капитализма

...прогресс промышленности, невольным носителем которого является буржуазия, бессильная ему сопротивляться, ставит на место разъединения рабочих конкуренцией революционное объединение их посредством ассоциации¹⁷.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием. Сначала борьбу ведут отдельные рабочие, потом рабочие одной фабрики, затем рабочие одной отрасли труда в одной местности...

Рабочие время от времени побеждают, но эти победы лишь проходящи. Действительным результатом их борьбы является не непосредственный успех, а все шире распространяющееся объединение рабочих. Ему способствуют все растущие средства сообщения, создаваемые крупной промышленностью и устанавливающие связь между рабочими различных местностей. Лишь эта связь и требуется для того, чтобы централизовать многие местные очаги борьбы, носящей повсюду одинаковый характер, и слить их в одну национальную, классовую борьбу...

[В результате мы имеем] более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии¹⁸.

Сама революция совершается путем классового действия, возглавляемого обладающим самосознанием, растущим революционным классом (то есть буржуазией в буржуазных революциях и пролетариатом в социалистических). Возможна поддержка революционного класса другими союзническими классами, такими как крестьянство, но эти союзники никогда в полной мере не обладают классовым сознанием и политической организацией национального масштаба. В случае успеха революция знаменует собой переход от предшествующего способа производства и формы классового господства к новому способу производства, в котором новые общественные отношения производства, новые политические и идеологические формы и, в целом, господство нового революционного класса-триумфатора создают подходящие

17. Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works*, p. 46; Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 4. С. 435-436.

18. *Ibid.*, pp. 42-43, 45; Там же. С. 431; 432-433.

условия для дальнейшего развития общества. Короче говоря, Маркс рассматривает революции как производные от способов производства, основанных на делении общества на классы, и как трансформирующие один способ производства в другой через классовые конфликты.

Три другие семьи теорий революции в основном сформировались намного позже, чем марксизм (хотя все они берут отдельные темы у классиков социальной теории, таких как Токвиль, Дюркгейм, Вебер, а также Маркс). Действительно, в последние два десятилетия наблюдается стремительный рост теорий революции в американской общественной науке. Эта недавняя поросль прежде всего старается понять корни социальной нестабильности и политического насилия, нередко с декларируемой целью помочь существующим властям предотвратить их или улучшить условия внутри страны и за рубежом. Тем не менее, каким бы ни было предполагаемое их применение, эти тщательно продуманные теории разработаны, чтобы либо объяснить революции как таковые, либо открыто отнести их к какому-то более широкому классу явлений, на объяснение которого эти теории претендуют. Большинство из этих новых теорий можно отнести к одному из трех основных подходов: *общепсихологическим* теориям, пытающимся объяснить революции в категориях психологических мотиваций людей для участия в политическом насилии или присоединения к оппозиционным движениям¹⁹;

19. Веря в то, что революции возникают в сознании людей, эти теоретики полагаются на различные психологические теории динамики мотиваций. Некоторые основывают свои аргументы на когнитивных теориях, например: James Geschwender, "Explorations in the Theory of Social Movements and Revolution", *Social Forces* 42:2 (1968), pp. 127-135; Harry Eckstein, "On the Etiology of Internal Wars", *History and Theory* 4:2 (1965), pp. 133-163; David C. Schwartz, "A Theory of Revolutionary Behavior", in *When Men Revolt and Why*, ed. James C. Davies (New York: Free Press, 1971), pp. 109-132. Однако преобладающий и наиболее полно разработанный вариант общепсихологической теории базируется на теориях фрустрации-агрессии, объясняющих насильственное поведение. Среди важных теоретиков и работ: James C. Davies, "Toward a Theory of Revolution", *American Sociological Review* 27 (1962), pp. 5-18; James C. Davies, "The J-Curve of Rising and Declining Satisfaction as the Cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion", in *Violence in America*, eds. Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr (New York: Signet Books, 1969), pp. 671-709; Ivo K. Feierabend and Rosalind L. Feierabend, "Systemic Conditions of Political Aggression: An Application of Frustration-Aggression Theory", in *Anger*,

теориям *системного/ценностного консенсуса*, старающимся дать объяснение революциям как ожесточенной реакции идеологических движений на острый дисбаланс в социальных системах²⁰; теориям *политического конфликта*, утверждающим, что конфликт между властями и различными организованными группами, борющимися за власть, должен быть помещен в центр внимания, чтобы объяснить коллективное насилие и революции²¹. Важные и типичные теоретические работы были написаны в рамках каждого из этих подходов: «Почему люди бунтуют» Теда Гарра (общепсихологический); «Революционное изменение» Чалмерса Джонсона (теории системного/ценностного консенсуса) и «От мобилизации к революции» Чарльза Тилли (теории политического конфликта).

В работе «Почему люди бунтуют»²² Тед Гарр стремится разработать общую, основанную на психологии тео-

Violence and Politics, eds. Ivo K. Feierabend, Rosalind L. Feierabend and Ted Robert Gurr (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972), pp. 136–183; Betty A. Nesvold, “Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns”, in *Violence in America*, eds. Davies and Gurr, pp. 60–68; Ted Robert Gurr, “A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices”, *American Political Science Review* 62 (December 1968), pp. 1104–1124; Ted Robert Gurr, “Psychological Factors in Civil Violence”, *World Politics* 20 (January 1968), pp. 245–278.

20. К этой категории (помимо книги Чалмерса Джонсона, на которую я ссылаюсь в сноске 33) я отношу: Talcott Parsons, “The Processes of Change of Social Systems”, in *The Social System*, Talcott Parsons (New York: Free Press, 1951), ch. 11; Anthony F. C. Wallace, “Revitalization Movements”, *American Anthropologist* 58 (April 1956), pp. 264–281; Neil J. Smelser, *Theory of Collective Behavior* (New York: Free Press, 1963); Edward A. Tiryakian, “A Model of Societal Change and Its Lead Indicators”, in *The Study of Total Societies*, ed. Samuel Z. Klausner (New York: Doubleday (Anchor Books), 1967), pp. 69–97.
21. Работы теоретиков политического конфликта включают: Anthony Oberschall, *Social Conflict and Social Movements* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973); Anthony Oberschall, “Rising Expectations and Political Turmoil”, *Journal of Development Studies* 6:1 (October 1969), pp. 5–22; William H. Overholt, “Revolution”, in *The Sociology of Political Organization* (Croton-on-Hudson, N.Y.: The Hudson Institute, 1972); D. E. R. Russell, *Rebellion, Revolution and Armed Force* (New York: Academic Press, 1974); Charles Tilly, “Does Modernization Breed Revolution?”, *Comparative Politics* 5:3 (April 1973), pp. 425–447; Charles Tilly, “Revolutions and Collective Violence”, in *Handbook of Political Science*, eds. Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975), vol. 3, *Macropolitical Theory*, pp. 483–556.
22. Ted Robert Gurr, *Why Men Rebel* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970); Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. Санкт-Петербург: Питер, 2005.

рию величины и форм «политического насилия», определяемого как

...все виды коллективных атак против политического режима в рамках политической общины с их участниками, включая соперничающие политические группировки, равно как и их членов, — а также с их политическими курсами. Политическое насилие представляет собой ряд событий, общим свойством которых является реальное или угрожаемое применение силовых действий... Это понятие относится и к революции... Оно включает в себя также партизанские войны, государственные перевороты, бунты и мятежи²³.

Теория Гарра сложна и полна интересных нюансов в своем полном изложении, но ее сущность довольно проста: политическое насилие имеет место тогда, когда многие люди в обществе испытывают гнев, особенно если существующие культурные и практические условия стимулируют агрессию против политических целей. А гневается люди тогда, когда возникает разрыв между ценными вещами и возможностями, на которые они надеются, и вещами и возможностями, которые они в действительности получают — условие, известное как «относительная депривация». Гарр предлагает особые модели для объяснения основных форм политического насилия. Он выделяет «беспорядки», «заговор» и «внутреннюю войну». Революции включаются в категорию внутренней войны, наряду с крупномасштабным терроризмом, партизанскими войнами и гражданскими войнами. От других форм внутренние войны отличает то, что они более организованны, чем беспорядки, а также носят более массовый характер по сравнению с заговором. Таким образом, революции логически объясняются в основном как следствие широко распространенной, интенсивной и разносторонней депривации в обществе, затрагивающей и массы, и тех, кто стремится пополнить ряды элиты²⁴.

Работа «От мобилизации к революции» Чарльза Тилли²⁵ представляет собой, так сказать, теоретиче-

23. Ted Robert Gurr, *Why Men Rebel*, pp. 3–4; Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. С. 42–43.

24. Ibid., особенно pp. 334–47; Там же. С. 422–436.

25. Charles Tilly, *From Mobilization to Revolution* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978).

скую кульминацию подхода политического конфликта, рожденного в полемическом противостоянии с объяснениями политического насилия на основе гипотезы фрустрации-агрессии, подобными объяснению Теда Гарра. Основные контраргументы убедительны и могут быть легко сформулированы. Теоретики политического конфликта утверждают, что каким бы сильным ни было недовольство массы людей, они не могут участвовать в политическом действии (включая насилие), если не являются частью, по крайней мере, минимально организованных групп с доступом к определенным ресурсам. И даже в этом случае правительства или соперничающие группы могут успешно подавить желание участвовать в коллективном действии, сделав цену этого слишком высокой. Более того, теоретики политического конфликта заявляют, как это звучит в формулировке Тилли,

...что революции и коллективное насилие, как правило, происходят непосредственно из главных политических процессов населения, а не выражают распространение напряжения и недовольства в нем... что конкретные требования и контртребования к существующему правительству со стороны различных мобилизованных групп важнее, нежели общая удовлетворенность или недовольство этих групп, и что притязания на существующие места в структуре власти имеют решающее значение²⁶.

На самом деле Тилли отказывается делать насилие как таковое предметом своего анализа, так как считает, что проявления коллективного насилия в реальности суть только побочные продукты нормальных процессов конкуренции групп вокруг власти и взаимоисключающих целей. Вместо этого предметом исследования служит «коллективное действие», определяемое как «совместное действие людей, преследующих общие интересы»²⁷. Тилли анализирует коллективное действие с помощью двух общих моделей: «модели политической системы» и «модели мобилизации»²⁸. Основные элементы государственной модели — это пра-

26. Tilly, "Does Modernization Breed Revolution?", p. 436.

27. Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 7.

28. Ibid., ch. 3.

вительства (организации, контролирующие основные концентрированные средства принуждения в рамках населения) и группы, участвующие в борьбе за власть, включая как членов политической системы (соперников, обладающих рутинным, дешевым доступом к правительственным ресурсам) так и претендентов на вход в политическую систему (всех остальных соперников). Модель мобилизации включает переменные, разработанные для объяснения образцов коллективного действия, в которое вовлечены данные соперники. Эти переменные описывают групповые интересы, степени организации, количества ресурсов, контролируемых коллективно, а также возможностей и угроз, с которыми данные соперники сталкиваются в своих отношениях с правительством и другими группами, участвующими в борьбе за власть.

Революция для Тилли выступает особым случаем коллективного действия, в рамках которого (все) соперники сражаются за верховную политическую власть над населением и в котором претендентам удастся, по крайней мере в некоторой степени, вытеснить обладателей власти из политической системы²⁹. Согласно этой концепции, причины революционной ситуации «множественного суверенитета» («многовластия») включают следующие: во-первых, следует принимать во внимание любые долгосрочные социальные тренды, которые перемещают ресурсы от одних общественных групп к другим (особенно если реципиенты были ранее исключены из политической системы). Во-вторых, важно изучать любые среднесрочные события, такие как распространение революционных идеологий и усиление народного недовольства, которые делают весьма вероятным появление революционных борцов за верховную власть, а также поддержку их притязаний большими группами населения. И наконец,

...революционная ситуация наступает, когда ранее кроткие члены... общества сталкиваются с одновременными и полностью несовместимыми требованиями со стороны власти и со стороны альтернативной организации, претендующей на контроль над правительством — и станут подчиняться

29. Tilly, *From Mobilization to Revolution*, ch. 7.

альтернативной организации. Они будут платить этой организации налоги, снабжать ее армией солдатами, обеспечивать продуктами питания ее функционеров, почитать ее символы, тратить время на службе ей или отдавать иные ресурсы, несмотря на запрет все еще существующего правительства, которому они ранее повиновались. Так начинается множественный суверенитет (многовластие)³⁰.

Успех революции, в свою очередь, зависит не только от возникновения множественного суверенитета. Он также, вероятно, зависит от «формирования коалиций между членами политической системы и соперниками, выдвигающими исключительные альтернативные притязания на контроль над правительством»³¹. И успех революции определенно зависит от того, сможет ли «революционная коалиция поставить под свой контроль значительные силы»³². У революционеров, претендующих на власть, появляется возможность одержать победу и вытеснить из политической системы властей придерживающихся только при наличии этих дополнительных условий.

Если Тед Гарр и Чарльз Тилли анализируют революции как особый тип политических событий, выражаемый в категориях общих теорий политического насилия или коллективного действия, то Челмерс Джонсон в «Революционном изменении»³³ по аналогии с Марксом анализирует революции из перспективы макро-социологической теории социальной интеграции и изменения. Как и изучение физиологии и патологии, утверждает Джонсон, «исследование революции неотделимо от исследования жизнеспособных, функционирующих обществ»³⁴. Черпая вдохновение у парсонсианцев, Джонсон постулирует, что нормальное, бескризисное общество должно рассматриваться как ценностно-скоординированная социальная система, функциональ-

30. Tilly, "Revolutions and Collective Action", in *Handbook of Political Science*, eds. Greenstein and Polsby, vol. 3, *Macropolitical Theory*, pp. 520-521.

31. Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 213.

32. *Ibid.*, p. 212.

33. Chalmers Johnson, *Revolutionary Change* (Boston: Little Brown, 1966). В последующем кратком изложении его теории я опираюсь в основном на главы 1-5.

34. *Ibid.*, p. 3.

но адаптированная к требованиям своей среды. Такая социальная система представляет собой внутренне согласованный набор институтов, выражающих и определяющих основные ценностные ориентации общества в нормах и ролях. Эти ориентации также интернализируются благодаря процессам социализации, чтобы служить личными нравственными и определяющими реальность стандартами для огромного большинства нормальных взрослых членов общества. Более того, политическая власть в обществе должна быть легитимирована через общественные ценности.

Революции и определяются, и объясняются Джонсоном на основе этой модели ценностно-скоординированной социальной системы. Насилие и изменение, утверждает Джонсон, — это отличительные черты революции: «совершить революцию означает прибегнуть к насилию в целях изменения системы; точнее, это означает целенаправленную реализацию стратегии насилия с целью повлиять на изменение в социальной структуре»³⁵. В случае успеха революции прежде всего меняют ключевые ценностные ориентации общества. И целенаправленная попытка совершить это принимает форму ценностно-ориентированного идеологического движения, готового использовать насилие против существующих властей. Однако такое движение вообще не может возникнуть, если существующая социальная система не вошла в состояние кризиса. А это происходит, согласно Джонсону, когда ценности и среда становятся серьезно «десинхронизованы» благодаря либо внешним, либо внутренним искажениям — особенно новым ценностям или технологиям. Когда начинается десинхронизация, люди в обществе становятся дезориентированными и, вследствие этого, открытыми для обращения к альтернативным ценностям, предлагаемым революционным движением. Если это происходит, существующие власти теряют свою легитимность и должны все в большей мере полагаться на насилие для поддержания порядка. Тем не менее, они могут успешно делать это лишь в течение некоторого времени. Если правители умны, гибки и искусны, они прибегнут к реформам для «ресинхронизации» цен-

35. Chalmers Johnson, *Revolutionary Change*, p. 57.

ностей и среды. Но если власти упорно не желают идти на компромисс, тогда системное изменение насильственным путем вместо них осуществит революция. Это происходит, как только появится некий «судьбоносный фактор», который подорвет непрочную и временную способность властей опираться на насилие.

Превосходящая сила может отсрочить всплеск насилия; тем не менее, разделение труда, поддерживаемое силой казаков, больше не представляет собой ценностно скоординированного сообщества, и в подобной ситуации (например, такой, которая сегодня сложилась в Южной Африке [1966]) революции характерны и, *ceteris paribus*³⁶, восстание неизбежно. Это факт раскрывает... необходимость изучения структуры ценностей системы и ее проблем для того, чтобы скольконибудь содержательным образом осмыслить революционную ситуацию³⁷.

Успешная революция в конце концов кладет конец десинхронизации ценностей социальной системы и среды, с которой некомпетентные или упрямые власти старого режима были не в состоянии справиться. По мнению Джонсона, именно революция, а не эволюционное изменение, становится возможной и необходимой только потому, что дореволюционные власти терпят фиаско и теряют легитимность. Таким образом, теория общества и социального изменения Джонсона делает ценностные ориентации и политическую легитимность ключевыми элементами для объяснения возникновения революционных ситуаций, возможностей выбора, стоящих перед существующими властями, а также для объяснения природы и успеха революционных сил.

Даже из такого краткого обзора должно быть вполне очевидно, что в социальных науках между основными типами теорий имеют место широкие разногласия не только относительно объяснения революций, но даже в том, что касается их определения. Разумеется, данная книга не претендует на нейтралитет по отношению к этим разногласиям. Вполне очевидно, что концепция социальной революции, используемая здесь, в большой степени базируется на марксистском подходе, придаю-

36. При прочих равных условиях (лат.) — Прим. пер.

37. Chalmers Johnson, *Revolutionary Change*, p. 32.

щем большое значение социально-структурным изменениям и классовым конфликтам. Эта концепция не абстрагируется от проблем структурной трансформации, как это делают Гарр и Тилли, и не придает ключевого значения изменению ценностей общества в революционных переменах, как это делает Джонсон. Более того, в моем общем исследовании причин и следствий социальных революций я отклоняю объяснительные гипотезы об относительной депривации и недовольстве — именно потому, что принимаю критику этих идей, разработанную теоретиками политического конфликта. Я также оставляю в стороне (по причинам, которые станут ясны позднее в процессе развертывания аргументации) понятия системной разбалансировки, делегитимации власти и идеологического обращения к революционному мировоззрению. Вместо этого, с целью понять некоторые конфликты, свойственные социальным революциям, я буду в большей степени опираться на определенные идеи, заимствованные из марксистской перспективы и перспективы политического конфликта.

Марксистская концепция классовых отношений, укорененных в контроле над средствами производства и присвоении прибавочного продукта непосредственных производителей непродуцированными группами, на мой взгляд, является незаменимым теоретическим инструментом для выявления одного из базовых общественных противоречий. Классовые отношения всегда являются потенциальным источником структурного социального и политического конфликта, а классовые конфликты и изменения в классовых отношениях действительно играют видную роль в успешных социально-революционных трансформациях. В тех из них, которые будут детально изучаться в этой книге (речь идет о Франции, России и Китае), классовые отношения между крестьянами и помещиками будут проанализированы особенно тщательно. Эти отношения были местом подспудной напряженности, влиявшей на экономическую и политическую динамику дореволюционных старых порядков, даже в те периоды, когда классовые конфликты открыто не вспыхивали. Более того, во время французской, русской и китайской революций крестьяне действительно открыто восставали против классовых привилегий по-

мещиков, и эти классовые конфликты в сельской местности внесли непосредственный и опосредованный вклад в общие социально-политические трансформации, которые были достигнуты в ходе этих революций. Таким образом, ясно, что важно понять, почему и как именно эти открытые классовые конфликты развивались в ходе революций.

Для этого классовый анализ необходимо дополнить идеями теоретиков политического конфликта. Одно дело — выявлять подспудное, потенциальное напряжение, укорененное в объективных отношениях классов, понимаемых на марксистский манер. И совсем другое — понять, когда и как члены классов оказываются *в состоянии* эффективно бороться за свои интересы. Когда и как подчиненные классы могут успешно сражаться с теми, кто их эксплуатирует? А также когда и как господствующие классы оказываются способны на коллективное политическое действие? Для ответа на такие вопросы особенно плодотворна аргументация теории политического конфликта о том, что коллективное действие базируется на групповой организации и доступе к ресурсам, зачастую включающим средства принуждения. Поэтому в данной книге при анализе исторических примеров я буду не только выявлять классы и их интересы. Я также буду устанавливать наличие или отсутствие (и конкретные формы) организации и ресурсов, которыми располагают члены классов, для борьбы за свои интересы.

Таким образом, в этих конкретных отношениях я нахожу аспекты двух из существующих теоретических подходов релевантными для понимания социальных революций. Тем не менее, как ранее уже было упомянуто, основная цель этой главы не в том, чтобы оценить сильные и слабые стороны различных семейств теорий революции. Она скорее в том, чтобы оспорить ряд концепций, допущений и способов объяснения, которые выступают общими для всех существующих теорий, несмотря на их видимые различия.

В качестве альтернативы общим чертам ныне доминирующих теорий революции необходимо обозначить три основных принципа анализа. Во-первых, адекватное понимание социальных революций требует, чтобы исследо-

ватель придерживался не волюнтаристской, а структурной перспективы исследования ее причин и следствий. Все существующие теоретические подходы выстраиваются на основе волюнтаристских представлений о том, как происходят революции. Во-вторых, социальные революции не могут быть объяснены без систематического обращения к международным структурам и всемирно-историческим процессам. Однако существующие теории фокусируют внимание преимущественно или исключительно на внутригосударственных конфликтах и процессах модернизации. В-третьих, для объяснения причин и следствий социальных революций государства необходимо рассматривать как организации контроля и принуждения, потенциально автономные от социально-экономических интересов и структур (хотя и обусловленные ими). Но превалирующие в настоящее время теории революции вместо этого либо аналитически смешивают государство и общество, либо сводят политические и государственные действия к выражению социально-экономических сил и интересов.

Каждое из этих положений обладает фундаментальной значимостью, не только в качестве критики общих недостатков существующих теорий, но также как основа для анализа социальных революций в этой книге в целом. Тем самым каждое из них заслуживает систематической проработки одно за другим.

Структурная перспектива

Если отступить от споров между основными подходами к революции, то наиболее поразительным выглядит сходство самого образа всего революционного процесса, который лежит в основе и пропитывает все четыре подхода. Согласно этому общему образу, вначале изменения в социальных системах или обществах порождают поводы для недовольства, социальную дезориентацию или новые классовые или групповые интересы и потенциал для коллективной мобилизации. Затем развивается целенаправленное, массовое движение (объединенное с помощью идеологии и организации), которое затем сознательно пытается опрокинуть существующее прави-

тельство, а возможно и весь социальный порядок. В заключение, революционное движение вступает в схватку с властями или господствующим классом и, в случае победы, принимается за установление собственной власти и реализацию своей программы.

Нечто наподобие этой модели обобщенного революционного процесса как общественного движения, целенаправленно вдохновленного или управляемого, разделяется всеми теориями, которые были рассмотрены (с теми различиями, которых требуют характерные теоретические и методологические особенности каждого подхода). Ни в одной из этих перспектив ни разу не появилось сомнений в том, что необходимым каузальным условием возникновения революции выступает возникновение преднамеренного усилия — усилия, связывающего воедино лидеров и последователей, нацеленных на свержение существующего политического или социального порядка. Так, для Теда Гарра: «Во-первых, каузальная последовательность в политическом насилии — это прежде всего развитие неудовлетворенности, во-вторых, политизация этой неудовлетворенности и, наконец, в-третьих, реализация ее в насильственном действии, направленном против политических объектов и деятелей»³⁸. И, как это следует из приведенного выше резюме концепции Гарра, революции происходят, только если их лидеры намеренно организуют выражение массового недовольства. Аналогичным образом Чалмерс Джонсон делает акцент на широком распространении личностной дезориентации, за которым следует обращение к альтернативным ценностям. Их продвигает революционное идеологическое движение, которое затем сталкивается с существующими властями. Тилли сосредоточивает свое теоретическое внимание в основном на последней фазе целенаправленного революционного процесса — столкновении организованных революционеров, борющихся за верховную власть, с правительством. Но он также ссылается на психологические и идеологические причины, выдвигаемые на первый план сторонниками теории систем и относительной депривации, чтобы объяснить возникновение революци-

38. Gurr, *Why Men Rebel*, pp. 12–13; Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. С. 51.

онной организации и ее народную поддержку. Наконец, очевидно, что марксизм также в общем и целом придерживается некоторой разновидности исходной посылки о том, что революции делаются целенаправленными общественными движениями. Дело в том, что марксисты рассматривают возникновение (хотя и прошедшего через длительную подготовительную борьбу) организованного и обладающего самосознанием «класса для себя»³⁹ в качестве необходимого промежуточного условия для развития успешной революционной трансформации, разрешающей противоречия определенного способа производства. Более того, многие теоретические разработки в марксизме после Маркса чрезмерно выделяли наиболее волюнтаристские элементы, присущие исходной теории революций Маркса. Конечно, это неверно в отношении большинства теоретиков Второго Интернационала. Но упор на волюнтаризме был свойственен ленинизму и маоизму, с их акцентом на роли авангардной партии в организации «воли пролетариата». Он также был характерен и для таких западных марксистов, как Лукач и Грамши, которые постулировали важность классового сознания или гегемонии для превращения объективных экономических противоречий в реальные революции.

Вероятно, стоит отметить, что приверженность целенаправленному образу процесса развития революций приводит к социально-психологическим объяснениям даже тех теоретиков, которые намеревались давать социально-структурные объяснения. Поскольку, согласно этому образу, революционные кризисы происходят только (или преимущественно) в силу появления людей,

39. Марксисты часто различают, с одной стороны, «класс в себе», состоящий из множества людей, объективно находящихся в сходном положении по отношению к собственности в процессе производства, но не обладающих общим политическим сознанием и организацией. С другой стороны, они приводят «класс для себя», обладающий политическим самосознанием и организацией. Знаменитым примером этого разграничения является рассмотрение Марксом французского крестьянства в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта»: Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works* (New York: International Publishers, 1968), pp. 171–172; Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 8. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 207–211.

которые недовольны или дезориентированы, или групп, которые можно мобилизовать для целей революции. А разрушение и трансформация Старого порядка происходят только потому, что для достижения этой цели было сформировано целенаправленное революционное движение. Вследствие этого, теоретики неумолимо подталкиваются к тому, чтобы рассматривать в качестве главных проблем людское недовольство или осознание людьми фундаментально оппозиционных целей и ценностей. К примеру, Тилли первоначально разрабатывал свою теорию коллективного действия с упором на социальную организацию групп и доступ к ресурсам в качестве четкой альтернативы социально-психологическим теориям политического насилия. Но, поскольку он определяет революционные ситуации в категориях *особой цели* (овладения верховной властью) за которую сражаются соперники, Тилли заканчивает тем, что вторит аргументации Джонсона о революционном идеологическом руководстве и гипотезе Гарра о недовольстве в качестве объяснения массовой поддержки, оказываемой революционным организациям⁴⁰. Аналогичным образом неомарксисты, по мере того, как они приходят к рассмотрению классового сознания и партийной организации в качестве ключевых проблем революции, стали все меньше интересоваться объективными, структурными условиями революций. Вместо этого, принимая как саму собой разумеющуюся адекватность марксова экономического анализа объективных социально-исторических условий для революций, они вкладывают инновационный теоретический потенциал в изучение того, что справедливо или ошибочно считается более политически податливыми субъективными условиями осуществления потенциальной революции, когда указанные выше объективные условия присутствуют.

Что неправильно в «целенаправленном» образе развития революций? Во-первых, он явно предполагает, что социальный порядок основывается, фундаментально или непосредственно, на консенсусе большинства (или низших классов) относительно того, что их потребности должны быть удовлетворены. Он предпола-

40. См. в особенности Tilly, *Mobilization to Revolution*, pp. 202–209.

гает, что предельным и достаточным условием для революции выступает исчезновение этой консенсусной поддержки и, наоборот, что никакой режим не может устоять, если массы раздражены. Хотя, разумеется, такие идеи не могли быть полностью приняты марксистами, они могут прокрасться косвенно, вместе с акцентом на классовое сознание или гегемонию. Гарр и Джонсон, что не удивительно, принимают эти представления совершенно открыто⁴¹. И Тилли, по сути, переходит к их версии, когда изображает власти и революционные организации как конкурентов в борьбе за поддержку народа, а выбор народа как определяющий фактор в том, разовьется или нет революционная ситуация⁴². Те не менее, конечно, любые подобные консенсусные и волюнтаристские концепции социального порядка и дезинтеграции или изменения весьма наивны. Наиболее очевидным образом они опровергаются фактом длительного существования такого вопиюще репрессивного и внутренне нелегитимного режима, как южноафриканский⁴³.

Что более важно, «целенаправленный» образ весьма обманчив относительно и причин, и хода социальных революций, как они реально имели место в истории. Что касается причин, безотносительно того, какие формы социальные революции могут принять в будущем (скажем, в индустриальной, либерально-демократической стране), факт состоит в том, что исторически ни одна успешная социальная революция не была «сделана» мобилизуемым массами, открыто революционным движением. Как это точно сформулировал Джереми Бречер: «на самом деле революционные движения

41. К примеру, Гарр утверждает, что «общественный порядок поддерживается — а он может только поддерживаться, — когда в рамках его люди обеспечены средствами, позволяющими им работать для достижения своих устремлений» (Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. С. 40). А для Джонсона общества, чтобы сохранять стабильность, должны быть «сообществами носителей общих ценностей».

42. См. сноску 30 выше. Это сноска отсылает к работе Тилли, цитата из которой уже приводилась на страницах 38–39.

43. См., напр.: Herbert Adam, *Modernizing Racial Domination: South Africa's Political Dynamics* (Berkeley: University of California Press, 1971), а также Russel, *Rebellion, Revolution, and Armed Force*, chs. 1–3. Обе эти работы подчеркивают слаженность и стабильность южноафриканского государства в качестве основного препятствия к революции, несмотря на недовольство и протесты «не-белого» большинства.

редко начинаются с революционных намерений; последние развиваются только в ходе самой борьбы»⁴⁴. Совершенно верно, что революционные организации и идеологии помогают повысить солидарность радикального авангарда до и/или во время революционных кризисов. И они очень облегчают консолидацию новых порядков. Но такие авангарды (не говоря уже об авангардах с большими, мобилизованными и идеологизированными массами последователей) ни в коей мере никогда не создавали революционных кризисов, которыми они пользовались. Вместо этого, как мы увидим в следующих главах, революционные ситуации развиваются благодаря возникновению военно-политических кризисов государства и классового господства. И только благодаря возможностям, созданным в ходе этих кризисов, революционные лидеры и восставшие массы вносили свой вклад в осуществление революционных трансформаций. Кроме этого, восставшие массы очень часто действовали самостоятельно, не будучи непосредственно организованы или идеологически воодушевлены открыто революционными лидерами и целями. Относительно причин исторических социальных революций Уэнделл Филлипс однажды совершенно справедливо отметил: «Революций не делают, революции приходят»⁴⁵.

«Целенаправленный» образ в той же степени вводит в заблуждение относительно хода и результатов исторических революций, в какой и относительно их причин. Дело в том, что он убедительно предполагает, что процессы и результаты революций могут объясняться через деятельность и намерения или интересы ключевой группы (или групп), которые начали революцию. Поэтому, хотя Гарр и не рассматривает революции как нечто помимо исключительно разрушительных действий, он настаивает, что они суть прямое следствие деятельности фрустрированных, разгневанных масс и лидеров, которые являются первоначальной причиной революции. Для Джонсона насильственная смена ценностей, осуще-

44. Jeremy Brecher, *Strike!* (San Francisco: Straight Arrow Books, 1972), p. 240.

45. Цитата Уэнделла Филлипса приведена по работе: Stephen F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (New York: Knopf, 1973), p. 336; Коэн С. *Бухарин. Политическая биография 1888–1938*. Москва: Прогресс, 1988. С. 402.

ствляемая революцией, выступает делом рук идеологического движения, выросшего внутри старой, разбалансированной социальной системы. А марксисты нередко приписывают подспудную логику революционных процессов интересам и действиям соответствующего класса-для-себя, буржуазии или пролетариата.

Но такие представления слишком все упрощают⁴⁶. На самом деле в рамках исторически произошедших революций группы, занимавшие разные позиции и по-разному мотивированные, участвовали в сложном разворачивании множественных конфликтов. Эти конфликты были достаточно жестко ограничены и оформлялись существующими социально-экономическими и международными условиями. К тому же развивались они различным образом, в зависимости прежде всего от того, как возникала революционная ситуация. Логика этих сложных конфликтов была не подвластна ни одному из классов или групп, вне зависимости от того, какой бы центральной ни казалась его роль в ходе революционного процесса. Кроме того, революционные конфликты неизменно приводили к результатам, которых полностью никто не мог предвидеть, которые не могли служить интересам какой-либо из вовлеченных групп. Поэтому просто бессмысленно пытаться расшифровать логику процессов или результатов социальной революции, принимая волюнтаристическую перспективу или просле-

46. Тилли избегает того, чтобы представлять революционные процессы и итоги как намеренное действие конкретных действующих групп, хотя не отказывается представлять причины революционных ситуаций в категориях целенаправленных движений. Причина в том, что Тилли изображает возникновение революционных ситуаций как деятельность коалиций мобилизованных групп и полагает, что такие коалиции обычно распадаются во время революций, порождая серии межгрупповых конфликтов, которые полностью не контролирует ни одна группа. Такой взгляд на революционные процессы вполне обоснован. Но представление Тилли о революционных ситуациях как вызванных коалициями, намеренно бросающими вызов существующей власти, поражает меня как преувеличивающее роль целенаправленности, по меньшей мере для тех исторических случаев, которые я наиболее пристально изучала. Для этих случаев идея *стечения обстоятельств*, предполагающая соединение отдельно обусловленных и не координируемых сознательно (или преднамеренно революционных) процессов и групповых усилий, представляется более полезной для исследования причин социальных революций, чем идея межгрупповой коалиции. Мои основания так полагать станут очевидными в свое время, особенно в главах 2 и 3.

живая действия отдельного класса, элиты или организации — вне зависимости от того, насколько значима ее роль как участника. Хобсбаум очень четко это выразил: «неоспоримо важная роль актеров в драме еще не означает, что они являются также драматургами, режиссерами и оформителями сцены». «Следовательно, — заключает Хобсбаум, — к теориям, которые придают чрезмерное значение волюнтаристским или субъективным элементам в революции, следует относиться настороженно»⁴⁷.

Любое валидное объяснение революции зависит от способности исследователя подняться над мнениями участников для того, чтобы найти важные закономерности, общие для данных исторических случаев, — включая общие институциональные и исторические паттерны там, где произошли революции, и аналогичные паттерны конфликта в тех процессах, благодаря которым шло их развитие. Как указывает историк Гордон Вуд:

Не то чтобы мотивы людей не имели никакого значения; благодаря им действительно совершаются события, включая революции. Но людские цели, особенно во время революций, настолько многочисленны, разнообразны и противоречивы, что их сложное взаимодействие порождает результаты, на которые никто не рассчитывал и даже не мог предвидеть. Именно на это взаимодействие и эти результаты указывают современные историки, когда столь пренебрежительно говорят об этих «основных детерминантах» и «безличных и неумолимых силах», вызывающих Революцию. Историческое объяснение, не учитывающее эти «силы», иными словами, полагающееся просто на понимание сознательных намерений акторов, тем самым будет ограниченным⁴⁸.

Чтобы объяснить социальные революции, нужно, во-первых, рассматривать в качестве проблемы возникновение (а не «создание») революционной ситуации в рамках Старого порядка. Затем нужно уметь выявлять сложное и объективно обусловленное переплетение различных действий групп, находящихся в разном положении, — переплетение, которое оформляет революци-

47. Eric Hobsbawm, "Revolution" (paper presented at the Fourteenth International Congress of Historical Sciences, San Francisco, August 1975), p. 10.

48. Gordon Wood, "The American Revolution", in *Revolutions: A Comparative Study*, ed. Lawrence Kaplan (New York: Vintage Books, 1973), p. 129.

онный процесс и дает начало новому порядку. Начать осмысление этой сложности можно, только сосредоточив внимание одновременно и на институционально детерминированных ситуациях и отношениях групп в обществе, и на взаимодействии обществ в рамках развивающихся всемирно-исторических структур. Занять такую безличную и несубъективную перспективу (подчеркивающую паттерны взаимоотношений между группами и обществами) означает действовать исходя из того, что в самом общем смысле можно назвать структурной перспективой исследования социально-исторической реальности. Такая перспектива имеет важнейшее значение для анализа социальных революций.

Международный и всемирно-исторический контексты

Если структурная перспектива означает фокусировку на отношениях, то последние должны включать и международные отношения — в той же степени, в какой и отношения между находящимися в разных положениях группами внутри стран. Международные отношения способствовали возникновению всех социально-революционных кризисов и неизменно влияли на то, какую форму примут революционная борьба и ее результаты. На самом деле причины и достижения всех современных социальных революций должны рассматриваться в тесной связи с неравномерностью распределения капиталистического экономического развития и с формированием национальных государств в мировом масштабе. К сожалению, существующие теории революции не принимают явным образом такую перспективу. Конечно, они утверждают, что революции связаны с «модернизацией», но это подразумевает почти исключительное сосредоточение внимания на социально-экономических тенденциях и конфликтах внутри государств, рассматриваемых изолированно одно за другим.

Как отметил Рейнхард Бендикс, все концепции модернизационных процессов с необходимостью начинают с опыта Западной Европы, потому что именно там берут начало торгово-промышленные и национальные

революции⁴⁹. Однако теоретические подходы, доминировавшие до недавнего времени (а именно, структурно-функциональный эволюционизм и однолинейный марксизм), делали чрезмерные обобщения на основе конкретного опыта развития Англии в XVIII — начале XIX в. По существу, модернизация понималась как внутренняя динамика страны. Экономическое развитие (понимаемое либо как технологические инновации и усиление разделения труда, либо как накопление капитала и подъем буржуазии) рассматривалось как нечто, инициировавшее систему взаимосвязанных сопутствующих изменений в других сферах жизни общества. Исходным допущением обычно является то, что каждое государство, возможно, стимулированное примером или влиянием стран опережающего развития, рано или поздно будет подвержено, в более или менее сжатой версии, того же рода базовой трансформации, которую, очевидно, испытала и Англия. Как писал в 1867 г. Маркс, «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»⁵⁰. Веком позже американские ученые могут выражать неуверенность относительно степени, в которой конкретно-исторические закономерности развития могут быть абсолютно одинаковыми. Но практически все они по-прежнему обрисовывают свои концепции «идеальных типов», следуя той же логике⁵¹.

Представления о модернизации как внутринациональной социально-экономической динамике прекрасно сочетаются с концепциями революций как целенаправленных движений, основанных на развитии общества и способствующих ему. Возможно, быстрое и неодно-

49. Reinhard Bendix, "Tradition and Modernity Reconsidered", *Comparative Studies in Society and History* 9 (1967), pp. 292–313.

50. Предисловие к первому немецкому изданию 1 тома «Капитала» (New York: International Publishers, 1967), pp. 8–9; Маркс К. Капитал. Т. I. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 23. С. 9.

51. Примеры см. в: Neil J. Smelser, "Toward a Theory of Modernization", in *Essays in Sociological Explanation* (Englewood Cliffs, N.O.: Prentice-Hall, 1968), pp. 125–146; W. W. Rostow, *The Stages of Economic Growth* (Cambridge: Cambridge University Press, 1960); Marion J. Levy, *Modernization and the Structure of Society* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965); S. N. Eisenstadt, *Modernization: Protest and Change* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966); Bert F. Hoselitz, "A Sociological Approach to Economic Development", in *Development and Society*, eds. David E. Novack and Robert Lekachman (New York: St. Martin's Press, 1964), pp. 150–162.

родное экономическое развитие стимулирует массовые ожидания и затем их фрустрирует, порождая широко распространенное недовольство и политическое насилие, уничтожающее существующую власть. Или же социальная дифференциация обгоняет интеграцию социальной системы, основанной на ценностном консенсусе, и сокрушает ее. Это, в свою очередь, стимулирует развитие идеологических движений, которые свергают существующие власти и производят переориентацию ценностей общества. Или, возможно, зарождение нового способа производства в утробе старого создает основу для подъема нового класса, который устанавливает новый способ производства с помощью революции. В любом случае модернизация вызывает революции, меняя настроения, ценности или потенциал коллективной мобилизации всего народа или групп в обществе. И сама революция создает условия (или, по крайней мере, устраняет препятствия) для дальнейшего социально-экономического развития.

Но концепции модернизации как внутринационального социально-экономического процесса, происходящего аналогичным образом в каждой стране, не позволяют объяснить первоначальные изменения даже в Европе — и в еще меньшей степени объясняют последующие трансформации в остальном мире. С самого начала международные отношения пересекались с существовавшими до этого классовыми и политическими структурами, вызывая и оформляя как различающиеся, так и сходные трансформации в разных странах. Конечно, это верно по отношению к экономическому, торговому и промышленному развитию. В силу распространения капитализма по всему земному шару транснациональные потоки инвестиций и торговли воздействуют на все страны — хотя и неравномерным, а часто и противоположным образом. Сам первоначальный прорыв Англии к капиталистическому сельскому хозяйству и промышленности отчасти зависел от ее сильной позиции на международных рынках с XVII в. и далее. Последовавшая за ней в XIX в. индустриализация в различных странах отчасти (и различным образом) принимала ту или иную форму благодаря международным потокам товаров, мигрантов и инвестиционного капитала,

а также благодаря попыткам каждого национального государства повлиять на эти потоки. Более того, по мере включения периферийных регионов мира в мировые экономические сети, выстроенные вокруг индустриально более развитых стран, ранее существовавшие в этих регионах экономические структуры и классовые отношения часто укреплялись или модифицировались таким образом, который был несовместим с дальнейшим самостоятельным и диверсифицированным ростом. Даже если условия впоследствии менялись, так что в некоторых из этих регионов стартовала индустриализация, этот процесс неизбежно шел в формах, которые весьма отличались от тех, что были характерны для более ранних национальных индустриализаций. Нет нужды принимать аргументацию о том, что экономическое развитие отдельных стран на самом деле детерминировано общей структурой и рыночной динамикой «мировой капиталистической системы». Тем не менее нужно отметить, что исторически развивающиеся международные экономические отношения всегда сильно (и по-разному) влияли на развитие экономики отдельных стран⁵².

Другого рода транснациональная структура (международная система соперничающих государств) также влияла на динамику и неравномерный ход мировой истории Нового времени. Европа была не только пло-

52. Фокусирующиеся на внутринациональных процессах теории экономической модернизации были подвергнуты убедительной критике с двух точек зрения. Одна из них нашла классическое выражение в трудах Александра Гершенкрона, чьи наиболее значимые работы собраны в: Alexander Gerschenkron, *Economic in Backwardness Historical Perspective* (Cambridge: Harvard University Press, 1966); Alexander Gerschenkron, *Continuity in History and Other Essays* (Cambridge: Harvard University Press, 1968); Гершенкрон А. *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. Другая критическая точка зрения принадлежит теоретикам «капиталистической мир-системы», чьи взгляды обобщены в: Immanuel Wallerstein, "The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis", *Comparative Studies in Society and History* 16:4 (September 1974), pp. 387–415; Daniel Chirot, *Social Change in the Twentieth Century* (New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977). Теоретики мир-системного анализа особенно успешно указали на недостатки модернизационных подходов, но, в свою очередь, их собственные теоретические объяснения экономического развития были подвергнуты убедительной критике, особенно в: Robert Brenner, "The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism", *New Left Review* no. 104 (July-August 1977), pp. 25–92.

щадкой капиталистических экономических прорывов, но и континентальной политической структурой, в рамках которой ни одно имперское государство не контролировало всю территорию Европы и ее колоний (после 1450 г.). Экономический обмен систематически осуществлялся на территории более обширной, нежели чем та, которую когда-либо контролировало любое государство. Это означало прежде всего, что увеличившийся благодаря географической экспансии европейцев и развитию капитализма приток материальных ценностей никогда просто не направлялся на поддержание громоздкой имперской надстройки, растянувшейся на весь континент. Такой, в конце концов, всегда была участь богатств, генерируемых в других мир-экономиках, охватываемых политическими империями — такими как Рим и Китай. Но европейская мир-экономика была уникальна в том, что развивалась внутри системы соперничающих государств⁵³. По словам Уолтера Дорна,

...именно крайне соперничающий характер системы государств современной Европы отличает ее от политической жизни всех предыдущих и неевропейских цивилизаций мира. Ее сущность заключается в сосуществовании независимых и равных государств, чье стремление к экспансии провоцировало непрекращающиеся военные конфликты... прежде всего препятствующие постоянному подчинению остальных государств какой-либо одной державе⁵⁴.

По мере того как в Англии проходила коммерциализация и первая в истории индустриализация страны, соперничество внутри европейской системы государств форсировало модернизационные процессы по всей Европе⁵⁵. Постоянные войны внутри системы государств побуждали европейских монархов и политических дея-

53. Эти замечания относительно европейской системы государств базируются на работе: Immanuel Wallerstein, *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century* (New York: Academic Press, 1974), ch. 1.

54. Walter S. Dorn, *Competition for Empire* (New York: Harper & Row, 1963), p. 1.

55. Хорошее обобщение, подчеркивающее важность конкуренции государств в ходе развития Европы, можно найти в: John Thurber Moffet, *Bureaucratization and Social Control: A Study of the Progressive Regimentation of the Western Social Order*, PhD-dissertation, unpublished paper (Columbia University, Department of Sociology, 1971).

телей к организации, централизации и повышению технической оснащенности армий и фискальных органов. Начиная со времен французской революции такие конфликты заставляли их мобилизовывать массы граждан с помощью апелляции к патриотизму. Политические процессы, в свою очередь, оказывали обратное воздействие на паттерны экономического развития, сначала через бюрократические попытки направлять или управлять индустриализацией сверху и, в конце концов, через эксплуатацию вовлеченных масс революционными режимами, как это было в Советской России.

Более того, когда начиная с XVI в. и далее Европа испытывала экономические прорывы, соревновательная динамика европейской системы государств способствовала распространению европейской «цивилизации» по всему земному шару. Первоначально конкуренция государств была одним из условий, облегчивших и способствовавших иберийской колониальной экспансии в Новом Свете. Впоследствии Англия, подстегиваемая соперничеством с Францией по всему миру, боролась за формальный контроль или фактическую гегемонию практически над всеми новыми европейскими колониями и прежними колониальными владениями в Новом Свете — и в конце концов достигла этого. К концу XIX в. соперничество большего числа примерно равных по силе европейских промышленных держав привело к разделу Африки и значительной части Азии на их колониальные владения. В конечном счете после массивных экономических и геополитических сдвигов, вызванных Второй мировой войной, эти колонии стали новыми, формально независимыми странами, теперь уже в рамках глобальной системы государств. К тому времени даже Япония и Китай, страны, традиционно остававшиеся в изоляции от Запада и избежавшие колонизации, также были полностью инкорпорированы в систему государств. По стандартам доиндустриальной эпохи, и Япония, и Китай были развитыми и могущественными аграрными государствами; оба они избежали окончательного или постоянного подчинения во многом потому, что вмешательство Запада запустило революционные восстания, кульминацией которых рано или поздно становился обширный рост оборонитель-

ных возможностей этих стран и утверждение их в рамках международной системы государств.

Некоторые теоретики мирового капитализма, в особенности Иммануил Валлерстайн, пытаются объяснить в категориях экономического редукционизма структуру и динамику этой (изначально европейской и впоследствии глобальной) международной системы государств⁵⁶. Для этого подобные теоретики обычно исходят из допущения, что отдельные национальные государства — это инструменты, используемые экономически господствующими группами в целях достижения ориентированного на мировой рынок внутреннего развития этих стран и достижения международных экономических преимуществ за их пределами. Но здесь мы принимаем иную перспективу, согласно которой национальные государства являются более фундаментальными организациями, приспособленными для того, чтобы поддерживать контроль над своими территориями и населением, а также принимать потенциальное или реальное участие в военном состязании с другими государствами в рамках международной системы. Международная система государств как транснациональная структура военных состязаний не была изначально создана капитализмом. На всем протяжении мировой истории Нового времени она представляет собой аналитически автономный уровень транснациональной реальности — *взаимозависимой* в своей структуре и динамике с мировым капитализмом, но не сводимой к нему⁵⁷. Военная сила и преимущества (или недостатки) государств на мировой арене не мо-

56. См.: Wallerstein, "Rise and Demise"; Wallerstein, *Modern World-System*, особенно главы 3 и 7. Более детальную характеристику и критику взгляда Валлерстайна на государство см. в моей статье: Theda Skocpol, "Wallerstein's World Capitalist System: A Theoretical and Historical Critique", *American Journal of Sociology* 82:5 (March 1977), pp. 1075–1090.

57. Формулируя свои представления о системе государств и капитализме, я опиралась в особенности на: Charles Tilly, ed., *The Formation of National States in Western Europe* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975); Otto Hintze, "Economics and Politics in the Age of Modern Capitalism", in *The Historical Essays of Otto Hintze*, ed. Felix Gilbert (New York: Oxford University Press, 1975). Как пишет Хайнц, «...ни капитализм не породил современное государство, ни современное государство не породило капитализм» (р. 427). Скорее «истории государства и капитализма неразрывно взаимосвязаны... они суть две стороны, или аспекта, одного и того же исторического процесса» (р. 452).

гут быть полностью объяснены в категориях их внутренних экономик или международных экономических позиций. То же относится и к таким факторам, как административная эффективность государства, политические способности к массовой мобилизации и международное географическое положение⁵⁸. Вдобавок к этому на волю и способность государств предпринимать экономические преобразования (которые также могут иметь международные последствия) влияет их военная обстановка, а также существовавшие до нее значимые в военном плане административные и политические возможности⁵⁹. Так же как капиталистическое экономическое развитие форсировало трансформации государств и международной системы, так и они, в свою очередь, оказали обратное влияние на ход и формы накопления капитала внутри государств и в мировом масштабе.

Таким образом, с самих своих европейских истоков модернизация всегда означала национальные процессы только в контексте исторически развивающихся транснациональных структур: и экономических, и военных. Исследователь может понять национальные трансформации, включая социальные революции, только путем своего рода концептуального жонглирования. До тех пор пока национальные государства и их соперничество остаются важным аспектом реальности, лучше всего (по крайней мере, для анализа феноменов, где главную роль играют государства) использовать государство/общество как базовую единицу анализа. Но нужно уделять внимание не только переменным, относящимся к внутренним по отношению к этим единицам паттернам и процессам, но и транснациональным факторам в качестве ключевых контекстуальных переменных⁶⁰.

58. Об этом см., напр.: Tilly, *Formation of National States*; Otto Hintze, "Military Organization and the Organization of the State", in *Historical Essays*, ed. Gilbert, pp. 178–215; Randall Collins, "Some Principles of Long-Term Social Change: The Territorial Power of States" (paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association, Chicago, Illinois, September, 1977).

59. Царская и Советская Россия, Пруссия Гогенцоллернов и Германская империя, и Япония эпохи Мэйдзи выступают прекрасной иллюстрацией справедливости этого утверждения.

60. Эта аналитическая перспектива опирается на: Terence K. Hopkins and Immanuel Wallerstein, "The Comparative Study of National Societies", *Social Science Information* 6:5 (October 1967), pp. 25–58.

Это относится к двум разновидностям транснациональных контекстов. С одной стороны, существуют *структуры* мировой капиталистической экономики и международной системы государств, в рамках которых отдельные государства занимают различное положение. С другой стороны, есть изменения и переходы в «мировом времени», оказывающие влияние и на всемирные контексты, в которых происходят революции, и на конкретные модели и возможные варианты действий, которые революционные лидеры могут заимствовать за границей.

Вовлеченность в транснациональные структуры стран, реально или потенциально подверженных социальным революциям, значима в нескольких отношениях. Исторически неравные или соперничающие международные отношения способствовали формированию тех или иных государственных и классовых структур любой данной страны, тем самым влияя на существующие внутренние контексты, в которых возникает (или не возникает) революция. Более того, международные отношения влияют на ход событий во время реальных революций. Современные социальные революции случались только в странах, занимающих неблагоприятное положение на международной арене. В частности, реалии военной отсталости или политической зависимости решающим образом влияли на возникновение и ход социальных революций. Хотя неравное экономическое развитие всегда присутствовало на заднем плане, события внутри международной системы государств как таковой (особенно поражения в войнах или угрозы вторжения и борьба за контроль над колониями) непосредственно способствовали почти всем вспышкам революционных кризисов. Способствуя подрыву существующих политических властей и государственного контроля, эти события тем самым открывали путь фундаментальным конфликтам и структурным трансформациям. Более того, баланс военных сил и конфликты на международной арене обеспечивали «пространство для маневра», необходимое для завершения и политической консолидации социальных революций. Это справедливо, поскольку эти факторы разделяли усилия или отвлекали внимание внешних врагов, заинтересованных в предотвращении успеха революции или в том, чтобы воспользоваться внутренним

кризисом революционизированной нации. В конечном счете также оказывается, что итоги социальных революций всегда были жестко обусловлены не только международной политикой, но и ограничениями и возможностями мир-экономики, с которыми сталкивались вновь возникшие (революционные) режимы.

Что касается измерения «мирового времени», то некоторые аспекты «модернизации» были уникальными процессами, повлиявшими на мир в целом⁶¹. Используя государство/общество в качестве единицы анализа, можно сформулировать лишь ограниченные обобщения относительно сходных, повторяющихся национальных процессов. Но даже если это удастся сделать, следует обратить внимание на воздействие исторических последовательностей и всемирно-исторических изменений. Связанные с этим возможности сравнения и объяснения социальных революций быстро приходят на ум. Одна из таких возможностей состоит в том, что акторы более поздних революций могут испытывать влияние предшествующих; например, китайские коммунисты сознательно подражали большевикам и некоторое время напрямую получали советы и помощь российского революционного режима. Другая возможность состоит в том, что ключевые «прорывы», обладающие всемирно-историческим значением (такие, как промышленная революция или изобретение партийной организации ленинского типа) могут произойти между одной революцией и другой, в широком смысле сходной с ней. В результате создаются новые возможности или необходимые условия для развития более поздних революций, которые не были открыты или порождены ею, потому что она произошла на более ранней стадии мировой истории Нового времени.

Заключительное утверждение верно для обоих видов транснациональных контекстуальных влияний. Анализируя внутренние воздействия международных отношений, никогда не следует просто допускать (как это практически неизменно делают современные теоретики революции), что любые подобные факторы влияют

61. О понятии «мирового времени» см.: Wolfram Eberhard, "Problems of Historical Sociology", in *State and Society: A Reader*, eds. Reinhard Bendix, et al. (Berkeley: University of California Press, 1973), pp. 25-28.

в первую очередь на положение, нужды и идеи «народа». Это может, конечно, случаться (например, когда сдвиги в структурах международной торговли внезапно лишают работы занятых в целой отрасли промышленности). Но на самом деле именно правители государства, необходимо ориентированные на действия на международной арене, в равной степени или с большей вероятностью будут транслировать международные влияния на внутреннюю политику. Таким образом, пересечение старого (правительственного) режима и, позднее, возникающего революционного режима с международными аренами (и особенно с международной системой государств) будет самой многообещающей точкой, которой необходимо уделять внимание, чтобы понять, как эпохальная модернизационная динамика отчасти вызывает и оформляет революционные трансформации.

Ни одна обоснованная теоретическая перспектива исследования революций не может позволить себе игнорировать международные и всемирно-исторические контексты, в которых революции происходят. Если теории революций в большинстве своем до сих пор пытались игнорировать эти контексты, то это потому, что они оперировали неадекватными, сфокусированными на внутригосударственных процессах представлениями о характере модернизации и ее взаимоотношениях с революциями. Чтобы это скорректировать, в данном разделе были кратко очерчены транснациональные аспекты модернизации и выдвинуты предположения относительно того, каким образом эти аспекты значимы для анализа революций — с особым акцентом на важность международной системы государств. Этот акцент, по сути, предваряет те аргументы, которые будут выдвинуты в следующем разделе относительно важности потенциально автономных государственных организаций в социально-революционных трансформациях.

Потенциальная автономия государства

Практически всякий, кто пишет о социальных революциях, признает, что они начинаются с кризисов, имеющих отчетливо политический характер, — таких,

как запутанное положение в финансах французской монархии и созыв Генеральных штатов в 1787—1789 гг. Подобным же образом всем очевидно, что развитие революций происходит через борьбу, в которой заметную роль играют организованные политические партии и фракции. Признается также, что кульминацией всего этого выступает консолидация новых государственных организаций, чья власть может быть использована не только для закрепления социально-экономических трансформаций, которые уже произошли, но и для осуществления дальнейших перемен. Никто не отрицает реальность этих политических аспектов социальных революций. Тем не менее, большинство теоретиков революции склонны рассматривать политические кризисы, которые запускают революции, либо как случайные спусковые крючки, либо как всего лишь эпифеноменальные индикаторы более фундаментальных противоречий или напряженностей в социальной структуре Старого порядка. Подобным же образом политические группы, участвующие в социально-революционных сражениях, рассматриваются как представители социальных сил. А структура и деятельность новых государственных организаций, вырастающих из социальных революций, трактуются как выражение интересов каких бы то ни было социально-экономических или социально-культурных сил, которые выходили победителями из революционных конфликтов.

Допущение, которое всегда лежит, пусть и неявно, в основе таких рассуждений, состоит в том, что политические структуры и борьба могут быть определенным образом сведены (по крайней мере в конечном счете) к социально-экономическим силам и конфликтам. Государство рассматривается как не более чем *арена*, на которой разворачиваются конфликты относительно базовых социальных и экономических интересов. Чем-то особенным государство-как-политическую-арену делает то, что действующие на ней акторы прибегают к особым средствам в ходе социальных и экономических конфликтов — таким как принуждение или лозунги, апеллирующие к общему благу. В общем и целом подобный способ представления государства объединяет и либеральную, и марксистскую разновидности соци-

альной теории. Решающая разница во взглядах между этими двумя широкими традициями состоит в том, какие средства являются отличительными для политической арены: фундаментально основанная на консенсусе легитимная власть или фундаментально принудительное господство. И эта разница соответствует различным представлениям об основах социального порядка, которых придерживается каждая из этих теоретических традиций.

Одно идеально-типическое воззрение на государство рассматривает его как арену легитимной власти, воплощенной в правилах политической игры, в государственных лидерах и политике. Последние поддерживаются определенным сочетанием нормативного консенсуса и предпочтений большинства членов общества. Конечно, такое представление полностью соответствует либеральному, плюралистическому видению общества, согласно которому оно состоит из свободно конкурирующих групп и их членов, разделяющих приверженность общим социальным ценностям. В теоретической литературе, посвященной революциям, можно найти варианты этих представлений о государстве и обществе, прежде всего в аргументации теоретика относительной депривации Теда Гарра и теоретика систем Чалмерса Джонсона. Для них в объяснении вспышки революции значимо то, теряют ли легитимность существующие власти. Это случается, когда испытывающие социальное недовольство или дезориентированные массы начинают чувствовать, что участие в насилии для них приемлемо, или иным образом усваивают новые ценности, содержащиеся в революционных идеологиях. И Гарр, и Джонсон ощущают, что государственная власть и стабильность напрямую зависят от общественных трендов и народной поддержки. Ни один из них не верит в то, что государственный аппарат принуждения может успешно подавлять (в течение длительного времени) недовольство или неодобрение большинства людей в обществе⁶². Государство в их теориях выступает аспек-

62. У Джонсона см.: *Revolutionary Change*, p. 32. Что касается Гарра, см. сноску 41 выше, а также: *Why Men Rebel*, ch. 8; Гарр Т. Р. *Почему люди бунтуют*. Гл. 8.

том либо утилитарного консенсуса (Гарр), либо ценностного консенсуса (Джонсон) в обществе. Оно может применять силу от имени народного консенсуса и легитимности, но фундаментально оно не основано на организованном принуждении.

Напротив, марксистские теоретики (а также, по большому счету, теоретик политического конфликта Чарльз Тилли) рассматривают государство как основанное на организованном принуждении. Вспомним, что важной частью модели политической системы у Тилли является правительство, определяемое как «организация, контролирующая главные, концентрированные средства принуждения в рамках населения»⁶³. Аналогичным образом Ленин, ведущий марксистский теоретик политического аспекта революций, провозглашает: «постоянное войско и полиция суть главные орудия силы государственной власти, но — разве может это быть иначе?»⁶⁴ Ни Ленин, ни (по большей части) Тилли⁶⁵ не рассматривают государственное принуждение как зависящее в своей эффективности от ценностного консенсуса или удовлетворенности народа. И оба хорошо понимают, что государства могут подавлять народные силы и революционные движения. Поэтому неудивительно, что, объясняя успех революций, и Тилли, и Ленин делают упор на развал монополии Старого порядка на средства принуждения и создание военных сил революционерами.

Однако верно то, что марксисты и теоретики политического конфликта, подобные Тилли, столь же ошибочно, как Гарр и Джонсон, рассматривают государство

63. Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 52.

64. V. I. Lenin, "The State and Revolution" in *The Lenin Anthology*, ed. Robert C. Tucker (New York: Norton, 1975), p. 316; Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 33. Москва: Издательство политической литературы, 1969. С. 9.

65. На самом деле Тилли колеблется в вопросе о том, существует ли фундаментальная зависимость государства от поддержки народа. Его определение государства и аргументы относительно армий во время революций предполагают, что нет, но его концепция революционной ситуации как возникающей тогда, когда население поддерживает революционных претендентов на власть, несмотря на запрет существующих государственных властей, предполагает обратное.

в первую очередь как арену, на которой разрешаются социальные конфликты. Хотя, конечно, разрешение этих конфликтов марксисты видят в господстве, а не добровольном консенсусе. Поэтому, так или иначе, и марксисты, и Тилли рассматривают государство как систему организованного принуждения, чьей неизменной функцией является поддержка доминирующего положения господствующих классов или групп над подчиненными классами или группами.

В теории коллективного действия Тилли государство и общество буквально сливаются. Тилли обозначает и рассматривает отношения между группами в политических терминах. Он говорит не о классах или социальных группах, а о группах и альянсов «членов», обладающих властью в политической системе, и группах «претендентов», которые из нее исключены. Само его определение групп членов («любой из соперников, обладающий рутинным, малозатратным доступом к ресурсам, контролируемым правительством»⁶⁶) явно предполагает практически полное совпадение между властью господствующей группы и властью государства. Государство становится орудием групп «членов» политической системы (в своей основе принудительным), наделенных властью в рамках данной группы населения.

Теоретики классического марксизма аналитически не объединяют государство и общество. Марксисты считают, что социальный порядок основан на классовом конфликте и господстве. Государственная власть является особой разновидностью власти в обществе, не тождественной или не охватывающей собою всю власть господствующего класса. Тем не менее марксисты по-прежнему объясняют основную функцию государства в социальных категориях. Как бы ни варьировали его исторические формы, государство как таковое рассматривается как отличительная черта всех способов производства, включающих деление общества на классы. И неизменно, единственно необходимой и неизбежной функцией государства по определению является сдерживание классовых конфликтов и осуществление иных мер госу-

66. Tilly, *From Mobilization to Revolution*, p. 52.

дарственной политики для поддержки господства классов, владеющих собственностью и присваивающих прибавочный продукт⁶⁷.

Таким образом, ни в классическом марксизме, ни в теории коллективного действия Тилли государство не рассматривается как автономная структура — структура с собственной логикой и интересами, не обязательно тождественными или совпадающими с интересами господствующего в обществе класса или всего набора групп членов политической системы. Следовательно, в терминах этих теорий невозможно даже ожидать возникновения фундаментальных конфликтов интересов между существующим господствующим классом или множеством групп, с одной стороны, и правителями государства — с другой. Общество характеризуется господством и борьбой за власть между группами. И государство, основанное на концентрации средств принуждения, встраивается в общество как форма инструментального или объективного господства и объект борьбы, но не как организация-для-себя.

Но как быть с последними тенденциями в марксизме? В последнее время среди марксистски ориентированных интеллектуалов имело место возрождение интереса к проблеме государства⁶⁸. Критически реагируя на широко распространившуюся вульгаризацию (представление о том, что государства — не что иное, как орудия, которыми сознательно манипулируют лидеры и группы интересов, представляющие господствующий класс), современные исследователи, такие как Ральф

67. Основы марксистской теории государства см. в: Frederick Engels, *The Origin of the Family, Private Property and the State*, reprinted in Marx and Engels, *Selected Works*; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 21. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 23–178; Lenin, *The State and Revolution*, reprinted in *Lenin Anthology*, ed. Tucker; Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Ralph Miliband, “Marx and the State”, in *Karl Marx*, ed. Tom Bottomore (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973), pp. 128–150; Robert C. Tucker, “The Political Theory of Classical Marxism”, in *The Marxian Revolutionary Idea* (New York: Norton, 1970), ch. 3.

68. Обзор значительной части этой литературы см. в: David A. Gold, Clarence Y. H. Lo, Erik Olin Wright, “Recent Developments in Marxist Theories of the Capitalist State”, *Monthly Review* 27:5 (October 1975), pp. 29–43, and 27:6 (November 1975), pp. 36–51.

Милибэнд⁶⁹, Никос Пуланцас⁷⁰, Перри Андерсон⁷¹, Геран Терборн⁷² и Клаус Оффе⁷³, поставили вопрос об «относительной автономии государства» от прямого контроля со стороны господствующего класса. Возможность этого была в особенности характерна для капиталистических обществ, но также и абсолютистской фазы европейского феодализма. Внимание теоретиков было обращено на выявление широких структурных ограничений, которые существующий способ производства налагает на диапазон возможностей для государственных структур и их действий. И, в обновленном виде, была разработана концепция необходимости свободы правителей государства от контроля со стороны конкретных групп и представителей господствующего класса, если правители в состоянии проводить политику, которая служит фундаментальным интересам всего господствующего класса. Эти интересы, конечно, заключались в том, чтобы сохранить классовую структуру и способ производства в целом.

По мере развертывания этой современной дискуссии некоторые ее участники (особенно те, которые бо-

69. См. в особенности: Ralph Miliband, *The State in Capitalist Society* (New York: Basic Books, 1969); Miliband, "Poulantzas and the Capitalist State", *New Left Review* no. 82 (November-December 1973), pp. 83-92.

70. См. в особенности: Nicos Poulantzas, *Political Power and Social Classes*, trans. Timothy O'Hagan (London: New Left Books, 1973); Poulantzas, "The Problem of the Capitalist State", in *Ideology in Social Science*, ed. Robin Blackburn (New York: Vintage Books, 1973), pp. 238-253; Poulantzas, "The Capitalist State: A Reply to Miliband and Laclau", *New Left Review* no. 95 (January-February 1976), pp. 65-83; Poulantzas, *Classes in Contemporary Capitalism*, trans. David Fernbach (London: New Left Books, 1975); Poulantzas, *The Crisis of the Dictatorships*, trans. David Fernbach (London: New Left Books, 1976).

71. См.: Perry Anderson, *Lineages of the Absolutist State* (London: New Left Books, 1974); Андерсон П. *Родословная абсолютистского государства*. Москва: Территория будущего, 2010.

72. См.: Goran Therborn, "What Does the Ruling Class Do When It Rules?", *The Insurgent Sociologist* 6:3 (Spring 1976), pp. 3-16; Therborn, *What Does the Ruling Class Do When it Rules?* (London: New Left Books, 1978); Терборн Г. Что делает правящий класс, когда он правит? Некоторые размышления о различных подходах к изучению власти в обществе // *Логос*. 2008. № 6. С. 73-92.

73. См. в особенности: Claus Offe, "Structural Problems of the Capitalist State", *German Political Studies* 1 (1974), pp. 31-56; Offe, "The Theory of the Capitalist State and the Problem of Policy Formation", in *Stress and Contradiction in Modern Capitalism*, eds. Leon N. Lindberg et al. (Lexington, Mass.: Heath, 1975), pp. 125-44; Claus Offe and Volker Ronge, "Theses on the Theory of the State", *New German Critique* no. 6 (1975), pp. 137-147.

лее остальных стремились понять, как государства могут действовать вопреки сопротивлению господствующего класса, чтобы сохранить существующий способ производства) были, казалось, на грани признания того, что государства потенциально автономны не только по отношению к господствующим классам, но и ко всем классовым структурам или способам производства⁷⁴. Однако этой возможной линии аргументации по большей части тщательно избегали⁷⁵. Вместо этого некоторые исследователи, такие как Клаус Оффе, просто высказывали гипотезу, что, хотя структуры государства и меры его политики каузально важны сами по себе, объективно они функционируют благодаря встроенным «механизмам отбора» для сохранения существующего способа производства⁷⁶. Другие, особенно так называемые структурные марксисты, заменили дискредитированный инструментализм господствующего класса тем, что можно назвать редукционизмом классовой борьбы⁷⁷. Согласно этим взглядам, структуры и функции государства не просто контролируются исключительно господствующими классами. Они скорее оформляются в ходе борьбы между господствующим и подчиненным классами — борьбы, которая проходит в объективных границах данной экономики и классовой структуры в целом. И наконец, новейший вклад в эту дискуссию был сделан Гераном Терборном в новой книге, которая

74. См. в особенности: Poulantzas, "Problem of Capitalist State", in *Ideology in Social Science*, ed. Blackburn; Offe and Ronge, "Theses on the Theory of the State".

75. Два теоретика неомарксизма, которые действительно рассматривают государства как потенциально автономные, — это Эллен Кэй Тримбергер (Ellen Kay Trimberger, "State Power and Modes of Production: Implications of the Japanese Transition to Capitalism", *The Insurgent Sociologist* 7 (Spring 1977), pp. 85–98; Trimberger, *Revolution From Above: Military Bureaucrats and Modernization in Japan, Turkey, Egypt, and Peru* (New Brunswick, N.J.: Transaction books, 1978) и Фред Блок (Fred Block, "The Ruling Class Does Not Rule: Notes on the Marxist Theory of the State", *Socialist Revolution* no. 33 (May–June 1977), pp. 6–28). Я испытала весьма сильное влияние этих работ, а также личного общения с Тримбергер и Блоком.

76. Offe, "Structural Problems of Capitalist State".

77. «Редукционизм классовой борьбы» кажется мне удачной характеристикой позиции Пулантаса в работах: "Capitalist State: Reply to Miliband and Laclau"; *Crisis of Dictatorships*. Эта перспектива также развивается некоторыми американскими структуралистами в: Gosta Esping-Andersen, Roger Friedland, and Erik Olin Wright, "Modes of Class Struggle and the Capitalist State", *Kapitalistate* no. 4–5 (Summer 1976), pp. 186–220.

посвящена исследованию государственных структур как таковых. В сходном с теоретиками классовой борьбы, но все же несколько отличном от них духе Терборн конструирует и сравнивает типологические модели различных форм и функций государственных организаций и их деятельности в рамках феодального, капиталистического и социалистического способов производства. Он пытается напрямую из тех или иных базисных классовых отношений вывести структуру государства, соответствующую каждому из способов производства. Таким образом, наряду со структурным теоретиком Никосом Пуланцасом Терборн настаивает на том, что «государство не должно рассматриваться ни как особенный институт, ни как средство, но как отношение — как материализованная концентрация классовых отношений в данном обществе»⁷⁸.

Поэтому в современных марксистских дискуссиях о государстве камнем преткновения является проблема автономии государства, так как большинство участников дискуссии склонны рассматривать государство либо в совершенно функционалистской манере, либо в качестве одного из аспектов классовых отношений или борьбы. Несомненно, это попытка установить (или вновь установить, так как это и было классической марксистской позицией), что государства не просто создаются или используются господствующими классами. Тем не менее, для марксистов по-прежнему существенно важны вопросы о том, что представляют собой государства сами по себе, как различаются их структуры, а также как развивается их деятельность по отношению к социально-экономическим структурам. Пока что практически все марксисты продолжают просто исходить из того, что формы и деятельность государства варьируются в зависимости от способов производства и что правители государства не имеют возможности действовать против фундаментальных интересов господствующего класса. Концепции остаются ограничены вопросами о том, как государства трансформируются вместе со способами производства и господствующими классами и как функционируют для них. В результате по-прежнему практически никто

78. Therborn, *Ruling Class*, p. 34.

не ставит под сомнение эту марксистскую версию стародавней тенденции социологии объединять государство и общество.

Однако если мы намереваемся хорошо подготовиться к анализу социальных революций, то эту давнюю социологическую тенденцию необходимо поставить под сомнение. На первый взгляд, перспектива социально-структурного детерминизма (особенно включающая какую-либо разновидность классового анализа) кажется очевидно плодотворным подходом. Это выглядит так потому, что одним из основных компонентов социальных революций действительно является классовая борьба, а результатом — фундаментальные социально-структурные трансформации. Тем не менее исторические реалии социальных революций настоятельно требуют подхода, в большей мере сконцентрированного на государстве. Как будет показано в ключевых главах этой книги, политические кризисы, дающие начало социальным революциям, вообще не были эпифеноменальными отражениями социальной напряженности или классовых противоречий. Они скорее были прямым выражением противоречий в государственных структурах старых порядков. Конфликтующие политические группы, фигурировавшие в социально-революционных битвах, были не просто представителями социальных интересов и сил. Они скорее формировали группы интересов в рамках государственных структур и вели борьбу за придание тех или иных форм этим структурам. Авангардные партии, возникавшие на радикальных этапах социальных революций, были единственными строителями централизованных армий и администраций, без которых революционные трансформации не осуществились бы. Более того, социальные революции изменили государственные структуры в той же или даже в большей степени, нежели классовые отношения, социальные ценности и институты. Кроме того, влияние социальных революций на дальнейшее экономическое и социально-политическое развитие преобразованных ими стран обязано не только изменениям в классовых структурах, но и изменениям в структурах и функциях государств, установленных этими революциями. В целом классовые сдвиги и социально-экономические

трансформации, свойственные социальным революциям, были тесно связаны с крахом государственных организаций старых порядков и формированием государственных организаций новых порядков.

Социально-революционные трансформации можно понять, только всерьез рассматривая государство в качестве макроструктуры. Правильно понятое, государство более не является всего лишь ареной, на которой происходит социально-экономическая борьба. Напротив, оно представляет собой ряд административных, полицейских и военных организаций, возглавляемых и более или менее координируемых исполнительной властью. Любое государство прежде всего и по сути своей извлекает ресурсы из общества и направляет их на создание и обеспечение организаций управления и принуждения⁷⁹. Конечно, эти базовые государственные организации выстраиваются и должны осуществлять свою деятельность в контексте социально-экономических отношений разделения на классы, а также в контексте национальной и международной экономической динамик. Более того, организации управления и принуждения суть только части политических систем в целом. Эти системы могут содержать институты, представляющие социальные интересы в государственной политике, так же как институты, с помощью которых негосударственные акторы мобилизуются для участия в политике. Тем не менее организации управления и принуждения являются основой государственной власти как таковой.

Там, где они существуют, эти базовые государственные организации в минимальной степени, но обладают потенциальной автономией от прямого контроля со стороны господствующего класса. Степень, в которой они *реально* автономны (и в каком смысле), варьи-

79. Мои представления о государстве сформировались под непосредственным влиянием таких классических и современных работ, как: Max Weber, *Economy and Society*, 3 vols., ed. Guenther Roth and Claus Wittich (New York: Bedminster Press, 1968), vol. 2, ch. 9 and vol. 3, chs. 10–13; Otto Hintze, очерки в *Historical Essays*, ed. Felix Gilbert, chs. 4–6, 11; Tilly, ed., *Formation of National States*; Randall Collins, *Conflict Sociology* (New York: Academic Press, 1975), ch. 7; Collins, "A Comparative Approach to Political Sociology", pp. 42–69 in *State and Society*, eds. Bendix et al.; Franz Schurmann, *The Logic of World Power* (New York: Pantheon Books, 1974). Смотри также ссылки в сноске 75.

рует от случая к случаю. Стоит подчеркнуть, что реальная степень и последствия автономии государства могут быть проанализированы и объяснены только в категориях, отражающих специфику конкретных типов социально-политических систем и конкретных исторических международных обстоятельств. Вот почему введение к главе 2 включает обсуждение институциональных форм государственной власти в аграрных государствах, таких как дореволюционные Франция, Россия и Китай. Также будут обозначены возможные линии конфликта между землевладельческими господствующими классами и государственными правителями в таких государствах. Сейчас нет необходимости вдаваться в эту дискуссию. Для целей развернутой сейчас аргументации достаточно отметить, что государства потенциально автономны, и выявить, какие особые интересы они *могут* преследовать.

Государственные организации с необходимостью соперничают, до определенной степени, с господствующим классом (классами) в присвоении ресурсов экономики и общества. И цели, на которые эти ресурсы после присвоения направляются, вполне могут отличаться от интересов существующего господствующего класса. Ресурсы могут использоваться для увеличения размеров и автономии самого государства. А это с необходимостью угрожает господствующему классу (если только большее могущество государства не является крайне необходимым и может быть действительно использовано для поддержания интересов господствующего класса). Но использование силы государства для поддержки интересов господствующего класса не неизбежно. Действительно, попытки правителей выполнять только «собственно государственные» функции могут породить конфликты интересов с господствующим классом. Государство обычно выполняет две основные группы задач: оно поддерживает порядок и конкурирует с другими реальными или потенциальными государствами. Как отмечают марксисты, обычной функцией государств является сохранение существующих экономических и классовых структур, поскольку в нормальных условиях это самый беспроблемный способ поддержания порядка. Тем не менее государство имеет свои

особые интересы, связанные с подчиненными классами. Хотя и государство, и господствующие классы в широком плане разделяют заинтересованность в том, чтобы удерживать подчиненные классы на отведенном им месте в обществе и на работе в существующей экономике, собственные фундаментальные интересы государства в поддержании элементарного порядка и политического мира могут привести его (особенно в периоды кризиса) к уступкам в пользу подчиненных классов. Эти уступки могут быть сделаны за счет интересов господствующего класса, но не вопреки собственным интересам государства по контролю над населением, сбору налогов и рекрутированию на военную службу.

Более того, не нужно забывать, что государства также существуют в определенной геополитической среде, во взаимодействии с другими реальными или потенциальными государствами. Существующие экономика и классовая структура обуславливают и влияют на структуру данного государства и действия его правителей. Таким образом, геополитическая среда также создает задачи и возможности для государств и накладывает ограничения на их способности справляться либо с внешними, либо с внутренними задачами или кризисами. Как однажды написал немецкий историк Отто Хайнц, два явления в первую очередь обуславливают «реальную организацию государства. Это, во-первых, структура социальных классов и, во-вторых, внешний порядок государств — их положение друг относительно друга и их общее положение в мире»⁸⁰. Действительно, включенность государства в международную сеть выступает основой для потенциальной автономии действия по отношению к группам и институтам (и против них) в пределах его юрисдикции, включая даже господствующий класс и существующие производственные отношения. Дело в том, то военное давление извне и внешнеполитические возможности могут подтолкнуть правителей к проведению политики, входящей в столкновение с фундаментальными интересами господствующего класса и даже, в крайних случаях, противоречащей им. Например, правители государства могут предпринять военные авантюры за ру-

80. Hintze, "Military Organization", in *Historical Essays*, ed. Gilbert, p. 183.

бежом, истощающие внутренние экономические ресурсы или же подрывающие, немедленно или в конечном счете, позиции господствующих социально-экономических групп. Или другой пример: правители в ответ на военную конкуренцию с зарубежными странами или угрозы завоевания могут попытаться запустить фундаментальные социально-экономические реформы или изменить курс экономического развития страны за счет государственного вмешательства. Такие программы могут быть успешно реализованы, а могут быть провалены. Но даже если они не доводятся до конца, сама попытка их осуществления может создать дополнительное столкновение интересов между государством и существующим господствующим классом.

Перспективу исследования государства, предложенную здесь, можно назвать «организационной» и «реалистической». В противоположность большинству марксистских теорий (особенно современных), эта точка зрения отказывается рассматривать государства как всего лишь аналитические аспекты абстрактно понимаемых способов производства или даже как политические аспекты конкретных классовых отношений и борьбы. Она скорее настаивает на том, что государства представляют собой реальные организации, контролирующие (или пытающиеся контролировать) территории и население. Поэтому исследователь революций должен изучать не только классовые отношения, но и отношения государств друг к другу и отношения государств к господствующим и подчиненным классам. Исследование противоречий Старого порядка и возникновения революционных кризисов в рамках исторических примеров социальных революций, рассмотренных в ключевых главах этой книги, будет сосредоточено прежде всего на отношениях государств с их зарубежными военными соперниками, а также с господствующими классами и существующими социально-экономическими структурами внутри страны. И анализ возникновения и структуры новых порядков будет фокусироваться в первую очередь на отношениях революционных движений, нацеленных на государственное строительство, с международным окружением и с теми подчиненными классами, неизменно включающими крестьянство, которые были

ключевыми участниками революционных конфликтов. Государственные организации и старых, и новых порядков займут более центральное и автономное место в этом анализе, чем в прямолинейных марксистских объяснениях.

Тем не менее организационная и реалистическая точка зрения на государство подразумевает не только отличия от марксистских подходов. Она также противостоит тем немарксистским подходам, которые рассматривают *легитимность* политических властей как важное объяснительное понятие. Если государственные организации справляются с любыми задачами, на которые претендуют, легко и эффективно, легитимность (либо в смысле морального одобрения, либо в намного более приземленном, наверное, смысле простого согласия со статус-кво) будет, вероятно, предоставлена государству, его формам и правителям большинством групп общества. В любом случае наиболее важна поддержка или лояльность не народного большинства, а политически могущественных и мобилизованных групп, неизменно включенных в кадровый состав самого режима. Потеря легитимности, особенно среди этих критически важных групп, имеет тенденцию заканчиваться отпущением там и тогда (по причинам, всегда открытым для исторических и социологических объяснений), где государство постоянно не справляется с существующими задачами или оказывается неспособным справиться с новыми задачами, неожиданно обрушившимися на него в кризисных обстоятельствах. Даже после существенных потерь в легитимности государство может оставаться вполне устойчивым (и, несомненно, неуязвимым для внутренних восстаний на низовой основе), особенно если его организации с функцией принуждения остаются цельными и эффективными⁸¹. Следовательно, структура этих организаций, их место в государственном аппарате в целом, их связи с классовыми силами и политически мобилизованными группами общества — все это важные вопросы для исследователя государств в революционных ситуациях, реальных или потенциальных. Такая аналитиче-

81. См.: Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973); Russell, *Rebellion, Revolution and Armed Force*.

сая фокусировка явно представляется более плодотворной, чем фокус преимущественно или исключительно на политической легитимации. Уменьшение легитимности режима в глазах его собственных кадров и иных политически могущественных групп может фигурировать в качестве промежуточной переменной в анализе краха режима. Но его основные причины будут найдены в структуре и возможностях государственных организаций, поскольку они обусловлены изменениями в экономике и классовой структуре, а также в международном положении.

Одним словом, государство по сути своей является двуликим Янусом, с двойственной укорененностью в социально-экономических структурах, основанных на делении на классы, и в международной системе государств. Если наша цель в том, чтобы понять крах государственных организаций и их строительство в ходе революций, то необходимо рассматривать не только деятельность социальных групп. Необходимо также фокусировать внимание на точках пересечения международных условий и давления внешних сил, с одной стороны, и классовых экономик и политически организованных интересов — с другой. Государственные руководители и их последователи будут маневрировать с целью извлечения ресурсов и построения организаций управления и принуждения именно на этом пересечении. Следовательно, это и есть то самое место, где надо искать политические противоречия, запускающие социальные революции. Здесь также обнаружатся силы, оформляющие отстраиваемые заново в ходе социально-революционных кризисов государственные организации.

В только что законченном разделе этой главы были критически рассмотрены три принципа анализа, которые являются общими для всех существующих теорий революции. Вместо них предложены альтернативные теоретические принципы. На самом деле все общие тенденции, из-за которых существующие теории были подвергнуты критике, тесно связаны между собой. Целенаправленный образ причин социальных революций дополняется внутринациональной перспективой модернизации. К тому же каждый принцип хорошо сочетается

с пониманием государства в духе социально-экономического редукционизма. Поэтому неудивительно, что предложенные здесь альтернативные принципы тоже взаимно дополняемы. Мы будем анализировать причины и процессы социальных революций с неволютаристской, структурной перспективы, учитывая международные и всемирно-исторические, а также внутринациональные структуры и процессы. Важным теоретическим дополнением будет перемещение государств (понимаемых как потенциально автономные организации, находящиеся на пересечении классовых структур и международных обстоятельств) в самый центр исследования.

В следующей части рассматривается такой метод анализа, наиболее подходящий для объяснения социальных революций.

Сравнительно-исторический метод

«Социальные революции», определяемые так, как это было сделано в начале этой работы (быстрые, фундаментальные трансформации государственных и классовых структур общества, сопровождающиеся и отчасти осуществляющиеся низовыми восстаниями на классовой основе) являются относительно редкими событиями в мировой истории Нового времени. Более того, каждая такая революция происходила особенным образом, в уникальных социально-структурных и международных обстоятельствах. Как в таком случае социолог может надеяться разработать исторически валидные объяснения социальной революции как таковой?

В современных американских общественных науках в целом предпочитают избегать изучения социальных революций, так как исследователи полагают, что действительно научным образом возможно изучать только те феномены, которые представлены достаточно большим количеством примеров. Имеет место сознательная реакция против «естественно-исторического» подхода к революциям, которому отдавало предпочтение предшествующее поколение американских обществоведов. Эти «естественные историки», прежде всего Лайффорд Эдвардс, Крейн Бринтон и Джордж Петти,

анализировали небольшое число случаев, пытаясь разработать обобщения относительно типического революционного процесса⁸². Презрительно отвергая этот подход как «слишком исторический», следующее поколение исследователей, напротив, стремилось теоретизировать только на относительно большом количестве случаев. Так, во введении к изданной в 1964 г. книге под названием «Внутренняя война» Гарри Экштейн определяет «теоретический объект» как «множество явлений, о котором можно разработать информативные, проверяемые обобщения, охватывающие все явления, причем некоторые применимы только к этим явлениям»⁸³, и заключает, что хотя «утверждение относительно двух или трех случаев, конечно, является обобщением, как оно определяется в словарях, все же обобщение в методологическом смысле должно основываться на большем их числе; оно должно охватывать количество случаев, достаточно большое для того, чтобы можно было использовать определенные строгие процедуры проверки, такие как статистический анализ»⁸⁴. Многие другие современные исследователи революций согласны с Экштейном. Вследствие этого излюбленные стратегии объяснения революций базируются на отнесении их к на много более широким категориям. В их число входят структурно-функциональные категории социальных систем (например, у Челмерса Джонсона) и такие категории, как «политическое насилие» (например, у Теда Гарра) или «коллективное действие» (например, у Чарльза Тилли), которые относятся к аспектам, общим для многих видов политических событий⁸⁵.

82. Ключевыми работами являются: Lyford P. Edwards, *The Natural History of Revolution* (1927; reprint ed., Chicago: University of Chicago Press, 1970); Эдвардс Л. Естественная история революции // Социологический журнал. 2005. № 1. С. 101–131; Crane Brinton, *The Anatomy of Revolution* (1938; rev. and expanded ed., New York: Vintage Books, 1965); George Sawyer Pettee, *The Process of Revolution* (New York: Harper and Brothers, 1938).

83. Harry Eckstein, ed., *Internal War* (New York: Free Press, 1964).

84. Ibid., p. 10.

85. Например, определение революционных перемен Челмерса Джонсона, сформулированное в категориях его универсалистской теории социальных систем, применимой ко всем обществам любой эпохи и локализации, охватывает все: от движений ревитализации в племенных обществах и религиозных войн в досовременных аграрных обществах до революций в современных национальных государствах. А Тед Гарр

Не то чтобы современные исследователи феноменов, относящихся к категории революций, рассматривали свои теории как иррелевантные по отношению к социальным революциям. Они, конечно, полагают, что их общие теории должны «применяться» к случаям революций историками или обществоведами, которые анализируют отдельные их примеры. В известном смысле такие теории, как у Джонсона, Гарра и Тилли, разумеется, применимы к отдельным случаям социальных революций. Можно найти относительную депривацию, множественность суверенитета (многовластие), разбалансировку системы и ценностно-ориентированные идеологические движения в каждой отдельной и во всех социальных революциях вместе взятых. Историки или компаративисты, применяющие метод кейстади, могли бы, таким образом, использовать эти идеи по отдельности или все вместе при рассмотрении конкретной революции. Поскольку современные теории в социальных науках оформлены в таких общих концептуальных категориях, в действительности оказывается очень трудно сказать, бывает ли вообще так, что они *неприменимы* в определенном случае. В каком обществе, например, отсутствует широко распространенная относительная депривация того или иного рода? Или как мы должны определить, синхронизирована ли социальная система, когда ее рассматриваем? Ирония заключается в том, что теоретические подходы, стремившиеся избежать ловушек чрезмерного исторического подхода к революциям, заканчивают тем, что дают немногим больше, чем указания на различные факторы, которые компара-

и Чарльз Тилли оба, невзирая на свои резкие разногласия, пытаются разместить революции в рамках более общих теорий «политического насилия» и «коллективного действия» соответственно. Именно потому, что они хотят теоретизировать только о категориях, охватывающих множество событий, чтобы их модели могли быть проверены с помощью количественных методов, Гарр и Тилли определяют революции через те количественные аспекты, которые объединяют их с множеством прочих политических событий (политическое насилие у Гарра и организованное политическое действие и смена членов политической системы, обладающих высшей властью, — у Тилли), оставляя в стороне любое внимание к крупным структурным трансформациям, выступающим отличительной чертой революций, особенно социальных революций как таковых.

тивисты могли бы принять во внимание, не имея никакого обоснования, чтобы предпочесть одни объяснения другим.

Марксистская теория работает с менее общими и более исторически обоснованными категориями, нежели современные социальные теории. К тому же она предлагает более элегантное и полное объяснение социально-революционных трансформаций как таковых (а не, скажем, «политического насилия» в общем). Таким образом, не случайно, что марксизм является той теорией в социальных науках, которую наиболее последовательно и плодотворно историки применяют, чтобы пролить свет на различные отдельные революции⁸⁶. Тем не менее взаимодействие между марксистской теорией и историей пока не полное, потому что исторические кейсы не используются для проверки и модифицирования объяснений, предлагаемых теорией. Исследователи-марксисты посвятили себя выявлению классовых конфликтов и изменений в классовых отношениях, которые действительно происходят во время революций. Но они не разработали способов проверить, действительно ли именно эти факторы отличают революции от других видов трансформаций или успешно завершённые революции от неудавшихся вспышек революции. Возможно, именно потому, что рассматриваемые ими факторы действительно являются важной частью событий, марксисты не смогли заметить критически важный момент: причинно-следственные переменные, описывающие силу и структуру государств Старого порядка, а также отношения между государственными организациями и классовыми структурами могут провести черту между успешными революциями и случаями их провала или отсутствия намного лучше, чем это делают переменные, касающиеся классовых отношений и паттернов экономического развития самих по себе. Аналогично, в своих объяснениях результатов революций марксистски ориентированные

86. «Буржуазные революции», такие как французская и английская, в рамках марксистской теории интерпретируются как некая целостность. Что касается не-буржуазных революций, в центре внимания находится роль классовых противоречий и конфликтов в качестве причин революций и их процессов, но итоги редко анализировались в марксистских категориях.

ученые подчеркивают изменения в классовых структурах и даже очень долгосрочные экономические процессы. Но они практически полностью игнорируют часто намного более поразительные трансформации в структурах и функциях государственных организаций, таких как армия и администрация, и в отношениях между государством и социальными классами. Это означает, что они снова упускают из виду определение характерных политико-институциональных изменений, которые отличают революции от нереволюционных способов развития стран.

Тот или иной разрыв между теорией и историей, таким образом, есть бич и марксистских исследований, и современных академических социальных теорий революции. Время от времени существование этого разрыва отмечают, в особенности историки. Некоторые из них жалуются на неясность современных теорий революции в социальных науках⁸⁷. Другие отстаивают непригодность марксистских понятий или объяснений для всех случаев, которые они пытались анализировать⁸⁸. К сожалению, разочарованные историки часто приходят к заключению, что их дисциплине вообще следует избегать теорий социальных наук⁸⁹. Вместо этого они отстаивают анализ революций — одной за другой, каждый в своих собственных аналитических категориях или в терминах языка акторов революции того места и времени, когда и где она происходила. На практике ни один из таких релятивистских подходов не является возможным, поскольку историки всегда должны полагаться, по крайней мере неявно, на теоретические идеи и компаративистские точки отсчета⁹⁰. Но разрыв в коммуникации между историками и регионоведами, с одной стороны, и социальными теоретиками — с другой, всегда суще-

87. См., напр.: Stone, "Theories of Revolution"; Zagorin, "Theories in Contemporary Historiography".

88. См., напр.: Alfred Cobban, *The Social Interpretation of the French Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1964); J. H. Hexter, *Reappraisals in History* (New York: Harper & Row, 1963).

89. К этому аргументу обычно прибегают историки, такие как Коббан и Хекстер, которые критикуют марксистский категориальный аппарат и соответствующие интерпретации конкретных революций.

90. Этот аргумент получил развитие в: E. H. Carr, *What is History?* (New York: Vintage Books, 1961).

ствует. В той степени, в какой он существует (а до определенной степени он существует всегда), он только умножает количество якобы общих теорий революции (или о революции), которые реально не проясняют исторически произошедшие революции, и увеличивает количество специальных исследований конкретных кейсов, в которых неосознанно используются более общие принципы анализа и объяснения. Однако, чтобы преодолеть этот разрыв, недостаточно презрительно отзывать о нем с позиции над схваткой. Единственно эффективным противоядием скорее является реальная разработка таких объяснений революций, которые проливают свет на действительно общие паттерны причин и следствий, при этом не игнорируя и не абстрагируясь тотально от тех аспектов, которые специфичны для каждой из революций и ее контекста.

К счастью, существует метод, способный помочь в разработке таких объяснений революций, которые будут одновременно обобщать различные случаи и оставаться исторически чувствительными. Социальные революции как таковые *можно* рассматривать как теоретический объект; требование формулировать объяснительные гипотезы только относительно категорий, представленных в большом количестве примеров, не является неизбежным. Теоретикам нет нужды ограничиваться исключительно применением общих концептов к отдельным случаям. Чтобы делать обобщения относительно социальных революций, чтобы разрабатывать объяснения относительно их причин и результатов, можно применять сравнительно-исторический анализ, единицами для которого станут отобранные интервалы национальных исторических траекторий. «Сравнительно-историческими» обычно довольно свободно называют исследования, в которых сопоставляются две или более исторические траектории национальных государств, комплексов институтов или цивилизаций. В этом очень широком смысле данный термин может обозначать исследования, проводимые в очень разных целях. Некоторые сравнительно-исторические исследования, такие как «Бунташный век, 1830–1930» Чарльза, Луизы и Ричарда Тилли, стремятся продемонстрировать, что некоторая общая социологическая модель применима

к различным национальным контекстам⁹¹. Другие исследования, такие как «Государственное строительство и гражданство» Рейнхарда Бендикса и «Родословные абсолютистского государства» Перри Андерсона, используют сравнения преимущественно для того, чтобы выявить контрасты среди наций или цивилизаций, взятых как некое синтетическое целое⁹². Но есть и третья версия сравнительно-исторических исследований (которую я именую методом сравнительно-исторического анализа), основной целью которых является разработка, проверка и совершенствование причинно-следственных, объяснительных гипотез относительно событий или структур, являющихся неотъемлемым элементом таких макроединиц, как национальные государства.

Сравнительно-исторический анализ имеет длинную и характерную предысторию в социальных науках. Его логика была ясно изложена Джоном Стюартом Миллем в его «Системе логики»⁹³. Этот метод с огромным успехом применялся такими классиками социально-исторических исследований, как Алексис де Токвиль и Марк Блок⁹⁴. Этот метод продолжают разрабатывать и применять современные исследователи; вероятно, самым известным примером выступает Баррингтон Мурмладший с его «Социальными истоками диктатуры и демократии»⁹⁵. Сравнительно-исторический анализ

91. Charles Tilly, Louise Tilly, and Richard Tilly, *The Rebellious Century 1830–1930* (Cambridge: Harvard University Press, 1975).

92. Reinhard Bendix, *Nation-Building and Citizenship* (New York: Wiley, 1964). См. ссылку на Андерсона в сноске 71. Хотя теоретический подход Бендикса — веберовский, а Андерсона — марксистский, эти авторы используют схожие типы сравнительного анализа.

93. См. Ernest Nagel, ed., *John Stuart Mill's Philosophy of Scientific Method* (New York: Hafner, 1950), bk. III, ch. 8.

94. Анализ того, как сравнительный метод использовал Токвиль, см. в: Neil J. Smelser, *Comparative Methods in the Social Sciences* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976), ch. 2. О Марке Блоке см.: William H. Sewell, Jr., "Marc Bloch and the Logic of Comparative History", *History and Theory* 6:2 (1967), pp. 208–218.

95. Современные дискуссии о сравнительном анализе см. в: Smelser, *Comparative Methods in the Social Sciences*; Arend Lijphart, "Comparative Politics and the Comparative Method", *American Political Science Review* 65:3–4 (1971), pp. 682–693; Hopkins and Wallerstein, "Comparative Study of National Societies"; Morris Zelditch, Jr., "Intelligible Comparisons", in *Comparative Methods in Sociology*, ed. Iyan Vallier (Berkeley: University of California Press, 1971), pp. 267–307.

особенно актуален для разработки объяснений макроисторических явлений, которые по своей сути таковы, что неизбежно будут представлены лишь небольшим количеством случаев. Этим они отличаются от более многочисленных и операциональных явлений, пригодных для экспериментального изучения, и от других феноменов, представленных достаточно большим числом случаев, необходимым для статистического анализа. Сравнительно-исторический анализ на самом деле выступает методом многомерного анализа, к которому прибегают тогда, когда имеется слишком много переменных, а случаев недостает.

С точки зрения логики, как работает сравнительно-исторический анализ? По сути, мы пытаемся установить обоснованные связи потенциальных причин с явлением, которое стараемся объяснить. Здесь есть два основных пути. Во-первых, можно попытаться установить, что общего между несколькими примерами, в которых проявляется объясняемый феномен и которые также объединены рядом причинно-следственных факторов, хотя эти примеры и различаются в других отношениях, которые могут показаться каузально релевантными. Этот подход представляет собой то, что Милль называл «методом сходства». Во-вторых, можно противопоставить те примеры, где присутствует объясняемый феномен, и его гипотетические причины — иным примерам, в которых и феномен, и причины отсутствуют, но есть сходство с первыми примерами в других отношениях. Эту процедуру Милль называл «методом различия». Сам по себе это более сильный метод, чем отдельно взятый метод сходства для установления каузальных связей (в случае если можно найти подходящие негативные примеры для необходимого противопоставления). Однако на практике часто возможно и, разумеется, желательно объединять эти две компаративистские логики. Это достигается использованием сразу нескольких позитивных примеров наряду с подходящими негативными примерами в качестве контраста.

Именно таким будет подход в этой книге. Франция, Россия и Китай будут служить тремя позитивными примерами успешной социальной революции, и я буду утверждать, что эти случаи демонстрируют сходные

причины, несмотря на множество прочих различий. Вдобавок к этому я буду обращаться к негативным примерам для обоснования отдельных частей причинно-следственной аргументации. Делая это, я всегда буду выстраивать противопоставления так, чтобы максимизировать сходство негативного примера (или примеров) с позитивным примером (примерами) в каждом предположительно релевантном отношении, за исключением той причинно-следственной цепочки, которую это противопоставление должно обосновать. Так, например, неудавшаяся русская революция 1905 г. будет сопоставлена с удавшейся революцией 1917 г. для того, чтобы обосновать доводы о критической важности для успеха социальной революции в России военных процессов, которые привели к краху репрессивного потенциала государства. Более того, избранные аспекты английской, японской и германской истории будут использованы в разных местах, чтобы подкрепить аргументы о причинах революционных политических кризисов и крестьянских восстаний во Франции, России и Китае. Такие примеры подходят для противопоставления: эти страны можно сравнивать, так как они прошли через не-социально-революционные кризисы и трансформации в весьма сходных обстоятельствах и на близком историческом интервале с Францией, Россией и Китаем.

На первый взгляд, сравнительно-исторический анализ может показаться не столь уж далеким от подхода «естественной истории» Лайфорда Эдвардса, Крейна Бринтона и Джорджа Петти. Они также проводили глубокий анализ и сравнение узкого ряда исторических примеров. Однако на самом деле сравнительно-исторический и естественно-исторический подходы к исследованию революций отличаются и по цели, и по методу анализа. В то время как целью сравнительно-исторического исследования является установить причины революций, «естественные историки» стремились описать типический цикл, или последовательность стадий, которые должны быть характерны для революционных процессов. Роберт Парк в своем вступлении к «Естественной истории революций» Лайфорда Эдвардса пишет:

Каждое социальное изменение, которое поддается описанию в концептуальных понятиях, должно иметь... свой характерный цикл. Это одна из предпосылок, на которых основывается это исследование. В плане научного метода это описание цикла представляется первым шагом в анализе социальных изменений где бы то ни было⁹⁶.

Методологически «естественные историки» анализировали революции, пытаясь подвести либо части различных примеров (например, Эдвардс), либо примеры в целом (например, Бринтон) под метафоры, которые, казалось, лучше всего описывают их общие стадии развития и, соответственно, последовательность, якобы «естественную» для революций. К примеру, Бринтон открыто применял метафору болезни, которая также неявно использовалась Эдвардсом:

Мы будем рассматривать революции как некую разновидность лихорадки... В обществе примерно за поколение до вспышки революции... могут быть обнаружены признаки приближающейся пертурбации... Они описываются как *предварительные симптомы*, информирующие очень проницательного диагноста, что болезнь приближается, но еще недостаточно развилась, чтобы быть болезнью. Затем наступает время, когда себя проявляют полноценные симптомы и мы говорим, что революционная лихорадка началась. Она развивается не равномерно, но всплесками и отступлениями в кризис, часто сопровождающийся горячкой, правлением наиболее неистовых революционеров, Царством Террора. После кризиса приходит период выздоровления, обычно отмеченный одним или двумя рецидивами. Наконец лихорадка проходит, и пациент снова приходит в себя, возможно, в некоторых отношениях став сильнее из-за пережитого, приобретая хотя бы на время иммунитет от подобных приступов, но, конечно, не полностью преобразенный...⁹⁷

Разумеется, «естественные историки» также предлагали, по крайней мере неявно, некоторые теоретические гипотезы о причинах революции. Они были преимущественно социально-психологическими, и (что важно для наших целей) мало усилий уделялось сравнению исторических примеров для обоснования этих гипотез. Вместо этого теоретические гипотезы просто применялись к анали-

96. Edwards, *Natural History*, p. xviii.

97. Brinton, *Anatomy of Revolution*, pp. 16–17.

зу в целом, а исторические материалы использовались в первую очередь для иллюстрации метафорической последовательности стадий. Нельзя сказать, что результаты естественно-исторических исследований не обладают никакой ценностью (действительно, в них много прозрений относительно революционных процессов, они могут и сегодня быть полезным чтением), но они очень отличаются от сравнительно-исторического анализа. Такой анализ применяет сравнения позитивных примеров, а также сравнения позитивных с негативными примерами для выявления и обоснования причин революций, а не их описаний. Более того, сравнительно-исторический анализ ни в какой мере не исходит из того и не пытается доказать, что революционные процессы должны описываться сходным образом в своих конкретных траекториях от случая к случаю. Дело в том, что аналитически сходные группы причин могут действовать в ряде случаев, даже если природа конфликтов и их временная последовательность различны, и даже если, например, один случай приводит к консервативной реакции, а другой — нет (вообще или к аналогичной). В рамках сравнительно-исторического анализа подобные различия не мешают определить сходные причины разных революций. В то же самое время они представляют различия, которые сами могут быть объяснены путем сравнения позитивных исторических кейсов друг с другом.

Конечно, сравнительная история обладает собственными трудностями и ограничениями, и некоторые особенно значимые из них заслуживают краткого обсуждения. Прежде всего, существуют неизбежные трудности в применении этого метода в соответствии с его логикой. Часто невозможно найти именно те исторические кейсы, которые необходимы для логики определенного сравнения. И даже когда находятся довольно подходящие кейсы, совершенного контроля над всеми потенциально релевантными переменными никогда не добиться. Поэтому приходится делать стратегические предположения о том, каковы, вероятно, реальные причины, — то есть какие из них действительно могут или не могут повлиять на объект исследования. В результате всегда остаются неизученные особенности контекста исторических случаев, которые связаны с детально изучаемыми при-

чинами таким образом, что сравнительно-исторический анализ либо этой связи вообще не выявляет, либо вынужден исходить из ее нерелевантности⁹⁸.

Другая группа проблем обусловлена тем фактом, что сравнительно-исторический анализ с необходимостью исходит из допущения (как любая многомерная логика), что сопоставляемые единицы независимы друг от друга. Но в реальности это допущение редко (если вообще когда-либо) является полностью обоснованным для таких макрофеноменов, как революции. Ибо, как мы уже отмечали, эти феномены возникают в уникальных всемирно-исторических контекстах, которые меняются со временем, и к тому же в рамках международных структур, связывающих одно общество с другим. Для значительной части данного сравнительного исследования можно придерживаться предположения о независимости единиц. Так, например, я намерена рассматривать Францию, Россию и Китай при Старом порядке как в основном сходные и не связанные между собой аграрные государства, с целью выявить причины французской, русской и китайской революций. Но рано или поздно в большинстве макроисследований необходимо будет делать поправку на уникальные воздействия мирового окружения и времени, а также на взаимодействие между единицами. Таким образом, я буду встраивать в мой анализ влияние уникальных всемирно-исторических контекстов на французскую революцию XVIII в. и русскую и китайскую XX в., а также буду учитывать тот факт, что русские революционеры реально оказали влияние на китайскую революцию, распространяя коммунистическую партийную модель и политику через Коминтерн.

И наконец, необходимо подчеркнуть, что сравнительно-исторический анализ не подменяет собой теорию. Действительно, для его применения незаменима помощь теоретических концепций и гипотез. Поскольку сам по себе сравнительный метод не может определить феномен, который должен исследоваться. Он не может отобрать подходящие единицы анализа или определить,

98. Эта трудность подчеркивается в: Adam Przeworski and Henry Teune, *The Logic of Comparative Social Inquiry* (New York: Wiley, 1970). Пути ее преодоления обсуждаются в: Smelser, *Comparative Methods*, chs. 6-7 passim.

какие исторические примеры следует изучать. Он также не способен предоставить причинно-следственных гипотез, которые нужно проверить. Все это должно проистекать из макросоциологического воображения, вооруженного знанием современных теоретических дискуссий и чувствительного к структурам групп исторических примеров.

И все же сравнительно-исторический анализ действительно предоставляет ценный критерий проверки или базис для теоретических спекуляций. Он поощряет детальную разработку имеющихся причинно-следственных аргументов, выдвигаемых гранд-теориями, и, в случае необходимости, объединение разнородных аргументов для того, чтобы остаться верным исходной цели — которой, само собой разумеется, выступает реальное выявление причинно-следственных закономерностей, действующих для множеств исторических случаев. Каким бы ни был источник (или источники) теоретического вдохновения, сравнительная история увенчается успехом, только если убедительно достигнет этой цели. И сравнительно-исторический анализ, когда он *действительно* успешно применяется, служит идеальной стратегией взаимодействия между теорией и историей. Если не применять его механически, то он может способствовать расширению и переформулировке теории, с одной стороны, и появлению новых перспектив видения конкретных исторических случаев — с другой.

Почему Франция, Россия и Китай?

В предыдущих разделах этой главы были обозначены теоретические основы исследования и представлен его метод. И то и другое в принципе применимо к изучению многих возможных примеров социальных революций. Разумеется, в этой книге не проводится глубокий анализ всех имеющихся исторических случаев таких революций. В ней также не анализируется «случайная» выборка из всего множества возможных случаев. На самом деле сравнительно-исторический анализ лучше всего работает тогда, когда применяется к нескольким примерам, обладающим определенными общими основными

чертами. Примеры необходимо тщательно подбирать, и критерии для объединения их в одну группу следует заявлять открыто. В следующих главах французская, русская и китайская революции будут рассматриваться вместе, как сходные по существу примеры успешных социально-революционных трансформаций. Здесь, следовательно, надо сказать несколько слов для обоснования такого отбора примеров.

Есть несколько важных практических причин, почему эти, а не другие социальные революции были отобраны для анализа. Во-первых, все они произошли в странах, чьи государственные и классовые структуры не были недавно созданы или трансформированы в своей основе посредством колониального господства. Это соображение устраняет многие сложности, которые пришлось бы систематически рассматривать в ходе любого анализа революций в постколониальных или неоколониальных условиях. Более того, французская, русская и китайская революция все вспыхнули и (после более или менее продолжительной классовой и политической борьбы) завершились консолидацией революционной государственной власти достаточно давно, чтобы можно было исследовать и сравнивать все три *именно* в качестве революционных трансформаций. Иными словами, возможно проследить ход каждой революции от гибели Старого порядка до возникновения иным образом структурированного нового порядка. Для сравнительной истории, без сомнения, справедлива максима Гегеля: «сова Минервы вылетает в полночь».

Однако необходимы более веские основания, чтобы объяснить не только почему Франция, Россия и Китай были выбраны для серьезного изучения, но также и почему все три были сгруппированы вместе как фундаментально *сходные* примеры социальных революций. Поскольку, согласно большинству существующих способов определения и группировки революций для целей сравнительного исследования, Францию, Россию и Китай просто невозможно свести вместе — разумеется, не все они ставятся в один ряд⁹⁹. Франция была при-

99. Например, исследователи-марксисты постулируют фундаментальное различие между «буржуазными» революциями — такими как во Фран-

мером совершившейся до XX в. европейской революции, обычно рассматриваемой как буржуазно-капиталистическая или либерально-демократическая по своей природе. В зависимости от того или иного понятийного каркаса в России произошла либо антиабсолютистская революция, либо государственно-девелопменталистская, либо пролетарско-коммунистическая революция. Ряд исследователей отнесли бы ее к одной группе с Францией, другие — с Китаем. Но никто не согласился бы, что она входит в одну группу с обоими¹⁰⁰. Дело в том, что Китай не рассматривается как нечто, что можно было бы обоснованно отнести к одному классу с Францией, поскольку французская революция была «буржуазной» или «либеральной», а китайская — очевидно, ни тем, ни другим, или в том, что Китай надо объединять в одну группу с национально-освободительными революциями третьего мира, а не с какими-либо европейскими революциями.

ции, — и «социалистическими» (или, по крайней мере, антикапиталистическими) революциями — такими как в России и Китае. В чем-то аналогичным образом немарксистские историки часто проводят резкое различие между антиабсолютистскими, либерально-демократическими революциями, с одной стороны, и коллективистскими, укрепляющими государство революциями — с другой. И наконец, среди специалистов становится широко распространено противопоставлять всем «европейским революциям» (от английской до русской) национально-освободительные революции, которые имели место в различных странах «третьего мира» после Второй мировой войны. Это разграничение используется и Илбаки Хермасси (Elbaki Hermassi, "Toward a Comparative Study of Revolutions", *Comparative Studies in Society and History* 18:2 (April 1976), pp. 211–235), и Маргином Малией (Martin Malia, "The Escalation of European Revolution: 1640, 1789, 1848, 1917" (Paper presented at the Annual Meeting of the Modern European Section of the American Historical Association, Atlanta, Georgia, December, 1975), pp. 5–9). И Хермасси, и Малия рассматривают китайскую революцию в качестве национально-освободительной («периферийной», или «революции третьего мира»).

100. Малия в вышеупомянутой работе рассматривает русскую революцию как антиабсолютистскую, наряду со всеми прочими европейскими революциями, включая французскую. Хермасси же рассматривает русскую революцию как прототип «девелопменталистской» революции, противопоставляя ее и «демократическим» революциям, таким как французская, и «периферийным» революциям, таким как китайская. Баррингтон Мур в «Социальных истоках» рассматривает Россию и Китай в качестве примеров крестьянских/коммунистических революций, в противоположность либерально-буржуазной французской революции. Классификация Мура, вероятно, является наиболее типичной, хотя другие ученые обычно используют и другие обозначения.

Однако исходной посылкой этой работы является то, что Франция, Россия и Китай продемонстрировали важные схожие черты старых порядков, а также революционных процессов и их результатов — более чем достаточные, чтобы оправдать их совместное рассмотрение в качестве одного образца, требующего последовательного причинно-следственного объяснения. Все три революции произошли в богатых и политически амбициозных аграрных государствах, ни одно из которых никогда не испытывало колониальной зависимости. Эти старые порядки являлись протобюрократическими автократиями, которым внезапно пришлось в военном порядке противостоять экономически более развитым соперникам. Во всех трех революциях опосредованные внешние кризисы совпали с внутренними структурными условиями и тенденциями таким образом, что породили стечение следующих обстоятельств: (1) выход из строя центрального государственного аппарата старых порядков; (2) широкий размах восстаний низших классов, в первую очередь крестьянства; (3) попытки мобилизующих массы политических лидеров консолидировать власть революционного государства. Результатом революции в каждом случае выступало централизованное, бюрократическое и национальное государство с массовым политическим участием и с возросшим великодержавным потенциалом на международной арене. Препятствия к социальному изменению в национальном масштабе, связанные с до-революционным положением высшего землевладельческого класса, были устранены (или значительно сокращены), а новый потенциал развития был создан благодаря большей централизации государства и массовому политическому участию при новых режимах.

Что бы ни было принято в других понятийных системах, французская и китайская революции (два «полярных» примера в моем трио) были не настолько уж отличны одна от другой и не настолько похожи (соответственно) на ранние европейские либеральные революции и осуществляющие национальное строительство революции третьего мира, как можно было бы подумать, исходя из их различных пространственно-временных и культурных условий. На самом деле французская революция в ключевых моментах поразительно отличалась

от английской революции XVII в. и была довольно схожа с китайской и русской революциями. Крестьянские бунты в ходе французской революции играли ключевую роль, к тому же ее политическим результатом было более централизованное и бюрократическое государство, а не либерально-парламентский режим. Что касается китайской революции, то исторически представляется удивительно недалёковидным относить ее к национально-освободительным революциям XX в. Культурная и политическая история Старого имперского порядка в Китае простиралась на многие века назад. Кроме того, китайская революция как процесс в целом была запущена в 1911 г. восстанием высшего класса против абсолютистского монархического государства, ни чем не отличающегося от восстания аристократии, положившего начало французской революции¹⁰¹. Более того, китайская революция в конце концов породила ориентированный на догоняющее развитие коммунистический режим, который, конечно, в большей (или той же) степени был похож на послереволюционный советский режим, чем на современные некоммунистические режимы третьего мира.

Учитывая тот факт, что схожих черт между этими тремя революциями достаточно для того, чтобы использовать их для проведения сравнительно-исторического исследования, такое исследование обещает быть весьма плодотворным. Можно выявить и объяснить сходные социально-политические характеристики французской,

101. Часто исследователи исходят из того, что в Китае было две революции, одна в 1911 г. и другая, столкнувшая между собой китайских коммунистов и националистов, в 1930–1940-е гг. Однако я считаю более плодотворным рассматривать китайскую революцию как единый процесс. Он растянулся от падения Старого порядка в 1911 г. (и провала попыток консолидации какого-либо нового режима в этот момент), через возникновение и соперничество за высшую власть двух направленных на государственное строительство движений (националистов и коммунистов), которое завершилось победой последних, частично предопределенной тем, что националисты ни разу не преуспели в объединении Китая под властью одного правительства. Поэтому, если кто-либо из читателей принимает для себя проводимое Самюэлем Хантингтоном различие между «западными» революциями, начинающимися с краха старого порядка, и «восточными», где возникает движение, бросающее вызов слабой власти в стране третьего мира, то я утверждаю, что Китай был на самом деле ближе к «западному» типу. Аналитическое различие Хантингтона полезно, но примеры к нему приведены неверно, к тому же сами обозначения следовало бы изменить!

русской и китайской революций в таких отношениях, которые неизбежно будут упущены исследователями, решившими рассматривать их по отдельности. Прежде всего, из сопоставления этих революций можно многое узнать о причинах и результатах участия крестьян в социальных революциях. Также многое можно узнать о процессе краха и восстановления государственных административных и принудительных организаций в ходе перехода от старых порядков к новым. Не случайно, что эти аспекты революций часто либо недооцениваются, либо упускаются во многих других сравнительных исследованиях. Это происходит потому, что большинство альтернативных категориальных схем служат тому, чтобы выявлять вместо этого либо буржуазные/пролетарские классовые конфигурации, либо паттерны легитимной политической власти и идеологического самосознания старых и новых порядков.

Но мы должны не только подчеркивать паттерны, общие для французской, русской и китайской революций. Гибкость и историческая чувствительность сравнительного метода позволит уделить внимание и особым характеристикам каждой из этих трех революций. Нет необходимости отрицать, что французская революция имела буржуазные и либеральные черты, что русская революция оказалась в итоге крайне этатистской или что в китайской революции были элементы национально-освободительной борьбы. Даже если мы в первую очередь ищем и пытаемся объяснить паттерны, общие для Франции, России и Китая, мы можем также обратить внимание на различия, характеризующие пары этих случаев или отдельные случаи. Затем они могут быть объяснены как отчасти вызванные различиями в общих причинно-следственных паттернах, отчасти — контрастами в социальных структурах Франции, России и Китая и отчасти — разницей во всемирно-историческом времени и последовательности этих трех великих революций. В результате именно те отличительные характеристики этих революций и их всемирно-исторические контексты, которые подтолкнули других исследователей к разнесению их в различные категории, будут по-новому освещены и объяснены, так как они изучаются на фоне паттернов, общих для всех трех революций.

Заглядывая вперед

Следующие главы представляют собой сравнительно-историческое исследование французской, русской и китайской революций — исследование, задуманное и осуществленное в теоретических рамках, разработанных в этой первой главе. В Части I рассматриваются структурные и исторические условия для возникновения объективных революционных ситуаций во Франции, России и Китае при Старом порядке. Глава 2 фокусирует внимание на политических кризисах абсолютистских государств, и в главе 3 анализируется положение крестьянства. Чтобы усилить обоснование основных линий аргументации, подразделы глав 2 и 3 кратко демонстрируют, что условия, предположительно критически важные для возникновения социально-революционных ситуаций во Франции, России и Китае, отсутствовали или не присутствовали все вместе в соответствующие исторические периоды в Японии, Пруссии/Германии и Англии. Таким образом, логика сравнения в Части I прежде всего подчеркивает отношения, в которых Франция, Россия и Китай были похожи. И осуществлено это подчеркивание путем сопоставления с негативными примерами.

В Части II, с другой стороны, логика сравнения полностью фокусируется на сходстве и различиях между позитивными примерами социальной революции, поскольку в Части II принимается как данность то, что Франция, Россия и Китай оказались в сходных революционных ситуациях, вызванных сходными причинами. Цель заключается в том, чтобы на этом основании объяснить результаты революций. Поэтому эта часть демонстрирует, как конфликты, развернувшиеся в ходе революционных кризисов, вели к социально-революционным результатам, где некоторые паттерны были общими для всех революций и иные отличали одну или две из них. В Части II, главе 4 представлены основные аналитические суждения, которые будут проверены для каждой революции; в главах 5, 6 и 7 рассматриваются конфликты и результаты революций во Франции, России и Китае соответственно.

Часть I

Причины социальных революций во Франции, России и Китае

ГЛАВА 2

Государства Старого порядка в состоянии кризиса

Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому.

Владимир Ленин

СОЦИАЛЬНЫЕ революции во Франции, России и Китае возникли именно из политических кризисов, центром которых были структуры государств Старого порядка и положение, в котором они находились. События 1787–1789 гг. во Франции, первой половины 1917 г. в России и 1911–1916 гг. в Китае не только подорвали самодержавные монархические режимы, но и дезорганизовали централизованный административный и принудительный контроль над потенциально мятежными низшими классами. Эти революционные кризисы развились тогда, когда государства Старого порядка стали неспособны справляться с вызовами меняющейся международной обстановки. Монархические режимы подверглись новым угрозам или усилившейся конкуренции со стороны экономически более развитых зарубежных держав. К тому же в своих ответах на эти вызовы они были ограничены или сдерживались институционализированными отношениями самодержавных государственных организаций с высшими землевладельческими классами и аграрными экономикомы. Столкнувшись с перекрестным давлением со стороны внутренних классовых структур и затруднительным положением на международной арене, эти самодержавные режимы, их централизованные администрации и армии распались, открывая дорогу социально-революционным трансформациям, инициированным восстаниями на низовой основе.

Чтобы понять природу и причины этих политических кризисов, которые запустили французскую, рус-

скую и китайскую революции, нужно иметь представление о структурах старых порядков и конфликтах, которым они были подвержены во времена, предшествующие вспышкам революций. Можно начать с того факта, что дореволюционные Франция, Россия и Китай были странами, единство которых поддерживалось самодержавными монархиями, сосредоточенными на задачах, не связанных с поддержанием внутреннего порядка и борьбы с внешними врагами. Во всех трех примерах во времена Старого порядка существовали вполне устойчивые *имперские государства* — то есть дифференцированные, координируемые из центра административные и военные иерархии, функционирующие под эгидой абсолютных монархий¹. Эти имперские государства были протобюрократическими: *некоторые* государственные должности, особенно на высших уровнях, были функционально специализированными; *некоторые* государственные служащие или аспекты должностных обязанностей регулировались с помощью точно определенных правил и иерархического руководства; и отделение государственных должностей и обязанностей от частной собственности и частных целей было *частично* институционализировано (хотя и различными способами) в рамках каждого режима. Однако ни одно из этих имперских государств не было полностью бюрократическим². Соответственно, ни одно из них не было столь же централизованным и могущественным по отношению к обществу, как современные национальные государства. В частности, стоит подчеркнуть, что имперские государства Франции, России и Китая при Старом порядке не могли непосредственно контролировать, не говоря уже о том, чтобы основательно перестраивать, местные аграрные социально-экономические отношения. Ограниченным скорее было само разнообразие или разброс

1. Используя концепцию «имперского государства» как типа государства, я опираюсь на: Frances V. Moulder, *China and the Modern World Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), p. 45. Однако, в отличие от Моулдера, я полагаю, что имперские государства были частично бюрократическими, а не не-бюрократическими.

2. Критерии бюрократии, используемые здесь, конечно, берут начало в: Max Weber, *Economy and Society*, ed. Guenther Roth and Claus Wittich, 3 vols. (New York: Bedminster Press, 1968), ch. II, особенно. pp. 956–963.

тех функций, ради выполнения которых протобюрократические государства, так сказать, и создавались: ведение войн за рубежом; надзор над обществом внутри страны для поддержания некоей видимости общего порядка; присвоение социально-экономических ресурсов через рекрутирование на военную службу и налоги на землю, население или торговлю (но не через налоги на что-либо столь трудно измеряемое, как индивидуальный доход).

Имперские государства Франции Бурбонов, России Романовых и Китая при маньчжурах базировались на крупномасштабных, преимущественно аграрных экономиках, в которых земля и (негосударственные) права на продукты сельскохозяйственного производства делились между массой крестьянских семей и высшим классом землевладельцев. В каждом из этих старых порядков важнейшим господствующим (то есть присваивающим прибавочный продукт) классом был в основном высший класс землевладельцев. Это верно даже несмотря на то, что этот класс мог быть тесно связан с богатыми торговцами и регулярно пополняться из их числа. Рыночные отношения были весьма широко развиты во всех трех дореволюционных обществах³, к тому же существовал городской рабочий класс и классы, контролировавшие торговлю и производство. Тем не менее большая часть торговли была регионального (а не общенационального) масштаба, сельское хозяйство сохраняло большую экономическую значимость, нежели торговля или ремесленное производство, а капиталистические производственные отношения не доминировали ни в сельскохозяйственных, ни в несельскохозяйственных видах деятельности. Торговые и промышленные высшие классы были симбиотически связаны с существующими землевладельческими высшими классами и/или находились в сильной зависимости от имперских

3. Дальнейшее рассмотрение и конкретные отсылки (для этого и других вводных утверждений) появятся в анализе каждого кейса ниже. Сравнение городских сетей (отчасти основанных на рыночных системах) в пяти досовременных аграрных государствах, включая Францию, Россию и Китай, представлено в работе: Gilbert Rozman, *Urban Networks in Russia, 1750-1800, and Premodern Periodization* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976), ch. 5.

государств. Фундаментальная политически значимая напряженность во всех трех старых порядках существовала не между торгово-промышленными классами и земельной аристократией. Напротив, она концентрировалась в отношениях производящих классов к господствующим классам и государствам, а также в отношениях господствующих классов землевладельцев к самодержавно-имперским государствам.

Как и во всех аграрных государствах, потенциал для крестьянских (и городских народных) восстаний всегда присутствовал во Франции, России и Китае при Старом порядке. Здесь стоит лишь отметить эту вечную, базовую напряженность в обществе, поскольку она будет рассмотрена детально в главе 3. На данном этапе необходимо сосредоточить внимание на взаимоотношениях между имперскими государствами и высшими классами землевладельцев и на возможных конфликтах, которые эти взаимоотношения могли порождать.

В определенном смысле, разумеется, имперские государства и землевладельческие высшие классы дореволюционных Франции, России и Китая были просто партнерами в контроле над крестьянством и в его эксплуатации. Как бы ни складывалась история (особенно в доабсолютистской Франции), непосредственно перед революциями землевладельческие классы никогда не бросали вызов самому существованию централизованных администраций и армий. Господствующие классы не могли защитить себя от крестьянских восстаний, опираясь исключительно на местную базу; все они оказались зависимыми, пусть и в различной степени, от централизованных монархических государств — в том, что касалось поддержания их классовых позиций и привилегий. Более того, господствующие классы привыкли к возможности частного обогащения через государственную службу. И действительно, подобное косвенное присвоение прибавочного продукта через занятие государственных должностей стало одинаково важным во Франции, России и Китае при Старом порядке.

Но даже если в определенном смысле имперские государства и землевладельческие классы были партнерами по эксплуатации, они также были и конкурентами в контроле над рабочей силой крестьянства и присвое-

нии прибавочного продукта аграрно-торговых экономик. Монархи были заинтересованы во все большем присвоении общественных ресурсов и эффективном их направлении на усиление военной мощи или на организуемое государством и контролируемое из центра экономическое развитие. Поэтому экономические интересы землевладельческих высших классов отчасти являлись препятствием, которое следовало преодолеть, поскольку землевладельческие классы были преимущественно заинтересованы либо в предотвращении роста государственного присвоения, либо в использовании государственных должностей для выкачивания доходов такими путями, которые подкрепляли бы социально-экономический статус-кво внутри страны⁴.

4. Мое исследование социально-политических структур дореволюционных Франции, России и Китая опирается на марксистский и веберийский подходы, при этом полностью не принимая теоретических наклонностей их обоих. Со стороны марксизма налицо особенно тесное сходство с концепцией абсолютистского государства в раннесовременной Европе, предложенной Перри Андерсоном в работе: Perry Anderson, *Lineages of the Absolutist State* (London: New Left Books, 1974); Андерсон П. *Подословная абсолютистского государства*. Москва: Территория будущего, 2010. Но с двумя важными отличиями: во-первых, там, где Андерсон проводит четкую границу между европейскими абсолютистскими режимами и неевропейскими аграрными империями, я вижу важные параллели в социально-экономической и политической организации (включая уничтожение политической автономии городов) между поздним имперским Китаем и аграрными абсолютистскими государствами континентальной Европы в начале эпохи модерна (при этом, разумеется, не отрицая, что общие континентальные контексты Европы и Восточной Азии были совершенно различны). Что еще более важно, я не могу согласиться с Андерсоном, что та конкретная форма государственной организации, которая рассматривается здесь — протобюрократическая монархия — фундаментально детерминирована способом производства и формой изъятия прибавочного продукта в обществе. В «феодальной» Европе государственные формы изменялись и варьировали не просто в тандеме с присутствием или отсутствием крепостничества или иных форм контроля и эксплуатации крестьян землевладельцами.

Очевидно, что мои воззрения на отношения государства и общества многим обязаны Макс Веберу (см. *Economy and Society*, ch. 9–13). Тем не менее, и с этой стороны также имеются некоторые различия. Во-первых, Вебер был склонен теоретизировать об основных формах политических структур в категориях доминирующих видов идей — традиции, харизмы, рационально-легальных норм, — с помощью которых легитимировалась власть правителей или их подчиненных, тогда как здесь в центре внимания прежде всего материально-ресурсная база и организационная форма государственной власти. Во-вторых, в той мере, в какой Вебер был готов теоретизировать о социально-поли-

Порождали ли такие объективно возможные расхождения интересов монархов и высших классов землевладельцев реальные политические конфликты во Франции, России и Китае при Старом порядке, и то, в каких формах это происходило, зависело от исторических обстоятельств и конкретных институциональных форм каждого самодержавно-имперского государства. Ни одно из этих государств ни в одном из возможных смыслов не было парламентским режимом, который предоставлял бы представителям господствующего класса на повседневной основе определенную роль в осуществлении государственной политики. Но они также не были и полностью бюрократическими государствами. Различными путями члены господствующего класса получали привилегированный доступ к государственным должностям. Сам по себе этот факт был недостаточен для того, чтобы обеспечить *контроль* господствующего класса над деятельностью государства. Но в той мере, в какой члены этого класса обретали способность к осознанной коллективной самоорганизации на высших уровнях существующих структур имперского государства, они были в состоянии *препятствовать* тем предприятиям монархов, которые шли вразрез с экономическими интересами господствующего класса. Такая обструкция могла доходить до намеренных вызовов авторитарной политической власти — и в то же время могла иметь непреднамеренные последствия в виде разрушения административной и военной целостности самой империи.

Конечно, обычно можно было ожидать, что монархи в имперских государствах никогда не попытаются проводить политику, фундаментально расходящуюся с ин-

тических структурах общества как целостностях, он обычно использовал категории, относящиеся к политическим формам самим по себе, изолированно от социально-экономических структур. К тому же он анализировал политическую динамику, прежде всего изучая борьбу между правителями и их служителями. Моя концепция структур дореволюционных Франции, России и Китая, напротив, подчеркивает взаимозависимость социально-экономических и политико-военных структур и предполагает, что основные, потенциально приводящие к противоречиям трения в этих обществах были внутренне присущи отношениям производящих классов к господствующим, а также каждого класса к государству.

тересами господствующих классов, обладающих такими важными рычагами влияния. Тем не менее факт состоит в том, что в рамках исторических периодов, которые привели к французской, русской и китайской революциям, монархи столкнулись с экстраординарными дилеммами. Как было кратко обозначено в самом начале этой главы, противоречия, приведшие к падению старых порядков, были следствием не только внутренних условий. В предреволюционный период каждый из этих режимов (Франция Бурбонов, Россия Романовых и Китай при маньчжурских правителях) оказался в ситуации усиливающегося военного соперничества с зарубежными национальными государствами, обладавшими в сравнении с ними намного большей и более гибкой властью, основанной на экономических прорывах к капиталистической индустриализации или к капиталистическому сельскому хозяйству и торговле. Успех в рамках этого соперничества с иностранными державами зависел от способности монархии к стремительной мобилизации огромных ресурсов общества и к реформам, требующим структурных трансформаций.

Тот факт, что аграрные государства, исторически вставшие на пути международной экспансии капитализма, *могли* защищать свою самостоятельность и проводить реформы сверху, не был чем-то невероятным. Пруссия и Япония (два примера, которые будут рассмотрены в конце этой главы как контраст Франции, России и Китаю) действительно мобилизовались, чтобы противостоять иностранному соперничеству в XIX в., тем самым избежав социально-революционных трансформаций. В Пруссии и Японии не были заблокированы попытки государственных элит противостоять внешним затруднениям с отсталыми аграрными экономикой или с политически могущественными высшими классами землевладельцев, заинтересованными в обуздании государственных инициатив. Напротив, реформы и меры государственной политики, разработанные для мобилизации и использования возросшего количества ресурсов, удалось реализовать бюрократам, действующим во имя традиционной легитимности.

Но во Франции XVIII в., России начала XX в. и Китае середины XIX — начала XX в. старорежимные монархии

оказались равно неспособными осуществить достаточно фундаментальные реформы или содействовать быстрому экономическому развитию для того, чтобы противостоять и выдерживать особую интенсивность военных угроз из-за рубежа, с которыми столкнулся каждый из этих режимов. И революционные политические кризисы возникли именно в силу безуспешности попыток Бурбонов, Романовых и маньчжурских правителей справиться с иностранным давлением. Именно отношения, существовавшие между монархами и их подчиненными, с одной стороны, и аграрными экономикомы и высшими землевладельческими классами — с другой, обусловили невозможность империй успешно справиться с соперничеством или вторжениями из-за рубежа. В результате старые режимы либо распались под влиянием поражения в тотальной войне с более развитыми державами (Россия), либо были свергнуты изнутри благодаря реакции политически могущественных землевладельческих высших классов на попытки монархов мобилизовать ресурсы или навязать реформы (Франция и Китай). В любом случае результатом была дезинтеграция централизованной управленческой и военной машин, которые до этого обеспечивали единственный «сплоченный бастион» социального и политического порядка. Более не подкрепленные престижем и силой принуждения самодержавной монархии, существующие классовые отношения стали уязвимы для атак снизу. Социально-революционные политические кризисы возникли тогда, как Ленин однажды удачно это сформулировал, когда стало «невозможно для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство». Имел место «кризис политики правящего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов»⁵.

Чтобы лучше обнажить то пересечение сил, которое завершилось социально-революционными политическими кризисами во Франции, России и Китае, необходимо

5. Stefan T. Possony, ed., *The Lenin Reader* (Chicago: Henry Regnery, 1966), p. 358; Цит. по: Ленин В. И. Крах II Интернационала // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 26. Москва: Издательство политической литературы, 1969. С. 218.

более детально взглянуть на каждый пример и сравнить их между собой. В оставшейся части этой главы я так и поступлю: рассмотрю характеристики государства, экономики и господствующего класса для каждого Старого порядка. Я также намереваюсь исследовать исторически индивидуальные процессы, благодаря которым международная динамика взаимодействовала с социально-политическими структурами Старого порядка, порождая революционные кризисы. Изложенные в конце этой главы аргументы для Франции, России и Китая позднее будут уточнены и обоснованы путем краткого обсуждения различий в причинах и последствиях политических кризисов в Пруссии и Японии — двух других похожих государствах, которые выдержали воздействие более развитых зарубежных стран, избежав социальных революций. Однако в первую очередь мы должны изучить старые режимы, породившие социально-революционные кризисы, начиная с Франции Бурбонов и далее вплоть до последнего случая — имперского маньчжурского Китая (в соответствии с порядком, который и аналитически удобен, и хронологически правилен, учитывая то, что китайский Старый порядок погиб в 1911 г.). После Китая мы перейдем к России при царях из династии Романовых, к ее развитию с середины XIX в. до вспышки важных революционных событий 1917 г.

Франция при Старом порядке: противоречия абсолютизма Бурбонов

Объяснения французской революции долгое время выстраивались вокруг одной из двух базовых идей или их синтеза: роста буржуазии и возникновения у мыслителей эпохи Просвещения критики традиционной, основанной на произволе власти⁶. Тем самым революции приписывали причины, имманентные для эволюции

6. Недавние полезные обзоры историографии французской революции можно найти в: Alfred Cobban, *Aspects of the French Revolution* (New York: Norton, 1970); François Furet, "Le Catechisme Revolutionnaire", *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 26:2 (March-April 1971), pp. 255–289; Gerald J. Cavanaugh, "The Present State of French Revolutionary Historiography: Alfred Cobban and Beyond", *French Historical Studies* 7:4 (Fall 1972), pp. 587–606.

французского общества и культуры. Конечно, международным окружением не пренебрегали. К нему часто обращались именно для того, чтобы продемонстрировать, как рост торговли и распространение идеалов Просвещения — феномены европейского и атлантического масштаба — были особенно интенсивными в дореволюционной Франции, особенно по сравнению с другими нелиберальными монархиями тех дней⁷.

К чему обращались значительно реже, так это к освещению всеобъемлющего военного соперничества европейских государств и рассмотрению из этой перспективы парадоксального положения Франции при Старом порядке⁸. В динамичной международной среде, где все более доминировала коммерциализирующаяся Англия, это была страна, скатившаяся (несмотря на полвека энергичного экономического роста) от почти что господства в Европе до унижительных военных поражений и банкротства монархии. Объяснение того, почему это случилось, дает возможность понять тот особый политический кризис, который запустил французскую революцию. Более того, причинно-следственные схемы, к которым мы здесь будем обращаться, оказываются вполне сопоставимы с теми, что действовали в начале других великих революций.

Государство

Мы начинаем наше исследование Франции Старого порядка с того, что определим исторический период консолидации единой имперской государственной администрации. Абсолютная монархия, долго находившаяся в процессе становления и как факт, и в воображении королей, стала преобладающей реальностью во Франции только в период правления Людовика XIV (1643–1715 гг.)⁹. Во время Фронды 1648–1653 гг. группи-

7. См., напр.: Georges Lefebvre, *The French Revolution*, trans. Elifilth Moss Evanson (New York: Columbia University Press, 1962), vol. 1; George Rude, *Revolutionary Europe, 1783–1815* (New York: Harper & Row, 1966).

8. В этом направлении начало положено С. Б. А. Беренс в: С. В. А. Behrens. *The Ancien Régime* (London: Harcourt, Brace and World, 1967).

9. Общим бэкграундом для этого и следующего параграфа (а также последующих утверждений о французском абсолютизме) служат работы: Pier-

ровки земельной аристократии в последний раз подняли оружие против централизуемой монархии. Фронта также явила собой «последнюю перед революцией попытку провозгласить хартию, ограничивающую королевский абсолютизм, и ее провал обеспечил триумф этой доктрины»¹⁰. Франция с тех пор стала управляться королевской администрацией. Около тридцати назначаемых *интендантов* представляли власть короля в провинциях. Низвергнув некогда всемогущих наследственных губернаторов из числа дворян до маргинальных ролей, эти *интенданты* взяли на себя ответственность за сбор прямых налогов, королевскую юстицию, экономическое регулирование и поддержание внутреннего порядка. Городские дела были отданы под надзор *интендантов*, к тому же за высшие муниципальные должности королева периодически требовала денег¹¹. Высочайшие представители старой знати были введены в орбиту нового версальского двора (служившего финальным символом триумфа абсолютизма), беспрецедентного по роскоши и изобилующего *синекурами*¹² и интригами.

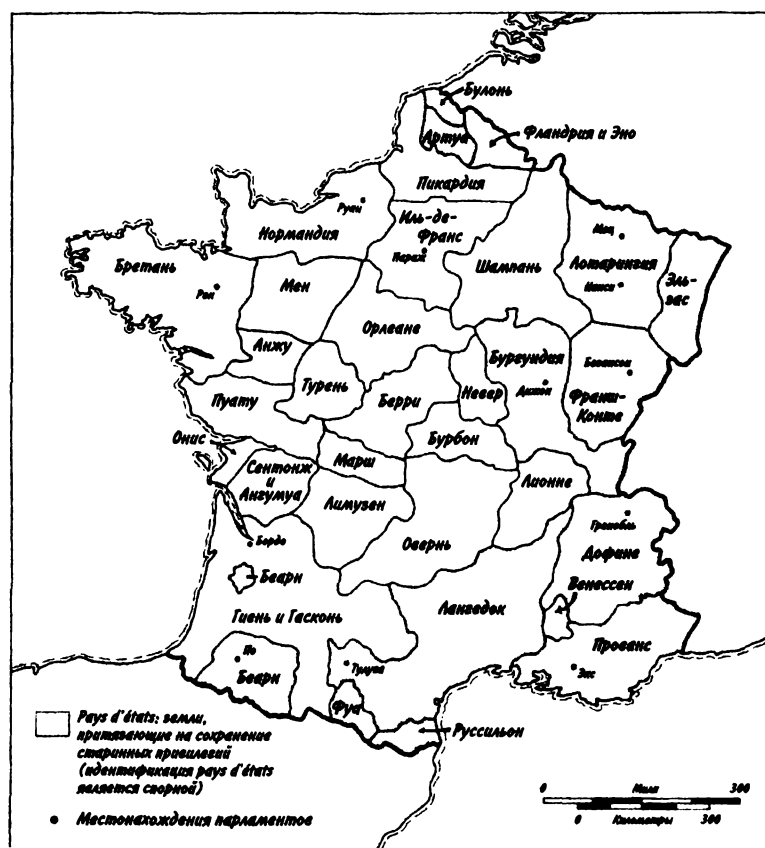
Абсолютизм восторжествовал при Людовике XIV, тем не менее государственная структура Франции Старого порядка оставалась чрезвычайно сложной и «многослойной». Хотя власть абсолютистской администрации была верховной, ее отличительные структуры (королевские советы и интендантства) в действительности не вытеснили такие децентрализованные средневековые институты, как сеньориальные поместья и суды, городские корпорации и провинциальные штаты (представитель-

re Goubert, *Louis XIV and Twenty Million Frenchmen*, trans. Anne Carter (New York: Vintage Books, 1970); Goubert, *L'Ancien Régime 2: Les Pouvoirs* (Paris: Armand Colin, 1973); W. H. Lewis, *The Splendid Century* (New York: Doubleday (Anchor Books), 1957); Menna Prestwich, "The Making of Absolute Monarchy (1559–1683)", in *France: Government and Society*, eds. J. M. Wallace-Hadrill and J. McManners (London: Methuen, 1957), pp. 105–133; G. R. R. Treasure, *Seventeenth Century France* (London: Rivingtons, 1966).

10. Leo Gershoy, *The French Revolution and Napoleon* (1933; reprint ed., New York: Appleton-Century-Crofts, 1964), p. 6.

11. Nora Temple, "The Control and Exploitation of French Towns during the Ancien Régime", *History* 51:171 (February 1966), pp. 16–34.

12. «Синекура» или, исторически, «бенефиций» — доходная должность (букв. — «тепленькое местечко»), получаемая в награду и не требующая исполнения обременительных обязанностей или напряженного труда. — *Прим. пер.*

КАРТА 1. Основные административные единицы Франции при Старом порядке, 1789 г.

Источник: M. J. Sydenham, *The French Revolution* (New York: Capricorn Books, 1966), p. 40.

ные собрания), которые находились в отдаленных провинциях, называвшихся *pays d'états*¹³. Указанные выше абсолютистские структуры также не полностью заменили более ранние монархические учреждения, такие как *парламенты* (*parlements*) (судебные корпорации, которые будут подробнее описаны ниже), ранее важные

13. *Pays d'états* — провинции с сословными собраниями, т. е. обладавшие самоуправлением. Таковые, по словам А. Токвиля, до введения интендантств «составляли $\frac{3}{4}$ всей территории Франции». — Прим. пер.

должности и институты, и практику (называемую «торговлей должностями») продажи должностей в королевской администрации богатым людям, которые впоследствии ими владели и могли продать или завещать их. Какими бы экстраординарными ни были его достижения, Людовик XIV продолжил стародавнюю французскую традицию установления новых механизмов контроля «поверх» уже существующих учреждений без их реального упразднения. Поэтому победившее самодержавие было склонно замораживать и даже обеспечивать гарантию тем самым социально-политическим институциональным формам (сеньориальным, корпоративным, провинциальным), чьи изначальные функции она замещала или вытесняла.

Наряду с поддержанием единства и порядка внутри страны, военное величие стало откровенной целью абсолютизма Бурбонов. Пережив столетие гражданских войн и отразив атаки империализма Габсбургов, французская монархия была готова к борьбе за верховенство в рамках европейской системы государств¹⁴. Для успешного исхода этой борьбы требовалась способность бороться с двумя видами врагов одновременно: другими сухопутными континентальными монархиями и все более процветающими торговыми морскими державами — Нидерландами и Англией. Первоначально перспективы казались достаточно многообещающими. Франция была объединенной, территориально компактной, многонаселенной и потенциально процветающей (как только был восстановлен политический порядок). При маркизе де Лувуа во Франции была создана первая круглогодично функционирующая постоянная армия в Европе. А Жан-Батист Кольбер создал военно-морской флот, ввел политику меркантилизма, меры поддержки и стимулирования развития промышленности, торговли и колонизации, а также реформировал королевские финансы, чтобы увеличить доходы, которые можно было пустить на военные цели¹⁵.

В период правления Людовика XIV первоначальные военные успехи Франции в Деволюционной войне

14. Ludwig Dehio, *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*, trans. Charles Fullman (New York: Vintage Books, 1962), ch. 2.

15. Treasure, *Seventeenth Century France*, chs. 19–21.

(1667–1668 гг.) и Голландской войне (1672–1678 гг.) стимулировали формирование альянса держав, обязавшихся остановить ее экспансию. В результате французы потерпели серьезные неудачи в последующих кампаниях: войне Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.) и войне за Испанское наследство (1701–1714 гг.). Более того, между 1715 и 1789 гг. Франция оказалась неспособна не только доминировать в Европе, но даже сохранить свои позиции державы первого ранга. Конечно, коалиции враждебных государств по-прежнему заключали союзы против Франции. Но столь же серьезные трудности возникали ввиду ограничений, наложенных на королевские возможности (но никогда не на амбиции!) недостатками абсолютистской системы, завершившей свое существование при Людовике XIV, а также характером французской экономики и классовой структуры. Здесь особенно уместны сравнения с Англией, поскольку именно Англия в этот период обошла Францию в гонке за европейскую (и, как оказалось, мировую капиталистическую) гегемонию.

Экономика

В XVII столетии и на протяжении всего XVIII в. Франция оставалась преимущественно аграрным обществом, с экономикой, обремененной сложной сетью собственных интересов, которые препятствовали сколько-нибудь быстрому прорыву к капиталистическому сельскому хозяйству или промышленности. На пороге революции, после 50 лет экономического роста, крестьяне по-прежнему составляли 85% примерно 26-миллионного населения¹⁶; к тому же продукция сельского хозяйства составляла по меньшей мере 60% валового национального продукта¹⁷. Торговля и некоторые еще не механизированные отрасли промышленности, несомненно, развивались во Франции XVIII в. (хотя значительная часть этого роста концентрировалась в районах, прилегающих

16. Behrens, *Ancien Régime*, p. 25. Ее оценка доли крестьянства в населении, вероятно, весьма широка: в эту категорию она включает сельскую бедноту, так же как и всех тех, кто владел землей или брал ее в аренду для работы на ней.

17. Jan Marczewski, "Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660–1958", *Economic Development and Cultural Change* 9:3 (1961), p. 379.

к атлантическим портам, которым предстояло сильно пострадать во время революции). Тем не менее, как бы ни росла торговля и зарождающаяся промышленность, они оставались симбиотически связанными с социальными и политическими структурами аграрной и имперской Франции и ограничивались ими¹⁸.

На этой стадии мировой истории прогресс промышленности с необходимостью опирался в основном на процветание в сельском хозяйстве. Но французское сельское хозяйство, хотя и продвинутое по континентальным стандартам, оставалось «отсталым» по сравнению и с английским сельским хозяйством, и с французской торговлей и промышленностью¹⁹. Земля, как находящаяся во владении крестьян, так и сдававшаяся в аренду крупными помещиками, делилась на небольшие участки. В значительной степени сельское хозяйство базировалось на системе трехпольной чересполосицы, при которой индивидуальные земельные участки делились на полосы и были разбросаны в разных местах, а треть обрабатываемых земель, так же как и некоторые общинные земли, оставляли под паром каждый год. В силу размеров Франции и недостатка внутренних дешевых средств транспортировки сыпучих грузов, региональная специализация в сельском хозяйстве Франции развивалась медленно. В Англии и Голландии в XVI–XVIII вв. произошла революция в производительности сельского хозяйства, в том числе в выращи-

18. Общее рассмотрение вопроса, прекрасно учитывающее и динамизм, и пределы экономического роста в этот период, представлено в: Jan De Vries, *The Economy of Europe in an Age of Crisis, 1600–1750* (Cambridge: Cambridge University Press, 1976).

19. Этот и следующий параграфы базируются на: Paul Bairoch, "Agriculture and the Industrial Revolution", in *The Industrial Revolution*, ed. Carlo M. Cipolla, The Fontana Economic History of Europe (London: Collins/Fontana, 1973), vol. 3, pp. 452–506; Marc Bloch, *French Rural History*, trans. Janet Sondheimer (Berkeley: University of California Press, 1970); Блок М. *Характерные черты французской аграрной истории*. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957; Ralph Davis, *The Rise of the Atlantic Economies* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1973), chs. 17, 18; F. Crouzet, "England and France in the Eighteenth Century: a Comparative Analysis of Two Economic Growths", in *The Causes of the Industrial Revolution in England*, ed. R. M. Hartwell (London: Methuen, 1967), ch. 7; Behrens, *Ancien Régime*, pp. 25–46; George V. Taylor, "Noncapitalist Wealth and the Origins of the French Revolution", *American Historical Review* 72:2 (January 1967), pp. 472–476.

вании кормовых культур и корнеплодов, наращивании поголовья скота и внесении удобрений на поля, которые теперь не нужно было оставлять под паром. Но сходные трансформации во Франции достигли только ограниченных успехов.

Внедрение новых сельскохозяйственных технологий зависело от ликвидации многих общинных обычаев и сеньориальных прав, что позволило бы консолидировать и объединить управление крупными земельными участками. Но во Франции существовал хрупкий баланс прав между многочисленным малоземельным крестьянством, которое непосредственно владело примерно третью земель, и высшим классом землевладельцев, который также имел значительную долю земель в собственности и сохранял сеньориальные права, которые могли быть использованы для получения коммерческой выгоды. Таким образом, ни одна из этих групп не находилась в таком положении, когда революционные перемены в сельскохозяйственном производстве были бы одновременно и в ее интересах, и в пределах ее возможностей. Инновациям также препятствовало тяжелое бремя королевских налогов, возложенное в основном на крестьянство, а также иррациональные методы их сбора. И наконец, существовала иная, в большей степени наделенная иронией причина того, почему тормозились структурные перемены в сельском хозяйстве. Благодаря более чем 40 годам хорошей погоды, внутреннего порядка и роста населения, валовое сельскохозяйственное производство в середине XVIII в. (1730–1770 гг.) росло огромными темпами даже при сохранении по большей части традиционных структурных ограничений. Этот рост, сопровождавшийся повышением цен и ренты, принес процветание и крупным, и мелким землевладельцам. Тем самым, вероятно, он способствовал тому, что необходимость фундаментальных структурных перемен ощущали лишь немногие правительственные чиновники и прогрессивные землевладельцы, которые наиболее остро осознавали контраст с положением дел в Англии.

Французское сельское хозяйство, в свою очередь, сдерживало развитие французской промышленности. И ее структура, и распределение выгод замедляли появление постоянно растущего массового товарного рынка.

Это было особенно характерно для товаров среднего качества, наиболее подходящих для машинного производства. В конце XVI в. французская промышленность, вероятно, была впереди английской. Но затем, примерно с 1630 по 1730 г., по французскому сельскому хозяйству, торговле и промышленности неоднократно наносили удары войны, эпидемии и голод. Тем временем рост английской экономики был достаточно устойчивым, и первые этапы революции в аграрных производственных отношениях и технологии были завершены. В течение XVIII в. экономический рост, включая внешнеторговую экспансию, и в Англии, и во Франции был быстрым и примерно эквивалентным. Но Англия уже заметно опережала соперника при учете показателей на душу населения еще до начала столетия, к тому же ее аграрная революция углублялась даже по мере роста промышленного производства в течение XVIII в. Так была подготовлена почва для английской промышленной революции, начавшейся после 1760 г. Общее развитие экономики было, несомненно, одним из факторов, лежащим в основе английского прорыва вперед, но французская экономика в XVIII в. демонстрировала сопоставимые темпы роста. Вдобавок к обширной территории и вытекающим из этого трудностям с внутренними перевозками явной отличительной чертой Франции была ее аграрная экономика. Даже процветая, она создавала намного меньший потенциал для массового рынка промышленных товаров, нежели английская, поскольку доля людей со средними доходами была меньше. Подобным же образом традиционная структура аграрного производства не могла поддерживать продолжительный рост. Рост населения, если только он не сдерживался опустошительными войнами, неизбежно следовал за увеличением производительности и вскоре опережал его, вызывая заоблачный рост цен и голод. Именно такой кризис породил рецессию в промышленном производстве после 1770 г. — как раз когда английская промышленность осваивала новые машинные технологии. «Аграрная база французской экономики еще раз продемонстрировала, в 1770–1780-е гг., свою неспособность поддерживать продолжительный рост. В 1600–1630, в 1660–1690 и в 1730–1770 гг. — раз за разом взрывное эко-

номическое развитие подходило к концу с ослаблением спроса, по мере того как кошельки опустошались из-за все более дорогих продуктов питания»²⁰.

Господствующий класс

К XVIII в. во Франции сложился особый господствующий класс. Он более не являлся «феодальным» в политическом или юридическом смысле. Но он также не был и «капиталистическим» — ни в смысле «предпринимателей», ни в марксистском смысле класса, который присваивает прибавочный продукт наемного труда и рыночные ренты, а затем реинвестирует их в целях расширения капиталистических производственных отношений и индустриализации. Тем не менее это был единый в своей основе господствующий класс — тот, что прямо или косвенно присваивал прибавочный продукт преимущественно крестьянского сельского хозяйства²¹. Это присвоение прибавочного продукта происходило с помощью смеси рентных платежей и налогов, к уплате которых отчасти принуждали судебные учреждения, где доминировали крупные землевладельцы, а также через перераспределение доходов, собранных под эгидой монархического государства. На самом деле, если термин «феодальный» использовать в одном возможном марксистском смысле, для обозначения классовых отношений присвоения прибавочного продукта (то есть присвоения землевладельческим классом с помощью институциональных средств принуждения)²², то можно сказать, что господствующий класс дореволюционной Франции был в значительной степени фео-

20. Davis, *The Rise of the Atlantic Economies*, p. 313. Анализ в этом параграфе в заметной степени опирается на Дэвиса, но также черпает факты из: Crouzet, "England and France".

21. Мои аргументы относительно господствующего класса во Франции XVIII в. по большей части вдохновлены работой: Pierre Goubert, *The Ancien Regime: French Society, 1600–1750*, trans. Steve Cox (New York: Harper & Row, 1974), в особенности главой 6.

22. См., напр., анализ феодализма Перри Андерсона в: Perry Anderson, *Passages From Antiquity to Feudalism* и *Lineages of the Absolutist State* (London: New Left Books, 1974); Андерсон П. *Переходы от античности к феодализму*. Москва: Территория будущего, 2007; Андерсон П. *Родословная абсолютистского государства*. Москва: Территория будущего, 2010.

дальным. Но важнее прийти к ясному пониманию того, каковы были (или не были) характеристики и институциональные основы этого господствующего класса.

Разумеется, Франция XVIII в. не была обществом, реально разделенным на сословия (то есть церковь, дворянство, «третье сословие»). Как отмечает Франсуа Фюре, социальные формы и идеалы, стимулируемые одновременным (и симбиотическим) ростом государственной администрации и коммерциализацией, привели к вытеснению позднесредневековой системы социальных слоев:

На самом деле французская монархия на протяжении столетий играла активную роль в разрушении общества сословий, и в XVIII столетии продолжала делать это больше чем когда-либо. Связанное с развитием товарного производства, враждебное к местным властям, сражающееся за национальное единство, государство было (наряду с деньгами, одновременно с деньгами и даже в большей степени, чем деньги) решающим источником социальной мобильности. Государство все больше вмешивалось, подрывало и разрушало вертикальную солидарность сословий, особенно дворянства. Это происходило и в социальном, и в культурном отношении: в социальном, поскольку государство учредило — наиболее заметным образом, в лице своих служащих — иное дворянство, чем дворянство феодальной эпохи. В культурном отношении государство предложило правящим группам королевства, собравшимся впредь под его эгидой, иную систему ценностей, чем та, которая основывалась на личной чести: родину и Государство. Одним словом, превратившись в полюс притяжения богатства, поскольку оно распределяло социальное продвижение в чине, монархическое государство, даже консервируя наследие сословного общества, создало параллельную и противоречащую ему социальную структуру: элиту, правящий класс²³.

Богатство и государственные должности, а не просто членство в сословии, были ключом к успеху во Франции при *ancien régime*^{24,25}. Богатство дворян чрезвычай-

23. Furet, "Le Catechisme Revolutionnaire", p. 272. Прочитированный абзац переведен с французского мною, с благодарно признаваемой помощью Джерри Кэрабла.

24. Старом порядке (фр.). — Прим. пер.

25. Этот и следующий абзацы основаны на: J. McManners, "France", in *The European Nobility in the Eighteenth Century*, ed. Albert Goodwin (New York: Harper & Row, 1967), pp. 22–42; Behrens, *Ancien Regime*, pp. 64–84; Colin Lucas, "Nob-

но разнилось. Более бедные дворяне были исключены из парижского высшего общества и комфортной стильной жизни в провинциальных городах, к тому же у них были огромные трудности с покупкой самых желанных постов в армии или гражданской администрации. С другой стороны, простолюдины, скопившие большое богатство благодаря заморской торговле или королевским финансам, или продвигавшиеся по службе путем покупки все более высоких государственных должностей, могли легко получить доступ и к дворянскому званию и привилегиям, и к высшему обществу. На самом деле многие из наиболее известных и процветающих знатных семейств XVIII в., по всей видимости, получили дворянское звание только три или четыре поколения назад.

Различие между первым (церковным) и вторым (дворянским) сословиями, с одной стороны, и третьим сословием — с другой, к XVIII в. было в большей степени подвижной переходной зоной, чем барьером — по крайней мере, с точки зрения господствующих групп. Сословие действительно было настоящим барьером на средних уровнях социального порядка, базировавшегося в основном на богатстве и занятии должностей. Тем не менее социальная напряженность, порождаемая этим (которая должна была настроить бедных дворян и образованных простолюдинов третьего сословия одновременно и друг против друга, и против богатых и привилегированных) никогда полностью не высвобождалась вплоть до революции. Она не создавала революционного кризиса²⁶.

Подобным же образом никакие классовые противоречия (основанные на столкновении несовместимых

les, Bourgeois and the Origins of the French Revolution", *Past and Present*, no. 60 (August 1973), pp. 84–126; William Doyle, "Was There an Aristocratic Reaction in Pre-Revolutionary France?" *Past and Present*, no. 57 (November 1972), pp. 97–122; D. D. Bien, "La Reaction Aristocratique avant 1789: l'Exemple de l'Armee", *Annales: Economies, Societes, Civilisations* 29:1 (January-February 1974), pp. 23–48; Jean Egret, "L'Aristocratie Parlementaire Francaise a la Fin de l'Ancien Regime", *Revue Historique* no. 208 (July-September 1952), pp. 1–14; Robert Forster, *The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century* (Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1960); Robert Forster, "The Noble Wine Producers of the Bordelais in the Eighteenth Century", *Economic History Review*, 2nd ser. 14:1 (August 1961), pp. 18–33.

26. Как это формулирует Дж. В. Тэйлор, «борьба против... аристократии была продуктом финансового и политического кризиса, который не она создала» ("Noncapitalist Wealth", p. 491).

способов производства, разделяющих господствующие страты) не создавали революционного кризиса. Как продемонстрировало превосходное исследование Джорджа Тейлора²⁷, более 80% частного богатства при Старом порядке была «собственническим» богатством:

В экономике Старого порядка была характерная конфигурация богатства, некапиталистического по своему функционированию, которая может быть названа «собственнической». Она включала инвестиции в землю, городскую собственность, покупаемые должности и ренты. Доходы, которые она приносила, были скромными, от 1 до 5%, но они были весьма постоянными и мало менялись из года в год. Эти доходы не требовали предпринимательских усилий... достаточно было просто собственности и времени²⁸.

В аграрной экономике собственническое богатство принимало формы и (а) земли, эксплуатируемой косвенно, через рентные платежи, получаемые от арендаторов, которые арендовали или пользовались участками «доменов, ферм, *métairies*²⁹, лугов, полей, лесов» и т. д., и (б) «синьории, состоящей из пошлин, монополий и прав, сохраняющихся от [феодалного] владения... слоя собственности, наложенного поверх земельной собственности поместья, наследуемого без ограничений»³⁰. Владение городскими землями и строениями было еще одним источником ренты. И затем шли продажные должности и *rentes*, чьи характеристики хорошо описаны Тейлором:

В собственнической шкале предпочтений желание обладать собственностью на должность было почти столь же сильным, как и желание обладать земельной собственностью. Покупаемая должность была долгосрочной инвестицией. Обычно она приносила низкие, но стабильные доходы и, пока собственник регулярно платил *droit annuel*³¹... он мог, с ограничениями, применявшимися к каждой должности, продать

27. George V. Taylor, "Types of Capitalism in Eighteenth-Century France", *English Historical Review* 79:312 (July 1964), pp. 478–497; Taylor, "Noncapitalist Wealth". См. также: Guy Chaussinand-Nogaret, "Capital et Structure Sociale sous l'Ancien Régime", *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 25:7 (March-April 1970), pp. 463–476.

28. Taylor, "Noncapitalist Wealth", p. 471.

29. Хуторов (фр.). — Прим. пер.

30. Taylor, "Noncapitalist Wealth", p. 471.

31. Годовую пошлину (фр.) — Прим. пер.

ее покупателю, завещать наследнику или даже сдать в аренду кому-либо... В общем, инвестиция в должность была инвестицией в положение. Что делало ее желаемой — так это статус, респектабельность, которые она даровала³².

...Вдобавок к этому... собственническое богатство инвестировалось в *rentes*. В самом широком смысле слова *rente* представляла собой ежегодный доход, получаемый от сдачи чего-либо ценного кому-то другому... *Rente perpetuelle* была рентой неопределенной продолжительности, прекращавшейся, только когда должник решал по своей собственной инициативе вернуть капитал и тем самым освободить себя от выплаты *rente*... Ее сферой было урегулирование финансовых вопросов внутри семей и между ними и инвестиции в аннуитеты, продаваемые городами, провинциальными штатами и королевским казначейством³³.

Даже самые богатые представители третьего сословия основывали свое благосостояние на сочетании *rentes*, продажных должностей, недвижимости и сеньориальных прав. Тейлор настойчиво утверждает, что «между большей частью дворянства и собственническим сектором среднего класса имела место непрерывность форм инвестиций, которая делала их в экономическом отношении единой группой. В производственных отношениях они играли общую роль»³⁴. Только те (в основном незнатные), кто был занят заморской торговлей, и те (в основном знатные), кто был занят в высших королевских финансовых учреждениях, обладали более подвижными и рискованными формами находящегося в обращении богатства. Но и для этих групп собственническое богатство было, в конечном счете, более привлекательным. Большинство успешных торговцев или финансистов переводили свои состояния в собственнические активы. Подобным же образом они обычно трансформировали свои усилия (или усилия своего потомства) в социально более «подобающие» профессии.

«Собственническое богатство», таким образом, становилось имущественным базисом господствующего класса. Однако важно отметить, насколько зависимо было собственническое богатство в своих различных формах от особенностей государственной структуры

32. Taylor, "Noncapitalist Wealth", pp. 477, 478-479.

33. Ibid., pp. 479, 481.

34. Ibid., pp. 487-488.

Франции Старого порядка. И абсолютистские, и архаические аспекты «многослойной» государственной структуры обеспечивали важнейшие опоры для социально-экономического положения господствующего класса. Французские крестьяне по-прежнему в основном придерживались дорыночных представлений о социальном и экономическом порядке и поднимали бунты и восстания, когда их общинные идеалы справедливости грубо нарушались³⁵. Таким образом, поскольку землевладельцы больше не контролировали значительные средства принуждения на местном уровне, то они зависели от абсолютистской администрации как защитника в последней инстанции. В то же время различные сеньориальные, корпоративные и провинциальные институты, сохранившиеся под покровом абсолютизма, также обладали важным социально-экономическим значением для господствующего класса. В общем и целом они не настраивали буржуазию (или верхушку третьего сословия) против дворянства, поскольку богатые из всех сословий обладали сеньориальными правами, занимали продажные должности и принадлежали к привилегированным корпорациям того или иного рода³⁶. В дореволюционной Франции эти институты скорее выражали и укрепляли преимущества богатых собственников перед бедными. Поскольку вне зависимости от того, насколько различались их социальные или политические цели, общим для всех этих прав и учреждений было то, что они предусматривали устанавливаемые государством налоговые преимущества и возможности получения доходов. Вместе с правами собственности на землю подобные льготы и возможности были важнейшим базисом богачей из господствующего класса в целом.

35. Louise Tilly, "The Food Riot as a Form of Political Conflict in France", *Journal of Interdisciplinary History* 2:1 (Summer, 1971), pp. 23-57.

36. «Привилегии» в смысле отличий или юридических льгот, которыми одни индивиды и группы обладали, а другие — нет, ни в коей мере не ограничивались сословиями дворянства и духовенства. В своей работе «Ancien Régime» С. Б. А. Беренс дает отличный анализ этого вопроса (pp. 46 ff). Она отмечает, что «дворянство составляло только одну из многих привилегированных групп и обладало [материально] полезными привилегиями, которые были менее обширными, чем у многих буржуа» (p. 59).

Ситуация зависимости от государства, естественно, делала господствующий класс заинтересованным в старых институциональных формах, таких как сеньориальные права и собственнические государственные должности, а также в новых абсолютистских функциях, особенно связанных со способностью государства обеспечивать военные успехи и облагать налогами экономическое развитие страны (до тех пор пока налоговые поступления приходили от непривилегированных налогоплательщиков). Такой господствующий класс испытывал подъемы и падения вместе с Францией как торговой, но некапиталистической, аграрно-имперской державой. Революционный кризис возник только тогда, когда эта французская державность оказалась нежизнеспособной в связи с изменениями в международном положении и конфликтами интересов между монархией и господствующим классом, имевшим множество плацдармов в структуре государства.

Войны и фискальная дилемма

По мере развития событий в XVIII в. становилось все более очевидным, что французская монархия не может исполнить свой *raison d'etre*³⁷. Военные победы, необходимые для защиты чести Франции на мировой арене, не говоря уже о защите морской торговли, оказались для нее недостижимы. Франция воевала на море и на суше в двух общеевропейских войнах XVIII в. — войне за Австрийское наследство (1740–1748 гг.) и Семилетней войне (1756–1763 гг.). В каждом из этих конфликтов ресурсы страны были напряжены до предела и жизненно важная для нее колониальная торговля была подорвана британским военным флотом. Взамен этого не было сделано никаких приобретений; напротив, Франция потеряла большие куски своей империи в Северной Америке и Индии, которые перешли к Британии³⁸.

Основное затруднение Франции было стратегическое. Будучи торговой державой, расположенной на остро-

37. Смысл существования (фр.) — Прим. пер.

38. Walter L. Dorn, *Competition for Empire, 1740–1763* (New York: Harper & Row, 1963), особенно chs. 6–8.

ве, Англия могла концентрировать почти все свои ресурсы на военно-морских силах, пригодных, в свою очередь, для защиты и расширения колониальной торговли, дававшей налоговые поступления для военных предприятий. Не было необходимости иметь в самой стране большую постоянную армию, к тому же можно было использовать ограниченные финансовые субсидии для помощи союзникам на континенте или их подстрекательства против Франции. Франция, однако, страдала от невзгод «земноводной географии». Она была или стремилась стать «одновременно и величайшей континентальной державой, и великой морской державой... Отчасти континентальная, отчасти приморская, она не могла, подобно Великобритании [или Пруссии с Австрией] устремить всю энергию в одном направлении; волей-неволей она должна была пытаться делать и то, и другое»³⁹. Франция могла надеяться победить Британию, которая становилась ее основным соперником, только оставаясь в стороне от любой одновременной общеевропейской войны на континенте и концентрируя свои ресурсы на ведении боевых действий на море. «Однако это была цель, которую Франция могла преследовать, только оставив свои притязания если не на господство, то, по крайней мере, на обладание решающим голосом в Европе... [Но] великие дела Людовика XIV в ранние годы его правления задали планку для будущих поколений»⁴⁰.

Еще более фундаментальной проблемой для Франции была недостаточность финансовых ресурсов государства. Отчасти из-за более низкого уровня национального богатства на душу населения во Франции по сравнению с Англией, а отчасти из-за того, что система налогообложения изобиловала освобождениями от налогов или налоговыми льготами для бесчисленных элит, включая должностных лиц, откупщиков, торговые и промышленные группы, а также духовенство и дворянство⁴¹, французской короне было трудно собирать достаточно

39. Walter L. Dorn, *Competition for Empire, 1740–1763*, p. 114.

40. Behrens, *Ancien Regime*, p. 153.

41. Betty Behrens, "Nobles, Privileges and Taxes in France at the End of the Ancien Régime", *Economic History Review*, 2nd ser. 15:3 (April 1963), pp. 451–475.

средств для поддержания длительных и возобновляющихся военных действий, особенно против враждебных коалиций, включающих Англию. Вместо того, чтобы поступиться своими военными амбициями, монархия Бурбонов просто занимала под высокие проценты у частных финансистов — и даже с большей регулярностью у собственных чиновников, состоящих на службе монархии. Подобно *rentes perpétuelles*⁴², которые государство продавало частным покупателям, торговля должностями была формой долгосрочного финансирования, в которой капитал «никогда» не нужно было возвращать⁴³. Вдобавок к этому, корона постоянно брала краткосрочные процентные займы у бесчисленных финансовых агентов (так как не было единого казначейства), просто приказывая им платить вперед или в большем количестве, чем налоговые поступления, получаемые ими на купленных должностях⁴⁴.

В противоположность французской монархии, английское правительство могло в чрезвычайных ситуациях получать займы быстро и под низкие проценты. Дело в том, что английские власти могли действовать через Банк Англии — публичный институт, чье существование и действия зависели исключительно от степени торгового процветания Англии и уверенности в умах высшего класса, создаваемой под тщательным контролем парламента над государственным долгом и гарантиями его выплаты. Вследствие этого, как говорит нам С. Б. А. Беренс, «хотя может показаться, что налоговые доходы британского правительства в мирное время, даже к концу XVIII в., не могли составлять больше по-

42. Пожизненная, вечная рента, аннуитет (фр.). — Прим. пер.

43. «Кроме всего прочего, она (*rente perpétuelle*) порождала ту характерную беспечность в отношении долга, которой был знаменит Старый порядок... Только когда обслуживание долгосрочного долга было столь велико, что делало дефициты неизбежными, генеральный контролер должен был прежде обсудить рефинансирование, но затем, конечно, он находил невозможным платить. Именно таковым было затруднительное положение после Американской войны» (Taylor, "Noncapitalist Wealth", pp. 481–482).

44. J. F. Boshier, *French Finances, 1770–1795: From Business to Bureaucracy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1970); George T. Matthews, *The Royal General Farms in Eighteenth Century France* (New York: Columbia University Press, 1958).

ловины французских, британские расходы на последних стадиях двух величайших войн столетия, по-видимому, превосходили расходы французов»⁴⁵.

По мере того как все новые и новые войны и военные поражения ухудшали финансовое положение французской монархии, сменявшие друг друга на этом посту министры финансов пытались реформировать налоговую систему, отменив большую часть освобождений от налогов для привилегированных групп и уравнивая налоговое бремя для провинций и областей. Поскольку взимание прямых подоходных налогов было за пределами административных возможностей всех правительств XVIII в., существовавшие прямые налоги на сельское хозяйство и косвенные налоги на предметы потребления с необходимостью оставались в силе, вероятно, с большими ставками для всех, поскольку корона нуждалась, в конечном счете, в больших денежных поступлениях⁴⁶. Естественно, все социальные группы сопротивлялись таким реформам. Но наибольшее значение имело сопротивление со стороны тех богатых, привилегированных групп, которые одновременно и занимали высокое место в обществе, и стратегически укрепили свои позиции в государственном механизме.

Самое яростное сопротивление попыткам короны выжать побольше налогов, бесспорно, оказывали *parlements*. Номинально выступая просто частью королевской администрации, эти судебные корпорации, находившиеся в Париже и ведущих провинциальных городах, были в первую очередь апелляционными судами по всем гражданским и уголовным делам. Однако вдобавок они обладали еще несколькими характеристиками, которые, вместе взятые, делали их ключевыми центрами воздействия высшего класса на королевскую власть. Во-первых, магистраты занимали свои должности на правах собственности и, соответственно, не могли быть с легкостью смещены. Более того, в качестве корпораций *parlements* контролировали доступ в свои ряды. Во-вторых, магистраты неизменно были богаты, в основном в формах, связанных с налоговыми освобождениями. Соглас-

45. Behrens, *Ancien Régime*, p. 149.

46. Behrens, "Nobles, Privileges, and Taxes".

но Франклину Форду, «их состояние включало не только должности, сами по себе представляющие крупные инвестиции, но также и внушительные накопления в ценных бумагах, недвижимости в городах и сельских сеньориях»⁴⁷. Кроме того, магистраты играли решающую роль в защите прежде всего сеньориальной собственности. Дело в том, что в качестве апелляционных судов, разбирающих споры о сеньориальных правах, *parlements* защищали эту «причудливую форму собственности», которой владели и дворяне, и буржуазия. «Действительно, — пишет Альфред Коббен, — без юридической поддержки со стороны парламентов вся система сеньориальных прав могла рухнуть, поскольку королевские чиновники были не заинтересованы в поддержании системы, которая перемещала доходы от подлежащих налогообложению [то есть крестьян] в руки тех, кого обложить налогом было нельзя»⁴⁸.

В-третьих, благодаря своим различным по размеру состояниям, стилям жизни и проживанию в основных городских центрах (включая важные региональные центры), магистраты обладали «прекрасными связями». Они вступали в браки и взаимодействовали со старым дворянством («дворянством шпаги») и с теми, кто жил с доходов от сеньориальной собственности, так же как и с семьями, недавно разбогатевшими (и недавно получившими дворянское звание) благодаря коммерции и деятельности в сфере финансов⁴⁹. Равным образом они «сохраняли контакты с другими государственными служащими, которые не вступили в ряды дворянства [и] поддерживали связи с социально менее престижной группой, а именно — юристами»⁵⁰.

И наконец, *parlements* традиционно обладали правом «опротестовывать» королевские эдикты, которые счи-

47. Franklin L. Ford, *Robe and Sword* (New York: Harper & Row, 1965), p. 248.

48. Alfred Cobban, *A History of Modern France* (Baltimore: Penguin Books, 1957), vol. 1, *Old Regime and Revolution, 1715-1799*, p. 155.

49. Ford, *Robe and Sword*; Forster, *Nobility of Toulouse*; J. H. Shennan, *The Parlement of Paris* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1968); Egret, "L'Aristocratie Parlementaire".

50. Georges Lefebvre, "The French Revolution in the Context of World History", in *Revolutions: A Comparative Study*, ed. Lawrence Kaplan (New York: Vintage Books, 1973), p. 164.

тали нарушающими обычные практики королевства. На практике это означало, что они могли затягивать реализацию мер королевской политики, которые им не нравились, путем процесса публичного обсуждения этих мер (в основном в среде высшего класса). В результате король часто терял доверие к министрам, ответственным за попытки реализации вызывающей возражения политики⁵¹.

На протяжении XVIII в. *parlements* неоднократно препятствовали попыткам министров провести налоговую реформу. Спротивление было вообще популярным делом, кроме того, предлагавшиеся реформы положили бы конец привилегиям богатых собственнических групп, таких как они сами, а также сеньоры, рантье и иные обладатели должностей, с которыми они были связаны. Примерно в середине века *parlements* даже начали утверждать право давать квазизаконодательное одобрение мерам королевской политики в качестве представителей французского народа против короны. Наконец, в 1787–1788 гг. *parlements* «открыли путь революции», вновь мобилизовав поддержку высшего класса и народа против министерских предложений реформ и высказав требование созыва Генеральных штатов⁵².

По иронии истории, начало революционного политического кризиса пришло вслед за одной войной XVIII в., из которой Франция бесспорно вышла победителем. Избежав препятствий на континенте, Франция загнала в угол британский военный флот в войне за независимость Америки. Однако «ценой американской независимости оказалась французская революция»⁵³. Поскольку из-за финансирования войны за лишение Англии ее американских колоний у королевских казначеев (примерно между 1774 и 1788 гг.) окончательно истощились возможности делать новые займы, как раз тогда, когда они резко увеличили расходы королевства и его задолженность до астрономических размеров. Расходы

51. William Doyle, "The Parlements of France and the Breakdown of the Old Regime, 1771–1788", *French Historical Studies* 6:4 (Fall 1970), pp. 415–458.

52. Shennan, *Parlement of Paris*; Ford, *Robe and Sword*; Cobban, *History of Modern France*, vol. 1.

53. Cobban, *History of Modern France*, vol. 1, p. 122.

подскочили более чем в 2,5 раза между 1770 и 1788 гг.⁵⁴, тогда как к последнему году одно обслуживание долга составляло более 50% ежегодных расходов⁵⁵. Бремя финансирования Американской войны возникло тогда, когда казначейство еще не справилось с задолженностью со времен предыдущей (Семилетней) общеевропейской войны. Налоги «были дополнительно собраны в последний раз в 1780 и 1781 гг.; в рамках существующей системы разрушаемого привилегиями налогообложения экономика не могла вынести большего»⁵⁶. И тогда, как мы уже отмечали, Франция скатилась в циклическую рецессию экономики — что сократило налоговые поступления и источники инвестиций и подстегнуло банкротства среди финансовых агентов государства⁵⁷.

И все-таки, как мудро напоминает нам Дж.Ф. Бошер: «большинство королей из династии Бурбонов переживали долги и банкротство; финансовые тяготы в поздние годы правления Людовика XIII, Людовика XIV и Людовика XV были, вероятно, столь же обременительны, как и на заре французской революции»⁵⁸. «Почему, — спрашивает он, — финансовые бедствия Людовика XVI переросли в крупномасштабный кризис?» Почему они дали начало революции? Бошер дает ответ, что некоторые процессы во Франции XVIII в. отключили старый спасительный механизм:

Любой другой финансовый кризис в монархии Бурбонов завершался Палатой правосудия [экстраординарным судопроизводством], привлекающей внимание общественности к счетоводам, откупщикам и другим финансистам [все они занимали купленные у монархии должности, которая обычно занимала у них в ожидании налоговых поступлений]... как к спекулянтам, ответственным за бедствие... Палаты правосудия обеспечивали удобный легальный инструмент для списания долгов перед финансистами и принудительного изъятия у них больших сумм. В связи с созывом этих палат корона пользовалась моментом слабости финансистов для осуществления реформ финансовых институтов...

54. Pierre Goubert, *L'Ancien Régime, 2: Les Pouvoirs* (Paris: Armand Colin, 1973), pp. 136–137.

55. Matthews, *The Royal General Farms*, p. 258.

56. Ibid., p. 257.

57. Boshier, *French Finances*, pp. 183–196, 308.

58. Ibid., p. 304.

Но в течение XVIII в. генеральные откупщики, главные сборщики налогов, главные казначеи, плательщики рент и иные высокопоставленные финансисты в большом числе стали дворянами и слились с правящими классами до такой степени, что корона не смогла учредить Палату правосудия против них. Долгая серия Палат правосудия подошла к концу в 1717 г. Те министры финансов, которые пытались предпринять что-нибудь, по своей природе представляющее атаку на финансистов, особенно Терре, Тюрго и Неккер, потерпели политическое поражение и были вынуждены уйти в отставку. Именно в этих обстоятельствах финансовые бедствия переросли в крупномасштабный кризис⁵⁹.

Одним словом, когда неутолимая склонность к войне в XVIII в. довела монархию Бурбонов до острого финансового кризиса, она столкнулась с социально сплоченным господствующим классом. Этот класс зависел от абсолютистского государства и был вовлечен в его международные миссии. Тем не менее он также был экономически заинтересован в минимизации королевского налогообложения своих богатств и способен оказывать политическое давление на абсолютистских монархов через свои институциональные плацдармы в государственном аппарате.

Революционный политический кризис

В 1787 г. новости об угрожающем финансовом состоянии монархии спровоцировали общий кризис доверия среди господствующего класса⁶⁰. В попытке упредить *parlements* министр финансов Шарль-Александр де Калонн созвал Ассамблею нотаблей (представителей господствующего класса из всех трех сословий) и представил им анализ финансовых затруднений и радикальные предложения правовых и налоговых реформ. Ключевые предложения заключались в том, чтобы ввести новый налог на все земли независимо от того, находились ли они в собственности знатных или незнатных, а также к установлению

59. Boshier, *French Finances*, pp. 304–305.

60. Этот параграф основывается на: Norman Hampson, *A Social History of the French Revolution* (Toronto: University of Toronto Press, 1963), ch. 2; A. Goodwin, "Calonne, the Assembly of French Notables of 1787 and the Origins of the Revolte Nobiliare", *English Historical Review* 61:240 (May 1946), pp. 202–234 and 61:241 (September 1946), pp. 329–377.

окружных собраний, представляющих всех землевладельцев независимо от статуса. Неудивительно, что нотабли отвергли эти идеи. Калонн был смещен и заменен на Ломеньи де Бриенна, который направил в *parlements* эдикты, содержащие модифицированную версию тех же самых идей. *Parlement* Парижа отказался зарегистрировать декреты де Бриенна и выдвинул получившее широкую поддержку требование созвать давно не собиравшиеся Генеральные штаты. Уже не будучи уверенным, что абсолютизм может решить проблемы государства, и боясь за свои привилегии, господствующий класс хотел иметь представительный орган, который бы давал рекомендации королю и свое согласие на любые новые налоги.

Сначала король ответил отказом и принял курс на то, чтобы взять верх над парламентами. Но сопротивление распространялось, особенно в провинциях. Провинциальные парламенты, провинциальные сословия в отдаленных *pays d'état* и чрезвычайные органы, созданные дворянами и/или верхушкой третьего сословия, подняли бурю протестов против «деспотизма» и в пользу созыва Генеральных штатов. Народные демонстрации, особенно из числа служителей парламентов, защищали *privilègiés* от короны. Кроме того, не на всех интендантов, военных губернаторов и армейских офицеров можно было рассчитывать для подавления сопротивления⁶¹.

Нежелание многих армейских офицеров сколько-нибудь энергично подавлять сопротивление, наряду с продолжающимся финансовым кризисом, в итоге подтолкнуло короля к капитуляции, вылившейся в созыв Генеральных штатов. Это же офицерское нежелание способствовало распространению административного хаоса и развала армии. У офицерства, рекрутируемого из различных привилегированных социальных слоев (богатого дворянства, состоятельных людей незнатного происхождения, бедного сельского дворянства) были давние

61. Hampson, *Social History*, ch. 2; Jean Egret, "The Origins of the Revolution in Brittany (1788-1789)"; Hampson, "The Pre-Revolution in Provence (1787-1789)", in *New Perspectives on the French Revolution*, ed. Jeffrey Kaplow (New York: Wiley, 1965), pp. 136-170; Jean Egret, *La Pre-Revolution Française* (Paris: Presses Universitaires de France, 1962).

и разнообразные основания для недовольства. Отчасти это недовольство было направлено на других офицеров, но в значительной степени — против короны, которая никогда не могла удовлетворить все группы⁶². Но вероятно, решающее объяснение поведения офицеров кроется в том, что почти все они были привилегированными, социально и/или экономически. Поэтому в 1787–1788 гг. многие из них отождествляли себя с *parlements*. В своей классической работе «Армии и искусство революции» Кэтрин Чорлей на основании сравнительно-исторических исследований приходит к выводу о том, что в доиндустриальных обществах армейские офицеры обычно отождествляют себя с привилегированными слоями, откуда рекрутируются и в защиту интересов которых действуют⁶³. На своих начальных стадиях и даже после, когда король сдался и согласился созвать Генеральные штаты, французская революция объединила все слои, ведомые богатыми и привилегированными, против короны. Вполне предсказуемое нежелание армейских офицеров подавлять сопротивление в этот период усугубило кризис государственной власти. Он в свою очередь высвободил политические и социальные разногласия, которые в конечном итоге сделали невозможным просто прибегнуть к репрессиям, как для короля, так и для последующих консервативных фракций господствующего класса.

Всем известно, что созыв Генеральных штатов послужил не решением финансового кризиса королевства, а шагом к революции. Факты относительно этого шага не вызывают сомнений, вопросы остаются лишь к интер-

62. О французской армии в конце Старого порядка см.: Bien, "Reaction Aristocratique: l'Exemple de l'Armee"; Emile G. Leonard, "La Question Sociale dans l'Armee Française au XVIIIe Siècle", *Annales: Economies, Societes, Civilisations* 3:2 (April-June 1948), pp. 135–149; Louis Hartmann, "Les Officiers de l'Armee Royale a la Veille de la Revolution", *Revue Historique* 100 (January-April 1909), pp. 241–268, and 101 (May-August 1909), pp. 38–79; P. Chalmin, "La Desintegration de l'Armee Royale en France a la Fin du XVIIIe Siècle", *Revue Historique de l'Armee* 20:1 (1964), pp. 75–90; S. F. Scott, "The French Revolution and the Professionalization of the French Officer Corps", in *On Military Ideology*, eds. M. Janowitz and J. Van Doom (Rotterdam University Press, 1971), pp. 18 ff.

63. Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973), pp. 138–139.

претации. Многие историки французской революции утверждают, что созыв Генеральных штатов привел к революции, потому что он выдвинул капиталистическую буржуазию, или же верхушку третьего сословия, на национальную политическую арену⁶⁴. Это произошло, когда разразились споры о том, проводить ли Штаты традиционным образом, с голосованием по сословиям, или же более унифицированным образом, с поголовным голосованием. Конечно, это спор имел решающее значение. Тем не менее многое говорит в пользу того, что его значение было не в противопоставлении одного класса или сословия другому. Оно скорее состояло в том, что данный спор углубил паралич административной системы Старого порядка и привел к ее распаду — тем самым оставив господствующий класс уязвимым перед подлинным социально-революционным воздействием низовых протестов.

В 1788 г. и начале 1789 г. господствующий класс Франции был практически един в стремлении добиться менее абсолютистского, более представительного национального правительства. Но не все были согласны относительно принципов, которые должны были точно определять, кто именно будет представлен и с какими институциональными полномочиями⁶⁵. Созыв Генеральных штатов с неизбежностью выдвинул на первый план именно эти вопросы, относительно которых в господствующем классе потенциально были самые большие разногласия. Дело в том, что Генеральные штаты не были уже установленным представительным институтом, действующим в целях примирения разнообразных

64. Классическое выражение этого тезиса см. в: Georges Lefebvre, *The Coming of the French Revolution*, trans. R. R. Palmer (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1947), pt. II.

65. Конечно, различные секторы господствующего класса позднего Старого порядка, как представляется, были намного более едины в основной посылке — жажде национальных представительных учреждений для привилегированных, — нежели различные группы дворян и чиновников, участвовавшие во Фронде 1648–1653 гг. К XVIII в. само существование объединенного, национального французского государства стало восприниматься как нечто само собой разумеющееся, тогда как привилегированные группы, участвовавшие во Фронде, занимали фундаментально противоречивые позиции за или против централизованного государства как такового.

интересов внутри господствующего класса. Напротив, Штаты пришлось создавать с нуля, привлекая представителей из мешанины сообществ, групп и корпоративных органов, из которых состояло французское общество в 1789 г. В условиях, когда «традиционные» правила последний раз применялись в 1614 г., сам процесс формирования Генеральных штатов развязал бесчисленные конфликты интересов и норм. Это было особенно верно в отношении богатых, привилегированных слоев, с их сложными подразделениями по членству в сословиях, степени знатности, видам собственности, региональным связям, принадлежности к городу или деревне, профессиональным интересами и т. д.

Более того, поскольку широкие группировки в начале 1789 г. заняли ту или иную сторону в споре о посословном или поголовном голосовании, противниками традиционной конституции и сторонниками унифицированного Национального собрания (которое включало бы голосующих индивидуально представителей всех трех сословий) были не только представители третьего сословия, но и изрядная доля дворянства — с непропорционально большим количеством дворян, привыкших, от рождения и/или в соответствии с постоянным местом проживания, к городской жизни и культуре⁶⁶. На самом деле некоторые из главных вождей «революционной буржуазии третьего сословия» были аристократами⁶⁷. Это не должно удивлять, поскольку на ранней стадии революции на кону стояла не классовая или социально-сословная структура (только народные восстания поставили бы ее под угрозу), но структура государственного управления. К тому же система представительства, которая делала бы упор на богатстве, образованности и широком общественном престиже, несомненно представлялась наиболее обоснованной из всех именно *благородным* с городскими корнями и космополитическими связями. Таким образом, они, что вполне объяснимо, были дальше

66. J. Murphy and P. Higonnet, "Les Deputes de la Noblesse aux Etats Generaux de 1789", *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine* 20 (April-June 1973), pp. 230-247.

67. Elizabeth L. Eisenstein, "Who Intervened in 1788? A Commentary on The Coming of the French Revolution", *American Historical Review* 71:1 (October 1965), pp. 77-103.

от патриархальных, сельских дворян, намеревавшихся возродить феодальную политическую конституцию, чем от представителей третьего сословия, выходцы их которого почти неизменно были из больших и малых городов.

В таком случае классовых противоречий или делений исключительно по сословным линиям и не требовалось, чтобы запустить революцию: было вполне достаточно многоаспектных политических разногласий среди правящего класса. Эти конфликты сначала парализовали, а затем разрушили административную систему Старого порядка — которая, в конце концов, никогда не базировалась на чем-либо, кроме рутинных действий различных корпоративных органов управления и обладателей покупных должностей, координируемых королем, министрами и *интендантами*. Когда в 1788 и 1789 гг. эти группы и индивиды начали пререкаться между собой о том, как должны формироваться представительные органы и какие жалобы должны быть изложены королю, открылись двери для выражения народного недовольства. Лидеры господствующего класса действительно поощряли возрастающее участие народа, обращаясь к городским народным слоям за поддержкой в борьбе за «свободу», по-разному определяемую. В эти игры играли сначала парламенты, а затем сторонники Национального собрания.

К лету 1789 г. результатом этого стала «муниципальная революция, приобретающая национальный размах волна политических революций в больших и малых городах по всей Франции, включая, разумеется, и прославленное „взятие Бастилии в Париже“»⁶⁸. В условиях одновременного политического и экономического кризиса 1788–1789 гг.⁶⁹ толпы ремесленников, лавочников, поденщиков и рабочих скитались по городам в поисках оружия и зерна, требуя хлеба и свободы⁷⁰. Энер-

68. О муниципальной революции см. в особенности: Lynn A. Hunt, "Committees and Communes: Local Politics and National Revolution in 1789", *Comparative Studies in Society and History* 18:3 (July 1976), pp. 321–346; George Rudé, "The Fall of the Bastille", in *Paris and London in the Eighteenth Century* (New York, Viking Press, 1973), pp. 82–95.

69. Природа французского экономического кризиса 1788–1789 гг. будет рассмотрена в главе 3.

70. George Rudé, *The Crowd in the French Revolution* (New York: Oxford University Press, 1959), chs. 4, 12, 13.

гичные лидеры либеральной революции, сторонники Национального собрания, формировали новые муниципальные власти, смещая служащих, назначенных королевской администрацией или лояльных ей, и рекрутировали более респектабельных из участников народных протестов в ряды городских ополчений. В свою очередь, ополчения служили противовесом королевской армии и помогали охранять порядок и собственность в городах. Так, к началу лета 1789 г. раздоры в рядах господствующего класса по поводу форм представительства завершились победой Национального собрания в Париже и его разнообразных либеральных городских сторонников по всей Франции. Эту победу сопровождал стремительный переход контроля над средствами управления и принуждения от обычно централизованной королевской администрации в децентрализованное ведение различных больших и малых городов, в основном контролируемых сторонниками Национального собрания.

Конечно, муниципальная революция оказалась лишь началом революционного процесса во Франции, который вскоре пошел вглубь: от антиабсолютистских конституционных реформ к более фундаментальным социальным и политическим трансформациям. Поэтому борьба низших классов (и прежде всего крестьянства, которое никто из господствующего класса не приглашал ввязываться в перепалку) получила свою собственную динамику и логику. К тому же без королевской администрации дворянство, в особенности сельское, не имело защиты от восстаний снизу. Но это уже вопросы, которые будут рассмотрены в последующих главах. Пока же мы должны покинуть Францию и перейти к исследованию возникновения революционного политического кризиса в позднеимперском Китае.

Китай под властью маньчжуров: от Поднебесной империи до падения имперской системы

От конфликтов и столкновений европейской системы государств, к которым Франция Бурбонов давно приспособилась, пока не встретила со своим революцион-

ным возмездием, мы переходим к другому, отдаленному, самодостаточному миру с единым гегемонистским центром. До XIX в. Китай был центром богатой цивилизации, истоки которой уходили в прошлое более чем на два тысячелетия — цивилизации, воплощенной в социально-политической структуре с более чем шестивековой историей почти полной преемственности. Проблемы обороны от внешних сил для этого имперского государства, оседлавшего обширную аграрную страну, состояли преимущественно в отражении нападений или подчинении конкурирующих народов на азиатских сухопутных границах, тогда как вторжения с моря либо игнорировались, либо с ними легко разделялись. С течением столетий правители традиционного Китая становились все более успешными в этих делах. Иноземцы могли захватывать командные посты династического правления, но китайская имперская система продолжала функционировать⁷¹. Действительно, Цин (1644–1911), династия чужестранцев-маньчжуров, китаизированного племени из южной Маньчжурии, была свидетелем апогея, а также окончательного краха этой замечательной системы.

К концу правления императора Цяньлуна (1736–1796 гг.) границы китайской империи простирались далее, чем когда-либо до или после этого: на запад до Или и границ Русского Туркестана, на юго-запад до Гималаев и пограничных государств Индии. Тибет был усмирен и поставлен под контроль; Аннам был в вассальной зависимости, и остальная часть Юго-Восточной Азии посылала дань; и Корея вновь была частью китайской сферы влияния⁷².

Вплоть до XIX в. в Поднебесной империи преобладали мир и порядок, экономическое развитие и культурное совершенствование. Затем агрессивная, экспансионистская, индустриализующаяся Европа вытолкнула Китай из его блистательной автономии в мир конку-

71. Общую историю вопроса см. в: Mark Elvin, *The Pattern of the Chinese Past* (Stanford: Stanford University Press, 1973); Wolfram Eberhard, *A History of China*, 3rd ed. (Berkeley: University of California Press, 1969).

72. Frederic Wakeman, Jr., "High Ch'ing: 1683–1839", in *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, ed. James B. Crowley (New York: Harcourt, Brace and World, 1970), pp. 4–5.

рирующих национальных государств и империалистических вторжений. Но перед тем как обсуждать, когда и почему наступили революционные последствия, рассмотрим логику Старого порядка саму по себе. Поскольку, как и в случае с Францией Бурбонов, именно сочетание необычного давления извне и особенностей внутренней структуры и развития привело китайский Старый порядок к революционному политическому кризису.

Социально-политическая структура позднеимперского Китая может быть представлена как взаимное проникновение двух «миров»:

- 1) аграрной экономики и общества деревень, вовлеченных в рыночные сети местного масштаба;
- 2) имперской государственной администрации, которая рекрутировала и нанимала образованных индивидов, знания которых подтверждались с помощью сложной экзаменационной системы. Каждая из этих сфер в аналитических целях может быть представлена самостоятельно, хотя важно с самого начала иметь в виду, что ни одна из них не функционировала изолированно от другой. В действительности их взаимопроникновение создало и поддерживало особый господствующий класс — китайских джентри⁷³.

Аграрная экономика и общество

В позднеимперские времена китайское сельское хозяйство ни в каком смысле не было «феодалным», поскольку не существовало сеньоров с юридическими правами на подати или труд крепостных, как в докапиталистической Европе. Для китайского сельского хозяйства также не были характерны большие, возделываемые самими хозяевами поместья. Напротив, земля была во владении, сдавалась в аренду, покупалась и продавалась почти всегда небольшими участками. Подавляющее большинство китайцев, по меньшей мере 80%, были крестьянами и занимались сельским хозяйством, жили в деревнях из нескольких сотен семей, каждая из которых обрабатывала

73. От англ. *gentry* — мелкопоместное дворянство. — Прим. пер.

участки земли, которыми владела, или брала в аренду, или и то и другое⁷⁴.

Не вызывает сомнения, что экономическое неравенство в Китае в значительной степени выражалось в различиях во владении землей⁷⁵. В масштабах всей страны примерно 40% сельскохозяйственных земель сдавалось в аренду помещиками. Около 30% занимавшихся сельским хозяйством семей были исключительно арендаторами, и 20% сдавали в аренду часть своих земель, оставляя 50% участков разных размеров для собственного пользования. Но большую роль играли региональные различия: в центральной части и на юге Китая доля арендуемых земель была выше, тогда как на севере и северо-западе — значительно ниже. Также существовали внутрирегиональные различия между отдельными областями. В общем и целом, сдача земли в аренду могла быть выгодной только в тех областях, где транспортировка, особенно по воде, позволяла поставлять зерно на рынки за пределы тех мест, где оно выращивалось. В Северном Китае, где основными посевными культурами были пшеница и просо, транспортировка была значительно труднее, не говоря уже о том, что урожайность была намного ниже, чем в рисоводческих внутренних районах Южного и Центрального Китая.

На самом деле в аграрном Китае была заметно развита торговля, хотя страна в целом не была интегрирована на основе рыночных отношений. Трудности транспортировки означали, что торговля была несбалансированной и фрагментированной на тысячи местных рынков, где большинство продаж сельскохозяйственной продукции было ограничено «несколькими десятками миль в диаметре»⁷⁶. «Торговля на дальние расстояния

74. Albert Feuerwerker, *The Chinese Economy, ca. 1870–1911*, Michigan Papers in Chinese Studies, no. 5 (Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1969), p. 15. На самом деле 80% — вероятно, минимальная оценка доли крестьян в населении Китая до 1911 г.

75. Исходные данные для этого и предшествующего параграфа взяты из: Dwight H. Perkins, *Agricultural Development in China, 1368–1968* (Chicago: Aldine, 1969); John Lossing Buck, *Chinese Farm Economy* (Chicago: University of Chicago Press, 1930); R. H. Tawney, *Land and Labour in China* (1932; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1966).

76. Perkins, *Agricultural Development*, p. 115. Факты о торговле, приведенные в этом параграфе, взяты из 6-й главы книги Перкинса.

в основном поставляла предметы роскоши китайским джентри и предметы необходимости в города Китая»⁷⁷. Она охватывала только 7–8% всей сельскохозяйственной продукции. Но местная и региональная торговля была очень важна. Дело в том, что хотя крестьяне и выращивали большую часть своего продовольствия, они все-таки зависели от периодически действующих рынков того, что Уильям Скиннер называл «стандартным рыночным городом», чтобы продать от одной до двух пятых урожая и получить деньги, необходимые для уплаты налогов, покупки ремесленных изделий, а также развлечений и религиозных служб. «Насколько можно судить, китайский крестьянин жил в самодостаточном мире: это был мир не деревни, но стандартного рыночного сообщества»⁷⁸, включающего от 12 до 18 деревень. Подобно этому, состоятельные семьи часто жили в рыночных городах⁷⁹, которые снабжали их предметами роскоши и обеспечивали возможности для очень выгодных вложений в ремесленные производства или, прежде всего, в содержание ломбардов и ростовщичество. Подобные инвестиции обеспечивали важное дополнение к низким доходам, которые богатые семьи получали от одной только сдачи земли в аренду, и представляли собой важный механизм присвоения прибавочного продукта в позднеимперском Китае⁸⁰.

Государство

Богатые семьи обычно стремились участвовать, путем государственной службы, в космополитической и универсальной сфере китайской жизни, недоступной для крестьянских масс. Учитывая локальный и фрагментированный характер огромной китайской аграрной экономики, только имперское государство (сконцентрированное на преемственности местных или иностранных династий, способных завоевывать и удерживать свои позиции

77. Perkins, *Agricultural Development*, p. 172.

78. G. William Skinner, "Marketing and Social Structure in Rural China (Part 1)", *The Journal of Asian Studies* 24:1 (November 1964), p. 32.

79. Gilbert Rozman, *Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973), p. 82.

80. Perkins, *Agricultural Development*, p. 184.

благодаря военной доблести) объединяло Китай в единое общество. Династия была главным элементом централизованной, автократической и протобюрократической административной структуры, на службе у которой состояло (при Цин) около 40 000 чиновников⁸¹:

Император правил как абсолютный и самовластный монарх, с окружением из различных членов императорской фамилии. На ступеньку ниже в административной иерархии был Большой совет и Большой секретариат, а ниже их — шесть (в конце концов превратившихся в двенадцать) департаментов или коллегий, примерно сопоставимых с министерствами. В подчинении центральной власти были провинциальные администрации, возглавляемые в каждом случае генерал-губернатором (императорским наместником) и/или губернатором. Вдобавок к этим чиновникам династия Цин установила в 11 провинциях пост, который «был сопоставим, но предшествовал» императорскому наместнику.

Каждая провинция делилась на более мелкие административные единицы под названием *tao*, или округа, возглавляемые интендантом. Каждый *tao* состоял из *фу*, руководимого префектом, и *фу*, в свою очередь, делились на департаменты (возглавляемые магистратами департамента) и *сянь* (возглавляемые магистратами). Все эти чиновники назначались сверху⁸².

Чиновники назначались из среды образованных обладателей дипломов, которые, вместе со своими семьями, составляли менее 2% всего населения. Большинство образованных сдавали организуемые государством экзамены по классическому конфуцианскому наследию, хотя меньшинство покупало степени и должности⁸³. Претенденты на государственные посты могли иметь практически любое происхождение, и действительно — выходцы из бедных семей иногда занимали даже высочайшие должности⁸⁴. Однако все должны были обладать, благодаря собственным ресурсам или помощи спонсоров,

81. Franz Michael, "State and Society in Nineteenth-Century China", in *Modern China*, ed. Feuerwerker (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964), p. 58.

82. Цит. по: Robert C. North and Ithiel de Sola Pool, "Kuomintang and Chinese Communist Elites", in *World Revolutionary Elites*, eds. Harold D. Lasswell and Daniel Lerner (Cambridge: MIT Press, 1966), p. 320.

83. Chung-li Chang, *The Chinese Gentry* (Seattle: University of Washington Press, 1955), pt. 2.

84. Ping-ti Ho, *The Ladder of Success in Imperial China* (New York: Columbia University Press, 1962).

безопасностью и свободным временем для того, чтобы культивировать статусный ученый стиль жизни и посвящать себя (нередко в буквальном смысле слова всю свою жизнь) «экзаменационной жизни» конфуцианских *literati*^{85, 86}. И доступ к фамильному состоянию, включавшему земельное богатство, был единственным верным и подходящим способом обеспечить себе требуемые безопасность и свободное время.

Имперские чиновники назначались из узкой группы верхушки образованного сословия — тех (примерно 14% от всех *literati*), кто сдал провинциальные или столичные (общегосударственные) экзамены, или из числа тех, кто купил официальные звания вдобавок к степеням⁸⁷. Высший образованный слой составляли либо чиновники, либо чиновники в отставке, либо потенциальные чиновники. Благодаря своему опыту сдачи экзаменов большинство из них приобрело выходящие за пределы местности их проживания контакты и установки. Будучи назначенными на должности, высшие *literati* должны были подчиняться правилам, разработанным (даже ценной административной рациональности) с целью ослабить их сильные связи с домом и семьей и постепенно выковать из них единую элитную группу, принимающую точку зрения имперского государства на местные сообщества. Конечно, китайское государство никогда не пыталось навсегда вырвать чиновников из их родных местностей; регулярные периоды пребывания в отставке дома встраивались в официальные карьеры, к тому же связи с оставшимися на родине семьями, местными богатыми и высокопоставленными лицами оста-

85. Образованные люди, ученые, обладатели ученых степеней. — *Прим. пер.*

86. Wakeman, "High Ch'ing", in *Modern East Asia*, ed. Crowley, pp. 12–15; Chang, *The Chinese Gentry*, pt. 3.

87. Chang, *The Chinese Gentry*, pt. 1. Богатые китайцы, как и богатые французы, могли деньгами проложить себе путь к государственным должностям. В Китае это осуществлялось путем покупки конфуцианских степеней, а также почетных и реальных государственных постов. Однако, даже несмотря на то что эта «система покупок» существенно распространилась в Китае середины XIX в. (когда династия испытывала напряжение и отчаянно нуждалась в денежных поступлениях), она никогда не была основным методом поступления на государственную службу, как это было с системой торговли должностями в абсолютистской Франции (см.: Chang, *The Chinese Gentry*, pt. 2, в особенности pp. 138–141).

вались важны даже для наиболее успешных бюрократов. Но имперское государство и в самом деле пыталось обеспечить лояльность действующих чиновников. В соответствии с «правилом избегания» *literati*, назначенные губернаторами, магистратами и т. д., должны были руководить не теми провинциями, в которых они родились и росли. Им не позволялось нанимать членов своей семьи или жениться на женщине местного происхождения без официального разрешения. Чтобы предотвратить формирование устойчивых клик в их рядах, или их постоянных альянсов с местными элитами, чиновников часто перетасовывали и перемещали с места на место. И, наконец, двойственные юрисдикции и функции сознательно встраивались в провинциальные административные структуры, чтобы двор имел дублирующие возможности надзора и распоряжения⁸⁸.

Низшие *literati* (те, кто сдал только базовый экзамен на уровне префектуры или кто купил базовую степень) обычно не назначались на относительно немногочисленные имперские должности. Однако, наряду с богатыми людьми, усвоившими конфуцианский образ жизни, они обычно были наделены существенным престижем и властью в рамках местных сообществ⁸⁹. Дело в том, что имперская администрация никогда не достигала отдельной деревни или стандартного рыночного города. Чиновник базового уровня, магистрат графства (*сянь*) отвечал за территорию, на которой проживало до 200 000 человек⁹⁰. Само собой разумеется, что он мог управлять такой территорией только сотрудничая с местным населением⁹¹. Один из приемов, который использовали все магистраты, состоял в найме множества низкостатусных клерков и помощников, которые вознаграждались отчасти выплатами со стороны самого магистрата, а отчасти взятками, вымогаемыми у местного населения. Вдоба-

88. Michael, "State and Society", in *Modern China*, ed. Feuerwerker, p. 66.

89. Chang, *The Chinese Gentry*, pt. 1.

90. Michael, "State and Society", p. 58.

91. В дополнение к ссылкам в сносках 89 и 90, см.: T'ung-tsu Ch'ii, *Local Government in China Under the Ch'ing* (Cambridge: Harvard University Press, 1962), ch. 10; Yuji Muramatsu, "A Documentary Study of Chinese Landlordism in Late Ch'ing and Early Republican Kiagnan", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 29:3 (1966), pp. 566-599.

вок к этому местные *literati* и богатые конфуцианские помещики обычно сотрудничали с магистратом, к которому могли обращаться как к равному по статусу. В обмен на пониженные ставки налога для них самих и для их друзей местные влиятельные лица иногда помогали магистрату собирать земельный налог. Что более важно, магистрат обычно поощрял или позволял местным *literati* и богачам организовывать общинные службы (такие как ирригационные проекты, религиозные или клановые мероприятия, образование или местное ополчение) в обмен на плату, собираемую с местного крестьянства. Такие выплаты составляли важный источник доходов, особенно для низших *literati*. И конечно, местная администрация поддерживала права помещиков и кредиторов собирать арендную плату и долги.

Джентри

Таким образом, не сильно отличаясь от господствующего класса в дореволюционной Франции, господствующий класс джентри в имперском Китае одновременно опирался и на государственные должности, и на владение землей и движимым имуществом. Материальные ценности, передаваемые при поддержке государства взаймы или в аренду крестьянам, способствовали культивированию конфуцианского статусного стиля жизни. Имперское государство официально поддерживало конфуцианское образование с помощью экзаменационной системы и принимало некоторое меньшинство посвященных в чиновники. Доходы чиновников, так же как и плата, собираемая ими за организацию и управление делами местного сообщества, давали бóльшие поступления по сравнению с теми, что можно было получить, просто владея землей⁹². В итоге накапливаемые таким образом богатства частично реинвестировались

92. Chang, *Income of the Chinese Gentry*; Michael, "State and Society", in *Modern China*, ed. Feuerwerker; Perkins, *Agricultural Development*. Перкинс отмечает: «Поскольку доходы от земель были низкими, большинство помещиков делали свои состояния вне сельского хозяйства и владели землями, по сути, как легко и быстро реализуемыми активами и источником престижа» (р. 184). Владение должностями и торговля были основными способами сколотить состояние.

в помещичье землевладение и ростовщичество, тем самым замыкая круг взаимозависимости между имперским государством и аграрным обществом, основанным на фрагментированной и стратифицированной частной собственности и локальной торговле.

Масса споров ведется вокруг вопроса о том, кто именно составлял «джентри» в дореволюционном Китае. Некоторые утверждают, что ими были те *индивиды*, которые занимали государственные должности и/или обладали конфуцианскими учеными степенями, тем самым отождествляя джентри с теми, кого я называю *literati*⁹³. Другие доказывают, что ими по сути были *богатые семьи*, особенно помещики⁹⁴. В той мере, в какой спор ведется не просто о терминах, исследователи различаются, по крайней мере имплицитно, в своем понимании сущностной структуры Старого порядка. Было ли это в основе своей имперское государство с уникальной конфуцианской культурой и образовательной системой? Или же это было прежде всего разделенное на классы аграрное общество? Мое мнение заключается в том, что Китай Старого порядка был неразрывным сплавом того и другого. Господствующий земельный класс зависел от административно-военной поддержки имперского государства и возможностей трудоустройства в госаппарате. К тому же правящие династии зависели от влиятельных местных представителей господствующего класса в том, что касалось контроля и извлечения ресурсов из того огромного, громоздкого аграрного пространства, каким был Китай. Из этой перспективы целесообразно утверждать, что ядром джентри были семейства помещиков, из числа которых вышли чиновники, обладавшие учеными степенями. Прочих, не имевших всех атрибутов джентри из этого набора (богатые семьи, в которых никто не обладал учеными степенями, или бедных *literati* и чиновников), необходимо рассматривать в качестве маргинальных членов господствующего класса, поскольку они также принадлежали

93. В число исследователей, придерживающихся преимущественно этой позиции, входят Чан Чунли, Франц Майкл и Мэри С. Райт.

94. В число исследователей, придерживающихся преимущественно этой позиции, входят Уильям Скиннер, Филип Кун, Фей Цяотун и Джон Кинг Фэрбенк.

к конфуцианской культуре, а их источники богатства были такими же, как у ядра джентри, и за счет этого они были причастны к некоторым аспектам его могущества⁹⁵. Существование и выживание джентри в качестве господствующего класса зависело от устремлений и способностей таких «маргинальных» членов получить недостающий атрибут из набора ядра класса. Действительно, на протяжении сотен лет до конца XIX в. китайская аграрная экономика процветала, тем самым позволяя семьям обогащаться и поддерживать претендентов на степени и официальные должности. И структура имперского государства переживала приход и уход династий, тем самым обеспечивая поддержку для местных представителей господствующих классов и исключительные возможности получения доходов для чиновников. Все это время китайские джентри, невзирая на подъем и упадок индивидов и семейств, процветали как класс, основанный на пересечении имперского государства и аграрной экономики.

Внешние вторжения и внутренние восстания

Тем не менее китайская империя все же пришла в упадок и рухнула, открыв дорогу к революционному уничтожению джентри, и нам нужно разобраться, как и почему это случилось. По сути Китай столкнулся с экстраординарным давлением зарубежных империалистических промышленных держав. Это случилось как раз когда долго вызревавшие внутренние процессы так расшатали систему изнутри, что становилось маловероятным, будто имперские власти станут или смогут эффективно отвечать на внешние угрозы.

В течение XIX в. Китай подвергался постоянно возрастающему давлению извне, беспрецедентному давлению⁹⁶. До середины XVIII в. европейские торговцы

95. Фредерик Уэйкман прекрасно описывает то, как маргинальные джентри могли получать долю во власти ядра джентри, в своем эссе: Wakeman, "High Ch'ing", in *Modern East Asia*, ed. Crowley, pp. 12–15.

96. Исходные данные для этого параграфа взяты в: John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, and Albert M. Craig, *East Asia: Tradition and Transformation* (Boston: Houghton Mifflin, 1973), chs. 9, 16, 19–21; Frederic Wakeman, Jr., *The Fall of Imperial China* (New York: Free Press, 1975), chs. 7–9. См. также:

рассматривались как данники, наряду с другими реальными или символическими вассалами Китая. Затем, между серединой XVIII и серединой XIX в., ограниченная двусторонняя торговля между Китаем и иностранными купцами жестко регулировалась, контролировалась и облагалась налогом со стороны имперских властей с помощью того, что было известно как «кантонская система». Но с начала XIX в. Британия смогла подкрепить стремления своих граждан к «свободной торговле» по всему Китаю при помощи военной организации и техники, порожденных индустриализацией. Нанеся китайским силам решительное поражение на море в Опиумной войне 1839–1842 гг., Британия получила расширенные торговые права. Другие западные нации вскоре присоединились к ней в стремлении «открыть» Китай. Уступки в направлении свободной торговли, ограничения тарифов, экстерриториальная юрисдикция в быстро возрастающем числе договорных портов⁹⁷, правовой иммунитет для христианских миссионеров во внутренних районах — все это было навязано шаг за шагом, в договорах, следовавших за все новыми иностранными вторжениями, стране, крайне не стремившейся к Западу и его образу жизни. К концу века империалистические вторжения приобрели еще более угрожающий поворот, поскольку всемирная погоня соперничающих индустриальных наций за колониями пришла на смену британскому «империализму свободной торговли». Первоначально бывшие данники китайской империи (включая Индокитай, Центральную Азию и Корею) были захвачены Францией, Россией и Японией. И наконец, соперничающие державы стали добиваться для себя больших «сфер влияния», используя «займы, железные дороги, взятые в аренду территории, пониженные земельные тарифы и права местной юрисдикции, местной политической системы и эксплуатацию горных разработок»⁹⁸. Само существо-

Frances V. Moulder, *Japan, China and the Modern World Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), ch. 4.

97. Договорные порты — порты, открытые для международной торговли в соответствии с положениями Нанкинского договора, который Цинская империя была вынуждена подписать после поражения в Первой опиумной войне в 1842 г. — *Прим. пер.*

98. Fairbank, Reischauer, and Craig, *East Asia*, p. 625.

вание Китая как суверенного государства было поставлено под угрозу.

Только центральные власти империи могли запустить экономические и военные проекты, которые позволили бы Китаю отразить все более усиливающиеся покушения на его суверенитет⁹⁹. Однако в позднем традиционном Китае реалии положения, в котором оказалось государство, препятствовали успеху каких-либо инициатив центра. По иронии истории, уже к концу XVIII в. династию Цин начали подрывать последствия мира, процветания и политического равновесия, которые царили, когда династия была на вершине своего могущества.

Прежде всего, быстрый рост населения сталкивался с ограничениями аграрной экономики. В неизменных институциональных рамках традиционная китайская экономика росла более или менее устойчиво в течение свыше 500 лет, начиная с XIV в. — главным образом в периоды мира и политической стабильности¹⁰⁰. Благодаря вводу в обработку новых земель и более интенсивному применению традиционной техники производство зерна на душу населения могло не отставать от роста населения, в среднем составлявшего 0,4% в год, благодаря чему число жителей Китая возросло с 65–80 млн в 1400 г. до примерно 400 млн к середине XIX в. Торговля и ремесленное производство также не отставали и даже, возможно, имел место их реальный рост. Все это были блестящие достижения. Пока оставались новые земли для введения в обработку, традиционные китайские методы могли предотвращать сокращение среднего потребления продовольствия на душу населения. Но к XIX в. доступные новые земли стали иссякать. Традиционная экономика достигала пределов

99. Сравнительно-исторические данные об этом см. в: Alexander Gerschenkron, *Economic Backwardness in Historical Perspective* (Cambridge: Harvard University Press, 1962); Гершенкрон А. *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015; David S. Landes, "Japan and Europe: Contrasts in Industrialization", in *The State and Economic Enterprise in Japan*, ed. William W. Lockwood (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965); Barry Supple, "The State and the Industrial Revolution, 1700–1914", in *The Fontana Economic History of Europe*, ed. Carlo M. Cipolla, vol. 3, *The Industrial Revolution, 1700–1914* (London: Collins/Fontana, 1973), pp. 301–357.

100. Perkins, *Agricultural Development*.

возможного роста, не создавая условий для спонтанного возникновения индустриального производства¹⁰¹. Вследствие этого повышалась вероятность сельских беспорядков, особенно в тех регионах, где ход производства или торговли по тем или иным причинам нарушался.

К тому же имперские власти становились слабее в финансовом и административном отношении. Что касается финансов, то проблема была с земельным налогом. С 1712 г. были зафиксированы «навечно» квоты провинций от земельного налога (самого важного источника доходов империи до конца XIX в.)¹⁰². Первоначально, в момент расцвета династии Цин, это поддерживало равновесие вполне централизованной империи, которая сохранялась благодаря тонкому взаимодействию и балансировке локальных и региональных интересов. Но со временем Пекин лишился плодов роста продуктивности аграрной экономики. «Установленные законом поступления, зарегистрированные пекинскими властями, существенно не изменились между 1712 г. и третьей четвертью XIX в.»¹⁰³. Тем временем местные и провинциальные доходы непропорционально возросли, так как неформальные сборы и подати были увеличены, чтобы компенсировать слабины, оставленную статичными требованиями Пекина.

Ослабление контроля государственной администрации над страной было тесно связано с финансовой статичностью Пекина. Имперская бюрократия не поспевала за ростом экономики и населения, предоставляя окружным магистратам управлять все большими объемами местного населения¹⁰⁴. В результате магистраты были вынуждены все больше опираться на местные силы и неформальных лидеров. И они вытягивали свое вознаграждение в виде растущих неофициальных сборов и доли от налоговых поступлений, выжимаемых из все более обремененного и малоземельного крестьянства.

101. Perkins, *Agricultural Development*; Elvin, *Pattern of Chinese Past*, ch. 17; Feuerwerker, *Chinese Economy, ca. 1870-1911*, chs. 1-3.

102. Этот параграф основывается на материалах: Yeh-chien Wang, *Land Taxation in Imperial China, 1750-1911* (Cambridge: Harvard University Press, 1973); Feuerwerker, *Chinese Economy, ca. 1870-1911*, ch. 5.

103. Ibid., p. 64.

104. Wakeman, *Fall of Imperial China*, pp. 105-106.

Неудивительно, что с конца XVIII в. династия Цин сталкивалась с крестьянскими восстаниями¹⁰⁵. Первым было восстание Белого Лотоса в 1795–1804 гг. Затем, через несколько десятилетий внутренних беспорядков, разразились три масштабных и хорошо организованных восстания: Тайпинское восстание 1850–1864 гг., Восстание наньцзюней 1853–1868 гг. и Дунганское восстание сепаратистов-мусульман северо-запада с 1850-х до 1870-х гг. В китайской истории восстания, подобные этим, вспыхивали с определенной периодичностью. Часто они свидетельствовали об упадке династии и о возникновении новой, готовой ее сменить — благодаря таким циклическим явлениям, как коррупция чиновников, неэффективность армии и растущего земельного неравенства. Подобные традиционные причины также внесли свой вклад в подрыв Цин после 1800 г., но на этот раз они были усугублены и осложнены воздействием долгосрочных экономических и демографических трендов, рассмотренных выше. Более того, восстания подстегнули империалистические вторжения Запада. Так, величайшим и наиболее открыто революционным из восстаний середины XIX в. было восстание Тайпинов, возникшее в разгар экономических беспорядков на юго-востоке, серьезно усугубленных последствиями Опиумной войны. Антиконфуцианская идеология этого восстания отчасти была вдохновлена пропагандой христианских миссионеров¹⁰⁶.

Разумеется, восстания XIX в. оказали огромное воздействие на китайское государство. Ресурсы Пекина были истощены в борьбе с ними, а налоговые поступления уменьшились из-за ужасных экономических и человеческих потерь, вызванных крупномасштабной

105. Прекрасный краткий обзор дан Альбертом Фойерверкером в его работе: Feuerwerker, *Rebellion in Nineteenth-Century China*, Michigan Papers in Chinese Studies, no. 21 (Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1975).

106. О Тайпинском восстании см. в особенности: Yu-wen Jen, *The Taiping Revolutionary Movement* (New Haven: Yale University Press, 1973); Philip A. Kuhn, *Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China* (Cambridge: Harvard Press, 1970); Vincent Y. C. Shih, *The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences* (Seattle: University of Washington Press, 1967); Frederic Wakeman, Jr., *Strangers at the Gate: Social Disorder in South China, 1839–1861* (Berkeley: University of California Press, 1966).

гражданской войной. Более того, открытые вызовы ее верховной власти отвлекли внимание Цин от растущих угроз извне. Тем не менее династия Цин выдержала восстания и казалась полностью «восстановившейся»¹⁰⁷. Однако маньчжурские правители выжили лишь ценой внутренних институциональных преобразований и перераспределений власти, сделавших их еще более неспособными адекватно справляться с зарубежными вызовами. В конечном итоге эти институциональные и властные сдвиги сделали династию и имперскую систему уязвимой для свержения господствующим классом джентри.

Действительно, для объяснения падения Старого порядка важнее всего в восстаниях было то, каким образом их подавили. Династия Цин была не в состоянии сдерживать или подавить восстания при помощи своих собственных имперских постоянных армий. После многих десятилетий мира в XVIII в. они разложились и стали неэффективными; более того, им вредила слабость имперских финансов и администрации. Так как имперских армий оказалось недостаточно, задача борьбы с восстаниями легла на плечи местных отрядов самообороны, возглавляемых джентри, а затем и региональных армий, руководимых местными кликами джентри, обладавшими доступом к ресурсам деревень и рекрутам с довольно больших территорий¹⁰⁸. Одновременно лишая повстанцев возможности рекрутировать крестьян и разбивая их в заранее подготовленных сражениях, армии, возглавляемые джентри, в конце концов восстановили порядок для Цин. Но в силу роли, сыгранной джентри в подавлении восстаний, династия была вынуждена дать формальное одобрение правительственным практикам, которые шли в разрез с давно устоявшейся политикой контроля над чиновниками и поддержания положения имперской администрации по отношению к местным джентри. Права собирать новые налоги, удерживать большие доли уже установленных налогов и поддерживать порядок были разработаны провинциальными или местными

107. Mary C. Wright, *The Last Stand of Chinese Conservatism: The Tung-Chih Restoration, 1862-1874* (Stanford: Stanford University Press, 1957).

108. Kuhn, *Rebellion and Its Enemies*, в особенности pts. III, IV.

ми чиновниками, которые часто освобождались от исполнения «правила избегания» относительно места жительства и ротации. Даже после того, как восставшие были побеждены, региональные клики джентри, одержавшие над ними победу, сохранили за собой большую часть административного и военного контроля над своими территориями¹⁰⁹.

Одним из решающих результатов этого смещения баланса власти к провинциальным и местным джентри было усугубление финансовой слабости Пекина. После середины XIX в. из-за новых косвенных налогов традиционный земельный налог стал менее важным; но имперские власти в конечном счете не выиграли. Имперская береговая таможня была создана и управлялась в иностранных интересах для упорядочения пошлин на внешнюю торговлю. Сами пошлины были несправедливы и установлены навязанными Китаю договорами, но большая часть собранных доходов направлялась в Пекин. Другой налог, *likin*, сбор, взимаемый с производства, транспортировки и/или продажи товаров, давал намного больше дохода. Но только около 20% средств от этого налога отсылалась в Пекин. Остальная часть оставалась у местных и провинциальных властей, которые собирали налоги и удерживали большую часть из них. В последние годы династии Цин все государственные доходы в Китае, согласно оценкам ученых, составляли лишь около 7,5% валового национального продукта. А пекинское правительство получало лишь около 40% от этого, или примерно 3% ВВП¹¹⁰. Одновременно все доходы Пекина, вне зависимости от их происхождения, все больше направлялись на выплату контрибуций, навязанных победителями в японо-китайской и Боксерской войнах, а также на обслуживание иностранных займов (изначально полученных для оплаты военных расходов, контрибуций и ограниченного железнодорожного строительства).

109. Kuhn, *Rebellion and Its Enemies*, pt. VI; Feuerwerker, *Rebellion*, ch. 5; Stanley Spector, *Li Hung-chang and the Huai Army: A Study in Nineteenth-Century Chinese Regionalism* (Seattle: University of Washington Press, 1964).

110. Эти цифры и данные абзаца в целом основываются на материалах: Feuerwerker, *Chinese Economy*, ca. 1870–1911, pp. 64–72.

Бóльшие ресурсы контролировались провинциальными, местными властями и господствующим классом в целом. Но «с точки зрения возможного экономического развития, в противоположность поддержанию текущего экономического равновесия... эти ресурсы были почти полностью нейтрализованы»¹¹¹. Значительная часть местных и провинциальных доходов шла напрямую в карманы сборщиков налогов и чиновников; остальное распределялось таким образом, что тоже подкрепляло порядок, основанный на господстве джентри. В рамках этого порядка предприятия создавались только для получения краткосрочных шальных прибылей, а военная сила была под подозрением за счет угрозы ее выхода из-под контроля джентри.

Таким образом, у позднеимперских китайских властей было совсем мало доходов для инвестиций в современный транспорт или индустриализацию, или для финансирования социальных и политических реформ, которые помогли бы усилить контроль центральной власти. Наряду с новизной внешней угрозы и неотложностью внутренних проблем отсутствие реальной возможности для Пекина взять инициативу в свои руки, по всей вероятности, объясняется еще и тем, что имперские чиновники медленно свыкались с необходимостью фундаментальных перемен. Действительно, первыми, кто стал экспериментировать с современными индустриальными и военными технологиями, были чиновники, связанные с региональными властными группировками¹¹². Но эти эксперименты носили слишком ограниченный по своим масштабам характер и были слишком нескоординированными, чтобы успешно подготовить Китай к отражению натиска иностранных держав¹¹³. Надеяться на успех в разрешении такой задачи можно было лишь при сильном руководстве центра.

111. Feuerwerker, *Chinese Economy, ca. 1870-1911*, p. 63.

112. Feuerwerker, *China's Early Industrialization*, pp. 12-16; Ralph L. Powell, *The Rise of Chinese Military Power, 1895-1912* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955), chs. 1, 2.

113. См., напр.: John L. Rawlinson, "China's Failure to Coordinate her Modern Fleets in the Late Nineteenth Century", in *Approaches to Modern Chinese History*, eds. Albert Feuerwerker, Rhoads Murphey, and Mary C. Wright (Berkeley: University of California Press, 1967), pp. 105-132.

Реформы и революция 1911 г.

Неотвратимость проблем Китая стала наконец осознаваться в результате унижительного поражения Китая в войне 1895 г. с Японией — другим восточным обществом, которое после 1860-х гг. быстро синтезировало ряд своих традиционных институциональных форм с западными индустриальными и военными достижениями. Хотя некоторые китайские провинциальные лидеры экспериментировали с вооружениями и арсеналами западного типа, японо-китайская война была проиграна государству, которое имперский Китай всегда (с переменным успехом) воспринимал как своего вассала! Поражение встряхнуло многих китайцев и привело их к выводу, что только существенные структурные реформы, осуществляемые центральной властью, могут спасти Китай от постоянного унижения на международной арене или даже от превращения в колонию. Общая империалистическая схватка за сферы влияния после 1895 г. еще больше укрепила их в этом выводе. Первоначальная попытка мандаринов-реформаторов подтолкнуть имперские власти к запуску реформ потерпела поражение после «ста дней» в 1898 г. из-за консервативного переворота, возглавляемого вдовствующей императрицей. Но через несколько лет после разгрома «Боксерского восстания» 1899–1901 гг. маньчжурские правители наконец однозначно встали на путь реформ. И высшие классы в целом становились сторонниками националистических реформ¹¹⁴.

Между 1901 и 1911 гг. с поразительной скоростью принимались декреты о разнообразных реформах. Конфуцианская экзаменационная система была модифицирована и затем отменена в 1905 г.; современные школы, осуществляющие специализированное обучение новой государственной элиты в западном стиле, были учреждены на местах, в провинциях и Пекине. Студентам университетов давали стипендии для обучения за рубежом (первоначально в основном в Японии). Были созданы военные академии для подготовки современного офицер-

114. Wakeman, *Fall of Imperial China*, ch. 10.

ского корпуса. Специализированные министерства внутренних дел, военных дел, образования, иностранных дел и торговли были учреждены в Пекине, под предлогом руководства и координирования программ провинциальных бюро. Была установлена подлинно общенациональная бюджетная система. И наконец, цинские власти с 1908 г. создавали представительные собрания, с помощью которых надеялись мобилизовать джентри в поддержку имперского правительства, придав им совещательные функции. Местные собрания были учреждены немедленно, в 1908 г., выборы в провинциальные собрания были намечены на 1909 г., национальное собрание должно было быть избрано в 1910 г. и разработать план учреждения парламента в 1917 г.¹¹⁵

Но «реформа погубила правительство реформаторов»¹¹⁶. Новые меры еще больше подорвали уже ослабленную центральную власть и усугубили трения между джентри и маньчжурской автократией. Предпринятые на фоне процессов, развивавшихся в ходе восстаний и после них, реформы только послужили усилению региональных сил в противостоянии с центром. В среде студентов и офицеров, получивших современное образование, развились радикальные националистические взгляды, соединившие верность своим провинциям с враждебностью к «иностранной» маньчжурской династии¹¹⁷. Офицеры и вооружение Новой армии были абсорбированы региональными армиями, существующими наряду с ней со времен восстаний; более того, получившие профессиональную подготовку офицеры были не слишком лояльны маньчжурским правителям и имперской системе¹¹⁸. Попытки создать новые административные структуры в провинциях в противовес власти укрепившихся там губернаторов потерпели неудачу, по-

115. Wakeman, *Fall of Imperial China*, ch. 10; Fairbank, Reischauer, and Craig, *East Asia*, pp. 726–737; Mary C. Wright, ed., *China in Revolution: The First Phase, 1900–1913* (New Haven: Yale University Press, 1968), introduction.

116. *Ibid.*, p. 50.

117. См., напр.: Mary Backus Rankin, *Early Chinese Revolutionaries: Radical Intellectuals in Shanghai and Chekiang, 1902–1911* (Cambridge: Harvard University Press, 1971).

118. Yoshihiro Hatano, “The New Armies”, in *China in Revolution*, ed. Wright, pp. 365–382; Powell, *Rise of Military Power*.

скольку новые чиновники и функционеры были встроены в уже существовавшие местные клики¹¹⁹. Губительнее всего оказалось то, что группировки местных джентри и купцов быстро превратили новые представительные собрания в формальные платформы для защиты «конституционалистской» программы либеральных, политически децентрализирующих реформ¹²⁰.

Как отметил Е. П. Янг, «политизация джентри, возможно, является определяющей чертой [китайской истории] в начале двадцатого века»¹²¹. В отличие от европейского дворянства, китайские джентри никогда не имели корпоративных организаций для представительства своих классовых интересов в рамках государства. Допускалось только индивидуальное участие, и защита групповых интересов зависела от межличностных связей, простирающихся до имперской бюрократии. Но все изменилось после 1900 г. По мере углубления общенационального кризиса местные образованные группы, организованные джентри, стали публично подавать петиции центральным властям. Затем джентри получили формальное классовое представительство в рамках вновь созданных местных и провинциальных представительных собраний, которые избирались на основе очень ограниченного права голоса, что благоприятствовало *literati* и джентри. Политически пробужденные империалистическими угрозами и не дождавшиеся ответа маньчжурской династии на них, джентри стали испытывать националистические чувства. Еще более знаменательным было то, что «конституционализм», явно ассоциировавшийся с могуществом иностранных держав, стал рассматриваться джентри как идеальная про-

119. John Fincher, "Political Provincialism and the National Revolution", in *China in Revolution*, ed. Wright, pp. 185–226.

120. P'eng-yuan Chang, "The Constitutionalists", in *China in Revolution*, ed. Wright, pp. 143–184.

121. Ernest P. Young, "Nationalism, Reform, and Republican Revolution: China in the Early Twentieth Century", in *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, ed. James B. Crowley (New York: Harcourt, Brace and World, 1970), p. 166. Бэграундом для этого параграфа служат: Ibidem; Chang, "The Constitutionalists", in *China in Revolution*, ed. Wright; Chuzo Ichiko, "The Role of the Gentry: an Hypothesis", in *China in Revolution*, ed. Wright, pp. 297–318; Edward J. Rhoads, *China's Republican Revolution, The Case of Kwangtung, 1895–1913* (Cambridge: Harvard University Press, 1975), в особенности chs. 6–9.

грамма для соединения их провинциально и локально сфокусированных классовых интересов с национальной независимостью и прогрессом. Хотя династия Цин рассчитывала, что представительные собрания останутся совещательными, их участники из господствующего класса и избиратели намеревались создать конституционную парламентскую монархию с существенной автономией для местных и провинциальных властей, которые контролировали джентри. К 1910 г. многие организованные группы джентри были организационно и идеологически готовы к защите своей децентрализирующей программы перед маньчжурской династией. Когда избранные члены национального собрания встретились в этом году в Пекине (якобы для того, чтобы распланировать будущие постепенные изменения), вместо этого они потребовали немедленного учреждения парламентского правления. Как и можно было ожидать, маньчжурские правители отказались пойти на это, и раздосадованные представители джентри вернулись в свои родные провинции, где вскоре многие из них сыграли ключевую роль в свержении династии.

Прямым толчком к революции 1911 г. послужила еще одна попытка реформ, предпринятая центральной властью. Это были реформы, которые весьма серьезно угрожали финансовым интересам провинциальных группировок джентри. Чтобы обеспечить координацию планирования и контроля над медленно развивающейся национальной системой железных дорог, Пекин в 1911 г. решил выкупить все железнодорожные проекты у провинциальных групп, которые инвестировали в них. В ответ на это

...возникло движение в «защиту железных дорог», особенно в Сычуани [одной из западных провинций], с массовыми митингами и слезными петициями в Пекин, но все впустую. Сычуаньское движение набрало обороты. Были закрыты магазины и школы. Уплата налогов прекратилась. В поддержку были мобилизованы крестьяне. В сентябре правительство отправило войска, расстреляло демонстрантов и схватило лидеров джентри. Обычно это были люди со средствами, обладатели ученых степеней, помещичье-купеческого происхождения, обучавшиеся в Японии, игравшие выдающуюся роль в провинциальном собрании и вложившие немало денег в железнодорожные проекты. Их направленный против

чужаков лозунг: «Сычуань для сычуаньцев», отражал интересы провинциального правящего класса, который отныне приобрел ожесточенный настрой против династии¹²².

«Сычуаньское восстание... спровоцировало широко-масштабные беспорядки, которые часто не были связаны с железнодорожной проблемой»¹²³. Чтобы подавить сычуаньские беспорядки, в провинцию были введены внешние войска, в том числе из Учана, где 10 октября произошел следующий акт драмы. Когда 9 октября был раскрыт анти-маньчжурский заговор ряда офицеров, некоторые части Новой армии в Учане восстали, чтобы спасти офицеров от возмездия. Маньчжурский губернатор испугался и бежал, а командующий отрядом был включен в местное революционное руководство¹²⁴. Пример Учанского восстания оказался заразительным. В течение нескольких последующих недель «ключевую роль в провозглашении независимости одной провинции за другой сыграли два основных элемента: военные губернаторы, командовавшие силами Новой армии, и дворянско-чиновничье-купеческие лидеры провинциальных собраний»¹²⁵.

Вслед за восстаниями 1911 г. дворянские и купеческие конституционалисты, бывшие чиновники, офицеры Новой армии и молодые радикалы, связанные с малочисленным и в целом неэффективным революционным альянсом Сунь Ятсена, лавировали в целях установления новой политической системы и смещения маньчжурских правителей. Хотя многие отдавали предпочтение политической децентрализации, все якобы хотели усилить, а не ослабить национальное единство Китая. Сначала была провозглашена республика; затем генерал Юань Шикай попытался восстановить имперскую систему и стать императором. Но в течение пяти лет стало очевидно, что единственным реальным достижением революции 1911 г. было то, что она нанесла решающий удар

122. Fairbank, Reischauer, and Craig, *East Asia*, pp. 738–739.

123. Wright, ed., *China in Revolution*, p. 50.

124. Fairbank, Reischauer, and Craig, *East Asia*, p. 748; Vidya Prakash Dutt, “The First Week of Revolution: the Wuchang Uprising”, in *China in Revolution*, ed. Wright, pp. 383–416.

125. John K. Fairbank, *The United States and China*, 3rd ed. (Cambridge: Harvard University Press, 1971), p. 192.

имперским административным и политическим институтам, которые уже разлагались изнутри из-за узурпаций власти провинциальными чиновниками, офицерами и не состоящими на государственной службе джентри. Также стало очевидным, что никакая альтернативная национальная политическая система не смогла тотчас же прийти на смену разрушенной имперской¹²⁶. Дело в том, что группировки господствующего класса, которые временно объединились для свержения маньчжурских правителей, были изначально разделены по своим лояльностям и политически не согласны в вопросе о том, какого рода институты должны были заменить абсолютную монархию. Единственной устойчивой тенденцией 1911 г. и после был тот факт, что провинциальные и местные джентри устанавливали гражданское правление в союзе с военными губернаторами. Однако в течение нескольких лет власть переходила преимущественно в руки региональных «модернизированных» военных машин, затем последовала междоусобная борьба «милитаристов», когда армии и их командующие соперничали за территории и материальные ресурсы. Вплоть до 1949 г. никто не мог положить конец этому положению вещей. Все это обрекло Китай на бесконечные неурядицы. Но, как мы увидим в последующих главах, эти же условия также создали возможность для действий, направленных на консолидацию национально-революционной власти на основе поддержки и мобилизации низшего класса.

Сходства Франции и Китая

На данном этапе стоит остановиться, чтобы осмыслить поразительные параллели между генезисом революционного кризиса во Франции Бурбонов и позднеимперском Китае. Несмотря на то что эти страны были очень

126. О последствиях 1911 г. см.: Young, "Nationalism, Reform, and Republican Revolution", in *Modern East Asia*, ed. Crowley, pp. 171–175; Wakeman, *Fall of Imperial China*, pp. 248–255; C. Martin Wilbur, "Military Separatism and the Process of Reunification under the Nationalist Regime, 1922–1937", in *China in Crisis*, eds. Ping-ti Ho and Tang Tsou (Chicago: University of Chicago Press, 1968), vol. 1, bk. 1, pp. 203–263. Аргументы, выдвинутые в этом абзаце, получают развитие в главе 7.

далеки друг от друга в культурном плане, и геополитически, а крах их старых порядков произошел в очень разные времена и при различных обстоятельствах, все же в них присутствовали сходные структурные схемы и в ходе их крушения срабатывали сходные причинно-следственные процессы.

И во французском *ancien régime*, и в позднеимперском Китае относительно процветающие землевладельческо-торговые высшие классы получили коллективный политический вес в рамках административных механизмов монархических автократий и сопротивления им. Во Франции XVIII в. все более социально сплоченный высший класс, со своим богатством, резко возросшим из-за роста рент и возможностей присвоения, поддерживаемых монархическим государством, мог выразить свои политические устремления через *parlements* и другие корпоративные органы, переплетенные с автократической королевской администрацией. В позднем традиционном Китае джентри усилились и гарантировали свое процветание в качестве рантье, достигнув после восстаний середины XIX в. фактически полного контроля над большими секторами имперской администрации. Затем они получили коллективное представительство в собраниях, учрежденных в 1908–1910 гг. маньчжурскими реформаторами.

Подобным же образом революционные кризисы возникли и во Франции, и в Китае потому, что старые порядки подверглись беспрецедентному давлению со стороны более развитых зарубежных стран, а также потому, что это давление привело к внутренним политическим конфликтам между самодержавием и господствующими классами. Эскалация международной конкуренции и унижения, особенно связанные с неожиданными поражениями в войнах (таких как Семилетняя война и японо-китайская война), вдохновили самодержавные власти предпринять реформы, которые, как они полагали, способствовали бы мобилизации и координации национальных ресурсов, чтобы справиться с крайними затруднениями на международной арене. Однако торгово-землевладельческие высшие классы потеряли бы богатства и могущество, если бы центральные власти преуспели в своих рационализирующих реформах. И не случай-

но, что и французских *privilègiés*¹²⁷, и китайских джентри привлекал союз между парламентаризмом и мощью нации в более современных зарубежных странах; они надеялись сохранить свои собственные классовые интересы и будущее национальное благополучие одновременно.

В итоге автократические попытки модернизационных реформ сверху во Франции и Китае (в особенности налоговая реформа во Франции и реорганизация железных дорог в Китае) спровоцировали согласованное политическое сопротивление хорошо организованных сил господствующего класса. В свою очередь, поскольку эти силы обладали рычагами влияния в рамках формально централизованных бюрократических машин монархических государств, их сопротивление дезорганизовало эти машины. Автократическая власть была уничтожена. К тому же, поскольку группировки господствующего класса с различной институциональной и географической базой (к примеру, *parlements*, провинции, представительные органы и муниципалитеты во Франции; провинции, армии и собрания в Китае) конкурировали в попытках установить новое политическое устройство, монархические администрации и армии безвозвратно распались. Следовательно успешная оппозиция господствующих классов автократическим реформам непреднамеренно открыла путь углублению революций как во Франции, так и в Китае.

Имперская Россия: отсталая великая держава

Во Франции Бурбонов и в Китае при маньчжурских правителях революционные кризисы происходили во времена формального мира, по мере того как автократические попытки реформ и мобилизации ресурсов встречали сопротивление политически могущественных господствующих классов. Напротив, в царской России революционные кризисы развились только под непосредственным воздействием военных поражений. Перед своей гибелью Российская империя выдерживала усилившуюся конкуренцию со стороны более развитых

127. Привилегированных (фр.). — Прим. пер.

наций европейской системы государств и даже провела ряд серьезных модернизационных реформ. Поэтому исследование дореволюционной России должно принимать во внимание характерные отличия, так же как и сходства ее с теми паттернами, которые мы уже отметили для Франции и Китая при Старом порядке.

Имперское государство и крепостническая экономика

Некогда «восточная деспотия», конкурирующая в борьбе за выживание и сюзеренитет на обширной евразийской равнине, к XIX в. Россия была одной из доминирующих держав в европейской системе государств. Ее знали и боялись как «жандарма Европы», заклятого врага революционных надежд в Центральной Европе. Несомненно, имперская Россия была более милитаризованной и бюрократизированной автократией, чем Франция Бурбонов и позднеимперский Китай¹²⁸. Имперская Россия родилась во время выдающегося правления Петра Великого (1682–1725 гг.). Используя рудименты личной самодержавной власти, которую укрепил в средневековом Московском государстве Иван Грозный, Петр внезапно ввел последние европейские технологии сухопутной и морской войны и рационального административного господства. По иронии, эти методы смогли быстро создать в России более эффективную государственную власть, чем где-либо в Европе, поскольку Московия была свободна от социально-политических помех, создаваемых феодальным наследием западноевропейского типа. Петр «соединил методы, взятые с Запада, с... традицией деспотического восточного режима. Взрывоопасная смесь, созданная подобным образом... вознесла до небес могущество России»¹²⁹. Прежде всего были созданы новые и многочисленные

128. Исходные данные о Российской империи взяты в основном из: Marc Raeff, *Imperial Russia, 1682–1825* (New York: Alfred A. Knopf, 1971), chs. 1–3. О всех перипетиях истории страны при Старом порядке см.: Richard Pipes, *Russia Under the Old Regime* (New York: Scribner, 1974); Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Москва: Захаров, 2004.

129. Ludwig Dehio, *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*, trans. Charles Fullman (New York: Vintage Books, 1962), p. 961.

постоянные армии. Они были укомплектованы крепостными и дворянами, принудительно рекрутированными на пожизненную службу, с оружием, которым обеспечивали основанные государством шахты и мануфактуры, и финансировались с помощью высоких прямых и косвенных налогов, включая хлебный налог на каждого взрослого крестьянина мужского пола. Эти налоги, в свою очередь, собирались находящимся в процессе становления государственным аппаратом, укомплектованным занятыми на постоянной основе чиновниками. Как только новые российские армии нанесли поражение внушительным силам Швеции в Северной войне 1700–1721 г., Россия утвердилась как многонациональная империя и великая держава в европейской системе государств. Неважно, что ее аграрная экономика продолжала оставаться относительно отсталой: созданная реформами Петра и деятельностью его преемников бюрократическая государственная власть использовалась для того, чтобы это компенсировать этот недостаток. Кроме того, огромная российская военная машина была современно оснащенной технически и оставалась таковой до тех пор, пока не сказались военные последствия индустриализации XIX в. в Западной Европе¹³⁰.

Что касается социально-экономического базиса, на котором было построено и держалось имперское государство, то в течение всего срока доминирования в Европе Россия оставалась аграрным обществом, основанным на крепостничестве. К середине XIX в. только 8–10% примерно 60-миллионного населения империи жило в городах¹³¹. В обширной сельской местности миллионы крепостных крестьян, прикрепленных к своим деревням и поместьям, принадлежавшим дворянам или госу-

130. Thomas Esper, "Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia", *Slavic Review* 28:2 (June 1969), p. 208.

131. Моя оценка процентной доли городского населения отражает цифру Джерома Блюма (Jerome Blum, *Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961), p. 326), скорректированную в сторону повышения, чтобы она согласовывалась с несколько более низкими цифрами для всего населения, взятыми в: Gilbert Rozman, *Urban Networks in Russia, 1750–1800* (Princeton, N.J.: Princeton University Press), pp. 98–99. Я использую численность населения, приводимую Розманом, потому что она представляется основанной на более современных и тщательных исследованиях.

дарству, трудились преимущественно на выращивании зерновых культур. Преобладали две системы помещичье-крестьянских отношений, часто совмещавшиеся в одном поместье или перемешанные в пределах одной местности, но также в некоторой степени регионально дифференцированные. В плодородных черноземных губерниях крепостные обрабатывали *барщину* или трудовые повинности в *поместье* в течение половины недели или более. В менее плодородных провинциях более распространенной была уплата *оброка*, так как это позволяло помещикам получать долю несельскохозяйственных доходов крепостных от ремесла или промышленного труда¹³².

Если неплодородной была лишь часть земли, то климат был неизменно суровым и непредсказуемым, а организация и технические приемы сельского хозяйства — примитивными. Агротехника базировалась на трехпольной системе, чересполосице, общинной обработке земли, немногочисленном и тощем рабочем скоте и легких пахотных орудиях. «Низкие урожаи и частые неурожаи не были чем-то из ряда вон выходящим вследствие этих многочисленных недостатков»¹³³. На самом деле «оценки... первой половины XIX в. показывают, что урожаи были примерно такими же, как в прошлом веке или даже как в XVI в. и, вероятно, даже раньше»¹³⁴.

Тем не менее экономика не стагнировала. Действительно, технические приемы и урожайность оставались в большинстве своем неизменными, за исключением некоторых вновь заселяемых территорий на юге и юго-востоке, где развивалось капиталистическое сельское хозяйство в поместьях, применяющих труд наемных работников. Тем не менее экстенсивный рост сельскохозяйственного производства шел в ногу с ростом численности населения России, которое между 1719 и 1858 гг. увеличилось почти вчетверо (примерно с 16 до 60 млн

132. См.: Blum, *Lord and Peasant*, ch. 20; Geroid Tanquary Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1932; reprint ed., Berkeley: University of California Press, 1969), chs. 3, 4; Peter I. Lyashchenko, *History of the National Economy of Russia*, trans. L. M. Herman (New York: Macmillan, 1949), ch. 17; Лященко П. И. *История русского народного хозяйства*. Москва, Ленинград: Госиздат, 1927. Гл. XIV.

133. Blum, *Lord and Peasant*, p. 329.

134. *Ibid.*, p. 330.

человек)¹³⁵. Хотя к империи было присоединено более 2 млн квадратных миль, большую часть роста населения давал естественный прирост в старых областях государства. В черноземных губерниях расширялась площадь пахотных земель, а в нечерноземных областях крестьяне получали дополнительные доходы благодаря ремесленному производству или занятости в торговле и промышленности¹³⁶. Таким образом, в то время как сельское хозяйство демонстрировало экстенсивный рост, ремесленные и цеховые производства быстро росли на протяжении XVIII в. и далее в XIX в. К тому же развитие торговли шло и на локальном, и на межрегиональном уровне¹³⁷. Однако, несмотря на все это, до постройки в последней трети XIX в. сети железных дорог транспортные проблемы оставались непреодолимым препятствием для сколько-нибудь фундаментального прорыва к индустриализации в столь обширной стране¹³⁸.

Крымское фиаско и реформы сверху

Но индустриализация *уже* трансформировала экономики Западной Европы в начале XIX в., и ее последствия вскоре заставили имперскую Россию перейти к обороне на жизненно важных международных аренах войны и дипломатии. Учитывая геополитическое положение России, сохранение выхода к Черному морю было основным ее интересом¹³⁹. Поэтому неудивительно, что цепь событий, которые привели имперскую Россию от доминирования в Европе после революций 1848 г. к дезинтеграции и революции 1917 г., началась именно с бесславного поражения империи в ограниченной по своим масштабам Крымской войне 1854–1855 гг. В этом кон-

135. Rozman, *Urban Networks in Russia*, pp. 98–99; также смотри мои комментарии в сноске 131.

136. Blum, *Lord and Peasant*, ch. 15.

137. Cyril E. Black et al., *The Modernization of Japan and Russia* (New York: Free Press, 1975), p. 76. См. также: Lyashchenko, *History of National Economy*, chs. 15–20; Лященко П. И. *История русского народного хозяйства*. Гл. XV–XX.

138. Alexander Baykov, "The Economic Development of Russia", *Economic History Review*. 2nd ser. 7:2 (1954), pp. 137–149.

139. Roderick E. McGrew, "Some Imperatives of Russian Foreign Policy", in *Russia Under the Last Tsar*; ed. Theofanis George Stavrou (Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1969), pp. 202–229.

фликте за военно-морской контроль над Черным морем и влияние в слабеющей Оттоманской империи Россия противостояла Франции и Англии без поддержки своих бывших союзников, австрийцев. В итоге основной театр военных действий развернулся вокруг осады российской крепости Севастополь в Крыму. Российский Черноморский флот, состоявший из «парусных судов, не идущих ни в какое сравнение с паровыми боевыми кораблями могущественных союзнических эскадр»¹⁴⁰, пришлось затопить у входа в Севастопольскую бухту. Затем, после месяцев упорной обороны, Севастополь пал в руки англо-франко-оттоманского экспедиционного корпуса, насчитывающего 70 000 человек. Мирный договор сократил российское влияние на Ближнем Востоке и лишил страну военно-морского присутствия на Черном море:

Положение России в Европе изменилось... В 1815 г. Россия выступала сильнейшей державой на континенте... После 1848 г. она казалась далеко опередившей остальные сухопутные державы: российское первенство превратилось в российское господство. Крымская война низвела Россию до положения одной из нескольких великих держав... Пока в Санкт-Петербурге правили цари, Россия никогда вновь не поднималась на высоту 1815 г.¹⁴¹

Но поражение России в Крымской войне имело еще более важные последствия для внутренней политики, поскольку оно подчеркнуло недостатки имперской системы, основанной на крепостническом, доиндустриальном обществе. По словам Александра Гершенкрона,

...Крымская война нанесла серьезный удар по безмятежным представлениям о могуществе России. Она продемонстрировала, что Россия уступает во многих важнейших отношениях. Российские военные корабли не могли сравниться с английскими и французскими, и их превращение в подводные рифы стало единственным их полезным применением; примитивные российские ружья были основной причиной поражения в решающем сражении на Альме; снабжение солдат и подвоз боеприпасов в осажденный Севастополь

140. Sergei Pushkarev, *The Emergence of Modern Russia, 1801–1917*; trans. Robert H. McNeal and Tova Yedlin (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963), p. 121.

141. Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801–1917* (New York: Oxford University Press, 1967), p. 331.

были осложнены убогой транспортной системой. Ход войны и ее итоги оставили у императора и высшей бюрократии ощущение, что страна опять слишком сильно отстала от развитых держав Запада. Для восстановления лидирующих военных позиций России была необходима... определенная степень модернизации¹⁴².

Как и ранее в русской истории, ощущение военной отсталости подстегнуло серию реформ, проводимых сверху — имперскими чиновниками при поддержке царя. Была поставлена осознанная цель изменить — либерализовать — русское общество настолько, чтобы оно могло оказывать лучшую поддержку великодержавной миссии государства, но не настолько, чтобы эта либерализация вызвала сколько-нибудь опасную политическую нестабильность. Первый раунд реформ, разработанных и осуществленных в течение жизни поколения после Крымской войны, предусматривал учреждение современной правовой системы, введение всеобщей воинской повинности и расширение профессиональной подготовки офицеров, создание представительных собраний *земств* и муниципальных *дум* с очень тщательно описанными полномочиями местного самоуправления¹⁴³. Но наиболее важной из всех реформ было освобождение миллионов российских крепостных, процесс, начатый согласно первому из ряда царских указов 1861 г.

Как и в случае с другими реформами Александра II, предпринятыми немедленно вслед за крымским фиаско, целью отмены крепостного права было в большей степени высвободить социальные силы таким образом, чтобы это было совместимо со стабильностью и военной эффективностью имперского государства, чем непосредственно способствовать экономическому развитию¹⁴⁴. Прежде всего юридическое равенство для крестьянства было необходимым условием создания современной армии из гра-

142. Alexander Gerschenkron, "Russian Agrarian Policies and Industrialization, 1861–1917", in *Continuity in History and Other Essays* (Cambridge: Harvard University Press, 1968), p. 143.

143. О реформах в целом см.: Seton-Watson, *Russian Empire*, ch. 10. О реформах местных властей и их ограничениях см.: S. Frederick Starr, *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972), pts. III–VI.

144. См. аргументацию Гершенкрона в: Alexander Gerschenkron, "Agrarian Policies", in *Continuity in History*. Я во многом опираюсь на эту статью.

ждан, подлежащих призыву. Более того, имели место вполне реальные опасения в связи с восстаниями крепостных, которые участились во время Крымской войны и после нее. Царь Александр провозгласил, что «лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»¹⁴⁵. Таким образом, он преодолел явную оппозицию большинства помещиков-дворян и потребовал от них законодательной отмены крепостного права. От землевладельцев закон потребовал предоставить крестьянам права на значительную долю сельскохозяйственных земель, которые большинство дворян были склонны рассматривать как исключительно свою собственность.

Здесь необходимо сделать паузу, чтобы рассмотреть эти российские события 1850-х и 1860-х гг. в сравнительной перспективе. Из такой перспективы совершенно удивительно, что унижительные последствия военного поражения от более экономически развитых наций ускорили кризис российского имперского государства и подтолкнули к запуску модернизационных реформ. Однако что действительно удивительно — так это то, что данные реформы (особенно отмена крепостного права), которые прямо нарушали сложившиеся экономические интересы землевладельческого дворянства, были *успешно осуществлены* имперскими властями. Конечно, группы интересов господствующего класса критиковали реформы, последовавшие за Крымской войной, как с точки зрения их содержания, так и с точки зрения автократических и бюрократических способов их разработки и осуществления¹⁴⁶. Но в то время как оппозиция монархическим реформам со стороны господствующего класса вылилась в отмену самодержавия и разрушение структур имперских государств во Франции в 1787–1789 гг. и в Китае в 1911 г., в России XIX в. ничего подобного не произошло. Чтобы понять почему, необходимо рассмотреть положение русского земельного дворянства.

145. Цитата из речи Александра II в 1856 г. приводится по: Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture* (Cambridge: Harvard University Press, 1970), p. 40; *Реформа 1861 г. в истории России (к 150-летию отмены крепостного права): сб. обзоров и рефератов* / Отв. ред. В. С. Коновалов. М., 2011. С. 71.

146. Terence Emmons, *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861* (Cambridge: Cambridge University Press, 1968).

Слабость земельного дворянства

Российские дворяне-землевладельцы были зажаты между слегка коммерциализованной крепостной экономикой и имперским государством. Как и французский высший класс собственников, и китайские джентри, этот российский господствующий класс присваивал прибавочный продукт и напрямую у крестьянства, и косвенно — через вознаграждения за службу государству. Но, что резко контрастировало с господствующими классами Франции и Китая, российское земельное дворянство было экономически слабым и политически зависимым от властей империи.

Даже до Петра Великого общественное положение российского дворянства и сохранение богатства отдельных семей из поколения в поколение почти полностью зависели от службы царям¹⁴⁷. Крепостное право в России закрепилось не усилиями коммерциализирующихся помещиков (как в значительной части Восточной Европы после 1400 г.), но скорее под давлением осуществляющих централизацию царей, намеревавшихся извлекать из населения достаточные ресурсы для поддержания обороны и экспансии в опасной геополитической среде¹⁴⁸. Традиционно свободных русских крестьян необходимо было прикрепить к земле, чтобы они создавали облагаемый налогом прибавочный продукт; соответственно, царям нужны были офицеры и чиновники для службы в государственных организациях, необходимых для ведения внешних войн и социального контроля внутри страны. На протяжении веков земли не состоящих на государственной службе дворян и князей экспроприировались и передавались в качестве вознаграждения за службу новому классу — служилому дворянству. По мере того как это происходило, цари предпринимали усилия, чтобы гарантировать, что новые группировки независимых земельных аристократов не появятся. Служилые дворя-

147. Этот абзац базируется прежде всего на: Pipes, *Russia Under the Old Regime*, chs. 2–4, 7; Пайпс Р. *Россия при старом режиме*. Гл. 2–4, 7.

148. Blum, *Lord and Peasant*, chs. 8–14; Richard Hellie, *Enserfment and Military Change in Muscovy* (Chicago: University of Chicago Press, 1971).

не получили права на крепостные «души» и поместья. Тем не менее зачастую их владения не были сосредоточены в одной местности или даже в одной провинции, но были разбросаны по различным регионам империи. При таких условиях местная и региональная солидарность едва ли могла развиваться среди дворян.

Петр Великий довел это положение дел до крайности. Он сделал пожизненную военную или гражданскую службу обязательной для каждого взрослого дворянина-мужчины. Принужденные к постоянной службе, перебрасываемые по команде из центра с должности на должность и из региона в регион, дворяне стали совершенно зависимой от государства группой. «Так или иначе, они усвоили милитаристскую, бюрократическую и глобальную точку зрения, которая господствовала в российской общественной жизни»¹⁴⁹. Служба стала «базовыми нормативными рамками для индивидуальных и социальных отношений, и... служебный ранг стал единственно признаваемой формой аристократического статуса»¹⁵⁰.

В течение XVIII в. российские дворяне в конце концов были освобождены от пожизненной государственной службы, и их права частной собственности были полностью и официально подтверждены. Новая возможность уходить в отставку со служебных постов привела к некоторому возрождению социальной и культурной жизни в провинциях. Тем не менее положение дворян не очень изменилось¹⁵¹. Все более ориентированные на стиль жизни западноевропейского высшего класса, российские дворяне по-прежнему тяготели к занятости в госаппарате как единственно надежной возможности жить в больших городах, получать жалованье и дополнительные денежные вознаграждения вдобавок к очень низким доходам, которые большинство из них получало от крепостнических имений, дробившихся

149. Raeff, *Origins*, p. 50.

150. *Ibid.*, p. 119.

151. Моя интерпретация положения дворянства в имперской России во многом основывается на: Marc Raeff, *Imperial Russia*, chs. 3–5; Raeff, *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth Century Nobility* (New York, Harcourt, Brace and World, 1966). В отличие от прочих авторов (например, Блюма), Раев не верит, что могущество класса дворян по отношению к самодержавию значительно возросло в течение XVIII в.

с каждым поколением. Даже если бы дворяне были культурно готовы к тому, чтобы с головой уйти в управление сельским хозяйством, российская аграрная экономика предоставляла (на большей части территории страны) мало стимулов для такого альтернативного образа жизни. Более того, русские помещики мало что могли вложить в сельское хозяйство (или любые иные экономические предприятия), поскольку они, по европейским стандартам, были очень бедны. Примерно четыре пятых из них (83% в 1777 г., 84% в 1834 г., 78% в 1858 г.) имели менее сотни «душ» (взрослых крепостных мужского пола) — минимум, который рассматривался в качестве необходимого для того, чтобы вести сельский образ жизни¹⁵². И в борьбе за поддержание минимально соответствующего образа жизни помещики не только стекались на государственные должности, но и погружались во все бóльшие долги — отчасти были должны частным финансистам, но в основном государству. Таким образом, к 1860 г. 66% всех крепостных были «заложены» их владельцами-дворянами в специальных государственных кредитных учреждениях¹⁵³.

Однако ирония состояла в том, что пока помещики продолжали зависеть от имперского государства, самодержавие становилось менее зависимым от земельного дворянства. Петр Великий открыл четкий путь вертикальной мобильности и получения дворянских званий для образованных выходцев из народа, занятых на государственной службе¹⁵⁴. Неизбежным результатом рекрутирования незнатных выходцев из церковных и городских семейств было формирование страты служилого дворянства, отделенного от земли, тогда как растущее число семейств образованных не-дворян на государственной службе давало еще больше желающих занять бюрократические должности. Вследствие этого современное количественное исследование приходит к заключению, что

...к концу XVIII в. гражданские служащие в центральном аппарате, а к 1850-м гг. также и в провинциях, были по своей сути самовоспроизводящейся группой. Новые члены прихо-

152. Raeff, *Imperial Russia*, p. 96; Blum, *Lord and Peasant*, pp. 368–369, ch. 19 в целом.

153. Blum, *Lord and Peasant*, p. 380.

154. Raeff, *Imperial Russia*, ch. 3.

дили из дворянства, уже в значительной степени отделившегося от земли, и из сыновей незнатных государственных служащих (военных, гражданских и церковных)¹⁵⁵.

Университетское образование и готовность посвятить себя пожизненной служебной карьере были ключом к успеху на государственной службе. Земельные владения, как представляется, имели значение лишь постольку, поскольку способствовали вышеназванному, и ни в коем случае не были единственным средством.

В середине XIX в. отсутствие крепостных не было препятствием для бюрократического успеха. Из всей группы дворян [из числа исследуемых чиновников] семьи примерно 50% вообще не владели крепостными... Особенно важно то, что не владевшие крепостными дворяне ни в коей мере не были ограничены нижними чинами. Даже на самом верху более 40% семей служилых дворян вообще не владели крепостными¹⁵⁶.

Результатом всех этих обстоятельств вместе взятых было то, что у русских дворян было мало автономной классовой или поместной политической власти. Если дворяне задерживались в провинции надолго, то они были бедны, охвачены заботами и почтительны по отношению к государственным чиновникам. Тем временем на государственной службе старое дворянство соперничало в борьбе за жизненно важный карьерный рост с теми, которые были возведены в дворянское звание и стремились стать служилыми дворянами. Продвижения в карьере достигали благодаря монаршему одобрению или неукоснительному следованию приказам и порядку. Коллективная политическая инициатива или протесты не поощрялись и не получали содействия. В отличие от Франции при Старом порядке, не существовало давно установившихся органов представительства, квазиполитических корпораций или торговли должностями, которые давали бы господствующему классу рычаги влияния в имперской государственной структуре. В этом отношении Россия имела больше сходства с имперским Ки-

155. Walter M. Pintner, "The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy", *Slavic Review* 29:3 (September 1970), p. 442.

156. *Ibid.*, pp. 438-439.

таем (до 1908 г.). Тем не менее, даже когда китайская имперская система была на пике своего развития, джентри имели намного больше политической власти и независимости на местном уровне, нежели российское дворянство. К тому же в старорежимной России не было ничего сопоставимого с ростом власти джентри на локальном и провинциальном уровне в Китае после 1840 г. Будь то помещики, или чиновники, или и те и другие одновременно (а численность этой последней категории все более сокращалась), — дворяне в имперской России пользовались меньшей самостоятельностью, автономией политической власти. Они, напротив, зависели от своих индивидуальных отношений с централизованной государственной машиной и от общей приверженности самодержавия к сохранению стабильности существующего общественного порядка.

На этом фоне мы можем завершить наш анализ отмены крепостного права. Слабость российского землевладельческого дворянства с очевидностью объясняет, почему оно не смогло предотвратить отмену крепостного права и тем более — свергнуть самодержавно-имперскую политическую систему во имя аристократической или либеральной «конституционалистской» программы. Если бы российское земельное дворянство обладало экономической силой и политико-административными рычагами влияния на имперское государство, сколько-нибудь сопоставимыми с силой и рычагами влияния французского и китайского господствующих классов, то вполне вероятно, что революционный политический кризис мог возникнуть в России в 1860-е гг. Вместо этого царское самодержавие действительно преуспело в проталкивании реформ, предпринятых им вследствие унижительного крымского поражения — включая реформы, которые существенно противоречили экономическим интересам и социальным привилегиям дворян-помещиков¹⁵⁷.

157. В своей книге «The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861» Теренс Эммонс подчеркивает, в какой степени мелкопоместное дворянство действительно оказывало коллективное политическое влияние в 1860-е гг. Но, согласно собственному описанию Эммонса, первоначальный импульс к проведению реформ и поощрению участия в них мелкопоместных дворян исходил от царской власти. К тому же в итоге либеральные и реакционные группы дворянства не смогли осуществить

Тем не менее было бы ошибкой заключить, что раз российские дворяне-землевладельцы не могли принять эффективного политического наступления против реформаторского самодержавия, то они вообще не имели влияния на закон об отмене крепостного права. На самом деле землевладельческое дворянство смогло оказать существенное влияние, особенно в процессе политической реализации закона. Так произошло просто из-за самого существования владеющего крепостными господствующего класса и из-за внутренних ограничений эффективной власти имперского государства, учитывая существующие институциональные отношения между ним и сельской классовой структурой.

Как мы уже отметили, главная цель самодержавия при освобождении крепостных заключалась в стабилизации имперского правления. Вследствие этого царь и его чиновники решили не только даровать личную, законодательно закрепленную «свободу» крестьянам, но и наделить их собственностью на значительные площади земли, которую они обрабатывали¹⁵⁸. Было очевидно, что оставить бывших крепостных без собственности было бы гарантией восстаний и равно ненавистных неурядиц быстрой и массовой пролетаризации. Но кто должен был решать, как много (и каких) земель передать бывшим крепостным? Механизмы реализации политики деления собственности между дворянами и крестьянами приходилось разрабатывать от одного участка земли к другому. Поскольку исторически сложилось так, что юрисдикция империи заканчивалась за воротами дворянских крепостнических поместий (где ответственными за поддержание порядка и сбор налогов оставались дворяне или их доверенные лица), только сами дворяне и их управляющие обладали детальными сведениями о структуре и функционировании крепостнической экономики, что было существенно для реализации закона об отмене крепостного права во многих местно-

какие-либо пункты своих политических программ, которые расходились с интересами или программами власти. Я полагаю, что все свидетельства, которые приводит Эммонс, согласуются с предлагаемыми мною формулировками. Мои отличия в акцентах интерпретации связаны с тем, что я рассматриваю Россию в *компаративистской* перспективе.

158. Gerschenkron, "Agrarian Policies", in *Continuity in History*, pp. 140-147, 159-165.

стях. Следовательно, у императорских властей не оставалось иного выхода, кроме как поручить разработку точного распределения земель, передаваемых бывшим крепостным, дворянским комитетам¹⁵⁹. Естественно, такая организация дел гарантировала, что дворяне смогут максимально реализовать свои собственные интересы в пределах общего манифеста об отмене крепостного права. Именно это они и сделали. В плодородных регионах крестьянам оставили минимум земель, тогда как в менее плодородных их принудили платить выкупные платежи за максимальные владения. Более того, везде крестьяне оказались отрезанными от доступа к критически важным ресурсам, таким как вода, или пастбища, или леса, которые они затем вынуждены были арендовать у своих бывших хозяев.

Таким образом, проведенные в пределах существующих аграрных классовых отношений, крестьянские реформы не могли расчистить путь к быстрой модернизации российского сельского хозяйства — и не сделали этого¹⁶⁰. Крестьянам оставили недостаточное количество земли, обложили разорительными выкупными платежами, которые пришлось платить властям на протяжении многих десятилетий. Для дворян также едва ли были стимулы инвестировать в модернизацию сельского хозяйства, потому что в их законном владении оставили около 40% земель и доступ к дешевому труду, в то время как большая часть доставшегося им финансового подарка — выкупных платежей (выплачиваемых государством дворянам) пошла на покрытие ранее накопившейся задолженности (в основном самому государству). Чего, бесспорно, отменой крепостного права достичь удалось, — так это более прямого и монопольного контроля имперского государства над крестьянством и присвоением доходов от сельского хозяйства. Царский режим оттолкнул в сторону земельное дворянство. Но помещики, хотя и значительно ослабленные отменой крепостного права и ее последствиями, остались господствующим классом в преимущественно застой-

159. Gerschenkron, "Agrarian Policies", in *Continuity in History*, pp. 165–174.

160. Об условиях Освобождения и его последствиях см.: Ibidem; Volin, *A Century of Russian Agriculture*, chs. 2–3; Robinson, *Rural Russia*, chs. 5–8.

ной аграрной экономике. Вследствие этого экономика служила тормозом при последующих попытках империи способствовать экономическому росту. А земельное дворянство оставалось потенциальной целью крестьянских восстаний.

И наконец, следует отметить, что российское неслужилое дворянство, включая оставшихся помещиками, было по-прежнему всецело политически бессильным по отношению к самодержавию после 1860-х гг. Так и было, несмотря на создание в рамках реформ этого десятилетия *земств* — местных и провинциальных представительных органов, в которых дворянство было представлено непропорционально широко. В лучшем случае *земства* становились плацдармами местной социальной и культурной деятельности, обеспечивая при очень ограниченной финансовой базе образовательные и экономически-консультативные услуги, а также предоставляя социальное обеспечение. Но этот сектор услуг, контролируемый избираемыми правлениями, рос бок о бок с иерархией (а не внутри нее) политической власти в обществе. Дело в том, что имперские власти сохраняли монополию на управление и принуждение и продолжали с помощью налогов забирать большую часть прибавочного продукта в сельском хозяйстве. *Земства* же бюрократия империи терпела только в той степени, в какой они не бросали вызов контролю центральных властей и их прерогативам в определении государственной политики¹⁶¹.

Интересно и познавательно сопоставить это с представительными собраниями высшего класса, учрежденными в Китае (1908–1910 гг.). Там джентри уже де-факто пользовались большим административным и военным влиянием, в то время как имперские власти были финансово слабы и не осуществляли эффективного контроля из центра. Таким образом, в Китае новые собрания послужили тому, чтобы дать коллективное политическое выражение власти, которая уже была у господствующего класса. Но в старорежимной России самодержавие

161. См. ссылки в сноске 143; Alexander Vucinich, "The State and the Local Community", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), pp. 191–208.

занимало столь сильные позиции, что смогло эффективно создать полностью ограниченные представительные органы, какие маньчжурские правители намеревались, но не смогли учредить в Китае. Российские *земства* (и городские *думы*) не были политической угрозой самодержавию вплоть до 1905 г., когда государство временно ослабло, проигрывая войну. До тех пор (и вновь после 1906 г.) имперское государство сохранило власть и инициативу для подавления и существенной перестройки российского общества, даже когда это вело к дальнейшему ущербу интересам дворянства.

Направляемая государством индустриализация

После посткрымских модернизационных реформ следующей основной инициативой российского государства были заметные усилия по стимуляции индустриализации сверху — но она произошла только после некоторых первоначальных экспериментов с капиталистической политикой *laissez-faire*¹⁶². В 1860-е и 1870-е гг. Россия была широко открыта для зарубежной торговли и инвестиций согласно теории о том, что она сможет получить современные промышленные и транспортные материалы и технологии в обмен на увеличенный экспорт сельскохозяйственной продукции¹⁶³. Последовательно, хотя и медленно, росла протяженность железных дорог, по большей части благодаря усилиям частных предпринимателей, зарубежных и отечественных. Но используемая для этого сталь делалась из импортных материалов, так что «российские горное дело и металлургия получали мало поддержки»¹⁶⁴. Тем временем производительность сельского хозяйства затормозилась, в то время как цены на зерно на международном рынке упали, а российские внешняя задолженность и потребность в импорте росли. Война (русско-турецкая война 1877–1878 гг.) и военные приготовления (Болгарский

162. Нерегулируемой рыночной экономики (*фр.*) — Прим. пер.

163. George Barr Carson, Jr., "The State and Economic Development: Russia, 1890–1939", in *The State and Economic Growth*, ed. Hugh S. J. Aitken (New York: Social Science Research Council, 1959), p. 117.

164. Seton-Watson, *Russian Empire*, p. 407; о железных дорогах см. там же, pp. 405–406.

кризис 1886 г.) продолжали съедать доходы правительства. В то же самое время возможности крестьян платить налоги были на исходе, что привело к широкому распространению голода в 1891 г.¹⁶⁵ Очевидно, что слава русского государства требовала иной стратегии.

И она начала осуществляться в 1890-е гг., при министре финансов Сергее Витте, который твердо верил, что «политическая сила великих держав, призванных выполнять великие исторические задачи на мировой арене» основывается непосредственно на их соответственном индустриальном могуществе. «Международная конкуренция не ждет», — предупреждал Витте царя Николая II в 1900 г.:

Если ныне же не будет принято энергичных и решительных мер к тому, чтобы в течение ближайших десятилетий наша промышленность оказалась в состоянии своими продуктами покрывать потребности России и Азиатских стран, которые находятся или должны находиться под нашим влиянием, то... может быть, медленный рост нашей промышленности затруднит выполнение великих политических задач монарха... неполнота экономического развития может повлечь за собою и политическую, и культурную отсталость страны¹⁶⁶.

Витте предложил неотложную правительственную программу поддержки индустриализации страны. Его «система» государственных мер, полностью осуществленных во время его пребывания в должности министра финансов с 1892 по 1903 г., включала большие государственные расходы на железнодорожное строительство и функционирование железных дорог, субсидии и оказание поддержки частным промышленникам, высокие протекционистские тарифы для российских отраслей промышленности (особенно для тяжелой и горнорудной промышленности, чья продукция закупалась для строительства железных дорог и модернизации армии), увеличение экспорта, устойчивую валюту и поощрение зарубежных инвестиций. Правительственные расходы

165. Carson, "State and Economic Development", in *State and Economic Growth*, ed. Aitken, pp. 117–118; Theodore H. Von Laue, *Sergei Witte and the Industrialization of Russia* (New York: Columbia University Press, 1963), ch. 1.

166. Von Laue, *Sergei Witte*, pp. 2–3; цит. по.: Докладная записка Витте Николаю II // *Историк-марксист*. 1935. № 2/3. С. 131–139.

на стимулирование индустриализации покрывались при помощи поднятых регрессивных косвенных налогов на предметы массового потребления и внешних займов (которые должны были гарантированно выплачиваться)¹⁶⁷.

В целом эти усилия по быстрой, направляемой государством индустриализации увенчались огромным успехом¹⁶⁸. В 1890-е гг. рост российской промышленности в среднем составлял 8% в год. Между 1892 и 1902 гг. протяженность железных дорог выросла, с довольно существенной базы, на 40%; внутренние коммуникации в Европейской части России очень развились, и ответвление в Сибирь было завершено. В свою очередь, стимулированные этим российские отрасли тяжелой промышленности (горнорудное дело, железо и сталь, нефть) росли как грибы после дождя, строились огромные заводы и применялись новейшие европейские технологии. Легкая промышленность тоже выросла, хотя и не так впечатляюще, поскольку, конечно, индустриализация не базировалась на массовом рыночном спросе. Одновременно Витте смог увеличить налоговые поступления более чем в два раза и стабилизировать валюту, введя золотой стандарт. Сельскохозяйственные «излишки» выжимались из крестьян и продавались за рубежом, чтобы финансировать покупки иностранных технологий и поддерживать платежный баланс. Все это, в конце концов, создало условия для продолжения быстрого индустриального роста (в среднем 6% в год) между 1906 и 1913 гг., когда, после русско-японской войны 1904–1905 гг., государство было в более слабой позиции для осуществления инвестиционных инициатив.

Тем не менее, в силу своих и достижений, и ограничений, быстрая индустриализация в России на ру-

167. Von Laue, *Sergei Witte*, ch. 3.

168. Факты и оценки, представленные в этом параграфе, заимствованы из: Ibid., ch. 8; Carson, "State and Economic Development", in *State and Economic Growth*, ed. Aitken, pp. 118–127; Alexander Gerschenkron, "Problems and Patterns of Russian Economic Development", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), pp. 47–61; Гершенкрон А. Россия: паттерны и проблемы экономического развития, 1861–1958 // *Экономическая отсталость в исторической перспективе*. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС, 2015. С. 148–190.

беже XX в. создала условия для двух революций — одной, в итоге неудавшейся, в 1905 г., и другой, успешной, в 1917 г. Отчасти индустриализация сделала это, создав новые классы и усугубив социальную напряженность. Хорошее краткое описание общей картины дает Артур Мендел:

Помимо опасного сосредоточения пролетариата, работников интеллигентного труда и бунтарского студенчества в политических центрах, индустриализация привела в ярость эти новые силы, а также традиционные сельские классы. Она радикально вытесняла дворянство с его обостренным статусным сознанием и подавляла крестьянство форсированным экспортом, монопольными ценами и регрессивным налогообложением, которыми в конечном счете оплачивалась модернизация. Более того, во всех сегментах общества она способствовала болезненному краху старых ролей, ценностей, мотиваций и ожиданий... Она не оставляла денег на улучшение плачевных жизненных условий в городах, куда уже бедствующее и дезориентированное крестьянство стекалось в надежде на что-то лучшее, которая очень быстро терпела крах¹⁶⁹.

Особенно важным изменением внутри страны в последние десятилетия Старого порядка, как это продемонстрировали последующие события, было быстрое формирование промышленного пролетариата¹⁷⁰. Малочисленный в масштабе всего населения России, этот класс, тем не менее, был чрезвычайно сконцентрирован

169. Arthur Mendel, "On Interpreting the Fate of Imperial Russia", in *Russia Under the Last Tsar*, ed. Theofanis George Stavrou (Minneapolis, Minn.: University of Minnesota Press, 1969), pp. 20–21; Theodore H. Von Laue, "Russian Labor Between Field and Factory, 1892–1903", *California Slavic Studies* 3 (1964), pp. 33–65; Allan K. Wildman, *The Making of a Workers' Revolution: Russian Social Democracy, 1891–1903* (Chicago: University of Chicago Press, 1967).

170. Великолепной обзорной статьей о пролетариате в позднеимперской России является: Reginald Zelnik, "Russian Workers and the Revolutionary Movement", *Journal of Social History* 6 (Winter 1971–72), pp. 214–234. Другие источники по пролетариату включают: Leopold Haimson, "The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917", *Slavic Review* 23:4 (December 1964), pp. 619–642 and 24:1 (March 1965), pp. 1–21; Arthur P. Mendel, "Peasant and Worker on the Eve of the First World War", *Slavic Review* 24:1 (March 1965), pp. 23–33; Gaston W. Rimlinger, "Autocracy and the Factory Order in Early Russian Industrialization", *Journal of Economic History* 20:1 (March 1960), pp. 67–92; Theodore H. Von Laue, "Russian Labor Between Field and Factory, 1892–1903"; Allan K. Wildman, *The Making of a Workers' Revolution: Russian Social Democracy, 1891–1903* (Chicago: University of Chicago Press, 1967).

и на крупных промышленных предприятиях, и в важных промышленных центрах, включая, к несчастью, столицы Европейской части России — Санкт-Петербург и Москву. Эти новые пролетарии были резко, совсем недавно и часто не полностью отделены от крестьянских деревень. В самом начале, возможно, новизна их погружения в городскую индустриальную среду делала протест затруднительным для недавно пополнивших их ряды, хотя, возможно, бывшие крестьяне также приносили с собой на фабрики свои деревенские традиции коллективной солидарности и сопротивления. В любом случае, вскоре когорты промышленных рабочих приобрели опыт и ощущение собственной идентичности в промышленном мире. К тому же условия, с которыми они сталкивались (экономические лишения, нехватка социальных служб и почти постоянные запреты царизма на легальные профсоюзы), конечно, создавали достаточные причины для того, чтобы промышленные рабочие стали, как это и случилось после 1890 г., все более склонны к забастовкам и восприимчивы к антисамодержавным и антикапиталистическим идеям радикальных политических партий. Быстрая индустриализация тем самым создала внушительную народную силу, способную противостоять и имперскому государству, и капиталистическим капитанам промышленности, чью деятельность государство так горячо поддерживало.

Но столь же, если не более важными, были и международные последствия российской индустриализации. Прежде всего, процессы финансирования быстрой индустриализации более тесно привязали российское государство и экономику к Западной Европе. Чтобы укрепить слабые возможности местной буржуазии, государство поощряло вклады частных иностранных инвесторов в отрасли промышленности, защищая их тарифным барьером. Иностранные капитальные инвестиции, привлеченные в фирмы в России (в основном в тяжелой промышленности), выросли с 215 млн. руб. в 1890 г. до более чем 2 млрд. руб. к 1914 г.¹⁷¹ «В 1900 г. в России было 269 иностранных компаний, из которых толь-

171. John P. Sontag, "Tsarist Debts and Tsarist Foreign Policy", *Slavic Review* 27:4 (December 1968), pp. 530-531.

ко 16 существовали до 1888 г. Французский и бельгийский капитал шел в основном в южную металлургическую промышленность и шахты, британский — в нефть, германский — в химические производства и электротехническую промышленность»¹⁷². В то же самое время для того, чтобы платить за импорт промышленного оборудования и поддерживать внешнеторговый платежный баланс, от которого зависела стабильность валюты и доверие инвесторов, Россия полагалась на сельскохозяйственный экспорт, в первую очередь в Англию и Германию¹⁷³. А чтобы профинансировать государственные инвестиции в промышленность (которые превосходили даже масштабные иностранные инвестиции), царский режим нуждался в займах, получаемых в Германии, Англии и, прежде всего, во Франции¹⁷⁴. Суммы были очень велики:

Национальный долг... [рос] темпами почти сопоставимыми с ростом национального дохода... К 1913 г.... Россия была второй страной мира по абсолютному размеру национального долга. Однако по ежегодным выплатам на обслуживание долга Россия была первой... Размеры российского внешнего долга слегка превосходили размеры внутреннего¹⁷⁵.

Таким образом, российская экономика была настолько тесно привязана к европейским финансам, что, когда в 1899–1900 гг. западные финансовые рынки сузились, российская промышленность, которая до этого росла столь быстро в 1890-е гг., погрузилась в более глубокий и продолжительный кризис, чем та рецессия, которая одновременно охватила западноевропейскую промышленность¹⁷⁶. Этот спад «усугубил недовольство в обществе в течение примерно пяти лет, предшествовавших революции 1905 г.»¹⁷⁷.

Была ли поздняя имперская Россия полуколонией Европы? Можно представить аргументы в пользу такой

172. Seton-Watson, *Russian Empire*, p. 531.

173. *Ibid.*, p. 530.

174. Sontag, "Tsarist Debts", p. 533.

175. Carson, "State and Economic Development", in *State and Economic Growth*, ed. Aitken, pp. 130–131.

176. Lyashchenko, *History of National Economy*, pp. 647–661.

177. Mendel, "Interpreting the Fate", in *Russia Under Last Tsar*, ed. Stavrou, p. 21.

точки зрения. В конце концов, она импортировала западную технику и избыточный капитал в обмен на экспорт сырья и процентные выплаты. В то же время национальное потребление сокращалось, чтобы поддерживать торговый баланс и золотой стандарт. Более того, в политических альянсах Россия стала отдавать предпочтение своим основным кредиторам, Франции и Англии. С другой стороны, российский внешний долг на душу населения был меньше, чем у Швеции или Соединенных Штатов¹⁷⁸. К тому же исследователи не смогли обнаружить свидетельств того, что иностранные фирмы или инвесторы вдобавок к прибылям стремились осуществлять контроль или что правительственные чиновники либо в России, либо в Западной Европе рассматривали царистское государство как зависимое в силу своих экономических связей¹⁷⁹. В любом случае, эти связи распространялись также и на Германию.

Скорее будет более обоснованным исходить из того, что Россия продолжала действовать как соперничающая великая держава в европейской системе государств. Российские альянсы, которые вели к Первой мировой войне, можно прекрасно объяснить на этой основе. На протяжении значительной части XIX в. Россия была в довольно слабых союзнических отношениях с Пруссией и Австро-Венгрией, и для защиты российских интересов можно было полагаться на дипломатию. Затем произошло объединение и быстрая индустриализация Германии — событие, которое разбалансировало европейскую дипломатию и угрожало России (и особенно ее интересам на Балканах, по мере того как Германия постепенно переходила к союзу с Австрией). Поэтому вполне в рамках логики европейского баланса сил было то, что Россию «подтолкнули... к союзу с западным альянсом, который ставил безопасность ее европейских границ скорее на военную, чем на политическую основу»¹⁸⁰.

Из всего этого не следует делать вывод о том, что экономическое развитие поздней имперской России

178. Sontag, "Tsarist Debts", p. 534.

179. Ibidem; McGrew, "Some Imperatives", in *Russia Under Last Tsar*, ed. Stavrou.

180. Ibid., p. 228.

не было чревато серьезными международными политическими последствиями — но только о том, что самые важные эффекты были связаны со *способностью* России выдержать международное военное соперничество. Несмотря на впечатляющие данные промышленного роста после 1880 г., особенно в тяжелой промышленности, экономическое развитие России по-прежнему оставляло страну далеко позади других наций, с которыми она должна была иметь дело в дипломатическом и потенциально в военном плане. Например, накануне Первой мировой войны реальные доходы на душу населения в России по-прежнему составляли только одну треть от доходов в Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах¹⁸¹. Еще более впечатляет тот факт, что, хотя средние темпы роста реальных доходов на душу населения в России между 1860 и 1913 гг. были примерно равны средним по Европе, они, тем не менее, были значительно ниже 2,5% роста в Соединенных Штатах, 2% роста в Германии и 3% в Японии (в 1878–1912 гг.)¹⁸². Очевидно, что Россия «не могла в экономическом отношении угнаться за западным миром и даже еще более отстала от его лидеров»¹⁸³.

Решающей проблемой был низкий уровень реального роста в сельском хозяйстве — которое оставалось основным сектором российской экономики. Даже экстраординарный и непропорциональный рост тяжелой промышленности после 1890 г. не мог компенсировать отсталости российского сельского хозяйства. Тем самым программа форсированной индустриализации Витте не смогла достичь стратегической цели: паритета на международной арене — цели, которая в первую очередь мотивировала царя поддерживать ее в первую очередь, даже несмотря на то, что она усиливала внутренние социальные тенденции, враждебные продолжению абсолютистского правления¹⁸⁴.

181. Raymond W. Goldsmith, "The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860–1913", *Economic Development and Cultural Change* 9:3 (April 1961), p. 443;

182. *Ibid.*, pp. 474–475.

183. *Ibid.*, p. 443.

184. Theodore H. Von Laue, "The State and the Economy", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), pp. 209–223.

Влияние войн

Таким образом, на пороге XX в. условия для революционного кризиса были подготовлены именно потому, что имперская Россия оставалась «великой державой, попавшей, благодаря своей нелегкой судьбе, в водовороты европейской и глобальной силовой политики», как раз когда она отставала в экономическом развитии¹⁸⁵. Рожденное и закаленное в битвах, изолированное от давления общественных сил и возвышающееся над ними, российское государство могло пасть только вследствие поражения в тотальной войне. Поэтому Первая мировая война оказалась необходимой причиной (равно как и поводом) для революционного кризиса, который погубил имперскую Россию.

Чтобы четче продемонстрировать, почему это так, весьма поучительно было сравнить февраль 1917 г. и неудавшуюся русскую революцию 1905 г., Троцкий однажды назвал 1905 г. «репетицией» 1917 г. Действительно, в обеих драмах приняли участие практически одни и те же социальные и политические силы. Но сценарии оказались очень различными: Исаак Дойчер подходит близко к истине, когда говорит, что в 1917 г. революция «вновь начала с той точки, на которой остановилась в 1905 г. „Конституционалистская“ фаза революции фактически была уже разыграна до 1917 г.»¹⁸⁶.

Революция 1905 г. напоминала революцию 1917-го тем, что также началась в середине проигрываемой войны. Намереваясь получить полуколониальные приобретения на Дальнем Востоке и отвлечь население от внутренних беспорядков благодаря «маленькой победоносной войне», по выражению министра внутренних дел Вя-

185. Theodore H. Von Laue, *Why Lenin? Why Stalin?*, 2nd ed. (Philadelphia: Lippincott, 1971), p. 60. Фон Лауэ отмечает: «В этом отношении Россия была уникальной в мировой истории. Ни одна другая страна из тех, что классифицируются как отсталые — ни Япония XIX в., ни Китай, ни Индия, не говоря уже о меньших странах, ныне защищенных благодаря патовой ситуации между СССР и США, — не должна была нести бремя такой крайней незащищенности» (p. 60, note).

186. Isaac Deutscher, "The Russian Revolution", in *The New Cambridge Modern History*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1968), vol. 12, p. 403.

чеслава фон Плеве, царский режим вступил в войну с Японией в 1904 г. Но по мере того как армия и флот империи терпели поражение за поражением, революционное движение, вовлекшее все классы общества, набирало силу внутри страны. Всероссийский Земский съезд, представлявший землевладельцев, лиц умственного труда и буржуазию, потребовал (в ноябре 1904 г.) гражданских свобод, юридического равенства для всех классов и национальностей, а также общенационального, представительного законодательного собрания — по сути, либеральной конституционной монархии. В ходе поднимающейся волны промышленных стачек высказывались экономические требования и поддержка политическому движению против самодержавия. В июне 1905 г. подняли знаменитое восстание на броненосце «Потемкин». Движение достигло пика в октябре 1905 г., когда стачка железнодорожников переросла в общенациональную политическую забастовку. Перед лицом всего этого (выглядевшего, действительно, как социальная революция в самом что ни на есть западном стиле) царь отступил: гражданские свободы и законодательная Дума, основанная на широких избирательных правах, были дарованы в октябрьском Манифесте¹⁸⁷.

Тем не менее революция 1905 г. была отброшена назад и потерпела поражение в 1907 г. Почему? Причина была очень проста. Имея в краткосрочной перспективе военное поражение и революционную угрозу, режим быстро завершил войну с Японией. В сентябре 1905 г. был подписан Портсмутский мир, позволявший восстановить дисциплину в имперской армии в Маньчжурии и перебросить ее в бурлящую Европейскую Россию¹⁸⁸. Ясно то, что революции 1905 г. и волнениям рабочих и крестьян, продолжавшимся в 1906 г., удалось зайти так далеко не только потому, что война усилила социальную напряженность, а поражения разочаровали высшие классы, но также и потому, что в 1905 г. «Европейская Россия

187. Мое описание событий 1905 г. следует работе: William Henry Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, 2 vols. (1935; paperbound reprint ed., New York: Grosset & Dunlap, 1965), vol. 1, ch. 3.

188. Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973), pp. 118–119, ch. 6 в целом.

была по большей части лишена войск»¹⁸⁹. Но это была временная ситуация, которую царизм мог легко исправить, ввиду ограниченного и периферийного характера русско-японского конфликта. Поэтому, как только войска вернулись домой, чтобы сокрушить забастовки, аграрные волнения и арестовать беспокорных политических лидеров, Николай II свернул свои конституционные уступки одну за другой, пока абсолютизм не был, по сути, полностью восстановлен. Для него революция 1905 г. стала «бурей, прошедшей мимо»¹⁹⁰.

Первая мировая война создала совершенно иную ситуацию. Этот конфликт охватил всю европейскую систему государств. Россия не могла ни оставаться в стороне, ни выйти по своей воле из идущей войны. «Решение России провести мобилизацию в 1914 г. было прямым ответом на военные действия Австрии против Сербии и угрозу для российской территории, которая исходила от Германии, поддерживаемой Австрией»¹⁹¹. Когда в войну вступили Франция и Британия, они зависели от сотрудничества с их союзником. Имперская Россия была обречена на длительную конфронтацию с могущественной Германией.

Неизбежными последствиями этого для имперского режима стали военные поражения и экономический и административный хаос. Они, в свою очередь, породили революционный кризис. Объективные условия не допускали иного исхода. С 1914 до 1917 г. Россия мобилизовала в свои армии 15 млн. человек, но стране не хватало экономической инфраструктуры, чтобы поддержать ее усилия в борьбе с Германией. (Решительные победы были одержаны только над австро-венгерскими и турецкими силами.)

В начале войны у российских пехотных дивизий было наполовину меньше батарей легкой артиллерии, чем у Германии. Расхождение в батареях тяжелой артиллерии было и того хуже: 60 у русской армии против 381 у немцев. Что касается боеприпасов, ежегодный выпуск государственных фабрик составлял 600 000 патро-

189. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, vol. 1, p. 51.

190. Von Laue, *Why Lenin? Why Stalin?*, p. 52.

191. McGrew, "Some Imperatives", in *Russia Under Last Tsar*, ed. Stavrou, p. 218.

нов, тогда как ежегодная потребность в них во время войны вскоре стала в 70 раз больше. Частные производства были плохо оборудованы для перехода на производство вооружений и делали это очень медленно. Уже на пятый месяц войны в армии была острая нехватка боеприпасов; многие солдаты на передовой шли в бой без винтовок. Только к 1917 г. Россия стала производить достаточно вооружений — хотя и не могла поспевать за техническими инновациями врага¹⁹².

Однако к этому времени русские армии потерпели многократные крупные поражения от немцев. Миллионы людей были убиты, ранены или взяты в плен, и большая часть изначального профессионального офицерского корпуса была уничтожена. Офицеров могли заменить только образованные резервисты из гражданских или солдаты, путем повышения в чине. Фатальным стало то, что царская армия больше не была профессиональной организацией, отделенной от общества и руководимой убежденными консерваторами¹⁹³.

Другой цепью, связывающей Россию по рукам и ногам, была транспортная система. Учитывая отсутствие хороших дорог и недостаточность внутренних водных путей сообщения, ключевым фактором были железные дороги. Но, каким бы быстрым и внушительным ни было развитие российской сети железных дорог с 1860 г., к 1914 г. плотность немецких железных дорог (миль железнодорожных путей на квадратные мили территории) была более чем в десять раз выше российской. Вдобавок к этому российский подвижной состав был технически устаревшим. К примеру, грузовые вагоны, не имея воздушных тормозов, вынуждены были двигаться очень медленно¹⁹⁴. Это означало, что службы поддержки (поставки и эвакуация) для армии на фронтах были скованы. Это также означало, что в тылу промышленное производство сворачивалось, а города, перепол-

192. Nicholas N. Golovine, *The Russian Army in the World War* (New Haven: Yale University Press, 1931), pp. 32, 39, 126, 160; Головин Н. Н. *Военные усилия России в Мировой войне*. Париж: Товарищество объединенных издателей, 1939. Гл. 3, 7.

193. Chorley, *Armies and the Art of Revolution*, ch. 6.

194. Golovine, *Russian Army*, pp. 34–36; Головин Н. Н. *Военные усилия России в Мировой войне*. С. 56–61.

ненные большим количеством призывников, рабочих военных производств и персонала вспомогательных служб, лишались жизненно важного транспортного обслуживания. «Сильнее всего несостоятельность системы железных дорог ударила по большим городам, где нехватка продовольствия, топлива и сырья стала острой зимой 1916–1917 гг.»¹⁹⁵.

Революционный политический кризис 1917 г.

Как эти условия породили революционный кризис? По мере того как масштабы российских поражений (начиная с весны 1915 г.) стали очевидны, господствующий класс постепенно терял веру в царя и самодержавие. И так как тяготы бесконечной войны продолжались, низшие классы, терпя ужасные страдания, устали от войны и приобрели бунтарские настроения. И наконец, это социальное недовольство (учитывая его новые возможности, обусловленные крахом старых барьеров между государственными организациями и социальными группами в военное время) кристаллизовалось в городах России, чтобы дать политическое выражение почти всеобщему отрицанию самодержавного режима.

В начале войны все имеющие четкую политическую позицию группы (кроме большевиков и немногих меньшевиков) ратовали, «полные энтузиазма», за поддержку «защиты Отечества». Когда обнаружились затруднения в военных усилиях, первоначальной реакцией привилегированных слоев было создание комитетов и расширение существующих представительных и местных организаций для максимальной поддержки армии и правительства. В августе 1914 г. провинциальные *земства* объединились во Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а муниципалитеты объединились для создания Всероссийского союза городов. Получая финансовые ресурсы от правительства, эти организации помогали военным властям содержать военные госпитали и санитарные поезда, снабжать армию едой и одеждой. Они также помогали в эвакуации беженцев, участвовали вместе с военно-промышлен-

195. Pushkarev, *Emergence of Modern Russia*, p. 393.

ными комитетами в усилиях по мобилизации частновладельческих предприятий на военное производство и делали все, что могли, чтобы удовлетворить нужды гражданского населения. К 1915 г. тесные связи, институционализированные в специальных советах, были установлены между главами этих добровольных/представительных организаций, членами думы, министрами и чиновниками самодержавного правительства¹⁹⁶.

Главное значение этого *rapprochement*¹⁹⁷ между государством и привилегированным обществом оказалось политическим. Даже это слияние бюрократии и добровольных организаций не могло преодолеть фундаментальные трудности, хотя некоторый прогресс в удовлетворении срочных потребностей армии в поставках и обслуживании и был достигнут. Поражения на фронте и «ползучая дезорганизация экономической жизни на внутреннем фронте» продолжались¹⁹⁸. Отчасти в ответ на эти реалии, а отчасти — на особенности поведения царя Николая во время кризиса (продолжая утверждать свою абсолютную власть, он сузил круг своего общения до своей немки-жены, эксцентричного Распутина и придворной клики ранее прогерманских ультраконсерваторов), большинство Думы сформулировало реформистскую политическую программу, поддержанную *земствами*, городами и комитетами. В августе 1915 г. от царя потребовали назначения только тех министров, которые пользуются «общественным доверием» и поддержкой законодательных органов, и предполагаемых этим либеральных примирительных мер по отношению к национальным меньшинствам и профессиональным союзам. Возможно, в силу того, что война вовлекла их в тесное сотрудничество с «конституционными либералами», многие министры, государственные чиновники и армейские офицеры поддержали эти очень умеренные требования. Но Николай не поступался самодержавными принципами, поэтому неприязнь к нему граждан-

196. Pushkarev, *Emergence of Modern Russia*, pp. 394–403. Этот и следующие абзацы о роли высших и средних классов в 1914–1916 гг. по большей части основаны на великолепном и подробном описании Пушкарева.

197. Сближение (*фр.*) — *Прим. пер.*

198. *Ibid.*, p. 400.

ских и чиновных представителей высшего и среднего класса росла. Критика со стороны общественности была весьма активной, в особенности потому, что могла быть сформулирована в националистических терминах, порицающих плохое управление военными действиями, за которое царя и его камарилью удобно было сделать козлами отпущения. Еще более зловещими для Николая были разговоры о возможном государственном перевороте, которые велись в офицерском корпусе, раздутым из-за пополнения новыми или повышенными в чине кадрами.

Но, опасаясь взрыва народного недовольства и, возможно, осознавая, что не смогут лучше справиться с военными трудностями без царя, привилегированные слои отступили. Они никогда не предпринимали решающих действий по смене режима. Когда царь распускал Думы, они подчинялись. Однако в феврале 1917 г., когда плохая погода усугубила задержки с поставками продовольствия в город, рабочие и солдаты Петрограда сбросили самодержавие снизу. В самом деле:

Падение самодержавия Романовых в марте 1917 г. было одним из самых лишенных лидеров, спонтанных и анонимных революций всех времен... Никто, даже среди руководства революционеров, не осознавал того, что забастовки и хлебные бунты, вспыхнувшие 8 марта в Петрограде, четыре дня спустя завершатся мятежом гарнизона и свержением власти¹⁹⁹.

Конечно, восставшие в Петрограде выиграли от первоначального согласия привилегированных слоев и высшего командования фронтовой армии относительно уничтожения царизма²⁰⁰. Однако между рабочими и солдатами формировались связи, которые скоро све-

199. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. 1, p. 73.

200. Marcel Liebman, *The Russian Revolution*, trans. Arnold J. Pomerans (New York: Vintage Books, 1972), p. 107. Либман пишет: «28-го февраля... царизм был уже мертв, но царь по-прежнему цеплялся за свою корону... Когда до него наконец дошла безнадежность его положения, он приказал нескольким фронтовым полкам направиться в Петроград. К несчастью для него, армия больше не выполняла его приказов, и даже высшее командование покинуло его». Впрочем, офицерский корпус мог быть в оппозиции только по отношению к Николаю I, предпочитая сохранить монархию с другим царем. И даже если бы они попытались ата-

ли на нет любые попытки сопротивления высшего класса. Гарнизоны в тыловых городах (включая критически важный Петроградский гарнизон) были переполнены недавними призывниками, опасавшимися идти на фронт и непосредственно знакомыми с условиями жизни гражданских рабочих, которые страдали от галопирующих цен и нехватки предметов первой необходимости²⁰¹. Таким образом, когда остановка промышленного производства и демонстрации в Международный женский день совпали в Петрограде, породив нарастающие протесты, щедро сдобренные призывами к свержению самодержавия, «братающимся» демонстрантам было не слишком трудно убедить полицейские и армейские соединения не стрелять в них. Как только начавшееся восстание набрало обороты, оно стало неудержимо распространяться от одного военного отряда к другому, от фабричных рабочих к железнодорожникам, от столичного Петербурга до Москвы и провинциальных городов²⁰².

Царское самодержавие внезапно перестало существовать, и государство быстро распалось. После Февраля организованные политические силы в столице и других городах, действуя через новое Временное правительство и вокруг него, лавировали в попытках установить и контролировать органы единого, либерально-демократического национального правительства, которое пришло бы на смену ушедшему самодержавию. Но сразу же после отречения царя мятежные военные гарнизоны стало практически невозможно контролировать сверху. А административный аппарат империи вскоре стал нефункциональным и дезорганизованным, так как *советы* и другие народные политические органы соперничали с *думами*, *земствами* и Временным правительством за полномочия над различными его структурами и функциями. Конкуренция партий в городах лишь углубляла и политизировала распространяющийся хаос,

ковать столицу, не вполне ясно, пропустили бы их мятежные железнодорожники и солдаты. Вскоре так и произошло.

201. Chorley, *Armies and the Art of Revolution*, p. 113.

202. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. I, ch. 4; Liebman, *The Russian Revolution*, ch. 4.

который также усиливался неизбежно продолжавшейся войной²⁰³.

Тем временем низовые бунты набирали силу — в городах, на фронте и в обширных сельских местностях. А без защиты имперской администрации и армии, от которой они всегда столь сильно зависели, городские привилегированные слои и земельное дворянство были уязвимы для атак снизу. Результатом, как мы увидим в главах 3 и 6, стало самое быстрое и спонтанное в анналах современных революций свержение существующего режима и господствующих классов.

Теперь, проанализировав довольно детально события во Франции Бурбонов, Китае при маньчжурах и России Романовых, можно предварительно заключить, что революционные политические кризисы возникли во всех трех старых порядках потому, что аграрные структуры пришли в столкновение с самодержавными и протобюрократическими государственными организациями таким образом, что блокировали или сковывали инициативы монархий, направленные на то, чтобы справиться с усиливающимся международным военным соперничеством в мире, неравномерно трансформируемом капитализмом. Во Франции и Китае процветающие и политически могущественные высшие землевладельческие классы блокировали даже первичный прогресс модернизационных реформ. В России слабое земельное дворянство не могло блокировать реформы сверху. Но аграрная экономика и классовая структура служили тормозами для направляемой государством индустриализации, тем самым делая невозможным для царской России догнать в экономическом и военном отношении имперскую Германию, ее главного потенциального противника в европейской системе государств. Более того, во всех трех случаях итоговым следствием препятствий на пути инициируемых государством реформ стало падение самодержавной монархии и распад централизованных административных и военных организаций государства.

203. Deutscher, "Russian Revolution" in *New Cambridge Modern History*, 2nd ed., vol. 12; Paul P. Gronsky and Nicholas J. Astrov, *The War and the Russian Government* (New Haven: Yale University Press, 1929), chs. 4–8, and pp. 122–127.

Низовые восстания могли вспыхивать и распространяться, а господствующие классы не имели возможности прибегнуть к привычной поддержке со стороны самодержавно-имперских государств. Социальные революции были не за горами.

Япония и Пруссия как контраст

Представленные здесь аргументы об отличительных причинах революционных политических кризисов во Франции, России и Китае должны быть приняты или отброшены в зависимости от того, насколько хорошо они позволяют понять эти три исторические примера. Тем не менее, следуя логике сравнительно-исторического анализа, можно надежнее удостовериться в адекватности этих аргументов, если мы сможем продемонстрировать, что причины, выявленные для Франции, России и Китая, также отделяют эти закономерности общественного развития и кризисов от сходных (в широком плане) закономерностей в сопоставимых странах, не испытавших социально-революционных трансформаций. В этих целях наиболее показательны сравнения с определенными условиями, сопровождавшими японскую Реставрацию Мэйдзи 1868–1873 гг. и прусское движение за реформы 1807–1815 гг. Поставив вопрос о том, почему эти политические кризисы были не протосоциально-революционными, а скорее прелюдиями к эффективным структурным реформам сверху, мы сможем глубже обосновать путем сравнения аргументы об отличительных причинах социально-революционных политических кризисов. Сравнения Пруссии и Японии с Францией и Китаем особенно уместны, и именно на них будет делаться упор в дальнейшем рассмотрении. Однако в конце каждого раздела будут также проведены значимые сравнения с Россией.

Японская Реставрация Мэйдзи

Реставрация Мэйдзи 1868–1873 гг. была внезапной и фундаментальной реорганизацией японской политической системы. Множество региональных аристократических правительств, составлявших систему *бакухан*

при гегемонии сёгуната Токугава, были трансформированы в бюрократическое и полностью централизованное национальное государство, центром которого был император Мэйдзи²⁰⁴. Реставрация подготовила почву для фундаментальных модернизационных реформ, управляемых сверху олигархами Мэйдзи в 1870-е и 1880-е гг., — реформ, которые, в свою очередь, сделали возможным быструю индустриализацию Японии и ее вхождение в ряды мощнейших военных держав современности.

Как и революционные политические кризисы Франции Бурбонов и особенно Китая при маньчжурских правителях, кризис, приведший к реставрации Мэйдзи, был запущен военным давлением извне. После прибытия адмирала Перри в 1853 г. имели место периодические покушения индустриализирующихся западных держав на политический суверенитет Японии при Токугава, заставившие ее открыть порты для иностранных эмиссаров и торговцев. Иностранные вторжения, случившиеся в то время, когда власти сёгуната Токугава были ослаблены по отношению к множеству *ханов* (провинциальных княжеств), управляемых феодалами *даймё* (номинально вассалами сегуна в Эдо), стали толчком не только к движениям против иностранцев, но и к борьбе внутри японской политической элиты. Результаты, однако, представляли собой резкий контраст с политическими процессами, развернувшимися вслед за вызванными извне кризисами во Франции и Китае. При Токугава Япония обладала намного менее централизованной структурой власти, чем Франция Бурбонов и поздний имперский Китай, так что казалось, будто имеются идеальные условия для успеха возможных антицентралистских движений. Тем не менее реальный сценарий японской Реставрации Мэйдзи *не* представлял собой (как в Китае и Франции) сопротивления попыткам монархии провести рационализирующие реформы.

204. Исследования реставрации Мэйдзи представлены в: W. G. Beasley, *The Modern History of Japan* (New York: Praeger, 1963), chs. 5–8; John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, and Albert M. Craig, *East Asia: Tradition and Transformation* (Boston: Houghton Mifflin, 1973), chs. 17–18; John Whimsey Hall, *Japan: From Prehistory to Modern Times* (New York: Dell, 1970), chs. 11–13. В вопросе интерпретации я полностью следую Холлу.

Напротив, дворянские лидеры, происходившие преимущественно из отдаленных и менее привилегированных *ханов*, в 1868 г. осуществили переворот в центре страны, заменив сегуна Токугава на императора в качестве главы государства. Затем они использовали военную силу своих родных *ханов* вместе с ресурсами и престижем нового центрального правительства, чтобы провести, шаг за шагом, ряд фундаментальных социальных и административных перемен. Аристократические статусы и привилегии были отменены, все граждане наделены формальным равенством. А прежде децентрализованные и фрагментированные административные юрисдикции были заменены на единое, централизованное и очень бюрократическое национальное правительство, которое затем предприняло дальнейшие реформы, включая направляемую государством индустриализацию.

Почему Реставрация Мэйдзи смогла пройти так, как прошла? Ключевая часть объяснения лежит в *отсутствии* политически могущественного землевладельческого высшего класса в Японии при Токугава. Мы отмечали, что во Франции и Китае при Старом порядке экономически процветающие землевладельческие высшие классы приобрели коллективный плацдарм в не полностью бюрократизированных имперских государственных организациях. Этот плацдарм они использовали для того, чтобы уводить потенциальные доходы государства из-под контроля центра и предотвращать реализацию модернизационных реформ, которые противоречили их классовым интересам. В Японии при Токугава тоже были землевладельцы — семьи, примерно сопоставимые с земельными джентри и богатыми крестьянами в Китае в том, что касалось их экономического процветания и доминирования в местных деревнях и торговых городах²⁰⁵. Однако, наряду с купцами, эти помещики были исключены из более высоких, чем местный, уровней военной и административной власти. Дело было в том, что в Японии при Токугава исторически сложилось почти полное раздвоение между

205. Thomas C. Smith, *The Agrarian Origins of Modern Japan* (Stanford: Stanford University Press, 1959), ch. 11; Thomas C. Smith, "The Japanese Village in the Seventeenth Century", *Journal of Economic History* 12:1 (Winter 1952), pp. 1–20.

частным экономическим богатством и административной властью сёгуна, *даймё* и их многочисленных агентов из касты *самураев*. Обладателям богатств, помещикам и купцам, было запрещено носить оружие и разрешено занимать административные посты только на местном уровне, в пределах их сообществ и под строгим надзором администраторов из числа *самураев*²⁰⁶. Одновременно режим Токугава, хотя и несовершенно централизованный, достиг чрезвычайно высокого уровня бюрократической рационализации для доиндустриального и аристократического режима. Внутри практически всех провинций *ханов* самурайские доверенные лица феодалов с XVI в. были отделены от прямого, личного владения землей и надзора над крестьянскими общинами и собраны вместе в городских гарнизонах и административных центрах. Лишенные таким образом контроля над землей, *самураи* были поставлены в зависимость от содержания, выплачиваемого центральными казначействами. Постепенно, но неумолимо они обнаружили, что превратились из грубых воинов в получивших формальное образование и часто специализированных чиновников, подчиненных жесткой и все более безличной дисциплине при исполнении предписанных обязанностей администраторов в провинциях сёгуна и *даймё*²⁰⁷.

Эта паразитическое раздвоение между земельно-торговым богатством и бюрократической политической властью, которое было встроено в систему Токугава, позво-

206. Hall, *Japan: From Prehistory to Modern Times*, ch. 10; John Whitney Hall, "The Castle Town and Japan's Modern Urbanization", *Far Eastern Quarterly* 15:1 (November 1955), pp. 37-56; Harumi Befu, "Village Autonomy and Articulation with the State", *Journal of Asian Studies* 25:1 (November 1965), pp. 19-32. Обе статьи переизданы в: John W. Hall and Marius B. Jansen, eds., *Studies in the Institutional History of Early Modern Japan* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968).

207. См.: Hall, "Castle Town"; John Whitney Hall, "Foundations of the Modern Japanese Daimyo", *Journal of Asian Studies* 20:3 (May 1961), pp. 317-329; Thomas C. Smith, "'Merit' as Ideology in the Tokugawa Period", in *Aspects of Social Change in Modern Japan*, ed. R. P. Dore (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1967), pp. 71-90; Thomas C. Smith, "Japan's Aristocratic Revolution", *The Yale Review* 50 (1960-61), pp. 370-383; Marius B. Jansen, "Tokugawa and Modern Japan", *Japan Quarterly* 12:1 (January-March 1965), pp. 27-38; R. P. Dore, "Talent and the Social Order in Tokugawa Japan", *Past and Present* no. 21 (April 1962), pp. 60-67. Статьи Холла, Янсена и Доура переизданы в: Hall and Jansen, eds., *Studies in Institutional History*.

ляет объяснить, почему перемены Реставрации Мэйдзи произошли именно так, как произошли, в ответ на западное давление на Японию. Людями, возглавлявшими Реставрацию, были *самураи*²⁰⁸. Их доступ к административной и военной власти во «внешнем» *хане* Тёсю и Сацума обеспечил их независимыми ресурсами, которые они могли использовать против сёгуна Токугава. Но поскольку они не были помещиками или тесно связанными с ними лицами, ничто не мешало им стремиться к национальному спасению Японии с помощью программ политической централизации. «Не являясь земельной аристократией, они могли удовлетворить свои амбиции, только достигнув успеха на государственной службе»²⁰⁹. То же самое было верно и в отношении многих других членов правящего слоя при Токугава, которые либо участвовали в движении Мэйдзи, либо примирились с его реформами в обмен на новые государственные должности, пришедшие на смену отмененным.

Также важно было, что борьба в ходе кризиса реставрации могла проходить в рядах существующего бюрократического правящего слоя, ни в какой момент не вовлекая землевладельческие высшие классы, обладавшие политической возможностью сопротивляться централизации. Такого политически могущественного землевладельческого высшего класса просто не существовало в Японии при Токугава. Поэтому его сопротивление не могло подорвать автократическую политическую власть, бросить вызов существующим государственным функциям и дезорганизовать контроль государства над низшими слоями, как это сделало сопротивление землевладельческих классов во Франции и Китае. В Японии политические и административные слои скорее оставались в согласии относительно поддержания обычных фискальных и полицейских функций в течение кризиса реставрации²¹⁰. Изменения в общей структуре политического режима были постепенно достигнуты

208. Hall, *Japan: From Prehistory to Modern Times*, pp. 266–268.

209. Ibid., p. 269.

210. Холл отмечает: «в течение периода политического урегулирования, сопровождавшего отказ от *ханов*, высшая власть смогла сохраниться, так что даже налоги продолжали собирать без перебоев» (Ibid., p. 276).

реформаторами Мэйдзи, действовавшими через установленные структуры и персонал. «Хотя сёгунат и *хань* были отменены, тем не менее оказалось возможным использовать многие из старых каналов власти и многое из существующих механизмов управления, и тем самым удовлетворить требованиям современности через небольшие постепенные изменения»²¹¹.

Классы и группы, ранее исключенные из политики, таким образом, не получили новых возможностей вмешательства в ходе реставрации, которая была удачно охарактеризована как «революция сверху»²¹². Важнее то, что хотя локальные «крестьянские бунты», достаточно обычные до середины XIX в., продолжались (и даже участились во время и после реставрации), никакое общенациональное крестьянское восстание не внесло своего вклада в реставрацию. Как отмечает Хью Бортон,

...Реставрация Мэйдзи развивалась независимо от крестьян. Реставрация была направлена против опасности давления извне, угрожавшего превратить Японию в полуколонию, а также против режима Токугава, из-за его неспособности эффективно править. Она была осуществлена с помощью переворота внутри императорского дворца, и фермеры обнаружили, что являются жертвами перемен, разработанных и осуществленных членами правящего класса воинов... Политическая власть перешла от одной группы правящих воинов (Токугава) к императору и группе Западных кланов, которые его поддерживали. Не было ни свержения правящего воинского класса, ни возвышения крестьян или каких-то радикальных перемен в их условиях жизни²¹³.

Не-самураи привлекались к участию в реставрации только в рамках тщательно контролируемых военных мобилизаций. Более того, если ожесточенные столкновения все же вспыхивали, то это обычно происходило после тех изменений, которым не-самураи пытались оказать сопротивление; кроме того, в них участвовали

211. Hall, *Japan: From Prehistory to Modern Times*, p. 273.

212. См.: Ellen Kay Trimberger, *Revolution From Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru* (New Brunswick, N.J., Transaction Books, 1978).

213. Hugh Borton, *Peasant Uprisings in Tokugawa Japan* (1938; reprint ed.; New York: Paragon Book Reprint Corporation, 1968), p. 2. Здесь Бортон суммирует результаты исследований японского ученого Аоки Коджи.

весьма небольшие разочарованные группы политической элиты Токугава. С самого начала военные силы, верные императору, обладали техническим преимуществом, и после 1868 г. они постепенно становились все сильнее²¹⁴.

Реставрация Мэйдзи — как централизующая и националистическая политическая революция без преград со стороны землевладельческого высшего класса и без низовых восстаний на классовой основе — оказалась *возможной* как ответ на империалистическое давление на Японию именно потому, что режим Токугава уже стал достаточно бюрократизированным, несмотря на свою несовершенную централизацию. Поскольку внешние угрозы сделали централизацию государства необходимой для сохранения суверенитета Японии, некоторые части правящей элиты Токугава смогли быстро осуществить трансформацию изнутри и сверху. К тому же они смогли сделать это, не разрушив существующие административные учреждения и контроль над низшими слоями, — именно то, чего более тесно переплетенные между собой монархическое чиновничество и политически могущественные землевладельческие классы во Франции Бурбонов и Китае при маньчжурских правителях сделать не смогли.

И наконец, что может нам поведать сравнение Японии с царской Россией? И в Японии, и в России с 1860-х гг. самодержавные политические власти смогли, в отличие от Франции Бурбонов и позднего имперского Китая, справиться с вызванными извне кризисами и осуществить модернизационные реформы сверху. Однако примечательно то, что экономические перемены, произошедшие после реставрации, форсированные или простимулированные режимом Мэйдзи, были значительно более успешным ответом на крайние трудности международного положения Японии, чем царские послекрымские реформы и программы направляемой государством индустриализации в качестве ответа

214. Hall, *Japan: From Prehistory to Modern Times*, pp. 279–281. См. также: Roger F. Hackett, “The Military: Japan” in *Political Modernization in Japan and Turkey*, eds. R. E. Ward and D. A. Rustow (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1964), pp. 328–338.

на трудности положения России. Всесторонний анализ причин быстрого развития Японии после 1880 г. выходит за пределы обсуждаемого здесь предмета; тем не менее интересно отметить, что Япония пользовалась преимуществами, соответствующими тем недостаткам, которые были прежде обозначены для России.

Прежде всего, осуществляющая раннюю индустриализацию Япония не была скована отставанием сельскохозяйственного сектора. Организованный в очень большой степени так же, как и во времена Токугава, сельскохозяйственный сектор Японии смог (тогда как российский — не смог) очень заметно увеличить производительность между 1870 и 1920 гг. Чтобы это полностью объяснить, нам пришлось бы отвлечься на различные производственные возможности и требования рисоводства по сравнению с зерноводством. Факт состоит в том, что развитие японского сельского хозяйства во времена и Токугава, и Мэйдзи происходило без «модернизационных» усилий, за счет более трудоинтенсивного применения и распространения традиционных технологий. Темпы роста населения в Японии при Токугава не достигали темпов увеличения урожайности, как это было в позднем имперском Китае, и в течение какого-то времени после 1870 г. оставалось пространство для большего роста прежнего типа²¹⁵. В результате японское сельское хозяйство не только обеспечивало экспорт (как и российское сельское хозяйство, под постоянным давлением государства), но также давало ресурсы для инвестиций (направляемых государством), продовольствие и человеческие ресурсы, поддержку для кустарных мануфактур на первых стадиях японской индустриализации. По большей части в силу того, что он мог полагаться на такой вклад сельского хозяйства (как, на самом деле, и на вклад всего традиционного экономического сектора), режим Мэйдзи смог избежать, в отличие от царского режима, огромной зависимости от иностранных инвестиций и займов в своих намерениях способствовать развитию инфраструкту-

215. Cyril E. Black et al., *The Modernization of Japan and Russia* (New York: The Free Press, 1975), pp. 81, 179–180, 184–185; Smith, *The Agrarian Origins of Modern Japan*, pp. 208–211.

ры и тяжелой промышленности путем государственных инвестиций²¹⁶.

Более того, у Японии было еще одно преимущество. После успешной консолидации автономного национального государства в ходе Реставрации Мэйдзи, Япония во время ранней индустриализации даже отдаленно не сталкивалась со столь неприятной и угрожающей международной военной средой, как царская Россия. На пороге XX в. Япония приняла участие в двух ограниченных по масштабу войнах, против Китая и против России. Как победитель в обоих конфликтах, она избежала связанных с поражением беспорядков, с какими столкнулся царизм в 1905–1906 гг. Но ключевое различие, разумеется, заключалось в том, что Япония в эпоху своей ранней индустриализации не была полностью вовлечена в европейскую систему государств и, следовательно, никогда не подвергалась ужасным ударам столь продолжительной и тотальной современной войны, как Первая мировая. Таким образом, оба набора различий между Японией в эпоху Мэйдзи и царской Россией после освобождения крепостных указывают на меньшую вовлеченность Японии во время ее ранней индустриализации в международные отношения, которые могли бы подорвать ее автономию и стабильность. Напротив, ранняя индустриализация царской России только еще глубже втянула ее в такие отношения, что привело к распаду имперского государства в ходе Первой мировой войны.

Прусское движение за реформы

По сравнению с политическими трансформациями, осуществленными в эпоху Реставрации Мэйдзи, те, что были предприняты в ходе прусского движения за реформы в 1807–1814 гг., были достаточно незначительными. Общая структура абсолютной монархии Гогенцоллернов осталась, в сущности, неизменной; единственной значитель-

216. David S. Landes, "Japan and Europe: Contrasts in Industrialization", in *The State and Economic Enterprise in Japan*, ed. William W. Lockwood (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965), pp. 96–97, 163; Thomas C. Smith, "Pre-Modern Economic Growth: Japan and the West", *Past and Present* no. 60 (August 1973), pp. 127–160.

ной модификацией «была замена самодержавного королевского правления на более безличную систему бюрократического абсолютизма»²¹⁷. То есть прямая, персональная и диктаторская монополия короля на все инициативы в области государственной политики и руководство административными и военными делами была заменена более гибкой и профессиональной системой фактического правления «регулируемого законом коллективного самодержавия бюрократической аристократии, возглавляемой небольшой элитой министров и министерских советников, ответственных перед своей совестью и... сильными „премьер-министрами“»²¹⁸. Причиной этой политической трансформации послужило последовательное назначение прусским королем министров-реформаторов, получивших от него невиданный прежде «карт-бланш», после того как королевские армии потерпели катастрофические поражения от Наполеона в битвах при Иене и Ауэрштадте в 1806 г. Министры-реформаторы, укрепившие свои официальные позиции в рамках абсолютной монархии, одновременно провели ряд социально-экономических и военных реформ, разработанных с целью вдохнуть новую жизнь в прусскую систему: отмена сословных (*Stände*) монополий на доступ к профессиональной деятельности и правам на владение поместьями, отмена личной крепостной зависимости и введение всеобщей воинской повинности²¹⁹.

Несколько моментов прусского движения за реформы очень примечательны: во-первых, прусское государство вообще уцелело, чтобы их осуществить; во-вторых, связанная с ними борьба осталась в рамках исключительно фракционных политических интриг правящего класса, «внутренним делом высших десяти тысяч»²²⁰, не во-

217. Hans Rosenberg, *Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience, 1660–1815*, paperback ed. (Boston: Beacon Press, 1966), p. 208.

218. *Ibid.*, p. 209.

219. Исследования движения за реформы представлены в Rosenberg, *Bureaucracy*, ch. 9; Gordon A. Craig, *The Politics of the Prussian Army, 1640–1945* (New York: Oxford University Press, 1955), ch. 2; Hajo Holborn, *A History of Modern Germany, 1648–1840* (New York: Alfred A. Knopf, 1963), ch. 13; Walter M. Simon, *The Failure of the Prussian Reform Movement, 1807–1819* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1955). В своих интерпретациях спорных моментов я обычно следую Розенбергу.

220. Rosenberg, *Bureaucracy*, p. 204.

влекая в эту борьбу низшие слои, разве только как объект манипуляции; в-третьих, сопротивление дворян-землевладельцев было ограничено и по большей части преодолено; и в-четвертых, лишь ограниченный набор перемен всецело служил тому, чтобы вдохнуть в прусское государство новые силы, позволившие ему после 1814 г. победить Наполеона и затем возглавить объединение индустриализирующейся Германии.

В 1806 г. разгром прусских и иных германских сил наполеоновской *grande armée* привел к оккупации многих германских территорий (в том числе, на время, и некоторых частей Восточной Пруссии), к формальной потере прусских территорий к западу от Эльбы и наложению Францией чудовищных контрибуций. Но самодержавный режим Гогенцоллернов не потерпел крах, как режим Романовых в России в 1917 г. И сражения, и поражения были внезапными и быстро разрешались, к тому же соображения баланса сил между Францией и Россией после 1806 г. потребовали, чтобы Пруссию к востоку от Эльбы оставили в покое и сохранили ей номинальную независимость²²¹. Поэтому международное давление на Пруссию было хотя и большим, но не настолько тяжелым и постоянным, как на Россию во время Первой мировой войны.

И вновь, как и в случае с Реставрацией Мэйдзи, первостепенным становится сравнение с Францией и Китаем. Почему реформы, инициированные прусскими бюрократами, привели только к ограниченному сопротивлению, тогда как сопоставимые попытки министров при Бурбонах в 1787–1788 гг. и при маньчжурах в 1905–1911 гг. вызвали революционные политические кризисы? Ответ не так прост, как в случае с Японией, поскольку в Пруссии был землевладельческий высший класс, юнкеры, многие из членов которого занимали посты в армии и гражданской администрации.

На самом деле именно в среде юнкеров-землевладельцев возникло сопротивление многим реформам и даже раздавались призывы к политическим контринициативам, напоминающим требования французского дворянства в 1787–1788 гг.: учреждение сословного представительства, которое разделило бы власть с монархом.

221. Holborn, *A History of Modern Germany, 1648–1840*, pp. 382–385.

Но эффективность юнкерского сопротивления была ограниченной (подобно сопротивлению российского дворянства посткрымским реформам), и оно свелось к модификациям в исполнении указов об освобождении крепостных. Министры-реформаторы с легкостью проигнорировали или преодолели все жалобы на устранение сословных ограничений на владение поместьями и чиновничьими постами, так же как и реакционные требования восстановления *Ständestaat* (монархии, ограниченной децентрализованными дворянскими ассамблеями)²²². Французские привилегированные слои имели явно больше рычагов влияния на монархию Бурбонов, так же как и китайские джентри — на маньчжурских правителей в 1911 г. Тогда что отличало Пруссию, хотя она тоже была режимом, основанным на политическом альянсе между землевладельческим высшим классом и королевском самодержавии?

«Уникальность, чрезвычайная сила... Пруссии заключалась в слиянии экономического и военного могущества ее дворянства с порядком, системой и эффективностью ее бюрократии»²²³. Это было аграрное государство, в котором дворяне-землевладельцы сохраняли полный политический контроль на местных уровнях, хотя были задействованы лишь как совокупность управляемых и дисциплинированных индивидов в военном и административном механизмах, объединяющих провинции в королевство. Во французской и китайской системах принадлежащим к богатому высшему классу индивидам и группам было позволено проникать в средние и высшие сферы монарших администраций; тем самым они получили формально признанные права препятствовать выполнению координируемых из центра административных функций. Но этого не могло быть и не было в Пруссии, «классической стране монархического самодержавия»²²⁴.

Старая поговорка о том, что в Пруссии «не армия для государства, а государство для армии», как нель-

222. См.: Rosenberg, *Bureaucracy*, ch. 9.

223. Walter L. Dorn, "The Prussian Bureaucracy in the Eighteenth Century", *Political Science Quarterly* 46 (1931), p. 403.

224. Ibid., p. 408.

зя лучше объясняет причину этого. С середины XVII в. и на протяжении всего XVIII в. череда королей из династии Гогенцоллернов, намеренных сделать ее признанной силой в европейской политике, выковала чрезвычайно дисциплинированную и эффективную административную машину. Эта машина была предназначена исключительно для объединения и финансовой эксплуатации разнородного набора династически унаследованных и несмежных территорий, включая в основном относительно бедные, лежащие к востоку от Эльбы²²⁵. Первые решающие шаги были предприняты Великим электором Фридрихом-Вильгельмом Бранденбургским в 1650-е и 1660-е гг., когда он создал постоянную армию и использовал ее, чтобы урезать полномочия сословно-представительных учреждений с доминированием дворянства, которые ранее управляли неоднородными территориями Гогенцоллернов и контролировали финансовые дотации королям. Потомки Великого электора пошли дальше в развитии администрации, смоделированной по принципам военной организации, которая была разработана для того, чтобы выкачивать все до последнего гроша «на поддержку первоклассной армии на основе ресурсов третьесортного государства»²²⁶.

В прусской администрации, в отличие от французской, количество чиновников было сведено к минимуму, и ни одна из значительных должностей не продавалась. Налоги не отдавались на откуп независимым антрепренерам, но собирались чиновниками, которые были строго подотчетны в рамках удивительно современной системы ежегодного бюджетного контроля. Чиновникам не позволялось руководствоваться личным мнением или проявлять инициативу, их держали под жестким, множественным и постоянно документируемым контролем со стороны коллег и начальников. При этом каналы информации и инициативы сходились только на самом

225. См.: Rosenberg, *Bureaucracy*, ch. 1; F. L. Carsten, *The Origins of Prussia* (London: Oxford University Press, 1954), pt. III; A. Goodwin, "Prussia", in *The European Nobility in the Eighteenth Century*, ed. Albert Goodwin, paperback ed. (New York: Harper & Row, 1967), pp. 83–101; Sidney B. Fay and Klaus Epstein, *The Rise of Brandenburg-Prussia to 1786* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964).

226. Dorn, "Prussian Bureaucracy", p. 404.

короле²²⁷. Хотя в составе прусской бюрократии были в основном дворяне, происходившие из высшего землевладельческого класса, там не было корпоративных групп, подобных французским *parlements*, и должности не были собственностью чиновников. В действительности должности даже не давали им каких-то гарантий. При малейшем подозрении в коррупции или неповиновении король мог уволить, бросить в тюрьму и даже казнить заподозренного, и часто это делал. «Бюрократ был рабом на галере государства... Весь бюрократический механизм был основан на исходном допущении о том, что ни одному чиновнику нельзя доверять, пока он не находится под пристальным надзором вышестоящих»²²⁸.

Далее, к 1740 г. «прусская корона лишила дворянство последних остатков политической власти в провинциях»²²⁹ — то, чего ни французским Бурбонам, ни маньчжурским правителям Китая не удалось сделать по отношению к своим привилегированным высшим классам. Это стало возможным в Пруссии не только потому, что Гогенцоллерны смогли принудить к этому юнкеров, но и потому, что сами юнкеры, как класс помещиков, владеющих ориентированными на рынок хозяйствами, которые обрабатывались крепостными, обладали характеристиками и потребностями, дополняющими военную гегемонию Гогенцоллернов. Сохранив политический суверенитет в своих поместьях и сельских графствах, юнкеры могли держать в узде крестьян, заставляя платить налоги и поставлять рекрутов в армию. В свою очередь, поскольку юнкеры обладали таким абсолютным контролем на местах, они мало что потеряли, лишившись власти на уровне земель и королевства в целом, к тому же в качестве компенсации они получили некоторую защиту от хищничества армий соседних великих держав. Еще более важным было то, что, поскольку аграрная экономика Пруссии XVIII в. не была процветаю-

227. Dorn, "Prussian Bureaucracy in the Eighteenth Century", *Political Science Quarterly* 46 (1931), pp. 403-423; 47 (1932), pp. 77-94, 259-273; F. L. Carsten, "Prussian Despotism at its Height", *History*, new ser. 40 (February and June 1955), pp. 42-67.

228. Dorn, "Prussian Bureaucracy", *Political Science Quarterly* 47 (1932), p. 94.

229. *Ibid.*, p. 262.

щей, юнкеры получили возможность устраивать членов семьи на королевскую службу²³⁰. Такой альянс между государством и землевладельческим высшим классом был в чем-то похож на китайскую систему в период ее расцвета. Однако китайское государство было намного менее централизованным и милитаристским, а китайское общество — более подвержено крестьянским восстаниям. И конечно, именно внутренние и внешние военные поражения маньчжурских правителей открыли джен-три дорогу к посягательству на государственную власть на провинциальном уровне после 1840 г. Если же сравнивать с Францией, то контраст очевиден: французская монархия преуспела в оттеснении сеньоров от власти на местном уровне. Однако это привело лишь к тому, что она пострадала от проникновения постепенно формирующихся союз владельцев собственнического богатства на средних и высших уровнях королевской администрации. Тем самым она потеряла потенциальную бюрократическую инициативу в противостоянии социальным и экономическим интересам господствующего класса. Таким затруднениям прусская монархия подвержена не была.

Прусская система в правление Фридриха Великого (1740–1786 гг.) успешно обеспечила необходимые средства для военных побед в Семилетней войне, которая неожиданно превратила Пруссию в великую державу²³¹. До конца XVIII в. бюрократия продолжала очень эффективно собирать налоги. Но как только прусские территории расширились, а твердое руководство и координация Фридриха Великого остались в прошлом, прусская администрация и офицерский корпус вполне предсказуемо стали неуклюжими и негибкими в общем и целом — естественная кара за поощрение слепого повиновения чиновников правилам в ущерб инициативе. Внезапно столкнувшись со скоростью и гибкостью наполеоновской плебисцитной диктатуры, автократические механизмы Гогенцоллернов оказались неадекватными.

230. Rosenberg, *Bureaucracy*, ch. 1; Dorn, "Prussian Bureaucracy"; and Goodwin, "Prussia", in *European Nobility*, ed. Goodwin.

231. Walter L. Dorn, *Competition for Empire, 1740–1763* (New York: Harper & Row, 1963), *passim*.

Тем не менее они сохранили потенциал для быстрого восстановления при угрозе извне²³². Профессиональные администраторы, такие как Карл фон Штейн и Карл-Август фон Гарденберг, и военные реформаторы, такие как Герхард фон Шарнхорст и Август Нейтхардт фон Гнейсенау, смогли выдвинуться на первый план, оттеснить ослабший личный контроль деспотизма Гогенцоллернов и использовать по-прежнему существующие и функционирующие государственные организации для того, чтобы осуществить ограниченные меры, направленные на придание экономике и обществу большей гибкости в качестве опоры военного самодержавия. Дворянские титулы и привилегии не были отменены, но стали законно достижимыми для простолюдинов, которые могли купить поместья или получить образование и патронаж, необходимые для карьерного продвижения в рядах чиновничества или офицерства. Крепостные получили личную свободу. Была введена всеобщая воинская повинность, мера, которая позволила прусским армиям быстро увеличить численность и выиграть от возросшего энтузиазма граждан, недавно получивших выгоду от реформ или поднявшихся на бой из-за нескольких лет французской интервенции и денежных поборов. Все эти реформы удалось провести сверху относительно гладко потому, что прусское государство уже было столь сильно, а юнкеры (чьим сложившимся экономическим и сословным интересам реформы в некоторой степени противоречили) все же не занимали институциональных позиций, которые позволяли бы им блокировать политические инициативы, скоординированные государством.

Таким образом, сравнения с Францией Бурбонов и поздним имперским Китаем демонстрируют, почему прусское государство смогло незамедлительно и успешно осуществить надлежащие модернизационные реформы в 1807–1814 гг. Но итоговое замечание относительно прусских реформ должно быть сделано по результатам сравнения с отменой крепостного права в России. Как мы уже видели, российская отмена крепостного пра-

232. См. в особенности: Rosenberg, *Bureaucracy*, pp. 218–228; Craig, *Prussian Army*, ch. 2.

ва была осуществлена в пределах существующей аграрной классовой структуры. А эта структура обрекала российское сельское хозяйство на очень медленные темпы роста (без прорыва к новым технологиям) после 1870 г. И теперь очевидно, что освобождение крепостных в Пруссии после 1807 г. также проходило как ряд правовых реформ и урегулирований отношений собственности, осуществленных такими путями, которые укрепили ранее существовавшие классовые отношения между помещиками и крестьянами. Тем не менее отмена крепостного права в Пруссии способствовала модернизации и росту процветания прусского сельского хозяйства в первые две трети XIX в.²³³ Как можно объяснить это важное различие между последствиями царских посткрымских реформ и прусских реформ после 1806 г.?

Ответ кроется в различиях (до и после отмены крепостного права) между аграрными производственными отношениями двух стран. В России реальные процессы сельскохозяйственного производства по большей части находились под контролем общин крепостных (а позднее — малоземельных крестьян), а функцией помещиков было в основном присвоение прибавочного продукта, через подати и трудовые повинности или арендную плату. Но в Пруссии аграрное производство и во времена крепостничества, и позднее было сосредоточено в больших, ориентированных на рынок хозяйствах, находящихся во владении и управлении помещиков или их управляющих. В Пруссии, как и в России, во время отмены крепостного права помещики влияли на этот процесс так, чтобы обеспечить максимально возможное сохранение своей привычной экономической гегемонии в новых формах. Прусских крестьян заставили передать большим юнкерским поместьям от одной до двух третей земель, на которых они работали на себя при крепостном праве, чтобы получить право собственности на остальные земли. Это означало, что у подавляющего большинства крестьян осталось недостаточно земли, чтобы обеспечивать свое существование, и это гаранти-

233. См. Rosenberg, *Bureaucracy*, pp. 218–228; Landes, “Japan and Europe”, in *State and Enterprise*, ed. Lockwood, pp. 157–163; Tom Kemp, *Industrialization in Nineteenth-Century Europe* (London: Longman, 1969), pp. 85–89, ch. 4 в целом.

ровало, что они продолжают работать в поместьях юнкеров, теперь уже в качестве наемных работников.

Таким образом, когда прусские реформы отменили крепостничество и открыли рыночный доступ к дворянским поместьям для богатых инвесторов, прусские помещики (владельцы больших, консолидированных земельных площадей под единым управлением) смогли начать применять инновационные технологии, требовавшие «свободного» наемного труда. Они смогли использовать новые рыночные возможности, чтобы продавать зерно как на внутреннем рынке «большой» Германии, так и за рубежом. Возникшее в результате процветание сельского хозяйства (продолжавшееся примерно до 1870 г.) помогло поддержать успешные притязания Пруссии на то, чтобы стать ядром объединенной, быстро индустриализирующейся и могущественной на международной арене Германской империи²³⁴. Косность российского сельского хозяйства после отмены крепостного права, как мы уже видели, напротив, сковывала попытки царизма адаптировать Российскую империю к трудным условиям модернизирующейся европейской системы государств.

Подводя итоги

Наше краткое исследование условий, лежавших в основе политических кризисов Реставрации Мэйдзи и прусского движения за реформы послужило тому, чтобы подкрепить — через противопоставление — аргументацию этой главы о причинах революционных политических кризисов во Франции, России и Китае. Франция Бурбонов, Пруссия Гогенцоллернов, Япония при Токугава, Китай при маньчжурских правителях и Россия при Романовых — все они подверглись военному давлению со стороны экономически более развитых зарубежных государств, и везде реакцией на это были политические

234. Конечно, одно прусское сельское хозяйство само по себе не объясняет, почему имперская Германия настолько опережала имперскую Россию на момент Первой мировой войны. Скорее важным моментом для аргументации, представленной в этой главе, выступает то, что различные последствия российских и прусских аграрных реформ объяснимы в общих аналитических категориях.

кризисы общества. Тем не менее только во Франции, России и Китае начались социально-революционные потрясения, тогда как Пруссия и Япония адаптировались к трудностям международного положения относительно быстро и без препятствий, с помощью реформ сверху, проведенных самодержавной политической властью. Различные судьбы этих аграрных монархических режимов, столкнувшихся с вызовами в виде необходимости приспособляться к трудностям неравномерного развития стран, могут быть объяснены, по большей части, при рассмотрении того, каким образом аграрные производственные отношения и господствующие землевладельческие классы приходили в столкновение с государственными организациями, хотя также важно оценивать остроту давления извне, с которым должен был справляться каждый режим.

В России революционный кризис самодержавного правления и привилегий господствующего класса был вызван чудовищным давлением Первой мировой войны на находящуюся в стадии ранней индустриализации экономику, скованную отсталым аграрным сектором. Имперский режим был достаточно силен, чтобы не считаться с интересами господствующего класса и провести в жизнь модернизационные реформы после шока поражения в Крымской войне. Но он не смог реорганизовать аграрные классовые отношения, которые не способствовали современному экономическому развитию или быстрому росту производительности. Даже огромный успех движимой государством индустриализации был недостаточен для того, чтобы царская Россия преодолела свое экономическое отставание от Запада, к тому же она оставалась завязшей в европейской системе государств, которая скатывалась к Первой мировой войне. Напротив, ни Япония, ни Пруссия не были ни такими отсталыми в аграрном плане, ни подвержены такому международному давлению во время ранней индустриализации, как царская Россия.

И Франция Бурбонов, и Китай при маньчжурских правителях обладали вполне процветающими аграрными экономиками и испытывали внешнее давление не большее, чем Япония при Токугава или Пруссия при Гогенцоллернах. В данном случае иной паттерн является при-

чиной различия, а именно — присутствие или отсутствие высшего класса землевладельцев с институционализированными рычагами политического влияния на уровнях выше местного, рычагами влияния по отношению к фискальным и военно-полицейским функциям, организуемым из центра королевскими администрациями. Если подобные политически организованные и укрепившиеся в административном аппарате классы присутствовали, как это было во Франции и Китае, то реакция этих классов на автократические попытки осуществления модернизационных реформ свергала монархии и провоцировала распад административных и военных организаций. Это означало, что вызванные извне политические кризисы развивались в потенциально социально-революционные ситуации. Но если, как в Японии и Пруссии, политически влиятельные классы землевладельцев отсутствовали, поскольку государства Старого порядка были намного более бюрократическими, то вызванные извне кризисы могли быть разрешены в ходе политической борьбы, ограниченной, грубо говоря, существующей правящей элитой и административными учреждениями. И это предотвращало возможность социальной революции снизу.

Социальные революции во Франции, Китае и России были запущены, как утверждалось в этой главе, кризисами, центром которых были структуры государств старых порядков, и положением, в котором эти государства оказались. Тем не менее реальные вспышки социальных революций во всех этих трех странах зависели не только от возникновения революционных политических кризисов, но также и от того, насколько аграрные социально-политические структуры этих старых порядков способствовали крестьянским восстаниям. Поэтому, чтобы продолжать анализ, нам необходимо вновь изучить дореволюционные общества с противоположной перспективы: на этот раз не сверху вниз с акцентом на государстве, господствующем классе и международном контексте, а снизу вверх, с акцентом на структурном положении крестьян в аграрной экономике, а также в политических и классовых отношениях на местах. Такова задача главы 3.

ГЛАВА 3

Аграрные структуры и крестьянские восстания

Когда сталкиваются не-крестьянские социальные силы, когда правители расколоты или нападают иностранные державы, отношение к этому крестьян и их действия могут иметь решающее значение. Будет ли этот потенциал реализован, зависит в основном от способности крестьян к согласованным действиям, при наличии формальной организации или без нее.

Теодор Шанин

КАКИМИ БЫ крупномасштабными ни были политические кризисы обществ, их самих по себе было недостаточно для создания социально-революционных ситуаций во Франции, России и Китае. Административный и военный крах самодержавия в этих странах инициировал социально-революционные трансформации — а не расколы внутри элиты, к примеру, ведущие к распаду существующих государств или воссозданию сходного режима на более или менее либеральной основе. Такой результат был следствием того, что широкомасштабные крестьянские восстания совпали с моментом отсутствия государственного надзора и санкций, и более того — воспользовались его плодами. В соответствии с образным выражением Баррингтона Мура: «крестьяне... обеспечивали взрывчатку, уничтожавшую старую конструкцию»¹. Их восстания разрушили старые аграрные классовые отношения и подорвали политические и военные опоры либерализма или контрреволюции. Они открыли путь для маргинальных полити-

1. Barrington Moore, Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: Beacon Press, 1966), p. 480; Мур-младший Б. *Социальные истоки диктатуры и демократии: роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 429.

ческих элит, вероятно, поддерживаемых городскими народными движениями, к консолидации революций на основе централизованных и инкорпорирующих массы государственных организаций.

По правде говоря, крестьянские восстания привлекали меньше внимания историков и социальных теоретиков, чем действия городских низов в ходе революций — даже для преимущественно аграрных обществ, которые мы здесь рассматриваем. Это вполне понятно. Городские рабочие, доиндустриальные или индустриальные, часто играли весьма заметную роль и в удачных, и в неудачных революциях. Их цели и достижения были связаны с преднамеренными целями лидеров революции. Поэтому мятежные городские рабочие кажутся истинными революционерами по сравнению с крестьянами, которые просто «бунтуют» в сельской местности, вдалеке от центров национально-политического сознания и принятия решений.

Тем не менее крестьянские восстания были ключевым ингредиентом повстанческих движений практически всех удавшихся революций на настоящий момент², и конечно — французской, русской и китайской революций. Что вообще-то не удивительно, учитывая то, что социальные революции происходили в аграрных странах, где крестьяне были основным производящим классом. Без крестьянских восстаний городской радикализм в преимущественно аграрных странах в конце концов оказывался не в состоянии осуществить социально-революционные трансформации. Примеры английской и германской революций 1848 г. (которые будут рассмотрены ниже) помогают это продемонстрировать. В обоих этих контрастных случаях были сильные городские народные революционные движения. И все же как социальные революции они провалились — отчасти из-за отсутствия крестьянских восстаний против высшего класса землевладельцев.

2. Такие случаи, как Куба и Югославия, являются пограничными. В обеих странах крестьяне действительно оказывали логистическую поддержку военизированным революционным движениям, но спорным выступает то, означает ли такое крестьянское участие «низовое восстание на классовой основе». К тому же восстания городских рабочих также не играли там важной роли.

Это не означает, что восстания городских рабочих ничего не значили в рассматриваемых революциях, особенно французской и русской. Действия французских *санкюлотов* и российских промышленных рабочих придали отличительные формы революционным конфликтам и их результатам во Франции и России. Как мы видели в главе 2, восстания городских рабочих стали промежуточным моментом в развитии процессов, которые подорвали французский и российский старые режимы (хотя фундаментальными причинами были давление извне и противоречия между господствующим классом и государством). Более того, как мы увидим в Части II, городские восстания внесли решающий вклад в политические баталии, благодаря которым были выстроены новые, опирающиеся на городскую базу революционные режимы во Франции и России. Но в настоящий момент, в этой главе, нас интересуют причины социальных революций во Франции, России и Китае в равной степени. Крестьянские восстания против помещиков были необходимым ингредиентом всех трех революций, тогда как успешные восстания городских рабочих таковыми не были. Поэтому, в целях объяснения, внимание к условиям, способствовавшим и препятствовавшим крестьянским восстаниям, намного важнее, чем фокус (хотя и более привычный) на городских восстаниях.

В таком случае как следует объяснять вклад крестьян в эти великие революции? Для начала необходимо выявить те аспекты участия крестьян в драматических революционных событиях, которые вели к их социально-революционному воздействию. Крестьянские восстания в ходе французской, русской и китайской революций были замечательны тем, что они одновременно имели широкий размах и были направлены непосредственно против помещиков. Их революционное воздействие зависело от этих двух аспектов. Поскольку крестьянские восстания распространились на обширные территории во Франции, России и Китае, они достигли влияния, выходящего за рамки местностей, которыми ограничивались крестьянские организации. Направленные прежде всего против собственности и власти принадлежащих к господствующему классу землевладельцев, восстания ослабили социально-экономические и политиче-

ские опоры этих старых порядков. В комплексе широта крестьянских восстаний и их направленность против помещиков создали на уровне общества решающе важные ограничения диапазона социально-политических возможностей, доступных элитам, борющимся за государственную власть.

В истории Франции, России и Китая это было нечто действительно новое. Исторически в этих странах случались широкомасштабные восстания приграничных регионов против поборов или представителей центральной монархической власти. В Китае такие восстания заканчивались (а часто и начинались) под руководством джентри, так что реальные или потенциальные действия против помещиков в конечном итоге подавлялись или направлялись в иное русло³. Во Франции некоторые региональные восстания на всем их протяжении возглавлялись дворянами. Иные начинались так, а затем порождали восстания крестьян против своих землевладельцев, тем самым облегчая подавление последних монархией, отчего крестьяне также проигрывали⁴. В России традиционно крестьянские по своей основе восстания имели своим важным компонентом прямые нападения на помещиков. Но так было только потому, что приграничные казаки, а не помещики с их региональными политическими и военными рычагами влияния обеспечивали военный импульс и защиту любым крупномасштабным восстаниям⁵. Сами по себе

3. Дальнейшее обсуждение восстаний китайских крестьян представлено ниже.

4. Это предложение с тщательно подобранными формулировками представляет мой способ обращения (исключительно в рамках указанных целей) с запутанными и оживленными дискуссиями среди историков Франции, в частности, о восстаниях XVII в. Главными противоборствующими сторонами являются авторы следующих работ. С одной стороны: Boris Porchnev, *Les Soulèvements Populaires en France de 1623 à 1648*, Oeuvres Etrangères, no. 4 (Paris: Ecole Pratique des Hautes Etudes, VI Section, Centres de Recherches Historiques, 1963); Поршнев Б. Ф. *Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)*. Москва: Издательство АН СССР, 1948. С другой стороны: Roland Mousnier, *Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China*, trans. Brian Pearce (New York: Harper & Row, 1970); Mousnier, "Recherches sur les Soulèvements Populaires en France avant la Fronde", *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine* no. 5 (1958), pp. 81–113. См. также: Leon Bernard, "French Society and Popular Uprisings under Louis XIV", *French Historical Studies* 3:4 (Fall 1964), pp. 454–474.

5. См.: Paul Avrich, *Russian Rebels, 1600–1800* (New York: Schocken Books, 1972).

в традиционные времена (без помощи региональных восстаний) крестьяне всех трех стран, конечно, участвовали в локализованном и периодическом насильственном сопротивлении землевладельцам. Но они никогда не достигали уровня успешного, широкомасштабного и прямого наступления на собственность или требования помещиков.

Однако широкомасштабное прямое наступление на помещиков — это именно то, что в итоге действительно произошло в ходе французской, русской и китайской социальных революций. Поэтому мы ищем объяснение модели поведения крестьян, которая вышла за пределы точечных и локализованных волнений и завершилась чем-то радикально отличным от предыдущих крестьянских по своей основе восстаний. Наши объяснительные гипотезы быстро разделяются с факторами, которые обычно занимают центральное место в рамках других подходов, такими как революционная идеология, само наличие эксплуатации или острота относительной депривации.

Нам нет нужды подробно останавливаться на объяснениях, которые приписывают «крестьянские революции» вдохновенности крестьян новыми целями, ценностями или трансцендентными идеологиями. Трудно переоценить тот факт, что цели крестьян в ходе французской, русской и китайской революций *были* по сути своей теми же, что и цели всех предыдущих крестьян в ходе восстаний или бунтов. Крестьяне участвовали в этих революциях, не будучи приверженцами радикального видения желаемого нового общества и не превращаясь в класс-для-себя, организованный в национальном масштабе. Напротив, они сражались за конкретные цели, обычно включавшие доступ к большим земельным владениям или свободу от притязаний на их прибавочный продукт. Такие цели были вполне понятны в терминах существующих местных экономических и политических условий, в которых обнаруживали себя крестьяне. Во Франции и России крестьяне мобилизовывались к действию через традиционные деревенские общинные организации. В случае китайской революции крестьяне сначала участвовали как традиционные «социальные бандиты» и в конце концов были напрямую (ре)организованы китайской Коммунистической партией. Однако даже тогда китайские крестьяне действо-

вали ради конкретных, неотложных целей⁶, не отличавшихся от тех, которых они пытались достичь в ходе более ранних бунтов и восстаний.

Что касается возможности того, что крестьяне революционизируются в ответ на эксплуатацию⁷, то этот подход пытается превратить постоянную характеристику жизни крестьян в объяснительную переменную. Крестьяне по определению неизменно подвергаются притязаниям на их продукцию, которые они не считают справедливыми. Крестьяне выступают главными сельскохозяйственными производителями, которые должны, из-за своей политической и культурной маргинальности и относительной социально-экономической статичности, нести на себе бремя различных комбинаций налогов, арендных платежей, барщины, ростовщических процентов и дискриминационных цен⁸. Крестьяне всегда имеют основания для восстания против помещиков, государственных служащих и купцов, которые их эксплуатируют. Вопрос здесь состоит не столько в объективном потенциале для восстаний на почве обоснованного недовольства. Он скорее заключается в степени, в которой недовольство, всегда имеющее место, по крайней мере имплицитно, может быть коллективно осознано и воплощено в действии.

Краткосрочное субъективное обострение конкретного недовольства (тот фактор, который подчеркивают теоретики относительной депривации) может сыграть роль катализатора, объясняя, почему определенные бунты происходили в определенное время. Но важно помнить, что относительная депривация есть суммарное психологическое состояние, для которого почти невоз-

6. Хорошие аргументы в пользу того, что китайские крестьяне действовали во имя конкретных, а не идеологических целей, можно найти в: Joel Migdal, *Peasants, Politics, and Revolution* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974), ch. 10. Я не согласна с общей аргументацией Мигдала по поводу причин крестьянской революции конкретно в Китае (по причинам, отчасти представленным в сноске 135 ниже). Но его исследование процесса обмена между китайскими коммунистами и крестьянством Северного Китая представляется мне превосходным. Я разворачиваю сходную аргументацию в главе 7.

7. Элементы такого рода аргументации можно найти в главе 9 «Крестьяне и революция» книги Мура: Moore, *Social Origins*, в особенности pp. 470–471.

8. См.: Eric Wolf, *Peasants* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966, ch. 1; Teodor Shanin, ed., *Peasants and Peasant Societies* (Baltimore, Md.: Penguin Books, 1971), p. 15, passim.

можно найти подлинные, прямые исторические свидетельства. Строго говоря, пришлось бы индивидуально опрашивать крестьян многих местностей перед началом трех рассматриваемых революций и затем периодически в ходе их. Но такие свидетельства или даже более обычные косвенные измерения относительной депривации⁹ по-прежнему не могут ответить на вопрос о том, как и почему совокупность индивидов может сделать что-то (и что конкретно) в связи с ощущаемым недовольством. Действительно важным вопросом является следующий: что превращает крестьянство, пусть даже только на местных уровнях, в коллективную силу, способную обернуться против своих угнетателей?

Как отметил Эрик Вулф, «в конечном итоге решающий фактор, который делает крестьянское восстание возможным, кроется в отношении крестьянства к окружающему его полю власти. Восстание не может начаться в ситуации полной беспомощности...»¹⁰. Если крестьяне намерены действовать, а не безмолвно выносить свое постоянное недовольство, они должны обладать «внутренней силой» — определенной способностью к организованному коллективному действию против своих вышестоящих эксплуататоров. По моему мнению, степень, в которой крестьяне обладали такой внутренней силой, особенно во время исторических политических кризисов аграрных государств, объяснялась структурными и ситуационными условиями, которые влияли на: (1) степень и разновидности солидарности крестьянских общин; (2) степени автономии крестьян от прямого повседневного надзора со стороны помещиков и их управляющих; (3) ослабление государственных насильственных санкций против крестьянских бунтов. Первые два фактора (крестьянская солидарность и автономия)

9. Политические и/или экономические индексы как косвенные критерии относительной депривации используются, например, в: Ted Robert Gurr, "A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices", *American Political Science Review* 27 (1968), pp. 1104–1124; David Snyder and Charles Tilly, "Hardship and Collective Violence in France, 1830 to 1960", *American Sociological Review* 37:5 (October 1972), pp. 520–532. Последнее исследование рассматривает индексы во времени, чтобы лучше следовать логике аргументов об относительной депривации; оно обнаруживает, что такие аргументы не предсказывают форм коллективного насилия во Франции.

10. Eric Wolf, *Peasant Wars of the Twentieth Century* (New York: Harper & Row, 1969), p. 290.

необходимо исследовать с помощью анализа аграрных структур дореволюционных старых порядков. Классовые структуры и местные политические структуры одинаково важны, и в данном случае можно отметить, почему они важны и как их следует изучать.

Если рассматривать классовые отношения в сельской местности, никогда не бывает достаточно просто выявить различные слои собственников, абстрагируясь от институциональных контекстов. Этот широко применяемый подход¹¹ может вводить в заблуждение относительно властной базы землевладельческого высшего класса, недооценивая ее в тех случаях, когда такой класс (например, китайские джентри) дополняет доходы от землевладения другими комплементарными формами присвоения прибавочного продукта. Сходным образом многие исследователи заблуждаются относительно возможных степеней солидарности среди крестьян, когда отмечают только факты, касающиеся личного владения собственностью и экономической дифференциации между более богатыми и более бедными крестьянами. Они пренебрегают изучением родовых и общинных институтов с их коллективными экономическими функциями, которые могут связывать богатых и бедных сильнее, чем можно предположить, исходя из их личных собственнических интересов¹².

11. См. в качестве двух примеров: Hamza Alavi, "Peasants and Revolution", in *The Socialist Register 1965*, eds. Ralph Miliband and John Saville (London: The Merlin Press, 1965), pp. 241-277; Jeffery M. Paige, *Agrarian Revolution* (New York: Free Press, 1975). Алави — один из основных участников давней дискуссии о том, бедные или «средние» крестьяне по своей природе более революционны: вопрос, ответить на который, на мой взгляд, просто невозможно вне институциональных, организационных и ситуационных контекстов. Блестяще написанная книга Пейджа заходит еще дальше в исключительно экономическом подходе. Она пытается вывести социальную организацию и политические наклонности как обрабатывающих, так и не обрабатывающих землю классов из состава имущества и источников дохода каждого класса. В детальном изложении своей теории и еще более в своем анализе исторических кейсов Пейдж фактически вводит все важные социально-структурные и политико-организационные факторы, которые необходимы для понимания аграрной политической жизни. Но его теоретические утверждения выдержаны в духе узкого экономического детерминизма (на мой взгляд, ошибочного).

12. Самым известным экономистом, который ошибался подобным образом, был Ленин в своих представлениях о российском крестьянстве. Он видел противостояние пролетариев и буржуа там, где на самом деле были удивительно эгалитарные крестьянские общины. (Эта аргументация развивается ниже в разделе о России. Также и Пейдж в «Агра-

Скорее, исследовать классовую структуру означает искать *исторически конкретные институциональные механизмы*, с помощью которых одновременно устанавливаются два типа аналитически базовых социальных отношений: с одной стороны, отношения непосредственных производителей «друг к другу, к их орудиям и земле в непосредственном процессе производства», с другой — отношения, «с помощью которых неоплаченная часть продукта извлекается у непосредственных производителей непроизводящим классом»¹³. Крестьянская солидарность и автономия могут оказаться (или не оказаться) встроены в аграрные классовые структуры в зависимости от конкретных институциональных форм, которые принимают эти отношения.

Определенные предварительные выводы, как представляется, содержатся в предыдущих исследованиях, учитывавших воздействие институционализированных классовых отношений на повстанческий потенциал крестьянства¹⁴. Системы сельского хозяйства, для которых характерны большие поместья, обрабатываемые крепостными или безземельными работниками, обычно не способствуют спонтанным, самостоятельно организованным крестьянским восстаниям. Это верно не просто потому, что эти крепостные и работники бедны, а потому, что они отделены друг от друга, находятся под пристальным постоянным надзором и подвержены дисциплинированию со стороны землевладельцев и их управляющих.

gian Revolution» утверждает, что мелкособственническое крестьянство *по своей природе* не склонно к общему действию. На самом деле все это зависит от присутствия или отсутствия и конкретного рода качеств и функций сообщества, а также от того, противостоят ли крестьянские сообщества помещикам в борьбе за ресурсы.)

13. Эти фразы, резюмирующие взгляды Маркса на производительные силы и отношения производства, взяты из: Robert Brenner, "Agrarian Class Structure and Economic Development in Preindustrial Europe", *Past and Present* no. 70 (February 1976), p. 31.
14. Особенно полезны: Ibidem; Arthur L. Stinchcombe, "Agricultural Enterprise and Rural Class Relations", in *Class, Status, and Power*, 2nd ed., eds. Reinhard Bendix and Seymour Martin Lipset (New York: Free Press, 1966), pp. 182–190; Wolf, *Peasant Wars*; Moore, *Social Origins*. Более эклектичны, но также информативны: Henry A. Landsberger, "The Role of Peasant Movements and Revolts in Development", in *Latin American Peasant Movements*, ed. Landsberger (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1969), pp. 1–61; Landsberger, ed., *Rural Protest: Peasant Movements and Social Change* (New York: Barnes & Noble Books, 1973).

Аграрные системы, основанные на рентных платежах, где малоземельные крестьянские семьи владеют землей и самостоятельно ее обрабатывают, широко известны своей большей подверженностью крестьянским восстаниям¹⁵; в частности, на мой взгляд, там, где социально-экономические в своей основе общинные отношения связывают вместе отдельные семьи в их противостоянии помещикам. Как мы увидим, классовые отношения в России и Франции укладываются в эту рентную/общинную модель.

Однако даже если крупное помещичье земледелие отсутствует, аграрный строй может все же оставаться неуязвимым для самостоятельных крестьянских восстаний, если помещики напрямую контролируют механизмы административных и военных санкций (такие как ополчения или службы помощи бедным) на местном уровне. Это дает основание не ограничиваться одним только классовым анализом, если мы хотим адекватно понять условия, благоприятствующие и препятствующие крестьянским восстаниям. Необходимо проанализировать политические структуры аграрных порядков, уделяя особое внимание природе местных властей и их отношениям с центральными политическими властями, монархами и их министрами. Контролируют ли принятие политических решений на местном уровне крестьяне, бюрократы или помещики? Служат ли помещики на должностях местных представителей монархического государства или противостоят им? Очевидно, что наиболее уязвимыми для внезапных и самостоятельных крестьянских восстаний были те аграрные порядки, которые не только характеризовались классовыми отношениями, благоприятствующими крестьянской солидарности и автономии, но и обладали санкционными механизмами, управляемыми централизованно и бюрократически, как раз тогда, когда крестьянские общины пользовались существенной политической автономией на местах.

15. Стинчкомб особенно подчеркивает это в "Agricultural Enterprise and Agrarian Class Relations". Пейдж в "Agrarian Revolution" выражает резкое несогласие, отчасти на том прочном основании, что (как он утверждает) мелкие собственники могут быть разобщены. Но Пейдж не учитывает, что общинные формы (противостояния помещикам) в некоторых случаях могут преодолеть разделения среди мелких собственников. См. мой комментарий в тексте сноски 12 выше.

И наконец, необходимо подчеркнуть, что фокуса исключительно на структурных характеристиках положения крестьян в местных классовых и политических структурах недостаточно для того, чтобы объяснить ни просто отдельные случаи, ни детальные модели широкомасштабных восстаний против помещиков, происходивших во время французской, русской и китайской революций. Во всех трех революциях политический кризис авторитарного государства (обусловленный внутригосударственными или международными процессами, полностью независимыми от крестьянства) был также и решающе важной причиной. Этот политический фактор во взаимодействии со структурно заданным повстанческим потенциалом крестьянства порождал полномасштабную социально-революционную ситуацию, которая не могла быть вызвана ни одной из этих причин самой по себе. Именно крах концентрированных репрессивных возможностей ранее единого и централизованного государства окончательно создавал условия, непосредственно или в конечном счете благоприятные для *широкомасштабных и необратимых* крестьянских восстаний против землевладельцев. Если сходные аграрно-классовые и местные политические структуры не порождали ранее подобного образца крестьянских восстаний, то это лишь в силу отсутствия одного ингредиента — всемирно-исторических процессов, затрагивающих господствующий класс. Как только (и только тогда!) этот класс, под давлением извне в модернизирующемся мире, погружался в революционно-политический кризис, для крестьянства становилось возможным достичь долго вынашиваемых повстанческих целей. Результатом такого стечения обстоятельств становилась социальная революция¹⁶.

Анализ крестьянских восстаний в качестве обстоятельства социальных революций не оканчивается рассмотрением причин самих крестьянских восстаний. Вдо-

16. Анализ революций в социальных науках, насколько я могу сказать, *почти никогда* не придавал существенного аналитического значения совпадению разворачивающегося взаимодействия процессов, которые изначально различным образом детерминированы. Тем не менее и причины, и развитие революций, вероятно, следует понимать именно таким образом; само собой, это означает, что анализ и объяснения должны быть обоснованы исторически.

бавок к этому, первоочередные достижения крестьянских восстаний имели мощное обратное влияние на ход национальной политической борьбы в рамках развертывающихся революционных кризисов. Подобное влияние дает необходимые ключи для понимания общих и конкретных моделей социально-революционной динамики и результатов. Но, что касается их, читатель должен подождать Части II. Эта глава с необходимостью принимает как данность то, что крестьянские восстания имеют последствия для хода социальных революций, и стремится понять структурные и ситуационные условия, объясняющие, почему эти восстания происходят.

Аргументы относительно этих условий уже были предварительно рассмотрены, но их необходимо изложить детально для каждого примера социальной революции и для подходящих контрастных примеров (где социальная революция не удалась). Поэтому обратимся к кейсам. Мы начнем с Франции, далее перейдем к России, а затем изучим Англию XVII в. и Германию в 1848–1850 гг. в качестве контрастов. В конце, на фоне всех предыдущих примеров, мы рассмотрим особые вопросы, которые ставит Китай.

Крестьяне против сеньоров во французской революции

Одна из наиболее славных дат французской революции — 4 августа 1789 г. Вечером этого известного дня члены Учредительного собрания состязались друг с другом в осуждении и отказе от феодальных структур французского общества и политики. Сеньориальные подати, торговля судебными должностями, налоговые льготы, права охоты, придворные пенсии, сеньориальное правосудие — все были отменены «по мере того, как один за другим ораторы отказывались от своих собственных привилегий или привилегий соседа»¹⁷. Этот вечер был ознаменован переменами, которые дали этой революции право называться *социальной* революцией — идущей

17. Norman Hampson, *A Social History of the French Revolution* (Toronto: University of Toronto Press, 1963), p. 82.

дальше одних только политических изменений и трансформирующей общество. Но представители либеральных дворян и третьего сословия, собравшиеся в Версале, никогда бы не инициировали эту сессию всеобъемлющих реформ, если бы распространяющиеся по стране аграрные бунты против сеньориальной системы не подтолкнули их, пусть и неохотно, это сделать. Шокированные и потрясенные усиливающимся крестьянским сопротивлением требованиям уплаты податей и десятин и растущим насилием против *chateaux*¹⁸ и отдельных лиц, богатые и привилегированные, сидя в Версале, поспешно решили пойти на незапланированные уступки. Без крестьянской революции, которую величайший историк французской революции Жорж Лефевр назвал «спонтанной» и «самостоятельной», «Учредительное собрание наверняка не нанесло бы серьезных ударов по феодальному режиму»¹⁹. Революция, возможно, никогда не зашла бы дальше конституционных реформ²⁰.

Структурные условия

Потенциал для крестьянских бунтов, вспыхнувших в 1789 г., был внутренне присущ той аграрной социальной структуре, которая отличала Францию (и западные части раздробленной Германии) в Европе XVIII в. Не то чтобы угнетение французского крестьянства было наибольшим, хотя реальные основания для недовольства, конечно, существовали. Скорее социально-экономические и политические условия, влияющие на способность крестьян реагировать на сеньориальную

18. Замков (фр.). — Прим. пер.

19. Georges Lefebvre, "The French Revolution and the Peasants", in *The Economic Origins of the French Revolution*, ed. Ralph W. Greenlaw (Lexington, Mass.: D.C. Heath & Company, 1958), p. 76.

20. Я вовсе не хочу сказать этим, что толчок к революционным, структурным переменам исходит только от крестьянства. Разумеется, и либеральные лидеры Национального собрания планировали фундаментальные политические преобразования, которые также с необходимостью имели бы социальные последствия. Но крестьянский бунт дал первичный импульс движению против сеньориальных институтов в сельской местности. Он также создал кризисную ситуацию, в которой другие социальные и политические перемены можно было осуществить достаточно быстро (в принципе).

эксплуатацию, были очень благоприятными во Франции по сравнению с другими странами.

В отличие от крепостных Восточной Европы и все более безземельных низших сельскохозяйственных слоев Англии, французское крестьянство фактически владело существенной частью французских земель. По меньшей мере одна треть их (и даже большая часть обрабатываемой земли) находилась во владении миллионов крестьян-земледельцев, разбитая на небольшие участки: можно было ими управлять, покупать их и продавать, передавать по наследству, что ограничивалось только различными требованиями сеньоров. Вдобавок, поскольку лишь очень немногие крупные землевладельцы непосредственно занимались обработкой своих владений, еще примерно две пятых всех земель сдавались крестьянам-арендаторам и издольщикам, в основном в виде небольших наделов. Таким образом, крестьяне контролировали большую часть земель, использовавшихся для сельскохозяйственного производства²¹.

Но они делали это только под тяжестью рентных платежей со своей продукции. «Земельная рента — королевская, сеньориальная, десятина и собственническая — [была] движущей силой королевства и его социальной системы. Плательщики ренты были управляемыми, получатели ренты и их служители — правителями»²². Десятина (сдаваемая в натуральном виде во время сбора урожая) составляла в среднем 8% и шла в основном богатым епископам, каноникам и светским господам за пределами местных приходов. Сеньориальные подати (шедшие землевладельцам-буржуа и религиозным обитателям, так же как и дворянам) широко варьировали в зависимости от региона и места, они были тяжелы в Бретани

21. Georges Lefebvre, "Repartition de la Propriete et de l'Exploitation Foncières a la Fin de l'Ancien Régime", in *Etudes sur la Revolution Française* (Paris: Presses Universitaires de France, 1963), pp. 279–306; Ernest Labrousse, "The Evolution of Peasant Society in France from the Eighteenth Century to the Present", in *French Society and Culture Since the Old Regime*, eds. E. M. Acomb and M. L. Brown, Jr. (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966), pp. 44–46.

22. Pierre Goubert, *The Ancien Régime: French Society, 1600–1750*, trans. Steve Cox (New York: Harper & Row, 1974), p. 102. Детали этого параграфа базируются на 6-й главе этой работы: "Landed Income and Ground Rentiers", особенно pp. 122–134.

и восточной Франции и легки в районах к югу от Луары (где, однако, были тяжелее десятины). Налоги — от которых дворяне-землевладельцы были по большей части освобождены — отнимали от 5% до 10% валового продукта в *pays d'élection*, но были меньше в *pays d'état*. Рентные платежи собственникам земли часто были самыми тяжелыми: в областях юга и запада, где преобладал *métayage* (издольщина), издольщики вынуждены были отдавать половину урожая помещикам; в остальном ренты составляли по меньшей мере пятую часть урожая. В целом различные рентные платежи с продукции крестьян, с существенными различиями между регионами и во времени, отнимали от $\frac{1}{5}$ до $\frac{3}{5}$ их валового дохода — того, что оставалось, когда минимум пятая часть урожая откладывалась на семена и покрывались затраты на жизнеобеспечение работников, производство и хранение продукции. Обычно требования по выплате рента были тяжелыми; во времена кризисов производства или сбыта они нависали как почти непосильная ноша, на грани жизнеобеспечения или поддержания собственного существования.

Благополучие крестьян зависело от того, в каком объеме семья владела землей, подлежащей выплате минимальных рента, и средствами, необходимыми для ее обработки, включая сельскохозяйственные орудия и скот. Но во всех регионах Франции XVIII в. те, кто мог жить без забот со своих владений или внушительных арендуемых земель, составляли небольшую часть крестьянства²³. Верно то, что в каждой общине можно было обнаружить одного-двух богатых *coqs de village*²⁴, которые могли быть доверенными лицами помещиков, или по крайней мере нескольких зажиточных *laboureurs* (независимых крестьян-середняков), но большинство были бедными и необеспеченными. Крестьяне либо были вынуждены, как арендаторы, платить большие арендные выплаты, чтобы работать на небольших участках земли для поддержания собственного существования, либо

23. Источниками для написания этого абзаца послужили: Goubert, *Ancien Régime: Society*, chs. 2, 5; Alun Davies, "The Origins of the French Peasant Revolution of 1789", *History*, new ser. 49:165 (February 1964), pp. 24-41; Georges Lefebvre, *The Great Fear of 1789*, trans. Joan White (New York: Pantheon Books, 1973), pt. 1.

24. Важных шишек (букв. — «деревенских петухов») (фр.). — Прим. пер.

у них не было ничего, кроме дома и сада, и они должны были искать дополнительных доходов с помощью сельскохозяйственной поденщины, надомной работы на расseyанных мануфактурах или прибегать к сезонной миграции с целью найти работу вдалеке от дома. На самых нижних ступенях социально-экономической лестницы были бродяги, не имевшие даже минимальных владений, которые могли бы обеспечить их домом и членством в общине. Так как население увеличивалось быстрее, чем рост экономики мог создать новые рабочие места, число таких нищих бродяг (живших за счет попрошайничества, случайных заработков и бандитизма) выросло к концу Старого порядка. Многие оседлые семьи также были не столь далеки от судьбы бродяг. Растущие цены на землю и зерно не могли им помочь, потому что их целью — и проблемой — было просто держаться за достаточное количество земли и работы, чтобы платить ренту и кое-как сводить концы с концами.

Однако оседлые французские крестьяне при Старом порядке не вели борьбу за выживание в качестве некоторого совокупного, единого множества. Они не были, как Маркс метко написал в середине XIX в., подобны множеству картофелин в мешке. Экономическая дифференциация в рядах крестьян прогрессировала, и «аграрный индивидуализм» приобрел прочную опору на селе²⁵. Тем не менее крестьянская община, сформировавшаяся в ходе столетий борьбы за экономическую безопасность и административную автономию, по-прежнему существовала. Фундаментальный базис общины был экономическим. В центре организации был *terroir*, то есть «сумма всех типов земель, обрабатываемых или используемых группой людей, сконцентрированных в большой деревне или вокруг нескольких хуторов, либо рассредоточенных по разбросанным владениям»²⁶. В ведении крестьян-

25. «Аграрный индивидуализм» обозначает ситуацию, когда владелец частной собственности имеет неограниченные права распоряжаться консолидированным имуществом, будучи свободным от освященных обычаем практик, таких как общий выпас скота или собирание колосьев после жатвы и т. д. См.: Marc Bloch, "La Lutte pour l'Individualisme Agraire dans la France du XVIII Siècle", *Annales d'Histoire Economique et Sociale* 11:7 (July 1930), pp. 329–381 and 11:8 (October 1930), pp. 511–556.

26. Goubert, *Ancien Régime: Society*, p. 78.

ской общины находились: «коллективная собственность и использование... общинных благ» или «коллективные ограничения на частную собственность во благо жителей как группы»²⁷. В *pays de bocage*²⁸ Нормандии и Бретани, где были разбросанные хутора, крестьянские общины имели общие земли, включающие леса, которыми нужно было управлять в интересах коллектива и защищать от притязаний и покушений на них со стороны чужаков. На севере и востоке крестьянские деревни имели меньше общинных земель, но само возделывание регулировалось общинными правилами относительно севооборота, определения времени сбора урожая, прав на выпас скота на находящихся под паром землях, регулировании огораживания и т. д. Эти обычаи должны были не только применяться к членам общины, но и защищать от чужаков. В большинстве мест сеньоры — чьи поместные земли с прилегающими к ним арендными землями крестьян пересекались с крестьянскими общинами — были основными соперниками за аграрные права. На кону были такие важные права, как доступ к лесам или пастбищам, или прерогативы решать, как должны возделываться земли. И именно в борьбе против сеньоров по поводу всего этого крестьянские общины, несмотря на внутреннюю напряженность, сохраняли определенный минимум сплоченности и сознательности.

Более того, к XVIII в. крестьянские общины пользовались существенной степенью самоуправления. Проникновение королевской администрации на места постепенно вытесняло сеньора, оставляя его всего лишь «первым прихожанином». Он или его доверенные лица, если он отсутствовал на месте (как это часто и было), сохранили контроль над сеньориальным правосудием; однако оно имело большое экономическое, хотя и малое политическое значение. В остальных отношениях крестьяне с помощью местного священника

27. Albert Soboul, "The French Rural Community in the Eighteenth and Nineteenth Centuries", *Past and Present* no. 10 (November 1956), p. 82; Собуль А. Французская сельская община (XVIII—XIX века) // *Из истории Великой буржуазной революции 1789—1794 гг. и Революции 1848 г. во Франции*. Москва: Иностранная литература, 1960. Оставшаяся часть этого и следующий абзац во многом опираются на Губера и Собуля.

28. Поля, окаймленные лесными полосами (*фр.*) — *Прим. пер.*

сами управляли своими местными делами — при этом они несли ответственность перед *интендантом* через его субделегата. *Terroirs* часто совпадали с приходами, так что собрание глав домохозяйств обычно происходило после мессы, чтобы можно было решать широкий круг общинных дел, таких как «продажа, покупка, обмен или сдача в аренду общинных угодий; ремонт церкви, общественных зданий, дорог и мостов, выбор синдиков общины, учителя школы, общинного пастуха, полевого сторожа, сборщиков десятины, заседателей и сборщиков *талли*»²⁹.

Хотя в деревенских собраниях действительно чаще всего вполне формально доминировали богатые крестьяне, они по-прежнему могли функционировать как жизненно важная арена для обсуждения местных дел всеми главами семейств; а их решения контролировали ключевые аспекты сельской жизни³⁰.

Влияние политического кризиса 1789 г.

Но как именно эти структурные условия помогли вызвать крах Старого порядка на селе? Чтобы найти ответ, мы должны рассмотреть тенденции и события революционного периода. Мы начнем с некоторых экономических тенденций, которые способствовали разжиганию общественных беспорядков в 1788–1789 гг., и затем сфокусируем внимание на сочетании аграрных структурных условий и политических событиях общенационального

29. Soboul, "Rural Community", p. 81; Собуль А. Французская сельская община (XVIII–XIX века). С. 177.

30. В последние годы Старого порядка корона попыталась обустроить местную власть так, чтобы благоприятствовать богатым. Эдикт 1787 г. устанавливал во всех сообществах *pays d'élection* местные правящие советы, в которых местный помещик и священник должны были заседать *ex officio*, в обществе от трех до девяти крестьян, избранных тайным голосованием на приходских собраниях. В них могли участвовать только те, кто платил десять или более ливров налогов. За счет функционирования этих правящих советов были урезаны функции общего собрания всех членов общины. Однако, когда в 1789 г. были созданы собрания для составления *cahiers* и избрания представителей *bailliage*, все налогоплательщики в возрасте 25 лет и более получили право участвовать в них. Таким образом, в последние месяцы перед революцией королевской политике не удалось последовательно подорвать крестьянскую солидарность.

масштаба, которые обеспечили народным восстаниям 1789 г. революционный аспект.

Влиятельный экономический историк Эрнест Лабрусс путем скрупулезных исследований ценовых и зарплатных трендов установил, что народные восстания в конце Старого порядка были спровоцированы кризисом во французской экономике³¹. Примерно с 1733 по 1770 г. французская экономика была в восходящей стадии цикла, который был частью практически вековой фазы экономического роста. Производительность сельского хозяйства и промышленности, колониальная и внутренняя торговля — все росло. Цены и аренда росли быстрее, чем заработная плата, так что от данного роста непропорционально выигрывали предприниматели и крупные землевладельцы. Тем не менее многие бедные люди могли как-то «крутиться», пока продолжался рост экономики. Однако после 1770 г. «начался период экономических бедствий, период сокращения экономики... [и] самое позднее к концу 1778 г. он был уже свершившимся фактом. Цены повсеместно были в свободном падении»³². Аграрные доходы упали, и промышленность влачила жалкое существование; росла безработица.

Старая проблема голодных ртов и еды для них, уже усугубившаяся в течение первых двух третей века из-за падения уровня смертности, обострилась и на время стала намного более явной, поскольку конфликт... между революционным увеличением численности населения и экономикой в состоянии спада стал поразительно очевиден³³.

К середине 1780-х гг. экономика стала восстанавливаться. Затем в 1788 г. произошло «серьезное бедствие, из тех, что периодически происходят»³⁴. Был неурожай зерна. Доходы села упали (так как было слишком мало зерна на продажу, хотя цены были высоки) и возросла без-

31. C. E. Labrousse, *La Crise de l'Economie Française a la Fin de l'Ancien Régime et au Debut de la Revolution* (Paris: Presses Universitaires de France, 1943).

32. C. E. Labrousse, "The Crisis in the French Economy at the End of the Old Regime", in *The Economic Origins of the French Revolution*, ed. Ralph W. Greenlaw (Lexington, Mass.: Heath, 1958), p. 64. Этот кусок представляет собой перевод части введения к значительно большей работе, упомянутой в предыдущей сноске.

33. Ibid., p. 66.

34. Ibid., pp. 66–67.

работица на селе. Сократились рынки промышленной продукции, а потому большее количество работников было выброшено на улицу. Тем временем цены на хлеб (1789–1790 гг.) подскочили, и миллионы бедных крестьян, городских ремесленников и рабочих, которые вынуждены были покупать себе все продукты или их часть, внезапно столкнулись с острой нуждой.

Народная реакция на рост цен на хлеб в 1789 г. приняла издревле закрепленные формы³⁵. В XVIII в., когда цены на хлеб быстро поднимались, сельская и городская беднота периодически отвечала на это хлебными бунтами. Крестьянские общины захватывали зерно, вывозимое на продажу за пределы этих общин, и вместо этого продавали его по «справедливой цене» местным покупателям. Городские потребители отвечали на дефицит и высокие цены, захватывая запасы булочников и поступая с ними аналогичным образом. Время от времени королевское правительство пыталось способствовать свободной торговле зерном по всей стране, но народ по-прежнему верил в фиксированные цены и гарантированное снабжение каждого. Незадолго до революции, в 1775 г., масштабные хлебные бунты (*guerre de farines*³⁶) вынудили корону отказаться от инноваций в государственной политике и восстановить порядок через сочетание поставок зерна нуждающимся и подавления демонстраций. Многие из того, что случилось в 1789 г., воспроизводило эту периодически повторяющуюся форму народных волнений.

Однако в 1789 г. результаты этого были экстраординарными, отчасти из-за того, что городские хлебные бунты совпали с раздорами среди привилегированных элит по поводу форм политического представительства и породили «муниципальную революцию»³⁷. В еще большей мере это было следствием того, что события развились в полномасштабную социальную революцию в сель-

35. См.: Louise A. Tilly, "The Food Riot as a Form of Political Conflict in France", *Journal of Interdisciplinary History* 2:1 (Summer 1971), pp. 23–57; George Rude, "The Outbreak of the French Revolution", in *Paris and London in the Eighteenth Century* (New York: Viking Press, 1973), pp. 63–81.

36. Букв. — «война за муку» (фр.). — *Прим. пер.*

37. О муниципальной революции см. обсуждение и ссылки в конце раздела о Франции в главе 2.

ской местности. Весной, задолго до «муниципальной революции», крестьяне начали выходить за рамки хлебных бунтов и атаковать сеньориальную систему. «Первая волна сельских восстаний была направлена в основном против десятины, феодальных прав и тех, кто ими пользовался»³⁸. Очень часто их целью были феодальные записи местного сеньора, но случались также и захваты припрятанных запасов зерна. Даже эти ранние вспышки были широко распространены, происходя в Анжу, Дофине, парижском регионе, Пикардии, Эно и Миди. С приходом лета волнения усилились и распространились на большую часть страны, отчасти под чудовищным воздействием «Великого страха»³⁹. Это была коллективная паника, вызванная верой в то, что созревающий урожай зерна подвергнется нападению «бандитов». Росла вера в то, что готовится «аристократический заговор» с целью уморить народ голодом, и крестьяне самоорганизовывались, чтобы встретить туманную угрозу. Враждебность сливалась с надеждой на перемены, вызванной созывом Генеральных штатов, и усиливала бунт против высших классов:

Теперь, когда Генеральные штаты были собраны, но медлили с ответом на ожидания свободы, огромная масса крестьянства приняла простое, спонтанное решение. Сбор урожая был закончен. Они перестали платить сборщикам десятины, сеньорам и даже королевским сборщикам налогов. Разгневанное меньшинство атаковало хранилища документации и *châteaux*⁴⁰ с вилами и головнями. Большинство приняло более безопасный и эффективный курс пассивного сопротивления и отказалось платить⁴¹.

Так из-под Старого порядка в деревне были выбиты опоры, и городские политические реформаторы столкнулись с неожиданным кризисом собственности и порядка, которого они предпочли бы избежать.

Почему крестьяне начали бунтовать в 1789 г. — и почему они вообще бунтовали в первую очередь против

38. Goubert, *Ancien Régime: Society*, p. 14. Опираясь на работы Жоржа Лефевра, Губер (pp. 12–15) выделяет три волны крестьянских восстаний между 1788 и 1793 гг.

39. См.: Lefebvre, *Great Fear*. Это классическая книга.

40. Поместные усадьбы (*фр.*) — *Прим. пер.*

41. Goubert, *Ancien Régime: Society*, p. 14.

сеньориальной системы? Причины лежали во взаимодействии существующих социально-экономических и политических структур с политическими событиями 1789 г., которые усилили существующий потенциал и создали новые возможности для коллективных бунтов против сеньоров.

Огромнейшее значение имели процессы, запущенные решением короля от 29 января 1789 г. созвать Генеральные штаты. Депутаты от третьего сословия должны были избираться в *bailliages*⁴² делегатами от городских и сельских общин. В каждой сельской общине каждый мужчина на 25 лет или старше, плативший любую сумму налогов, имел право участвовать в собрании, которое и избирало представителей в собрание *bailliage* и составляло *cahier de doléances*⁴³, выражающее местные жалобы. Каким бы необычным это ни казалось, каждая община приглашалась указом короля к коллективному размышлению о своих бедах. В целом результатом, разумеется, был рост возможностей для крестьянских восстаний, особенно против сеньоров и неместных получателей десятины. Не то чтобы *cahiers* открыто выделяли их как цели; напротив, большинство *cahiers* было в основном заполнено ограниченными и очень различающимися местными жалобами⁴⁴. Более того, любые более общие требования перемен, содержащиеся в них, не могли быть просто приписаны крестьянам, потому что на собрания часто влияли или возглавляли их священники, буржуа и местные представители сеньоров⁴⁵. Но более важным, чем содержание *cahiers*, был процесс их составления. Этот процесс порождал надежды на перемены и собирал крестьян вместе в общинной среде, где борьба против сеньоров исторически была общим делом.

Рост коллективного самосознания и организации, связанный с составлением *cahiers*, лучше подготовил крестьян к действию в повстанческих целях в 1789 г. На са-

42. Судебные, административные округа во Франции Старого порядка (фр.). — Прим. пер.

43. Букв. «тетради жалоб» (фр.). — Прим. пер.

44. См.: George V. Taylor, "Revolutionary and Nonrevolutionary Content in the Cahiers of 1789: An Interim Report", *French Historical Studies* 7:4 (Fall 1972), pp. 489–491.

45. Об этом см.: Charles Tilly, *The Vendée: A Sociological Analysis of the Counterrevolution of 1793*, paperback ed. (New York: Wiley, 1967), pp. 164–165, 177.

мом деле некоторые восстания начинались вскоре после местных собраний. По-видимому, так происходило потому, что крестьяне в известной степени верили, что сам акт выражения жалоб в *cahiers* означал, что определенные выплаты или практики с тех пор отменяются. Лефевр излагает жалобы королевских чиновников по этому поводу:

«Что действительно утомительно, — писал Десме де Дюбуассон, генерал-лейтенант *bailliage* Сомюр, во время выборов, — так это то, что эти созванные собрания по большей части верят, что они наделены некоторой суверенной властью, и что, когда они подходили к концу, крестьяне шли домой с убеждением о том, что с этого момента они свободны от десятин, запретов на охоту и выплат феодальных податей»...

А на другом конце королевства 4 июля 1789 г. *субделегат* от Плоэрмеля бил тревогу: «все крестьяне в округе и моей области вообще готовятся к отказу от уплаты своей доли сборщикам десятины и вполне открыто утверждают, что не будет никаких бессмысленных кровопролитных сборов, поскольку требование отмены этих десятин было включено в *cahiers*... эта отмена отныне вступила в силу»⁴⁶.

И даже если бунты и не происходили в течение долгого времени после составления *cahiers*, обычно они вспыхивали в тех же условиях, в которых обычно проходили такие общинные собрания:

Очень часто однотипные бунты [против сеньоров] вспыхивали одинаковым образом вплоть до 1792 г. Все начиналось в воскресенье: в течение всего данного периода этот день, как и праздничные дни в честь местных святых и *baladoires*, был всегда самым критичным; крестьяне шли на мессу и затем, от нечего делать, перемещались в местное кафе: не было ничего лучше этого для начала бунта⁴⁷.

Другим важным условием, облегчавшим распространение бунтов с 1789 г., была дезорганизация и раскол высших слоев, включая стоящих во главе полиции и армии. После муниципальной революции в июле классы собственников оказались в особенно плохой ситуации для подавления беспорядков на селе. Многие *интенданты* были смещены со своих постов. Городские ополче-

46. Lefebvre, *Great Fear*, pp. 39–40.

47. *Ibid.*, p. 43.

ния захватили склады вооружения и боеприпасов. Росло дезертирство из армии. Более того, солдатам из крестьян, как обычно, позволялось отправляться домой для помощи в сборе урожая, и они приносили с собой новости о политических событиях в городах⁴⁸.

Возможно, еще более решающую роль сыграло то, что сторонники Национального собрания оказались в затруднительном положении. Если бы (как многие предпочли бы) они использовали ополчения или призвали королевскую армию для защиты прав собственности на селе, то это сыграло бы на руку автократической реакции. Большинство было не готово пойти на это⁴⁹. Только в немногих *bailliages* городские силы были задействованы против крестьян. В целом отсутствовали координация действий репрессивных сил и их решительное использование, что, в свою очередь, поощряло распространение крестьянских бунтов и сопротивления по всей стране.

Наконец, городские силы громогласно атаковали то, что они называли «аристократической реакцией». Это, вероятно, способствовало сосредоточению крестьян на тех практиках эксплуатации, которые они особенно связывали с дворянами — то есть на сеньориальных податях, налоговых льготах и десятине (большая часть которых *не* шла *кюре*⁵⁰ на местные церковные расходы). С помощью собраний на уровне *bailliage* крестьянские делегаты вошли в регулярные контакты с городскими лидерами. И в конце концов декреты о реформах Учредительного собрания облегчали фокусировку продолжающегося вплоть до 1793 г. эффективного сопротивления крестьян на десятине и феодальных податях, а не на обычных рентах и налогах.

Все эти факторы, характерные для кризиса 1789 г., помогают объяснить тот факт, что имели место *широко распространенные* бунты крестьянских общин, в особенности против сеньориальной системы, начиная с весны 1789 г. Конечно, сами по себе эти факторы не были бы эффективны, если бы французские сельские структуры

48. Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973), p. 141.

49. Hampson, *Social History*, pp. 76 ff.

50. Приходской священник (*фр.*). — *Прим. пер.*

не способствовали направленным против сеньоров крестьянским бунтам. В разных местах в различной степени, но более или менее повсюду сеньоры и сборщики десятины для отсутствующих привилегированных реципиентов раздражали крестьян, обладавших существенной собственностью, общинным самоуправлением и солидарностью против сеньоров. События 1789 г. усилили крестьянскую солидарность и сознание и ослабили защиту господствующего класса (в особенности сеньоров) именно таким образом, что смогли высвободить этот потенциал.

Региональные различия в сочетаниях общинных структур, форм землевладения и рентных платежей и социально-экономические тенденции XVIII в., по-видимому, были не слишком важными факторами возникновения крестьянских бунтов в 1789 г. и той формы, которую они принимали. (Однако на это очень влияло то, какое конкретно недовольство акцентировалось и какие конкретные объекты атаковали отдельные крестьянские общины.) То, что случилось после 1788 г., было подстегнуто общенациональным политическим кризисом, в который крестьяне везде (как с потенциальным, так и с реальным недовольством) были втянуты благодаря почти одновременным событиям в масштабе всего королевства, таким как составление *cahiers* и муниципальная революция. Восстание крестьян было действительно автономным и спонтанным — но только в этом общенациональном контексте. Действия крестьян в 1789 г. тем самым не могут быть поняты как всего лишь продолжение «подспудной» борьбы, шедшей на местах в течение всего XVIII в. Французский специалист по социальной истории Эммануэль Ле Руа Ладюри, опираясь на детальные исследования социальных отношений на селе, попытался показать, что существовали заметные региональные различия по форме, размаху и интенсивности борьбы крестьян спокойный (в основном) период с 1675 по 1788 г.⁵¹ «Борьба против сеньоров» занимала важное место только на севере и северо-востоке, где модернизирующиеся помещики использовали «феодалные» меха-

51. Emmanuel Le Roy Ladurie, "Révoltes et Contestations Rurales en France de 1675 à 1788", *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 29:1 (January-February 1974), pp. 6–22.

низмы для развития рыночно-ориентированного сельского хозяйства вопреки сопротивлению крестьянских общин. В центральных, южных и западных регионах помещики были не так сильны и динамичны; и крестьянская борьба там принимала мягкие и не особенно направленные против сеньоров формы. Но, как отмечает сам Ле Руа Ладюри, в 1789 г. даже крестьянские общины в Нижней Оверни и Бретани, вполне пассивные между 1675 и 1788 гг., с готовностью присоединялись к бунтам против сеньоров в 1789 г. К тому же крестьяне Лангедока добавили свое давнее сопротивление десятине в общее революционное брожение.

Эти факты говорят о том, что для объяснения крестьянской революции, начавшейся в 1789 г., необходимо придать бóльший вес: (1) широко сходным структурным чертам, характеризующим аграрные социальные отношения по всей Франции и (2) общенациональной политической динамике 1789 г. по сравнению с местными и региональными вариациями общих тем. Было бы интересно соотнести детальную информацию о социально-структурных образцах и о том, как точно проходили процессы политической мобилизации для каждой конкретной местности и региона. Но пока это невозможно, мы должны (и можем) продолжать делать обобщения относительно французской революции в целом. Поскольку она была по своей природе чем-то совершенно иным, нежели просто совокупностью местных или региональных событий и процессов. Как очень метко выразился Чарльз Тилли, «революция — это состояние всего общества, а не каждого отдельного сегмента общества»⁵².

Пределы французской крестьянской революции

Хотя полное рассмотрение результатов французской революции в сельской местности зависит от анализа (который будет проведен в главе 5) того, как политические процессы в городах и консолидация власти революционного государства соотносились с положением дел у аграриев, тем не менее, один итоговый вопрос необходимо рассмотреть в этой главе. Мы уже видели, что до револю-

52. Charles Tilly, *Vendee: A Sociological Analysis of the Counterrevolution of 1793*, p. 159.

ции прямые рентные платежи владельцам земли были, вероятно, самым большим бременем для крестьянства. Они наверняка забирали у крестьян больше, чем сеньориальные подати и десятины. Более того, было отмечено, что в течение XVIII в. во Франции рост населения способствовал острому земельному голоду среди большинства крестьян, которые либо вообще не владели землей и не арендовали ее, либо владели или арендовали в недостаточном количестве для поддержания жизни семьи одним только сельским хозяйством. Тем не менее существует точный факт относительно французской революции: несмотря на решающий вклад крестьянских восстаний в ее успех, имело место лишь очень небольшое перераспределение земельной собственности. Лишь около 10% земель, конфискованных у церкви и некоторых эмигрантов, перешли из рук в руки в ходе революции. И не более половины из них перешло к крестьянам⁵³. Кроме этого, получатели конфискованных земель должны были покупать их у революционных властей, крайне нуждающихся в ресурсах, и это требование эффективно преграждало бедным крестьянам путь к приобретению новых земель. Очевидный вопрос относительно аграрного компонента французской революции следующий: почему бунтующее крестьянство, при том что большинство испытывало земельный голод, воздержалось от того, чтобы захватить земли сеньоров, церкви и иных землевладельцев, включая горожан-рантье?

Ответ кроется во внутренних пределах общинной солидарности⁵⁴. Как мы видели, французское крестьянство было внутренне дифференцировано в плане личного владения землей, скотом и оборудованием. Что еще более важно, общинные обычаи, хотя они могли ограничивать использование личной собственности, не предусматривали никакого вмешательства в личную собственность, такого как правила против частных продаж или периодических перераспределений участков, находящихся в индивидуальном владении. Вместо этого об-

53. Hampson, *Social History*, pp. 251–255.

54. Этот и следующие два абзаца базируются в особенности на работе: Soboul, "Rural Community", pp. 85 ff; Собуль А. Французская сельская община (XVIII–XIX века); Davies, "Origins of Peasant Revolution", pp. 40–41.

щинные обычаи объединяли группы индивидуальных земледельцев против чужаков, чьи права и притязания влияли на всех. Таким образом, общинные практики и универсальный эгоизм объединяли целые деревни против десятины, сеньориальных податей, дворянских налоговых льгот и притязаний сеньоров на специально выделяемые общинные земли. Но любые покушения на личное землевладение поставили бы под угрозу многих богатых крестьян и середняков, тех самых людей, которые возглавляли местные общины. Более того, такие покушения потребовали бы коллективных действий крестьян во имя совершенно нетрадиционных целей.

Крестьянская революция не пошла бы на подобные радикальные, направленные против собственности бунты. Когда дело доходило до податей и десятины, коллективное сопротивление крестьян их выплате (или выкупу их, как Учредительное собрание первоначально постановило в 1789 г.) было постоянным. Поскольку это сопротивление было таким недвусмысленным и постоянным, оно в конечном итоге надолго увенчалось успехом, когда эти поборы были отменены без компенсации в 1793 г. В целом, крестьянство освободили от изъятия примерно 10% его доходов (хотя, опять же, выгоды были непропорционально велики для более богатых землевладельцев). В ходе революции крестьянские общины также часто сопротивлялись требованиям революционных властей об уплате налогов и поставках людских ресурсов. Но эта форма традиционного сопротивления была обречена на поражение, поскольку (как мы увидим) революция только усилила централизованную администрацию во Франции. Что касается цели крестьянских бунтов, которая вроде бы остается «логичной», — крупного частного землевладения как такового, то не возникало никакого реального движения за радикальное уравнивание имущества. Было много (даже большинство) бедных, постоянно нуждающихся крестьян. И все же те аграрные социальные формы, которые способствовали и оформляли первоначальные коллективные бунты против сеньориальной системы, одновременно и блокировали распространение последних на земельную собственность в целом.

Действительно, наибольшая ирония истории относительно французской крестьянской революции состояла

в том, что сам ее успех имел тенденцию подрывать остаточную общинную солидарность, которая вообще сделала возможной революцию. Дело в том, что сеньор (традиционный местный антагонист, против которого создавалась и спланировалась крестьянская община) был, институционально выражаясь, устранен со сцены. А юридические перемены, принесенные революцией, укрепили частную собственность, тем самым облегчив распад общинного контроля в сельском хозяйстве. Конечно, многие общинные обычаи сохранялись долгое время после революции, кроме того, общинные крестьянские беспорядки имели место во Франции вплоть до середины XIX в.⁵⁵ Тем не менее, аграрная революция 1789–1793 гг. оставила французских крестьян намного более разобщенными в своих экономических интересах и с намного меньшей способностью к коллективному действию против не-крестьян. «Случилось так, — пишет Р. Р. Палмер, — что во время революции крестьянский блок, общинная деревня, аграрная солидарность были разрушены. Всеобщий крестьянский бунт, подобный 1789 г., никогда больше не мог повториться»⁵⁶.

Одним словом, крестьянские бунты французской революции были свершением и богатых, и бедных крестьян. Но их результаты слишком склонялись в пользу тех крестьян, которые уже были экономически обеспечены и хорошо закрепились в качестве лидеров в местной политике.

Революция общин: крестьянский радикализм в России

Переходя от революционной Франции к России, можно отметить, что сходные факторы (рентное земледелие, структура крестьянской общины и распад репрессивно-

55. См.: Soboul, "Rural Community", pp. 91–93; Собоуль А. Французская сельская община (XVIII–XIX века); Albert Soboul; "The Persistence of 'feudalism' in the Rural Society of Nineteenth-Century France", trans. Elborg Forster, in *Rural Society in France: Selections from the Annales: Economies, Societes, Civilisations*, eds. Robert Forster and Orest Ranum (Baltimore; Md.: Johns Hopkins University Press, 1977), pp. 50–71.

56. R. R. Palmer, "Georges Lefebvre: The Peasants and the French Revolution", *Journal of Modern History* 31:4 (1959), p. 337.

го аппарата) объясняют происхождение и природу крестьянских восстаний. Логика событий в России даже более наглядна, поскольку картина нарисована более смелыми красками.

Крепостничество исторически сложилось как основа российского самодержавия «не в отсутствие противодействия, а вопреки ему»⁵⁷. Прикрепленные к помещичьим землям, крестьянские общины несли коллективную ответственность за выплаты и трудовые повинности перед служилым дворянством, обладавшим над ними почти исключительной властью. С установлением имперского режима к обязанностям крепостных общин добавились высокие налоги и поставка рекрутов в армию. Крестьянское сопротивление принимало форму либо бегства в открытые степи, либо спорадических местных вспышек протеста. Время от времени эти конфликты выливались в кровавые нападения (в особенности на дворян), когда удавалось найти союзников среди горожан и приграничных казаков. Но к концу XVIII в. российское государство усмирило степные фронтиры и кооптировало казаков в имперскую жандармерию. Восстание Пугачева 1773–1775 гг. было последним широкомасштабным бунтом до 1905 г. Столкнувшись с единым репрессивным аппаратом и не имея какой-либо сопоставимой военной силы, крестьяне могли оказывать лишь спорадическое, локализованное сопротивление, которое всегда более или менее быстро и безжалостно сокрушалось⁵⁸.

Как мы видели в главе 2, отмена крепостного права в 1861 г. произошла по инициативе царя и его чиновников, и его целью было укрепление социальной стабильности и политической жизнеспособности имперской системы. Как же иронично было то, что сама отмена крепостничества создала условия для аграрной революции, которая вырвала с корнем дореволюционный социальный порядок в 1917 г. Дело в том, что реальным следствием этой реформы было усиление тех структурных форм, которые делали российские сельские порядки подвер-

57. Ceroid Tanquary Robinson, *Rural Russia Under the Old Regime* (1932; reprint ed., Berkeley: University of California Press, 1969), p. 33.

58. См.: Robinson, *Rural Russia*, chs. 1–2; Paul Avrich, *Russian Rebels, 1600–1800* (New York: Schocken Books, 1972).

женными восстаниям, без стимулирования экономического развития и социальной трансформации большей части села, что могло бы подорвать повстанческий потенциал.

Аграрные условия после отмены крепостного права

Освобождение было инициировано по настоянию имперских властей, но детали его реализации были отданы на откуп дворянам различных регионов. Отчасти из-за вмешательства помещиков, отчасти из-за требований государства после 1860-х гг. крестьяне были освобождены с большим количеством возложенных на них обязанностей, чем при крепостничестве⁵⁹. В неплодородных северных лесных губерниях дворяне уступили излишние земли крестьянам в обмен на раздутые выкупные платежи, которые бывшие крепостные могли выплачивать, лишь все больше обращаясь к сезонной промышленной занятости. В черноземных и южных степных провинциях помещики «выкроили» крестьянам более одной пятой земли, ранее обрабатываемой крепостными, так что крестьяне были вынуждены арендовать помещичью землю или работать на ней. Бывшие государственные крепостные и крепостные польских помещиков получили лучшие условия. Но бывшие поместные крепостные остались без земли. Более того, все владельцы участков должны были оставаться привязанными к земле в течение сорока девяти лет, чтобы выплатить ту сумму, которую государство заплатило дворянам авансом в качестве компенсации за потерю крепостных. В целом последствия освобождения крестьян можно охарактеризовать лишь с горькой иронией. Хотя отмена крепостного права наделила крестьян более чем половиной земли, в экономическом плане их поставили в более затрудни-

59. Источники сведений в этом абзаце включают в особенности: Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture* (Cambridge: Harvard University Press, 1970), ch. 2; Terence Emmons, "The Peasant and the Emancipation", in *The Peasant in Nineteenth Century Russia*, ed. Wayne S. Vucinich (Stanford: Stanford University Press, 1968), pp. 41–71; Alexander Gerschenkron, "Russia: Agrarian Policies and Industrialization, 1861–1917", in *Continuity in History and Other Essays* (Cambridge: Harvard University Press, 1968), pp. 140–248.

тельное положение. Они по-прежнему жаждали освобождения от эксплуатации через обязанности и доступа к оставшимся землям помещиков, которые, как считали крестьяне, должны принадлежать им и обрабатываться ими для себя.

Важнее экономических последствий отмены крепостного права была его институциональная база. Собственность на землю, которой наделили бывших крепостных, устанавливалась в соответствии с традиционными моделями, что означало, что коллективная собственность в рамках *общины* оставалась преобладающей формой землевладения в Европейской России⁶⁰. *Община* была деревенским сообществом, контролировавшим земельную собственность и распределявшим доступ к ней индивидуальных домохозяйств. Они часто состояли из патриархальных расширенных семей, каждая из которых обрабатывала землю и собирала урожай на индивидуальной основе. Каждое домохозяйство, в зависимости от своего размера, теоретически имело равное право на долю пахотной земли и доступ к лугам, общинным пастбищам и лесам. Периодически общинные земли подвергались «переделу», чтобы подтвердить принцип равного доступа в условиях изменившегося состава семей.

Исторически *община* поддерживалась дворянством и государством, поскольку обеспечивала полезный механизм коллективных гарантий крестьянских обязанностей и обеспечения (на уровне прожиточного минимума) максимального количества крепостных душ⁶¹. Отмена крепостного права продолжила эту традицию по-новому, поскольку государство выступало посредником в процессе выкупа, только если все домохозяйства в общине совместно принимали ответственность за по-

60. «Такой вид крестьянского земледелия преобладал во всей империи; в Европейской России в целом примерно три четверти всех крестьян мужского пола пользовались землей, находившейся в общинном владении, и примерно четыре пятых всех земельных наделов контролировались таким образом». Только на Украине и в других западных регионах преобладали индивидуальные наделы с возможностью наследования. Francis M. Watters, "The Peasant and the Village Commune", in *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*, ed. Wayne S. Vucinich (Stanford: Stanford University Press, 1968), pp. 146–147.

61. Ibid., pp. 137–138; Jerome Blum, *Lord and Peasant in Russia* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961), ch. 24.

следующие выплаты в течение сорокадевятилетнего периода⁶². После того как это принималось, отдельному крестьянину становилось практически невозможно разорвать узы, связывающие его с *общиной*. Чтобы это сделать, он должен был выплатить всю свою долю выкупных платежей или найти кого-то, кто выкупил бы его. Более того, индивидуалистические сельскохозяйственные практики не поощрялись; поскольку любое объединение владений или отказ от ритмов коллективно реализуемой трехпольной системы обработки земли требовали согласия двух третей участников деревенского собрания. И наконец, сами общины должны были получать разрешение государства на продажу земельных наделов. Результатом неизбежно оказалось то, что основная масса крестьян оставалась на земле и трудилась по-старому.

Конечно, в развитии российского сельского хозяйства и производственных отношений в последние десятилетия XIX в. существовали важные региональные различия, поскольку отмена крепостного права усилила предшествующие тенденции, способствовавшие коммерциализации сельского хозяйства на периферии Европейской части России, тогда как ядро оставалось без изменений⁶³. В прибалтийских губерниях ранняя крестьянская реформа 1817 г. освободила крепостных без земельных наделов, к тому же лишив их права менять место жительства; таким образом, помещики, имевшие доступ к западным зерновым рынкам, смогли развить крупномасштабные капиталистические хозяйства, обрабатываемые наемными работниками. В Западной Украине крестьяне арендовали земельные наделы у ранее возникших капиталистических сельхозпроизводителей — переработчиков сахарной свеклы, и искали работу вместе с сезонными мигрантами на этих «полевых фабриках». В юго-восточных регионах железнодорожное строительство

62. Jerome Blum, *Lord and Peasant in Russia*, pp. 138–141, 151–157; Robinson, *Rural Russia*, chs. 6–7.

63. Информацию о региональных вариациях я черпаю в основном из прекрасного синтеза Крейга Дженкинса в еще не опубликованной магистерской диссертации “Agrarian Class Structure and Peasant Revolution — Russia 1917” (Department of Sociology, State University of New York at Stony Brook, 1974), pp. 47–54. Аналогичная картина изображена в: Gerschenkron, “Agrarian policies”, in *Continuity in History*.

позволило многим бывшим государственным крепостным, которые были освобождены со сравнительно щедрыми земельными наделами, перейти к рыночно ориентированному мелкому фермерству. Сходным образом после 1890 г., с началом строительства Транссибирской магистрали, государство поощряло заселение Сибири. И те мелкопоместные дворяне и богатые крестьяне, которые могли воспользоваться этой возможностью, создавали небольшие капиталистические фермы, не связанные с традиционными формами общины или обработки земли. Наконец, в северных лесных губерниях (Озерном крае, Центрально-промышленном и Северном регионах), где, кроме как в окрестности больших городов, сельское хозяйство не могло быть рыночно выгодным, после 1860-х гг. дворяне охотно распродавали оставшиеся у них земли. В подобных регионах крестьянские общины, обремененные обширными наделными землями, усилили существовавшую еще до отмены крепостного права тенденцию: посылать сезонных мигрантов на промышленные работы в городах. Эта тенденция особенно интенсифицировалась с ростом фабрик после 1880 г. Когда столыпинские реформы 1906 г. позволили крестьянам разорвать их общинные связи, многие северные крестьяне-рабочие воспользовались этой возможностью, чтобы на постоянной основе мигрировать в городские зоны.

Но обширное ядро сельскохозяйственной России (включая многие губернии Центрального Черноземья и прилегающие степи среднего Поволжья) оставалось по большей части не коммерциализированным, с традиционными производственными отношениями, сохраняющимися в видоизмененной форме⁶⁴. Это была территория, где отмена крепостного права оставила земельные «наделы» в руках помещиков, а контроль *общины* над собственностью и возделыванием земли оставался наиболее сильным и почти вездесущим. Некоторые разорившиеся дворяне продавали свои земли.

64. Этот параграф основывается на: Jenkins, "Agrarian Class Structure", pp. 55-76; Volin, *A Century of Russian Agriculture*, ch. 3; Robinson, *Rural Russia*, chs. 6-8; Watters, "Peasant and Commune", in *Peasant in Russia*, ed. Vucinich, pp. 147-151.

КАРТА 2. Главные регионы Европейской России

Источник: Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire 1801-1917* (New York: Oxford University Press, 1967), p. 770.

(Действительно, к 1905 г. российские крестьяне в целом увеличили свою долю земельной собственности примерно до двух третей сельскохозяйственных земель⁶⁵.) Тем не менее многие помещики продолжали сдавать

65. Volin, *A Century of Russian Agriculture*, p. 70.

в аренду земли своих поместий в обмен на отработки или долю в урожае.

Поскольку крестьяне были привязаны к земле и испытывали все больший земельный голод, дворяне могли легко сдавать свои поместья в аренду небольшими участками по крайне высоким ставкам и жить на вырученные средства. Арендные отношения легко пришли на смену традиционным [дворянин — крепостной] отношениям натурального сельского хозяйства. Это позволяло дворянам извлекать доходы из поместных земель, при этом оставляя большую часть ответственности за возделывание земли и обеспечение орудиями и скотом крестьянам⁶⁶.

Арендаторами часто выступали целые крестьянские общины. В иных случаях арендуемые земли, по-видимому, шли в основном крестьянским семьям (привязанным к общинам), которым просто было нужно больше земли для обработки ради пропитания. Приобретение и аренда земли не создавали сильного слоя богатых крестьян, особенно в центральных губерниях. Подобные покупки и аренда «скорее служили подпорками для натурального хозяйства в тех сегментах крестьянства, где по-прежнему сохранялся минимальный капитал, необходимый для обработки земли»⁶⁷.

На пороге революции 1917 г. от половины до двух третей крестьянских хозяйств в России по-прежнему были, в сущности, заняты натуральным хозяйством⁶⁸. Они были сконцентрированы в центральных регио-

66. Jenkins, "Agrarian Class Structure", p. 52.

67. Ibid., p. 71.

68. Это взвешенная оценка Дженкинса. Он опирается прежде всего на детальное исследование Теодора Шанина: Teodor Shanin, *The Awkward Class* (New York: Oxford University Press, 1972), pt. II. Шанин анализирует марксистское представление о том, что дифференциация в крестьянских деревнях порождала класс богатых, независимых *кулаков*. Он демонстрирует ошибочность этого взгляда, поскольку такие исследователи, как Ленин, не сумели принять во внимание следствия различных размеров крестьянских домохозяйств. Как только учитываются эти различия в семейных домохозяйствах, объяснимые колебаниями в размерах семьи, объясняется значительная доля экономической дифференциации в рядах крестьянства. В остальном эта дифференциация, доказывает Дженкинс, была по большей части обязана своим существованием не росту слоя *кулаков*, а крайнему обнищанию тех, кто более не мог производить средства к собственному существованию и был вынужден сдавать в аренду свои земельные наделы и искать работу в промышленности.

нах арендного землепользования и представляли собой смесь владельцев наделов и арендаторов, сосуществовавших в рамках традиционной *общины*. Они вели постоянную борьбу за выживание перед лицом углубляющейся бедности, порождаемой сочетанием застойных технологий, плохих рыночных возможностей и роста населения — все это вдобавок к тяжелым поборам крестьян со стороны помещиков и государства.

Хотя отмена крепостного права и ее последствия сделали экономическое выживание еще более проблематичным для членов крестьянских общин, парадоксальным образом крестьянская община была освобождена в большинстве аспектов от политического контроля дворян и управляющих поместьями. Крестьяне получили права самоуправления под надзором бюрократических служащих имперского государства⁶⁹. *Мир*, или крестьянское собрание всех глав домохозяйств, стал центром формальной политической власти. Вдобавок к своим основным экономическим функциям по распределению земли и регуляции севооборота *мир* теперь нес ответственность за выполнение обязанностей общины по выплате налогов и выкупных платежей, а также за регулирование паспортной системы, регламентирующей передвижение крестьян за пределами деревни. Избираемый староста, традиционно неформальный лидер *мира* с его коллективным самоуправлением, отчитывался перед официальными контролирующими инстанциями — земскими начальниками и полицией, и мог быть ими смнен. В этом смысле ведение крестьянами деревенских дел корректировалось бюрократическим вмешательством. Тем не менее общий эффект мер, следовавших за отменой крепостного права, заключался в усилении коллективного крестьянского ведения своими местными политическими делами, так что деревни были наделены большей автономией и солидарностью против чужаков.

Можно ли отыскать комплекс условий, который бы более способствовал аграрной революции? Дворянство,

69. Jenkins, "Agrarian Class Structures", pp. 131–132; Alexander Vucinich, "The State and the Local Community", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), pp. 191–194.

находившееся в экономическом и политическом упадке, все же сохраняло опору на селе, будучи связано с крестьянами открыто эксплуататорскими и нефункциональными отношениями ренты. В то же время коллективные институты и политическая независимость крестьянских общин укрепились, тогда как крестьяне были обременены тяжелыми обязательствами извне, которые нужно было выполнять неизменными производственными методами. Действительно, поскольку налоги, ставшие необходимыми из-за программ индустриализации Витте, совпали с общим сельскохозяйственным кризисом и сделали положение крестьян отчаянным, местные беспорядки участились после 1890 г., даже перед лицом неминуемых репрессий⁷⁰. Все, что было необходимо для вспышки разрушительного насилия, опрокинувшего принудительный контроль. Так и произошло: временно, в 1905 г., и вновь, на сей раз уже необратимо — в 1917 г. Оба раза поводом была война и военное поражение империи.

Влияние политических кризисов 1905 и 1917 гг.

Революция 1905 г. началась в городах, но вскоре распространилась на сельскую местность. С армией, увязшей в бесперспективной войне с Японией, и властью, занятой городскими беспорядками, крестьяне ввязались в конфликт, начиная с весны 1905 г.⁷¹ На некоторое время крестьяне оказались свободны от эффективных репрессий. Как отмечает Гершенкрон,

...правительство давно разработало простую технологию для противодействия крестьянскому насилию или сопротивлению. Отряд войск посылался в бунтующую деревню, рассеивал толпы, при необходимости применяя огнестрельное оружие, арестовывал зачинщиков, проводил массовые телесные наказания и отбивал, восстановив мир и порядок. Эти методы были достаточно эффективны, пока бунты были немногочисленны и разрозненны. Когда они стали почти вездесущим массовым явлением, а значительная часть правительственных сил была отвлечена на войну на Дальнем Востоке, и когда вдобавок к этому восстание крестьян совпа-

70. Volin, *A Century of Russian Agriculture*, ch. 3, p. 95.

71. Общее описание революции 1905 г. с «крестьянской точки зрения» см. в: Robinson, *Rural Russia*, chs. 9–10.

ло с широко распространившимися забастовками на транспорте, коммуникациях и в промышленности, революция была уже не за горами⁷².

Следуя своему собственному ритму, зависящему от времен года, крестьянское движение достигло пика осенью 1905 г., затем пошло на спад только для того, чтобы в значительной степени возродиться весной и летом 1906 г. Однако во второй половине 1906 г. правительство, возвратившее армию в Европейскую часть России после поспешного завершения русско-японской войны осенью 1905 г., смогло шаг за шагом насильственно подавить крестьянское восстание.

Действия крестьян во время неудавшейся революции 1905 г. следовали таким образцам, которые делают одни вероятные объяснения более правдоподобными, чем другие. Данные относительно того, что произошло, взяты из вопросника, разосланного Императорским вольным экономическим обществом корреспондентам в 47 из 50 губерний Европейской части России. Эта информация была проанализирована Дж. Т. Робинсоном в его «Крестьянской России при Старом порядке» и Морин Перри — в статье, озаглавленной «Российское крестьянское движение в 1905–1907 гг.»⁷³.

Непосредственные цели крестьян в революции 1905 г. были преимущественно экономическими, а не политическими. Они враждовали с помещиками, а конфликты с полицией и другими представителями власти являлись побочными продуктами этой вражды. Согласно Перри,

...формы, которые принимало движение против землевладельцев, определялись преимущественно системой земельной аренды и аграрными отношениями каждого отдельного региона. Движение было сильнее всего в таких регионах, как Центрально-Черноземный, Поволжье и Украина, где эксплуатация крестьян-арендаторов землевладельцами-дворянами была наибольшей или где самые суровые лишения были вызваны переходом от арендного к крупномасштабному капиталистическому фермерству. Преобладающей формой движения здесь было нападение на поместье землевладельца. Оно

72. Gerschenkron, "Agrarian Policies", in *Continuity in History*, p. 230.

73. Robinson, *Rural Russia*, pp. 152–153; Maureen Perrie, "The Russian Peasant Movement of 1905–1907: Its Social Composition and Revolutionary Significance", *Past and Present* no. 57 (November 1972), pp. 123–155.

часто сопровождалось разрушением усадебного дома и флигелей, дабы гарантировать невозвращение «хозяина», а также захватом земель и собственности поместья крестьянами. В некоторых регионах, как, например, на западе, где в поместьях работал сельский пролетариат, были распространены забастовки с требованием улучшения оплаты и условий труда⁷⁴.

Респонденты анкеты 1907 г. преуменьшали влияние на крестьян агитации революционных партий, но подчеркивали, что лидерство на местах часто переходило к крестьянам с опытом жизни и контактами за пределами данной местности, например с городскими рабочими или армейскими рекрутами. Однако Робинсон указывает:

Практика временного отходничества в города ради денежных заработков была намного более распространена, и этот специфический вид возможности массового контакта с городскими идеями был поэтому более широко распространен в деревнях к северу от границы леса и степи, чем в расположенных к югу от нее, тогда как экономическое положение крестьян было в целом более трудным в *губерниях*, лежащих широкой полосой вдоль и ниже этой границы; и... с некоторыми исключениями, не к северу от этой границы, а к югу от нее имели место наиболее серьезные аграрные беспорядки этого революционного периода⁷⁵.

Более того, Робинсон утверждает, что, «вероятно, не является чистым совпадением и то, что среди двадцати *губерний*, в которых помещики понесли самые тяжелые потери во время беспорядков осени 1905 г., шестнадцать демонстрируют преобладание передельного землевладения над наследственным владением землей отдельных крестьянских домохозяйств»⁷⁶. Наконец, Перри утверждает, что «в большинстве случаев крестьяне участвовали в движении всей деревней или общиной»⁷⁷ и что во имя традиционного «трудового принципа» равного доступа к земле для всех семей, которые ее обрабатывали, крестьянские общины часто атаковали богатых крестьян с отдельными индивидуальными хозяйствами, так же как и поместья дворян⁷⁸.

74. Perrie, "The Russian Peasant Movement of 1905–1907", p. 127.

75. Robinson, *Rural Russia*, p. 155.

76. Ibid., p. 153.

77. Perrie, "The Russian Peasant Movement of 1905–1907", p. 138.

78. Ibid., p. 143.

Из всего этого следует заключить, что самые глубинные импульсы аграрных бунтов в 1905–1907 гг. исходили от обедневших крестьянских общин центральных губерний Европейской части России. Главным «поводом» для бунта были экономические трудности и временные возможности, предоставленные русско-японской войной. Вполне традиционные идеи и формы общинной солидарности придавали этой борьбе определенные формы: «организационная основа крестьянской революции изготавливалась, так сказать, по деревенским лекалам»⁷⁹.

Несомненно, именно такими были выводы, к которым пришли царские власти. Затрещавший от революции 1905 г., царский режим отказался от своей политики поддержки крестьянской общины. Он предпринял так называемые столыпинские реформы, чтобы способствовать переходу от передельного землевладения к частной собственности, облегчить продажу земли бедными крестьянами и покупку ее богатыми. Между 1906 и 1917 гг. эти меры, в тандеме с общим экономическим развитием, помогли несколько сгладить проблему аграрного застоя, способствовали постоянной миграции в городские промышленные зоны и усилили экономическую дифференциацию и индивидуализм в деревне. Но все же с 1905 до 1917 г. только $\frac{1}{10}$ всех крестьянских семей переселилась на консолидированные индивидуальные хутора⁸⁰, хотя доля крестьянских домохозяйств, официально владеющих земельными наделами на правах наследования, а не общинного владения, возросла от менее чем одной четверти до более половины. Необходимо также принять во внимание, что «после обособления одного права собственности старая поземельная связь по-прежнему сохранялась во многих отношениях, так что даже физическая консолидация не смогла во многих случаях разорвать последнюю связь общинной собственности». Таким образом, нельзя не согласиться с Робинсоном в том, что «по-прежнему сохранялись многие из старых коллективных интересов и старого инструментария коллективного действия»⁸¹. Даже там, где новые меры наиболее

79. Jenkins, "Agrarian Class Structure", p. 158.

80. Robinson, *Rural Russia*, pp. 225–226.

81. Ibid., p. 227.

успешно содействовали постоянной миграции бедных или отделению богатых крестьян, они могли просто усилить радикальную солидарность и контроль над деревенскими сходами остававшихся крестьян-середняков. Более того, столыпинские реформы «мало повлияли на центральные губернии, где проблемы крестьянства были наиболее остры»⁸².

Поэтому неудивительно, что аграрная революция 1917 г. весьма напоминала 1905 г. по своим формам и ритму⁸³. Вслед за Февральской революцией против царизма в городах весной началось крестьянское движение против местных поместий, с покушениями на собственность помещиков и отказом от выплаты арендной платы или выполнения трудовых повинностей. Затем конфликт постепенно набрал обороты, углубился, и перешел в прямые, насильственные нападения на усадьбы и захват поместных земель с целью их перераспределения между крестьянами. Апогей был достигнут к осени 1917 г. и был официально одобрен после того, как большевики пришли к власти в главных городах страны в октябре. Как и в 1905 г., действия крестьян были наиболее насильственными и радикальными в «ряде губерний к югу и юго-востоку от Москвы, которые составляли Центральный сельскохозяйственный регион и Среднее Поволжье»⁸⁴, где преобладали помещики-рантье и передельные общины. Разумеется, и в других регионах помещики рано или поздно изгонялись — либо менее насильственными прямыми действиями крестьян и сельскохозяйственных рабочих, либо мерами революционной администрации, либо и тем и другим. Но именно в центральных провинциях крестьянское движение задавало темп и общий тон аграрной революции.

Реальное важное различие между 1917 и 1905 гг. заключалось в том, что происходило с армией. Тогда

82. W. E. Mosse, "Stolypin's Villages", *Slavonic and East European Review* 43:101 (June 1965), p. 273.

83. За обзором крестьянских бунтов 1917 г. обращайтесь к труду: William Henry Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, 2 vols. (1935; reprint ed., New York: Grosset & Dunlap, 1965), vol. 1, ch. 11; John L. H. Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization* (New York: Norton, 1976), pt. III, "The Countryside in Revolt".

84. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, vol. 1, p. 252.

как в 1906 г. по сути нетронутая имперская армия могла быть использована для сокрушения сельских бунтов, летом и осенью 1917 г. раздутая армия, мобилизованная для общеевропейской войны, разложилась. Решающее поражение июньского наступления на Австрию окончательно внушило пораженческие настроения войскам на передовой⁸⁵. После этого распад армии и углубление восстания на селе стали взаимодействовать. Бывшие солдаты возвращались в деревни, чтобы присоединиться к захватам земли, а часто и возглавить их. У Временного правительства не было надежных войск для подавления спонтанного и насильственного движения против собственности, которое оно никогда не могло принять или поддержать. А крестьяне все больше смелели, убеждаясь, что против них не могут применить никаких правительственных сил, а также по мере того, как социальная мощь их коллективной солидарности укреплялась оружием бывших солдат. «Кроме негодования от неэффективных попыток правительства прибегнуть к репрессиям и набранного со временем темпа, рост крестьянского движения осенью 1917 г. объясняется прибытием в деревни все большего и большего числа демобилизованных солдат и дезертиров⁸⁶. Прежде всего именно возвращение солдат, означавшее крах репрессивных возможностей правительства, закрепили успех крестьянской революции в 1917 г., в отличие от дорого обошедшегося поражения революции в 1906–1907 гг.

Уравнительные итоги в России

То, чего русские крестьяне больше всего хотели от революции и что они немедленно получили, было владение землей и имеющимися средствами ее обработки⁸⁷.

85. О событиях в армии см.: Marc Ferro, "The Russian Soldier in 1917: Undisciplined, Patriotic, and Revolutionary", *Slavic Review* 30:3 (September 1971), pp. 483–512; Allan Wildman, "The February Revolution in the Russian Army", *Soviet Studies* 22:1 (July 1970), pp. 3–23.

86. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. 1, pp. 252–253.

87. Об общих достижениях крестьянских бунтов 1917–1918 гг. см. (в дополнение к работе Чемберлена): Volin, *A Century of Russian Agriculture*, ch. 6; Shalin, *Awkward Class*, ch. 8; Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, chs. 15, 16, 29, 30.

Почти везде земельные владения дворянства были захвачены или реквизированы, а их пахотная земля, леса и воды, домашний скот, здания и сельскохозяйственные орудия поделены между крестьянами. Во многих (хотя и не во всех) случаях сам их владелец подвергался насилию, и усадебные здания сжигались, чтобы гарантировать необратимость перехода земель. «Один мужчина объяснил старомодным языком цель этих действий: „мужики разрушают дворянские гнезда, чтобы птичка никогда не смогла вернуться“, — птица здесь эфемизм для крупномасштабной земельной собственности в целом»⁸⁸. Вдобавок к поместьям крестьяне, особенно в центральных губерниях, захватывали хуторские хозяйства других крестьян, оформивших свои личные владения и обособивших их от *общины* (возможно, в ходе столыпинских реформ). Подобным же образом они давили на крестьян, огородивших личные хозяйства в пределах деревень, чтобы вновь подчинить их коллективной дисциплине переделов и координируемого возделывания.

В совокупности российское крестьянство получило владение землей и ресурсами, ранее принадлежавшими помещикам, и освободилось от обязанностей по выплате рент бывшим владельцам поместий. Конечно, наряду с приобретениями были и потери, поскольку большая часть захваченной земли ранее сдавалась в аренду крестьянам и поскольку исчезли возможности для наемного труда в поместьях. Одна современная статистическая оценка показала, что в среднем прирост земель у крестьян составил от трех до пяти акров на домохозяйство⁸⁹. Но в этом существовали огромные различия между губерниями и даже уездами — поскольку прирост крестьянских земель зависел от непосредственного расположения захваченной дворянской и царской собственности. Более того, не все полученные земли были в равной степени полезны. И даже если они были полезны, то не всегда действительно возделывались, так как у новых владельцев часто не хватало сельскохозяйственных орудий или семян. В общем, многие крестьянские хо-

88. Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, p. 213.

89. *Ibid.*, p. 414.

зьяства не смогли много получить от земельной революции⁹⁰.

По сравнению с усредненными результатами более интересны и значимы последствия распределения земель среди крестьян. К 1919 г. почти все сельское хозяйство в России стало делом мелких земельных собственников. Поскольку, как отмечал Чемберлен, «общим результатом массовых захватов земли крестьянами в 1917 г. было широкое уравнивание в крестьянском сельском хозяйстве»⁹¹. Богатые крестьянские домохозяйства стали составлять меньшую долю в общем числе и в среднем располагать меньшим количеством земли, коров и лошадей. Домохозяйства прежних середняков сохранили свое или приобрели немного. И, разумеется, ряды середняков пропорционально пополнились, поскольку наибольшую выгоду получили ранее малоземельные крестьяне, особенно выигравшие от раздела помещичьих земель. Подобным же образом многие (хотя и не все) безземельные сельскохозяйственные рабочие и другие не имевшие земли лица, вернувшиеся в деревни во время кризиса, получили скромные наделы⁹².

Отчетливо видно, что достижения русской крестьянской революции 1917 г. в важных отношениях контрастируют с достижениями французской крестьянской революции 1789 г. Во Франции восставшими крестьянами были упразднены сеньориальные требования и контроль. Но к частной собственности, включая большие поместья и богатые крестьянские хозяйства, относились с уважением и не нападали на нее. К тому же среди французского крестьянства в наибольшем выигрыше остались те богатые и средние крестьяне, которые уже владели своей собственной землей (и другими средствами производства). Однако в России крестьянская революция не только отменила рентные требования помещиков, но также захватила и перераспределила большую часть частной земельной собственности. Это непропор-

90. Шанин особенно пессимистичен на этот счет.

91. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, vol. 1, p. 256.

92. Советская статистика, представляющая картину общих последствий распределения земли, приводится в: Кеер, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, pp. 412-13.

циональным образом пошло на пользу малоземельным и наименее зажиточным крестьянам. Но все же верно, что процессы французской и русской крестьянской революций были сходны во многих отношениях. А сходства и различия могут, говоря аналитически, быть объяснены через сравнение.

Прежде всего, в России, как и во Франции, крестьянское сельское собрание, относительно независимое от внешнего контроля, обеспечивало организационную основу для спонтанных и автономных бунтов. Как о крестьянском восстании в России пишет Теодор Шанин: «Его организация была поразительной. Везде на местах сельские сходы решали, как поделить не-крестьянскую собственность. Затем предпринимались действия, и все домохозяйства должны были в них участвовать, чтобы гарантировать успех — а также равную ответственность в случае возможных впоследствии репрессий»⁹³. Попытки высших властей, насколько это было возможно, поставить под контроль или направить в желаемое русло крестьянские бунты на местах имели мало успеха⁹⁴. Земельные комитеты, созданные Временным правительством как часть бюрократического аппарата с целью умерить земельную революцию, были заполнены снизу и перенаправлены в сторону целей самих крестьян — присвоения земель и местного самоуправления. Похожие вещи произошли с органами партии эсеров и большевизированными Советами в 1917–1918 гг. В результате никто (в том числе и большевики после Октября) не мог сохранить экономическую целостность больших поместий. К тому же характер и степень перераспределения собственности определялись на уровне села, волости или, самое большее — уезда, в зависимости от степени низового сотрудничества между соседними деревнями. Ирония заключалась в том, что крестьяне в некоторых частях губерний или уездов получали намного больше земли для передела, чем в других,

93. Shanin, *Awkward Class*, p. 150.

94. Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, chs. 17–19, 28; здесь дается ценное описание взаимодействия между местными крестьянскими и национальными политическими и административными организациями.

а высшие власти были неспособны осуществить более широкое перераспределение. Но все это становится понятным только с осознанием того, что земельная революция была прежде всего процессом, автономно контролируемым местными сельскими собраниями.

Другое сравнение с Францией подчеркивает различие между двумя крестьянскими революциями. В обоих случаях на локально организуемые крестьянами бунты оказывала влияние особая природа общенациональных политических кризисов, в контексте которых эти бунты проходили. Во Франции революционный кризис был преимущественно внутренним политическим процессом. Хотя королевская администрация и армия были в конце концов достаточно ослаблены, чтобы стать неэффективными в борьбе против крестьян, не было ничего похожего на внезапный распад огромных армий, мобилизованных для сражений в Первой мировой войне, как это произошло в России. Этот распад был крайне важным не только для успеха русской крестьянской революции, он также повлиял на скорость и характер достижений крестьян. Большая часть политической борьбы в деревнях сельской России принимала форму противостояния вооруженных молодых мужчин, проникнувшихся идеями, принесенными домой с фронта, и власти осторожных старейшин, традиционных лидеров *мира*, которые также зачастую были главами патриархальных расширенных семей. Результатом почти наверняка было то, что земельную революцию подтолкнули к более скорому и более насильственному завершению. Причина того, почему в 1917–1918 гг. снизилось количество богатых крестьянских домохозяйств, частично кроется в том, что прежде расширенные семьи имели тенденцию распадаться во время кризиса, что в общем и целом создавало большее число меньших по размеру и более бедных домохозяйств⁹⁵. Часть таких распадов происходила как побочный продукт самоутверждения молодых мужчин. Это, в свою очередь, может быть приписано тому факту, что российский революционный политический кризис разразился в разгар и по причине национального поражения в массовой, современной войне. Напротив,

95. См. в особенности: Shanin, *Awkward Class*, pp. 153 ff.

во Франции революционный политический кризис первоначально обрушился на деревни тогда, когда король призвал к выборам в Генеральные штаты. Какое бы радикализирующее воздействие это ни оказывало, можно себе представить, что сельские сходы созывались и руководились не воинственными бунтарями, как в России, но обычными, притом старейшими и богатейшими влиятельными лицами общины.

Наконец мы приходим к общему политическому фактору, который объясняет основное различие между двумя крестьянскими революциями. Как социально-экономический базис французской крестьянской общины объяснял достижения и пределы крестьянской революции во Франции, так и качественно иной базис *общины* дает ключ к пониманию победы крестьян в России. Французские крестьянские общины, основанные просто на координации сельскохозяйственного цикла и управлении остаточными общинными землями, поддержали бунты против сеньоров в 1789 г. Но затем они дезинтегрировались перед лицом конфликта интересов богатых и бедных крестьян по поводу прав собственности. Напротив, русская *община*, хотя она признавала и позволяла владение и обработку земли отдельными крестьянскими хозяйствами, не легитимировала частной земельной собственности как таковой. Скорее считалось, что «вся земля принадлежит Богу», и крестьянская община как целое стремилась получить доступ к ее максимальной площади и затем перераспределять ее примерно поровну между домохозяйствами (либо по числу их взрослых работников-мужчин, либо по числу «едоков», либо по какому-то сочетанию этих критериев). Более того, вся передача земли была только временной, до следующего периодически проводимого передела, когда отдельные домохозяйства получали или теряли полосы земли в соответствии со своим относительным размером. Очевидно, что крестьянские общины с подобным социально-экономическим базисом ничего не делали для укрепления уважения к частной собственности (особенно к собственности помещиков-эксплуататоров) среди русских крестьян. Более того, переделный аспект *общины* давал огромные рычаги влияния сторонникам эгалитаризма в русской деревне.

В 1917 г. в России темпы крестьянской революции задавались регионами, в которых *община* была наиболее сильна. И даже в тех регионах, где общинное владение или переделы земли вышли из употребления, эти практики часто возрождались по случаю революции. Исследователи — современники революции писали, что «земельная община, возрождающаяся с исключительной силой, была, без сомнения, тем базовым идеологическим ядром социального механизма, который на самом деле осуществил аграрную революцию среди самого крестьянства»⁹⁶. По понятным причинам *община* была наилучшим и самым знакомым для крестьян из имеющихся в их распоряжении орудий для успешной борьбы против своих врагов-помещиков. И именно коллективная заинтересованность *общины* в расширении своих земельных владений, а также ее традиционное пренебрежение правами частной собственности сделали русскую крестьянскую революцию столь предельно широкой и уравнивательной в своих свершениях.

Два контраста: отсутствие крестьянских восстаний в ходе английской и немецкой революций

Аграрные бунты, внесшие непреложный вклад во французскую и русскую революции, могли произойти потому, что оба старых режима сходным образом структурно благоприятствовали крестьянским восстаниям против помещиков. Поскольку революционные политические кризисы сбросили абсолютных монархов и дезорганизовали центральные администрации и армии, аграрные классовые отношения и местные политические меры во Франции и России придавали крестьянским общинам достаточную солидарность и автономию, чтобы нанести удар по собственности и привилегиям помещиков. Условия, столь благоприятные для крестьянских восстаний, ни в коей мере не присутствовали во всех странах. И их отсутствие может объяснить, почему успешная социальная революция может не произойти даже при на-

⁹⁶ Цит. по: Shanin, *Awkward Class*, p. 151.

личии политического кризиса в обществе. Опять же, как и в нашем исследовании причин революционных политических кризисов в главе 2, можно подтвердить уместность гипотез, выдвинутых для позитивных случаев социальных революций, сопоставляя их со случаями, когда успешные социальные революции не произошли. Английская революция XVII в. и германская революция 1848–1850 гг. являются двумя такими случаями. Хотя их характеристики и результаты были совершенно различны — английская революция была удавшейся *политической* революцией, тогда как германская революция была неудавшейся *социальной* революцией, — в обеих был предотвращен переход к успешным социально-революционным трансформациям. В значительной мере потому, что аграрные классовые и политические структуры английского и германского (к востоку от Эльбы) старых порядков сделали доминирующей силой помещиков, а не крестьянские общины. Национальные политические возможности и интересы английского и ост-эльбского высшего класса землевладельцев были не одинаковы: отсюда различия между революциями в целом. Но для наших целей здесь значимо то, что, в отличие от Франции и России, английские и германские землевладельцы не столкнулись с успешным вызовом снизу даже во время революционных политических кризисов. Чтобы несколько более детально рассмотреть почему, вкратце проанализируем каждый из этих случаев по очереди.

Английская парламентская революция

Ключевые события английской революции охватывают половину XVII в., от созыва Долгого парламента в 1640 г. до «Славной революции» 1688–1689 гг., хотя большинство значимых событий развернулись между 1640 и 1660 гг.⁹⁷ Во многих аспектах динамика английской революции напоминала французскую. Карл I, столкнувшись с вызванным войной финансовым кризисом, созвал парламент, в котором доминировали пред-

97. Хорошие исторические обзоры можно найти в: G. E. Aylmer, *The Struggle for the Constitution*, 2nd ed. (London: Blandford Press, 1968); Christopher Hill, *The Century of Revolution, 1603–1714* (New York: Norton, 1966).

ставители высшего класса. Парламент быстро перешел в наступление против политики короля и потребовал институциональных изменений, которые ограничивали бы королевскую власть. На руку парламенту были народные демонстрации (особенно подмастерьев, ремесленников и других групп мелких собственников)⁹⁸ и муниципальная революция в Лондоне⁹⁹. Эти потрясения дали парламенту некоторые из административных и военных ресурсов, в которых он нуждался, чтобы предупредить попытку переворота со стороны короля и затем выставить силы против роялистов во время гражданской войны. Следовавшие один за другим кризисы раскалывали и поляризовали первоначальных сторонников революции. И радикализация революции, перед тем как она в конечном итоге была обращена вспять в 1650-е и 1660-е гг., достигла пика в аресте и казни короля, провозглашении республики, утверждении народом демократических политических и социальных требований, учреждении чрезвычайной централизованной политической и военной диктатуры. Все это было действительно очень похоже на те процессы, которые обозначили траекторию французской революции 150 лет спустя.

Отчасти из-за такого сходства и отчасти из-за того, что обе революции произошли в странах, которые стали капиталистическими либеральными демократиями, и английскую, и французскую революции часто называют «буржуазными революциями». Сколь бы уместным ни было это название для каждой из них¹⁰⁰, оно не дол-

98. Хотя я и не согласна с его интерпретациями, Брайан Мэннинг живо описывает народную мобилизацию: B. Manning, "The Nobles, the People and the Constitution", in *Crisis in Europe, 1560–1660*, ed. Trevor Aston (New York: Doubleday (Anchor Books), 1967), pp. 261–284; B. Manning, "The Outbreak of the English Civil War", in *The English Civil War and After*, ed. R. H. Parry (Berkeley: University of California Press, 1970), pp. 1–21.

99. См.: Valerie Pearl, *London and the Outbreak of the Puritan Revolution* (London: Oxford University Press, 1961).

100. В главе 5 я обсужу, насколько уместно обозначение: «буржуазная революция» для французской революции. Для английской революции оно может быть уместным, если подразумевать под ним не более чем *политическую* революцию, совершенную классом со значительными капиталистическими интересами. Однако обычно этот термин несет с собой еще и то добавочное значение, что революция осуществляется путем классовой борьбы и трансформирует классовую структуру, что *не было* характерно для английской революции XVII в.

жно закрывать нам глаза на очень важные различия между ними. Хотя английская революция, разумеется, была успешной, она не была социальной революцией, как французская. Она свершилась не через классовую борьбу, но через гражданскую войну между сегментами господствующего класса землевладельцев (когда каждая сторона привлекала союзников и сторонников из всех прочих классов и страт). И в то время как французская революция заметно трансформировала классовые и социальные структуры, английская революция этого не сделала. Вместо этого она революционизировала политическую структуру Англии. Она упразднила право (и институциональную возможность) короля вмешиваться в местные политические, экономические и религиозные дела и в целом вынудила его править только на основе доверия и законодательной поддержки парламента¹⁰¹. С тех пор парламент регулярно созывался в соответствии с законом и стал центральной ареной британской национальной политики, будучи надежно контролируемым только господствующим классом вплоть до XIX в. Конечно, эта политическая революция способствовала капиталистическому социально-экономическому развитию Англии; но не потому, что внезапно поставила у власти новый класс, а потому, что усилила и закрепила прямой политический контроль господствующего класса, многие члены которого (рассредоточенные по всей стране и хорошо социально интегрированные) уже занимались капиталистическим сельским хозяйством и торговлей.

Если мы на самом деле хотим понять английскую революцию, то должны обратить внимание на класс, который положил ей начало, возглавлял ее на протяжении всего времени и в итоге выиграл от нее. Хотя в нем были и купеческие элементы, в своей основе он был землевладельческим высшим классом, состоящим из небольшого элитного слоя аристократов по праву и подавляющего большинства землевладельцев-джентри (которые

101. По поводу интерпретаций английской революции в этом духе см. в особенности: Perez Zagorin, "The Social Interpretation of the English Revolution", *Journal of Economic History* 19:3 (September 1959), pp. 376-401; Lawrence Row, *The Causes of the English Revolution 1529-1642* (New York: Harper & Row, 1972).

социально расценивались как джентльмены, хотя по закону и не были возведены в дворянское достоинство). Резко контрастируя с аристократами, сеньорами и другими *privilégiés* во Франции после 1789 г., этот английский высший класс землевладельцев не был никоим образом (структурно) смещен революцией. Верно, что были вызовы его гегемонии, особенно со стороны левеллеров, народных демократов, отдаленно напоминавших санкюлотов французской революции (хотя и игравших значительно меньшую роль, чем последние)¹⁰². Но то, что отсутствовало в Англии (что представляло бы собой и непосредственную атаку на властную базу господствующего класса, и благоприятную обстановку для городских радикалов), так это широко распространенные крестьянские бунты против помещиков. И когда мы проанализируем аграрные классовые и местные политические структуры, существовавшие в Англии того времени, нетрудно будет догадаться, почему таких бунтов не было.

К XVII в. английское крестьянство, хотя и никоим образом не столь незначительное, каким оно в конце концов стало, проиграло битву за контроль над примерно половиной сельскохозяйственных земель, которыми оно обладало, находясь под властью господ в средневековые времена¹⁰³. В этом была определенная трагическая ирония. Подобно французскому крестьянству, английское выиграло борьбу за свободу от крепостничества в течение XIV и XV вв., но, в отличие от французских, английские бывшие крепостные в итоге не смогли гарантированно сохранить свои традиционные владения. Сначала казалось, что им в этом отношении лучше, чем французским, поскольку они избежали сеньориальных податей и начали устанавливать четко определенные права на свои владения на основе фригольда¹⁰⁴. Но английские землевладельцы преуспели в расширении своих собственных

102. Наиболее полным описанием движения левеллеров является: H. N. Brailsford, *The Levellers and the English Revolution*, ed. Christopher Hill (Stanford: Stanford University Press, 1961).

103. Приблизительная оценка в половину всех земель взята из: F. M. L. Thompson, "The Social Distribution of Landed Property in England since the Sixteenth Century", *The Economic History Review*, 2nd ser. 19:3 (1966), p. 513.

104. Фригольд — «свободное владение» землей в средневековой Англии, не имевшее сословных или классовых признаков. — *Прим. ред.*

поместий и удержании многих крестьян в положении «копигольдеров», что означало, что их владения могли быть проданы или унаследованы только при выплатах пошлин помещику. И, как пишет экономический историк Роберт Бреннер, «в конце концов пошлыны, выплачиваемые при вступлении во владение участком, по-видимому, обеспечили помещикам тот рычаг, в котором они нуждались, чтобы избавиться от крестьян, владеющих своим участком на основании «обычая аренды»¹⁰⁵. Для лендлордов была открыта дорога к увеличению и огораживанию больших владений, чтобы сдавать их (в капиталистическом духе) арендаторам-лизгольдерам — процесс, которому очень способствовали растущие с XVI в. и далее рыночные возможности для производителей шерсти и зерна. Итогом было то, что к XVII в. английские помещики, по-видимому, владели по меньшей мере двумя третями земли, которую (в отличие от французских) они сдавали в аренду не только крестьянам небольшими участками, но часто и ориентированным на рыночное производство арендаторам¹⁰⁶.

Похожим образом на протяжении всего периода (с XVI в. и далее) крестьянская община была во многих графствах поляризована изнутри, с одной стороны, из-за подъема процветающих рыночно ориентированных фермеров-йоменов (некоторые из них становились арендаторами крупных землевладельцев, а другие — богатыми фригольдерами), с другой — из-за погружения в бедность или необеспеченность существования земледельцев с недостаточным количеством земли¹⁰⁷. Последние стали все более зависимы от работы в качестве слуг или (где это было возможно) наемных рабочих. В отличие от ситуации во Франции, где, конечно, также присутствовала некоторая экономическая дифференциация, богатые и бедные не могли объединиться против сеньориальных податей

105. Robert Brenner, "Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-industrial Europe", *Past and Present* no. 70 (February 1976), p. 62. Весь этот абзац основывается на обобщении Бреннера (pp. 61 ff). Конечно, классическая аргументация представлена в: R. H. Tawney, *The Agrarian Problem in the Sixteenth Century* (1912; reprint ed., New York: Harper & Row, 1967).

106. Thompson, "Social Distribution", pp. 513–517.

107. Ibidem; Peter Laslett, *The World We Have Lost*, 2nd ed. (New York, Scribner, 1971), chs. 2–3.

и контроля, которые затрагивали всех землевладельцев-крестьян, поскольку они не существовали в Англии.

И если такие социально-экономические препятствия были недостаточны, местные политические учреждения в Англии XVII в. были еще более неблагоприятны для широкомасштабных и согласованных действий крестьян против помещиков, к тому же они влияли на крестьян везде, даже в тех графствах, где властвовали проводящие огораживания помещики. Отсутствовали крестьянские сельские собрания, отчасти подчиненные королевской бюрократии и отчасти защищенные от господства помещиков этой же бюрократией. Короли (или королевы) Англии не обладали оплачиваемой бюрократией или постоянной армией, которые проникали бы (хотя бы номинально) вплоть до местного уровня. Напротив, со времен Генриха VIII они правили (если вообще это делали) с помощью неоплачиваемых назначенцев из землевладельческого джентри графства¹⁰⁸. Джентльмены-землевладельцы служили помощниками лордов, их заместителями, мировыми судьями и шерифами. К тому же тесно связанные с ними йомены часто занимали важные подчиненные должности, например, констебля¹⁰⁹. Приходское духовенство, далекое от того, чтобы быть, как во Франции, потенциальными союзниками или защитниками крестьян, назначалось лендлордами и было лояльно к ним. Эти земельные учреждения графств, как их можно очень уместно обозначить, контролировали все важные политические и юридические дела. Они отправляли правосудие, управляли ополчением, проводили в жизнь законы о бедных и делали все для реализации тех решений короля, которые были обязаны осуществлять. Крестьяне как целое не обладали ни единством, ни автономией перед лицом этих учреждений графств. Дело в том, что йомены были, по сути, кооптированы в качестве подчиненных должностных

108. Исходные данные для этого абзаца взяты из: Aylmer, *Struggle*, pp. 20–22; Christopher Hill, *Reformation to Industrial Revolution* (Baltimore: Penguin Books, 1969), pt. 2; Ivan Roots, "The Central Government and the Local Community", in *The English Revolution 1600–1660*, ed. E. W. Ives (New York: Harper & Row, 1971) pp. 36–47; Laslett, *World Lost*, ch. 8.

109. Mildred Campbell, *The English Yeomen Under Elizabeth and the Early Stuarts* (New Haven: Yale University Press, 1942), ch. 9.

лиц, а работники и слуги обычно были тесно связаны со своими хозяевами-помещиками. Даже когда случались местные беспорядки, например, сопротивление огораживанием, такие инструменты санкций, как кооптация и репрессии, всегда были под рукой у помещиков, над которыми нависала угроза.

Действительно, именно на основе своих позиций в политической власти на уровне графства английский землевладельческий высший класс объединился через своих выбранных представителей в парламенте в 1640–1641 гг., чтобы бросить вызов потенциальному абсолютизму Карла I во имя свободы высшего класса. И на протяжении всей гражданской войны, даже когда политические раздоры на национальном уровне разделили «законных правителей», политические механизмы на уровне графств продолжали функционировать. В основном эти механизмы оставались под управлением тех семей землевладельцев, которые были связаны с господствующей группировкой; и в то же время узы родства и социальных связей по-прежнему удерживали местные земельные классы вместе¹¹⁰. Только на радикальном пике революции комитеты графств, правившие в каждой местности, иногда попадали под руководство людей не из господствующего класса, таких как йомены. Но даже йомены, как бы они ни симпатизировали идеям левеллеров относительно политической демократии для всех экономически независимых граждан, не были заинтересованы в том, чтобы возглавить (или допустить) крестьянское восстание против землевладельцев.

Кроме этого, радикальная фаза революции, с ее двойной угрозой (с точки зрения высшего класса землевладельцев) политической централизации и социального уравнивания, вскоре миновала. Высший класс землевладельцев добился компромисса в виде реставрации монархии, хотя на этот раз такой, которая была вынуждена уважать верховный контроль правителей графств

110. См.: Alan Everitt, "The County Community", and D. H. Pennington, "The County Community at War", in *The English Revolution 1600–1660*, ed. E. W. Ives, pp. 48–63, 64–75. Подробное исследование одного графства представлено в особенности в: Alan M. Everitt, *The Community of Kent and the Great Rebellion, 1640–60* (Bristol, England: Leicester University Press, 1966).

и их парламента над вооруженными силами, налогообложением, церковными делами и регуляцией экономики. Когда очередной монарх из династии Стюартов в 1680-е гг. стал об этом забывать, ему быстро напомнили (и сменили), на этот раз практически без шума. Тем временем низшие классы доиндустриальной Англии экономически и политически оставались в обороне, пока страна двигалась к капиталистической индустриализации. Они (особенно крестьянство) не обладали коллективной силой, чтобы успешно бросить вызов высшему классу землевладельцев, даже во время его борьбы с монархией и внутренней вражды в ходе английской революции. Вследствие этого данная революция осталась политической революцией при доминировании высшего класса, а не развилась в социальную революцию снизу.

Теперь мы перешагнем два столетия, чтобы вкратце рассмотреть еще одну революцию, на сей раз неудавшуюся социальную революцию, в которой отсутствие крестьянских восстаний против укрепившегося землевладельческого класса также сыграло решающее значение.

Неудавшаяся германская революция 1848–1850 гг.

Германская революция 1848–1850 гг. на самом деле была серией восстаний, сконцентрированных преимущественно в столичных городах различных королевств и княжеств, составлявших слабо интегрированный Германский союз. Они были только частью серии подобных восстаний, охвативших всю Европу. Тем не менее их кульминацией стала совместная попытка учредить, благодаря деятельности Франкфуртского парламента, объединенное либерально-демократическое германское государство, с бывшим королем Пруссии в качестве выборного конституционного монарха¹¹¹.

Социальная и политическая программа, выработанная германскими либералами, собравшимися во Франк-

111. Описание германской революции 1848–1849 см. в: Hajo Holborn, *A History of Modern Germany, 1840–1945* (New York: Alfred A. Knopf, 1969), chs. 2, 3; Theodore S. Hamerow, *Restoration, Revolution, Reaction* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1958). Я полагаюсь на эти источники на протяжении всего данного раздела.

фурте, была следующей: либеральные гражданские права для всех граждан; представительное правление; устранение социальных и политических препятствий национальному объединению и экономической свободе. Эта программа не сильно отличалась от провозглашенной в 1789–1790 гг. конституционными монархистами французской революции. И это было не удивительно, поскольку Германия в 1848 г. была ненамного более экономически и политически развитой, чем Франция в 1789 г. К тому же социальный состав Франкфуртского парламента (в основном юристы на государственной службе или вне ее) очень походил на состав французских революционных собраний¹¹².

Имело место также существенное сходство между динамикой германской и французской революций. В обоих случаях либеральные политики приходили к власти, когда монархи были вынуждены уйти в оборону из-за народных восстаний, особенно восстаний городских ремесленников, лавочников и поденщиков, недовольных тяжелой экономической ситуацией во время рецессии. Исследования германской революции часто подчеркивают, что цели подобных народных мятежников — низкие цены на продовольствие, повышение заработной платы, политические гарантии цеховой организации и/или занятости — не соответствовали политическим целям либеральных политиков и противоречили господствующим экономическим идеям того времени о невмешательстве государства в экономику (*laissez-faire*). На самом деле именно это зачастую и приводят в качестве основного объяснения неудачи германской революции¹¹³. Но, разумеется, во Франции цели народа и «либеральной буржуазии» так же не совпадали¹¹⁴, что не помешало успеху этой революции.

Что действительно отличает германскую революцию от французской и решительно объясняет фиаско

112. Hamerow, *Restoration*, pp. 124–125. Ср.: Norman Hampson, *A Social History of the French Revolution* (Toronto: University of Toronto Press, 1963), pp. 60–61, 132–133.

113. Эта тема является центральной для Хэмероу. См. также: Holborn, *A History of Modern Germany, 1648–1840*, pp. 99–100.

114. Ни один из основных историков французской революции не обходится без того, чтобы подчеркнуть это, в том числе Альбер Собуль, Жорж Лефевр, Норман Хэмпсон и Альфред Коббан.

1848–1850 гг., так это способность прусского короля после года революционных политических процессов поставить точку во всем этом деле. Он смог проигнорировать с трудом разработанную Франкфуртскую конституцию, распустить парламент и силой сокрушить любое сопротивление на территории Германии. Можно легко себе представить, как к 1790 г. горячо обожали бы Людовика XVI во Франции, смогли он сделать то же самое. Но он не смог. Какова причина этого различия?

Часть ответа заключается в противоположности поведения французского господствующего класса в 1787–1788 гг. и прусских юнкеров в 1848 г. Мы уже отметили, что французские привилегированные слои, запустив французскую революцию, сделали королевские армии ненадежными в качестве орудия подавления первых народных демонстраций, а также инициировали процессы в армии и вне ее, которые способствовали итоговому развалу военной дисциплины. Напротив, германская революция не была запущена восстаниями дворянства против монархов. Она скорее была спровоцирована новостями о неожиданно успешной парижской революции против Луи-Филиппа — событии, которое придало смелости городским повстанцам в германских столицах и привело германские монархии в беспокойство по поводу своих способностей удержаться у власти, не делая политических уступок либералам. В частности, в Пруссии «революционные события» по всей Европе совпали с новостями о падении Меттерниха в Австрии и со вспышкой насилия в Берлине между солдатами и протестующим народом, тем самым положив начало драматическим переменам. Довольно робкий Фридрих-Вильгельм IV, вопреки категорическим возражениям своих военных советников, вывел свою армию из Берлина, утвердил создание городского ополчения и передал министерские полномочия либералам.

Таким образом, прусская монархия (как и многие другие германские монархии) была, по-видимому, не так уж ослаблена, когда либералы пришли к власти, как монархия Бурбонов во Франции к 1789 г. Однако потенциально социально-революционная ситуация возникла в Пруссии весной 1848 г. столь же отчетливо, как и во Франции к началу лета 1789 г. В обоих случаях монархия оборо-

нялась перед лицом муниципальной революции, и ее власть и монополия на военную силу были ослаблены. Когда Людовик XVI отослал свои войска из Парижа после 14 июля 1789 г., он или некоторые из его сторонников тоже, должно быть, надеялись, что потом их можно будет использовать в случае необходимости. Но первоначальные колебания Людовика XVI затем привели к его поражению, тогда как в равной степени нерешительный и робкий Фридрих-Вильгельм IV смог изменить мнение год спустя.

Безусловно важной частью объяснения разного хода событий является неспособность народных, особенно крестьянских, восстаний содействовать распаду прусских армий в 1848–1849 гг. Напротив, к 1790-м гг., после полутора лет городских и сельских народных бунтов по всей Франции, французские королевские армии страдали от массового дезертирства и политизации, что вело к краху дисциплины, а также потере тысяч офицеров-дворян, которых в значительной степени подтолкнули к эмиграции народные бунты¹¹⁵. (Кроме этого, если принять во внимание сравнение с Россией в 1917 г., можно отметить, что крестьянские бунты ускорили распад постоянной армии, даже несмотря на то, что революционный политический кризис изначально не был запущен действиями господствующего класса против монархии.)

Не то чтобы крестьянские бунты полностью отсутствовали в Германии в 1848 г. На самом деле ожесточенные восстания против сеньоров (явно напоминавшие по своим целям, форме и результатам крестьянские бунты французской революции) происходили в малых государствах юго-западной Германии, достаточно широко распространились и в центральной Германии (Саксония и Ганновер). Но к востоку от Эльбы, кроме нескольких вспышек в Шлезвиг-Гольштейне и Силезии, не произошло никаких крупных крестьянских бунтов. Как бы беспокойны ни были перечисленные земли, крестья-

115. S. F. Scott, "The Regeneration of the Line Army during the French Revolution", *Journal of Modern History* 42:3 (September 1970), pp. 307–330; S. F. Scott, "The French Revolution and the Professionalization of the French Officer Corps, 1789–1793", in *On Military Ideology*, eds. Morris Janowitz and Jacques Van Doorn (Rotterdam, Holland: Rotterdam University Press, 1971), pp. 18–28.

не центральных юнкерских земель, поставщики офицеров и рядового состава внушительных прусских армий, не восстали¹¹⁶. На самом деле различия в возникновении крестьянских бунтов в Германии в 1848 г. соответствовали различиям в особенностях аграрной социально-политической структуры германских регионов к западу и к востоку от Эльбы, именно таким образом, каким это предсказывает наша общая гипотеза относительно условий для крестьянских восстаний.

В целом аграрные структуры в Германии к западу от Эльбы напоминали французские. Земля была поделена на небольшие, разбросанные участки, которые по большей части находились в собственности отдельных крестьян (или арендовались ими), но со способами землепользования, по-прежнему в значительной степени контролируемые общиной. Крестьяне приобрели личную свободу и обладали гарантированными правами на владение землями и их передачу. А феодальные прерогативы помещиков сохранялись преимущественно в виде ренты, пошлин и податей, а также слабых прав воздействовать на использование и передачу бывших сеньориальных земель. Политическая юрисдикция на местах была в основном передана в руки представителей монархов, стремящихся предоставить общинам крестьян-налогоплательщиков независимость и защиту от посягательств со стороны свободного от налогов дворянства¹¹⁷.

С этим разительно контрастировали территории к востоку от Эльбы, у где помещиков-юнкеров были намного более сильные позиции, чем у их западных собратьев-дворян. Дэвид Лэндес пишет:

Дворянские поместья (*Rittersgüter*) обычно были большими, а несдаваемая в аренду часть поместья обрабатывалась как коммерческое предприятие: основная часть доходов помещика поступала от продажи товарных культур, прежде всего зерновых, как в пределах Германии, так и за грани-

116. Hamerow, *Restoration*, pp. 101-110, ch. 9; Holborn, *A History of Modern Germany, 1648-1840*, pp. 58-59.

117. David S. Landes, "Japan and Europe: Contrasts in Industrialization", in *The State and Economic Enterprise in Japan*, ed. William W. Lockwood (Princeton, Princeton University Press, 1965), pp. 121-127; J. H. Clapham, *Economic Development of France and Germany, 1815-1914* (1936; reprint ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1961), ch. 2; Hamerow, *Restoration*, ch. 3.

цу. Даже крестьянские усадьбы часто были отдалены друг от друга и не подлежали общинным повинностям системы неогороженных участков¹¹⁸.

На протяжении XVIII в. поместья юнкеров возделывались крепостными работниками, чьей жизнью и рабочим временем помещик мог практически неограниченно распоряжаться. Требования помещиков беспрепятственно исполнялись, так как юнкеры были не только землевладельцами, но и местными чиновниками прусского государства. Как и английские джентри, помещики-юнкеры контролировали суды и воинские части и могли использовать их в собственных целях. После движения за реформы многие крепостные получили личную свободу, но сохранение монополии юнкеров на местную административную власть и малочисленность и ненадежность крестьянских земельных владений на востоке вместе взятые гарантировали, что многие бывшие крепостные останутся работниками на *Rittersgüter*¹¹⁹. Конечно, отмена крепостного права поставила крестьян к востоку от Эльбы не в лучшее положение для того, чтобы коллективно восставать против угнетения в XIX в., чем у них было с XV по XVIII в. Поэтому их относительное спокойствие в 1848 г., когда их намного лучше живущие собратья на западе уже бунтовали против остатков сеньориальной власти, едва ли удивительно.

Но последствия этого для Германии были судьбоносными. Нетронутыми оказались не только власть класса юнкеров, но и военные возможности для контрреволюционного обращения вспять завоеваний, уже достигнутых в 1848 г. Если бы в Пруссии в 1848 г. были широко-масштабные и продолжительные крестьянские бунты, то, учитывая, что набор в прусскую армию шел почти исключительно в сельских районах, ее офицерский корпус был бы дезорганизован, а рядовые оказались бы подвержены революционной пропаганде. В реальности же прусская армия оказалась надежным инструментом в руках короля¹²⁰. И Фридрих-Вильгельм задействовал ее в 1849–1850 гг. для того, чтобы разгромить либеральную

118. Landes, "Japan and Europe", in *State and Enterprise*, ed. Lockwood, p. 121.

119. См. ссылки в сноске 117.

120. Holborn, *A History of Modern Germany*, 1648–1840, p. 100.

и социальную революцию во всей Германии. Тесный союз юнкерского дворянства и бюрократической прусской монархии остался нерушимым и влиятельным, а вскоре объединил Германию на авторитарной основе.

Бессилие крестьян и уязвимость джентри в Китае

Наконец пришло время обратиться к сложностям третьего случая, когда социальная революция произошла. Китайская революция, по всеобщему согласию, считается социальной революцией, явно обладавшей наиболее крестьянской основой из всего трио, рассматриваемого в этой книге. Однако, как бы удивительно это ни выглядело, аграрные классовые и местные политические структуры Китая при Старом порядке, несмотря на некоторое сходство с Францией и Россией, в ключевых отношениях напоминали таковые в Англии и Пруссии. Анализируя китайские аграрные структуры в сравнительной перспективе, необходимо иметь представление о характерных ритмах и паттернах китайского революционного междоусобицы с 1911 по 1949 г. В конечном итоге крестьянская революция против помещиков действительно произошла и в Китае, как во Франции и России, но крестьянам Китая не хватало той структурной, ранее сложившейся солидарности и автономии, которые позволили аграрным революциям во Франции и России вспыхнуть быстро и относительно спонтанно в качестве реакции на распад центральной власти старых порядков. В отличие от них, в Китае аграрная революция была более продолжительной. К тому же для своего завершения она потребовала создания, с помощью военных завоеваний, безопасных «базовых областей», где для крестьян могли быть созданы коллективная организация и свобода от прямого контроля со стороны помещиков.

Структурные условия

Как и во Франции XVIII в. и царской России после отмены крепостного права, сельская жизнь в Китае во многом определялась отношениями ренты между крестьянами

и помещиками, хотя масштаб неравенства во владении землей в Китае был наименьшим. Около 40% всей земли сдавалось в аренду — намного больше на юге и меньше на севере. От 20 до 30% крестьянских семей арендовали всю обрабатываемую ими землю, а большинство оставшихся также брали в аренду участки земли в дополнение к своим небольшим наделам. Землевладельцы, которые не работали или не жили в деревнях (хотя они часто жили в местных городах), владели примерно $\frac{3}{4}$ сдаваемой в аренду земли. Это означает, что они располагали 30% всех земель, и такие земли приносили им ренты в размере до 50% урожая¹²¹. Лишь из этих отдельно взятых фактов о землевладении можно было бы заключить, что китайские помещики были значительно слабее, а китайские крестьяне значительно сильнее, чем их французские и российские собратья.

Но это было не так: ни в экономическом, ни в социально-политическом плане. Важно помнить, что китайские джентри присваивали прибавочный продукт не только с помощью арендных выплат за землю. Они также получали прибыли, устанавливая ростовщические проценты для займов крестьянским производителям, получали долю от налогов империи и местных дополнительных налогов, требовали плату за организацию и руководство местными организациями и службами (такими как кланы, конфуцианские общества, ирригационные проекты, школы и ополчения)¹²². Имперские налоги также были источником доходов французского и русского господствующих классов, но ростовщичество, разнообразные местные пошлины и налоги были формами присвоения прибавочного продукта, куда более характерными именно для китайских джентри. Это отражало и определялось тем, что, радикально отличаясь от французских сеньоров и российских помещиков, китайские джентри занимали доминирующие организационные позиции в местных общинах. Их положение было в некотором смысле аналогичным (особенно по своим

121. Dwight H. Perkins, *Agricultural Development in China, 1368–1968* (Chicago: Aldine, 1969), ch. 5.

122. См. обсуждение вопроса и ссылки в разделе, посвященном китайским джентри, в главе 2.

политическим последствиям для крестьянства) локальной гегемонии английского землевладельческого класса и прусских юнкеров. У китайских крестьян не было своих деревенских общин, созданных для противостояния помещикам. И хотя они и были мелкими хозяевами, подобно французским и русским крестьянам (и в придачу имели больше земли), но китайским крестьянам, как и их несчастным английским и прусским собратьям, не хватало связей между собой, которые могли бы поддерживать общинно-классовую солидарность против джентри. Напротив, китайские джентри доминировали в местных сельских сообществах таким образом, что одновременно усиливали свои экономические позиции (по сравнению с теми, которыми они обладали бы благодаря одному лишь владению землей) и держали внутренне фрагментированное крестьянство под жестким социально-политическим контролем.

Чтобы полностью понять эту ситуацию во всей ее китайской специфике, необходимо отметить, что базовой единицей сообщества в традиционном Китае была не отдельная деревня (то есть группа крестьянских домов и/или отдельных владений), а рыночное сообщество, состоящее из группы деревень. Как пишет Дж. У. Скиннер,

...то, что можно было бы назвать макетом китайского общества, было в сущности клеточной структурой. За исключением ряда отдаленных и малонаселенных регионов, ландшафт сельского Китая занимали клеточные системы примерно шестиугольной формы. Ядром каждой клетки был один из примерно 45 тысяч рыночных городов (к середине XIX в.), и его цитоплазму можно рассматривать в первую очередь как торговую зону городского рынка. Тело клетки (то есть зона, непосредственно зависящая от города) как правило, включало от пятнадцати до двадцати пяти деревень, обычно, но не обязательно обладавших собственным ядром¹²³.

Хотя крестьяне жили и работали в отдельных деревнях, рыночное сообщество было для них значимым местным миром. Там они регулярно продавали и покупали на ре-

123. G. William Skinner, "Chinese Peasants and the Closed Community: An Open and Shut Case", *Comparative Studies in Society and History* 13:3 (July 1971), p. 272. См. также Skinner, "Marketing and Social Structure in Rural China (Part 1)", *Journal of Asian Studies* 24:1 (November 1964), pp. 3-43.

гулярных ярмарках, пользовались услугами ремесленников, брали займы, участвовали в религиозных ритуалах и находили себе брачных партнеров.

Именно местные джентри, а не крестьяне, прямо или косвенно руководили организованной социальной деятельностью в пределах рыночного сообщества и представляли данную местность в ее взаимодействии с бóльшим обществом. Клань (там, где они процветали) и многие другие разновидности ассоциаций, набравших в свои ряды крестьян, которые организовывались повсеместно для религиозных, образовательных, благотворительных или экономических целей, — все они обычно располагались в пределах рыночного сообщества и управлялись джентри. Джентри, особенно в более богатых и внутренне стратифицированных сообществах, организовывали и контролировали ополчения и иные организации, которые функционировали, по сути, как инструменты контроля над народом и помощи бедным. Ирония была в том, что это означало, что относительно более богатые джентри в регионах с наибольшим распространением аренды были, возможно, наименее уязвимы для местных крестьянских бунтов на классовой основе против их привилегий. Но то же самое творилось по всему Китаю: джентри, создавая и возглавляя местные организации, кооптировали крестьян, тем самым усиливая свою местную позицию в переговорах с чиновникам империи и отводя потенциальные волнения в сторону от себя¹²⁴.

Будучи ассоциативными, корпоративные, клиентелистские связи и связи расширенного квазиродства в традиционном Китае проходили поверх классовых различий между крестьянами и помещиками-джентри; а крестьяне в деревнях были в основном изолированы друг от друга и соперничали друг с другом. Как пишет Фей Сяотун: «что касается крестьян, то социальная организация остановилась на уровне слабо организованно-

124. В дополнение к работам Скиннера см.: Hsiao-tung Fei, "Peasantry and Gentry: An Interpretation of Chinese Social Structure and its Changes", *American Journal of Sociology* 52:1 (July 1946), pp. 1-17; Maurice Freedman, *Lineage Organizations in Southeastern China* (London, University of London, 1965); Morton H. Fried, *The Fabric of Chinese Society* (New York: Praeger, 1953); Philip A. Kuhn, *Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China* (Cambridge: Harvard University Press, 1970).

го соседства. В традиционной структуре крестьяне живут в небольших ячейках, каковыми являются семьи, без сильных связей между ячейками»¹²⁵. За исключением тех случаев, когда определенную роль играли управляемые джентри организации (скажем, в строительстве и в работах по поддержанию ирригационных систем), сельскохозяйственное производство велось отдельными, в основном нуклеарными семьями¹²⁶. Эти семьи должны были обладать своей собственной землей или арендовать ее, иметь или покупать собственный инструмент и, в случае необходимости, нанимать дополнительную рабочую силу. Семьи постоянно маневрировали, чтобы приобрести больше, чем соседи, в системе, где факторы производства покупались и продавались и где самые бедные могли полностью проиграть. Не было общинных земель, которыми бы распоряжались сами крестьяне; если кланы или ассоциации имели земли, ими управляли джентри или их помощники. К тому же крестьяне редко сотрудничали в выполнении сельскохозяйственных задач, разве что на коммерческо-договорной основе. Одним словом, за исключением тех случаев, когда китайские крестьяне объединялись в организацию под эгидой джентри, они обычно оставались в сопернической изоляции.

Формы аграрных волнений

Учитывая эти характеристики местных сообществ, вряд ли покажется удивительным, что во времена поздней империи аграрные волнения редко принимали форму совместных нападений крестьян на помещиков в пределах своих сообществ. Время от времени отдельные помещики подвергались нападениям крестьян, которые

125. Fei, "Peasantry and Gentry", p. 3.

126. Ibidem; R. H. Tawney, *Land and Labour in China* (1932; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1966), chs. 2-3. См. также: Ramon H. Myers, "Cooperation in Traditional Agriculture and Its Implications for Team Farming in the People's Republic of China", in *China's Modern Economy in Historical Perspective*, ed. Dwight H. Perkins (Stanford: Stanford University Press, 1975), pp. 261-278. Вопреки своему названию, статья Рамона Майерса не противоречит общей картине, представленной здесь. Подобное «сотрудничество» (*cooperation*), существовавшее среди крестьян в дореволюционном Китае, было либо организовано помещиками, либо основывалось на торгово-договорных обменах между домохозяйствами.

протестовали против придерживания зерна во время голода или коррупционных схем джентри при сборе налогов. Но преобладали и отличались лучшей организацией такие формы аграрных восстаний, когда атакам подвергались чиновники имперского государства. Они варьировали от частых бунтов у казенных учреждений (*ямьней*) окружных магистратов, когда протестовали против налогов или требовали помощи голодающим, до происходивших время от времени крупномасштабных восстаний, которые приводили к власти альтернативные правительства, охватывали целые провинции, и иногда даже свергали правящие династии и заменяли их новыми¹²⁷.

Конечно, бунты и восстания всегда зависели от участия крестьян. И выдвигаемые ими цели всегда отсылали к недовольству крестьян, особенно к недовольству порочными практиками, такими как коррупция должностных лиц, сокрытие зерна и арендные выплаты, которые воспринимались как чрезмерно грабительские. К тому же не-конфуцианские тайные общества, стремившиеся набирать в свои ряды бедных крестьян, часто разрабатывали миллениаристские идеологии, которые отличались утопическими мечтами о политической справедливости и равенстве доступа к земле¹²⁸. Идеология тайпинов, как экстремальный случай, представляла себе мир без джентри и с равенством, как экономическим, так и между мужчинами и женщинами в рамках сельских сообществ¹²⁹.

Однако в плане организации все более или менее продолжительные крестьянские в своей основе протестные

127. Jean Chesneau, *Peasant Revolts in China, 1840-1949* (New York: Norton, 1973), ch. 1; Kung-chuan Hsiao, *Rural China: Imperial Control in the Nineteenth Century* (Seattle: University of Washington Press, 1967), chs. 9, 10; Wolfgang Franke, *A Century of Chinese Revolution 1851-1949*, trans. Stanley Rudman (New York: Harper & Row, 1971), ch. 1; C. K. Yang, "Some Preliminary Statistical Patterns of Mass Actions in Nineteenth-Century China", in *Conflict and Control in Late Imperial China*, eds. Frederic Wakeman, Jr. and Carolyn Gram (Berkeley: University of California Press, 1975), pp. 174-210.

128. См.: Yuji Muramatsu, "Some Themes in Chinese Rebel Ideologies", in *The Confucian Persuasion*, ed. Arthur F. Wright (Stanford: Stanford University Press, 1960), pp. 241-267; Vincent Y. C. Shih, "Some Chinese Rebel Ideologies", *T'oung Pao* 44 (1956), pp. 150-226; C. K. Yang, *Religion in Chinese Society* (Berkeley: University of California Press, 1961), ch. 9.

129. См.: Vincent Y. C. Shih, *The Taiping Ideology* (Seattle: University of Washington Press, 1967).

движения рано или поздно переходили под руководство не-крестьян или включали в свой состав некрестьянские элементы. Тайные общества местного или регионального масштаба с неортодоксальными религиозными или политическими целями часто обеспечивали организационную основу для восстаний. Тем не менее их часто возглавляли купцы или потенциальные *literati*, провалившиеся на императорских экзаменах, — то есть индивиды, стоящие на грани пополнения джентри (и стремящиеся ими стать)¹³⁰. Бунты против налогов или чиновников очень часто возглавляли сами представители джентри¹³¹. Более того, когда любое восстание выросло до значительных масштабов, оно обычно привлекало ортодоксальных конфуцианских джентри к активной поддержке и руководству, и через это — к серьезному воздействию на цели и практики движения. Исторически даже крестьянско-бандитские лидеры, успешно руководившие восстаниями, сделавшими их императорами, начинали полагаться на джентри в управлении страной. Поскольку только одни джентри имели связи и интересы, заполнявшие пробелы между административными городами и обширной населенной сельской местностью. На вершине своего могущества в середине XIX в. Тайпинское восстание демонстрировало сходные тенденции, хотя оно было не столь успешным в завоевании поддержки джентри, — и этот провал может помочь в объяснении его поражения в конечном итоге¹³². На протяжении всей истории имперского Китая крестьянское недовольство разжигало огонь бунтов — но особенно успешные восстания просто оздоравливали существующую систему. Дело

130. Chesneaux, *Peasant Revolts*, pp. 16–18. См. также Jean Chesneaux, ed., *Popular Movements and Secret Societies in China, 1840–1950* (Stanford, Stanford University Press, 1972).

131. Hsiao, *Rural China*, pp. 433–453; Yang, “Preliminary Statistical Patterns”, in *Conflict and Control*, eds. Wakeman and Grant, pp. 198–204.

132. О роли джентри в ходе восстаний см.: Franke, *A Century of Chinese Revolution 1851–1949*, ch. 1; Etienne Balazs, “Tradition and Revolution in China”, in *Chinese Civilization and Bureaucracy*, trans. H. M. Wright (New Haven, Yale University Press, 1964); и, в качестве образцового случая: Romeyn Taylor, “Social Origins of the Ming Dynasty, 1351–1360”, *Monumenta Serica* 22 (1963), pp. 1–78. В «Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China» Филип Кун рассматривает, как неспособность тайпинов завоевать поддержку джентри в целом подорвала их шансы на консолидацию новой династии.

в том, что крестьянам не хватало местной, основанной на общине автономии, чтобы сделать их сопротивление хотя бы потенциально революционным.

Означает ли все это, что китайские джентри были столь же неуязвимы для широкомасштабных крестьянских бунтов, как английские и прусские землевладельческие высшие классы? Во многих отношениях они имели сопоставимо сильные позиции из-за схожести их гегемонии над крестьянами на местах. Тем не менее в некоторых важных отношениях их положение было менее надежным. Во-первых, помещики Англии XVII в. и Пруссии XIX в. были хозяевами аграрных секторов, осуществлявших успешный переход к капиталистическому производству, тогда как китайские джентри были господствующим классом в заметно коммерциализированной, но остановившейся в развитии аграрной экономике. Более того, китайские джентри стояли не над фермерами-йоменами и/или сельскохозяйственными рабочими, но над массой мелких хозяев-крестьян, большинство из которых выиграло бы от перераспределения земель джентри и отмены присвоения ими прибавочного продукта. Таким образом, в этом исключительно экономическом отношении по своему положению китайские джентри больше походили на французских сеньоров и российских помещиков.

Кроме того, хотя социально-политическое доминирование джентри на местах напоминало таковое у английских и прусских землевладельцев, отношение первых к политической власти центра было иным. С одной стороны, в отличие от прусских юнкеров, китайские джентри (особенно с середины XIX в.) были все более не в ладах с монархией и ее чиновниками на местах. И, как мы видели в главе 2, удобно устроившиеся на местном и провинциальном уровне джентри сыграли активную роль в свержении династии и демонтаже имперского государства в 1911 г. и вскоре после этого. Но, с другой стороны, в отличие от английского высшего класса землевладельцев, китайские джентри исторически были *зависимы* от централизованного, в значительной степени бюрократизированного имперского государства. Отсутствовал национальный парламент, который мог бы объединить представителей господ-

ствующего класса из всех различных рыночных сообществ. Никакого столь же простого сцепления местной и национальной власти исторически не сложилось в такой обширной стране, как Китай, с его несколькими административными уровнями между Пекином и каждой местностью. Вместо этого китайских джентри с их местной укорененностью на региональном и общегосударственном уровне объединяло лишь участие в конфуцианской имперской бюрократии и сотрудничество с ней. Подобно этому, только централизованная управленческая и принудительная мощь имперского государства могла в долгосрочной перспективе обеспечивать определенную поддержку господству джентри. Ирония в том, что, хотя в рамках периода, предшествовавшего 1911 г., китайские джентри обладали и возможностью, и интересом подорвать имперское государство, — как только это произошло, как класс они оказались уязвимы для любой сверхлокально организованной политической силы, которая могла предпринять атаку на их положение в рамках аграрного порядка.

Не то чтобы подобная, направленная против землевладельцев, сила не смогла бы рекрутировать сторонников из крестьян для борьбы против землевладельцев-джентри. Верно, что до оседлых, работающих крестьян было особенно нелегко достучаться. Но был и определенный *компонент* долгосрочного цикла династического упадка, восстания и обновления, характеризовавшийся большей автономией бунтарского крестьянства, нежели та, которая была свойственна процессам в оседлых сообществах или затрагивала их. Во времена слабости центральной администрации, экономической дефляции и катастрофы в китайской истории (явления, которые обычно происходили одновременно) неизменно процветал «социальный бандитизм»¹³³. Именно

133. Концепция «социального бандитизма» была разработана Э. Дж. Хобсбаумом в работе: Eric Hobsbawm, *Primitive Rebels* (New York: Norton, 1965), ch. 2; также см. его особенно ценный очерк «Социальный бандитизм» в: Henry A. Landsberger, ed., *Rural Protest: Peasant Movements and Social Change* (New York: Barnes & Noble Books, 1973), pp. 142–157. В этой более поздней работе Хобсбаум утверждает, что некоторые виды аграрных обществ, включая Китай, порождают довольно постоянный и сознательный тип социальных бандитов, который Хобсбаум называет *гайдуки*: «гайдуки всегда

в силу существенной коммерциализации китайских аграрных отношений общинные связи деревень зачастую не предоставляли крестьянам «подушку безопасности» от экономических неурядиц. В периоды экономического упадка бедные крестьяне, особенно в сообществах без зажиточных местных элит, которые могли бы дать им работу, теряли собственность, средства к существованию и даже семью, и были вынуждены мигрировать, чтобы избежать голодной смерти. Обнищавшие мигранты сбивались вместе и становились бандитами или контрабандистами, действуя из «пограничных зон» на краю империи или на пересечении границ провинций, из тех мест, где они были за пределами досягаемости для местных джентри и имперского государства, когда оно было не особенно сильным. Чтобы выжить или даже процветать, бандиты нападали на оседлые сообщества, в особенности на их богатых членов, когда это было возможно, так как нападение на богатых максимизировало доходы бандитов, а также улучшало шансы избежать захвата властями. Таким образом, в подобном социальном бандитизме выражение находила классовая борьба, хотя лишь косвенно и, оценивая исторически, всегда эфемерно.

XIX в. и первая половина XX в. в Китае были периодом династического упадка и политического междуцарствия. Экономические трудности, обнищание крестьянства, распространение социального бандитизма, ожесточенные конфликты между местными ополчениями, бандами, армиями полевых командиров и «идеологическими» армиями характеризовали весь этот промежуток времени и достигали пика в середине XIX в., а также в 1920-е и 1930-е гг. Как мы видели, это время упадка центральной власти сопровождалось новыми осложнениями из-за империалистических вторжений стран Запада и Японии. Но, хотя империализм внес фундаментальные сдвиги в национальную политику и существование господствующего класса, революционизиро-

были в горах... как признанное ядро потенциального протестного движения. В отличие от Робин Гудов, которые либо существуют как прославленные личности, либо вообще не существуют, гайдуки существуют как коллектив. <...> Гайдуки, вероятно, представляют собой самое близкое приближение социального бандитизма к организованному, сознательному, потенциально повстанческому движению» (р. 154, 155).

вал их, он фундаментально не изменил экономического и политического положения подавляющего большинства крестьян и сельских сообществ¹³⁴. За исключением окрестностей договорных портов, основных водных путей сообщения и редкой сети железных дорог (построенных после 1880 г.), традиционные стандартные рыночные сети, агенты и формы обмена не были изменены современным экономическим развитием. Крестьяне продолжали работать на земле, применяя традиционные технологии, выращивая в основном зерновые для поддержания своего существования и на продажу, чтобы получить деньги для выплаты рент и налогов (если только эти выплаты не взимались в натуральной форме). Если в определенной местности или регионе (или даже по всей стране — данные не позволяют прийти к окончательному выводу) жизнь крестьян и становилась тяжелее, то причина этого заключалась не в том, что современные экономические силы фундаментально меняли аграрные отношения производства, а скорее в том, что политические беспорядки были повсеместными и приносили с собой экономические неурядицы и конфискационные «налоги»; к тому же повторяющиеся стихийные бедствия, такие как наводнения или засухи, приносили большие страдания, поскольку не существовало стабильной власти, которая могла бы их облегчить и оказать помощь в восстановлении. Пока могли, крестьяне как-то обходились без нее; если же им это не удавалось, то они бунтовали, умирали с голоду, мигрировали или присоединялись к армии или бандитским шайкам. В начале XX в. недовольство как никогда большого количества беженцев было критическим, хотя и не более гнетущим, чем то, что периодически возникало на протяжении недавней истории Китая. Не про-

134. Albert Feuerwerker, *The Chinese Economy, 1912–1949*, Michigan Papers in Chinese Studies, no. 1 (Ann Arbor: University of Michigan, Center for Chinese Studies, 1968); Marie-Claire Bergere, “De la Chine Classique à la Chine Actuelle: Fluctuations Economiques et Revolution”, *Annales: Economies, Societies, Civilisations* 24:4 (July-August 1969), pp. 860–875; G. William Skinner, “Marketing and Social Structure in Rural China (Part II)”, *Journal of Asian Studies* 24:2 (February 1965), pp. 195–228; Rhoads Murphey, “The Treaty Ports and China’s Modernization”, in *The Chinese City Between Two Worlds*, eds. Mark Elvin and G. William Skinner (Stanford: Stanford University Press, 1974), pp. 17–72.

изошло и базовых структурных изменений, способных фундаментально трансформировать условия, при которых крестьяне собственноручно смогли бы нанести удар по причинам своих бед¹³⁵.

Напротив, как мы увидим в главе 7, нового рода национального политического руководство, Коммунистическая партия Китая, действуя в условиях политической и военной фрагментации, в итоге сочла необходимой попытку объединить свои усилия с крестьянским социальным бандитизмом, чтобы построить Красную армию, способную захватывать и удерживать управляемые ими регионы. Затем, под покровом коммунистического военного и административного контроля, местная политика была наконец реорганизована таким образом, что у китайских крестьян появились коллективные рычаги влияния против помещиков, которых у них исторически не было. Как только это произошло (как это было в Северном Китае в 1940-е гг.), крестьяне ответили ожесточенным восстанием против остатков джентри и разрушили их классовые и властные позиции. Таким образом, вклад крестьян в китайскую революцию куда больше напоминал мобилизованный ответ на инициа-

135. Компаративистские исследования крестьянства в ходе революций обычно допускают ту ошибку (как я это себе представляю), что интерпретируют весьма реальные экономические бедствия китайских крестьян XX в. как *последствие внезапно вторгшегося западного капитализма*. И Эрик Вульф в «Peasant Wars of the Twentieth Century», и Джоэл С. Мигдал в «Peasants, Politics, and Revolution» пытаются таким образом подвести китайский опыт под опыт ранее колонизированного «третьего мира». Эти специалисты попросту принимают давно установившуюся (традиционную) коммерческую открытость деревень позднеимперского Китая за нечто новое. Они также ошибочно рассматривают беспорядки и бунты, издревле сосуществующие со сложившимися сельскими социально-политическими структурами, в качестве беспрецедентного краха Старого порядка в сельской местности. Эти ошибки компаративистов легко объяснимы тем, что в своих исследованиях они вполне естественно полагались на кейс-стадиз тех китайских деревень в Китае, куда империалистические экономические силы *действительно* проникли в наибольшей степени. Речь о деревнях, расположенных неподалеку от основных городов и современных транспортных коммуникаций, которые имели наибольшую вероятность стать предметом исследования для обществоведов! Но Китай был огромной страной и, как утверждают работы, приведенные в предыдущей сноске, большая часть его *не была* трансформирована империализмом (или любой другой силой современного экономического развития). Прежде всего не были трансформированы те регионы, где коммунисты в итоге устроили надежные базы.

тивы революционной элиты, чем революционный вклад крестьян во Франции и России. Причины этого аспекта мобилизации масс имели мало общего с революционной идеологией и полностью относились к «особенностям» (как они выглядели из европейской перспективы) китайской аграрной социально-политической структуры. Эта структура не наделяла оседлых китайских крестьян институциональной автономией и солидарностью против помещиков. Что она делала, так это порождала в периоды политико-экономического кризиса маргиналов из среды бедного крестьянства, чья деятельность усугубляла кризис и чье существование обеспечивало потенциальную поддержку оппозиционным, руководимым элитой восстаниям — включая в контексте XX в. и революционное движение. Таким образом, деятельность китайских коммунистов после 1927 г. и их итоговый триумф в 1949 г. напрямую зависели от повстанческого потенциала и от препятствий для самостоятельных восстаний крестьянства, встроенных в существовавший китайский аграрный порядок¹³⁶.

Но детали истории о том, как китайские коммунисты (изначально городская и ориентированная на город партия) закончили в сельской местности, а также как сначала бандиты и другие, вынужденные покинуть свои дома крестьяне, а затем и оседлые крестьяне способствовали успеху коммунистической консолидации революции в Китае, следует отложить для главы 7. Дело в том, что уникальные китайские явления — крестьянская революция и консолидация власти в стране революционной элиты были настолько тесно переплетены, что стали практически неразличимы.

Подводя итоги

В главах 2 и 3 представлен сравнительно-исторический анализ причин социальных революций во Франции, России и Китае. Я утверждала, что (1) государствен-

136. См. Lucien Bianco, "Les Paysans et la Revolution Chine, 1919-1949", *Politique Etrangère* no. 2 (1968), pp. 117-141; и Chesneaux, *Peasant Revolts*, chs. 5-8. См. также обсуждение вопроса и ссылки в разделе о коммунистах и крестьянах в главе 7.

ные организации, подверженные административному и военному краху, столкнувшиеся с усилившимся давлением со стороны более развитых зарубежных стран и (2) аграрные социально-политические структуры, способствующие широкому распространению крестьянских бунтов против помещиков, вместе взятые были соответствующими характерными причинами социально-революционных ситуаций, возникших во Франции 1789 г., России 1917 г. и Китае 1911 г. В таблице 1 суммируются причинно-следственные связи, которые были детально представлены для Франции, России и Китая, а также, хотя и в более сжатом виде, для Пруссии/Германии, Японии и Англии как контрастных случаев.

Впрочем, «социальные революции» называются так только потому, что социальные кризисы завершаются появлением новых социально-политических учреждений. Поэтому наш анализ не может остановиться на причинах. Необходимо идти дальше, чтобы продемонстрировать, что изменилось в ходе французской, русской и китайской революций и почему эти перемены логично следовали из тех социально-революционных ситуаций, истоки которых были выявлены. Вот те задачи, решению которых служит Часть II.

ТАБЛИЦА 1

Причины социальных революций во Франции, России и Китае

А. УСЛОВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ

	Монархия/ Господствующий класс	Аграрная экономика	Международное давление
Франция	Землевладельческо-торговый господствующий класс, обладающий рычагами влияния в про- тобюрократической абсолютной монархии	Растущая, но без каких-либо прорывов к капиталистическому земледелию	Умеренное. Череда поражений в войнах, особенно из-за конкуренции с Англией
Россия	Высокобюрократизированное абсолютистское государство; земельное дворянство обладает незначительной политической властью	Экстенсивный рост; слабое развитие в центральных регионах	Крайнее. Поражения в 1850-х и 1905 гг. Длительное участие и поражение в Первой мировой войне
Китай	Землевладельческо-торговый господствующий класс, обладающий рычагами влияния в про- тобюрократическом абсолютистском государстве	Никаких прорывов в развитии; у пределов роста, учитывая население и имеющуюся землю	Сильное. Поражения в войнах и империалистические вторжения

Контрасты

Пруссия/ Германия	Высокобюрократизированное абсолютистское государство; земельладельческое дворянство имеет мало политических рычагов влияния на уровне выше локального	Переход к капиталистическому сельскому хозяйству	1806 г. — сильное; 1848 г. — слабое
Япония	Высокобюрократизированное (хотя и не полностью централизованное) государство. Подлинно высший класс землевладельцев отсутствует	Рост производительности в рамках традиционных структур	Сильное. Империалистические вторжения
Англия	Бюрократическое государство отсутствует. Класс землевладельцев доминирует на политической арене	Переход к капиталистическому сельскому хозяйству	Слабое

ТАБЛИЦА 1 (Продолжение)

В. УСЛОВИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОССТАНИЙ

	Аграрные классовые структуры	Местная политика
Франция	Малоземельные крестьяне владеют 30–40% земель; обрабатывают более 80% земель в виде небольших участков. Личная собственность установлена, но крестьянская община противостоит сеньорам, собирающим подати	Деревни относительно автономны под надзором королевских должностных лиц
Россия	Крестьяне владеют более чем 60% земель и дополнительно их арендуют; контролируют производственные процессы на небольших участках; платят ренту и выкупные платежи. Сильная община на основе коллективной собственности	Деревни с самоуправлением под контролем царской бюрократии
Китай	Крестьяне владеют более 50% земель и обрабатывают практически все земли мелкими участками. Платят ренту джентри. Крестьянская община отсутствует	Помещики-джентри, ростовщики и <i>literati</i> доминируют в жизни местных организаций; сотрудничают с имперскими чиновниками
<i>Контрасты</i>		
Пруссия/ Германия	Земли к западу от Эльбы напоминают Францию. К востоку от Эльбы большие поместья обрабатываются сельскохозяйственными рабочими и крестьянами с крошечными наделами. Сильная община отсутствует	Помещики-юнкеры являются местными чиновниками бюрократического государства; доминируют в местной администрации и полиции
Япония	В общинах доминируют богатые крестьяне	Сильный бюрократический контроль над местными общинами
Англия	В собственности класса землевладельцев более 70% земель. Поляризация крестьянства на фермеров-йоменов и сельскохозяйственных рабочих. Сильная крестьянская община отсутствует	Помещики являются местными представителями монархии, доминируют в администрации и полиции

ТАБЛИЦА 1 (Окончание)

С. ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Результаты А и В

Франция	1787–1789 гг.: крах абсолютистского государства; широкое распространение крестьянских восстаний против требований сеньоров
Россия	1860–1890-е гг.: бюрократические реформы сверху. 1905 г.: вспышка неудавшейся революции. 1917 г.: распад государства; широкое распространение крестьянских бунтов против всей частной собственности на землю
Китай	1911 г.: крах имперского государства; распространение аграрных беспорядков, самостоятельные бунты крестьян против помещиков отсутствуют

Контрасты

Пруссия/ Германия	1807–1814 гг.: бюрократические реформы сверху. 1848 г.: неудавшаяся социальная революция; бюрократическая монархия остается у власти
Япония	Политическая революция централизует государство; затем следуют бюрократические реформы сверху
Англия	Политическая революция устанавливает доминирование парламента в небюрократической монархии

Часть II

Результаты социальных революций во Франции, России и Китае

ГЛАВА 4

Что и как изменилось: фокус на государственном строительстве

Все великие революции разрушали тот государственный аппарат, с которым сталкивались. После многих колебаний и экспериментов все революции возводили на его месте новый аппарат, в большинстве случаев совершенно иного рода по сравнению с разрушенным; дело в том, что изменения государственного порядка, производимые революцией, не менее важны, чем изменения социального порядка.

Франц Боркенау

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ кризисы во Франции, России и Китае вызвали политическую и классовую борьбу, кульминацией которой стали фундаментальные и устойчивые структурные трансформации. Важные формы изменений были общими для всех трех революций. Крестьянские бунты против помещиков трансформировали аграрные классовые отношения. Самодержавные и протобюрократические монархии сменились бюрократическими национальными государствами с политическим участием масс. Дореволюционные высшие классы землевладельцев больше не занимали исключительного привилегированного положения в обществе и политике. Они утратили свою особую роль в контроле над крестьянством и дележе сельскохозяйственного прибавочного продукта при помощи местных и региональных квазиполитических институтов¹. При старых порядках привилегии

1. Такие институты включали *parlements*, провинциальные штаты, сеньориальные суды и права во Франции; земства и поместья в России; местные кланы и ассоциации, а также уездные, волостные и провинциальные власти в Китае.

и институциональная база власти высших классов землевладельцев были препятствиями для полной бюрократизации государства и прямого политического участия масс. Эти препятствия были устранены в ходе политических конфликтов и классовых сдвигов во время революционных междоусобиц. В то же время отсутствие единства и попытки контрреволюции внутри страны вкупе с вооруженными вторжениями из-за рубежа требовали от нового политического руководства построить новые государственные организации для консолидации революций. Успешно справиться с вызовом политической консолидации было возможно во многом потому, что революционные лидеры могли мобилизовать группы представителей низших классов, ранее исключенных из политической жизни страны: городских рабочих или крестьян. Таким образом, во всех трех революциях высшие классы землевладельцев по меньшей мере потерпели поражение, которое было на руку низшим классам, с одной стороны, и новым, руководящим революционным государством кадрам — с другой. В каждом новом режиме имело место намного большее привлечение народа к государственным делам управления страной. К тому же новые государственные организации, выкованные во время революций, были более централизованными и рационализированными, чем те, которые действовали при старых порядках. Поэтому они были более могущественными внутри общества и более сильными и автономными по отношению к соперникам в рамках международной системы государств.

Впрочем, конечно, в результатах французской, русской и китайской революций также присутствовали важные различия, которые необходимо понять наряду с общими паттернами их результатов. Начнем с того, что результаты французской революции отличались от результатов в Советской России и коммунистическом Китае, что предполагало обозначение французской революции как «буржуазной». Русская и китайская революции породили руководимые партией государственные организации, установившие в этих двух странах контроль над всей национальной экономикой и так или иначе мобилизовавшие население, чтобы дать дополнительный толчок экономическому развитию.

Но во Франции таких результатов не было. Кульминацией французской революции стало профессионально-бюрократическое государство, которое симбиотически сосуществовало с полноценно развитыми национальными рынками и капиталистической частной собственностью и даже гарантировало их. Демократическая народная мобилизация была (после 1793 г.) либо подавлена, либо перенаправлена в военный призыв и рутинизированную, символическую политическую деятельность. Несмотря на внушительное присутствие в обществе французского государства как единой и централизованной административной структуры, дальнейшее национальное экономическое развитие и социальная дифференциация были преимущественно рыночно-ориентированными и оставались за пределами прямого государственного контроля.

В отличие от Франции, Советская Россия и коммунистический Китай были сходны друг с другом как девелопменталистские однопартийные государства. Но в прочих отношениях они коренным образом различались, и российский режим демонстрировал ряд важных сходных с Францией характеристик. Дело в том, что, подобно французской революции, русская революция породила профессионализированное и иерархическое государство, ориентированное на твердый административный контроль над социальными группами. Это особенно верно в отношении к господству над крестьянским большинством в обществе во имя интересов города.

Конечно, между Францией и Россией имелись различия. Помимо большей степени регулирования экономики и развития страны, осуществляемого советским государством, государственная администрация в России, хотя и была привилегированной и господствующей по отношению к остальной части общества, сама подвергалась (как и население в целом) манипулированию и принуждению со стороны верхушки Коммунистической партии и агентов тайной полиции. Одним словом, советский режим стал смесью диктаторского и принудительного политического контроля (осуществляемого партией или во имя ее), с одной стороны, и профессионализированного бюрократического управления по формально-иерархическим направлениям, не очень

отличавшимся от капиталистических — с другой. Действительно, как мы увидим, в советском обществе после 1928 г. формальная иерархия системы командования и управления, а также неравенство в чинах и званиях приняли в важных отношениях крайне экстремальные формы.

В Китае революция породила государство, которое, конечно, было высокоцентрализованным и в основных аспектах — насквозь бюрократическим. Но оно также ориентировалось на поддержку широкой и всепроникающей народной мобилизации. Партийные или армейские организации служили не только средством контроля над государственной администрацией и обществом, как во Франции и России, но и факторами народной мобилизации — особенно для содействия национальному экономическому развитию. Контраст с Францией и Россией наиболее поразителен в отношении мобилизации крестьян для развития села. Вследствие этого китайский Новый порядок (в сравнении с французским или российским) был менее профессионализированным и меньше подчинялся формальным правилам и единым, рутинизированным командным иерархиям (хотя нельзя сказать, что он был совсем невосприимчив к ним)². Более того, китайские коммунисты единственные повторяли попытки сократить или предотвратить неконтролируемый рост неравенства чинов и званий в государстве и обществе.

Задачи Части II в целом уже заданы тем, что только что было рассмотрено: итоги революций должны быть охарактеризованы более полно. Чтобы объяснить, как в широком плане сходные и индивидуально отличающиеся итоги выросли из первоначальных социально-революционных кризисов, необходимо проанализировать и сравнить реальные конфликты революционных междуцарствий, Эти задачи достаточно просты; большего обсуждения требует тот подход, который будет ис-

2. Мое осмысление этого аспекта различий в результатах революций в большой степени опирается на: Martin King Whyte, "Bureaucracy and Modernization in China: The Maoist Critique", *American Sociological Review* 38:2 (April 1973), pp. 149-163. Более подробно об этом будет сказано ниже в разделе о Китае.

пользован для их выполнения. Исследование процессов и итогов революций будет сконцентрировано на борьбе вокруг создания новых государственных организаций в социально-революционных ситуациях. Также будут изучены характеристики этих государств в соотношении с социально-экономическим порядком новых режимов. Мы проследим ход каждой революции от первоначального кризиса Старого порядка до кристаллизации отличающихся социально-политических моделей Нового порядка. И нашей путеводной нитью будет возникновение и консолидация новых государственных организаций, а также переход государственной власти в другие руки в революционизированных обществах. Почему такой подход имеет смысл и что он подразумевает? Эта вводная глава пытается дать емкий ответ на эти вопросы.

Одна причина для фокуса на государственном строительстве почти что вытекает из определения. «Полномасштабная революция, — пишет Сэмюэль Ф. Хантингтон, — включает в себя... создание и институционализацию нового политического порядка»³. Позиция этой книги заключается в том, что социально-революционные итоги были, так сказать, на повестке дня во французской, российской и китайской истории, как только потерпели крах старые порядки. Тем не менее совершенно верно то, что эти революции полностью достигли своего завершения, только когда новые государственные организации — администрации и армии, координируемые руководителями, правившими от имени революционных символов — были построены среди конфликтов революционных ситуаций. Во всех трех революционных ситуациях политические лидеры и режимы (якобинцы и затем наполеоновский режим во Франции, большевики в России и коммунисты в Китае) возникли для восстановления общенационального порядка, консолидации социально-экономических трансформаций, вызванных классовыми сдвигами снизу, и усиления мощи и самостоятельности каждой страны по сравнению с конкурен-

3. Samuel P. Huntington, *Political Order in Changing Societies* (New Haven: Yale University Press, 1968), p. 266; Хантингтон С. *Политический порядок в меняющихся обществах*. Москва: Прогресс-Традиция, 2004. С. 310.

тами на международной арене. Если бы этого не произошло, мы не говорили бы о французской, русской и китайской революциях как об «удавшихся» (то есть завершённых) социальных революциях. Самое большее, они считались бы случаями неудавшихся революций, как в Германии в 1848 г. и в России в 1905 г.

Помимо вытекающих из определения соображений, причины фокусировать внимание на государственном строительстве видны из утверждения Франца Боркенау о том, что «изменения в государственном порядке, производимые революцией, не менее важны, чем изменения социального порядка»⁴. Конечно, социальные революции действительно осуществляют крупные перемены в классовых отношениях; они оказывают воздействие на основные сферы общественной и культурной жизни, такие как семья, религия и образование. Однако столь же, если не более, поразительны те перемены, которые социальные революции производят в структуре и функциях государств, в политических и административных процессах, связывающих государственных лидеров с общественными группами, а также в тех задачах, которые государства успешно решают внутри страны и за границей. И все эти изменения в государственном устройстве не являются всего лишь побочными продуктами перемен в социальном порядке. Скорее дело обстоит противоположным образом. Изменения в государственных структурах, происходящие во время социальных революций, обычно и сами инициируют социально-экономические перемены, и закрепляют их. Таким образом, в России и Китае коммунистические партийные государства не только санкционировали атаки низов на существующие господствующие классы (как это делали французские революционеры). Они также развили и завершили свержение этих классов, так как однопартийные государства приняли на себя многие экономические функции, которые ранее выполняли частные собственники. Подобным же образом во Франции укрепление частной собственности и национальной рыночной экономики осуществилось во многом благодаря изменени-

4. Franz Borkenau, "State and Revolution in the Paris Commune, the Russian Revolution and the Spanish Civil War", *Sociological Review* 29:41 (1937) p. 41.

ям, внесенным революцией в структуры французского государства. Таким образом, акцент на государственном строительстве обоснован в силу очевидной важности не только политической консолидации, но и государственных структур в определении результатов революции.

Политическое лидерство

Установив, что государственное строительство может быть той нитью Ариадны, которой целесообразно следовать в исследовании социальных революций, остается лишь пояснить, что предполагает такой анализ. В частности, он означает, что политические лидеры, участвующие в революциях, должны рассматриваться как акторы, борющиеся за утверждение и осуществление их притязаний на государственную власть. Это может прозвучать банально, но политическое лидерство в ходе революций обычно не рассматривается таким образом. Зачастую подобных лидеров рассматривают как представителей классов или социальных групп, сражающихся за реализацию экономических или статусных интересов, и/или как акторов, стремящихся воплотить в жизнь определенное идеологическое видение идеального социального порядка. В соответствии с такими способами рассмотрения политических лидеров в их личных биографиях часто ищут свидетельства происхождения или связей с теми классами или группами, которые они, как утверждается, представляют. И если соответствующее происхождение или связи явным образом отсутствуют, то упор делается на демонстрацию того, как их идеологическая ориентация и деятельность находят отклик в соответствующих социальных интересах. Что обычно в таких случаях упускают из виду, так это то, что в ходе революционных кризисов главным образом *делают* политические лидеры — претендуют на государственную власть и борются за ее удержание. Во время революционных междуцарствий политические лидеры переживают взлеты и падения в зависимости от того, насколько они успешны в создании и применении политических учреждений в кризисных обстоятельствах, с которы-

ми сталкиваются. Борьба вокруг наиболее фундаментальных вопросов политики и форм государственного устройства продолжается до тех пор, пока не консолидируются новые, относительно стабильные государственные организации; затем следуют политические битвы за то, как применять власть государства в его полноценно установленных формах.

Рассматривать политических лидеров во время революций как потенциальных государственных строителей означает более серьезно относиться к их деятельности, а не к их социальному происхождению. Тем не менее верно и представляет определенный интерес то, что происхождение и «карьерная» ориентация тех политических лидеров, которые в конечном счете достигли успеха в консолидации новых государственных организаций во всех трех революциях, по меньшей мере согласуются с видением этих лидеров как в первую очередь строителей государства, а не представителей классов. Поскольку как во Франции, России, так и в Китае соответствующие политические лидеры вышли из рядов относительно высокообразованных групп, ориентированных на государственную деятельность или занятие государственных должностей. К тому же эти лидеры выросли в первую очередь из тех, кто занимал несколько маргинальное положение по отношению к сложившимся господствующим классам и правящим элитам при старых порядках.

На протяжении большей части хода французской революции ею руководили группы, действовавшие в нескольких избранных нацией ассамблеях: Национальном/Учредительном собрании 1789–1791 гг., Законодательном собрании 1791–1792 гг. и Конвенте 1792–1794 гг., и с их помощью. Все эти органы состояли преимущественно из управленцев и представителей свободных профессий из третьего сословия. Ключевые лидеры ранних этапов революции с 1788 по 1790 гг. могут быть лучше всего охарактеризованы как «нотабли», то есть дворяне или богатые и привилегированные представители третьего сословия. Кроме того, из членов Национального/Учредительного собрания от третьего сословия 43% были обладателями продажных должностей, в основном из провинций и с мест, а другие 30% были юри-

стами или другими лицами образованных профессий⁵. В последовавшем за ним Законодательном собрании должностные лица и политики местного уровня еще более доминировали⁶. В Конвенте 25% членов были из обладателей должностей, а весомые 44% из юристов и иных людей свободных профессий⁷. Более того, когда революция вошла в свою наиболее радикальную фазу в 1792–1794 гг., к реальной власти в стране пришли якобинцы-монтаньяры. Среди них (особенно в сравнении с более умеренной жирондистской фракцией Конвента) было намного больше представителей семей управленцев и свободных профессий, чем из торгово-предпринимательских семей, и намного чаще они были родом из малых и средних провинциальных административных городов, чем из космополитических, привилегированных и богатых региональных столиц или торговых морских портов⁸. Естественно, в конце концов (как мы подробнее увидим далее), наиболее радикальных лидеров французской революции отстранили от государственной власти, которая в итоге была узурпирована Наполеоном и его административными и военными министрами. Однако в число этих людей входило немало бывших якобинцев. Среди них встречались также бывшие функционеры Старого порядка, особенно армейские офицеры и гражданские служащие среднего ранга, происходившие как из мелкого дворянства, так и из непривилегированных слоев третьего сословия⁹ — то есть прочие ранее маргинальные элиты, достигшие карьерной мобильности благодаря государству во время революции и в результате ее.

5. Alfred Cobban, *Aspects of the French Revolution* (New York: Norton, 1970), pp. 110–111.

6. Norman Hampson, *A Social History of the French Revolution* (Toronto: University of Toronto Press, 1963), pp. 132–133.

7. Cobban, *Aspects of the French Revolution*, p. 111.

8. Patrice L. Higonnet, “Montagne, Gironde et Plaine: Bourgeoisie Provinciale, Bourgeoisie Urbaine, Bourgeoisie Rurale”, unpublished paper (Cambridge: Department of History, Harvard University, n.d.), pp. 14–16.

9. См.: Cobban, *Aspects of the French Revolution*, p. 111; Crane Brinton, *The Jacobins* (1930; reprint ed., New York: Russell and Russell, 1961), p. 231; S. F. Scott, “The French Revolution and the Professionalization of the French Officer Corps”, in *On Military Ideology*, eds. Morris Janowitz and Jacques Van Doom (Rotterdam, Holland: Rotterdam University Press, 1971), pp. 28–50.

Лидеры французской революции были «маргинальны» потому, что обычно происходили из малых, провинциальных городских центров и/или из низших слоев бывшей королевской администрации. Однако среди революционных лидеров в России и Китае были люди, маргинальные по своему социальному происхождению, а также те, кто, хотя и происходил из привилегированных социальных слоев, стал сторонником политического радикализма, получая современное среднее или университетское образование. Российские большевики и коммунисты Китая рекрутировали людей из всех слоев, включая рабочий класс и крестьянство. Но в обеих партиях большинство находившихся на высших и средних руководящих позициях происходили либо из господствующего класса, либо из семей, граничивших по своему социальному положению с привилегированными классами (например, из семей городского среднего класса в России и особенно богатых крестьянских семей в Китае)¹⁰. Более того, и то и другое революционное руководство включало в себя очень высокую долю людей, получивших формальное среднее и (местное или зарубежное) университетское образование¹¹. Традиционно в царской России и имперском Китае образование было дорогой на государственную службу. И когда в обоих обществах были учреждены современные школы и университеты, они предназначались для того, чтобы поставлять чиновников государству. (В Китае после 1900 г. большое количество молодых людей в этих целях также отправлялись получать университетское образование за границей.) Но модернизированные формы высшего образования также стали путем, на котором некоторые студенты в каждой когорте, независимо от их непропорционально привилегированного происхожде-

10. О большевиках см.: David Lane, *The Roots of Russian Communism* (University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press, 1975), pp. 21–24, 32; Jerome Davis, “A Study of One Hundred and Sixty-three Outstanding Communist Leaders”, *American Sociological Society Publications* 24, *Studies in Quantitative and Cultural Sociology* (1929), p. 48. О китайских коммунистах см.: Robert C. North and Ithiel de Sola Pool, “Kuomintang and Chinese Communist Elites”, in *World Revolutionary Elites*, eds. Harold D. Lasswell and Daniel Lerner (Cambridge: MIT Press, 1966), pp. 376–379.

11. Lane, *Roots*, p. 27; Davis, “Study”, pp. 48–49; North and Pool, “Elites”, in *World Revolutionary Elites*, eds. Lasswell and Lerner, pp. 381–382.

ния, усваивали критическое мировоззрение, требовавшее фундаментальной трансформации Старого порядка¹². В результате многие не пошли на государственную службу, а избрали карьеру «профессионального революционера», готового при возможности перейти от революционной организации и пропаганды к революционному государственному строительству.

Изначальные лидеры китайской Коммунистической партии не очень отличались по происхождению и карьерным траекториям от членов националистической партии Гоминьдан, и большевистские лидеры в России также имели много общих характеристик со своими соперниками — меньшевистскими лидерами¹³. Но интересно отметить, что в обеих странах достигшие в конечном итоге успеха революционные лидеры (коммунистические) с самого начала обладали (и все более приобретали со временем) общими этническими и региональными характеристиками, более близкими, чем у соперников, к характеристикам происхождения, традиционно ассоциирующимся с элитарным политическим статусом в старых, имперских режимах. Так, среди большевиков в России было больше великороссов из центральных губерний империи, чем среди меньшевиков, которые в большей степени происходили из национальных меньшинств и регионов, населенных меньшинствами¹⁴. И в Китае коммунисты чаще происходили из Центрального (затем также и Северного) Китая и из внутренних регионов, чем лидеры Гоминьдана, которые в подавляющем большинстве были родом из Южного Китая и наиболее вестернизированных прибрежных провинций¹⁵.

12. О предпосылках обращений студентов к критическому мировоззрению и радикальной политике см.: George Fischer, "The Intelligentsia and Russia", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), pp. 263–267; Martin Malia, "What Is the Intelligentsia?", Richard Pipes, "The Historical Evolution of the Russian Intelligentsia", и Benjamin Schwartz, "The Intelligentsia in Communist China: A Tentative Comparison", все — в *Russian Intelligentsia*, ed. Richard Pipes (New York: Columbia University Press, 1961); John Israel, "Reflections on the Modern Chinese Student Movement", *Daedalus* 97 (Winter 1968), pp. 229–253.

13. См. Lane, *Roots*, pp. 20–32; North and Pool, "Elites", in *World Revolutionary Elites*, eds. Lasswell and Lerner, pp. 376–382.

14. Lane, *Roots*, pp. 32, 39–46.

15. North and Pool, "Elites", in *World Revolutionary Elites*, eds. Lasswell and Lerner, pp. 393–404.

Отметим, что эти паттерны для России и Китая напоминают контраст между монтаньярами и жирондистами во французском Конвенте. Монтаньяры обычно происходили из административных центров, служивших базой абсолютистской монархии, тогда как жирондисты в подавляющем большинстве — из торговых портовых городов, которые исторически были в некотором отдалении от монархического государства и имели с ним определенные трения¹⁶.

Два рода соображений помогают объяснить тот факт, что политические лидеры во всех наших социальных революциях происходили именно из рядов образованных маргинальных элит, ориентированных на государственную службу. Во-первых, Франция Бурбонов, Китай при маньчжурских правителях и царская Россия были «этатистскими» обществами. Даже до наступления всемирно-исторической эпохи капиталистического развития занятость на государственной службе в этих обществах была и важным каналом социальной мобильности, и средством для укрепления традиционного статуса и пополнения земельных богатств. Все аграрные государства, такие как Франция (после укрепления королевского абсолютизма)¹⁷, царская Россия и имперский Китай (так же как и Пруссия/Германия и Япония), более или менее постоянно генерировали избыток стремящихся к государственной службе. И некоторые из этих людей всегда потенциально могли стать участниками бунтарской или революционной политической деятельности в кризисных обстоятельствах.

Во-вторых, с наступлением всемирного капиталистического экономического развития деятельность государства приобрела большую, чем когда-либо, значимость в этих аграрных государствах, которые были вынуждены адаптироваться к последствиям экономического раз-

16. Higonnet, "Montagne, Gironde, et Plaine", pp. 14–16. Трения между коммерческими портовыми городами Франции и абсолютной монархией выступают основной темой работы: Edward Whiting Fox, *History in Geographic Perspective: The Other France* (New York: Norton, 1972).

17. О формировании избытка претендентов на государственные должности во Франции XVIII в. (после консолидации абсолютизма Бурбонов в XVII в.) см.: Colin Lucas, "Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution", *Past and Present* no. 60 (August 1973), pp. 84–126.

вития зарубежных стран. Как мы видели, неизбежные последствия этого развития, вторгавшиеся в сферу деятельности государства, принимали форму резко и внезапно возросшего военного соперничества или угроз от более развитых зарубежных стран. Одновременно культурные последствия развития за рубежом в аграрных бюрократиях в первую очередь затрагивали относительно высокообразованных — то есть тех, кто либо состоял на государственной службе, либо как-то был с ней связан, либо ориентировался на нее. Поэтому понятно, что в аграрных государствах, столкнувшихся с проблемами, вызванными развитием зарубежных стран, почти все политически сознательные группы, от консервативных реформаторов до радикалов и революционеров, рассматривали *государство* как средство для осуществления перемен в стране, с целью улучшить ее позиции на международной арене. Это очевидно для России и Китая. Также в дореволюционной Франции стоит обратить внимание на восхищение образованных чиновников и обывателей британскими экономическими и политическими моделями, а также на широко распространенные призывы к монархии осуществить реформы. Эдвард Фокс отметил ироничность того, что в течение XVIII в. во Франции

...в разгар того, что описывалось как «демократическая революция», целое поколение одаренных социальных критиков и публицистов почти единодушно требовало от королевской администрации реализации их разнообразных программ реформ. В теоретической и полемической литературе того времени «абсолютную» монархию критиковали за неспособность использовать дискреционные полномочия. Для французов времен *ancien régime* именно монархия воплощала все современное и прогрессивное; а политические «свободы» представлялись анахронизмом... Для почти всех обитателей континентальной Франции фискальные и судебные реформы были намного более злободневной темой, чем развитие политической свободы; и монархия была очевидным органом для их осуществления. Только неспособность короля оправдать их ожидания заставила его подданных вмешаться¹⁸.

18. Fox, *Other France*, p. 90. См. также: C. B. A. Behrens, *The Ancien Régime* (London: Harcourt, Brace, and World, 1967), pts. III–IV.

Во Франции, так же как в России и Китае, граждански сознательные критики Старого порядка, включая, конечно, административно-интеллектуальные группы, из которых потом выходили будущие революционные лидеры, были ориентированы на необходимость и возможность перемен в государстве и с его помощью.

Резюмируя, можно сказать, что происхождение революционных лидеров, выдвинувшихся на передний план в ходе французской, русской и китайской революций, согласуется с обосновываемой здесь перспективой: это было лидерство строителей государства. Они были людьми, создавшими административные и военные организации и политические институты, которые заняли место дореволюционных монархий. Тем не менее знание общих характеристик происхождения революционных лидеров едва ли может рассказать нам о том, *почему* эти революции имели определенные (общие и различные) результаты. Почему революционное лидерство вылилось в создание тех особого рода централизованных, бюрократических государственных структур (с разными связями с социальными группами и различными функциями в обществе), какие они создали?

Роль революционных идеологий

Ответ на этот вопрос представляет собой особую объяснительную задачу для исследователей революций, *принимающих* революционных лидеров как политиков всерьез. В большинстве случаев такие исследователи утверждают или подразумевают, что *идеологии* (такие как якобинство и марксизм-ленинизм), которым были привержены революционные лидеры, являются ключом к объяснению природы революционных результатов. Они также верят, что через идеологии представляют собой практические стратегии, которым следуют эти лидеры, когда предпринимают действия для достижения результатов¹⁹. Исследования революционных процес-

19. Бесчисленные исторические исследования русской революции сосредотачивают внимание в основном на идеологии и организации большевистской партии. В книге Франца Шурманна «Ideology and Organiza-

сов и результатов, в которых подчеркиваются идеологические ориентации революционных авангардов, обычно базируются на определенной точке зрения. Согласно этой точке зрения, хотя противоречия и внутренние конфликты Старого порядка могут привести к общественному кризису, в котором революционные трансформации *возможны*, тем не менее реальное осуществление революционных перемен (и особенно то, какие это будут перемены) зависит от намерений решительно настроенных организованных революционных авангардов. Если это верно, то отсюда должно следовать, что объяснения итогов революций должны в первую очередь обращаться к идеологическим представлениям революционных лидеров. Ведь как иначе объяснить реализацию тех, а не иных конкретных возможностей в ходе социального кризиса с открытым финалом? Эта линия рассуждений обладает определенной степенью правдоподобия. Поэтому давайте рассмотрим роль революционных идеологий.

Конечно, на самом деле представляется, что революционные идеологии, такие как якобинство и марксизм-ленинизм, осуществляли функцию поддержания сплоченности политических лидеров, пытающихся выстроить и консолидировать государственную власть в социально-революционных условиях²⁰. Приверженность этим идеологиям также помогала революционерам вести борьбу надлежащим образом. Здесь быстрый взгляд на реформаторов Мэйдзи в Японии может пояснить, что я имею в виду, через контраст. Радикалы Мэйдзи были способны бороться за государственную власть в идеологической и организационной манере, весьма отличной от якобинцев, большевиков и китайских комму-

tion in Communist China» (2nd ed. Berkeley: University of California Press, 1968) проводится очень тонкий анализ итогов китайской революции с точки зрения китайской коммунистической идеологии. В историографии французской революции некоторые исследователи всегда делали акцент на идее Просвещения, присущей радикальным политическим элитам, а не на интересы буржуазии как класса. И, конечно, упор на идеологию обнаруживается в более общих теориях революции, особенно в теориях систем/ценностного консенсуса и грамшианской версии марксистско-ленинской теории.

20. О «якобинстве» как революционном движении см.: Brinton, *Jacobins*, в особенности chs. 2, 4, 5-7.

нистов. Радикалы Мэйдзи объединялись и поддерживали групповую сплоченность через индивидуальные связи внутри и между существующими муниципальными правительствами *ханов* (поскольку большинство лидеров Реставрации происходили из Сацума и Тёсю, двух «периферийных» провинций). Они получили государственную власть и провели далеко идущие изменения через борьбу фракций и использование установленных институциональных механизмов. К тому же они могли оправдать инновационные и универсалистские действия для самих себя и прочих элит, апеллируя к ранее поблекшему, но традиционно легитимирующему символу, «императору». Таким образом, радикальные реформаторы Мэйдзи смогли воспользоваться некоторыми традиционными институтами, связями и символами в силу уникальной гибкости и потенциала для быстрой адаптации к современным условиям режима Токугава, из которого они возникли²¹. Это были те характеристики, которые, как мы убедились в главе 2, отсутствовали у режимов Бурбонов, маньчжурских правителей и Романовых. В социально-революционных ситуациях во Франции, России и Китае *новые* идеологии и организации должны были служить для революционных лидеров тем, чем для лидеров Реставрации Мэйдзи служили символ императора, связи в *ханах* и возможности манипуляции фракциями в рамках сложившихся политических институтов.

Революционные идеологии, такие как якобинство и марксизм-ленинизм, по нескольким причинам могли содействовать приверженным им политическим элитам в борьбе за построение и удержание государственной власти во время социально-революционных ситуаций. Во-первых, это были (в своих исторических и национальных контекстах) универсалистские кредо, которые могли позволить людям очень различного местного происхождения работать вместе как согражданам или товарищам и поощряли их к этому. Это было важно во Франции, России и Китае, потому что консолидация революций там осуществлялась не путем захвата власти ранее существовавшими местными элитами, как в Япо-

21. Обсуждение этого вопроса и ссылки см. в разделе о Японии в главе 2.

нии. Более того, единственными ранее существовавшими средствами легитимации на уровне всего общества были монархические символы, которые во время социально-революционных ситуаций оказались дискредитированы. В таком случае для оправдания перестройки и нового применения государственной власти на передний план выходили революционные идеологии.

Во-вторых, эти идеологии предписывали революционным элитам обращать в свои убеждения массы и мобилизовывать их на политическую деятельность и борьбу. К тому же такая ориентация, даже если она и не вела к множеству реальных обращений в идеологию, тем не менее давала якобинцам, большевикам и китайским коммунистам доступ к критически важным дополнительным ресурсам в политико-военной борьбе против контрреволюционеров, чьи идеалы и материальные интересы делали обращение к массовым инициативам или получение от них выгод менее вероятными. В-третьих, и якобинство, и марксизм-ленинизм были светскими «тоталитарными» мировоззрениями: тем, кто их придерживался, они давали оправдание применению любых средств для достижения высших политических целей на земле — таких целей, как «осуществление Общей Воли» и движение к «бесклассовому обществу». К тому же, как полагает Эгон Биттнер, поддержание тоталитарных идеологий в качестве единственно возможных групповых верований, весьма вероятно, потребует создания определенного рода организационных механизмов. Последние будут включать контрольные механизмы для поощрения безраздельной преданности кадров группе, а также иерархические принципы построения власти, сконцентрированные на экстраординарных символах и лидерах²². Как бы непривлекательно ни выглядели такие механизмы с точки зрения либеральной политической теории, факт состоит в том, что они с высокой долей вероятности будут давать вооруженным меньшинствам внушительные преимущества в политической борьбе без всяких ограничений, характерной для революционных гражданских войн.

22. Egon Bittner, "Radicalism and the Organization of Radical Movements", *American Sociological Review* 28 (1963), pp. 928-940.

Таким образом, революционные идеологии и их приверженцы были, без сомнения, необходимыми ингредиентами рассматриваемых здесь великих социальных революций. И все же нельзя утверждать, что смысловое содержание идеологий так или иначе позволяет предсказывать что-либо, будь то итоги революций или деятельность революционеров, возводящих государственные организации, которые консолидируют революции. Любая аргументация, которая рассматривает революционные идеологии как схему действий революционеров и результатов революций, не выдерживает критики в свете исторических свидетельств о том, как якобинство и марксизм-ленинизм действительно развивались и функционировали в развертывающихся революционных ситуациях во Франции, России и Китае²³. Якобинские идеологи участвовали в управлении революционной Францией всего лишь около года, а «Царство Добродетели» так и не было полностью установлено. Вместо этого якобинцы достигли более приземленных задач (государственное строительство и революционная оборона), необходимых для успеха революции, которая их затем поглотила²⁴. В России большевики

23. Конечно, почти полностью верно то, что общие системы идей — то есть Просвещение, включая философию Руссо, и социально-исторические теории Карла Маркса, — должны были быть исторически доступны для революционных лидеров Франции, России и Китая. Некоторые полагают, что эти системы идей обеспечили важные общие ориентиры — например, на всеобъемлющие конечные состояния общества или истории, значимые для универсально-демократических референтных групп, таких как «нация» или «пролетариат». Такие широкие ориентиры затем, во время революционных кризисов, можно было объединить с целями, моделями, стратегиями и тактикой, более подходящими для конкретных и меняющихся политических обстоятельств, к которым революционные элиты должны были адаптироваться, чтобы успешно построить новые революционные государственные организации. Однако с этой точки зрения интересные вопросы о влиянии значимых общих идейных систем во французской, русской и китайской революциях становятся вопросами о том, как именно революционные лидеры адаптировали и конкретизировали эти общие системы идей. Поэтому нам необходимо выяснять конкретные социальные и исторические обстоятельства, на которые реагировали эти лидеры в процессе создания и трансформации революционных идеологий. В качестве примера см. особенно примечательное исследование, написанное в подобном духе: Maurice Meisner, *Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism* (New York: Atheneum, 1973).

24. См.: M.J. Sydenham, *The French Revolution* (New York: Capricorn Books, 1966), chs. 7–8.

столкнулись с крайними трудностями, вызванными их попыткой взять и удерживать государственную власть во имя марксистского социализма в аграрной стране, разрушенной поражением в мировой войне. Они оказались вынуждены решать задачи и принимать меры, прямо противоречившие их идеологии. В конце концов восторжествовавший сталинизм исказил и перевернул вверх дном практически все марксистские идеалы, представляя собой грубое противоречие ленинским взглядам 1917 г. об уничтожении государственной бюрократии и постоянной армии²⁵. В Китае коммунисты намеревались, в строго марксистско-ленинском духе, взять власть с помощью пролетарских восстаний в городах. И лишь после того, как они были повержены и возникли новые и жизнеспособные движения, ориентированные на крестьянство, укорененные в районах опорных революционных баз в сельской местности, для освящения и кодификации того, что было сделано, была разработана маоистская доктрина. Впоследствии эпициклы всегда добавлялись к базовой модели, когда это было необходимо для оправдания прагматических отступлений на пути к власти в стране²⁶.

Одним словом, идеологически ориентированное лидерство во время революционных кризисов оказывается ограничено существующими структурными условиями и сбито с ног быстро меняющимися революционными потоками. Поэтому оно обычно заканчивает тем, что выполняет очень различные задачи и способствует консолидации весьма различных режимов — отличных от тех, которые изначально (а возможно, и всегда) предписывались идеологией. Это не должно удивлять при осознании и размышлении над простой истиной: революционные кризисы — это *не* тотальные разрывы в истории, которые внезапно делают возможным все,

25. См. Barrington Moore, Jr., *Soviet Politics — The Dilemma of Power* (New York: Harper & Row, 1965); Arthur Rosenberg, *A History of Bolshevism* (New York: Oxford University Press, 1934); Robert Vincent Daniels, *The Conscience of the Revolution* (Cambridge: Harvard University Press, 1960).

26. См.: Stuart R. Schram, *The Political Thought of Mao Tse-tung*, rev. and enlarged ed. (New York: Praeger, 1969), в особенности введение; Roland Lew, "Maoism and the Chinese Revolution", in *The Socialist Register 1975* (London: Merlin Press, 1975), pp. 115–159.

что угодно, если это только намечено волевыми революционерами! Есть несколько причин того, почему это не так. Прежде всего, революционные кризисы обладают конкретными формами и создают специфические цепочки возможного и невозможного в зависимости от того, как эти кризисы изначально возникли при старом режиме в определенных обстоятельствах. Более того, хотя революционный кризис действительно предполагает распад институтов и классовые конфликты, которые быстро меняют параметры возможного в данном обществе, многие условия — особенно социально-экономические — всегда «переживают» Старый порядок. Они также создают специфические возможности и невозможности, в рамках которых должны действовать революционеры, когда они пытаются достичь консолидации нового режима. Эту же роль играют и определенные всемирно-исторические и международные контексты, в рамках которых происходит вся революционная трансформация.

Дальнейший анализ

Теперь все определяющие характеристики объяснительного подхода, которому мы будем следовать в далее в Части II, можно соединить вместе. Мы будем следовать путеводной нити государственного строительства от исходных революционных кризисов до кристаллизации основных результатов революции. Мы также будем серьезным образом принимать во внимание революционных лидеров как политиков, борющихся за консолидацию государственной власти и ее использование. Но мы *не* будем стремиться расшифровать или объяснить революционные процессы с точки зрения идеологических мировоззрений или программ. Вместо этого мы обратим внимание на то, как те или иные виды революционных кризисов и наследие старых порядков оформляли и ограничивали усилия и достижения занимающихся государственным строительством революционных лидеров. Ряд наборов обстоятельств, с которыми сталкивались усилия государственных строителей, будут вынесены в анализ каждого кейса и составят аналитическую основу для сравнений революций.

В первую очередь мы уделим пристальное внимание особым характеристикам каждого революционного кризиса, тем самым вновь возвращаясь к тому, что уже было установлено относительно каждой из революций в Части I. Этот акцент в анализе имеет две стороны. Во-первых, тот специфический путь, каким каждый Старый порядок пришел к своему политическому краху, имел важные последствия. Он предопределил первоначальные формы политического конфликта во время революционных междоусобиц и повлиял на возможность (или невозможность) временной стабилизации либеральных политических режимов. Он также помогает определить, какого рода административные и военные задачи стояли перед мобилизующими массы лидерами, по мере их выделения в ходе революционных ситуаций.

Во-вторых, многое зависело от времени и природы крестьянских бунтов или аграрных беспорядков в ходе революционных кризисов, которые объяснимы в категориях аграрных социально-политических структур, рассмотренных в главе 3. Там, где крестьянские бунты происходили внезапно и самостоятельно, как это было во Франции и России, они имели непосредственное и неконтролируемое влияние на ход имеющей общенациональное значение политической борьбы в городах. В Китае крестьянские бунты против помещиков были отложены до того времени, когда в силу необходимости крестьяне были политически мобилизованы в ходе процесса революционного государственного строительства. Это обеспечило уникальное по своей силе воздействие китайских крестьян на формирование нового режима. Но даже несмотря на то, что революционные государственные строители во Франции и России проводили политическую мобилизацию городских рабочих, а не крестьян, им тоже пришлось как-то договариваться с крестьянами и приспособливаться к революционизированным аграрным порядкам. И увидеть, как они делали это, означает лучше понять многое в процессах и результатах каждой из этих революций.

Социально-экономическое наследие Старого порядка также будет фигурировать в анализе этих кейсов, особенно в целях объяснения различий между революциями. Внимание будет уделено конкретным видам

концентрировавшихся в городах торговых, промышленных и транспортных структур, унаследованных от старых порядков. Имелись ли современные производства или нет, и если да, то какого рода производства это были и где они располагались? Ответы на эти вопросы помогают объяснить, какие виды городских классов и классовых конфликтов фигурировали в каждой конкретной революционной драме, каковы были возможные основания и пределы поддержки революционных государственных строителей в городах, а также существовавшие (или не существовавшие) возможности применения революционной государственной власти, когда она консолидировалась, для того, чтобы способствовать национальной индустриализации того или иного рода под контролем государства.

И наконец, мы рассмотрим воздействие всемирно-исторических условий и международных отношений на находящиеся в процессе становления революционные режимы. Всемирно-историческое время и последовательность революций повлияли на модели организации политических партий и использования государственной власти, которыми располагали революционные лидеры. Более того, и во Франции, и в России, и в Китае военные вторжения извне во время революционных междоусобиц, как и международное военное положение после первоначальной консолидации государственной власти, оказали мощное влияние на развитие революций. Конкретные виды международного влияния варьировали от Франции к России и Китаю, но подобные реалии были важны для оформления итогов революций во всех этих трех случаях.

В заключительном разделе Части II будет развита определенная аргументация для объяснения *общих паттернов* во всех трех революциях, и еще одна для объяснения *ключевых различий* между этими революциями на фоне общих паттернов. Так я попытаюсь продемонстрировать, что возникновение более централизованных и бюрократических государств с политическим участием масс во Франции, России и Китае равным образом объяснимо в категориях в широком смысле схожих потребностей, вызовов и возможностей. Во всех трех случаях они были созданы для революционных государственных

ных строителей исходным совпадением краха старых порядков и широкомасштабных крестьянских волнений. В то же самое время я буду использовать сравнения между тремя случаями для выявления того, как конкретные характеристики каждого революционного стечения обстоятельств в данной всемирно-исторической среде, вместе с конкретными условиями, унаследованными от старых порядков, формировали ход борьбы и итоги, специфичные для каждой революции.

В главе 5 исследуется процесс и итоги французской революции от 1789 г. до консолидации наполеоновского режима. Глава 6 посвящена России от 1917 г. до триумфа сталинизма в 1930-е гг. И глава 7 анализирует процессы в Китае, происходившие после 1911 г., вплоть до 1949 г. и 1960-х гг.

ГЛАВА 5

Рождение «современного государственного устройства» во Франции

Централизованная государственная власть с ее всезвездными органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судебским сословием, — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии... Но прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполнительная метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции.

Карл Маркс

ХОД французской революции был обусловлен последствиями социально-революционного кризиса, во время которого либеральная стабилизация оказалась невозможной, а также появлением, благодаря массовой мобилизации, централизованных и бюрократических государственных организаций. В России и Китае эти организации служили консолидации революции в условиях войн — гражданской и войны с зарубежными державами. Наше исследование динамики и результатов французской революции будет акцентировать внимание на этих фундаментальных процессах. Однако, в качестве прелюдии к этому анализу, позвольте мне сначала вступить в продолжающуюся в историографии дискуссию о том, как следует характеризовать французскую революцию в целом.

Буржуазная революция?

Что и как фундаментально изменила французская революция — это является предметом больших споров среди современных историков. Впечатляющей критике была подвергнута еще недавно господствовавшая «социальная интерпретация» — взгляд, в большой степени вдохновленный марксизмом, о том, что революцию возглавила буржуазия, чтобы сбросить феодализм и аристократию и вместо этого установить капитализм¹. Ни одна другая интерпретация сопоставимого масштаба и влияния пока не получила широкого одобрения в научном сообществе². Отчасти причина в том, что дебаты по поводу возможной новой интерпретации продолжают вестись в основном в социально-экономических категориях установившейся концептуальной системы. Когда марксистские представления о центральной роли буржуазии и переходе от феодального к капиталистическому способу производства были поставлены под вопрос, в ходе наиболее оживленных дискуссий о том, что могло бы занять их место, участники дискуссии просто возились с отдельными частями первоначальной аргументации, оставляя без изменений ее основной фокус и структуру. Искали новые группы, отличные от буржуазии, с экономическими интересами, соответствующими не столь уж капиталистическим результатам революции³. Или же выбирали более косвенный и осторожный

-
1. Краткую, выразительную формулировку этой интерпретации в духе концепции «буржуазной революции» см. в: Albert Soboul, "Classes and Class Struggles During the French Revolution", *Science and Society* 17:5 (Summer 1953), pp. 238–257; Собуль А. Классы и классовая борьба во время Французской революции // *Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 гг. и Революции 1848 г. во Франции*. Москва: Иностранная литература, 1960. Бескомпромиссную (и ныне ставшую хорошо известной) критику такого рода интерпретации см. в: Alfred Cobban, *The Social Interpretation of the French Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1964); Cobban, "The Myth of the French Revolution", in *Aspects of the French Revolution* (New York: Norton, 1970), pp. 90–111.
 2. См.: Gerald J. Cavanaugh, "The Present State of French Revolutionary Historiography; Alfred Cobban and Beyond", *French Historical Studies* 7:4 (Fall 1972), pp. 587–606.
 3. Например, Норман Хэмпсон уместно замечает, что выводы Альфреда Коббана указывают на «немарксистскую экономическую интерпретацию

путь усиления отзвуков марксистской аргументации, но на этот раз не в экономических, а в социальных категориях⁴. Итогом стало смещение акцентов в интерпретации на очень частные аспекты результатов революции. Тем самым любые связи между историческим подъемом капитализма и капиталистов и реальными политическими событиями и борьбой французской революции становились все более и более непрочными, даже несмотря на то, что предполагалось: некоторая внутренне присутствующая связь в конечном счете все-таки существует — и даже «объясняет» революцию в целом.

В то же время перемены, вызванные французской революцией в структуре и функционировании французского государства, были по большей части проигнорированы современными интерпретаторами, пытающимися выявить общий смысл революции⁵. И все же время от времени в интерпретативных и синтезирующих работах появлялись некоторые намеки, еще более явными они были в результатах эмпирических исследований: замечания о развитии армии и администрации во время революции. Они продемонстрировали, что общая логика конфликтов и результатов революции может состоять преимущественно в социально-политических и юридических трансформациях, а именно — бюрокра-

революции». Рассмотрим этот отрывок из «Социальной интерпретации» Коббана: «Эта революция всецело выступала не за, а по большей части против проникновения эмбрионального капитализма во французское общество. Рассматриваемая в качестве таковой, она по большей части достигла своих целей. Крестьянские собственники в деревне, юристы, рантье и городские собственники в городе оказали успешное сопротивление новым экономическим тенденциям. В частности, последние установили контроль над революцией и консолидировали свой режим при помощи диктатуры Наполеона» (Cobban, *The Social Interpretation of the French Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1964), p. 172).

4. Возможно, наиболее важным примером — и кульминацией — этой стратегии выступает работа Нормана Хэмпсона: Hampson, *A Social History of the French Revolution* (Toronto, University of Toronto Press, 1963). Но начало самой тенденции использования этой стратегии было положено влиятельной работой Жоржа Лефевра: Georges Lefebvre, *The French Revolution*, 2 vols., trans. Elizabeth Moss Evanson (vol. 1) and John Hall Stewart and James Friguglietti (vol. 2) (New York: Columbia University Press, 1962, 1964).
5. Разумеется, один из классических интерпретаторов французской революции, Алексис де Токвиль, поставил государство в центр своего анализа в: Tocqueville, Alexis de, *The Old Regime and the French Revolution*, trans. Stuart Gilbert (New York: Doubleday (Anchor Books), 1955); Токвиль А. *Старый порядок и революция*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008 (1861).

тизации, демократизации и появлении политико-правовых рамок, благоприятных для капитализма. Эти трансформации были вызваны совпадением политической борьбы за государственную власть и борьбы крестьян против сеньориальных прав, а не фундаментальной трансформацией социально-экономической структуры под воздействием классового действия капиталистической буржуазии⁶. Конечно, упомянутые здесь различия — это вопрос акцента и перспективы, но подобные различия могут быть очень многозначительными, особенно если они побуждают нас попытаться объяснить процессы и результаты революции по-новому.

Революция и экономическое развитие

Сторонники той точки зрения, что французская революция была «буржуазной революцией», могут привести данные, которые, на первый взгляд, подкрепляют их позицию. Конечно, возникшие политические элиты не установили прямого контроля над экономикой для стимулирования национальной индустриализации; напротив, революция усилила классы, базирующиеся на владении частной собственностью. Региональные, сословные и цеховые барьеры на пути формирования национального рынка были устранены. И со временем Франция действительно прошла через капиталистическую индустриализацию.

Однако присутствуют столь же важные факты, которые противоречат версии тезиса о «буржуазной рево-

6. См.: Cavanaugh, "Present State", pp. 599–606; M. J. Sydenham, *The French Revolution* (New York: Capricorn Books, 1966); в последней работе автор «намеренно решил вновь подтвердить важность политических событий, в особенности... появления новой религии национализма и попытки примирить конституционную власть с контролем народа над властью» (р. 5). Даже Альбер Собуль, особенно в своем очерке, посвященном интерпретации революции (Albert Soboul, *A Short History of the French Revolution, 1789–1799*, trans. Geoffrey Symcox (Berkeley: University of California Press, 1977), часто ссылается на Токвиля и придает большое значение процессам в сфере государства — хотя его основным теоретическим аргументом остается то, что французская революция «в истории Франции знаменует собой возникновение буржуазного, капиталистического общества» (р. 1). За соответствующими эмпирическими исследованиями обращайтесь к работам, процитированным в последнем разделе этой главы, посвященной «новому порядку» во Франции.

люции», базирующейся на экономике. До революции французская промышленность была в большинстве своем мелкомасштабной и немеханизированной; торговый и финансовый капитал сосуществовали без всякого антагонизма, и даже симбиотически с более устоявшимися и престижными «собственническими формами» богатства (земля, продажные должности, рента). Во время революции политические лидеры происходили преимущественно из числа лиц свободных профессий (особенно юристов), чиновников и интеллектуалов. Во Франции после революции господствовали не промышленники или капиталистические предприниматели, но преимущественно бюрократы, военные и владельцы недвижимости⁷. А необходимые экономические реформы, проведенные во время революции, либо были подстегнуты бунтами снизу, либо оказались кульминацией «векового движения за отмену внутренних таможен... возглавляемого на всем протяжении и в конце концов, приведенного к успеху не представителями торговых или промышленных интересов, а чиновниками-реформаторами», состоящими на службе у французского государства⁸.

Еще более показательно то, что революция почти сразу же стала препятствовать капиталистической индустриализации во Франции в той же мере, в какой и способствовала ей. Как и можно было бы ожидать, немедленные препятствия для развития свойственны любому периоду революционного хаоса. Поэтому:

та серия потрясений и войн, которая началась с французской революции и закончилась при Ватерлоо... принесла с собой уничтожение капитала и потери человеческих ресурсов; политическую нестабильность и широко распространенные социальные страхи; истребление самых богатых групп предпринимателей; все возможные препятствия торговле; чудовищную инфляцию и скачки курса валюты⁹.

Один из сбоев был особенно важен. До революции многие из зарождающихся отраслей французской промышленности подпитывались широкомасштабной и рас-

7. Cobban, *Social Interpretation*, chs. 6, 8, 12–14.

8. *Ibid.*, p. 70.

9. David S. Landes, *The Unbound Prometheus* (Cambridge: Cambridge University Press, 1969), pp. 142–143.

ширяющейся зарубежной торговлей¹⁰. Но в результате революции и последовавших за ней войн эта торговля упала настолько, что, хотя «с 1716 до 1789 зарубежная торговля Франции выросла в четыре раза», она не могла достичь дореволюционного уровня еще много лет после 1815 г.¹¹

Революция препятствовала экономическому развитию Франции и в еще более фундаментальных отношениях. Социально-экономическая структура, возникшая из революционных потрясений, характеризовалась непромышленной буржуазией и прочно укоренившимся крестьянством¹². Конечно, послереволюционная буржуазия была богата, амбициозна и пользовалась правами владения частной собственностью в чистом виде. Однако

...базой буржуазии была не промышленность, а скорее торговля, свободные профессии и земельная собственность. Новые люди, которые выдвинулись вперед, реагируя на возможности, созданные социальными потрясениями, не рассматривали инвестиции в промышленность и производство в качестве главного пути использования преимуществ недавно завоеванных свобод. Намного быстрее состояние можно было сколотить путем спекуляции землей и товарами. Затем эти состояния могли добраться и в промышленность, но только тогда, когда (и если) предоставлялись возможности¹³.

Но во Франции XIX в. (особенно в сравнении с положением дел в Англии) возможности для инвестирования в промышленность появлялись лишь постепенно. Послереволюционная экономика оставалась преимущественно аграрной, и крестьяне продолжали работать на земле практически неизменным образом. Революция усилила мелкие крестьянские хозяйства благодаря

10. Walter L. Dorn, *Competition for Empire, 1740–1763* (New York: Harper & Row, 1963), pp. 252–253; F. Crouzet, “England and France in the Eighteenth Century: A Comparative Analysis of Two Economic Growths”, ch. 7, *The Causes of the Industrial Revolution in England*, ed. R. M. Hartwell (London: Methuen, 1967).

11. Henri Sée, *Economic and Social Conditions in France During the Eighteenth Century*, trans. Edwin H. Zeydel (New York: F. S. Crofts & Co., 1931), p. 154.

12. Tom Kemp, *Economic Forces in French History* (London: Dobson Books, 1971), chs. 5–6.

13. *Ibid.*, p. 102.

отмене сеньориальных привилегий, передаче части земель и правовому закреплению подлежащих делению наследств. Александр Гершенкрон указывает:

Не могло быть никакого сомнения в том, что французская семейная ферма заслуживает особого места в череде помех и препятствий на пути экономического развития Франции.

Прежде всего, французские фермы оказались весьма неподходящим источником трудовых ресурсов для городов. Французский фермер крепко держался за свою землю... В то же самое время при принятии экономических решений французским крестьянством желание купить еще земли, по-видимому, всегда брало верх. Тем самым вошедшая в поговорку экономность крестьян означала воздержание от покупки добавочных потребительских товаров; но все же малая часть накоплений шла на приобретение средств производства, таких как машины и удобрения... В результате французское крестьянство не только не смогло помочь промышленному развитию, поставляя ему дешевую и дисциплинированную рабочую силу... оно также не смогло стать большим и растущим рынком для промышленных продуктов¹⁴.

После 1814 г. французская промышленность оказалась далеко позади британской и обратилась к усилившемуся французскому государству, «чтобы сохранять во Франции тепличные условия, в которых устаревшие и неэффективные предприятия с большими затратами поддерживались, тогда как новым заводам и предприятиям не хватало шпор конкуренции и беспрепятственных связей с зарубежными странами для импорта средств производства и ноу-хау»¹⁵. Более существенного вклада усилившегося французского государства в стимулирование капиталистической индустриализации пришлось ждать до прихода века железных дорог. И даже тогда экономическое развитие Франции, как представляется, всего лишь пошло ненамного дальше того, на чем оно остановилось в 1789 г., и постепенно продвигалось в социально-экономических условиях, не намного более благоприятных для роста, чем при Старом порядке. Относительно любого периода развития во Франции экономические

14. Alexander Gerschenkron, "Reflections on Economic Aspects of Revolutions", in *Internal War*, ed. Harry Eckstein (New York: Free Press, 1964), pp. 188–189.

15. Ibid., p. 190. См. также: Landes, *Unbound Prometheus*, pp. 142–150; Kemp, *Economic Forces*, ch. 6.

историки не могут прийти к согласию, был ли он периодом «индустриального взлета», так что она дает довольно плохой материал для подкрепления концепции буржуазной революции, которая предположительно внезапно разбивает оковы на пути капиталистического развития¹⁶.

Политические достижения

Также весьма непросто перенести классический тезис о буржуазной революции с преимущественно социально-экономического на преимущественно политический уровень анализа, утверждая, что французская революция была триумфом буржуазного либерализма, достигнутым в политической борьбе, питаемой классовыми конфликтами и возглавляемой буржуазией¹⁷. Капиталистическая буржуазия или ее представители ни в коем смысле не возглавляли политическую борьбу французской революции. Ключевые изменения, вызванные революцией в политической структуре Франции, усилили административное доминирование исполнительной власти в государстве, а не парламентско-представительные институты. А потенциал для авторитарного правления был подкреплен за счет гражданских свобод. Возможно,

16. См.: Kemp, *Economic Forces*; Jan Marczewski, "Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660–1958", *Economic Development and Cultural Change* 9:2 (1961), pp. 369–386; Jan Marczewski, "The Take-Off Hypothesis and French Experience", in *The Economics of Take-off into Sustained Growth*, ed. W.W. Rostow (New York: St. Martin's Press, 1963), pp. 119–138; Claude Fohlen, "France 1700–1914", in *The Emergence of Industrial Societies* (1), ed. Carlo M. Cipolla, *The Fontana Economic History of Europe*, vol. 4 (London: Collins/Fontana, 1973), pp. 7–75; Barry Supple, "The State and the Industrial Revolution 1700–1914", in *The Industrial Revolution*, ed. Carlo M. Cipolla, *The Fontana Economic History of Europe*, vol. 3 (London: Collins, 1973), в особенности pp. 327–333.

17. См., напр.: Soboul, *Short History*. В этом отношении также важна глава о Франции в: Barrington Moore, Jr., *Social Origins of Dictatorship and Democracy* (Boston: Beacon Press, 1966). Мур не придает большого значения идее о том, что буржуазия возглавляла революцию (еще меньше, чем Собуль, который сам всегда подчеркивал, что с 1789–1794 гг. революция была движима народными восстаниями). Тем не менее Мур считает, что общий результат и значение революции заключаются в устранении препятствий для либерализма и демократии. Он не предпринимает сколько-нибудь существенного анализа того, в какой степени революция создала или усилила препятствия на пути этих политических форм.

важнее всего то, что любой исследователь, пытающийся осмыслить условия, повлиявшие на политическую борьбу и достижения революции, должен уделить особое внимание результатам участия Франции в основных европейских войнах с 1792 по 1814 г. Дело в том, что государственное строительство в революционной Франции намного сильнее и непосредственнее определялось потребностями ведения войн и преодоления их политических последствий внутри страны, чем классовыми интересами конфликтующих социальных групп.

Достаточно интересно, что взгляд с высоты птичьего полета на то, чего наиболее явно достигла французская революция, нигде не выражен лучше, чем в отрывке, процитированном в качестве эпиграфа к этой главе и взятом из памфлета Карла Маркса «Гражданская война во Франции»¹⁸. Этот замечательный фрагмент ставит «средневековый хлам» Старого порядка в правильный ракурс, утверждая, что он был тесно переплетен с государственным аппаратом монархии. На все более изменчивую и современную социально-экономическую структуру дореволюционной Франции (как мы видели в главе 2) была наложена громоздкая коллекция институционализованных и политически гарантированных местных, провинциальных, профессиональных и сословных прав и корпоративных учреждений. Некоторые из них обладали формами или названиями, унаследованными от средневековых времен, но все они с тех пор давно уже трансформировались благодаря экспансии абсолютной монархии и коммерциализации. Чего действительно удалось достичь социальными и политическими сдвигами революции, так это устранения этого «средневекового хлама», который зависел от монархического государства в плане продолжения своего существования и одновременно ограничивал эффективное функционирование королевского абсолютизма. Сеньориальные привилегии и права были ликвидированы, оставив

18. Karl Marx, "The Civil War in France" (1871), reprinted in Karl Marx and Frederick Engels, *Selected Works* (New York: International Publishers, 1968), p. 289; Маркс К. Гражданская война во Франции // К. Маркс, Ф. Энгельс. *Сочинения*. Т. 17. Москва: Издательство политической литературы, 1955–1974. С. 339.

после себя аграрную экономику с доминированием средних и мелких землевладельцев с исключительными частными правами на свои земли. Нация, состоящая из граждан, освобожденных от сословных и корпоративных различий и официально равных перед законом страны, пришла на смену наследственной монархии с «божественным правом» королей как символическим источником легитимной политической власти. Как показывает Карта 3, однородные, рационально упорядоченные политические юрисдикции, представленные 80–90 департаментами (охватывающими округа и коммуны), сменили мешанину из «35 провинций, 33 фискальных *généralités*..., 175 *grands bailliages*, 13 *parlements*, 38 *gouvernements militaires*¹⁹ и 142 диоцезов» Старого порядка²⁰. Общенациональные системы законодательства, налогообложения и таможенных пошлин пришли на смену региональным вариациям и местным барьерам дореволюционных времен. В военной и государственной администрации чисто бюрократические принципы набора, вознаграждения и надзора над чиновниками заменили практики владения продажными должностями, делегирования государственных функций и особого признания дворянского статуса и корпоративных привилегий, которые так препятствовали единству и эффективности монархического государства. Выросли и размер, и функции центральной власти. К тому же новое национальное политическое общество стало более «демократическим», не только в том смысле, что нация равноправных граждан пришла на смену монархии и аристократии в качестве источника легитимности, но также и в том смысле, что государство дальше и без ограничений проникло в ткань общества. В ходе этого оно стремилось распределять услуги и возможности без формального учета социального происхождения, а также требовало от каждого более активного участия в осуществлении государственных функций и больше ресурсов в виде денег, времени и живой силы для достижения национальных целей.

В целом можно сказать, что французская революция была «буржуазной» только в том специфическом смысле,

19. Военных губернаторств (*фр.*). — Прим. пер.

20. Hampson, *Social History*, pp. 112–113.

САРТА 3. Департаменты Франции (кроме Корсики), 1790 г. и позднее
 Тримечание: Париж стал Департаментом Сены; департамент Рона и Луара был разделен на два департамента: Рона и Луара. В результате первых присоединений Мон-Блан (то есть Савойя и Верхняя Савойя) перешел от Савойи; Триморские Альпы — от Ниццы и Монако; Мон-Террибль (то есть Территория Бельфор) — от округа Порентру; Воклюз — от Авиньона и графства Веназан. К 1799 г. было всего 90 департаментов.

Источник: M. J. Sydenham, *The French Revolution* (New York: Capricorn Books, 1966), p. 70.

то она консолидировала и упростила сложное многообразие дореволюционных прав собственности, приводя их к единой, индивидуалистической и эксклюзивной форме современной частной собственности. Она также была «капиталистической» лишь в том особом смысле, что убрала все корпоративные и провинциальные пре-

пятствия на пути развития конкурентной рыночной экономики общенационального масштаба во Франции. Конечно, это были очень важные изменения. Они представляли собой отмену квазифеодальных форм присвоения прибавочного продукта и установление вместо них многообещающих юридических условий (хотя и не идеальных социально-экономических условий) для его капиталистического присвоения и капиталистической индустриализации Франции²¹. Но мы не должны забывать, что эти трансформации — всего лишь часть всей истории. В определенном смысле они были просто дополнениями к более впечатляющим и далекоидущим трансформациям французского государства и политического общества. Эти политические изменения, в свою очередь, не были просто или преимущественно «либеральными» по своей природе. Они также не были непосредственно обусловлены действиями или классовыми интересами буржуазии. Скорее они были результатом сложных наложений народных восстаний и усилий ряда сменявшихся друг друга политических лидеров по административно-военной консолидации. В силу своих процессов и результатов французская революция (как попытается продемонстрировать оставшаяся часть этого раздела) была в той же или еще большей степени бюрократической, инкорпорирующей массы и укрепившей государство революцией, в какой она была (в общем смысле) буржуазной революцией.

Последствия социально-революционного кризиса 1789 г.

Если французская революция была главным образом трансформацией абсолютной монархии, отягощенной «средневековым хламом», в централизованное, бюрократическое, национальное государство с политиче-

21. За исключением того, что законы, разрешающие равное наследование всеми сыновьями в семье, способствовали постоянному делению собственности, в особенности среди крестьянства, и тем самым представляли собой некоторую помеху капиталистическому развитию. См.: Kemp, *Economic Forces*, pp. 103–104.

ским участием масс, то как и почему это произошло? Политический результат французской революции, полностью консолидировавшийся при Наполеоне, был совсем не тем, какой предпочли бы экономически доминирующие группы во Франции. Хотя они никогда не могли прийти к согласию относительно институциональных деталей, самые богатые французские собственники, вероятно, ожидали от революции чего-то вроде английской парламентской системы. Это была система с местным самоуправлением и национальным собранием (или собраниями), где доминировали представители образованных, зажиточных групп, а также с национальным представительным органом, обладающим законодательной инициативой и полномочиями осуществлять финансовый контроль над исполнительной властью. Но во Франции, так же как в России и Китае, социально-революционный процесс не увенчался подобного рода либеральными политическими результатами. С самого начала, с 1789 г. и далее, социально-революционный кризис, отмеченный выходом из строя монархической администрации, от которой зависел господствующий класс, в сочетании с неконтролируемыми крестьянскими бунтами, нес в себе семена краха попыток консолидировать революцию в либеральных формах. Чтобы увидеть, насколько и почему это верно, целесообразно вкратце сравнить французскую социально-политическую структуру и революционную траекторию с таковыми же в Англии для парламентской революции XVII в.

Политические возможности господствующего класса

С самого начала перед французским господствующим классом было открыто меньше возможностей, чем перед английским, для осуществления либеральной политической революции против монархии. Английский парламент уже был действующей национальной ассамблеей за века до английской революции, и он объединял процветающих нобилей, представляющих городские и сельские местности. (На самом деле многие клики земельных джентри в графствах просто присвоили права представлять городские корпорации своих местностей

в Палате общин.) Более того, представители в парламенте обладали крепкими связями с местными властями, которые контролировали большую часть средств управления и принуждения в стране²². Когда английский господствующий класс стал ограничивать полномочия монархии, он, таким образом, действовал во имя утверждения и защиты полномочий уже существующего национального представительного собрания. И когда начались раздоры по поводу контроля над вооруженными силами, приведшие к гражданской войне, фракции господствующего класса, поддерживающие парламент, могли использовать свои связи с местными властями (в Лондоне и многих графствах) для того, чтобы мобилизовать военные и финансовые ресурсы, по меньшей мере сопоставимые с теми, что были у короля и его сторонников.

Во Франции дела обстояли совершенно иначе. Господствующий класс был внутренне расколот в вопросе о том, каких именно представительных институтов он хочет в противовес королю. Генеральные штаты были не более чем историческим прецедентом; и уже существовавшие политически значимые привилегии были бы поставлены под угрозу, если бы провинциальными штатами, парламентами и голосованием по сословиям пожертвовали ради единой национальной ассамблеи. К концу весны 1789 г. либеральные нотабли третьего сословия и аристократия выиграли битву за Национальное собрание. Но, в отличие от английского парламента, новорожденный французский не имел никаких установленных связей с местными властями. И его выживание в противостоянии с монархией было обеспечено только благодаря спонтанной, общенациональной муниципальной революции лета 1789 г.

Хотя Национальное (впоследствии переименованное в Учредительное) собрание очевидно выиграло от муниципальной революции, оно ни в каком смысле не направляло это движение. И впоследствии оно ни-

22. См.: G. E. Aylmer, *The Struggle for the Constitution*, 2nd ed. (London: Blandford Press, 1968), в особенности chs. 1–2; D. Brunton and D. H. Pennington, *Members of the Long Parliament* (London: Allen and Unwin, 1954); Ivan Roots, "The Central Government and the Local Community" in *The English Revolution, 1600–1660*, ed. E. W. Ives (New York: Harper & Row; 1971).

чего не могло сделать, кроме как конституционно одобрить результаты децентрализации. Верно, что новые муниципальные собрания были сильно ориентированы на национальную политику и рьяно поддерживали революцию²³. Но с административной точки зрения результатом муниципальной революции стала не только дезорганизация королевской власти, но и препятствия появлению эффективного революционного правления. «Фундаментальным фактом, — писал Альфред Коббан, перефразируя историка-предшественника, — является то, что до 1789 г. не было ни одного по-настоящему выборного собрания, а только правительственные чиновники; в 1790 г. не было ни одного чиновника, только выборные органы»²⁴. На ранних этапах революции недоверие к любой централизованной исполнительной власти было настолько велико, что никакой работоспособной системы взамен монархической создано не было. Напротив, местные власти оказались практически самостоятельными, хотя и без адекватных учреждений для сбора налогов²⁵. В то же время центральному правительству было все труднее проводить скоординированную политику или даже просто собирать достаточные средства через систему налогообложения. Чтобы управлять страной, членам Национального собрания приходилось полагаться на собственную способность убеждать местные власти в необходимости выполнять указы центральной власти.

Английские парламентские лидеры столкнулись с аналогичными трудностями во время Гражданской войны. Но они, по крайней мере, могли иметь дело с традиционными и знакомыми местными властями, которые были хозяевами на местах, с проверенными средствами социального контроля. Напротив, после 1789 г. французские местные власти были абсолютно новыми и не имели адекватных средств для выполнения взятых

23. Этот момент решительно подчеркивается Линн Хант в статье: Lynn A. Hunt, "Committees and Communes: Local Politics and National Revolution in 1789", *Comparative Studies in Society and History* 19:3 (July 1976), pp. 321-346.

24. Alfred Cobban, "Local Government during the French Revolution", in *Aspects of the French Revolution* (New York: Norton, 1970), p. 118.

25. *Ibid.*, pp. 118-120.

на себя функций. Когда в 1790 г. в качестве важного «надмуниципального» уровня власти были созданы департаменты, эти два уровня местной власти имели тенденцию представлять разные интересы и часто входили в противоречия друг с другом. К тому же меняющиеся национальные лидеры или соперничающие на национальном уровне фракции искали расположения сначала одного уровня местной власти, а затем другого²⁶. Благодаря всему этому политическая интеграция сельских местностей была потенциально слаба — и терпела крах там и тогда, где и когда интересы крестьян и горожан входили в противоречие. Дело в том, что наиболее активные местные власти во вновь возникающей национальной системе базировались исключительно в городах. В целом, революционное либеральное правительство, возникшее во Франции в 1789–1790 гг., имело значительно более шаткие основания, чем английский парламент. Что неудивительно, учитывая происхождение французского либерального режима. Изначально он вообще смог сформироваться только благодаря децентрализующей дезорганизации королевской администрации, от которой зависел дореволюционный господствующий класс.

Воздействие крестьянских бунтов

Ситуацию усугубляло то, что французские либеральные революционеры сразу же столкнулись и постоянно сталкивались с намного более сильными угрозами, чем английские парламентские деятели. Это были угрозы и неконтролируемых низовых восстаний, и углубляющейся поляризации господствующего класса относительно фундаментальных социальных и политических проблем. Здесь важную роль приобретают крестьянские бунты. По причинам, описанным в главе 3, широкомасштабные крестьянские восстания против господствующего класса землевладельцев никогда не вспыхивали в ходе английской революции. Английский высший класс мог свободно спорить по поводу политических форм (в вопросе которых он был потенциально более единым, чем французский), не сталкиваясь с социально-

26. Cobban, "Local Government during the French Revolution", pp. 121 ff.

революционным вызовом снизу. Но во Франции весной и летом 1789 г. то и дело вспыхивали крестьянские восстания, направленные прежде всего против обладателей сеньориальных прав, принадлежавших к французскому правящему классу. И их последствия для революции были весьма существенными. Конечно, в основном непосредственными достижениями крестьянских восстаний были атаки на существующую классовую структуру, устранение одного из существующих способов присвоения прибавочного продукта и контроль над сельскохозяйственной собственностью и производством. Столь же, если не более важным было обратное воздействие крестьянских бунтов на ход революционного процесса. Благодаря своему влиянию на действия Учредительного собрания (прямо в августе 1789 г. и косвенно после этого) крестьянские восстания подтолкнули к отмене не только сеньориализма, но и многих других институтов Старого порядка. Они облегчили возникновение единообразных, рациональных административной и правовой систем, которые характеризовали современную Францию с 1790 г. Но в то же самое время крестьянские бунты и их отзвуки на национальном политическом уровне способствовали усилению политической поляризации в среде господствующего класса. Таким образом, крестьяне помогли превратить институционализацию либерального, конституционно-монархического режима в некий миф, тающий по мере устремления к нему умеренных революционных лидеров.

Аграрные волнения лета 1789 г. покатались как снежный ком. Они поставили только что созданное Учредительное собрание перед тяжелым выбором и породили ощущение кризиса среди его членов. В противоположность городским народным волнениям в июле, крестьянскими восстаниями нельзя было управлять или принять в состав каких-либо установленных властей. Их также невозможно было систематически подавить без восстановления абсолютистской администрации, которая совсем недавно была распущена и частично заменена в больших и малых городах. Некоторые из более воинственно настроенных депутатов Собрания рассматривали кризисную ситуацию как возможность ускорить (и гарантировать) отмену многих партикуляристских привилегий,

подрывавших национальное единство и идеал юридического равенства всех граждан. Так что знаменитой ночью 4 августа 1789 г. сеньориальные права были «отменены» (на самом деле — заменены денежными выплатами). Вдобавок к этому целой чередой особых привилегий, прав собственности и налоговых льгот городов, провинций, судейского дворянства, провинциального дворянства, обладателей продажных должностей и церкви пожертвовали в ходе частично подстроенной, частично спонтанной вспышки отказов от них. Проголосовали за компенсацию экономически значимых потерь (таких как сеньориальные права, продажные должности и уменьшенная церковная десятина). Тем не менее от массы «средневекового хлама» быстро избавились²⁷.

Привилегии элит третьего сословия, дворян и церковников, были принесены в жертву. Однако для многих консерваторов, которых уже вынудили скрепя сердце смириться с созывом Национального/Учредительного собрания, эти социально-экономические потери, столь быстро наложившиеся на потерю политических привилегий, были уже чем-то из ряда вон выходящим. К тому же в последующие месяцы Собрание было вынуждено конфисковать церковные земли для пополнения пустеющей казны, поскольку в результате августовских реформ государство приняло на себя новые обязательства перед обладателями продажных должностей и церковью. Брожение на селе продолжалось и время от времени доходило до точки кипения, поскольку крестьяне отказывались платить выкупные платежи за сеньориальные подати, не платя и самих податей. Иногда крестьяне предпринимали насильственные действия против сеньоров или нападали на их усадьбы²⁸. К тому же дисциплина в армии продолжала ухудшаться, поскольку рядовые местами массово дезертировали, а местами отказывались подчиняться офицерам (в основном дворя-

27. Описания событий 4 августа см. в: Hampson, *Social History*, pp. 78–85; Sydenham, *French Revolution*, pp. 51 ff.

28. Особенно живописный инцидент, описанный в контексте продолжающихся в 1791–1792 гг. крестьянских волнений, см. в: Georges Lefebvre, “The Murder of the Comte de Dampierre”, in *New Perspectives on the French Revolution*, ed. Jeffrey Kaplow (New York: Wiley, 1965), pp. 277–286. См. также: Hampson, *Social History*, pp. 95–96.

нам) или восставали против них²⁹. Дворяне в особенности стали объектом нападков и несли потери. Дело в том, что средства управления и принуждения были теперь в основном в руках городских властей. Поэтому дворяне (особенно сельские) не имели доступа или контроля над административными или военными средствами защиты своих интересов и положения. Поэтому с конца 1789 г. все больше росло число сельских дворян, так же как и других консерваторов, с отвращением относившихся к народным беспорядкам и национальным политическим процессам, в большом числе эмигрировавших из Франции³⁰. Они часто присоединялись к контрреволюционной армии, сформированной братом короля графом д'Артуа, призывавшим других европейских монархов осуществить военную интервенцию во Францию.

Тем временем внутри страны король и другие упрямые консерваторы никогда не прекращали демонстрировать отвращение к революции и отказывались искренне сотрудничать с умеренными лидерами, пытавшимися консолидировать конституционную монархию. Король и его сторонники не имели в своем распоряжении административных и военных средств, чтобы обратить вспять ход революции. Но их отказ от сотрудничества, особенно в контексте усиливающейся контрреволюционной риторики эмигрантов, был достаточным для усиления радикальных (и в конечном итоге республиканских и демократических) политических тенденций в Национальном собрании, а также среди тех, кто следовал им по всей Франции и в Париже.

Таким образом, с августа 1789 г. и далее была задана динамика поляризации, которая неизбежно усиливала экстремизм полноценной аристократическо-монархической реакции. С другой стороны, усиливались недоверие к королю и страх перед контрреволюцией, который в конечном счете вел к радикальному республиканизму. Как мы вскоре увидим, эти трения все более

29. О волнениях в армии в 1789–1790 гг. см.: S. F. Scott, "The Regeneration of the Line Army during the French Revolution", *Journal of Modern History* 42:3 (September 1970), pp. 307–318; Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973), ch. 8.

30. Donald Greer, *The Incidence of the Emigration During the French Revolution* (Cambridge: Harvard University Press, 1951), pp. 21–31.

парализовывали и в конце концов (в условиях войны) раскололи хрупкое единство либерального революционного правительства 1789–1792 гг. В свою очередь, это открывало возможности для мобилизации городских масс радикальными политическими элитами — людьми, маргинальными по отношению к старому землевладельческо-торговому господствующему классу и преимущественно ориентированными на достижение личных и национальных целей через деятельность в сфере государственного строительства. Сопоставимые возможности для городских народных радикалов и осуществляющих государственное строительство элит никогда не появлялись в ходе английской революции. Там центром притяжения оставались (и возглавляли революционную армию «нового образца») джентльмены-землевладельцы, принадлежащие к господствующему классу, с прочной политической базой в парламенте и органах местной власти. В распоряжении французского господствующего класса не было ничего подобного такому сосредоточению политической власти. Поэтому, когда разразился политический кризис 1789 г., не только обладателям сеньориальных прав приходилось справляться с крестьянскими бунтами в неконтролируемой сельской местности. Столь же фатальным оказалось то, что либеральные сектора господствующего класса оказались неспособны заменить абсолютную монархию на правление парламентского типа со сколько-либо прочной базой, которое смогло бы вновь объединить собственнические слои и гарантировать их правление перед лицом потенциальных политических угроз со стороны бюрократии и народа.

Война, якобинцы и Наполеон

В конечном итоге именно объявление Францией войны Австрии в апреле 1792 г., вовлекшее страну в первый из серии международных конфликтов, в которые погрузилась Европа вплоть до 1815 г., нанесло последний удар либеральной фазе 1789–1791 гг. Это событие привело в движение процессы централизации государства и политическую мобилизацию народа, которые до-

стигли кульминации сначала в терроре монтаньяров 1793–1794 гг., а затем в диктатуре Наполеона. Как однажды кратко сформулировал Марсель Рейнар, «La guerre révolutionnaire la Revolution»^{31, 32}. Давление на французских революционеров после 1791 г. в пользу мобилизации для войн на континенте, как раз в тот момент, когда они боролись с контрреволюционерами внутри страны, должно рассматриваться как ряд условий, сравнимых по значимости с влиянием социально-революционных обстоятельств 1789 г. в детерминации централизующего характера итогов французской революции. И опять в этом отношении Франция вновь контрастирует с Англией, поскольку английские революционеры не сталкивались с вторжениями могущественных военных держав.

Как можно заключить, подобно тому, как это делает ряд истолкователей, что война была исторической случайностью, «сбившей революцию с курса»?³³ Верить в это — значит полагать, что революция могла проходить (не говоря уже о том, чтобы начаться) во Франции внезапно и, чудесным образом, вне всякой связи с европейской системой государств, в которой она всегда была укоренена. Ни внутренние участники французской революционной драмы, ни внешние наблюдатели, короли и народы, никогда не впадали в такую иллюзию. В основе первоначальной вспышки военных действий (между Францией и Австрией в 1792 г.) и повторяющихся впоследствии вспышек все большего масштаба были просто давно сложившиеся трения и динамика баланса сил европейской системы государств, которые теперь пришли во взаимодействие с неопределенностью и внезапными изменениями развертывающейся революции³⁴. В революционной Франции конфликтующие группы посто-

31. «Война революционизировала революцию» (фр.). — Прим. пер.

32. Эта цитата заимствована из основной части главы 6 книги: Hampton, *Social History*, p. 132.

33. François Furet and Denis Richet, *The French Revolution*, trans. Hardman (New York: Macmillan, 1970), ch. 5.

34. См. Geoffrey Bruun, "The Balance of Power During the Wars, 1793–1814", in *The New Cambridge Modern History* (Cambridge: Cambridge Press, 1965), vol. 9, pp. 250–274. Также см. попытку не-историка проанализировать европейскую международную динамику во время французской революции: Kyung-won Kim, *Revolution and International System* (New York: New York University Press, 1970).

янно испытывали искушение (как и придворные клики при Старом порядке) использовать для фракционных целей подготовку к войнам и ожидаемые или реальные последствия успешных кампаний. Подобным же образом прочие европейские державы находили в первоначальном ослаблении монархической Франции, а затем в угрожающих результатах нового усиления республиканской и наполеоновской Франции множество причин воевать снова и снова. В конечном итоге прямым порождением французской революции стала воинственная система, которая попыталась, как и мечтал Людовик XIV, овладеть всем континентом. Эта попытка провалилась потому, что и Францию, и другие континентальные монархии опередили, с одной стороны, бурно растущая торгово-промышленная британская держава, и с другой — имперская Россия с ее не поддающимися завоеванию просторами³⁵. С этим провалом уникальный импульс революционного наследия был растрочен, не дав Франции достигнуть международного первенства. Тем не менее под эгидой военной мобилизации и военного вмешательства в нестабильную внутреннюю политику было построено и передано консолидированной французской нации централизованное бюрократическое государство. Таким образом, военные действия были далеко не внешними по отношению к развитию и судьбам французской революции; они скорее были центральными и значительными ее составляющими, как и можно было ожидать, зная природу и дилеммы Старого порядка, в котором зародилась революция.

Народное недовольство и мобилизация для революционной диктатуры

Когда в апреле 1792 г. бриссотинцы³⁶ втянули Францию в войну против Австрии, они полагали, что это объединит патриотическую и революционную нацию и поведет ее к легким победам. Но на самом деле внутренняя

35. См. Ludwig Dehio, *The Precarious Balance*, trans. Charles Fullman (New York: Vintage Books, 1962), ch. 3.

36. Бриссотинцы — партия жирондистов в Законодательном собрании под предводительством Жака-Пьера Бриссо. — *Прим. пер.*

политическая поляризация только усугубилась. Армии плохо сражались, будучи ослаблены эмиграцией или недовольством многих офицеров и неподчинением или плохой подготовкой рядовых. Последовавшие военные поражения Франции, в свою очередь, возбудили надежды и страхи реакционеров и радикалов внутри страны. В то же время война неотвратимо повлекла за собой инфляцию, и курс *assignat*³⁷ резко упал. Хотя радикальные политики распространяли республиканские лозунги, но усугубляющиеся военные и политические кризисы, а также удорожание основных продуктов питания вызвали недовольство масс городского *menu peuple*³⁸.

Кем были эти городские *menu peuple* и какова была их основная роль в революционном процессе? Они не были классом в каком-либо современном (особенно капиталистическом) смысле слова, поскольку в их размытые ряды входили владельцы собственности, такие как лавочники, ремесленники и мелкие торговцы; прото-наемные рабочие, такие как поденщики и работники по найму; низкооплачиваемые служащие или лица свободных профессий³⁹. Если эти люди в социально-экономическом плане и имели что-то общее, так это то, что они зарабатывали себе на жизнь, приобретали или владели собственностью (если вообще владели ею) только в тесной связи с работой и разделяли общее озлобление против богатых и привилегированных (включая буржуа), которые «жили по-дворянски». Также эти *menu peuple* разделяли беспокойство относительно цен и просто доступности самого необходимого. Поскольку, как непривилегированные городские жители в исторический период, когда снабжение городов хлебом и иными товарами периодически сталкивалось с проблемами из-за превратностей погоды, трудностей транспортировки и «несовершенных» рынков, они никогда не могли быть уверены в том, что могут позволить себе или добудут достаточно, чтобы позаботиться о своих семьях. Несомненно, как продемонстрировали исследования Жоржа Руде, базовая

37. Ассигнация, бумажные деньги (фр.). — Прим. пер.

38. Простого люда (фр.). — Прим. пер.

39. George Rudé, *The Crowd in the French Revolution* (New York: Oxford University Press, 1959), особенно ch. 12.

тревога *menu peuple* относительно доступности самых необходимых продуктов лежала в основе народного политического участия практически в всех решающих моментах (*journées*) революции с 1788–1789 гг. до 1795 г.⁴⁰

Однако здесь срабатывал еще один фактор: избирательная и постепенно растущая политическая осведомленность⁴¹. Дело в том, что в каждый из таких поворотных моментов революции *menu peuple* оказывали поддержку тем политическим элитам, которые казались вернейшими сторонниками сначала (в 1788–1789 гг.) «свободы», а затем (с 1791 г. и далее) также и «равенства» — равенства политических прав и права на средства к существованию. И с ростом угрозы вооруженной контрреволюции политически активные *menu peuple*, прежде всего в Париже, стали сознательными республиканскими, антиаристократическими и моралистически эгалитаристскими *санкюлотами*. Они требовали, чтобы разграничение между «активными» и «пассивными» гражданами, закрепленное в первоначальной Конституции 1790 г., было отменено. К тому же они организовывали свое собственное политическое и военное участие в районных секциях (в Париже), в городских сообществах, наблюдательных комитетах и в *armées révolutionnaires* (вооруженных группах самопровозглашенных защитников революции, которые все в большей степени брали на себя обеспечение больших и малых городов основными видами поставок)⁴².

К концу 1792 г., по большей части благодаря активному участию санкюлотов в ключевых политических демонстрациях и вооруженных акциях, не только бриссотинцы, но и монархия и Законодательное собрание были устранены с пути либерально-демократической республики. Однако первоначально структура национальной власти оставалась столь же административно децентрализованной, как и ранее, в теории координирова-

40. Rudé, *The Crowd in the French Revolution*, особенно ch. 13.

41. Этот момент особенно хорошо разработан в: Gwyn A. Williams, *Artisans and Sans-Culottes* (New York: Norton, 1969), ch. 2.

42. См.: Ibid., chs. 2, 3, 5; Rudé, *The Crowd in the French Revolution*; Albert Soboul, *The Sans-Culottes: The Popular Movement and the Revolutionary Government, 1793–1794*, trans. Rémy Inglis Hall (New York: Doubleday (Anchor Books), 1972).

лась избранным Конвентом, работавшим над проектом новой Конституции. Как и можно было ожидать, этого оказалось недостаточно для кризисной ситуации тех дней. Вскоре события захлестнули Конвент и разорвали швы децентрализованного правления, унаследованного от либеральной антимонархической революции. Несмотря на некоторые ранние военные успехи армий Республики, к началу 1793 г. внешние враги снова усилили свое давление на Францию. Одновременно имели место восстания внутри страны. Побуждаемые угрозой призыва в национальную армию, в марте крестьяне Вандеи восстали против революционной власти. И по мере того, как события в Париже (такие как очистка Конвента от жирондистов в конце мая) опережали политические процессы в провинции и приводили в ряды оппозиции все больше недовольных политиков, вспыхивали многочисленные местные восстания, опиравшиеся на власти городов или департаментов, которые бросали вызов власти Парижа. К началу лета больше трети департаментов Франции участвовали в таких контрреволюционных или «федералистских» восстаниях, в некоторых случаях создавая благоприятные возможности для иностранной военной интервенции.

Чтобы справиться с кризисом защиты революции от ее вооруженных врагов внутри страны и за рубежом, возникла диктаторская и деспотическая система правления. Ее руководителями было идейное меньшинство монтаньяров-якобинцев, которое мобилизовывало, манипулировало и направляло спонтанное недовольство и рвение санкюлотов⁴³. В Париже Робеспьер и другие монтаньяры — депутаты Конвента утвердились в Комитете общественного спасения и Комитете общественной безопасности и поддерживали связи с представителями санкюлотов в парижской Коммуне. Работая через «уполномоченных представителей» и «национальных агентов», направляемых из Конвента, через местные рай-

43. Обзор диктатуры монтаньяров, помимо общих историй революции, см. в: Soboul, *Sans-Culottes*; Richard Cobb, *Les Armées Révolutionnaires*, 2 vols. (Paris: Mouton, 1961–1963); R. R. Palmer, *Twelve Who Ruled* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1941). Я буду опираться на эти источники в ходе всего последующего рассмотрения.

онные надзорные комитеты и сеть якобинских клубов по всей Франции, комитеты постепенно начинали все более жестко координировать общенациональную политику. «Выборы были приостановлены, а обновление [местных] административных советов было передано национальным „представителям“ с помощью народных обществ... На смену крайней децентрализации Учредительного собрания пришла жесточайшая централизация, которую когда-либо знала Франция»⁴⁴. Драконовское и упрощенное судопроизводство, известное как Террор, применялось для того, чтобы бросать в тюрьмы и казнить врагов революции. Эти меры, к которым правительство монтаньяров подтолкнули его сторонники из народа, чаще всего обрушивались на дворян, непокорных священников и богатых буржуа (пропорционально их доле во всем населении). Но в абсолютных числах намного больше пострадали крестьяне и городская беднота, в большинстве своем из мятежных регионов. Общий характер казней в эпоху Террора убедительно говорит о том, что их главной функцией была не классовая война, а политическая оборона; что, выражаясь словами Дональда Греера, они «применялись, чтобы сокрушить мятеж и усмирить оппозицию революции, Республике или монтаньярам...»⁴⁵. Без таких мер трудно было представить, как любое подобие централизованной власти могло бы возникнуть так быстро. Но даже с помощью Террора (а на самом деле отчасти из-за его жестокого произвола) возникшая система первоначально совершенно не была рутинизирована. Вместо этого уполномоченные представители и местные органы власти в разных местах делали очень разные и даже противоположные вещи, всегда во имя защиты революции (и монтаньяров)⁴⁶. Только со временем был установлен более стандартизированный контроль.

Основной целью и наиболее долгосрочным достижением диктатуры монтаньяров было увеличение, укреп-

44. Jacques Godechot, "The French Revolution", in *Chapters in Western Civilization*, 3rd ed., 2 vols. (New York: Columbia University Press, 1962), vol. 2, p. 34.

45. Donald Greer, *The Incidence of the Terror During the French Revolution* (Cambridge: Harvard University Press, 1935), p. 124.

46. См.: Colin Lucas, *The Structure of the Terror* (New York: Oxford University Press, 1973).

ление и обеспечение всем необходимым национальных армий Франции. Одной из первых мер, принятых (в августе 1793 г.) Комитетом общественного спасения, был знаменитый *levée en masse*⁴⁷, которым провозглашалось:

Все французы находятся в состоянии мобилизации для службы в армии. Молодые люди пойдут сражаться; женатые будут ковать оружие и доставлять продовольствие; женщины будут изготавливать палатки, шить одежду и работать в лазаретах; дети будут щипать из старого белья корпию; старики дадут понести себя на площади, чтобы своими речами подогреть мужество бойцов и проповедовать ненависть к королям и единство республики⁴⁸.

Армии Франции достигли огромной численности, и члены Комитета общественного спасения, прежде всего Лазар Карно, «организатор победы», занимались отбором и инструктажем новых генералов армий, пропагандой в войсках и направлением всех сил государства на решение огромных проблем снабжения армий. Проводя массовую военную мобилизацию, правительство монтаньяров также реквизировало и покупало продукты питания и другие предметы снабжения для армий и городов, организовывало производство вооружений и регулировало цены на основные товары и труд. «Регулирование экономики скоро стало настолько обширным, насколько могли позволить принуждение и бюрократия тех дней»⁴⁹. Так было не только потому, что, как подчеркивают многие интерпретаторы революции, монтаньяры находились под постоянным давлением *санкюлотов*, требовавших облегчить экономические бедствия народа. Но также и потому, что только с помощью такого жесткого контроля можно было снабжать революционные армии продовольствием и материалами.

Тем не менее следует сделать одно важное замечание относительно военных достижений революционной диктатуры. Монтаньяры не начинали с нуля. Они также не отказались от регулярных армий, не заменили их

47. Массовая мобилизация (фр.). — Прим. пер.

48. Цит. по: John Ellis, *Armies in Revolution* (New York: Oxford University Press, 1974), p. 97; Соколов О. В. *Битва двух империй. 1805–1812*. Москва: Астрель, 2012.

49. Sydenham, *French Revolution*, p. 187.

на вооруженных добровольцев, организованных в самоуправляющиеся единицы, какими были ранние революционные ополчения. Как продемонстрировали недавние исследования С. Ф. Скотта⁵⁰, линейные армии Франции, хотя и существенно ослабленные необычно высоким уровнем дезертирства рядовых в 1789 и 1790 гг. и дестабилизированные массовой эмиграцией офицеров-дворян с 1789 по 1792 г., тем не менее в организационном отношении оставались вполне невредимыми в 1793 г., когда к власти пришли монтаньяры. Более того, подразделения линейной армии уже восстановили нормальное количество рядовых к 1791–1792 гг., а офицерский корпус был пополнен повышениями в чине призванных до 1789 г. (которые составляли более половины офицеров к началу 1792 г.). В 1793–1794 гг. монтаньяры объединили добровольческие подразделения и вновь мобилизованных солдат из граждан с существовавшими линейными подразделениями постоянных армий. Одновременно политически лояльные и закаленные в боях офицеры рекрутировались из числа уполномоченных представителей Комитета общественного спасения. Конечно, армии численно очень увеличились и были исполнены нового патриотического порыва; как это будет рассмотрено далее, некоторые новые виды военной тактики стали возможны при наличии высоко мотивированных войск из граждан. Но эти солдаты (при всей их политической сознательности и рвении) были инкорпорированы в структуру линейных армий, которые полностью не распустили в 1789–1792 гг. Несмотря на трансформации, они сохранились и послужили основой для революционного государственного строительства в контексте сухопутных военных действий на континенте.

Падение монтаньяров

При диктаторском правлении Комитета общественного спасения армии революционной Франции от деморализации и поражений перешли к частым победам. К началу 1794 г. они справились со всеми основными внутренними и внешними военными угрозами республике.

50. Scott, "Regeneration of Line Army".

Однако с того времени нарастало недовольство среди прежних сторонников диктатуры монтаньяров. И к лету 1794 г. Робеспьер и его основные сподвижники были отправлены на гильотину, когда Конвент отказался поддерживать диктатуру Комитета.

Существовали и политические, и экономические факторы падения диктатуры. Сначала рассмотрим экономические трудности. Монтаньяры попытались контролировать цены и зарплаты, но это было практически невозможно в столь децентрализованной доиндустриальной экономике⁵¹. Неотложные потребности государства были удовлетворены, но социальные группы оставались недовольными. В городских центрах лавочники, торговцы и мелкие работодатели жаловались на слишком низкие цены и слишком высокие зарплаты. А бедняки из числа *санкюлотов* пришли в ярость, прежде всего когда монтаньяры попытались понизить зарплатный максимум весной 1794 г. (в это время хлеб по разумной цене было все еще трудно достать).

Тем временем крестьяне-собственники в сельской местности все больше отказывались выращивать или продавать свою продукцию по искусственно заниженным ценам или под давлением принудительной реквизиции, осуществляемой правительственными агентами или вооруженными группировками городских революционеров. Ирония заключалась в том, что именно этим крестьянам были наиболее выгодны аграрные реформы революции. Они выиграли больше всего не только от коллективной борьбы крестьянства снизу против сеньориальных требований и десятин, но также и от декретов радикалов в Конвенте, которыми они стремились привлечь поддержку крестьян во время военного кризиса революции. Монтаньяры были готовы одобрить победу крестьян в 1789–1792 гг., отменив неисполняемые законы, требующие от крестьян компенсаций в пользу обладателей старых сеньориальных прав. Монтаньяры также предприняли некоторые усилия, чтобы по-

51. См.: Rudé, *The Crowd in the French Revolution*, chs. 8–9; Moore, *Social Origins*, pp. 86–92; Soboul, *Sans-Culottes*, особенно рт. II и заключение. Мур, в частности, подчеркивает аграрный аспект экономических трудностей монтаньяров.

зволить крестьянам покупать небольшими участками земли, конфискованные у церкви и дворян-эмигрантов. Но, как и другие политические лидеры времен французской революции, они последовательно стремились укрепить юридические права индивидуальных владельцев собственности. На самом деле это было единственной имеющей смысл политической стратегией для монтаньяров, учитывая то, что их «партия» не имела широкой организационной базы в сельской местности, а французское бедное крестьянство не обладало собственными коллективными организациями, через которые могло бы продавливать программы перераспределения земель (или для юридической защиты тех конкретных коллективных прав, сохранившихся с феодальных времен, которые защищали бы их интересы). Лучшее, на что в политическом плане могли надеяться монтаньяры, было привлечь как можно больше мелких крестьян к делу революции, юридически санкционировав уже осуществленные завоевания и позволив как можно большему числу индивидов покупать земли. Однако это одновременно усиливало контроль над аграрной экономикой тех самых крестьян-собственников, чьим интересам наносили ущерб чрезвычайные меры по контролю над ценами и насильственные реквизиции зерна, осуществляемые диктатурой монтаньяров в 1793–1794 гг.

Вдобавок к этому монтаньяры сталкивались с политическими противоречиями, которые также были логичным следствием их собственной политики⁵². Возможно, ощущая свое непрочное положение, они реально усилили официальный террор после того, как были одержаны решающие военные победы. И они применяли его не только для наказания потерпевших поражение контрреволюционеров, но и для того, чтобы нанести удар по фракциям справа (дантонисты) и слева (эбертисты) от руководства диктатуры. Это послужило тому, что умеренные в Конвенте неловко себя чувствовали, побуждая их к отзыву своего мандата Комитета. А это подрубило сильнейшие связи руководства

52. См.: Palmer, *Twelve Who Ruled*, chs. 11–13; Soboul, *Sans-Culottes*, pts. III–V и заключение. Собуль особенно хорош в описании политических противоречий между народным движением и монтаньярами.

Комитетов с народным движением в Париже. Потеря эбертистских связей с левыми была особенно серьезной, потому что к весне 1794 г. *санкюлоты* уже не были спонтанной революционной силой, какой они были, когда их вмешательство первоначально и привело монтаньяров к власти. Ирония заключалась в том, что одним из свершений диктатуры было приручение и рутинизация народного движения. Народным собраниям и органам, которые когда-то служили прямой демократии, либо не позволяли собираться, либо включали их в состав в качестве подчиненных органов диктатуры, а их лидеры во многих случаях становились оплачиваемыми государственными чиновниками. Более того, тотальные военные усилия истощили ряды и рвение первых *санкюлотов*, так как многие отправились на фронт, а энергию тех, кто остался, направляли на рутинную поддерживающую работу. Добавим к этому растущее экономически мотивированное недовольство *санкюлотов* властью монтаньяров, и вовсе станет понятно, почему Робеспьера удалось свергнуть в термидор без эффективного сопротивления снизу.

Некоторое сочетание этих экономических и политических противоречий обычно приводится историками в качестве достаточного объяснения того, почему диктатура монтаньяров была свернута и радикализация французской революции закончилась в 1794 г. Действительно, названные выше противоречия *были* достаточны, но только в силу того, что они имели место в социально-политическом и всемирно-историческом контексте Франции конца XVIII в. Как мы увидим в следующем крупном разделе этой главы, с весьма схожими трудностями в 1921 г. столкнулись большевики вскоре после их побед в гражданской войне. Потеряй большевики власть, историки могли бы легко приписать их падение недовольству рабочих и крестьян и экономическим противоречиям командной экономики «военного коммунизма» — оба этих условия были действительно очевидны в 1921 г. Однако большевики смогли осуществить изменения в экономической политике (включая уступки рыночным интересам предпринимателей и мелкому крестьянству) и остаться у власти в стране. Почему им это удалось, а монтаньярам в 1794 г. — нет? В качестве

«партии пролетариата», действующей в обществе XX в., уже обладавшем крупномасштабной, современной промышленностью, большевики получили два преимущества. У них были идеологическое самооправдание и реальная организационная база для политической миссии, которая могла сохранять их захват государственной власти не только во имя военной обороны Революции. Большевики могли «опереться» на контролируемые государством отрасли промышленности и посвятить себя после 1921 г. разработке способов применения власти государства для наращивания этих отраслей и числа занятых в них фабричных рабочих. Напротив, монтаньяры во Франции, даже если бы они последовательно намеревались рассматривать себя в качестве партии *санкюлотов*, не имели объективно подходящей для них экспансионистской экономической миссии, чтобы удерживаться у власти после военных побед 1793–1794 гг. Сами *санкюлоты* были сложной смесью из мелких собственников и лишенных собственности людей, заинтересованных в сопротивлении текущим тенденциям экономического развития. Что еще более важно, французская экономика, состоявшая почти полностью из мелких сельских и торговых единиц (и некоторых немеханизированных промышленных предприятий), не могла управляться политической партией сверху. Не было никаких «командных высот» для управления государством; к тому же на тот момент мировой истории даже зарубежные модели крупномасштабной промышленности начисто отсутствовали.

Таким образом, в революционной Франции практический вклад якобинских радикалов во французскую национальную государственность и развитие закончился тогда, когда острые контрреволюционные военные угрозы были преодолены. В этот момент им мало что оставалось, кроме как продолжить жестокие карательные меры против все более туманно определяемых контрреволюционеров и попытаться навязать культурные формы Республики Добродетели, увенчанные «культом Высшего существа», который должен был заменить католицизм⁵³. Политическая сплоченность монтаньяров уменьшалась по мере того, как смелели их потенциальные против-

53. См.: Sydenham, "The Republic of Virtue", ch. 8, *French Revolution*.

ники в стране и Конвенте. Даже «двенадцать правителей» Комитета общественного спасения не были едины и не действовали с целенаправленной решимостью с весны 1794 г. — что действительно отличается от того, как в 1921 г. действовали большевистские лидеры.

В поисках стабильности

После падения Робеспьера термидорианский Конвент быстро демонтировал судебный аппарат Террора и централизованный контроль чрезвычайного революционного правительства. Страдая от последствий роста цен и внезапного ослабления экономических ограничений, парижские *menu peuple* снова восстали весной 1795 г.⁵⁴ Но без радикальных политических элит, готовых и способных направить их поддержку в нужное русло, городские *menu peuple* больше не могли быть арбитром революции. На этот раз их инициатива была даже жестоко подавлена, а их лидеры уничтожены, поскольку Конвент использовал против них армию. К концу 1795 г. новая республиканская конституция создала режим, называемый Директорией (поскольку он состоял из пяти исполнительных директоров). Эта конституция была разработана и для того, чтобы сохранять власть умеренных политиков Конвента (согласно закону, две трети из них должны были избираться или назначаться в советы Директории) а также для того, чтобы дать богатым гражданам значительную местную административную и национальную законодательную власть. Вновь была предпринята попытка консолидировать революцию в либеральных формах. Но либерально-республиканская Директория была не более успешной, чем конституционная монархия, существовавшая до 1792 г., поскольку ее отягощали те же проблемы и недостатки.

Директория не сняла всего, унаследованного от ее предшественников; она сохранила большинство государственных служащих и расширила центральные административные органы. «Тем самым центральная бюрократия получила обновленную стабильность, открывшую путь к той первостепенной роли, которую она должна

54. Rudé, *The Crowd in the French Revolution*, ch. 10.

была сыграть в новом государстве, созданном Наполеоном и завещанном им последующим поколениям»⁵⁵. Тем не менее исполнительная власть была слаба. Номинально представителей Директории контролировали местные власти департаментов, но они обычно были влиятельными людьми в своих сообществах, назначенными благодаря покровительству местных представителей в законодательных советах. Столкнувшись с огромными проблемами экономических кризисов (особенно в 1795–1797 гг.), продолжающихся войн с внешними врагами и финансовых кризисов, вспышек Белого террора⁵⁶ и сопротивления антикатолической политике, директора не имели эффективных и легитимных средств влияния на состав или политику ни национальных законодательных советов, ни местных властей. «Центральное правительство оказалось неспособным исполнять свои собственные декреты. Оно не могло убедить избирателей голосовать. Оно не могло заставить непокорные администрации взимать принудительный займ [средство облегчить финансовый кризис государства], преследовать упрямствующих священников или отвечать на правительственные запросы. Оно не могло запретить им попустительствовать массовому дезертирству»⁵⁷. Трудности Директории были отражением не только ее неэффективной институциональной структуры, но также ее слабой общественной поддержки⁵⁸. Хотя ее структура и проводимая политика были предназначены для того, чтобы благоприятствовать слоям собственников (и делали это), последние в ответ не поддерживали Директорию

55. Clive H. Church, "The Social Basis of the French Central Bureaucracy under the Directory 1795–1799", *Past and Present* no. 36 (April 1967), p. 60.

56. Белый террор во Франции — волна жестокости и насилия, совершенного во Франции роялистами в 1815–1816 гг. под белым знаменем Бурбонов. — *Прим. пер.*

57. Martyn Lyons, *France Under the Directory* (Cambridge: Cambridge University Press, 1975), p. 173. При написании этого абзаца я во многом опиралась на главу II.

58. См.: Clive H. Church, "In Search of the Directory", in *French Government and Society, 1500–1850*, ed. J. F. Bosher (London: Athlone Press, 1973), pp. 261–294. Чёрч ставит под сомнение широко распространенное мнение о том, что Директория была откровенно «буржуазным» режимом, указывая на трения между политиками Директории и нотаблями, чьей поддержки Директория искала без особого успеха. Подход Чёрча акцентирует политическую структуру и затруднения Директории, и это я нахожу убедительным и полезным.

всецело. Отчасти это было следствием того, что Директория, несмотря на свою антиякобинскую политику, была для многих собственников все еще слишком радикальной и по своему составу, и в своей антироялистской и антицерковной политике. Отчасти причиной этого был также тот факт, что доминирующие экономические группы во Франции были к 1795 г. более политически раздроблены, чем когда-либо. Роялисты противостояли республиканцам, каждый лагерь имел еще и внутренние подразделения. Под впечатлением от народных мобилизаций 1793–1794 гг., с их угрозами правам собственности и социальным иерархиям, французские слои собственников оказались еще менее, чем до 1793 г., способны к компромиссам и действиям в рамках децентрализованных, либеральных политических институтов. Директория представляла собой попытку республиканских политиков термидорианского Конвента сохранить и либерализовать государственную власть, опираясь на поддержку владельцев собственности. Но это была неудачная попытка, как в силу ее институциональных недостатков, так и потому, что собственники не желали политического сотрудничества (и вероятно, не были способны к нему).

Не имея ни широкой общественной поддержки, ни административных средств для авторитарного правления (и, конечно, не желая прибегать к массовой политической мобилизации), Директория с ее ненадежной базой обратилась к армиям Франции, чтобы укрепить свою власть, — не только путем прямого подавления вооруженных мятежников, но и путем повторяющихся чисток избираемых законодательных советов. Тем временем национальные армии развивались в высоко профессионализированные и организационно самостоятельные организации. Бывшие революционные добровольцы становились «все более безразличными к внутренним политическим склокам и все более искусными в особых навыках и преимуществах солдатского ремесла»⁵⁹. А офицеров, некогда зависевших от гражданских властей в плане повышения в звании, теперь назначали генералы. «К концу Директории самым быстрым способом повышения по службе было присоединение к клиентеле влия-

59. Lyons, *Directory*, p. 155. См. также всю главу 10.

тельного генерала»⁶⁰. Таким образом, как раз тогда, когда политическое руководство стало систематически полагаться на армию, армейское руководство стало менее подвластным политическому контролю гражданской власти.

Вполне предсказуемым было, что генерал-авантюрист (приглашенный вмешаться некоторыми из директоров в 1799 г.) незамедлительно воспользовался значимостью и престижем армии для захвата власти путем государственного переворота. Наполеон Бонапарт использовал свою армейскую базу для того, чтобы сделать себя (шаг за шагом) сначала диктатором де-факто, затем пожизненным Первым консулом и, наконец, полноценным династическим императором.

Однако значительно более важными были институциональные изменения при Наполеоне. Юридически закрепив статус-кво социальных и экономических достижений революции и вновь установив административную централизацию, Наполеон смог положить конец ожесточенным общественным конфликтам революционного времени. Его подход сработал так хорошо в особенности потому, что для установления своего режима Наполеон без предрассудков относительно политической гибкости использовал кадры, уцелевшие от прежних режимов. Годешо пишет:

Эта гигантская административная реорганизация, включающая государственные назначения на множество хорошо оплачиваемых должностей, дала Бонапарту возможность поработать над примирением. Директория была обязана своим падением отчасти узости своего политического фундамента. Бонапарт, прекрасно осознавая этот факт, искал союзников и справа, и слева, а его наиболее успешный метод завоевания симпатий заключался в назначении людей из всех секторов политического мира на новые посты, которые появлялись... В числе префектов в первой партии было 15 *constituants*, 16 *legislateurs*, 19 *conventionnels*⁶¹ и 26 бывших членов советов Директории. Некоторые ранее были террористами, другие принадлежали к дворянству⁶².

60. Lyons, *Directory*, p. 154.

61. Бывших членов Учредительного собрания, Законодательного собрания и Конвента (*фр.*). — *Прим. пер.*

62. Jacques Godechot, "The Internal History of France During the Wars, 1793–1814", *The New Cambridge Modern History* (Cambridge: Cambridge University Press, 1965), vol. 9, p. 298.

Чтобы заставить эту эклектическую систему работать, Наполеон сознательно обошелся без неругинизированных массовых мобилизаций и всех проявлений приверженности идеологии. Используя вместо этого символы, ритуалы и пропаганду весьма обобщенного французского национализма, Бонапарт задекорировал свой, в сущности, авторитарно-бюрократический режим смесью символических уступок унаследованным от прошлого политическим фракциям: плебисцитарные и патриотические ритуалы для радикалов; консультативные советы с ограниченной избирательной базой для либералов; и конкордат с католической церковью для консерваторов⁶³.

После передышки в 1802–1803 гг. ценой наполеоновского внутреннего урегулирования оказалось продолжительное участие Франции в общих европейских войнах. Наполеон распорядился энтузиазмом и ресурсами Франции более эффективно, чем кто-либо до него, для зарубежных военных авантюр, изменивших облик Европы. Тем не менее наполеоновский проект завоевания всего континента был изначально обречен на провал. Вскоре французские военные успехи стимулировали националистическую реакцию в других странах Европы, так что давние европейские паттерны конкуренции государств и баланса сил вновь восторжествовали в новых политических формах. Более того, внутриматериковая «континентальная» система, на которую ориентировался Наполеон, не могла в тот момент в мировой истории надеяться превзойти английскую торгово-промышленную империю, основанную на господстве на море⁶⁴.

Тем не менее, сколь бы его военные подвиги не напрягали ресурсы Франции, Наполеон никогда не ослаблял хватку внутри страны, пока был хоть сколько-нибудь успешен в войнах. Единственной целью, на которую

63. О режиме Наполеона см.: Leo Gershoy, *The French Revolution and Napoleon* (1933; reprint ed., New York: Appleton-Century-Crofts, 1964), pp. 375–381, 451–467; F. M. H. Markham, "Napoleonic France", in *France: Government and Society*, eds. J. M. Wallace-Hadrill and John McManners (London: Methuen, 1957), pp. 188–206; Franklin L. Ford, *Europe 1780–1830* (London: Longman, 1970), ch. 8.

64. О трудностях континентальной системы см.: Kemp, *Economic Forces*, pp. 96–104; Gershoy, *Revolution and Napoleon*, ch. 17; Dehio, *Precarious Balance*, pp. 132–180.

возросшая мощь государства, порожденная революцией, могла быть (в этот момент мировой истории) прямо и непосредственно направлена — это стабилизация внутри страны и попытка установить гегемонию Франции в Европе с помощью военных завоеваний. Учитывая это, наполеоновское политическое решение проблемы борьбы за власть в ходе революции действительно было намного более разумным, нежели экстравагантная мечта якобинцев о Республике Добродетели. Лишь иностранное вмешательство после военного краха лишило Наполеона власти. Но даже после этого его основные институциональные свершения сохранились, поскольку последующие режимы не могли позволить себе ни отвернуться от завоеваний революции, ни обойтись без административной власти, унаследованной от Бонапарта.

Новый порядок

Какого рода социально-политическая система консолидировалась благодаря военной диктатуре Наполеона? Чтобы понять основные и устойчивые характеристики итогов французской революции, мы должны вновь пройти по собственным следам. Однако на этот раз важно немного отойти в сторону от динамики революции, чтобы систематически описать наиболее примечательные изменения, внесенные революционной борьбой в структуру французского государства и его функционирование в обществе.

Перемены в армии

Нигде бюрократические и «демократические» свершения революции не воплотились лучше, чем в армии. Что касается двух линий военного развития в Европе — профессионализации офицерского корпуса и появления национальной армии — французская революция представляла собой подлинный водораздел⁶⁵.

65. Мое рассмотрение этих военных процессов синтезирует ряд источников, в особенности: S. F. Scott, "The French Revolution and the Professionalization of the French Officer Corps, 1789–1793", in *On Military Ideology*,

При Старом порядке офицерский корпус представлял собой раздутое множество почетных, а также функциональных должностей. Наивысшие должности были практически монополизированы людьми дворянского звания, или со связями при королевском дворе, или со средствами, чтобы платить за звания и повышения по службе. Обязанности офицера, понимаемые как престижная «служба» в духе феодальной традиции, не оплачивались, как если бы они были формой полной трудовой занятости. Более того, чтобы позволить себе представительские расходы, связанные со статусом, большинству офицеров приходилось соединять свои военные занятия с приносящей доход деятельностью на стороне⁶⁶.

Революция в корне изменила организацию и функционирование офицерского корпуса⁶⁷. Отмена дворянского звания и установление равенства возможностей формально открыли доступ к офицерским должностям гражданам любого социального происхождения. Количество офицерских должностей было сокращено, так как почетные функции уступили место строго утилитарным. По той же причине технологически продвинутая артиллерия из малопrestiжного была поднята до первоклассного рода войск⁶⁸. Продажа званий и повышений по службе была отменена, и армейские офицеры стали получать заработную плату, позволявшую им стать карьерными специалистами с полной занятостью. Наконец повышения, которые в разгар внутренних конфликтов и войн революционного периода происходили чрезвычайно часто, стали осуществляться на основе образования, навыков и, прежде всего, военного опыта,

eds. Morris Janowitz and Jacques Van Doorn (Rotterdam: Rotterdam University Press, 1971), pp. 5–56; S. F. Scott, "The Regeneration of the Line Army during the French Revolution", *Journal of Modern History* 42:3 (September 1970), pp. 307–330; Ernest Barker, *The Development of Public Services in Western Europe* (New York: Oxford University Press, 1944), ch. 2; Theodore Ropp, *War in the Modern World*, rev. ed. (New York: Collier Books, 1962), ch. 4; Alfred Vagts, *A History of Militarism*, rev. ed. (New York: Free Press, 1959), ch. 4; John Ellis, *Armies in Revolution*, ch. 4.

66. Scott, "Professionalization", pp. 8–18.

67. Об общих переменах во французском офицерском корпусе, вызванных революцией, см.: Ibid., pp. 18 ff.

68. Конкретно об этом см.: Vagts, *A History of Militarism*.

включая службу рядовым (хотя, конечно, политические связи всегда имели значение, особенно для занятия наивысших должностей).

Эти организационные изменения вместе с социальными и политическими сдвигами, принесенными революцией, обеспечивали приток людей незнатного происхождения (особенно из среды городского образованного среднего класса) в ряды офицерского корпуса, который до 1789 г. на 90% состоял из дворян. Тем не менее множество людей дворянского происхождения сохранили свои посты и даже необыкновенно процветали при новой системе. На самом деле ничто лучше не подтверждает тот факт, что перемены, принесенные революцией, были в той же мере организационными, как и исключительно или преимущественно социальными, как замечательные карьерные успехи в армии революционного периода многих бедных провинциальных дворян. Эти люди не могли рассчитывать на успешную конкуренцию с богатой, имеющей связи при дворе знатью при Старом порядке⁶⁹. Наполеон Бонапарт являет собой поразительный пример провинциально-дворянской мобильности во время революции. Сын мелкого корсиканского дворянина, он учился в провинциальной военной академии при Старом порядке и получил звание лейтенанта. Революция замечательным образом улучшила то, что прежде могло быть только карьерным тупиком. Связи с якобинцами позволили Наполеону получить командование артиллерией в битве за усмирение мятежного Тулона, а после одержанной там победы над роялистами Наполеон был повышен в звании до бригадного генерала. Термидор принес временные неудачи, но вскоре, после того как Наполеон помог подавить роялистские демонстрации против режима в 1795 г., на службе у Директории он был повышен до командующего, сначала внутренней армии, а затем экспедиционного корпуса в Италии. Таковы были возможности для талантливых и хитрых военных во время революции, даже для тех, кто не обладал политическими выгодами дворянского происхождения.

Революция также принесла перемены и для рядовых пехотных войск. До 1789 г. поступление на военную

69. Scott, "Professionalization", pp. 45-47.

службу было «добровольным», но не затрагивало имеющих достаточные средства к существованию в гражданской жизни. Дисциплина была жестокой и деспотичной, а плата и содержание — низкими и ненадежными. Постоянная армия, численностью около двухсот тысяч, была небольшой в сравнении с населением Франции в 25 миллионов человек. Пруссия, к примеру, зачисляла в армию значительно больший процент своих подданных. И одну шестую французской армии составляли иностранцы⁷⁰. Вместе с революцией пришло массовое участие в армии, превозносимое как проявление патриотизма. Оно началось с учреждения (а затем постепенного увеличения численности, чтобы включить бедных граждан) городской Национальной гвардии и достигло пика в знаменитом *levée en masse* 1793 г. К 1794 г. численность французской армии резко выросла — до 770 000⁷¹. С продолжением войн Директория издала в 1798 г. Закон о призыве, который установил структуру национальной постоянной армии: «каждый француз — это солдат, и обязан защищать Отечество», провозглашалось в законе⁷². Наполеон придал этому закону эффективную организационную форму и использовал его для все большего увеличения числа солдат. «За десять лет с 1804 по 1813 г. он призвал на военную службу 2 400 000 человек»⁷³. Его военные кампании не щадили людей, поскольку он продолжал применять те системы боя и маневра, что были унаследованы от яростных сражений 1792–1794 гг. В ходе этих кампаний обработанные политической пропагандой солдаты-граждане бросались в бой против вражеских армий огромными, слабо управляемыми массами, вынужденными жить за счет местных ресурсов и атаковать и преследовать врага, пока его армии не будут уничтожены. В целом, как пишет Гордон Крэйг,

...крах Старого порядка и предоставление фундаментальных прав всем гражданам оказали непосредственное воздействие на состав французской армии. Они сделали возможным со-

70. Barker, *Development of Services*, pp. 42–43.

71. Vagts, *A History of Militarism*, p. 111.

72. Цит. по: Ropp, *War*, p. 116.

73. Vagts, *A History of Militarism*, p. 126.

здание подлинно национальной армии, свободной от жестких ограничений войны XVIII в., поскольку ее рядовыми были граждане, преданные делу нации. На поле боя французов больше незачем было сбивать в тесный строй, препятствующий независимому маневру, чтобы не вызвать массового дезертирства. Французские *tirailleurs*⁷⁴ продвигались в разомкнутом строю, сражаясь, стреляя и укрываясь индивидуально, в следствии чего армия несоизмеримо прибавляла в тактической эластичности. Более того, войскам можно было доверять обеспечение себя продовольствием, а это давало возможность отделить французские воинские части от громоздкого транспортного обоза и зависимости от складов, которые ограничивали мобильность армий старого образца. Это освобождение от тирании логистики, вкупе с новой тактикой и улучшенной организацией подразделений, принесло в Европу совершенно новый тип боевых действий — тот тип молниеносной войны, мастером которой показал себя сам Наполеон в ходе Итальянской кампании 1800 г.⁷⁵

Изменения в гражданском государстве

Перемены, аналогичные тем, что были осуществлены в военной сфере, французская революция принесла и в гражданское государство: «сочетание демократической власти с бюрократическим управлением», разновидности которого с тех пор отличали политическую систему Франции⁷⁶. Первое и основное, что необходимо отметить — это огромный рост размеров французской административной машины в ходе революции. Один из авторитетных исследователей, Клив Х. Чёрч, привел оценку, что во время революции «численность бюрократии выросла с 50 000 до примерно четверти миллиона; штат центральных министерств, к примеру, вырос с 420 в 1788 г. до более чем 5000 к 1796 г.»⁷⁷. Действительно,

74. Стрелки, пехотинцы (фр.). — Прим. пер.

75. Gordon A. Craig, *The Politics of the Prussian Army, 1640–1945* (New York, Oxford University Press, 1955), p. 27. См. также: Vagts, *A History of Militarism*, ch. 4. Очевидно (см. *Ibid.*, p. 128), что к концу своего правления Наполеон отступался от некоторых из этих тактических новшеств. Но это не меняет того факта, что революция сделала их возможными.

76. Barker, *Development of Services*, p. 14.

77. "Social Mobility" (Summary of Proceedings of a Conference), in *Past and Present*, no. 32 (December 1965), p. 8.

согласно Ричарду Коббу, возможно, что 150 000 новых чиновников были назначены только во время Террора. Кобб саркастически замечает, что революция создала *La France fonctionnaire*^{78, 79}.

Это замечание кажется очевидно уместным, даже если учитывать исключительно рост численности. Это тем более так, если обратиться к социальным и организационным последствиям бюрократических перемен, вызванных революцией. Эти последствия для сферы государственных финансов блестяще задокументировал Дж. Ф. Бошер. У его книги «Финансы Франции, 1770–1795 гг.» выразительный подзаголовок «От бизнеса к бюрократии», отражающий, что «в сфере государственных финансов французская революция, как представляется, покончила с эрой частного капитализма и ознаменовала начало эры государственного управления»⁸⁰. Поскольку «произошло нечто куда более фундаментальное, чем победа одного социального класса над другим. Это было изобретение административного орудия социального и политического господства»⁸¹.

При Старом порядке не было единого королевского казначейства и никакого централизованного бюджетного учета или контроля за государственными доходами и расходами. Вместо этого управление государственными финансами было в руках обладателей продажных должностей (которые одновременно были аристократами и стремящимися к получению прибыли бизнесменами), таких как генеральные откупщики, генеральные получатели, генеральные казначеи, плательщики рент и остальные высокопоставленные финансисты.

[Эти] высокие должности стали частной собственностью финансистов и быстро становились вотчиной дворянских семейств. Подотчетные только Счетной палате, эти высокие финансовые деятели не были частью административной иерархии и не подлежали министерским инспекциям или распоряжениям. Большую часть их дохода составляла не заработная плата, но прибыли от их деятельности в каче-

78. «Францию функционеров» (фр.). — Прим. пер.

79. "Social Mobility" (Summary of Proceedings of a Conference), in *Past and Present*, no. 32 (December 1965).

80. J. F. Boshier, *French Finances, 1790–1795* (Cambridge: Cambridge 1970), p. 302.

81. *Ibid.*, p. 313.

стве банкиров короны, сбора и траты прибылей, все больших займов государству и занятий собственным бизнесом. Слабо организованные в профессиональные объединения или *compagnies*, с комитетами для проверки их корпоративных интересов, финансисты имели выгодную монополию на сбор и расходование доходов королевства и бизнес по выдаче краткосрочных кредитов в данной системе⁸².

Те элементы настоящей бюрократии, которые существовали при Старом порядке, были ограничены небольшим количеством *bureaux*, состоящих из групп клерков, работающих на независимых высших должностных лиц или глав бюро в королевских министерствах. Как оплачиваемые наемные работники, они «могли бы рассматриваться как обладатели бюрократического статуса, за исключением того, что они были скорее подобны домашней прислуге тех людей, которым служили»⁸³, поскольку они помогали своим хозяевам в личных делах, так же как и в управлении королевскими финансами, и их нанимали и увольняли по воле хозяев.

Фундаментальные перемены пришли с революцией, поскольку «значительное большинство в Национальном собрании не одобряло финансовую систему именно потому, что она была в руках жаждущих наживы капиталистов — они употребляли это слово»⁸⁴, и оно стремилось установить вместо старой системы национальное управление общественными финансами.

Национальное собрание планировало охранять общественные финансы с помощью бюрократической организации. Представляя ее себе воплощением механической эффективности и четкости, носители революционных планов надеялись предотвратить коррупцию, полагаясь на то, что достоинства организации станут противовесом порокам отдельных людей. Эта надежда была в самом сердце финансовой революции. Вместо нескольких сотен отдельных *caisses* (фондов) в руках независимых, жаждущих наживы финансистов и откупщиков, Франция должна была получить консолидированный центральный фонд в виде бюрократического казначейства, составленного только из получающих заработную плату чиновников, выполняющих свои обязанности в соответствии с рациональным

82. J. F. Boshier, *French Finances, 1790–1795*, p. 305.

83. *Ibid.*, p. 287.

84. *Ibid.*, p. 309.

планом их функций. Казначейство росло и росло в годы революции, поглощая *caisses* одну за другой. Собрание требовало списки наемных работников, сведения о заработной плате и оперативных расходах и организовало полные ежегодные отчеты, каких никогда не было при монархии⁸⁵.

Для общества эти государственно-бюрократические меры сопровождались переходом от системы предпринимательской независимости и личной иерархии первенства и патронажа к административной иерархии, базирующейся на безличном, но жестком контроле чиновников со стороны их начальства. Более того, с тех пор от государственных служащих ожидалось участие в исполнении точно определенных общественных обязанностей, отличных от частных дел. Должности и вознаграждения аристократических финансовых служащих, как и служащих на продажных должностях, были отменены. Главы бюро, когда-то независимые и хорошо оплачиваемые претенденты на высокие дворянские должности, были сведены к простым *fonctionnaires* с пониженной зарплатой, ненамного превосходящей ту, которую получали их подчиненные. К тому же их секретари превратились в регулярно оплачиваемых гражданских служащих, освобожденных от «личной зависимости от своих хозяев, которые стали всего лишь их начальством»⁸⁶. В результате возникла лестница получающих зарплату гражданских служащих, оплачиваемых одной центральной властью и подлежащих центральному руководству и контролю.

Что касается способа контроля исполнительной власти над все более бюрократизированным персоналом государственной администрации, то революция (как мы видели), прошла через несколько стадий. Один легитимирующий лейтмотив проходил красной нитью через все фазы: отождествление функций исполнительных органов с реализацией воли нации или народа. Не случайно даже Бонапарт действовал, прикрываясь национально-демократической диктатурой. Четырежды Наполеон, выдававший себя за «первого представителя нации», получал одобрение на национальных

85. J. F. Boshier, *French Finances, 1790–1795*, pp. 310–311.

86. *Ibid.*, p. 288.

плебисцитах⁸⁷. Тем не менее институциональные достижения Наполеона были какими угодно, но только не демократическими (или либеральными)⁸⁸. В сущности, он добавил к реорганизованным бюро и персоналу, унаследованным от революционных ассамблей и Директории, систему назначаемых из центра генеральных административных чиновников и судей. На вершине системы был Государственный совет, экспертный орган, назначаемый Наполеоном и де-факто наделенный обширными полномочиями. Министры правительства не формировали кабинет, но вместо этого отвечали индивидуально перед советом (и Наполеоном). Новые законы регулярно формулировались и обсуждались в законодательной секции совета, а его другие рабочие секции (военная, морская, внутренних дел и финансовая) руководили соответствующими частями государственной бюрократии. Ниже этой бюрократической вершины простиралась иерархия назначаемых судей и административных чиновников, и далее вниз до супрефектов и мэров. Крайне важным звеном в иерархии был префект департамента, власть которого была сопоставимой с властью *интенданта* при Старом порядке, хотя более контролируемой — но также более могущественной, так как его юрисдикция была меньше и не обременена привилегированными корпоративными органами.

Конечно, со времени диктатуры Наполеона во Франции было много политических режимов — собственно, сам Бонапарт продержался лишь до 1814 г., когда за ним последовали сначала первая реставрация монархии Бурбонов, затем «буржуазная» монархия, Вторая республика, Вторая империя, Третья республика и так далее, включая и XX в. Большинство этих режимов предпринимало более значительные попытки (по сравнению с Наполеоном I) институционализировать (более или менее демократически) либерально-парламентский политический контроль. Но, как убе-

87. Barker, *Development of Services*, p. 14.

88. Правительство Наполеона хорошо описано в: Godechot, "French Revolution", in *Western Civilization*, vol. 2, pp. 47–51; Gershoy, *Revolution and Napoleon*, pp. 348–59, 451–67; Ford, *Europe 1780–1830*, pp. 170–188.

дительно показывает Герберт Люти, исследователь, концентрирующийся исключительно на постоянно меняющихся конституционных формах, упустит понимание реальной основы и устойчивости власти французского государства.

Если посмотреть в справочник по государственному устройству, мы не найдем там упоминания — в лучшем случае небрежную ссылку — на какие-либо из великих институтов, от которых зависит устойчивость государства... Там нет никаких упоминаний о министерствах, которые остаются после ухода министра-на-час. Нет упоминаний о Государственном совете, который в силу своей юрисдикции над административной машиной господствует над инструментами государственной власти, незаменим для исполнительной власти, неспособной без него осуществить свою волю, интерпретирует в соответствии со своими собственными законами подлинное содержание принятых парламентом законов или тихо их предает их забвению. Подобным же образом универсальный советник правительств обычно добивается своего даже при формулировании государственной политики, потому что он имеет авторитет и постоянство, а правительство — нет. Нет упоминаний о персонале финансовой администрации, которая может модифицировать и интерпретировать бюджет, принятый парламентом, столь же самовластно, как Государственный совет может модифицировать и интерпретировать его законы, и благодаря своему контролю над государственными доходами и расходами оказывать решающее влияние на жизнь и смерть правительств... Ни один из этих институтов не происходит «от народа». Они представляют собой государственный аппарат абсолютной монархии, усовершенствованный и доведенный до логического завершения при Первой империи. Когда с плеч полетели коронованные головы, реальная высшая власть была передана этому аппарату. Но он работает на заднем плане, незаметно, анонимно, в стороне от всякой публичности и почти в обстановке секретности... Он — не столько государство в государстве, сколько настоящее государство за фасадом демократического государства⁸⁹.

Кристаллизация этого «настоящего государства» в процессе завершения и консолидации революции была не только самой важной задачей Наполеона, она также была его удивительно устойчивым достижением.

89. Herbert Luethy, *France Against Herself*, trans. Eric Mosbacher (New York: Praeger, 1955), pp. 18–20.

Государство в обществе

По сравнению с монархией Старого порядка революционизированное французское государство выполняло большее количество функций. Университетское и школьное образование были поставлены под государственный контроль, чтобы сформировать высокоизбирательную, централизованную и элитистскую систему, откуда могли бы рекрутироваться государственные служащие и эксперты⁹⁰. Наполеоновское урегулирование отношений с католической церковью обернулось некоторыми уступками ей (включая дарование церкви контроля над большей частью начального образования). Но церковь, потерявшая значительную часть своей собственности, со священниками, отныне оплачиваемыми государством, больше не была независимой корпоративной силой, как при Старом порядке. Столько же поразительными были и перемены в государственном финансовом администрировании. Так как теперь налоги собирали постоянные назначенцы государства, а не предприниматели — обладатели продажных должностей или избираемые местными властями, то поступления стали надежными, а сотрудничество банкиров привело к созданию Банка Франции, который «оказывал существенные услуги государству, предоставляя деньги в виде банкнот»⁹¹. Верно, что государственные финансы Франции никогда полностью не стабилизировались при Наполеоне. Но решительным контрастом со Старым порядком было то, что новое государство смогло благополучно перенести финансовый кризис. Наполеон мог конфисковывать средства у финансистов и игнорировать протесты господствующих экономических групп, тогда как монархическое государство разорвал на части

90. См.: Joseph Ben-David and Awraham Zloczower, "Universities and Academic Systems in Modern Societies", *Archives Europeennes de Sociologie* 3:1 (1962), в особенности pp. 76–80. Здесь Франция объединяется в одну группу с Советской Россией, в противоположность Англии и Соединенным Штатам, в силу высокоцентрализованного, технократического и элитистского характера систем высшего образования, порожденных французской и русской революциями.

91. Godechot, "French Revolution", in *Western Civilization*, vol. 2, p. 48.

финансовый кризис 1787–1789 гг.⁹² Теперь государство имело преимущество даже над своими самыми могущественными гражданами.

Более того, революционизированная Франция более прямо, чем когда-либо, посягала на жизни своих граждан, хотели они того или нет. По словам Уильяма Мак-Нила:

Что сделали французские революционеры, так это устранили препятствия на пути манипуляции людьми и ресурсами из единого национального командного центра. В частности, систематически подавлялись местные практики и отменялся налоговый иммунитет... После систематизации революционного законодательства и применения его по всей Франции, отдельные граждане сталкивались с августейшим воплощением Нации лицом к лицу, без защитной оболочки корпоративных идентичностей и ролей... На самом деле то, с чем сталкивался гражданин, был служащий центрального правительства — уполномоченный представитель, префект, сборщик налогов или сержант-вербовщик — тот, кто от имени народа требовал товаров и услуг в намного более массовом масштабе, чем когда-либо могли потребовать королевские служащие⁹³.

Последствия этого более глубокого проникновения государства, вероятно, стали наибольшей встряской для сельских общин. Основываясь на своих исследованиях отношений крестьянских общин в Бретани к до- и послереволюционным властям, Ле Гофф и Сатерленд заключили, что «революция пришла как беспрецедентное и часто нежелательное вмешательство в жизнь многих... людей. После 1790 г. требования центрального правительства к гражданам относительно их внимания, активности и лояльности намного превосходили требования полуразваленной администрации Старого порядка»⁹⁴. До революции, пока налоги платились и не возникали крупные восстания, бретонские крестьяне были предоставлены самим себе в разрешении своих споров, обеспечении безопасности и самостоятельно забо-

92. Ford, *Europe 1780–1830*, p. 174.

93. William McNeill, *The Shape of European History* (New York: Oxford University Press, 1974), p. 154.

94. T. J. A. LeGoff and D. M. G. Sutherland, "The Revolution and the Community in Eighteenth-Century Brittany", *Past and Present* no. 62 (February 1974), p. 96. Данный абзац в целом опирается на эту статью.

тились о разрешении тех общинных проблем, которые они сами и их священники определяли в качестве таковых. Священники и королевская власть часто неформально сотрудничали в передаче информации «вверх» и официальных дел «вниз» по государственно-общинной лестнице. С приходом революции местные священники были сначала отодвинуты в сторону властями департаментов, районов и коммун, а затем официально превращены в общественных служащих. Предполагалось, что местное население будет уделять больше ресурсов и внимания стоящим над деревней уровням власти, которыми руководили находящиеся в городах и обладающие городским менталитетом официальные чиновники. Более того, на радикальном пике революции многие крестьяне стали объектом прямого насилия сторонников революции, намеревавшихся обеспечить поставки зерна, проводить призыв на военную службу, осуществлять меры по наказанию непокорных священников и воспрепятствовать отправлению католического культа.

В некоторых частях Франции, особенно в Бретани и других регионах запада, произошедшие после 1789 г. трансформации стимулировали крестьянское сопротивление революционным властям, варьирующее от действий местного масштаба до партизанской войны и участия в крупных региональных восстаниях. Существующие исследования по социально-экономическим основаниям крестьянской реакции на революцию говорят о том, что они были больше расположены к революционным переменам в тех регионах, где сложившиеся рыночные отношения связывали вместе крестьян-собственников и местных горожан. Крестьяне обычно были менее расположены к ним (и, следовательно, более склонны сопротивляться, при возможности) в тех регионах, куда рыночные отношения только начинали проникать, или где не ориентированные на рынок крестьяне активно, но неуспешно конкурировали с горожанами за земли, распродаваемые во время революции⁹⁵. Однако в итоге все явное сопротивление

95. См. в особенности: Paul Bois, *Paysans de L'Ouest* (Le Mans: Imprimerie M. Vilarre, 1960); Marcel Faucheux, *L'Insurrection Vendéenne de 1793* (Paris, Imprime-

было подавлено, потому что благодаря уже рассмотренным нами процессам «революция сместила инициативу от общины к государству и в то же самое время дала государству такую власть для осуществления принуждения, какой при Старом порядке оно никогда не обладало»⁹⁶.

Однако наполеоновское урегулирование действительно отошло от той насильственной экономической политики и крайних антикатолических мер, которые подтолкнули целые крестьянские сообщества и сельские регионы к контрреволюции. Напротив, недавно консолидировавшееся административное государство, требуя налогов и рекрутов, настойчивее, чем когда-либо, стремилось к примирению с владельцами собственности в каждой местности. Зажиточные землевладельцы, включая богатых крестьян, горожане-рантье и часто бывшие дворяне выбирались, на основе ограниченного права участвовать в выборах, для сотрудничества в осуществлении власти на местах с назначаемыми из центра официальными лицами, представляющими как исполнительную, так и судебную власть⁹⁷. Одним из результатов этого (политически подобным разрушающим солидарность последствиям успешных восстаний против сеньоров) был подрыв остатков деревенской солидарности между богатыми и бедными крестьянами. Этот процесс имел место, так как олигархии богатых крестьян были официально отделены от их бедных соседей (и возвышены над ними), и стали более тесно связаны с собственниками-горожанами и централизованной государственной администрацией. Возможно, еще более поразительной была цена деревенской политической автономии. Это хорошо резюмировал Томас Шеппард, который проследил историю «деревни» Лур-

rie Nationale, 1964); Charles Tilly, *The Vendée* (Cambridge: Harvard University Press, 1964). См. также: Harvey Mitchell, "The Vendée and Counterrevolution: A Review Essay", *French Historical Studies* 5:4 (Fall 1968), pp. 405-429; Claude Mazauric, "Vendée et Chouannerie", *La Pensée* no. 124 (November-December 1965), pp. 54-85.

96. Le Goff and Sutherland, "Revolution and Rural Community", p. 109.

97. Таким образом, данный итог революции напоминал ту модель местной власти, которую Старый порядок пытался установить в 1788 г. См. сноску 30 к главе 3.

марен в Провансе на протяжении революции. Он пишет, что в XVIII в.,

...если деревенский совет и не начинал каких-либо важных проектов, он также не был и полностью подчинен внешним властям. Политическая энергия Лурмарена, относительно широкое участие в деревенских делах, его постоянная забота обо всех жителях — вот что было отличительными чертами *ancien régime* в Лурмарене. Эта энергия и воодушевление исчезли после революции, и в XIX веке Лурмаран стал... всего лишь шестеренкой в административном механизме центральной власти. Муниципальный совет обсуждал только вопросы, переданные ему на рассмотрение, самостоятельно принимал крайне мало решений и функционировал преимущественно как исполнитель законов и приказов, направляемых ему префектом. В Лурмарен пришла бюрократия и централизация, но деревня дорого заплатила за такую модернизацию⁹⁸.

Но, хотя французские крестьяне (как вообще-то и все французы) должны были после революции смиряться с более могущественным и навязчивым государством, это государство с очевидностью не демонстрировало столь же всеобъемлющего или динамичного присутствия в обществе и экономике, как коммунистические партийные государства революционной России и Китая. Общий итог французской революции можно охарактеризовать как симбиотическое сосуществование централизованного, профессионально-бюрократического государства с обществом, в котором доминирует ряд умеренно крупных и множество средних и мелких вла-

98. Thomas F. Sheppard, *Lourmarin in the Eighteenth Century: A Study of a French Village* (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971), pp. 217–218. Я допускаю некоторую поэтическую вольность в этой цитате. Строго говоря, Лурмарен, возможно, не был «крестьянской деревней» как таковой, а скорее местным рыночным городом. Более того, поскольку он был расположен в Провансе, в нем еще до революции установился олигархическая форма правления, которая уменьшала роль общего собрания (см. *Ibid.*, ch. 3; Albert Soboul, “The French Rural Community in the Eighteenth and Nineteenth Centuries”, *Past and Present* no. 10 (November 1956), p. 81; Собыль А. Французская сельская община (XVIII–XIX века) // *Из истории Великой буржуазной революции 1789–1794 гг. и Революции 1848 г. во Франции*. Москва: Иностранная литература, 1960). Однако это только подчеркивает важность принесенных революцией перемен, которые отмечает Шеппард. И это говорит о том, что утрата местной солидарности и автономии, в сравнении с Лурмареном, могла быть еще большей в сельских сообществах в других местах Франции.

дельцев частной собственности. В этом французском новом порядке государство не было нацелено на поддержку дальнейших социально-структурных трансформаций. Вместо этого оно было приспособлено к самосохранению и обеспечению социального порядка, основанного на профессиональном или бюрократическом статусе, частной собственности и рыночных отношениях. Более того, поскольку усилившееся государство теперь могло функционировать на более автономной основе, отныне владельцы частной собственности (хотя бы отчасти) могли преследовать свои экономические интересы на рынке, а не через покупку государственных должностей или прямое использование политико-юридических механизмов для присвоения прибавочного продукта.

Таким образом, несмотря на то, что они не вызвали революцию и не были мгновенно поддержаны ею, капиталистические отношения производства могли развиваться постепенно, но неуклонно в относительно благоприятной юридической и административной среде, кристаллизовавшейся благодаря революции. Столетие спустя после 1789 г. Франция стала промышленной капиталистической державой. Но даже в ходе капиталистической индустриализации Франция сохраняла характерные социальные и институциональные особенности. Спустя поколения современного экономического развития огромные массы французских крестьян держались за землю в качестве арендаторов и мелких собственников; французское национальное государство всегда было основной силой в экономической жизни, создавая и разрушая возможности для частных инвесторов и основательно формируя региональные и секторальные контуры промышленного развития. Поэтому не только условия, в широком смысле благоприятные для капиталистического развития, но также и социально-политические паттерны, сделавшие Францию относительно выделяющейся среди капиталистических индустриальных стран, восходят к основным свершениям французской революции. Действительно, революцию лучше всего воспринимать как «гигантскую метлу», которая смела весь «средневековый хлам» сеньориализма и партикуляристских привилегий — освободив крестьянство, частных собственников и государство от помех Старого порядка.

ГЛАВА 6

Возникновение диктаторского партийного государства в России

Величайшим достижением большевиков было не осуществление революции, а замедление ее темпов и направление в коммунистическое русло...

Поразительным подвигом большевиков был их успех в сдерживании стихийного порыва российских масс к хаотической утопии.

Пол Аврич

НИ ОДНА современная социальная революция не была настолько радикальной, как русская. В 1917–1918 гг., в течение месяцев, массовые восстания промышленных рабочих, крестьян и солдат сбросили землевладельческие и капиталистические классы и окончательно закрепили распад государственной машины царского режима. Более того, организованные революционеры, претендовавшие на руководство в ходе революционного кризиса, были преданы социалистическим идеалам равенства и пролетарской демократии. Тем не менее русская революция вскоре породила высокоцентрализованное и бюрократическое партийное государство, которое в конце концов сделало ставку на быструю индустриализацию страны с помощью командной экономики и террора. Чтобы понять, как и почему возникли такие результаты, надо проанализировать возможности, необходимости и «невозможности», созданные для конфликтующих сил революционной ситуацией в России после марта 1917 г. Как и во французской революции, два основных процесса, возникавших из революционной ситуации, пересеклись и сформировали результаты революции. Это были народные (особенно крестьянские) восстания и борьба городских политических лидеров за построение новых государственных

организаций. Но российский революционный кризис углубился намного быстрее и хаотичнее, чем во Франции. И революционные государственные строители в России столкнулись с более трудными задачами: сначала самой защиты революции, а затем продвигаемой государством индустриализации, в намного более угрожающих внутренних и внешних условиях. Результатом стал российский новый порядок, в широком плане подобный французскому в том, что касалось политической централизации и бюрократическо-урбанистской основы, но также и качественно отличный от французского Нового режима по своей динамичной ориентации на национальную индустриализацию под контролем партийного государства.

Рассмотрим ход русской революции, начиная с последствий революционного стечения обстоятельств 1917 г.

Последствия социально-революционного кризиса 1917 г.

В историографии русской революции подавляющее большинство усилий было направлено на объяснение (в хвалебном или осуждающем тоне), того, почему большевики смогли сокрушить (или преодолеть) либеральную «февральскую» фазу революции. Исходя из сравнительной перспективы, складывается впечатление, что эта дискуссия идет по ложному пути. Мы видели, что даже во французской революции либеральное политическое устройство не взяло верх. Да, оно продержалось несколько лет; для французской революции либерализм был подлинной ее фазой. Но в России никогда не было сколько-нибудь жизнеспособного либерального режима, который нужно было преодолевать. Причины этого вытекают из различного происхождения двух революционных кризисов. Французский революционный кризис 1789 г. был порожден антимонархистскими инициативами внутренних политических сил, обладавших широкой базой. После того как монархический абсолютизм во Франции оказался в тупике, возникли национальные и местные революционные органы, возглавляемые либералами и обладающие подлинной народной

поддержкой, поскольку они были учреждены благодаря процессам, мобилизовавшим беспрецедентно широкое политическое участие¹. В корне отличаясь от Франции 1789 г., русская революция разразилась только из-за того и только в тот момент, когда царское государство было разрушено продолжительным участием и повторяющимися поражениями в Первой мировой войне. *Думы и земства* были слишком робки, чтобы первыми запустить революцию; а Временное правительство после февраля не базировалось на каких-либо национальных выборах или народном политическом участии. Вдобавок к этому, если французское Национальное собрание наслаждалось роскошью мирного времени с 1789 по 1791 г., то новые российские власти должны были направлять военные усилия и справляться с последствиями военного перенапряжения и поражений. Учитывая, что русская революция с самого начала развивалась таким образом, неудивительно, что хаос и фундаментальные конфликты были ее ближайшими перспективами, которые вскоре реализовались в ущерб хотя бы временной либеральной стабилизации.

Дилеммы Временного правительства

Межу февралем и октябрём 1917 г. лидеры политических партий и движений в диапазоне от конституционных монархистов до умеренных социалистов пытались стабилизировать русскую революцию в либерально-демократических формах. Назначенное комитетом бывших членов Думы, Временное правительство объявило себя

1. Созыв Генеральных штатов подразумевал отбор политических лидеров нации с помощью процессов, которые позволяли участвовать в них всем взрослым французам-мужчинам. Подобным же образом широкомасштабные городские революции 1789 г. привели к власти революционные комитеты и ополчения, которые, хотя обычно и возглавлялись влиятельными в сообществе лицами, тем не менее мобилизовали поддержку мелкособственнических слоев народа (ремесленников, лавочников, подмастерьев, клерков и т. д.) и зависели от нее, а не только от поддержки привилегированных олигархий, которые ранее доминировали в больших и малых городах, сотрудничая с королевской администрацией. См.: Lynn A. Hunt, "Committees and Communes: Local Politics and National Revolution in 1789", *Comparative Studies in Society and History* 18:3 (July 1976), pp. 321-346.

верховой властью и попечителем революции до избрания Учредительного собрания, которое должно было создать новую конституцию. Одновременно в Петрограде и по всей стране возникли Советы, состоявшие из депутатов, избираемых и периодически переизбираемых группами промышленных рабочих, солдат и (иногда) крестьян. Советы претендовали на право контролировать деятельность Временного правительства, окружных и губернских *земств* и городских *дум*, в которых доминировали представители высшего класса и с которыми Временное правительство вскоре формально объединилось. Таким образом, в одночасье сброшенное царское самодержавие было заменено двумя сетями органов управления². Одна из этих сетей, с центром в виде первоначального руководства Временного правительства, представляла в основном привилегированных россиян: землевладельцев, буржуа, лиц свободных профессий. Другая, центром которой был Петроградский совет, представляла (в основном в лице интеллигенции, состоявшей в социалистических партиях) тех, кто до сих пор был полностью исключен из участия в национальной политике. Сначала Временное правительство, наделенное официальной властью в России, возглавляли исключительно политики несоциалистического толка; после апреля оно стало коалицией, включавшей лидеров меньшевиков и эсеров, которые также подчинялись Советам. Коалиционное или нет, Временное правительство всегда полагалось на помощь и поддержку Петроградского совета в осуществлении любых политических мер, предусматривающих опору на рабочих или солдат. Теми, чье сотрудничество имело самое существенное значение, были важнейшие из рабочих, обслуживавшие железные дороги и телеграф, и солдаты, стоявшие гарнизонами в столице и иных ключевых городских центрах.

Чтобы реализовать либеральные цели, которые первоначально разделяли почти все политически сознатель-

2. Ситуация «двоевластия» после Февральской революции хорошо описана в: Isaac Deutscher, "The Russian Revolution", in *The New Cambridge Modern History*, 2nd ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1968), vol. 12, pp. 403–432. См. также: Marc Ferro, *The Russian Revolution of February 1917*, trans. J. L. Richards (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972), ch. 6; Oskar Anweiler, *The Soviets*, trans. Ruth Hein (New York: Pantheon, 1974), ch. 3.

ные россияне³, приветствовавшие свержение самодержавия, Временному правительству и Советам необходимо было вместе найти и воплотить в жизнь решения огромных проблем уставшей от войны страны и народа. Но это оказалось совершенно невозможным. Очень скоро, по мере того как проблемы становились все более и более непреодолимыми, стало очевидно, что возможностей справиться с ними у нарождающейся либеральной системы еще меньше, чем у старого самодержавия.

Те самые трудности, которые создали условия для февральской революции, впоследствии продолжили свое существование и усугубились. Например, система железных дорог не могла справляться одновременно с задачами снабжения фронтов, эвакуации раненых, доставки продовольствия в города и сырья для промышленности. Более того, после февраля имели место забастовки железнодорожных рабочих и всплеск местных и синдикалистских инициатив, прямо или косвенно затрагивающих железные дороги и их функции. Все это добавляло трудностей любым властям, пытавшимся использовать жизненно важные железнодорожные сети для управления страной⁴.

Не прекращалась и война. Вплоть до взятия власти большевиками ни одно российское правительство не хотело полностью прекращать участие страны в войне. Лидеры либералов, ценившие союз России с западными державами, стали питать все большее отвращение к царю во многом потому, что он, как представлялось, вел войну бездарно. Теперь, будучи у власти, они надеялись оживить военные усилия с помощью революционных националистических лозунгов и одержать победы, которые укрепили бы союз с западными державами и стабилизировали либерально-буржуазный социально-политический порядок внутри страны. Умеренные социалисты демонстрировали меньший энтузиазм относительно войны, они также заставили либералов публично отречься от всех империалистических целей войны, унаследован-

3. Так я интерпретирую данные, представленные Марком Ферро в «The Russian Revolution of February 1917» (chs. 3–5).

4. Roger Pethybridge, *The Spread of the Russian Revolution* (London: Macmillan, 1972), ch. 1.

ных от Старого порядка. При этом они были не готовы отказаться от того, что они вполне справедливо воспринимали как оборонительную войну против центральных держав. Более того, каковы бы ни были намерения председателей Временного правительства, к 1917 г. российское государство было банкротом в ситуации, когда экономика рушилась из-за напряжения тотальной войны и продолжительного отсутствия нормальной внешней торговли. А западные союзники России были готовы оказывать финансовую поддержку новому режиму только при условии продолжения участия России в войне.

По мере того как сменявшие друг друга председатели Временного правительства пытались поддерживать и военные усилия, и существование страны, массы россиян все больше разочаровывались в Февральской революции. Действуя через свои низовые коллективные организации, они все больше брали дела в свои руки в ущерб существующим господствующим классам⁵. Мы уже отмечали, что во всех обширных центральных регионах России крестьянские общины посягали на права помещиков, а затем стали захватывать их земли⁶. Тем временем народные бунты также вспыхивали в городах и на фронтах. Фабрично-заводские комитеты первоначально выдвигали требования относительно оплаты труда и продолжительности рабочего дня, но затем стали контролировать управление предприятиями, предпринимали усилия по обеспечению их снабжения для поддержания работы и, в некоторых случаях, в конечном счете полностью брали в свои руки управление ими⁷. Солдатские комитеты были первоначально созданы для того, чтобы гарантировать гражданские права солдат и заставить офицеров применять гуманные стандарты под-

5. См. общую аргументацию в: Teddy J. Uldricks, "The 'Crowd' in the Russian Revolution: Towards Reassessing the Nature of Revolutionary Leadership", *Politics and Society* 4:3 (1974), pp. 397-413.

6. См.: William Henry Chamberlin, *The Russian Revolution 1917-1921*, 2 vols. (1935; paperbound reprint ed., New York: Grosset & Dunlap, 1965), vol. 1, ch. 1; John L. H. Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization* (New York: Norton, 1976), pt. III.

7. См.: Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, vol. 1, ch. 12; Paul H. Avrich, "Russian Factory Committees in 1917", *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas* 1:2 (June 1963), pp. 164-182; Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, chs. 5-6.

держания дисциплины. Постепенно на практике многие из этих комитетов узурпировали право накладывать вето на все решения командования, особенно на те, которые могли иметь политические последствия или могли повлечь за собой угрозу гибели в боях на фронте⁸. Советы, периодически переизбираемые низовыми группами, обычно с некоторой задержкой по времени, отражали и санкционировали то, что шло снизу. В то же самое время они стали все более непосредственно участвовать в делах управления, первоначально предоставленных Временному правительству, *земствам* и *думам*⁹.

У Временного правительства полностью отсутствовали авторитет и власть, чтобы остановить нападки на привилегированные группы и скатывание к анархии. Сразу же после Февральской революции значительная часть бывшей имперской администрации, включая полицию, была распущена. Попытки воссоздать ее заново через *земства* и *думы* сталкивались с огромными проблемами координации этих разнородных местных и региональных органов¹⁰. Еще важнее было то, что эти либеральные представительные органы не имели реального авторитета в глазах крестьянских и пролетарских масс, которые прежде были исключены из участия в них и являлись объектом прямого контроля со стороны самодержавия. Теперь, когда они вдруг стали свободными, крестьяне, рабочие и солдаты восстановили или создали свои собственные низовые коллективные организации. В свою очередь, последние куда лучше подходили для реализации прямого политического действия народа, чем для обеспечения подчинения народа либеральному правительству — особенно во время кризиса, когда это правительство не могло и не собиралось отвечать базовым потребностям и желаниям обычных людей¹¹.

8. Marc Ferro, "The Russian Soldier in 1917: Undisciplined, Patriotic, and Revolutionary", *Slavic Review* 30:3 (September 1971), pp. 483–512; Allan Wildman, "The February Revolution in the Russian Army", *Soviet Studies* 22:1 (July 1970), pp. 3–23; Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, ch. 10.

9. Anweiler, *The Soviets*, ch. 3.

10. Общие исходные данные о проблемах управления страной после февраля см. в: Pethybridge, *Spread*; Paul R. Gronsky and Nicholas J. Astrov, *The War and the Russian Government* (New Haven: Yale University Press, 1929).

11. Anweiler, *The Soviets*, ch. 3; Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, pts. II, III.

Временное правительство также не могло опереться на силу. Раздутая из-за войны армия была единственным мыслимым средством официального принуждения, но она неуклонно становилась все более ненадежной¹². Ни при каких условиях зеленых, преимущественно крестьянских новобранцев невозможно было использовать для подавления аграрных бунтов. Что касается ситуации в городах, то сразу же после Февральской революции гарнизоны Петрограда, Москвы и других крупных центров разделяли чувства городских рабочих. Им можно было отдавать приказы только с одобрения Советов, все более настороженных по отношению к вообразимым или реальным угрозам контрреволюции. В течение некоторого времени войска на фронте в большей мере, чем гарнизонные войска, готовы были следовать указаниям Временного правительства. Но к июлю предпринятое Россией наступление в Австрии потерпело поражение, крестьянская революция набирала силу дома у солдат, в сельской местности, а офицеров начали подозревать в контрреволюции (что вскоре подтвердила попытка переворота, предпринятая генералом Лавром Корниловым). Реагируя на эти события, войска на фронтах тоже стали практически неконтролируемыми, и армии стали распадаться из-за массового дезертирства.

Таким образом, в целом господствующие слои и Временное правительство последовательно подрывались народными бунтами, которые неумолимо распространялись и углублялись после февраля, а в итоге оставили без номинальной политической поддержки даже инициативы и административные усилия многих из Советов. Временное правительство, в силу своей неготовности и неспособности выйти из войны и либо санкционировать, либо остановить аграрные волнения, не могло избежать подрыва своей шаткой политической базы по мере того, как социальные конфликты углублялись и беспорядки охватывали города, фронт и сельскую местность.

12. См. ссылки на работы, приведенные в сноске 8. См. также: Alexander Rabinowitch, "The Petrograd Garrison and the Bolshevik Seizure of Power", in *Revolution and Politics in Russia*, eds. Alexander and Janet Rabinowitch (Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1972), pp. 172–191.

Ограниченные основы национального политического порядка

Действительно, если взглянуть глубже поверхностных политических формальностей, на лежащую в их основе социально-революционную динамику, становится очевидным, что с лета 1917 г. реальной дилеммой русской революции было не то, кто должен править. Она была скорее в том, *сможет ли* кто-либо править, будет ли вообще восстановлен порядок в стране. Разумеется, основания (социальные и организационные), на которых порядок мог быть восстановлен, были крайне ограничены. После разрушения административной и военной инфраструктуры Старого порядка просто реставрация монархии или военный переворот были невозможны. (Поэтому попытка переворота генерала Корнилова, едва начавшись в сентябре 1917 г., была легко сорвана железнодорожными рабочими, красногвардейцами и солдатами, верными Советам.¹³) Напротив, единственной реальной надеждой на восстановление порядка были различные политические партии, соперничающие за мобилизацию последователей из народа по мере того, как они разочаровывались во Временном правительстве.

Хотя в числе возможных последователей из народа крестьянство составляло подавляющее большинство, оно было наименее вероятным источником дисциплинированной народной поддержки нового национального порядка. Чтобы понять почему, достаточно вспомнить, что, в силу широкого распространения общин, крестьяне в 1917 г. могли самостоятельно координировать свои местные выступления против помещиков, богатых крестьян и остатков имперской бюрократии. Крестьянам незачем было полагаться на прямую поддержку или руководство городских революционных сил. И после того, как земли и ресурсы не-крестьян были захвачены и перераспределены между мелкими крестьянами в пределах

13. Яркое описание см. в: Alexander Rabinowitch, *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd* (New York: Norton, 1976), ch. 8; Рабинович А. *Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде*. Москва: Прогресс, 1989. Гл. 8.

деревенских общин, крестьяне хотели больше всего, чтобы их оставили в покое, чтобы они могли бы управлять своими делами на местном уровне и заниматься отчасти ориентированным на самообеспечение сельскохозяйственным производством. Основным интересом крестьян относительно национальной политики был сугубо негативным и оборонительным. Они стремились предотвратить приход к власти любого правительства, которое могло бы вернуть помещиков и эксплуатировать крестьян с помощью налогообложения и призыва в армию.

Любой новый национальный политический порядок с необходимостью должен был выстраиваться с опорой на малые и большие города. В городском секторе наиболее организованной народной базой революции был промышленный рабочий класс. Без сомнения, солдаты гарнизонов были постоянным источником революционного брожения на протяжении 1917 г. из-за их желания избежать отправки на фронт. Однако, не восставая, военные части теряли дисциплину и в них распространялось дезертирство, а потому они не могли служить даже первоначальной основой для установления нового порядка¹⁴. Промышленные рабочие тоже участвовали в волнениях, подрывавших существующие формы власти на фабриках и существующее политическое устройство в городах. К тому же само выживание промышленных рабочих зависело от того, чтобы как-то поддерживать функционирование своих фабрик и сохранять хотя бы минимально надежные экономические потоки между потребителями и производителями, городом и деревней. Поэтому по мере распространения хаоса у них возрастал интерес к сотрудничеству с любой организованной революционной силой, которая работала бы на его преодоление.

Поскольку дореволюционная Россия прошла через быстрое и масштабное индустриальное развитие, имела место существенная концентрация фабрик и промышленных рабочих во всей Европейской России, включая

14. См.: Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973), pp. 195 ff; John Erickson, "The Origins of the Red Army", in *Revolutionary Russia*, ed. Richard Pipes (New York: Doubleday (Anchor Books), 1969), pp. 292-295.

важные их сосредоточения в столицах — Санкт-Петербурге (Петрограде с 1914 г.) и Москве, а также в других административных и гарнизонных городах. Все они были связаны между собой сетями железных дорог и телеграфа¹⁵. Российская промышленность и железные дороги не были достаточно продвинуты для того, чтобы позволить старому режиму соперничать на войне с имперской Германией, но они были достаточно развиты для того, чтобы давать преимущество в гражданской войне любой стороне, которая захватила бы контроль над ядром страны. Если бы какая-то политическая партия с городской базой смогла мобилизовать промышленных рабочих и использовать их поддержку для учреждения административных и военных организаций вместо тех, с помощью которых правило царское самодержавие, то некоторое подобие национальной власти в революционной России могло быть восстановлено. Это, разумеется, и стало заслугой большевиков.

Борьба большевиков за власть

В России посреди углубляющегося хаоса весной и летом 1917 г. только большевистская партия, первоначально мельчайшая и наиболее экстремистская из всех социалистических партий, успешно лавировала с целью повышения тактической эффективности и получения поддержки народа в стратегических центрах. Временное правительство и умеренные социалисты, продолжавшие войну, медлили с одобрением захватов земель крестьянами и боролись с распадом дисциплины в армии и распространением рабочего контроля в промышленности. Тем временем большевики полностью оставались в оппозиции и с помощью постоянной критической пропаганды, направленной на промышленных рабочих, гарнизоны и фронтовые войска, оседлали волну спонтанных народных восстаний, требуя мира,

15. Рассмотрение вопроса об индустриализации при Старом порядке и работы, посвященные этой проблематике, см. в разделе о России в главе 2. Обзор также дается в: Alec Nove, *An Economic History of the U.S.S.R.* (Baltimore: Penguin Books, 1972), ch. 1.

хлеба, рабочего контроля и «всей власти Советам»¹⁶. Эта тактика породила приток новых членов большевистской партии и привела ее к завоеванию большинства на выборах в один Совет за другим, начиная с середины лета и в течение осени¹⁷. Прежде всего, большевики получили преимущество над партиями-конкурентами в городах и армейских частях регионов, окружающих Петроград, включая Москву, Урал и северные отрезки фронтовой линии. Меньшевики, напротив, сохраняли наибольшее влияние в периферийных районах Кавказа и Грузии, тогда как эсеры были наиболее сильны в провинциальных больших и малых городах преимущественно сельскохозяйственных губерний и вдоль западных и юго-западных фронтов¹⁸. Более того, хотя в 1917 г. большевистская партия была далека от доктринального монолитного единства, она сохранила относительно большую организационную целостность, чем другие социалистические партии, как раз тогда, когда она оставалась намного более чувствительной к настроению народных масс в городских центрах¹⁹.

Претензии партии на исключительную власть

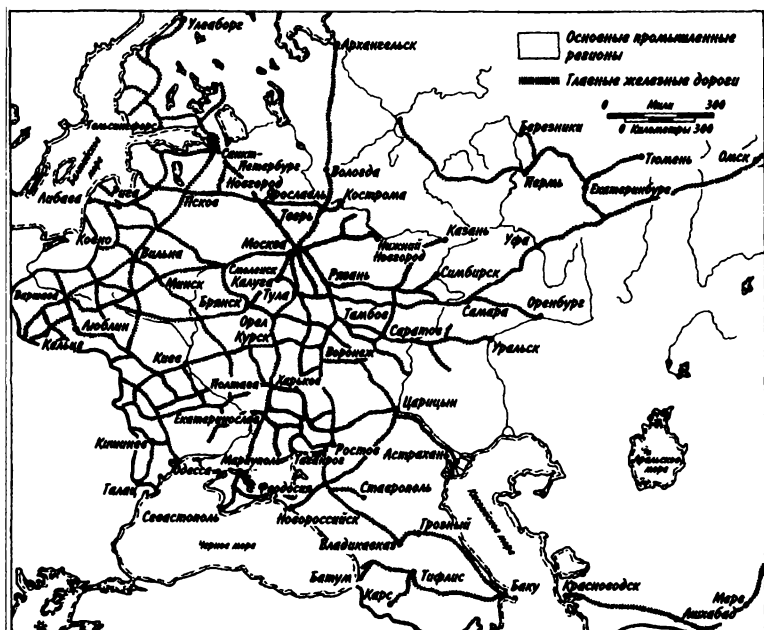
«Октябрь» в русской революции стал именно тем моментом, когда Временное правительство, чья власть и авторитет были полностью подорваны народными восстаниями, было окончательно официально отстранено из-за борьбы большевиков за высшую власть в государстве. Эта борьба заключалась просто во взятии тех крошечных частей, которые оставались от разрушенно-

16. Anweiler, *The Soviets*, ch. 4; Uldricks, "Crowd in Russian Revolution", pp. 410–412.

17. T. H. Rigby, *Communist Party Membership in the U.S.S.R., 1917–1967* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968), pp. 57–68; Anweiler, *The Soviets*, pp. 176–192.

18. Ibidem; Oliver H. Radkey, *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917* (New York: Columbia University Press, 1958).

19. И внутреннее напряжение среди большевиков, и их замечательную способность «держать руку на пульсе» подчеркивают исследования: Alexander Rabinowitch, *Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising* (Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1968); Рабинович А. *Кровавые дни. Июльское восстание 1917 г. в Петрограде*. Москва: Республика, 1992; Rabinowitch, *Bolsheviks Come to Power*; Рабинович А. *Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде*.

КАРТА 4. Железные дороги и основные промышленные районы Европейской России к 1917 г.

Источник: Hugh Seton-Watson, *The Russian Empire, 1801–1917* (New York: Oxford University Press, 1967), pp. 780–782.

го потенциала государственной власти в России. Большевики организовали в столице военный переворот, осуществленный с помощью Петроградского гарнизона под руководством Военно-революционного комитета Петроградского совета, от имени Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов²⁰. В силу положения, которого они уже достигли в Советах северо-востока Европейской России, и поскольку группы, способные противостоят перевороту, не располагали нетронутыми и верными им военными частями, большевики не столкнулись с незамедлительным военным сопротивлением, которого не смогли бы быстро преодолеть²¹. Но одно

20. Это великолепно описано в: Rabinowitch, *Bolsheviks Come to Power*, chs. 11–15; Рабинович А. *Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде*. Гл. 11–15.

21. Anweiler, *The Soviets*, pp. 176–207.

дело было претендовать на власть, а другое — удерживать и использовать ее. Чтобы осуществить свои притязания на верховную власть, большевикам потребовались годы работы по строительству государственных организаций и направление имеющихся ресурсов — верности партии, народной поддержки в городах и остатков профессионализма Старого порядка — на службу централизованной власти, способной контролировать и защищать революционную Россию.

С самого начала большевики столкнулись с политической оппозицией их попытке править единовластно. Социалистические партии в особенности, но также и некоторые Советы и профсоюзы призывали вместо этого создать коалиционное социалистическое правительство на основе Советов. Более того, давно запланированные выборы в национальное Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права состоялись вскоре после большевистского переворота. И когда в ноябре и декабре делегаты собрались, большевики обнаружили себя в меньшинстве, далеко позади эсеров, избранных множеством голосов крестьян. В стране по-прежнему существовала более осязаемая поддержка идее формирования либерально-демократического правительства Учредительным собранием, в обход Советов и аннулируя большевистский переворот.

Не удивительно, что Ленин убедил большевиков (хотя и после больших внутривластных споров) не отказываться от плодов их переворота. Партия, являвшая собою вождя и представителя пролетариата, предприняла усилия по сохранению и продлению своей власти и тем самым по консолидации и защите русской революции. Учредительное собрание было разогнано с помощью небольших отрядов Красной гвардии, к тому же для уменьшения и в конечном итоге устранения влияния меньшевиков и социалистов-революционеров в Советах применили разнообразные манипулятивные и насильственные тактики. Было создано новое правительство, внешне основанное на пирамиде Советов с выборами снизу вверх. Но на практике в делах Советов стали все больше преобладать исполнительные комитеты, которые «избирались» благодаря влиянию или вмешательству партии и были ответственны за исполнение ад-

министративных решений, принимаемых центральной властью в лице Совета народных комиссаров, где доминировали большевики²².

Конечно, во всем этом большевики должны были действовать с большой осторожностью и политическим искусством, поскольку первоначально их продолжающееся восхождение зависело исключительно от объединенных ресурсов верности партии и стратегически расположенных последователей из народа. Поэтому, работая над ослаблением партий-конкурентов, большевики были осторожны, стараясь чрезмерно не лишиться поддержки в народе. Сразу же после прихода к власти они санкционировали конфискацию земель у помещиков крестьянами, провозгласили свое намерение договориться об окончании войны и приняли декрет об избрании офицерами рядовых и отмене рангов в армии. Они даже некоторое время поддерживали принцип рабочего контроля над промышленными предприятиями²³. Все эти популистские жесты имели, с точки зрения большевиков, то преимущество, что уничтожали остатки собственности как базы господствующих классов Старого порядка. Эти жесты также подрывали остававшуюся институциональную базу партий-конкурентов — такую как профсоюзы, где меньшевики некоторое время сохраняли влияние.

Победа с помощью централизованного насилия

Таким образом, в течение некоторого времени после Октябрьского переворота большевики продолжали санкционировать анархические формы народного восстания. Однако логика их притязаний на государственную власть, учитывая те обстоятельства, в которых им приходилось бороться за ее сохранение и усиление, также подталкивала их к началу восстановления административных и военных организаций, и одновременно — к на-

22. См.: Leonard Schapiro, *The Origin of the Communist Autocracy* (London: G. Bell and Sons, 1955), pts. I, II; Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, pts. IV, V.

23. Paul H. Avrich, "The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry", *Slavic Review* 22:1 (March 1963), pp. 47–63.

саждению еще более централизованной дисциплины внутри партии. Летом 1917 г. в «Государстве и революции» Ленин обрисовал видение пролетарского режима, в котором постоянная армия и бюрократия отмирают и вместо этого народ осуществляет прямое правление с помощью ротации работ, а также избираемых и отзывааемых представителей. Но в тех условиях, в которых Россия и большевики оказались в 1918 г., такая модель было невозможна, в лучшем случае выступая утопией для отдаленного будущего. С углублением социального и экономического кризисов и теперь уже полностью разложившимися армиями, коммунисты были даже в худшем положении с точки зрения управления страной, чем предыдущий режим. Более того, германская военная угроза сохранялась и в 1918 г. К тому времени, когда она сошла на нет, благодаря согласованной с Германией капитуляции России в марте 1918 г. и последовавшего затем поражения Четверного союза на Западе, в Сибири и на юге страны возникли контрреволюционные режимы, опиравшиеся на армии, возглавляемые бывшими царскими офицерами. К тому же экспедиционные силы стран Запада, разбросанные по периферии Европейской и Азиатской России, предприняли попытки интервенции. Чтобы справиться с этими чудовищными трудностями, большевики быстро обратились к организованному насилию — неприкрытому *ultima ratio* государственной власти. И вскоре они обратили это насилие не только против иностранных и внутренних контрреволюционеров, но также — с целью восстановления порядка и дисциплины в российском обществе и государстве — против революционных масс.

Чрезвычайная комиссия — ЧК, или политическая полиция, была организована сразу же после Октябрьской революции как специальная, автономная административная организация, задачей которой была борьба против контрреволюционной подрывной деятельности всеми средствами, считавшимися необходимыми или целесообразными. Вооруженные части ЧК не подчинялись Советам и даже рядовым членам партии, только руководителям центральных партийных органов. Официальный документ формулировал это довольно жутко: «В своей деятельности по осуществлению

обысков, арестов, расстрелов ЧК полностью независима и постфактум подотчетна перед Советом народных комиссаров и Центральным исполнительным комитетом Совета»²⁴. Разумеется, наиболее явным видом деятельности ЧК были массовые аресты, заключение или казни реальных классовых и партийных врагов советского режима или заподозренных в этом. Но она также стала важным средством осуществления общего административного контроля, и особенно средством реализации решений, связанных с попытками нового государства управлять экономикой. Поскольку, как указывает Уильям Х. Чемберлен,

...никакое правительство не могло сохраниться в России в те годы, не прибегая к террору... Моральный дух нации был полностью разрушен мировой войной. Никто не желал выполнять никаких государственных обязанностей, кроме как под крайним принуждением. Старый порядок просто рухнул; новый порядок, с новыми привычками и нормами поведения, еще не сформировался; очень часто представитель власти, будь то большевистский комиссар или белый офицер, мог добиться выполнения своих приказов только с помощью револьвера²⁵.

Таким образом, если Красная армия или городские центры нуждались в снабжении, части ЧК могли изымать необходимое в деревнях; или, если городские власти хотели ввести карточную систему, ЧК могла арестовывать и расстреливать «спекулянтов» и конфисковывать их товары; или, если стратегически важные транспортные или административные работники демонстрировали признаки неповиновения красному режиму, ЧК могла их арестовывать или осуществлять показательные казни.

Во всех этих случаях, если использовать ЧК не было возможности или если требовалось привлечение дополнительных сил, вместо нее насильственные санкции могли осуществлять организованные партией рабочие комитеты, а также части Красной армии. Это сохранение опоры на низовые коллективные действия, хотя и все более стимулируемые и управляемые сверху, знамено-

24. Цит. по: Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. 2, p. 79.

25. *Ibid.*, p. 81.

вало желание коммунистов перенаправлять народный энтузиазм и энергию, когда на них можно было положиться, для дальнейшей консолидации нового режима. Поскольку промышленные рабочие были наиболее подходящими и организованными сторонниками коммунистов, именно их обычно и задействовали. По мере того как большевики проникали в сельскую местность для получения предметов снабжения, они также предпринимали попытки организовать бедных крестьян против богатых в целях поддержки нового режима, опиравшегося на города²⁶. Однако крестьяне, самодостаточные и относительно единые в своих сообществах, в целом не могли быть интегрированы в Новый порядок на добровольной основе. Однако они составляли подавляющее большинство советских граждан, и производимые ими продукты были критически важны для выживания городской России. Поэтому большевики не могли просто оставить их в покое наедине с их недавно расширившимися земельными владениями, как того явно хотели крестьяне. Напротив, необходимо было найти в случае необходимости принудительные способы вовлечения крестьян в Новый порядок. Одной из самых ранних форм, в которых предстала крестьянская дилемма, было создание Красной армии для сражений в гражданской войне.

В отличие от армий революционной Франции в 1793 г., русскую Красную армию пришлось создавать буквально с чистого листа, из уставшего от войны населения, более не поддающегося на националистические призывы²⁷. Весной и осенью 1917 г. регулярные части старых имперских армий, особенно наиболее подвергшиеся большевистской пропаганде, быстро распались. После лет поражений и страданий в ходе Первой мировой войны было мало толку от «националистических» призывов защищать страну от немцев. Большевикам пришлось отказаться от мобилизации народа на основе национализма и принять потери территорий бывшей Российской империи, что действительно радикально отличало

26. Lazar Volin, *A Century of Russian Agriculture* (Cambridge: Harvard University Press, 1970), pp. 143–150.

27. Это различие между Францией и Россией подчеркивается в: Chorley, *Armies and Revolution*, ch. 11.

их от лидеров французской революции²⁸. Императивы консолидации революции, порожденные поражением в Первой мировой войне, заставили глав российского государства (в течение 1917–1921 гг. и даже вплоть до Второй мировой войны) занять оборонительно-отступательную и почти полностью не экспансионистскую позицию²⁹.

Первоначально и до середины 1918 г. от формирующихся контрреволюционных армий революцию защищали только вооруженная рабочая гвардия, редкие лояльные воинские части и разрозненные партизанские отряды крестьян, обеспокоенные защитой своих домов и захваченных земель³⁰. Для высшего руководства Коммунистической партии, находившегося в городских центрах Европейской России, такая спонтанная и разобщенная оборона представлялась бесполезной. Без обращения вспять тенденций к децентрализации триумф контрреволюции или скатывание в анархию и борьбу национализмов казались единственно возможными итогами продолжающейся гражданской войны (и, вероятно, и стали бы ими). Джон Эллис отмечает:

...поскольку большевики уже захватили государственную власть и переняли многие административные функции правительства, они не могли отступить в отдаленные районы из-за наступления белых, не разрушив этим полностью свою репутацию. Захватив власть, они были вынуждены использовать и удерживать ее. Для этого им пришлось создать крупные армии в самое кратчайшее время. Эти крупные армии в силу необходимости должны были состоять из крестьян³¹.

Со Львом Троцким в качестве военного комиссара, при поддержке Ленина и Центрального комитета партии, была создана централизованная, профессиональная

28. Марксистская идеология большевиков помогла сделать эти жертвы возможными для строителей государства в 1918–1921 гг., потому что она подчеркивала пролетарский универсализм, а не самоутверждение России в качестве конечной цели революции. Иными словами, между объективной ситуацией и идеологией партии, завоевавшей власть и преуспевшей в ее консолидации, существовало «избирательное сродство».

29. Одним примечательным исключением была неудачная попытка Красной Армии захватить Варшаву летом 1917 г. См.: Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. 2, pp. 297–316.

30. Erickson, "Origins of Red Army", in *Revolutionary Russia*, ed. Pipes, pp. 301 ff.

31. John Ellis, *Armies in Revolution* (New York: Oxford University Press, 1974), p. 174.

и дисциплинированная Красная армия³². Был издан декрет об обязательном призыве на военную службу и, после того как осторожное начало было положено среди лояльных промышленных рабочих, вскоре военные комиссары были вынуждены обратиться к крайне измученным войной крестьянам. В конечном итоге крестьяне составили больше четырех пятых численности Красной Армии, которая к 1921 г. выросла до более чем пяти миллионов человек³³. Чтобы быстро превратить этих в основном неграмотных и крайне недовольных новобранцев в какое-то подобие эффективной боевой силы, были возрождены все традиционные дисциплинирующие прерогативы офицеров, включая право отдавать приказы о расстреле солдат. Министерству обороны, чей персонал составили специалисты, сохранившиеся от Старого порядка, был передан командный контроль над всеми полевыми операциями. К тому же максимально возможное число бывших царских офицеров, которых можно было склонить или принудить вступить в Красную армию, получили руководящие посты и власть, сопоставимую с их (по идее политически нейтральными) техническими навыками³⁴. Так в течение года большевики отменили многие из тех революционно-демократических мер, которые они когда-то поддерживали в целях подрыва Временного правительства, и вместо этого вернулись к профессиональным и бюрократическим принципам военной организации.

К ним Троцкий добавил систему централизованного партийного контроля, ставшую неизбежной из-за необходимости обеспечить успешное слияние недовольных новобранцев из крестьян, политически ненадежных царских офицеров и нерегулярных революционных воин-

32. Исходные данные см. в: Erickson, "Origins of Red Army", in *Revolutionary Russia*, ed. Pipes; Ellis, *Armies in Revolution*, ch. 7; Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, vol. 2, ch. 21; David Footman, *Civil War in Russia* (New York: Praeger, 1962), ch. 3.

33. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917-1921*, vol. 2, p. 29.

34. «Во время гражданской войны от 50 000 до 100 000 офицеров старой армии были приняты в ряды в новой Красной армии. Возможно, столь же важно то, что были приняты более 10 000 служащих военного министерства, так же как и основная часть сотрудников Генерального штаба и военных академий старой армии» (Raymond L. Garthoff, "The Military as a Social Force", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), p. 329).

ских подразделений в единую централизованную и эффективную военную организацию. Для надзора над офицерами-специалистами и обеспечения их лояльности были назначены политкомиссары. К тому же боевые части, состоящие из преданных коммунистов (членов партии и рабочих), были добавлены к крестьянским частям, чтобы поднять боевые качества всей армии. Столь же важным было то, что все коммунисты в армии были напрямую подчинены дисциплине и распоряжениям политической администрации, учрежденной для того, чтобы искоренить спонтанные и нескоординированные политические инициативы партийных ячеек или комиссаров.

Таким образом вырос полностью централизованный механизм всей политической деятельности в армии... подчиняющийся Центральному комитету [Коммунистической партии] и, в свою очередь, контролирующий через подчиненные политические департаменты подразделений и комиссаров и всю политическую деятельность в частях³⁵.

Между 1918 и 1921 гг. Красная армия выполнила две основные задачи для коммунистического режима. Во-первых, что имело решающее значение, она нанесла поражение вооруженной контрреволюции. Красные воевали в соответствии с обычными военными принципами того времени и имели стратегическое преимущество внутренних линий и доступа к городам и железным дорогам Европейской России. К тому же они пользовались преимуществами того, что народ предпочитал их белым — включая незначительное, но все же предпочтение большинства крестьян, без которого русская революция, несомненно, не смогла бы консолидироваться в ходе гражданской войны. Поскольку, с какой бы ненавистью крестьяне ни относились к попыткам *и красных, и белых* втянуть их в гражданскую войну и использовать их ресурсы, они боялись (особенно в центральных регионах России) что победы белых повлекут за собой возвращение помещиков, земли которых они экспроприировали³⁶.

35. Schapiro, *Origin of Communist Autocracy*, p. 243.

36. О большевиках во время гражданской войны см.: Footman, *Civil War*; Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. 2. Чемберлен утверждает (и приводит доказательства), что, хотя крестьяне в большинстве регионов России были и против красных, и против белых, они все же ненави-

Что касается второй задачи, выполненной Красной армией: как раз тогда, когда белые армии были разбиты одна за другой, Красная армия развилась в надежную основу для продолжения высокоцентрализованного правления партии большевиков. Массы новобранцев были инкорпорированы в ее профессиональную и контролируемую партией структуру. А нерегулярные военные подразделения — такие как пролетарская Красная гвардия и крестьянские партизанские отряды, которые возникли во время анархической фазы революции, были заменены Красной армией и поглощены ею. В конечном итоге те партизанские части, которые не могли быть абсорбированы, такие как крестьянские партизаны Махно на Украине, были разгромлены и уничтожены³⁷.

Государственный контроль в экономике

Годы гражданской войны также стали временем учреждения бюрократической и контролируемой партией гражданской администрации, централизации и крайнего расширения контроля государства над российской экономикой. Развитие гражданской государственной администрации происходило аналогично становлению офицерского корпуса Красной армии. Из-за дефицитных технических умений бывших чиновников и служащих Старого порядка их оставили на местах или вновь наняли, номинально под надзором Советов, но в реальности под контролем относительно небольшого числа партийных кадров, внедренных в их коллективы и поставленных над ними³⁸.

дели белых больше, поскольку последние на занятых ими территориях пытались вернуть собственность и власть помещиков. Единственным исключением были те регионы, где помещичье землевладение не было проблемой для богатых мелких крестьян, как это было в Сибири. Другой важной предпосылкой победы красных было то, что западные державы, истощенные той же мировой войной, что вызвала русскую революцию, не осуществили серьезного, продолжительного вмешательства в поддержку белых. К тому же, разумеется, Россия настолько велика, что это потребовало бы огромных усилий.

37. О подавлении движения Махно см.: Ellis, *Armies in Revolution*, pp. 184–187; Footman, *Civil War*, ch. 6.

38. Merle Fainsod, "Bureaucracy and Modernization: The Russian and Soviet Case", in *Bureaucracy and Political Development*, ed. Joseph La Palombara (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1963), pp. 249–253.

У этого быстро возродившегося государственного аппарата было больше обязанностей, чем раньше, особенно что касалось экономического контроля и надзора. Различные обстоятельства (включая последствия крестьянских и рабочих бунтов против владельцев частной собственности, острую необходимость продовольственного снабжения армий и городов в разгар экономического краха и гражданской войны, а также кружащих голову представлений о коммунистическом обществе, которые лелеяли некоторые большевистские кадры) в совокупности в 1918–1921 гг. породили систему, известную как «военный коммунизм»: «в которой государство стремилось играть роль единственного производителя и единственного распределителя, в которой труд, направляемый и регламентируемый государством, был принудительным, в которой выплаты производились в натуральном выражении, в которой потребность в деньгах и их использовании по большей части исчезли»³⁹.

С появлением этой системы рабочий контроль на производстве стал первой жертвой⁴⁰. Большевистские лидеры обратили внимание на то, что синдикалистский контроль на производстве только усугубляет экономический хаос. Поэтому в течение нескольких месяцев после Октябрьской революции они перешли к национализации многих ключевых отраслей и передали контроль над ними центральным административным органам, работающим в сотрудничестве с профсоюзами. Очищенные от влияния меньшевиков и надежно укомплектованные членами коммунистической партии, профсоюзы использовались для того, чтобы вытеснить рабочие комитеты или Советы, которые первоначально захватили фабрики у их буржуазных владельцев и управляющих. В свою очередь, профсоюзы уступили права на управление директорам (часто — бывшим «буржуазным» управляющим), назначенным советской администрацией. По отношению к крупным предприятиям эта система оказалась постоянной, ее сущность осталась неизменной

39. Chamberlin, *The Russian Revolution, 1917–1921*, vol. 2, p. 105.

40. См.: Avrich, "Revolution and Workers' Control"; Jeremy R. Azrael, *Managerial Power and Soviet Politics* (Cambridge: Harvard University Press, 1966), ch. 3.

и после 1921 г., когда от других черт «военного коммунизма» временно отказались.

Дело в том, что немедленная попытка коммунистов полностью отменить рыночные механизмы и управлять всеми аспектами производства и распределения с помощью команд не могла пережить ужасные годы гражданской войны. Осуществляемые с помощью террора меры, такие как насильственная реквизиция прибавочного продукта у крестьян, продразверстка и в итоге попытки милитаризации трудовой дисциплины могли помочь победам Красной армии и действительно сделали это. Это было эффективно, когда большинство народа, как бы оно ни было недовольно, не желало поддержать белые армии, которые были столь же жестокими и вдобавок еще и контрреволюционными. Но при «военном коммунизме» экономика России разрушалась и сократилась еще больше, чем в годы Первой мировой войны⁴¹. Как только белые были побеждены, недавно консолидировавшийся советский режим вскоре нашел необходимым и целесообразным оставить попытки тотального государственного контроля над экономикой. К 1921 г. режим столкнулся одновременно с рабочими, отчаянно стремившимися к повышению нищенской заработной платы и сокращению продолжительности рабочего дня, и с распространением крестьянских восстаний против реквизиций зерна⁴². Вследствие этого, продолжая заботиться о сохранении своей политической монополии и ужесточении внутренней дисциплины в партии, коммунистические вожди предприняли отступление к новой экономической политике, в рамках которой в крестьянском сельском хозяйстве было позволено возродиться рыночным силам, а также частной инициативе на средних и малых предприятиях и в розничной торговле. Так как войны и гражданские конфликты закончились, эти меры способствовали восстановлению российской экономики и численности населения к 1925 г. примерно до уровней периода, предшествующего Пер-

41. Nove, *Economic History*, ch. 3.

42. Эта ситуация едко описана в: Paul Avrich, *Kronstadt, 1921* (New York: Norton, 1974), ch. 1, "The Crisis of War Communism"; Эврич П. *Восстание в Кронштадте. 1921 год*. Москва: Центрполиграф, 2007. Гл. 1. См. также: Seth Singleton, "The Tambov Revolt (1920-1921)", *Slavic Review* 25:3 (September 1966), pp. 497-512.

вой мировой. Тем не менее в ходе этого восстановления крупная промышленность и внешняя торговля оставалась под контролем центральных органов партийного государства, тем самым предоставляя большевикам (в отличие от французских якобинцев после 1793 г.) прочную организационную базу и заинтересованность в экономике⁴³.

На практике эта организационная основа власти партийного государства в промышленности была всем, что оставалось к 1921 г. от большевистской пролетарской базы. Как красноречиво заметил Жерар Шальян: «„пролетарская революция“ восторжествовала, но сам рабочий класс практически растаял»⁴⁴. Конечно, первоначально политическая программа большевиков привлекла спонтанную поддержку самоорганизовавшихся революционных рабочих. Но гражданская война либо проредила, либо уничтожила изначальных сторонников большевиков. Некоторые разлетелись по сельской местности, покинув голодающие города; другие погибли в боях за революцию; иные же (как и многие *санкюлоты* во Франции в 1793 г.) воспользовались возможностями вертикальной мобильности: от работы на предприятиях к занятию официальных должностей в недавно восторжествовавшем партийном государстве. Новые рабочие, в основном крестьянского происхождения, в конечном итоге заняли место пролетариата 1917 г. Но они едва ли могли составлять политически опытную и сознательную базу (или демократический противовес) все более монолитному и бюрократизированному руководству партийного государства. С 1921 г. облик нового революционного режима зависел от того, как это руководство использовало и применяло государственную власть в российском обществе.

Сталинская «революция сверху»

Новая экономическая политика (НЭП), возобладавшая сразу же после окончания гражданской войны, не оказалась стабильным итогом русской революции. К кон-

43. Nove, *Economic History*, ch. 4.

44. Gerard Chaliand, *Revolution in the Third World: Myths and Prospects*, trans. Diana Johnstone (New York: Viking Press, 1977), p. 150.

цу 1920-х гг. на смену НЭПу пришло тотально коллективистское и бюрократически управляемое общество под руководством диктаторского партийного государства, преданного делу быстрой индустриализации (прежде всего в сфере тяжелой промышленности). На данном этапе важно понять, почему это стало кульминацией революции, первоначально осуществлявшейся людьми с либертарными и социалистическими надеждами. Мы должны рассмотреть, во-первых, внутренние противоречия НЭПа, а затем — ситуационные условия, унаследованные от Старого порядка, и политические наклонности, унаследованные от периода гражданской войны. Все эти факторы помогают объяснить, почему коммунистическая партия под руководством Сталина обратилась к насильственной коллективизации сельского хозяйства и срочной программе индустриализации в тяжелой промышленности.

В начале 1920-х гг. гибридная система НЭПа функционировала достаточно хорошо — экономика восстановилась и население росло. Но к началу 1926 г. возникающие трудности обозначили необходимость фундаментальных изменений. Самые серьезные дилеммы стояли перед молодым советским режимом в сфере экономических и политических отношений с крестьянством.

Крестьянское противоречие

К 1926 г. российская промышленность в основном восстановилась до уровня инвестиций в основной капитал периода до Первой мировой. Тем не менее без чрезвычайных вливаний капитала и рабочей силы она не могла производить ни достаточно потребительских товаров для снабжения масс крестьянских производителей, ни товаров производственного назначения, которые способствовали бы быстрому развитию индустриальных мощностей⁴⁵. Крестьяне, в свою очередь, не собирались увеличивать сельскохозяйственное производство или даже сдавать имеющиеся излишки для снабжения городов и промышленности, за исключением случаев, когда могли покупать промышленные товары по ра-

45. Nove, *Economic History*, ch. 4, особенно pp. 94, 117–118.

зумной цене на доходы, полученные от продажи зерна и сырьевых материалов. В силу особенностей аграрной социально-экономической структуры, существовавшей в нэповской России, крестьянство в целом могло, так сказать, решить судьбу национальной экономики. После крестьянской революции 1917 г. крупные хозяйства помещиков и богатых крестьян, производившие непропорционально большую долю поставляемого на рынок урожая зерна, более не существовали. Вместо них имелись практически только мелкие производители, непропорционально большая доля которых поддерживала хозяйство на уровне самообеспечения. Эти мелкие производители, численность которых росла в течение 1920-х гг., могли, если бы захотели, не поставлять зерно на рынок. Они могли либо припрятывать его, в ожидании более высокой цены в дальнейшем, либо использовать в пищу в семье или на корм сельскохозяйственным животным⁴⁶.

Следует подчеркнуть контраст между этим аграрным результатом русской крестьянской революции и той ситуацией, которая стала результатом антисеньориальных крестьянских восстаний во Франции⁴⁷. Даже до революции Франция была вполне коммерциализированной для доиндустриальной аграрной страны, особенно в плане сравнительно высокого участия многих крестьян в рыночном обмене с местными городами⁴⁸. Верно, что социально-политическая солидарность крестьянских сельских общин была достаточной для того, чтобы стимулировать коллективное сопротивление (и, в 1789 г., восстания) против сеньоров и других внешних претендентов на доли прибавочного продукта крестьян. Тем не менее общинные формы не отменяли и не подрывали существенного индивидуализма и ориентации на частное владение французских крестьянских собственников. Поэтому французская крестьянская революция устранила сеньориальные притязания, но не экспроприировала и не перераспределила большинство земель,

46. Nove, *Economic History*, ch. 4; Volin, *A Century of Russian Agriculture*, pp. 182–188.

47. Этот абзац вновь обращается к аргументации и ссылкам раздела о Франции в главе 3.

48. В сравнительной перспективе см.: Gilbert Rozman, *Urban Networks in Russia, 1750–1800, and Premodern Periodization* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976), ch. 5.

находившихся в частной собственности, как у помещиков, так и у богатых крестьян. И хотя многие общинные ограничения на индивидуальное землепользование сохранялись, но революция ослабила их и усилила долговременные тенденции к индивидуалистическому ведению хозяйства. После революции французская аграрная экономика представляла собой смесь средних, мелких и мельчайших индивидуальных землевладельцев, и сельскохозяйственные производители были не менее, а возможно, и более ориентированы на регулярное участие в рыночных отношениях, чем при Старом порядке. Одним из основных последствий этого была возможность хотя и постепенного, но постоянного роста французской торгово-промышленной экономики после революции без активного управления со стороны государства — и особенно без активного государственного вмешательства в сельское хозяйство.

Но в Советской России в 1920-е гг. ситуация была совсем иной. Русская крестьянская революция, в отличие от французской, экспроприировала и перераспределила частную земельную собственность. Это привело к уравниванию крестьянских владений в целом на уровне бедняков и усилению общинного контроля, враждебного индивидуальной предприимчивости⁴⁹. В результате российские сельскохозяйственные производители были в целом менее ориентированы на рынок, чем до 1917 г. К тому же существенное преобладание мелких крестьянских хозяйств в национальной экономике представляло угрозу для жизнеспособности любой ориентированной на рынок национальной экономической системы (не говоря уже о любом плане направляемой государством индустриализации).

В той аграрной социально-экономической структуре, которая возникла в результате русской крестьянской революции, НЭП был обречен на столкновение с экономическими противоречиями после того, как он первоначально способствовал восстановлению после крайнего сокращения производства при военном коммунизме.

49. См.: Keep, *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*, chs. 29–30; D.J. Male, *Russian Peasant Organization Before Collectivization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1971).

Основная проблема была проста. Без крайне благоприятных экономических стимулов (избытка недорогих потребительских товаров, превышающего производственные возможности советской промышленности, и очень высоких цен на сельскохозяйственную продукцию, которых советские власти не желали допускать, учитывая их сильную заинтересованность в манипулировании условиями торговли в пользу контролируемых государством отраслей промышленности) у российских крестьян были все основания все меньше и меньше участвовать в национальной экономике. Действительно, доля поставок зерна на рынок в течение 1920-х гг. оставалась ниже, чем до 1914 г. А к 1927 г. крестьяне поставляли на рынок так мало зерна, что это стало причиной кризисной ситуации⁵⁰.

Кроме того, советский режим был не в том положении, чтобы использовать политико-организационные меры для убеждения крестьян сдавать излишки и тем более вводить новые производственные практики. Партия, Советы и государственная администрация обладали крайне слабой опорой и влиянием в сельских крестьянских общинах⁵¹. Поскольку большевики пришли к власти благодаря городским восстаниям и согласованным военным действиям, в ходе этих процессов они не проникли в деревни и не преуспели в насаждении там политических лидеров, которые были бы одновременно влиятельны среди крестьян и верны партии и советскому режиму. Вдобавок опора на рыночные механизмы для того, чтобы способствовать восстановлению сельскохозяйственного производства в начале 1920-х гг., только способствовала появлению относительно зажиточных местных крестьянских лидеров, которые были естественно враждебны любому повороту в сторону по-

50. Nove, *Economic History*, pp. 105–113, 148–151; Volin, *A Century of Russian Agriculture*, pp. 182–188.

51. Источниками для этого абзаца являются: Male, *Peasant Organization*, ch. 3; Teodor Shanin, *The Awkward Class* (New York: Oxford University Press, 1972), chs. 9–10; Moshe Levin, *Russian Peasants and Soviet Power*, trans. Irene Nove (Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1968), pt. I. И особенно: Thomas P. Bernstein, "Leadership and Mobilization in the Collectivization of Agriculture in China in Russia: A Comparison", PhD dissertation, Department of Political Science, Columbia University, 1970 (Ann Arbor, Mich.: University Microfilms), chs. 3–5.

литической мобилизации в сельском хозяйстве. Таким образом, в тот момент, когда кризис в отношении крестьянства к национальной экономике стал острым, советский режим не имел сколько-нибудь надежных политических средств на местах для того, чтобы достичь, реорганизовать и переориентировать крестьянство. Так или иначе, местные советские и партийные кадры в сельской местности были относительно немногочисленны. К тому же они были либо политически неблагонадежны с точки зрения режима (например, поскольку были ориентированными на рынок зажиточными крестьянами), либо политически неэффективны среди своих соседей (например, потому что они были молодыми, бедными сельскохозяйственными рабочими, «выбранными» или назначенными в местные учреждения по воле вышестоящей администрации).

Однако если бы режиму снова пришлось прибегнуть к грубым и насильственным методам обеспечения поставок, практиковавшимся при «военном коммунизме», при этом оставляя мелким крестьянским хозяйствам и деревням контроль над сельскохозяйственным производством, крестьяне просто могли ответить сокращением посевов и сокрытием урожая. Именно это и стало происходить после 1927 г., когда нехватка поставляемого и продаваемого крестьянами зерна побудила режим применить административное принуждение, а это, в свою очередь, способствовало сокращению урожая в 1928 и 1929 гг.⁵² Так система НЭПа, основанная на нелегком сосуществовании малоземельного общинно-автономного и склонного к ведению натурального хозяйства крестьянства, а также на партийном государстве, которое опасалось рыночных сил, стремилось к развитию направляемых государством отраслей промышленности и не имело сколько-нибудь прочной политической базы на селе, — эта система вошла в углубляющийся кризис, со все большими разногласиями между городом и деревней.

52. Volin, *A Century of Russian Agriculture*, pp. 196–202; Lewin, *Russian Peasants*, pt. 11; E. H. Carr, “Revolution From Above: The Road to Collectivization”, in *The October Revolution: Before and After* (New York: Vintage Books, 1971), pp. 95–109.

Курс на быструю индустриализацию и насильственную коллективизацию

Необходимо было принять важнейшие решения, и в коммунистической партии началась борьба как за лидерство, так и по поводу дальнейших действий⁵³. Николай Бухарин и его сторонники отстаивали увеличение производства промышленных потребительских товаров по пониженным ценам, чтобы стимулировать крестьянство производить и продавать больше сельскохозяйственной продукции в обмен на них, за что прослыли «правыми». С другой стороны, одобряя политику, которую изначально отстаивали уже побежденные «левые» троцкисты, Иосиф Сталин постепенно склонился к альтернативному подходу. По существу эта политика предусматривала масштабные и продолжительные инвестиции в отрасли тяжелой промышленности, вместе с административным насаждением коллективизации сельского хозяйства с целью заставить крестьянство выращивать и сдавать зерно и высвободить рабочую силу для ускоренного развития городов и промышленности. В конечном итоге подход Сталина восторжествовал — по большому счету просто из-за динамики событий, как только между партией-государством и крестьянством начались столкновения по поводу поставок зерна. Но верно также и то, что поскольку отчетливые альтернативы государственной политики были обозначены и обсуждались в середине и конце 1920-х гг., постепенно складывающийся подход Сталина стал рассматриваться большей частью советского руководства как предпочтительный по сравнению с бухаринской стратегией. Это было так в основном потому, что сталинские меры (финальных последствий которых невозможно было предугадать в самом начале),

53. См.: Isaac Deutscher, *The Prophet Unarmed* (New York: Vintage Books, 1959); Дойчер И. *Троцкий: безоружный пророк, 1921–1929*. Москва: Центрполиграф, 2006; Stephen F. Cohen, *Bukharin and the Bolshevik Revolution* (New York: Knopf, 1973), chs. 6–9; Козн С. *Бухарин. Политическая биография. 1888–1938*. Москва: Прогресс, 1988. Гл. 6–9; Alexander Erlich, *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928* (Cambridge, Harvard University Press, 1967); Эрлих А. *Дискуссии об индустриализации в СССР. 1924–1928*. Москва: ИД «Дело» АНХ, 2010.

представлялись лучшим способом направить возможности партийного государства на решение российской экономической дилеммы⁵⁴. Сталинский подход представлялся более многообещающим в силу двух групп причин.

Во-первых, это был подход, разработанный для того, чтобы *быстро* поднять Россию за счет ее собственных сил на более высокий уровень экономического и военного развития. Это казалось очевидно важным не только потому, что, как предполагалось, достигнуть социализма могло только индустриализованное общество, но также и потому, что к середине 1920-х гг. большевики стали остро осознавать, что социалистические революции в Западной Европе тотчас же не произойдут. Их социалистическая революция должна была выжить хотя бы «в одной стране», а из этого следовало, что экономическое развитие должно идти на автономной национальной основе. Кроме того, Советская Россия, как ранее и царская Россия, геополитически находилась в системе европейских государств, всегда подверженной периодически вспыхивающим войнам. Никакое российское руководство не могло исключить военные приготовления из любого плана национального экономического развития, и в этом отношении сталинская стратегия быстрого развития тяжелой промышленности, естественно, казалась более подходящей, чем подход Бухарина. Если бы он вообще сработал, бухаринский подход обрек бы страну на очень плавный экономический рост. Этот подход призывал партию и государственную администрацию уступить и позволить рыночным силам — потребительскому спросу и развитию легкой промышленности — диктовать направление и темпы национального экономического развития⁵⁵.

Сталин, напротив, призывал в своих речах, исполненных военных метафор, к возвращению большевистского партийного государства, к *активным действиям*

54. В главах 8–9-й «Бухарина» Коэн делает существенный упор на постепенное обращение многих лидеров партии в сторонников сталинского политического курса (Коэн С. *Бухарин. Политическая биография. 1888–1938*).

55. Подход Бухарина почти точно так же потребовал бы открытия российской экономики для существенных иностранных инвестиций, хотя в 1930-е гг. это могло оказаться неуспешным, даже если такая попытка была бы предпринята.

в духе предпринятых в ходе гражданской войны. И это приводит нас ко второй группе причин большей притягательности его стратегии (включая, в конечном счете, и наступление на крестьянство) для существующей политической элиты. Партия и государственные организации, первоначально созданные в ходе гражданской войны и возглавляемые преимущественно людьми, чей самый яркий и ценный опыт был связан с этим периодом интенсивной борьбы, хорошо подходили и были по своей природе склонны к активистской позиции, предлагаемой Сталиным. Мобилизация городских партийных и рабочих отрядов для отправки в политически враждебную сельскую местность в целях захвата зерна и реорганизации крестьянских сообществ была как раз тем видом деятельности, который привел этих людей к победам в недавнем героическом прошлом. Кроме того, это был не просто вопрос личных воспоминаний и склонностей. Как мы уже видели, само партийное государство было структурировано таким образом, что любые значительные попытки политического влияния на крестьянство с необходимостью принимали форму мер, навязываемых деревням извне, а не реорганизации, продвигаемой изнутри. Учитывая имеющиеся в арсенале политико-организационные средства, реальный выбор, стоявший в ходе кризиса НЭПа, был, по-видимому, заключен между двумя крайностями — оставить крестьян в покое или атаковать их. Когда между 1929 и 1935 гг. проходила коллективизация, она как раз приняла форму атаки на сбитое с толку и сопротивляющееся крестьянство ударными силами городских административных и промышленных рабочих⁵⁶. Неудивительно, что многие советские кадры были предрасположены откликнуться на сталинский призыв возвратиться к методам гражданской войны, чтобы активно совладать с еще одним кризисом направляемой партией революции (а не пассивно «отступить» перед ним).

56. См.: Leonard Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*, 2nd ed., rev. and enlarged (New York: Vintage Books, 1971), pp. 460–461; Шапиро Л. *Коммунистическая партия Советского Союза*. London: Overseas Publications Interchange Limited, 1990; Bernstein, “Collectivization of Agriculture”, chs. 5–6; Lewin, *Peasants and Power*, pt. 111.

Но, конечно, на этот раз задача состояла не в победе в гражданской войне, а в ускорении национального экономического развития. Сталинская стратегия, хотя и созвучная большевистскому революционному опыту и организационным возможностям, вообще могла сработать только потому, что партийное государство основывало ее на экономических условиях, сохранившихся с дореволюционной эры. Успешная в итоге сталинская программа ускоренной индустриализации в сфере тяжелой промышленности⁵⁷ явным образом выиграла от возможности использовать значительную базу, имеющуюся в этой отрасли (которая, конечно, также была важнейшим организационным основанием власти партии). Бухаринская стратегия была бы более многообещающей, если бы Советская Россия унаследовала хорошо развитые отрасли потребительских товаров и достаточно процветающий и рыночно-ориентированный сельский сектор, который обеспечивал бы сильный спрос для легкой промышленности. Тот факт, что не имелось ни одного из этих условий, говорит о том, что подход Бухарина был по своей сути неосуществим⁵⁸. Сталинский подход означал, что в ходе дальнейшего экономического развития России все ставки будут сделаны на развитие контролируемой государством тяжелой промышленности. Смысл коллективизации сельского хозяйства был до очевидности прост: государство «закупает продукцию по минимальной цене»⁵⁹, невзирая на ущерб, наносимый этим жизни и благополучию крестьян или эффективности сельскохозяйственного производства. Недавние исследования предполагают, что коллективизация, по всей вероятности, и не позволила реально увеличить прибавочный продукт, изымаемый из российского сельского хозяйства в целом⁶⁰. Но она, ко-

57. См.: Nove, *Economic History*, chs. 8–9 о достижениях сталинских кампаний по индустриализации.

58. Даже симпатизирующий Бухарину его биограф Стивен Коэн признает, что бухаринская стратегия развития серьезно «недооценивала необходимость государственного вмешательства и в промышленное, и в сельскохозяйственное производство» (Cohen, *Bukharin*, pp. 208–212; Коэн С. *Бухарин*. Гл. 7).

59. Nove, *Economic History*, p. 184.

60. См.: James R. Millar, "Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan: A Review Article", *Slavic Review* 33 (December 1974), pp. 750–766.

нечно, вызвала и обеспечила быстрое развитие контролируемой государством деятельности и в промышленном, и в сельскохозяйственном секторе. После коллективизации сельского хозяйства политический контроль советского партийного государства полностью консолидировался на селе, как это было в городах к 1921 г. Больше не нужно было искать расположения крестьянства с помощью прорыночной или свободно-рыночной политики, поскольку оно больше не могло скрывать минимально необходимую сельскохозяйственную продукцию от государственных заготовительных агентств. Тем самым, как только политический контроль советской власти в сельской местности был консолидирован, направляемая государством индустриализация в сфере тяжелой промышленности могла возобновиться в Советской России с той точки, на которой остановилась при Старом порядке, и могла идти (пока правители были готовы платить огромную цену человеческими жизнями) намного более быстрыми темпами.

Новый порядок

После 1928 г., поскольку коллективизация была завершена и сталинские программы ускоренной индустриализации тяжелой промышленности выполнены, выкристаллизовались основные очертания результатов русской революции. Каковы были важнейшие особенности этих очертаний и почему они значимы для социологии, в плане того, что мы уже видели относительно причин и динамики революции?

Усилившееся государство в революционизированном обществе

Безусловно, самой поразительной чертой нового режима было господство партийно-государственного комплекса, несоизмеримо более крупного, динамичного и могущественного, чем был царский режим. Одни только статистические данные многое говорят. Сравнивая статистику до и после революции, отражающую количество «персонала в самой государственной администрации,

в полиции и в судебной системе — за вычетом личного состава вооруженных сил», Альф Эдин оценивает его в 260 000 человек в 1897 г., из которых 105 000 были в системе полиции, тогда как к 1929 г., когда административная территория России была значительно *меньше*, чем в 1897 г., его численность составляла 390 000, из которых 142 000 были в советском аппарате полиции⁶¹. Советская статистика, приводимая И. Х. Карром, предполагает даже более крупные цифры⁶². Конечно, в 1897 г. оставалось еще двадцать лет до гибели Старого порядка, так что часть этого увеличения численности, конечно, произошла еще до установления советского режима (особенно в годы Первой мировой войны). Тем не менее тенденция к увеличению численности персонала государственных учреждений Старого порядка между 1860-ми и 1890-ми гг. не может объяснить этого роста от 1897 к 1929 г. Более того, оценка Эдина относительно 1929 г. не включает увеличение численности: государственных служащих (благодаря революционному овладению промышленными предприятиями), управленцев, технических специалистов и партийных функционеров, так или иначе нанимавшихся на службу у советского партийного государства, которое шло бок о бок с форсируемой государством быстрой индустриализацией с конца 1920-х до 1950-х гг. Если не вдаваться в детали, это было практически пятикратное увеличение, тогда как население Советского Союза за тот же самый период выросло только на одну треть⁶³. Таким образом, советская система характеризовалась огромными и постоянно растущими государственными административными организациями. Первая причина этого в том, что с 1921 г. и далее советский режим по своей сути обладал большим политическим весом, чем даже относительно политически влиятельное и бюрократическое

61. Alf Edeen, "The Civil Service: Its Composition and Status", in *The Transformation of Russian Society*, ed. Cyril E. Black (Cambridge: Harvard University Press, 1960), p. 276.

62. E. H. Carr, *Foundations of a Planned Economy 1926-1929*, 3 vols. (New York: Macmillan, 1971), vol. 2, p. 489, table 66.

63. Warren W. Eason, "Population Changes", in *Transformation*, ed. Black, p. 73. Пятикратный показатель, характеризующий рост госаппарата после 1928 г., взят из: Edeen, "Civil Service", in *Transformation*, ed. Black, pp. 276-278.

государство царизма. А вторая — в том, что с середины 1920-х гг. советское государство продвигало индустриализацию намного быстрее и с помощью более прямых политико-административных мер.

Советское государство было не только численно крупнее, оно также было способно на большие свершения в обществе, обращая куда меньше внимания на социальную оппозицию, чем царское самодержавие могло себе представить. Во-первых, в качестве агента исполнительной координации всех государственных функций (большевистская) коммунистическая партия пришла на смену царю и его сети личных сподвижников⁶⁴. Очевидная разница здесь в том, что партия была численно больше и более разветвленной в своем охвате. Она состояла из иерархически упорядоченных кадров, назначаемых высшим партийным руководством и подчиняющихся ему, что позволяло достичь намного более эффективной координации из центра, нежели мог добиться царь. Более того, хотя к середине 1930-х гг. членство в партии и занятие высших административных и технических должностей совпадали, советская коммунистическая партия постоянно пыталась, путем регулярно возобновляемого набора людей, привлечь по меньшей мере некоторых членов из всех слоев и секторов общества⁶⁵.

Это указывает на вторую причину того, почему советский режим был по своей сути более могущественным, чем царское правительство. Царское самодержавие довольствовалось тем, что оставляло организованные представительные и социальные группы (к примеру, земства, церковь, общины) обособленными от административно-исполнительной государственной власти, хотя и подчиненными ей. Коммунисты, напротив, стремились тесно связать исполнительную власть в центре с массами, интегрируя всех, на рабочих местах и по месту проживания, непосредственно в партийно-государственную систему⁶⁶. Это делалось с помощью представительных и мас-

64. Zbigniew K. Brzezinski, "The Patterns of Autocracy", in *Transformation*, ed. Black, pp. 93-109.

65. См.: Rigby, *Party Membership*, и др.

66. Theodore H. Von Laue, *Why Lenin? Why Stalin?* 2nd ed. (Philadelphia: Lippincott, 1971), pp. 169-170, ch. 9 в целом.

совых организаций, включая местные советы, профсоюзы, кооперативы и соседские группы. Такие организации вовлекали массы людей в публичную жизнь и ставили их под руководство лидеров, де-факто, если не официально назначаемых высшими, в особенности партийными властями и отвечающих перед ними. Исследователи Советского Союза (и других коммунистических партийных государств) называли такие организации «приводными ремнями», чтобы подчеркнуть их роль в соединении исполнительной власти с откликом народных масс и участием их в реализации мер государственной политики⁶⁷. К тому же следует отметить, что такие организации, конечно, ставили советских политических лидеров (по меньшей мере потенциально) в намного более прямой и постоянный контакт с настроениями и условиями жизни народа, чем был у царских властей.

Это более крупное и динамичное, могущественное советское партийное государство, конечно, установилось в революционизированном обществе, где особые привилегии аристократов, царских чиновников и капиталистов были отменены. Взятые вместе, народные восстания 1917–1921 гг. и разнообразные декреты, введенные советскими властями с 1918 по 1929 гг., завершили полное уничтожение (в структурном плане) дворянского сословия, с его различными почетными и политическими привилегиями и земельной собственностью. В это же самое время свою смерть принял класс капиталистов, с его частной собственностью и контролем над различными промышленными и торговыми предприятиями. Одним из немедленных социальных последствий устранения этих привилегированных слоев было открытие массы новых возможностей для социального продвижения новых советских граждан из низших классов⁶⁸. Руководители партии и Красной армии рекрутировались, особенно в 1920-е гг., из людей рабочего и крестьянского происхождения. В 1930-е гг. существовала мощная тенденция ре-

67. Alexander Vucinich, "The State and the Local Community", in *Transformation*, ed. Black, pp. 207–209.

68. Это абзац опирается на: Edeen, "Civil Service", in *Transformation*, ed. Black, pp. 278–292; Raymond L. Garthoff, "The Military as a Social Force", in *Transformation*, ed. Black, pp. 329 ff.; Rigby, *Party Membership*, chs. 3–7.

крутировать членов партии из людей, занимающих высокие посты вне партии. Но в то же время огромные новые потребности в управленцах и технических специалистах (для обеспечения персоналом развивающихся под руководством государства секторов промышленности) привели к быстрому росту возможностей для вертикальной мобильности людей любого происхождения, либо напрямую через производственные и партийные каналы, либо благодаря субсидируемому государством среднему и высшему образованию. Разумеется, после первоначального взлета, благодаря экстраординарным потрясениям гражданской войны с началом ускоренной индустриализации и ожесточенными чистками существующих элит в середине 1930-х гг., темпы вертикальной мобильности в советском обществе упали. Тем не менее, начиная с 1921 г. и далее существовал куда более равный доступ к любым имеющимся возможностям получения образования и социальной мобильности, чем это было при Старом порядке, когда дворяне и богачи имели привилегированный, юридически или де-факто, доступ к этим возможностям. В целом можно также отметить, что к середине 1930-х гг. все обязанности и права советского гражданства были формально демократическими, то есть равными для всех граждан, чего никогда не удавалось полностью достичь в рамках политико-юридической системы Старого порядка.

Участь рабочих и крестьян

Однако есть и другие, менее лестные замечания, которые необходимо сделать, чтобы углубить наше понимание результатов революции в России. Можно начать с анализа положения рабочих и крестьян. Советское общество, возможно, и было более эгалитарным и демократическим по сравнению с царским порядком, в обозначенных выше смыслах. Однако после 1928 г. советский режим, безусловно, не увеличил общего благосостояния или социально-политической автономии городских рабочих и коллективизированных крестьян — даже в сравнении с низкими стандартами Старого порядка, не говоря уже об относительно благоприятных условиях 1920-х гг.

До 1928 г. советские профсоюзы, хотя и возглавляемые членами партии и организованные государственной властью, имели право участвовать в управлении предприятиями и вести переговоры по поводу заработной платы и условий труда от имени своих членов, рабочих. Однако после перехода к принудительной индустриализации единоличная власть директоров, назначаемых государством и контролируемых партией, официально стала на предприятиях абсолютной. Профсоюзы больше не имели никакого влияния на «наем рабочей силы, планирование производства, определение ставок заработной платы, установление норм выработки и установление продолжительности рабочего дня»⁶⁹. Вместо этого профсоюзы «получали инструкции действовать преимущественно как организаторы, мобилизующие работников на выполнение плана»⁷⁰, так что рабочие стали объектом более прямого и интенсивного понукания, чем на любой стадии индустриализации в России в конце XIX — начале XX в. Советские профсоюзы сохранили юрисдикцию над управлением некоторыми социальными выплатами и услугами. Но, поскольку ресурсы, направляемые на это, во время первоначального рывка индустриализации были минимальны, эти функции мало влияли на благосостояние среднего рабочего. В действительности жизненный уровень рабочих заметно упал в начале 1930-х гг. (ниже уровня, существовавшего до 1914 г.) и только постепенно стал расти потом: не только потому, что социальные выплаты были мизерными, но и в особенности потому, что заработная плата оставалась низкой, тогда как цены на товары первой необходимости были высоки⁷¹.

С приходом коллективизации в деревню русские крестьяне потеряли свои семейные земельные участки и коллективную деревенскую политическую автономию⁷². Большинство крестьян было организовано в кол-

69. Merle Fainsod, *How Russia Is Ruled* (Cambridge: Harvard University Press, 1953), p. 433.

70. Nove, *Economic History*, p. 206.

71. Ibid., pp. 206–207.

72. Этот абзац опирается на: Fainsod, *How Russia Is Ruled*, ch. 16; Nove, *Economic History*, pp. 181–184; Lazar Volin, “The Russian Peasant: From Emancipation to Kolkhoz”, in *Transformation*, ed. Black, pp. 306–307; Naum Jasny, *The Socialized Agriculture of the USSR* (Stanford: Stanford University Press, 1949), pt. III.

лективные хозяйства, называемые *колхозами*. Все земли, за исключением приусадебных участков, принадлежали колхозам и обрабатывались коллективно, и главной целью были поставки заранее определенного количества предписанных продуктов государственным заготовительным органам по низким фиксированным ценам. Эта система твердо проводилась в жизнь чиновниками, большинство из которых были родом из города и все назначались партией-государством и были верны ей. В их число входили не только сами *колхозные* управленцы, но и различные чиновники и политические агенты, связанные с машинно-тракторными станциями. Учрежденные для того, чтобы сдавать в аренду сельскохозяйственную технику группам колхозов, эти станции также служили органами бюрократического надзора и добавочного извлечения дополнительного продукта государством.

Чтобы финансировать развитие тяжелой промышленности, российских крестьян и рабочих интенсивно эксплуатировало советское государство. Источником значительной части государственных доходов была разница между низкими заготовительными ценами, по которым оплачивалась сельскохозяйственная продукция, и высокими розничными ценами, по которым городские потребители покупали продовольствие⁷³. Но все же крестьяне-*колхозники* страдали даже больше, чем городские рабочие. У них не было гарантированной регулярной заработной платы (какой бы низкой она ни была). Вместо этого их оплата основывалась на индивидуальном заработанных долях дохода, остававшегося после выполнения обязательств перед государством (и обеспечения потребностей последующего производства). Поэтому доходы крестьян варьировали в соответствии с превратностями урожая — так что, например, в начале 1930-х гг., когда сбой в сельскохозяйственном производстве после насильственной коллективизации были сильнее всего, миллионы крестьян просто умирали с голоду после того, как государственные заготовительные органы отбирали у них средства к существованию⁷⁴. Более того, системы социального обслуживания населе-

73. Nove, *Economic History*, p. 210.

74. *Ibid.*, pp. 179–180.

ния в сельской местности, если они вообще существовали, были намного менее эффективны, чем в городских промышленных центрах. Неудивительно, что российские крестьяне никогда не принимали с энтузиазмом эти коллективные формы сельского хозяйства, которые не отвечали их интересам. По иронии, прямым следствием этого было то, что большая часть роста производительности российского сельского хозяйства после 1928 г. приходилась не на колхозный сектор, а на усилия крестьян на их крошечных семейных участках⁷⁵. Произведенное на этих участках можно было продавать на рынках, где горожане, которые могли это себе позволить, очень охотно делали покупки, дополнявшие то небольшое, что они могли приобрести в государственных магазинах.

Иерархия и принуждение

Теперь, обратившись к общим характеристикам советской системы после 1928 г., можно отметить, что в ней установились подчеркнуто неэгалитарные формы иерархического контроля и социально-экономических вознаграждений. В 1930-е гг. в советском административном аппарате были оставлены все попытки предотвратить превращение чиновников в привилегированных и авторитарных. Как пишет Альф Эдин, «масса правил и условий были вновь введены [как и при Старом порядке] с целью получить контроль над мощно разрастающимся и дифференцированным административным аппаратом и в то же время даровать ему власть»⁷⁶. Были внедрены тщательно разработанные ранговые различия и большая дифференциация заработной платы для обособления чиновников от не-чиновников и установления иерархии чиновничьих званий. Весьма показательно, что к 1940-м гг. и советская гражданская администрация, и офицерский корпус Красной армии имели установленные официальные титулы, звания и униформу, которые были столь же тщательно продуманы и пре-

75. Nove, *Economic History*, p. 238–244; Shapiro, *Communist Party*, pp. 463–464;

Шапиро Л. *Коммунистическая партия Советского Союза*. С. 479.

76. Edeen, "Civil Service", in *Transformation*, ed. Black, p. 286.

тенциозны, как и установленные при Старом порядке Петром Великим⁷⁷.

Тем временем в обществе в целом была введена резкая дифференциация экономических вознаграждений — таких как специальные премии и привилегии в потреблении для отдельных высококвалифицированных или сверхпродуктивных рабочих, — и сдельная оплата (с нормами, установленными выше среднего уровня) для неквалифицированных и полуквалифицированных, чтобы стимулировать усилия по достижению крайне высоких производственных целей⁷⁸. Аналогичная дифференциация, иногда бросающая вызов усилиям колхозников сохранить эгалитарные нормы вознаграждений после коллективизации, была установлена и для крестьян⁷⁹. Более того, ранний большевистский принцип, требовавший, чтобы управленцы, специалисты и партийные чиновники не получали намного большей зарплаты или выплат, чем квалифицированные рабочие, был с презрением отвергнут Сталиным (как «мелкобуржуазный эгалитаризм»). Таким образом, не только сильно выросла власть управленцев над рабочими и крестьянами, но и управленцы в экономике и их технический персонал (как и государственные администраторы и армейские офицеры) получили намного более высокие зарплаты и больше дополнительных выплат, связанных с выполнением служебных обязанностей, чем промышленные рабочие⁸⁰.

Наконец, советский режим начал в чрезвычайной степени (даже по сравнению с общепризнанно репрессивным царским самодержавием и другими послереволюционными режимами) полагаться на административно организованное насилие и террор как правильное управление: а также на чистки и контроль за своими кадрами. Здесь достаточно сослаться на некоторые вопиющие примеры и факты. Коллективизация советского сельского хозяйства была, к примеру, осуществлена только бла-

77. Edeen, "Civil Service", pp. 286–287.

78. Nove, *Economic History*, pp. 208–209; Schapiro, *Communist Party*, pp. 465–467; Шапиро Л. *Коммунистическая партия Советского Союза*.

79. Fainsod, *How Russia Is Ruled*, p. 450.

80. Особенно впечатляющие детали этого неравенства см. в: Tony Cliff, *State Capitalism in Russia* (London: Pluto Press, 1974), pp. 65–81.

годаря применению безграничного насилия по отношению к крестьянам. В ходе нее несколько миллионов богатых крестьян (кулаков), так же как и бедных крестьян, сопротивлявшихся коллективизации, подверглись полной конфискации имущества и были депортированы из их сообществ⁸¹.

Во время насильственной индустриализации советские граждане на всех уровнях общества были объектом интенсивного надзора тайной полиции и постоянно находились под угрозой ареста за реальные или приписываемые нарушения, за которыми часто следовали долгие, даже неопределенные сроки заключения в лагерях принудительного труда. В действительности эти лагеря были настолько огромными, что составляли отдельную административно-экономическую империю и обеспечивали важный источник сверхэксплуатируемого труда, который мог использоваться режимом для выполнения стратегических инфраструктурных проектов в тяжелых условиях (там, где было бы трудно и дорого использовать свободный труд)⁸². И, разумеется, общий страх перед арестом и заключением, распространенный среди советского населения, только помогал укреплять трудовую дисциплину и усилия на производстве среди тех, кто был на свободе.

Управленческие группы советского общества также не были свободны от надзора и страха. Напротив, «ежовщина» 1930-х гг., возможно, представляют собой пример самого широкого (из известных в истории) применения террора одной частью элиты страны против других ее частей⁸³. Стремление Сталина установить и поддерживать свою личную диктатуру (ценой любых человеческих страданий и растраты умений и опыта руководства) служит наиболее очевидным объяснением этим арестам и убийствам тысяч руководителей, пар-

81. Volin, *A Century of Russian Agriculture*, pp. 212–231; Nove, *Economic History*, pp. 165–176.

82. Stanislaw Swianiewicz, “The Main Features of Soviet Forced Labor”, in *Russian Economic Development: From Peter the Great to Stalin*, ed. William L. Blackwell (New York: New Viewpoints, 1974), pp. 277–292.

83. Robert Conquest, *The Great Terror: Stalin's Purge of the Thirties* (New York: Crowell & Macmillan, Inc., 1973); Конквест Р. *Большой террор. Сталинские чистки 30-х*. Рига: Ракстниекс, 1991.

тийных и непартийных, включая практически всех, кто оставался из «старых» (то есть изначальных) большевиков. Тем не менее сталинская вендетта против других членов руководства партии-государства возникла и осуществлялась в контексте, в котором могущественные органы насилия уже были учреждены, чтобы карать и подгонять население в целом. Во время «ежовщины» эти организации были обращены против партии и административных элит, которые лучше всего знали (и были наиболее ответственны за) цену, которую заплатило население на начальных этапах насильственной коллективизации и индустриализации. Так был открыт путь для вертикальной мобильности бенефициарам сталинской системы, которые смогли выдвинуться на передний план. Поэтому результат, если рассматривать его не только в краткосрочной перспективе, вероятно, помог стабилизировать многие институциональные особенности этой системы.

В целом советская система, выкристаллизовавшаяся после 1928 г., была одновременно формально более эгалитарной и политически инклюзивной, а также более ранжированной, по своей сути авторитарной и принуждающей, чем дореволюционная абсолютистская и аристократическая система. Почему из результатов русской революции возникло такое специфическое хитросплетение? В сущности, мы уже нарисовали все линии соответствующего объяснения, и теперь их необходимо лишь объединить в заключении.

Поскольку царское государство было столь критически важным оплотом социальных иерархий Старого порядка и затем, в 1917 г., рухнуло столь внезапно и всеобъемлюще, масштабные народные восстания снизу могли быстро возникнуть в ходе революционного политического кризиса. Учитывая общинно-эгалитарные настроения большинства крестьян и отсутствие в городах прочно утвердившихся профсоюзов и демократических парламентских учреждений, которые могли бы направить народное участие под руководство либералов, народные восстания 1917 г. быстро подорвали позиции привилегированных групп. Это гарантировало, что революция будет всеобъемлюще эгалитарной в своих основных свершениях. И действительно, русская со-

циальная революция 1917 г. была самой радикальной и быстрой из тех, что видел мир.

Но внезапность и всеобщность этой социальной революции также означали, что политически организованные революционеры, стремившиеся консолидировать русскую революцию путем строительства новых государственных организаций, чтобы отразить атаки контрреволюционеров и внешние вторжения, столкнулись с ужасными дилеммами. Новые революционные государственные организации пришлось строить быстро и практически с нуля, ввиду полного распада царской армии и администрации. Более того, огромное крестьянское большинство было в лучшем случае косвенным и сдержанным союзником для любых потенциальных государственных строителей. Чтобы выстроить революционные государственные организации в этих условиях, большевики полагались на принуждение функционеров Старого порядка к выполнению служебных обязанностей, а также на недовольных крестьян в поставке людских ресурсов и сельскохозяйственной продукции. Неудивительно, что в результате институциональные формы нарождающегося советского госаппарата представляли собой сочетание бюрократической иерархии со ставкой на прерогативы профессиональных экспертов и высокоцентрализованный и принудительный контроль партии над государственными функционерами и народом, в особенности над крестьянством.

После первоначальной консолидации революционной государственной власти никуда не исчезла и крестьянская проблема. Благодаря аграрным экономическим последствиям крестьянской революции против крупных землевладельцев и отсутствию у партии большевиков сколько-нибудь надежной организационной базы в сельской местности, молодой советский режим очень скоро столкнулся с национальным экономическим кризисом. В силу ряда ситуационных причин, включая международную изоляцию режима, внешние опасности и экономическое наследие дореволюционной экономики, партийное государство обратилось к быстрой, форсируемой государством индустриализации в сфере тяжелой промышленности как к решению кризиса, с которым оно столкнулось в 1920-е гг. Но это с неизбежностью озна-

чало, что Новому порядку пришлось вновь возвратить и расширить базовые институциональные формы классовой структуры и отношения «государство — общество», впервые появившиеся в кризисное время гражданской войны. Отныне в арсенале нового режима должны были присутствовать некоторые постоянно доступные средства: централизованный контроль, индивидуализированные неравные стимулы и возможность повсеместного использования насильственных санкций. Эти средства были необходимы для того, чтобы манипулировать и мобилизовывать и лидеров, и ведомых на огромные усилия, жертвы и социальное неблагополучие, с необходимостью предполагаемые быстрой индустриализацией с приоритетом тяжелой промышленности вместо потребительских товаров и услуг. Нельзя сказать, что здесь срабатывали абстрактные, общие «императивы индустриализации»⁸⁴. Напротив, это были императивы форсируемой государством индустриализации в сфере тяжелой промышленности, предпринятой режимом с узкой и ненадежной политической базой в преимущественно аграрном обществе, где крестьянство и обладало независимой организацией, и было враждебно по отношению к режиму.

Действительно, великая ирония (и трагизм) русской революции заключается в роли и участии крестьянства. Ведь в 1917 г. крестьяне осуществили свою собственную всеобъемлющую революцию, в результате которой стали угрозой для выживания России как охваченного революцией национального государства в мире военного соперничества национальных государств. Усилия революционных строителей государства, предпринятые для того, чтобы справиться с этим самостоятельным крестьянством, даже когда они уже справились с организованными политическими соперниками внутри страны и за рубежом, привели их, шаг за шагом, к созданию

84. В американских социальных науках в 1950-е и 1960-е гг. было очень модно приписывать послереволюционное неравенство в СССР универсальным «функциональным потребностям», налагаемым индустриализацией на любую страну, которая ее осуществляет. См., в качестве главного примера, статьи в сборнике: Alex Inkeles, *Social Change in Soviet Russia* (Cambridge: Harvard University Press, 1968), особенно pt. III о социальной стратификации.

режима чудовищных масштабов и последствий — особенно для крестьянства. Так итогом русской революции стала тотально коллективистская и тоталитарная система, в которой энергия всей массы россиян была, в конце концов, перенаправлена (с помощью насилия и террора, если отсутствовал добровольный энтузиазм) от анархических бунтов 1917 г. к активному участию в проектах, определяемых и направляемых из центра. Сначала эти проекты заключались в создании безрассудными и головокружительными темпами тяжелой промышленности. Затем они были обращены на защиту российской нации против безжалостного врага во Второй мировой войне. Какой бы ни была человеческая цена этому (а она была ужасна), эта революционизированная система в конечном счете показала себя национальной государственной властью. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить судьбу Советской России после Второй мировой войны и царской России в ходе Первой мировой.

Франция и Россия: ретроспективная аргументация

На этом этапе целесообразным представляется оглянуться назад и резюмировать общую логику основных аргументов, которые до сих пор развертывались в Части II относительно динамики и результатов французской и русской революций. Строго говоря, я последую необычным путем. Французскую и русскую революцию обычно объясняют, преимущественно ссылаясь на социально-экономические интересы и политические действия городских классов, к тому же исследователи подчеркивают, что эти революции были совершенно различны по своей логике и результатам. Так, французская революция рассматривается как капиталистическая и либеральная революция, возглавляемая буржуазией, тогда как русская революция рассматривается как антикапиталистическая, коммунистическая революция, осуществленная промышленным пролетариатом и большевистской партией. Я, напротив, анализировала французскую и русскую революции в сходных терминах: для обеих я подчеркивала взаимодействие между непосредственными достижениями и косвенными политическими последствиями

крестьянских восстаний против землевладельцев, а также борьбу политических лидеров за построение и использование государственных организаций в имеющихся внутренних и международных обстоятельствах.

Из этой перспективы куда яснее и понятней, чем исходя из вышеназванных ортодоксальных подходов, становится то, что французская и русская революции обладают важными сходными характеристиками политического процесса и результатов. В обоих случаях по большей части спонтанные и самостоятельные крестьянские бунты сделали невозможными ни контрреволюцию, ни либеральную стабилизацию, но также лишили революционные политические движения возможности обрести базу в сельской местности. И в обоих случаях настоятельная необходимость для городского революционного руководства создать государственные организации, достаточно мощные, чтобы победить внутренних контрреволюционеров и внешних врагов, означала, что эти революции породят более централизованные и бюрократические режимы. Ни один из них не был в каком-либо содержательном смысле ни либерально-парламентским, ни основанным на прямой демократии, хотя оба первоначально строились на направлении в определенное русло беспрецедентного участия и энтузиазма городских трудящихся (*санкюлотов* во Франции и промышленного пролетариата в России).

В тех аналитических рамках, которые я использовала, также возможно более реалистичное осмысление важных различий между французской и русской революциями, чем если просто трактовать их как два разных вида событий. Я в основном обращалась к двум группам факторов, чтобы объяснить различия в процессе и результатах этих революций: (1) в каждом случае различные специфичные формы одних и тех же переменных использовались для объяснения базовых сходных свойств, то есть крестьянских восстаний и задач государственного строительства во время данного революционного кризиса; (2) различные социально-экономические, всемирно-исторические и международные контексты, характерные для каждой революции.

Таким образом, я утверждала, что русская революция углубилась и радикализовалась намного быстрее,

чем французская, из-за различных путей первоначального возникновения политических кризисов. К тому же русская революция консолидировалась с помощью, вероятно, даже более насильственных и авторитарных методов, чем французская, потому что революционные армии пришлось создавать с нуля в раздираемой войной России, тогда как якобинцы во Франции могли развивать ранее уже существовавшие постоянные армии.

Несколько прочих отличий объясняют, почему кульминацией французской революции стало сосуществование централизованного, бюрократического государства с обществом, основанным на частной собственности и рыночной экономике, тогда как русская революция породила государство-партию, преданную делу национальной индустриализации. Во Франции крестьянские восстания не дошли до нападений на частную земельную собственность или ее уравнивания. Внутренние социально-экономические структуры (те, что уже существовали, и те, которые стали результатом крестьянской революции против сеньориализма) способствовали рыночно-ориентированному экономическому развитию, к тому же в мировой истории не имелось доступных моделей контролируемой государством индустриализации. Поэтому никакая политическая партия коммунистического типа, мобилизующая массы, не могла консолидировать государственную власть. Более того, сильные позиции Франции на континенте способствовали переводу революционной мобилизации в русло экспансионистского национализма, а не дальнейших политически направляемых трансформаций внутри страны. В России, напротив, крестьянская революция захватила и перераспределила крупную земельную собственность, в результате чего возможности для рыночного национального экономического развития серьезно уменьшились. В России уже наличествовали крупномасштабные промышленные предприятия, к тому же всемирно-исторически существовали модели государственного контроля над отраслями промышленности. Более того, геополитически в рамках европейской системы государств Россия была в крайне уязвимом положении. В силу всех этих причин большевики имели возможность (к тому же этого требовали от них обстоятельства) сначала консолиди-

ровать власть партийного государства на городской промышленной основе, а затем распространить эту власть сверху на крестьянство и использовать ее для продвижения быстрой национальной индустриализации Советского Союза.

Возможно, читатель отметил для себя, что некоторые из реалий, которые занимают важное место в буржуазно/пролетарских интерпретациях французской и русской революций, также присутствуют и здесь. Однако разница в том, что я рассматривала городские промышленные и классовые структуры Франции и России как характеристики контекста — как фон, на котором развернулись более аналитически важные (для меня) аграрные беспорядки и политическая активность. Конечно, я утверждала, что различные городские промышленные и классовые структуры оказали глубокое влияние на революционные процессы и результаты. Однако они сделали это не потому, что буржуазия или пролетариат были ключевыми политическими акторами. Скорее это произошло потому, что вместе с различающимися результатами крестьянских революций контрастирующие городские структуры по-разному обуславливали возможности для консолидации и использования революционной государственной власти во Франции и России.

ГЛАВА 7

Возникновение мобилизующего массы партийного государства в Китае

Характер правящих классов оказывает глубокое влияние на революции. Укоренившийся локализм власти джентри сделал неизбежным то, что китайскую революцию, в отличие от французской и русской, пришлось распространять от окраин в центр, а не наоборот...

Франц Шурманн

КАК И РУССКАЯ и французская революции, китайская революция началась с краха автократического и полубюрократического Старого порядка. Она также привела к новому порядку, более централизованному, инкорпорирующему массы в политику и во многих отношениях более рациональному и бюрократическому, чем дореволюционный Старый порядок. Более того, во всех трех революциях крестьяне были основной повстанческой силой, трансформировавшей старые классовые отношения. Во Франции и России социально-революционные изменения зависели от наличия крестьянских восстаний. Тем не менее революционные государственные организации строились, опираясь преимущественно на народную поддержку в городах, а затем их через административные иерархии навязывали сельским местностям. Послереволюционные государства и во Франции, и в России были (несмотря на многие различия) профессионально-бюрократическими режимами. Однако в ходе китайской революции крестьяне, в конце концов, обеспечили и революционную повстанческую силу, и организованную народную базу для консолидации революционной государственной власти. А результатом стал новый революционный режим, уникальным образом преданный делу поощрения массового участия и удивительно сопротивляющийся иерархи-

ческому господству бюрократических должностных лиц и профессиональных экспертов.

Причины этих отличий китайской революции от французской и русской коренятся, как это было в каждом из прочих случаев, в конкретных характеристиках социально-революционной ситуации и сохраняющегося наследия Старого порядка. После падения имперского государства в Китае джентри-землевладельцы оставались укорененными в сельской местности, а милитаристы господствовали на провинциальном и региональном уровнях. Поэтому революционные строители государства столкнулись с огромными препятствиями. В конечном счете, китайская революция могла быть завершена только тогда, когда какие-либо революционные лидеры научились бы направлять в нужное русло огромную мятежную, производительную и политическую энергию крестьянского большинства.

Социально-революционная ситуация после 1911 г.

Как только благодаря свержению маньчжурской династии рухнул фасад имперской власти, государственная власть в Китае полностью перешла к тем региональным, провинциальным и местным центрам, где она аккумулировалась десятилетиями. В некотором смысле ситуация напоминала то, что случилось во Франции в 1789 г. и в России в 1917 г., поскольку во всех трех случаях ранее централизованные монархические администрации распались и возможности для политического участия и инициатив значительно расширились, по мере того, как якобы представительные институты пришли на смену королю, царю или императору. Но ситуация в Китае отличалась в силу особой роли региональных военных организаций после 1911 г.

Милитаристский контекст

Во время французской и русской революций региональные движения не влияли на события вплоть до того момента, когда стали появляться централизованные ре-

волюционные правительства. В России в течение 1917 г. армия империи (уже высокопрофессиональная и управляемая из центра до 1914 г.) просто распалась в хаосе военных поражений и анархической революции снизу. На ранних стадиях французской революции региональный или провинциальный милитаризм не был проблемой. Так было потому, что Старый порядок давно уже поставил ранее независимых провинциальных военных губернаторов под административный контроль центра, а также потому, что в 1789 г. королевская администрация была заменена нежесткой сетью городских комитетов и ополчений, которые колебались между национальной и локальной ориентацией.

Но в Китае после 1911 г. — особенно после смерти в 1916 г. президента (и потенциального императора) Юань Шикая, ключевого военного лидера при власти Цин, которому принадлежала лояльность многих генералов, — подобный политический контроль, который существовал на уровнях выше местного, был сосредоточен в руках «милитаристов», контролировавших региональные военные структуры. Конституционные и парламентские политические учреждения вообще не имели никакой силы¹. Вместо этого «по всей стране существовали независимые военно-политические группировки, каждая из которых контролировала территорию и эксплуатировала местные ресурсы. Каждая, как система, была похожа на все остальные; разница была преимущественно в масштабах»². Эти режимы были «структурированными иерархиями, обычно организованными и для осуществления гражданского управления, и для ведения военных действий»³. Власть в них зависела от лояльности подчиненных данному милитаристу, который, в свою очередь, должен был вознаграждать своих сторонников-офицеров деньгами, оружием и контролем над воинскими частями и территориальными вспомогательными базами. Поскольку эти режимы постоянно соперничали

1. James E. Sheridan, *China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912-1949* (New York: Free Press, 1975), ch. 2.

2. C. Martin Wilbur, "Military Separatism and the Process of Reunification under the Nationalist Regime, 1922-1937", in *China in Crisis*, eds. Ping-ti Ho and Tang Tsou (Chicago: University of Chicago Press, 1968), vol. 1, bk. 1, p. 204.

3. *Ibid.*, p. 205.

друг с другом, их главными занятиями были: выкачивание ресурсов, набор на военную службу, переговоры с потенциальными союзниками и зарубежными сторонниками и, конечно, ожесточенная гражданская война⁴.

Источники милитаризма можно проследить в процессах, протекавших при Старом порядке, и в характере свержения имперской системы. В последние десятилетия Старого порядка были созданы некоторые современные транспортные средства и отрасли промышленности, включая оружейную, в основном около договорных портов на побережье, но также и в некоторых городах в глубине страны, контролируемых влиятельными провинциальными властями⁵. Их воздействие на китайское общество и экономику в целом было весьма поверхностным⁶. Но этой модернизации было достаточно для того, чтобы сделать новые вооружения и новые потенциальные источники доходов доступными для различных региональных военачальников. Более того, усвоение современных методов ведения военных действий действительно поощрялось уходящей империей Цин. Это рассматривалось как единственно возможный путь трансформации региональных армий, возникших во время Тайпинского восстания, в профессиональные армии, способные защитить различные части Китая от империалистических вторжений⁷. Однако, как мы видели, вместо того, чтобы стать эффективными средствами национальной обороны, эти «новые армии» присоединились к джентри, чтобы свергнуть Цин. Затем, когда династии больше не существовало и уже частично распущенная конфуцианская имперская

4. Об «эре милитаристов» в Китае см.: Wilbur, "Military Separatism". В дополнение к этому см.: Lucien W. Pye, *Warlord Politics* (New York: Praeger, 1971); Hsi-sheng Ch'i, *Warlord Politics in China, 1916-1928* (Stanford: Stanford University Press, 1968).

5. См.: Albert Feuerwerker, *China's Early Industrialization* (Cambridge: Harvard University Press, 1958).

6. G. William Skinner, "Marketing and Social Structure in Rural China (Part II)", *Journal of Asian Studies* 24:2 (February 1965), pp. 195-228. См. также аргументацию Ройдса Мерфи в: Rhoads Murphey, "The Treaty Ports and China's Modernization", in *The Chinese City Between Two Worlds*, eds. Mark Elvin and G. William Skinner (Stanford: Stanford University Press, 1974), pp. 17-72.

7. Ralph L. Powell, *The Rise of Chinese Military Power, 1895-1912* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955).

администрация находилась в состоянии хаоса, новые армии развились в инструменты регионального правления милитаристов и соперничества между регионами, всецело преобладавшего к 1916 г.

Для китайского общества в целом последствия эры милитаристов превратились в порочный круг. В основе своей нестабильные, но по природе амбициозные, различные милитаристские режимы постоянно боролись за территорию, и каждый, вероятно, надеялся в конечном счете вновь объединить страну. Чтобы успешнее бороться с соперниками, каждый режим выжимал из своего региона все до последней капли. Чудовищное налоговое бремя и военные реквизиции заставляли многих крестьян покинуть свою землю, вследствие чего армии милитаристов росли еще больше, так как в них вступали крестьяне, спасаясь от ухудшающихся сельских условий⁸. В то же время города и промышленность рассматривались милитаристами не как динамичные центры современного экономического развития, о которых необходимо заботиться для достижения ими зрелости, но как источник военных ресурсов, еще более заманчивый и доступный, чем сельская местность⁹. В крайних случаях милитаристы и их приближенные даже доводили торговцев до разорения. Так общество становилось слабее, а милитаристы и их приближенные — сильнее и богаче, но, любопытным образом, в рамках общего «баланса слабости», так что национальной политической реинтеграции в Китае не происходило.

Живучесть местных джентри

Что происходило в это время с китайским господствующим социально-экономическим классом? Как гибель империи и начало правления милитаристов повлияли на джентри? Чтобы ответить на это вопрос, необходимо провести разграничение между *literati* и чиновни-

8. Ch'i, *Warlord Politics in China*, p. 78.

9. См., напр.: Robert A. Kapp, "Chungking as a Center of Warlord Power, 1926-1937", in *Chinese City Between Two Worlds*, eds. Elvin and Skinner, pp. 144-170. Это, однако, не был город, полностью «выжатый» своим милитаристом, преимущественно потому, что последний также имел постоянный доступ к поступлениям от окружающих сельских территорий.

ками, с одной стороны, и укоренившимися на местах помещиками и управленцами в организациях сообществ — с другой.

Разумеется, после 1911 г. (и даже начиная с 1905 г.) конфуцианская элита — *literati* и чиновники — распалась и более не существовала в качестве структурированного национального административного и культурного корпуса¹⁰. Более того, верхушка *literati* и бывших государственных чиновников не очень хорошо чувствовала себя в том политическом климате, который установился после свержения Цин. До 1911 г. (как мы видели в главе 2) *literati* получили контроль над вновь учрежденными провинциальными представительными собраниями; а чиновники, включая многих провинциальных губернаторов, номинально лояльных к Цин, перенесли свою лояльность на региональные правящие клики. Когда разразилась революция 1911 г., многие собрания и провинциальные государственные чиновники могли некоторое время править вместе с армейскими офицерами, контролировавшими вооруженные силы. Но к 1915 г. собрания прекратили существование, и многим джентри, чье влияние раньше распространялось выше местного уровня, ничего не оставалось делать, кроме как вернуться к праздной жизни или «буржуазным» экономическим предприятиям в больших городах. С полным установлением регионально-милитаристского правления и далее в период правления националистов Гоминьдана после 1927 г. некоторые бывшие *literati*-чиновники смогли найти себе место в структуре милитаристских режимов. Но при милитаристах и националистах гражданские должности были ограничены в числе, а их функции и привилегии урезаны, поскольку военная организация была главным сосредоточением власти и авторитета. Кроме того, бывшие чиновники Цин и *literati* вынуждены были конкурировать с осуществившими вертикальную мобильность, получившими неконфуцианскую под-

10. Источники для этого абзаца включают: Frederic Wakeman, Jr., *The Fall of Imperial China* (New York: Free Press, 1975), pp. 253–255; Pye, *Warlord Politics*, pp. 55–57; Sheridan, *China in Disintegration*, pp. 238–239; Hung-mao Tien, *Government and Politics in Kuomintang China, 1927–1937* (Stanford: Stanford University Press, 1972), chs. 7–8.

готовку «выскачками» за любые имеющиеся должности. Одним словом, многие или даже большинство бывших чиновников империи и высший слой *literati*, вероятно, устроились в меняющихся региональных и национальных властных структурах или же процветали благодаря современным занятиям в городах. Тем не менее эти слои джентри потеряли свою власть и идентичность после 1911 г. Их судьба в этом смысле напоминала судьбу французского двора и городской аристократии, а также российского чиновного дворянства.

Влияние гибели имперского государства и возникновения милитаризма на джентри в облике местного господствующего класса было куда более неоднозначным — и уж точно разительно отличалось от последствий падения монархических режимов для французских сеньоров и русского помещного дворянства. Поскольку французские и русские крестьяне обладали значительной общинной солидарностью и автономией от контроля дворян, они могли самостоятельно бунтовать против сеньоров и помещного дворянства и делали это, как только монархические администрации и репрессивный контроль внезапно оказались дезорганизованы в 1789 и 1917 гг. Но, в силу причин, которые мы привели в главе 3, китайские крестьяне были, при обычном положении дел на местах, не в той структурной позиции, чтобы бунтовать коллективно и самостоятельно против джентри-землевладельцев. Вследствие этого распад имперской системы около 1911 г. прямо не породил благоприятных условий для крестьянских бунтов против помещиков в Китае; к тому же местная социально-экономическая база джентри, их земельные владения и лидерство в общинных организациях не были немедленно подорваны снизу.

На самом деле значительная политическая власть джентри на местах еще больше усилилась с падением династии и имперской администрации. Со времени восстаний середины XIX в. местные джентри формально или неформально узурпировали окружные чиновничьи должности и продвинулись на районные должности, созданные династией Цин в надежде кооптировать местных лидеров. После 1911 г. местные джентри просто продолжили удерживать эти места. Вдобавок

к этому они использовали дополнительные преимущества своего контроля над местным налогообложением и полицейскими функциями, чтобы усилить свою власть над крестьянами и их эксплуатацию¹¹.

Но все же гибель государственной системы империи имела дезорганизующие последствия для местного джентри, по крайней мере в трех важных отношениях. Во-первых, она осложнила контакты лидеров местных группировок между собой. Это делало для традиционного господствующего класса невозможной самозащиту от какого-либо крупного восстания или революционного движения без существенной помощи милитаристов или национальной армии. Ничего подобного самообороне джентри против тайпинов уже не могло быть¹².

Во-вторых, падение имперского государства уничтожило хорошо институционализированные контакты между региональными и национальными центрами власти и местными элитами. Режимы милитаристов, контролировавшие различные регионы Китая после 1911 г., Гоминьдан после 1927 г., коммунисты и японцы в конце 1930-х и в 1940-е гг., — все они предпринимали по-

11. См. прежде всего: Philip A. Kuhn, "Local Self-Government under the Republic: Problems of Control, Autonomy, and Mobilization", in *Conflict and Control in Late Imperial China*, eds. Frederic Wakeman, Jr. and Carolyn Grant (Berkeley: University of California Press, 1975), pp. 257–298. См. также: Ernest P. Young, "Nationalism, Reform, and Republican Revolution", in *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, ed. James B. Crowley (New York: Harcourt, Brace and World, 1970), pp. 173–178; Yuji Muramatsu, "A Documentary Study of Chinese Landlordism in Late Ch'ing and Early Republican Kiangnan", *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 29:3 (1966), pp. 566–599; Mark Selden, *The Yen-an Way in Revolutionary China* (Cambridge: Harvard University Press, 1971), pp. 5–18; Yung-teh Chow, *Social Mobility in China* (New York: Atherton, 1966); Morton H. Fried, *The Fabric of Chinese Society* (New York: Praeger, 1953). Последние две сноски — лишь капля в море исследований Китая на локальном уровне, осуществленных между 1920 и 1940 г., которые показывают, что местные джентри по-прежнему сохраняли существенное присутствие.

12. Kuhn, *Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China* (Cambridge: Harvard University Press, 1970). В этой книге Филип Кун показывает, как связи между группами местных джентри, которые стали возможными благодаря функционированию конфуцианской государственной системы, позволили создать армии и ополчения, нанешие поражение крупным восстаниям середины XIX в. Достижения, подобные тем, которые продемонстрировал Цзян Куофан, высокопоставленный *literatus*, мобилизовавший класс джентри на региональную и «национальную» оборону, стали невозможны после падения имперского режима.

пытки распространить административный и военный контроль на места, часто с помощью сотрудничества с местными джентри. Так, вместо имперской бюрократии (чей стиль управления, политическая перспектива, ценности и идеология были им хорошо известны) джентри пришлось справляться с вводящей в ступор чередой военных командиров, бюрократов, партий и «измов». Естественно, эта ситуация породила нестабильность в кругах местных элит. Тот, кто имел самые лучшие контакты с милитаристом или партией, находящимися у власти, мог укрепить свои позиции на месте. Но как только этот милитарист или партия теряли власть, новые люди с новыми связями пожинали плоды этого, а старые элиты могли потерять власть, собственность или даже жизнь.

В-третьих, гибель конфуцианского государства уменьшила вес обладавших конфуцианским образованием элементов, будь то *literati* или образованные землевладельцы, среди местных господствующих классов — как раз тогда, когда развитие рыночных отношений и политическая нестабильность, вероятно, повышали вес других элементов, таких как торговцы, помещики-спекулянты и контрабандисты¹³. Отсутствие четко определенных отношений между местными элитами и центральными властями, а также абсолютный рост власти местного господствующего класса, не ограничиваемой посторонними с «национальными» воззрениями, привели к тому, что несколько исследователей назвали ростом «оппортунизма» среди местных джентри. На практике это означало, что крестьяне подвергались более жестокой и нормативно не ограниченной эксплуатации. В результате крестьяне все больше склонялись к восстаниям, когда это было возможно, или же к выходу из местных сообществ, чтобы присоединиться к бандитским шайкам или кочующим армиям. В свою очередь, последние угрожали безопасности джентри и оставшихся оседлыми крестьян.

Таким образом, после 1911 г. национальные политические и культурные связи местных представителей

13. См.: Hsiao-tung Fei, *China's Gentry*, ed. Margaret Park Redfield (Chicago: University of Chicago Press, 1953).

китайского господствующего класса распались, наряду с институтами императорского государства. В то же время в пределах местных сельских сообществ землевладельцы-джентри и прочие экономически господствующие элементы одновременно и укрепили свои позиции, и стали уязвимее. Они были особенно уязвимы для нападений любых организованных сил извне, которые были настроены объединиться с беспокойным крестьянством, а не с местными господствующими классами.

Резюмируя все это в сравнительно-исторической перспективе: тогда как французская и русская революции начались с полной дезорганизации или тотального краха монархических государств, за которыми последовал стремительный подрыв позиций господствующих классов благодаря низовым восстаниям, устранение автократии в Китае в 1911 г. напрямую не повлекло за собой социальной революции. Конечно, результатом стала углубляющаяся политическая дезинтеграция и рост социальной напряженности, поскольку имперско-конфуцианская система государственного управления распалась. В этом контексте перед революционными политическими движениями, которые стремились вновь объединить страну и мобилизовать народ, получив его поддержку ради этой цели, открылось пространство для маневра. Тем не менее сохраняющаяся военная (и административная) власть милитаристов и их местных союзников-джентри была мощным препятствием для успеха возможных революционных действий. После 1911 г. китайские революционеры столкнулись с намного более прочными и могущественными в военном отношении остатками Старого порядка, чем французские революционеры после 1789 г. и (особенно) российские революционеры после 1917 г.

Наиболее важным следствием особенностей этой китайской социально-революционной ситуации после 1911 г. было то, что «объединение Китая и воссоздание центральной власти могло начаться только внутри самой милитаристской системы»¹⁴. Необходимо было найти средства, чтобы обойти обычные ограничения

14. Wilbur, "Military Separatism", in *China in Crisis*, eds. Ho and Tsou, vol. 1, bk. 1, p. 220.

и динамику естественным образом сеющей рознь системы соперничества милитаристов, даже если потенциальные объединители успешно конкурировали в ее рамках. В этом был вызов и дилемма, с которыми самым решительным образом первым столкнулся (с начала 1920-х гг. и далее) Гомиьндан (которому первоначально помогала городская Коммунистическая партия Китая), а затем, после 1927 г., — коммунисты, изгнанные в сельские районы. Каждое из этих революционных политических движений развило военные средства, чтобы обрести надежную территориальную базу для учреждения государственной администрации в Китае, так как рано или поздно получило чрезвычайные ресурсы, недоступные для соперников или не использовавшиеся ими. Со временем эти два движения отодвинули в сторону «просто» милитаристов и столкнулись друг с другом как серьезные соперники в борьбе за объединение Китая и власть над ним. Рассмотрим более детально причины первоначального успеха Гомиьндана и его итогового фиаско, а также причины первоначальных поражений и итогового успеха Коммунистической партии Китая.

Подъем и упадок опирающегося на городские слои Гомиьндана

У французской революции были якобинцы, у русской революции были большевики. Но в китайской революции было *два* параллельно существовавших революционных политических движения, которые стремились консолидировать государственную власть в социально-революционной ситуации после 1911 г. и достигли в этом заметного успеха. Одним из них был Гомиьндан, опиравшийся в основном на городские ресурсы и поддержку; другим — Коммунистическая партия Китая, которая после 1927 г. опиралась преимущественно на поддержку крестьян и ресурсы села. Конечно, как мы увидим позднее, итоговый успех коммунистов зависел от их способности проникать в сельские сообщества, смещать остатки джентри и мобилизовать крестьян на участие в беспрецедентных для китайской

истории (по крайней мере недавней) масштабах. Но выживание и окончательная победа коммунистов также зависели от неспособности Гоминьдана консолидировать государственную власть на базе городов. Поэтому в данном разделе необходимо не только проанализировать развитие Гоминьдана, но и попытаться понять, почему это городское движение не смогло добиться успеха в Китае — в отличие от большевиков и якобинцев (и их бюрократических и военных преемников), которым *удалось* консолидировать государственную власть на базе городов в своих преимущественно аграрных и крестьянских обществах. Только таким образом мы можем увидеть, почему в революционном Китае было два основных движения за консолидацию государственной власти, включая движение с характерной крестьянской базой, которое в итоге добилось успеха, а не одно движение с городской базой.

То, что движения за политическое восстановление единства Китая *должны* возникнуть в ситуации после 1911 г., имплицитно присутствовало в установках всех политически сознательных китайцев. Сохранявшие верность традиционным идеалам помнили о благах единства империи. Даже милитаристы воевали друг с другом, провозглашая цели объединения. Но, что более важно, все больше получивших современное университетское образование китайцев, а также китайских бизнесменов, чей экономический вес и независимость выросли в период Первой мировой войны, обращались к различным идеалам западной культуры и становились рьяными сторонниками национальной самостоятельности Китая и его самоутверждения в борьбе с унижительными привилегиями вторгавшихся в Китай империалистических держав. Эти современные националисты концентрировались преимущественно в больших приморских городах, многие из которых были вестернизированными договорными портами. Эти же города были центрами периодически возникавших массовых антиимпериалистических движений после Первой мировой войны, результаты которой приводили в ярость китайцев, так как их устремления к единству страны были открыто проигнорированы. На этом фоне неудивительно, что первоначальное руководство и организованные на-

родные базы Гоминьдана и Китайской коммунистической партии происходили из этих более «модернизированных» городских центров Китая начала XX в.¹⁵

Союз и разрыв с коммунистами

Коммунистическая партия и Гоминьдан возникли примерно в одно время и вскоре стали союзниками в национальной борьбе против милитаристов. В июле 1921 г. в Шанхае состоялся Первый съезд Китайской коммунистической партии (КПК), собравший тринадцать представителей левых интеллектуальных кругов. В конце 1922 г. Гоминьдан Сунь Ятсена — партия со слабой организацией, состоящая из городских интеллектуалов, премница революционной организации Тунмэнхуэй — согласился принять помощь и советников от Советского Союза и реорганизоваться в массовую партию на основе принципов демократического централизма. Наконец, к 1924 г. КПК и новый Гоминьдан, действуя по рекомендациям Советского Союза, согласились объединиться и вместе работать ради «националистической демократической революции». Для членов КПК с того времени допускалось одновременное членство и занятие руководящих постов и в Коммунистической партии, и в реорганизованном Гоминьдане.

Между 1923 и 1926 гг. Гоминьдан, включавший с 1924 г. и коммунистов, достиг трех важных целей¹⁶. Во-первых, он создал эффективное национальное правительство в пределах своего постепенно расширяющегося базового региона вокруг Кантона. Во-вторых, он организовал хорошо вооруженную, хорошо обученную, политически убежденную Национально-революционную армию и подготовил ее к Северному походу с целью разгрома милитаризма и воссоединения Китая. И в-третьих, Гоминьдан выстроил централизованную, но массовую антиимпериалистическую партию, ориентированную

15. Robert C. North and Ithiel de Sola Pool, "Kuomintang and Chinese Communist Elites", in *World Revolutionary Elites*, eds. Harold D. Lasswell and Daniel Lerner (Cambridge: MIT Press, 1966), pp. 376–395.

16. Здесь я следую работе: Wilbur, "Military Separatism", in *China in Crisis*, eds. Ho and Tsou, vol. 1, bk: 1, pp. 224–241.

на осуществление социальных реформ. Важнейшими ингредиентами гоминьдановской формулы сбора сил для разгрома режимов милитаристов были советская финансовая и военная помощь, в той же степени, в какой и мобилизация народа и националистическая идеология — поскольку этими ресурсами (или, по крайней мере, их сочетанием) не обладали милитаристы.

Необходимым элементом для консолидации власти Гоминьдана в провинции Гуандун (Квантун) было развитие Национально-революционной армии (НРА). Офицеров для НРА готовили и политически «обрабатывали» китайские и российские инструкторы в академии Вампу. Российская помощь деньгами и вооружениями, направляемая через центральные органы Гоминьдана, способствовала осуществлению контроля над различными частями, составлявшими НРА. К 1925 г. Чан Кайши смог повести армию на противостоявших ей милитаристов в Гуандуне. Их разгром позволил Национальному правительству, с помощью вновь созданного Центрального банка, финансировавшегося благодаря русским займам, централизовать и рационализировать процедуры сбора налогов в провинции, тем самым увеличив денежные поступления и еще более расширив возможности набирать войска и контролировать воинские части.

В то же самое время кадры коммунистов и «левого Гоминьдана» обеспечили тот организационный порыв, который позволил Гоминьдану между 1923 и 1926 гг. вырасти с нескольких тысяч членов до 200 000 человек, не считая одновременного резкого роста связанных с партией массовых ассоциаций¹⁷. В результате дополнительных усилий численность КПК и ее молодежной организации также существенно выросли, особенно после 1925 г. Эта ранняя КПК рассматривала себя в качестве «партии пролетариата». Поэтому она

...пыталась организовать весь пролетариат в сеть промышленных союзов... соединявшихся в функциональные и городские федерации и объединенных в национальный Всеобщий трудовой союз, контролируемый самой партией. За несколько лет интенсивной работы немногочисленная группа молодых интеллектуалов... достигла... успеха в со-

17. Wilbur, "Military Separatism", pp. 224–225.

здании (или в проникновении и взятии под контроль) сотен союзов, нескольких больших федераций и национальной организации, насчитывавшей около трех миллионов человек в середине 1927 г.¹⁸

Для всех входивших в Национальный союз консолидация гуандунской базы была только подготовкой к военному походу с целью воссоединения Китая. Он был начат Национально-революционной армией в 1926 г. «Основными целями Северного похода были: сначала захватить города Уханя (Ханькоу), затем взять Шанхай и Нанкин и наконец захватить Пекин. Этот план требовал разгрома У Пэйфу [военного правителя провинции Хубэй, северной Хунань и Хэнань], Сунь Чуанфана [военного правителя провинций Фуцзянь, Чжэцзян, Цзянсу, Аньхой и Цзянси], и Чжан Цзолия [военного правителя Маньчжурии, провинций Шаньдун и Чжили (Хубей)] одного за другим»¹⁹. К октябрю 1926 г. города Уханя были захвачены быстрым ударом на северном направлении. После периода реорганизации, целью которой было инкорпорировать бывшие вражеские части, отреагировавшие на первые победы националистов переходом «на сторону революции», весной 1927 г. силы националистов смогли взять Шанхай и Нанкин. Но в этот момент дальнейшее продвижение на север было прервано из-за распада Национального союза.

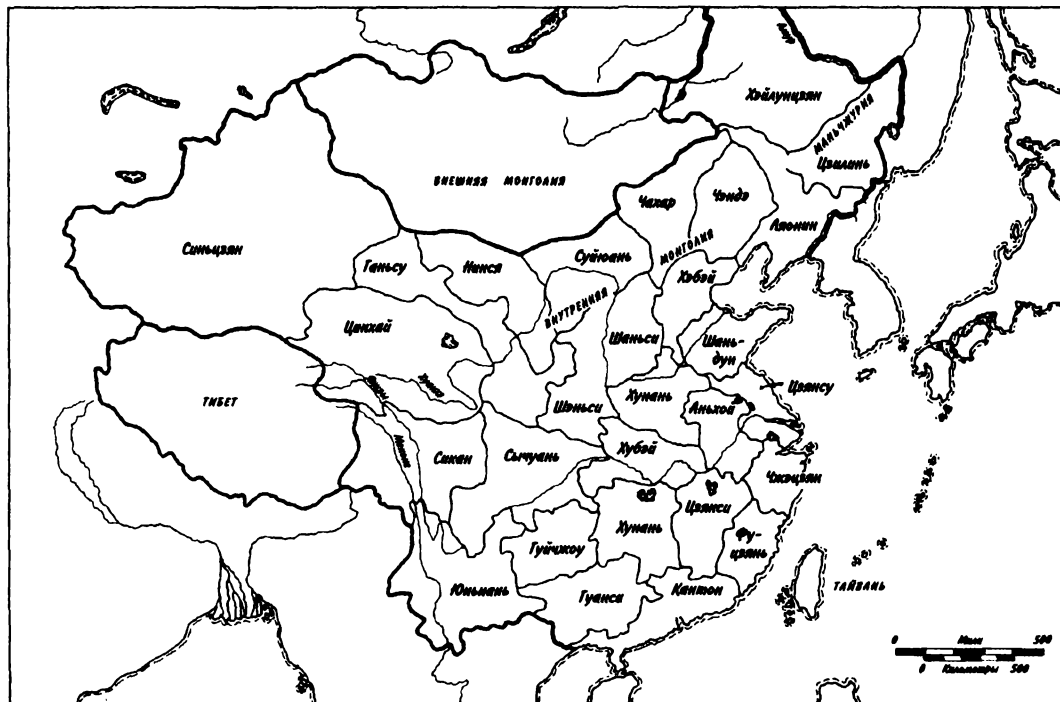
Как удачно сформулировал Уилбур, «как только первые успешные прорывы Северного похода были завершены, остро стали вопросы о том, „какую долю в них составляет социальная революция?“ и „какую — антиимпериализм?“»²⁰. Напряженность, всегда внутренне присущая Национальному союзу, переросла в противоречия. В руководстве Гоминьдана коммунисты и разделявшие их взгляды лидеры левого Гоминьдана рассматривали Северный поход как нечто большее, чем кампанию за объединение страны. Они также ви-

18. C. Martin Wilbur, "The Influence of the Past: How the Early Years Helped to Shape the Future of the Chinese Communist Party", in *Party Leadership and Revolution in China*, ed. John Wilson Lewis (Cambridge: Cambridge University Press, 1970), p. 56. См. также: Jean Chesneaux, *The Chinese Labor Movement, 1927*, trans. H. M. Wright (Stanford: Stanford University Press, 1968). "Military Separatism", p. 242.

дели в нем прелюдию к значительным социальным реформам или даже революции. Многие из этих левых лидеров работали над повышением энтузиазма рабочих и крестьян²¹. Они обещали массам социальные перемены и рассчитывали на ответную поддержку масс и социальную революцию, которая помогла бы им одержать верх в руководстве Гоминьдана.

С другой стороны, правые лидеры Гоминьдана уже давно не доверяли ни левым, ни массовым движениям, поскольку они (правые) представляли себе революцию как исключительно объединительное и умеренно антиимпериалистическое мероприятие. Кроме этого, они совершенно не собирались быть отстраненными от власти коммунистическим переворотом. После 1925 г. массовые движения росли, и энтузиазм, вызванный Северным походом, привел к увеличению числа забастовок, демонстраций и беспорядков в сельской местности. В результате взгляды правых лидеров Гоминьдана легко вызывали симпатию среди буржуазии, джентри и многих армейских офицеров, чьим по-

21. О раннем периоде организационной работы коммунистов среди крестьян см.: Shinkichi Eto, "Hai-lu-feng — The First Chinese Soviet Government", *China Quarterly* no. 8 (October-December 1961), pp. 161–183, and no. 9 (January-March 1962), pp. 149–181; Stuart Schram, *Mao Tse-tung* (Baltimore, Md.: Penguin Books, 1967), ch. 5; и особенно Roy Hofheinz, Jr., *The Broken Wave: The Chinese Communist Peasant Movement, 1922–1928* (Cambridge: Harvard University Press, 1977). Подход КПК к организационной работе на селе в этот период нередко был несколько наивен: большой упор делался на «проповеди» среди крестьян, просто с целью стимулировать их вступление в ассоциации. На бумаге к 1927 г. они демонстрировали огромную численность и координировались районными, провинциальными и национальными коммунистическими руководителями. Мягкие, реформистские лозунги, включающие призывы как антиимпериалистского характера, так и к сокращению арендной платы, использовались для того, чтобы найти подход к крестьянам. Стремясь сохранить свой альянс с Гоминьданом, КПК пыталась проводить различие между «землевладельцами-тиранами» и «землевладельцами-патриотами». Крестьяне, мало сталкивавшиеся с империализмом, с наибольшей готовностью откликнулись на экономические призывы коммунистов. Мало кто из них мог понять тонкие различия между типами помещиков. И, однажды поднявшись, они плохо поддавались контролю сверху. Поэтому коммунистическая агитация, какой бы мягкой она ни была по умыслу, приводила к росту классовой напряженности на селе. Но коммунистические кадры реально не были готовы к сельской войне классов. В том, чтобы защитить себя (и крестьян, которых они подняли на борьбу) от помещичьих наемников, они полностью зависели от контролируемых Гоминьданом армий (и трогательно доверяли им).

КАРТА 5. Провинции Китая и прилегающие территории, 1930 г.

Источник: James Sheridan, *China in Disintegration* (New York: The Free Press, 1975), p. iv.

мещичьим семьям угрожали крестьянские ассоциации. Нападения на иностранных граждан на ранних этапах Северного похода также вызвали опасения у западных держав, подталкивая их к отправке войск для защиты жизней своих граждан в крупных договорных портах центрального Китая.

Так к 1927 г. Национальный союз достиг точки принятия важнейшего решения. Чан Кайши, как лидер НРА, олицетворявший всю слабую коалицию армий, составлявших военные силы союза, находился в наилучшем положении для разрешения этой проблемы. Так он и поступил: начиная с Шанхайского переворота в апреле 1927 г. и далее путем жестоких чисток коммунистов и лидеров массовых движений на территориях, подконтрольных Гоминьдану, эта партия изменила свою ориентацию. Она отказалась от опоры на помощь Советского Союза и вдохновляемую коммунистами массовую мобилизацию. Вместо этого она стала все больше полагаться на финансовые ресурсы китайских предпринимателей в недавно завоеванных городах Центрального Китая и зависеть от денежных поступлений от внешней торговли в договорных портах и помощи (включая военных советников) западных держав²².

Как вообще можно было сделать другой выбор? С самого начала движение националистов стремилось преимущественно к военным захватам. Советская помощь и советники были приняты Сунь Ятсеном только потому, что они, как представлялось, давали дополнительные ресурсы в борьбе против других военных режимов. Мобилизация масс, на которой специализировались коммунистические кадры, также представляла собой уникальный ресурс. Однако, как только бастующие рабочие или бунтующие крестьянские ассоциации стали выходить из-под контроля, они, что вполне понятно, становились для военных объединителей страны все более тяжким бременем, которое могло лишь оттолкнуть китайских националистов из высшего класса и вызвать иностранную интервенцию против Гоминьдана. Более того, после первоначальных успехов Северного похода богатства городов Центрального Китая стали заманчи-

22. Wilbur, "Military Separatism", pp. 245-253.

вой и желанной альтернативой советским субсидиям. И действительно, мобилизовав их с помощью фискальных инноваций Т. В. Суна, Чан Кайши смог завершить свои усилия и объединить (номинально) большую часть страны в 1928–1931 гг. Эта кампания прошла в классической манере милитаристов и состояла из искусного сочетания реальных сражений, дипломатических маневров для разделения противников, а также подкупа потенциальных врагов денежными субсидиями или поставками оружия²³.

Неспособность консолидировать контроль над страной

Однако в долгосрочной перспективе расплата за все это была неизбежна, даже в аспекте собственной высшей цели националистов — единства и могущества Китая. Дело в том, что ни один режим, базирующийся преимущественно на современном городском секторе Китая, сосредоточенном в договорных портах, не мог реально надеяться консолидировать централизованную государственную власть в Китае после 1911 г. Краткие сравнения с революционной Францией и Россией могут помочь объяснить, почему.

В чем-то напомилавшие торговые портовые города Франции XVIII в., эти современные китайские города были ориентированы вовне, находились на краю континента и были маргинальны по отношению к той городской административной иерархии, с помощью которой правили власти империи²⁴. В национальных собраниях Франции по мере консолидации революционной государственной власти политики, происходившие из французских торговых портов или ориентированные на их интересы, обычно замещались политиками из внутренних больших и малых городов²⁵. Но в Китае такой прямой последовательности городского революционного лидерства не было. Сельский господствующий класс, джентри, закрепился в основании старой адми-

23. Wilbur, "Military Separatism", pp. 253–260.

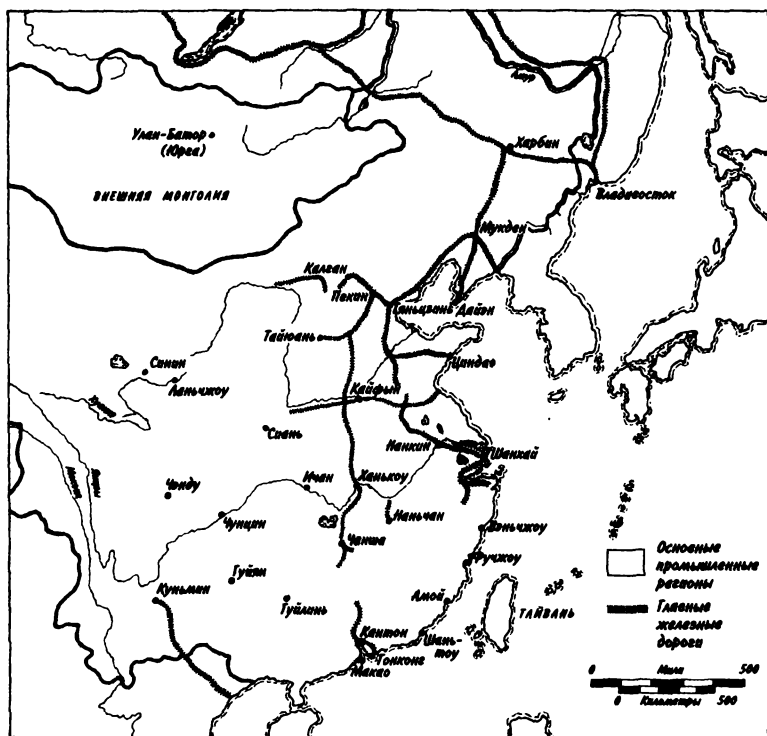
24. См. карты на форзаце в Elvin and Skinner, eds., *Chinese City Between Two Worlds*.

25. См. сноску 8 к главе 4.

нистративной иерархии, по обе стороны базовых связей между городом и деревней. Кроме того, в контексте милитаризма, преобладавшего после 1916 г., борьба за власть в стране была крайне военизирована. Уже удобно устроившихся милитаристов нельзя было быстро или легко изгнать из внутренних районов. В Китае не могло быть монтаньяров-якобинцев.

Но почему Гоминьдан (или какая-либо другая городская партия) не мог скопировать стратегии государственного строительства большевиков, опираясь на современную промышленность, мобилизацию пролетариата и военные преимущества железнодорожного сообщения? Ответ состоит в том, что этих ресурсов просто не было. Хотя в Китае в некоторой степени начались современная индустриализация и железнодорожное строительство до 1928 г., общий уровень их развития был значительно ниже, чем в России до 1917 г. Так, в Китае (до 1949 г., не говоря уже о 1928 г.) общая производительность современной промышленности никогда не превышала 3,5% национального дохода, а промышленные рабочие составляли значительно меньше 1% рабочей силы. (Для царской России в конце ее существования примерные цифры составляли 16% и 5% соответственно²⁶.) Кроме того, китайская промышленность была преимущественно легкой, с малыми или средними предприятиями. И (как показывает карта 6) они были в основном сконцентрированы вдоль восточного побережья. Железные дороги (также обозначенные на карте 6) были немногочисленны, расположены на расстоянии друг от друга и совершенно не составляли полной первичной сети, соединявшей все основные города и городки Китая. Напротив (как обозначено на карте 4 в главе 6), в России к 1917 г. уже была полная первичная сеть железных дорог; к тому же ее современная промышленность была в основном представлена

26. Цифры для Китая см. в: Albert Feuerwerker, *The Chinese Economy, 1912-1949*, Michigan Papers in Chinese Studies, no. 1 (Ann Arbor: University of Michigan, Center for Chinese Studies, 1968), chs. 3-5; Chesneaux, *Chinese Labor Movement*, ch. 2. Для России см.: Raymond W. Goldsmith, "The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860-1913", *Economic Development and Cultural Change* 9:3 (April 1961), p. 442; Teddy J. Uldricks, "The 'Crowd' in the Russian Revolution", *Politics and Society* 4:3 (1974), p. 402.

КАРТА 6. Железные дороги и основные промышленные районы Китая к 1930 г.

Источники: James Sheridan, *China in Disintegration* (New York: The Free Press, 1975), p. iv; Jean Chesneau, *The Chinese labor Movement, 1919–1927*, transl. H. M. Wright (Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968), pp. 423–426.

крупными предприятиями тяжелой промышленности, расположенными во многих административных центрах по всей Европейской России. Поэтому во время русской революции большевики могли мобилизовать поддержку пролетариата в стратегических пунктах, что помогло им выстроить новые государственные организации вместо той городской административной иерархии, с помощью которой царские власти сохраняли единство России и господствовали в сельской местности. Но подобные возможности были закрыты для Гоминьдана (или любой другой китайской городской партии). Вместо этого они могли надеяться только на налогообложение китайского, намного меньшего

и более маргинального торгово-промышленного сектора. Из-за ограниченности своей современной городской базы Гоминьдан после 1927 г. никогда не мог вырваться из порочного круга недостаточных денежных поступлений и недостаточного политического контроля из центра, которые были бичом всех предыдущих милитаристских режимов в Китае XX в. Правительство националистов только воспроизвело их старые формы в большем, лишь поверхностно «национальном» масштабе — как покажет более пристальный взгляд на паттерны развития после 1927 г.

Военные победы националистов, добытые в боях или благодаря переходу на их сторону нетронутых вражеских частей, после 1925 г. и до середины 1930-х гг. одерживались так быстро, что политическое обучение, управление и финансирование из центра не поспевали за ними. Было невозможно распустить или полностью реорганизовать те части милитаристов, что перешли на сторону националистов. Так что обычно их приходилось оставлять в том же составе под командованием их прежних офицеров и позволять поддерживать свое существование преимущественно извлечением финансовых, промышленных и людских ресурсов из своих установившихся базовых территорий, как раньше. Верность центру могла поддерживаться только путем денежных субсидий или поставок оружия из Нанкина²⁷. Такая система, естественно, гарантировала, что правительство националистов не будет обладать ни управляемой из центра национальной армией, ни административным доступом к ресурсам больших областей страны.

Так, даже после того, как антикоммунистические кампании 1931–1935 гг. дали Нанкину уникальную возможность расширить контроль центрального правительства за пределы его изначальной базы в Чжецзяне и Цзянсу, на десять других провинций, обозначавшихся как «зоны подавления бандитизма», гоминьдановский режим по-прежнему «не мог свободно осуществлять назначения без консультаций с правителями провинций... Также Нанкин не мог установить единую, централизованную административную систему во всех зонах.

27. Wilbur, "Military Separatism", pp. 244–245, 259–260.

Провинциальные финансы по-прежнему оставались вне контроля центральной власти»²⁸. Более того:

За пределами десяти провинций — «зон подавления бандитизма» — власть Гоминьдана была номинальной или не существовала. Высокая степень провинциализма продолжала существовать в Шаньси, Гуанси, Гуандуне, Юннани и Сычуани. Автономия в различной степени существовала также в Гуйчжоу и отдаленных провинциях севера и северо-запада. Здесь провинциальные или региональные милитаристы назначали своих собственных должностных лиц и вели собственные административные и финансовые дела, обращая мало (или никакого) внимания на желания центральной власти²⁹.

Наконец, даже в тех провинциях, где он установил бесспорный военный и административный контроль, нанкинский режим продемонстрировал очень мало способностей или намерений реорганизовать политику на уровне деревни и провести социально-экономические реформы. Ниже уездной (*сянь*) базы бюрократии по-прежнему господствовали джентри³⁰.

В свою очередь, из-за слабости своего политического контроля над страной режим националистов между 1928 и 1936 гг. уступил местным и провинциальным правителям право взимать земельные налоги. Режим, напротив, полностью зависел от легко собираемых городских денежных поступлений: акцизных сборов на товары первой необходимости, внешнеторговых пошлин и привлечения займов под высокий процент с помощью ценных бумаг, выпускаемых подконтрольными государству банками³¹. Но такой подход к государственным финансам имел свои ограничения. Поскольку в лучшем случае эти фискальные меры оказывали нейтральное воздействие на зарождающийся современный торговый и промышленный сектор экономики, а в худшем — ограничивали покупательную способность потре-

28. Hung-mao Tien, *Government and Politics in Kuomintang China, 1927-1937* (Stanford: Stanford University Press, 1972), p. 180.

29. Ibid., p. 181.

30. Ibid., chs. 5, 6; John K. Fairbank, Edwin O. Reischauer, and Alben M. Craig, *East Asia: Tradition and Transformation* (Boston: Houghton Mifflin, 1973), pp. 787-788, 793; Lloyd E. Eastman, *The Abortive Revolution: China under Nationalist Rule, 1927-1937* (Cambridge: Harvard University Press, 1974), chs. 1, 3, 5.

31. Feuerwerker, *Chinese Economy, 1912-1949*, pp. 54-56.

бителей и разрушали стимулы к накоплению или долгосрочным производственным инвестициям. Это жестко ограничивало, если не подрывало совсем, рост экономики городов, от которых так зависело правительство националистов³². Правительство также не могло осуществлять прямых инвестиций в экономическое развитие, так как практически все его доходы съедались административными, патронажными и военными расходами.

В конечном счете режим потерял динамизм, в нем иссякла всякая политическая жизнеспособность, и он выродился в ряд окопавшихся бюрократических клик, связанных узами личной преданности Чан Кайши³³. Сам же «генералиссимус», возглавляя стратегический Военный совет, посвящал большую часть своего внимания и мастерства военным кампаниям против оставшихся милитаристов и коммунистических «бандитов». Ему также приходилось заботиться о деликатных процессах подкупа соперничающих политических клик и беспокойных военных подчиненных с помощью субсидий или почетных должностей, или как-то иначе не позволять им скоординироваться и объединиться против него. Государственные консультативные и административные институты существовали только как придаток к военным иерархиям и укомплектовывались в соответствии с нуждами личной клиентелы Чан Кайши. Партия Гоминьдан перестала набирать сторонников в народе и потеряла свои функции координации и принятия решений, которые осуществляла в период советской опеки. Массовым организациям либо дали атрофироваться, либо использовали их исключительно для целей деполитизации рабочих, крестьян и студентов.

32. Feuerwerker, *Chinese Economy, 1912-1949*, pp. 57-59; Douglas S. Paauw, "The Kuomintang and Economic Stagnation, 1928-1937", *Journal of Asian Studies* 16 (February 1957), pp. 213-220. Истмен в «Abortive Revolution» (pp. 226-239) не соглашается с аргументами Пааува о том, что современный сектор стагнировал при националистах. Но и он рисует довольно мрачную картину.

33. Этот абзац в особенности опирается на: Tien, *Government and Politics*, pt. 1; Patrick Cavendish, "The 'New China' of the Kuomintang", in *Modern China's Search for a Political Form*, ed. Jack Gray (New York: Oxford University Press, 1969), pp. 138-186; Ch'ien Tuan-sheng, *The Government and Politics of China, 1912-1949* (Cambridge: Harvard University Press, 1950), и др.; Sheridan, *China in Disintegration*, chs. 6-7; Eastman, *Abortive Revolution*.

Если бы этот гоминьдановский режим сталкивался только с военными вызовами внутри страны в течение двух или трех десятилетий, а не всего лишь одного десятилетия, возможно, он бы достиг длительной военно-политической гегемонии над центральными территориями Китая — ценой непрекращающейся социально-экономической стагнации. Однако даже это выглядит маловероятным, поскольку углубляющийся аграрный кризис практически гарантировал бы неистощимый приток крестьян в бандитские и остаточные коммунистические армии. Но какое национальное правительство эпохи модерна вообще было свободно от давления извне? В случае китайских националистов неспособность режима между 1930 и 1936 гг. дать отпор японским военным провокациям лишь повлекла за собой полномасштабное вторжение, которое произошло в 1937 г. Само собой разумеется, Нанкин не мог справиться с вызовом полномасштабной войны с индустриальной державой. Так было не только из-за силы врага, но и из-за внутренней слабости не вполне объединенного и централизованного режима, неспособного мобилизовать потенциально богатые ресурсы Китая и не желающего ставить под угрозу господство милитаризма и высшего класса ради политической мобилизации масс.

Вынужденное отступление националистов из богатых прибрежных городов во внутренние районы только усугубило все внутренние слабости режима. Потеряв большой современный городской сектор, который можно было бы облагать налогами, правительство националистов, переместившееся в Чунцин, обратилось к выкачиванию налогов, с помощью местных посредников-джентри, из доступных секторов сельской экономики юго-запада. С другой стороны, оно стало множить займы по высоким процентным ставкам и печатать необеспеченные бумажные деньги. Сбор налогов усугубил бедствия села, не обеспечив адекватных денежных поступлений или снабжения, а денежная политика породила неконтролируемую инфляцию в городах. Правительственные функционеры и городские жители оказались в тисках стремительно растущих цен и нехватки товаров первой необходимости. Любые инвестиции,

кроме краткосрочных и исключительно спекулятивных, стали совершенно бессмысленными³⁴.

Кроме того, вопреки всем этим страданиям патриотизм городских сторонников Гоминьдана не получил никакого подкрепления, так как война против Японии никогда не шла удачно. Ситуация, описанная Барбарой Такман в книге «Стилвелл и американский опыт в Китае, 1911–1945 гг.», представляет собой участь милитаристского режима, отрезанного от легко эксплуатируемых ресурсов и все более занятого самим своим выживанием³⁵. Военная организация чунцинского режима во время Второй мировой войны представляла собой децентрализованное множество армий. Почти всеми командовали полевые командиры, объединявшие гражданские и военные функции. Предположительно децентрализация должна была предотвратить разгром Китая Японией одним ударом. В реальности она отражала и увековечивала неспособность Чан Кайши контролировать все силы из центра. Ни одному командиру нельзя было приказать (или убедить) задействовать свои войска против японцев, если только те прямо не атаковали его, так как командиры боялись уступить свою базу другим командирам или потерять свои силы. Более того, Чан Кайши и сам неохотно использовал свои наиболее оснащенные части против японцев или для укрепления контроля над своими полунезависимыми подчиненными, поскольку берег их для столкновения с коммунистами, которое, как он предчувствовал, неизбежно произойдет после победы Запада над Японией. Контроль, который Чан Кайши действительно имел над различными армиями националистов, зависел от финансовых ресурсов, которыми он лично распоряжался как глава правительства, и в особенности — от его искусства разделять и властвовать в обстановке общей военной слабости. Конечным результатом была та ситуация, которая так раздражала генерала Стилвелла в 1940-е гг.: огромная,

34. Feuerwerker, *Chinese Economy, 1912–1949*, pp. 54, 59–62.

35. Barbara W. Tuchman, *Stilwell and the American Experience in China, 1911–45* (New York: Macmillan, 1971). Об условиях жизни на селе во время военной фазы гоминьдановского правления см.: Graham Peck, *Two Kinds of Time*, rev. ed. (Boston: Houghton Mifflin, 1967).

расползшаяся военная организация, практически бесполезная для ведения войны, в сущности потому, что она составляла непрочную политическую оболочку милитаристского режима Чан Кайши. Мало что в ней можно было тронуть без того, чтобы не рухнула вся структура.

Более того, как только война закончилась, крушение режима Чан Кайши не заставило себя долго ждать, прежде всего потому, что успеху его могущественного соперника, Коммунистической партии Китая, способствовали те же условия, которые подорвали власть националистов. Чтобы понять почему, вернемся к 1927 г. и посмотрим, что происходило с коммунистами после того, как они были изгнаны из Национального союза.

Коммунисты и крестьяне

Политическая сила Коммунистической партии Китая, которой она обладала прежде, была уничтожена гоминьдановской чисткой 1927–1928 гг. Массовые движения были распущены, тысячи членов партии были убиты. К их крайнему сожалению, чистка преподала китайским коммунистам «тот горький урок, что без собственных вооруженных сил пестование элиты, создание партийной организации и руководства в крестьянском и рабочем движении обернулись ничем в быстро меняющихся течениях милитаристско-гоминьдановского Китая»³⁶.

Крестьянская Красная армия

Возможности, открывавшиеся уцелевшим остаткам коммунистического руководства, были крайне ограничены. Им противостояли враги (милитаристы и превосходящее по силам гоминьдановское правительство) которые могли опираться на городское производство и иностранную помощь для поддержания военных сил, достаточных для изгнания коммунистов из городов Китая. Конечно, притягательность городов для многих

36. Mark Selden, "The Guerilla Movement in Northwest China: the Origins of the Shensi-Kansu-Ninghsia Border Region (Part 1)", *China Quarterly* no. 28 (October-December 1966), p. 68.

лидеров партии сохранялась еще очень долго. В течение ряда лет после 1927 г. они периодически предпринимали попытки отвоевать города, придя к власти благодаря восстаниям взбудораженных крестьян и рабочих и делая ставку на силы небольших, предположительно лояльных воинских частей, часто перебежчиков из Гоминьдана. Все подобные попытки оказались неудачными и стоили многих человеческих жизней. Как раз в это время, хотя Москва (а также лидеры Коммунистической партии Китая, находившиеся на подпольном положении в городах) убеждала КПК не бросать пролетариат, различные группы коммунистов стали постепенно нащупывать новую стратегию — крестьянской партизанской войны, — которая могла бы помочь партии одержать победу³⁷.

Именно потому, что эта военная стратегия была единственно возможной в сложившихся обстоятельствах, Коммунистической партии Китая пришлось прийти к соглашению с крестьянами на условиях, крайне отличавшихся от того, что были во Франции и в России. Крестьян было невозможно просто принудительно призвать в постоянные армии, руководимые профессионалами и снабжаемые из городских центров; напротив, их необходимо было убедить добровольно стать источником людского состава и снабжения Красных армий. Крестьяне не стали бы охотно и безотказно предоставлять такую поддержку, не убедись они, что коммунисты сражаются за их интересы и в стиле, соответствующем их местническим настроениям. Партизанская война — это децентрализованный способ ведения боевых действий. И потому он потенциально соответствовал крестьянским склонностям³⁸. Но, в принципе, ничто не мешает военным силам партизанского типа быть (или становиться) разрозненными, разбросанными по территории бандами вооруженных людей, которые могут кончить просто грабежом населения. Что сделало создание китайской Красной армии с конца 1920-х до 1940-х гг. столь отличным, так это

37. Franklin W. Houn, *A Short History of Chinese Communism* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973), ch. 3; Robert W. McColl, "The Oyüwan Soviet Area, 1927–1932", *Journal of Asian Studies* 27:1 (November 1967), pp. 41–60.

38. John Ellis, *Armies in Revolution* (New York: Oxford University Press, 1974), ch. 10.

то, что она соединила партизанскую тактику с политико-идеологическим единством благодаря контролю партии. К тому же она эволюционировала в сторону такого образа действий, который предусматривал не только бои, но и сотрудничество и мобилизацию крестьянства.

Как и советская Красная армия в годы гражданской войны в России (и направляемые монтаньярами французские революционные армии в 1793–1794 гг.), китайская Красная армия была пронизана политическими комиссарами и комитетами. Но все же важнейшей целью советских партийных представителей было просто обеспечение лояльности стратифицированной, профессиональной, преимущественно призывной армии. Китайские коммунистические кадры в Красной армии делали больший акцент на воспитание всех военных в духе преданности и сотрудничества для достижения поставленных партией целей³⁹. Хотя базовая военная дисциплина никогда не ослаблялась, различия в рангах и вознаграждениях между офицерами и рядовыми были минимизированы, и особое значение придавалось всеобщей идеологической убежденности. Все это было необходимо для эффективных военных действий в экономически стесненных обстоятельствах, в которых жесткие, централизованные структуры не могли существовать. Таким образом, будучи партизанской армией, Красная армия с необходимостью состояла из небольших частей, способных к независимому, гибкому действию на децентрализованной основе. Но они также должны были эффективно координироваться и быть готовыми объединяться для крупномасштабных операций, когда это позволяли условия.

Другим резким контрастом с советской Красной армией было то, что китайскую армию учили «объединяться» с гражданским крестьянским населением⁴⁰. В самой своей основе это означало обращаться с крестьянскими жизнями, собственностью и обычаями со скрупулезным уважением. Это также означало, что когда части Красной армии обороняли занятые ими сельские местности, они включались в повседневную жизнь крестьян-

39. Ying-mao Kau, *The People's Liberation Army and China's Nation-Building* (White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1973), pp. xxi–xxv.

40. *Ibid.*, pp. xxv–xxvi.

яинства двумя основными способами. Во-первых, чтобы снабжать себя без обременения крестьян или насилия над ними, армейские части занимались производственной деятельностью. И во-вторых, чтобы получить активную поддержку крестьянства, части Красной Армии развивали политическое образование, партийную деятельность и организацию ополчения в тех деревнях, с которыми имели постоянный контакт. Короче говоря, чтобы чувствовать себя среди народа «как рыба в воде», Красной армии приходилось предпринимать экономические и политические усилия наряду с боевыми.

После 1927 г. Красная армия действительно стала приобретать очертания. Партизанская война в то время была единственной реальной возможностью, открытой для коммунистов. Боевые части можно было организовать в недоступных местностях, где контроль националистов или милитаристов был слаб или где контролируемые ими зоны накладывались друг на друга, что вызывало противоречия. Было также крайне важным, что небольшие, разбросанные партизанские части могли первоначально состоять из индивидов или групп, не проживавших в сельских сообществах, территории которых, конечно, по-прежнему прямым или косвенным образом находились под контролем землевладельцев-джентри. Первые новобранцы-партизаны могли рекрутироваться из тех крестьян, которые были вытеснены в отдаленные «пограничные зоны» в горах и между провинциями, и занимались противозаконной деятельностью. К счастью для китайских коммунистов (хотя и не случайно, в свете того, что мы уже узнали об аграрной динамике Китая и кризисных условиях этого периода), потенциальные новобранцы из числа вынужденных переселяться крестьян были в изобилии, когда китайские коммунисты в них нуждались.

Имеется информация о двух таких ранних местах сосредоточения партизанских сил в конце 1920-х гг.: коммунистических партизанах пограничного района Шэньси-Ганьсу-Нинся (Шень-Ган-Нин)⁴¹ и Четвертой Красной армии, которую Мао Цзедун и Чжу Дэ приве-

41. Mark Selden, *The Yen-an Way in Revolutionary China* (Cambridge: Harvard University Press, 1971), pp. 42–78.

ли в Цзинганшань — горы Центрального Китая⁴². В обоих районах «революционные» силы (к ужасу высшего партийного руководства) состояли из деклассированных элементов, таких как бандиты, бывшие солдаты и контрабандисты. Ими руководили собственные местные лидеры вместе с коммунистическими партийными кадрами — обычно из среды интеллектуалов, ранее не имевшими военного опыта. Для партизанских групп в обоих регионах первой неотложной задачей было само выживание в качестве организованных военных формирований. По-видимому, за исключением разбросанных бедных деревень в своих горных твердынях, эти малочисленные красные отряды не контролировали больших территорий со множеством крестьянских сообществ в течение длительного времени. Контакты с оседлыми крестьянами были в основном мимолетными и часто тайными (например, контакты ночью с друзьями в деревнях за пределами горных опорных пунктов). Как и бандиты, эти ранние Красные армии, чтобы выжить, должны были выпрашивать, а чаще конфисковывать ресурсы за пределами своих опорных пунктов. Но все же это были совсем другие бандиты. Члены партии из их числа постоянно проповедовали войскам, а также крестьянам в деревнях, которые они удерживали какое-то время, основные принципы и цели коммунистической программы. Более того, там, где это было возможно, красные пытались привлекать бедных крестьян к конфискации и перераспределению земель джен-три и богатых крестьян.

Однако такой красный бандитизм был всего лишь переходным этапом. Безусловно, сами коммунисты мыслили себе значительно более масштабные цели. Кроме того, в той степени, в которой этот ранний подход был успешным, он позволял красным силам выживать и расти. В свою очередь, этот рост поставил их лицом к лицу с тем, что окажется главной дилеммой на пути

42. Stuart Schram, *Mao Tse-tung* (Baltimore, Md.: Penguin Books, 1967), pp. 124–145; Edgar Snow, *Red Star Over China* (1938; reprint ed., New York: Grove Press, 1961), pp. 164–188; Agnes Smedley, *The Great Road: The Life and Times of Chu Teh* (New York: Monthly Review Press, 1956), bks. 6–7. За данными об еще одной ранней базе Красной армии обращайтесь к: McColl, “Oyüwan Soviet Area”.

к победе коммунистов методом партизанской войны в сельской местности: как установить прямые и стабильные контакты с оседлыми и производящими крестьянами. Без этого разбросанные партизанские отряды вряд ли могли бы развиваться в армии, способные победить в борьбе за государственную власть. В принципе коммунисты могли предложить разнообразные меры, способные апеллировать к нуждам оседлых крестьян, такие как: сокращение налогов или арендной платы, захват и перераспределение собственности джентри, обеспечение функционирования местных социальных служб и защита от мародерствующих армий. Но реальное осуществление таких мер зависело от получения прямого доступа к крестьянам в их сообществах, что означало обойти и, в конечном счете, вытеснить местных джентри, богатых крестьян и их сторонников. Это, в свою очередь, было сложным политическим процессом, который мог быть успешно осуществлен коммунистическими кадрами, работающими прямо в деревнях, при хотя бы минимальной военно-административной защите. Но достижение такого рода военного и административного контроля над территориальными базами было как раз тем, в чем растущие Красные армии нуждались в первую очередь! Китайские коммунисты не встали бы на путь полной победы, пока отчасти не нашли, а отчасти не создали условий, соединявших некоторую степень территориальной безопасности с возможностями проникновения в местные сообщества и воздействия на их реорганизацию. Это позволило им наладить прямую связь с оседлым крестьянством.

Ранняя тактика красного социального бандитизма применялась на селе там, где вражеские военные силы были слабы или разобщены (как это было в Центральном Китае благодаря конфликтам между националистами и милитаристами после Северного похода). Эта тактика скоро «начала приносить плоды в виде создания более крупных баз и армий во внутренних районах»⁴³. Так к 1931 г. коммунисты добились успеха в учреждении администрации «Советского района Цзянси», управлявшей оседлым населением, из-за превратностей вой-

43. Wilbur, "Military Separatism", p. 260.

ны варьировавшим от 9 до 30 млн человек. За краткое время жизни Советского района (Республики) у коммунистов появились первые возможности поэкспериментировать с технологиями мобилизации масс в целях привлечения ресурсов села для нужд армий⁴⁴. Но в бесповоротном изменении классовых и политических структур села так, чтобы это позволило коммунистам осуществить максимальную мобилизацию крестьянских людских и экономических ресурсов, были достигнуты лишь ограниченные успехи (или вообще никаких). Дело в том, что администрация Советского района (Республики) оставалась рудиментарной и никогда не достигала непосредственно местного уровня, чтобы сместить местные элиты. К тому же безопасность базовой территории от вражеских атак никогда не была достаточна для того, чтобы Красная армия обеспечила надежную защиту для крестьян, нападавших на помещиков и богатых крестьян и получавших конфискованное коммунистами имущество.

подавив основные очаги милитаристской оппозиции нанкинскому режиму в Центральном Китае, Чан Кайши при охотном согласии местных и провинциальных властей, опасавшихся социально-революционной политики коммунистов, направил свои хорошо оснащенные армии против Советского района Цзянси. Первоначально партизанская тактика позволила успешно отражать атаки националистов. Но к 1935 г. пятая кампания «окружения и уничтожения» Чан Кайши, спланированная германскими военными стратегами, заставила коммунистов полностью покинуть богатые центральные регионы Китая. Только после изнурительных испытаний «Великого похода»⁴⁵ остатки коммунистических сил прибыли на территорию, где смогли перегруппироваться и выжить — бедный, заброшенный, захолустный район пограничного региона Шэньси-Ганьсу-Нинся в Северо-Западном Китае. Здесь

44. См.: Ilpyong J. Kim, "Mass Mobilization Policies and Techniques Developed During the Period of the Chinese Soviet Republic", in *Chinese Communist Politics in Action*, ed. A. Doak Barnett (Seattle: University of Washington Press, 1969), pp. 78–98; Franz Schurmann, *Ideology and Organization in Communist China*, 2nd ed. (Berkeley: University of California Press, 1968), pp. 414–416.

45. См.: Dick Wilson, *The Long March, 1935* (New York: Avon Books, 1973).

уже процветало движение красных партизан, пользующееся значительным успехом среди бедных крестьян региона⁴⁶. Получив подкрепление в виде сил, эвакуированных из Центрального Китая, база Шэнь-Гань-Нин вскоре начала расширяться.

Второй объединенный фронт: набор кадров и административный контроль

В этот момент вмешались внутренние и международные политические события (вполне логичные с учетом того, что мы уже узнали о внутренней слабости режима националистов). Эти события дали коммунистам время прочно укрепиться на северо-западе и благоприятные условия для распространения своего движения и его территориальных опорных пунктов на большую часть Китая. В первую очередь, японские посягательства на суверенитет Китая с 1930 г. заставляли многих политически сознательных китайцев разочаровываться в националистических достоинствах режима Чан Кайши. Прежде чем оказать сопротивление японской угрозе, он оставался настроенным на преодоление внутренней. Однако такая политика, какой бы логичной она ни была с точки зрения Чан Кайши, не привлекала образованную городскую публику. Поэтому, когда коммунисты в 1935 г. начали утверждать свои вполне действительные националистические достоинства, призывая к «Объединенному фронту» против Японии, эта идея получила существенную поддержку в городах⁴⁷. Вдобавок к этому, как только коммунисты хорошо окопались на северо-западе, Чан Кайши пришлось полагаться на поддержку частично автономного милитариста, Чжан Сюэяна, чтобы вести против них гражданскую войну. Но силы Чжан Сюэяна составляли жители Маньчжурии, изгнанные с родины японцами, и поэтому они оказались восприимчивы к предложению коммунистов о де-факто альянсе против японцев. Вследствие этого, когда Чан Кайши прибыл в Сиань в 1936 г., намереваясь побудить своего союз-

46. Selden, *Yenan Way*, chs. 1–3.

47. John Israel, *Student Nationalism in China: 1927–1937* (Stanford, Cal.: Hoover Institution Publications, 1966).

ника-милитариста к более активным действиям против красных, Чжан Сюэлян «арестовал» генералиссимуса и освободил его только после того, как тот публично согласился создать антияпонский Объединенный фронт с коммунистами⁴⁸.

Для коммунистов это была необходимая передышка и прекрасный шанс повысить привлекательность своего движения для образованных китайцев в обстановке патриотической борьбы. Вступив во Фронт, коммунисты передали свои армии и базовые территории под номинальную власть националистов. Они согласились ослабить упор на классовую борьбу и вместо этого поддерживать национальное единство вместе с умеренными реформами. В обмен на это они получили обычные субсидии, выплачиваемые правительством националистов региональным режимам, и на некоторое время выиграли от относительного отсутствия военного противостояния с Гоминьданом⁴⁹.

Японское вторжение в Китай, полномасштабно осуществленное в 1937 г., было, несомненно, военной катастрофой для всех основных сил нового Национального союза, поскольку ни одна из них не могла остановить или отразить атаки японцев. Но условия, созданные японской оккупацией больших частей территории страны, предоставили коммунистам, уже ориентированным на сельскую мобилизацию, некоторые новые политические возможности:

Хотя японские захватчики могли оккупировать города, бывшие ранее базой Гоминьдана, у них не хватало людских ресурсов, чтобы эффективно контролировать сельские области, где в годы войны быстро умножались коммунистические партизанские базы. Отступление военных сил Гоминьдана на запад перед японскими вторгающимися армиями и совпавший с этим распад государственной власти националистов на большей части Китая позволил коммунистам вырваться из их отдаленного убежища в Шэньси и распространить свое военное и политическое влияние на обширные сельские местности в Северном и Центральном Китае... Постепенный рост поддерживаемых крестья-

48. Яркое описание этого «сианьского инцидента» дает Эдгар Сноу в: Snow, *Red Star Over China*; pp. 431–478.

49. Selden, *Yenan Way*, pp. 116–120.

нами коммунистических политических и военных центров во многих частях Китая в годы войны оказался решающим, когда революционная борьба с Гоминьданом возобновилась со всей яростью в 1946 г., в ходе широкомасштабной гражданской войны⁵⁰.

Способность коммунистов использовать в своих интересах те же самые условия военного времени, которые подорвали силы Гоминьдана, зависела от их успешного, в конце концов, соединения националистических призывов к потенциальным новым членам из образованных слоев с конкретным ответом на потребности крестьянства (включая заинтересованность крестьян и в эффективных оборонительных мерах против японского террора, и в ликвидации власти джентри в экономической и политической жизни на местах)⁵¹. С одной стороны, способность коммунистов отождествить их дело с интересами нации в энергичном сопротивлении японцам позволила им привлечь в свои ряды «тысячи студентов и интеллектуалов, которые отправлялись в Яньань... Там, в Северо-Западном университете Красной армии, многие были подготовлены... к тому, чтобы стать важными политическими, административными и военными кадрами для быстро расширяющихся коммунистических базовых территорий и зон партизанских действий»⁵². С другой стороны, достигнутая ими в ито-

50. Maurice Meisner, "Yenan Communism and the Rise of the Chinese People's Republic", in *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, ed. James Crowley (New York: Harcourt, Brace, and World, 1970), pp. 278–279.

51. Существует очень мало доказательств в пользу известного тезиса Челмерса Джонсона о том, что коммунистическая экспансия в яньаньский период была результатом «крестьянского национализма», а не апелляций коммунистов к социально-экономическим интересам крестьян. Большинство китайских крестьян (если речь шла о делах уровня выше местного) были недостаточно политически сознательны, чтобы быть «националистами». Представляется, что они скорее благосклонно откликнулись на призывы коммунистов тогда, когда последние защищали интересы крестьян, будь то заинтересованность в большей экономической безопасности или в защите от мародерствующих армий (какой бы то ни было национальности). Аргументацию Ч. Джонсона и доказательства в ее пользу см. в: Chalmers A. Johnson, *Peasant Nationalism and Communist Power* (Stanford: Stanford University Press, 1962); Selden, *Yenan Way*, pp. 91–93, 119–120; Donald G. Gillin, "Peasant Nationalism in the History of Chinese Communism", *Journal of Asian Studies* 23:2 (February 1964), pp. 269–289.

52. Meisner, "Yenan Communism", in *Modern East Asia*, ed. Crowley, p. 27.

ге способность проникать непосредственно в деревни и организовывать крестьянское сопротивление, производство и классовую борьбу дала коммунистам исключительные ресурсы, в которых они нуждались, чтобы прогнать Гоминьдан с основной территории Китая после 1946 г. Однако эти две мобилизации не были осуществлены моментально и без потенциальных противоречий.

Первоначально, между 1937 и 1940 гг., в период действенного Объединенного фронта, основной фокус интересов коммунистов, по-видимому, оставался за пределами внутренних дел деревень. Конечно, налоги собирались в соответствии с проведенными реформами; молодых людей поощряли вступать в Красную армию; осуществлялись работы по местной самообороне и время от времени рабочие команды посылались в деревни. Но систематической мобилизацией крестьян несколько пренебрегали, к тому же не предпринималось никакого крупномасштабного перераспределения земли⁵³. Следует отметить, что многие традиционные семьи, принадлежащие к господствующему классу, и отдельные представители элиты вполне неплохо жили при Объединенном фронте. Не то чтобы присутствие коммунистов ничего не меняло: помещики, например, часто должны были в той или иной форме уменьшать арендную плату и проценты по займам; богатые семьи официально платили налоги по более высоким ставкам, чем бедные. Но были и уловки: землевладельцы могли тайно угрожать крестьянам изгнанием, если те не будут тайно платить «нормальных» арендных выплат. Или же богатые семьи могли спокойно разделить свои земли между несколькими сыновьями, или временно «подарить» земли бедным членам их клана, во избежание высоких ставок налога. Без упора на организацию внутри деревни для проведения реформ, перемены иногда были больше показными, чем реальными. Более того, во время существования Объединенного фронта членам всех классов дозволялось (и даже поощрялось) участие в политике. Вследствие этого многие землевладельцы и бывшие землевладельцы служили во власт-

53. Selden, *Yenan Way*, ch. 4.

ных органах, а некоторые стали членами Коммунистической партии.

В сущности, в период Объединенного фронта коммунисты действовали как вновь установившаяся традиционная китайская династия или частично успешное восстание — или как провинциальные военные власти под патронажем партии националистов, чем они в некотором смысле и являлись. Свои усилия они направляли на создание и консолидацию власти на уровне регионов и базовых территориальных уровней⁵⁴. Естественно, что создание основных частей Красной армии, поддержка организаций партизан и ополчений составляли важную часть этих усилий. Вдобавок к этому после создания Объединенного фронта тысячи студентов и интеллектуалов потянулись в Яньань вместе с высокопоставленными кадрами — ветеранами партии и традиционными чиновниками, остававшимися на своих местах (поскольку это поощрялось в данный период). Все они были посажены на административные посты на уездном и региональном уровне для разработки мер социально-экономической политики и планов управления. Могущественные функциональные департаменты, каждый на вершине вертикальной иерархии департаментов, простиравшихся снизу от регионального уровня, появились в качестве основных центров выработки политического курса. Они были перегружены высокопоставленными работниками и ориентированы больше на политические меры, чем на деревни. Результатом была бюрократизация коммунистической администрации, а не мобилизация крестьян ради перемен. Местным администраторам, теоретически находившимся ближе всего к народу, мало чего оставалось делать, кроме как реализовывать эти меры, если это было возможно. К 1940 г. коммунисты в их северных базовых районах обладали примерно той степенью административного и военного контроля, которой могли бы обладать традиционные китайские власти. Разумеется, присутствие японцев не допускало их в большие и малые города и не давало доступа к основным сетям транспорта и коммуникаций. Постоянные боевые действия также

54. Selden, *Yenan Way*, pp. 144–161.

способствовали нестабильности границ базовых районов (хотя, согласно Марку Селдену, эта проблема стала острой только после 1940 г.). Но все же первые три года Объединенного фронта в целом оказались благом для коммунистов, позволив им, при молчаливом неохотном согласии Гоминьдана, консолидировать твердый административный контроль над обширными территориями со значительным населением.

Однако к 1941 г. сам успех программы раннего Объединенного фронта «подорвал его основу: быстрая экспансия коммунистов способствовала острым столкновениям с японцами и Гоминьданом»⁵⁵. Японцы начали крупномасштабные атаки на коммунистов, которые «представляли основную угрозу японским милитаристским амбициям»⁵⁶, а Гоминьдан усилил блокаду контролируемых коммунистами территорий и прекратил субсидии Красной армии и коммунистической администрации. Под давлением извне коммунистам пришлось возлагать все более тяжкое бремя на крестьянство. И если бы не осуществленные перемены, им пришлось бы с необходимостью делать это с помощью административного аппарата, чрезвычайно напоминавшего по стилю деятельности традиционный. Как пишет об этом Селден,

...к 1941 г., во время военных поражений и блокады по всей стране, возросшие трения между крестьянством и государственными властями поставили коммунистов перед лицом фундаментальных проблем, касающихся адекватности их администрации в пограничном регионе. Была ли традиционная элита просто заменена новой кадровой элитой, оставив нерешенными ключевые проблемы бедности и угнетения на селе? Могли ли изолированные деревни пограничных регионов быть эффективно связаны с общей политикой, исходящей от высших органов партии и правительства? Была ли дорогостоящая и удаленная бюрократия с монополией на образованных и опытных администраторов наиболее эффективным средством управления и политизации пограничного региона?⁵⁷

55. Mark Selden, "The Yen'an Legacy: The Mass Line", in *Chinese Communist Politics in Action*, ed. A. Doak Barnett (Seattle: University of Washington Press, 1969), p. 102.

56. Ibid., pp. 101–102.

57. Ibid., pp. 103–104.

Массовая мобилизация для нужд производства, войны и земельной революции

К 1942 г. китайские коммунисты осознали необходимость достижения более высокого уровня мобилизации масс для поддержки военных усилий против Японии и гражданской войны против националистов. Настоятельная необходимость потребовала от них разработать «конкретные методы соединения военных усилий и социально-экономических проблем села в единую программу мобилизации военного времени, проникающую в каждую деревню и каждую семью и вовлекающую каждого индивида»⁵⁸. Первоначально эта программа не призывала ко всеобщей классовой борьбе против землевладельцев и богатых крестьян, но вскоре потребовала от партийных кадров непосредственной работы с крестьянами для улучшения экономического производства. Действительно, повышение продуктивности сельского хозяйства было в своей основе ключом к выживанию блокированных базовых районов, к обеспечению их населения сельскохозяйственной продукцией и направлению существенных ресурсов на несельскохозяйственные цели, такие как промышленность, образование и, прежде всего, военные усилия.

До того как партийные кадры могли принять свою новую роль в мобилизации масс на местах, были необходимы реформы внутри партии. С 1942 по 1944 г. в партии прошло движение «за исправление стиля» (*чжен фэн*)⁵⁹. Это был проект интенсивного внутреннего обучения, с использованием техник групповой дискуссии и критики. Он был разработан для того, чтобы объединить и дисциплинировать разноуровневые элементы, составлявшие партию, включая реформистских интеллектуалов, остаточных представителей традиционных элит и бедных, молодых крестьян на базе маоистской интерпретации принципов марксизма-ленинизма. Кампания *чжен фэн* также породила приверженность партии приемам «линии масс». Они санкционировали повторяющееся взаи-

58. Selden, "The Yen'an Legacy: The Mass Line", p. 151.

59. Selden, *Yenan Way*, pp. 188–207.

модействие между формулированием общей стратегии перемен и прямым участием кадров в вопросах политической организации и решении конкретных проблем на низовом уровне. «От масс к массам» — так резюмировал идею этой «линии масс» Мао Цзедун. Он писал:

Это означает... суммировать мнения масс (разрозненные и бессистемные) и снова нести их (обобщенные и систематизированные в результате изучения) в массы, пропагандировать и разъяснять их, делать их идеями самих масс, чтобы массы проводили эти идеи в жизнь, претворяли их в действия; вместе с тем на действиях масс проверять правильность этих идей. Затем нужно вновь суммировать мнения масс и вновь нести их в массы для проведения в жизнь, — и так без конца. С каждым разом эти идеи будут становиться все более правильными, более жизненными, более полноценными⁶⁰.

Такое изложение «линии масс», несомненно, преуменьшает ту степень, в которой основные цели и инициативы проистекали не от масс, а от партийной верхушки. Но оно передает масштаб изобретенного китайскими коммунистами в суровых испытаниях начала 1940-х гг. уникально убедительного и партиципаторного стиля политического лидерства. Как пишет Мао в только что процитированном документе: «чем тяжелее борьба, тем более необходимо коммунистам соединять свое руководство с требованиями широких масс и тесно связывать общие призывы с конкретным руководством».

В тот же самый период, что и «исправление стиля» партии, также произошли изменения в административных структурах пограничной территории⁶¹. Тысячи высокопоставленных кадров (то есть в основном интеллектуалов) были посланы работать на уездном и еще более низком уровне. Акцент был смещен с работы функциональных департаментов на региональном уровне на ориентированную на деревню мобилизацию масс на местном уровне. Влияние партии на административную работу возросло, так как партия специализировалась на коор-

60. Stuart Schram, ed., *The Political Thought of Mao Tse-tung*, rev. and enlarged ed. (New York: Praeger, 1969), p. 316; Мао Цзедун. К вопросу о методах руководства (1 июня 1943 года) // *Избранные произведения*. Т. 111. Выдержки из произведений. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1967.

61. Selden, *Yenan Way*, pp. 212–229.

динации политики и мероприятиях по мобилизации масс. Наконец, партийные кадры (в особенности молодые, крестьянские кадры, которые ранее господствовали в преимущественно бездеятельных уездных и районных администрациях, а также многие кадры интеллектуалов) подталкивались к принятию неформального лидерства в новых внутридеревенских ассоциациях, занятых производством, создание которых поощрялось партией.

И Марк Селден, и Франц Шурманн подчеркивают, что кооперативное движение (запущенное КПК в 1943 г.) было важно не только в качестве средства повышения продуктивности сельского хозяйства, но также в качестве средства разработки новых форм организации и руководства в деревнях Северного Китая⁶². Новые формы не навязывались администрацией. Напротив, традиционные формы объединенного труда усиливались и трансформировались в ассоциации, возглавляемые партийными кадрами и крестьянскими активистами, а не богатыми патронами или их агентами. Затем эти кооперативы работали над выполнением задач, которые помогали улучшить жизнь крестьян, а также способствовали военным усилиям. Кооперативное движение примечательно как первый случай, когда партия стала на уровне деревни активно участвовать в производственной деятельности, которая была самой сутью крестьянской жизни. Участие партии в сельскохозяйственном производстве, прежде всегда ориентированном на экономику, в котором раньше доминировали помещики и богатые крестьяне, началось в тот период, когда многие аспекты партийной и административной работы (например, касающиеся образования, экономических реформ, военной мобилизации) фокусировались на сельской жизни. Это создало арену не только для экономического развития в деревнях, но и для фундаментальных изменений в социально-политической структуре деревни и, наконец, для земельной революции, поддерживаемой снизу⁶³.

62. Selden, *Yenan Way*, pp. 237 ff; Franz Schurmann, *Ideology and Organization*, pp. 416 ff.

63. Необходимо отметить, что аналогичные сдвиги в балансе сил так же явно, хотя и по-разному, происходили в деревнях, оккупированных японцами. Деревня Лонг Боу, описанная Уильямом Хинтоном в его книге (William Hinton, *Fanshen* (New York: Vintage Books, 1968), была одной из них. Там молодые, бедные крестьяне сначала заняли руководящие

Действительно, в 1946–1947 гг., после того, как закончилась война с Японией, но когда как раз возобновлялась интенсивная гражданская война с Гоминьданом, коммунисты начали политику радикальной земельной реформы на освобожденных территориях. Все помещичьи, ведомственные земли, а также земли богатых крестьян подлежали конфискации и перераспределению среди бедных крестьян и середняков на основе максимально возможного принципа равенства земельных владений индивидов, независимо от пола и возраста. Такая политика была вряд ли рассчитана на то, чтобы способствовать внутренней стабильности в то время, когда на освобожденных территориях проходила всеобщая мобилизация для гражданской войны. И, как отмечает Шурманн, в периоды до и после 1949 г., когда их главными целями были высокая экономическая производительность и/или максимальный административный контроль, китайские коммунисты избегали радикальной политики «классовой борьбы».

Тогда почему же эта революционная земельная реформа была проведена в конце 1940-х гг., именно тогда, когда КПК предпринимала окончательные военные усилия для прихода к власти во всей стране? Шурманн предлагает интригующий двойкий ответ⁶⁴. С одной стороны, предыдущие усилия коммунистов по мобилизации масс создали в деревнях новую элиту молодых, бедных крестьянских кадров, уже вовлеченных в повседневные конфликты с традиционными местными лидерами по поводу ведения всех деревенских дел. (К тому же, хотя Шурманн и не подчеркивает этот момент, интеллектуальные кадры извне были также вовлечены в дела деревень; и они поддерживали или подталкивали более радикальные перемены, чем в противном случае могли бы произойти.) С другой стороны, в контексте гражданской войны высокопоставленные партийные руководители имели основания желать раз

роли в деревенском сопротивлении. Традиционные элиты сотрудничали с японцами. Поэтому после освобождения от Японии «патриотические» партийные работники заняли положение, которое позволило им бросить вызов «предательским» традиционным элитам, что стало началом земельной реформы.

64. Schurmann, *Ideology and Organization*, pp. 427–437.

и навсегда избавиться от традиционного господствующего класса. Пока эти семьи сохраняли какую-то власть, они могли обладать желанием и способностью организовывать внутреннее сопротивление против коммунистов. Кроме того, собственность, конфискованная у помещиков и богатых крестьян, могла перераспределяться между бедными крестьянами и середняками, которые после этого стали бы более мотивированными на поддержку местных ополчений и Народно-освободительной армии, поскольку эти вооруженные формирования воевали за их право сохранить новые земли⁶⁵. Аргументация Шурманна говорит и о том, почему высокопоставленное руководство партии согласилось на радикальную земельную реформу, и о том, почему эта политика привела к вспышкам подлинной революции снизу во многих деревнях: поскольку однажды запущенная

...земельная реформа набирала свои собственные обороты. Повторяющиеся указания [партийных руководителей] на «левацкие крайности» показывают, что они не полностью контролировали действия деревенских кадров. Многие из тех, кто покинул Китай в конце 1940-х и начале 1950-х гг., вспоминают земельную реформу как период террора. Когда военные действия стали более интенсивными, то же произошло и с радикализмом земельной реформы. То, что начиналось как программа перераспределения земель, закончилось революционным террором, в ходе которого китайская традиционная сельская элита была уничтожена⁶⁶.

То, что происходило в Северном Китае между 1946 и 1949 гг., было результатом уникального синтеза военных потребностей китайских коммунистов и социально-революционного потенциала китайского крестьянства. В процессе мобилизации крестьянских усилий для поддержки администраций и армий базовых районов, китайские коммунисты проникли в местные сообщества и реоргани-

65. Джон Гиттингс отмечает, что «сущностной частью» военной стратегии коммунистов в ходе гражданской войны с националистами после 1946 г. «было завоевание поддержки народа на освобожденных территориях... Зимой 1947 г. были инициированы новая и более радикальная программа земельной реформы, крупномасштабный призыв на следующий год и существенная политическая и организационная перестройка вооруженных сил и партии» (John R. Gittings, *The Role of the Chinese Army* (New York, Oxford University Press, 1967), p. 7).

66. Schurmann, *Ideology and Organization*, pp. 431–432.

низовали их. Так крестьяне как класс получили организационную автономию и солидарность, которых у них не было в рамках традиционной аграрной социально-политической структуры. Когда крестьяне получили эти средства для того, чтобы стать (в рамках деревень) «классом для себя», они смогли нанести удар помещикам и сделали это столь же основательно, как и российские крестьяне в 1917 г. Единственное — в отличие от российских крестьян, китайские крестьяне восстали против помещиков только с помощью и при поддержке местных коммунистических кадров. К тому же китайская земельная революция в целом прошла под военным и административным «зонтом», предоставленным благодаря контролю партии над ее базовыми регионами. Так что кульминацией китайской крестьянской революции, в отличие от русской, не стало анархическое замыкание крестьянских деревень на себя. Напротив, она укрепила существующий политический альянс между крестьянами и коммунистами и побудила крестьян удвоить их поддержку Красных армий, от победоносных усилий которых зависело сохранение их социально-революционных политических завоеваний и вновь обретенной собственности в деревнях. Одним словом, поиск сельских ресурсов Китайской коммунистической партией, с целью одержать военные победы над Японией, милитаристами и националистами, в конце концов вылился в социальную революцию в китайской сельской местности. А социальная революция, в свою очередь, породила итоговый прирост численности полных энтузиазма крестьянских новобранцев, а также непосредственное управление сельскохозяйственным производством, в котором нуждались Красные армии, чтобы выбить деморализованные силы Гоминьдана из городов и даже всего материкового Китая.

Новый порядок

Китайская Народная Республика была провозглашена победившими коммунистами в Пекине 1 октября 1949 г. К концу 1950-х гг., после нескольких лет перехода к правлению из городских центров, коммунисты консолидировали новый порядок, воплотивший заметные отличия

от китайского имперского и «республиканско-милитаристского» прошлого. По своей структуре и динамике новая китайская коммунистическая социально-политическая система напоминала французский и российский новые порядки в широком плане, но также отличалась от каждого из них в крайне важных отношениях. Поэтому данный раздел закончит Часть II, также как и эту главу об итогах китайской революции, рассмотрением этих общих и отличительных характеристик результатов революции в Китае.

Усилившаяся государственная бюрократия

Как и французская, и русская революции в ходе классовой и политической борьбы революционных междуцарствий, китайская революция породила намного более крупномасштабный, более могущественный и более бюрократический новый политический режим. Правительство, ответственное за выполнение административных функций, и партия, ответственная за выработку политического курса, координацию и надзор, составили отдельные, но тесно переплетенные организационные иерархии, простирающиеся от Пекина через многочисленные промежуточные уровни вплоть до каждой деревни, фабрики, школы и микрорайона. Это партийное государство с самого начала намного превосходило в размерах государственный аппарат и империи XIX столетия, состоявший всего лишь из сорока тысяч чиновников⁶⁷, и гоминьдановского правительства в конце его существования (в 1948 г.)⁶⁸ с его двумя миллионами функционеров. Так, к 1952 г. численность коммунистических «государственных кадров», или белых воротничков и административного персонала в государственных органах и на предприятиях, уже составляла 3310 000 чел., а к 1958 г. — около 8 млн чел.⁶⁹ Представляет интерес также численность

67. Franz Michael, "State and Society in Nineteenth-Century China", in *Modern China*, ed. Albert Feuerwerker (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964), p. 58.

68. Ying-mao Kau, "Patterns of Recruitment and Mobility of Urban Cadres", in *The City in Communist China*, ed. John W. Lewis (Stanford: Stanford University Press, 1971), pp. 98-99.

69. Victor C. Funnell, "Bureaucracy and the Chinese Communist Party", *Current Scene* 9:5 (May 7, 1971), p. 6.

самой Коммунистической партии. В 1953 г. было 6,1 млн. членов партии их число быстро росло, достигнув 17 млн. в 1961 г.⁷⁰ В 1953 г. оно уже составляло более 1% населения и официально оценивалось в 583 млн чел.⁷¹ *Literati* — обладатели конфуцианских дипломов, которые, подобно членам Коммунистической партии, занимали ключевые руководящие позиции на государственном уровне и на местах, в XIX в., напротив, составляли менее трети от 1% населения⁷².

Коммунистический режим, как отмечает А. Доук Барнетт, «расширил радиус действия и влияние центральной власти до беспрецедентных масштабов»:

Традиционно в Китае центральная власть, осуществляемая через прочно установившуюся бюрократию, достигала уровня уезда (*сянь*) с определенной степенью эффективности — по крайней мере в те периоды, когда страна была объединена под властью сильного режима. Но на более низких уровнях обычно господствовала «неформальная власть», осуществляемая группами традиционной элиты, такими как «джентри», и разнообразными неправительственными социальными институтами. Коммунисты изменили эту ситуацию в корне. Они в значительной мере уничтожили и старые элитные группы, и большую часть традиционных социальных институтов, заменив их новой коммунистической партийной элитой и новыми организациями, созданными коммунистами, в которых они господствовали и распространяли формальные бюрократические инструменты власти партии и правительства вплоть до уровня деревни⁷³.

Подобным же образом новая политическая система распространила свою деятельность и на функциональные области, такие как управление экономическим производством, а также социальные и образовательные службы, которые до революции не были частью государства⁷⁴.

70. Fairbank, Resichauer, and Craig, *East Asia*, p. 896.

71. Ping-ti Ho, *Studies on the Population of China, 1368-1953* (Cambridge: Harvard University Press, 1959), p. 278.

72. Эти оценки основаны на численности *literati*, приведенной в работе: Michael, "State and Society", in *Modern China*, ed. Feuerwerker, p. 60, — а также на оценках численности населения в: Ho, *Studies on the Population of China, 1368-1953*, p. 278.

73. A. Doak Barnett, *Cadres, Bureaucracy, and Political Power in Communist China* (New York: Columbia University Press, 1967), pp. 428-429.

74. Общие данные о китайском коммунистическом режиме см. в особенности в: Barnett, *Cadres and Bureaucracy*; Franz Schurmann, *Ideology and Organization*.

После своей консолидации коммунистический Новый порядок был заметно более бюрократическим, чем Старый порядок, даже несмотря на то, что дореволюционное имперское государство было в определенном смысле необычно бюрократизированным для аграрной монархии, благодаря своему универсалистскому методу рекрутирования чиновников с помощью конфуцианской экзаменационной системы. Коммунистические руководители рекрутировались на основе новых критериев, которые придавали столько же или больше веса классовому происхождению (из угнетенных) и политическим достоинствам, чем уровню образования или техническим знаниям. Но политические критерии, в идеале, должны были применяться беспристрастным образом. К тому же, даже если рассматривать коммунистическую систему как менее бюрократическую по сравнению со Старым порядком в отношении однофакторного рекрутирования на формальные должности, она, тем не менее, была намного более бюрократической в иных отношениях. Ключевые перемены схожи с теми, которые произошли во Франции, где сопоставимые препятствия для полной бюрократизации существовали при Старом порядке. Больше количество руководящих постов в обществе, особенно на местном уровне, стали формальными, оплачиваемыми должностями с организационными иерархиями. Подобным же образом все руководящие посты, связанные с ними обязанности и прерогативы стали устанавливаться намного более беспристрастно в двух отношениях. Во-первых, они стали должностями в организациях, направленных на достижение конкретных целей, в противоположность очень широко очерченным постам с неясными, смешанными обязанностями, которые преобладали в имперско-конфуцианской системе. Во-вторых, они в куда большей мере стали действительно должностями, *отделенными* от частных интересов и собственности их обладателей, чем это было во времена империи. Чиновники более не могли легитимно объединять общественные денежные поступления и личные доходы или в качестве нормы соединять свои семейные (или клановые и местные) деловые и политические интересы с выполнением задач, поставленных партией или правительством.

Главным образом, все эти перемены означали, что локальные и региональные центры силы, которые так подорвали центральную административную и военную власть китайского Старого порядка в XIX в. и продолжали существовать после его гибели в 1911 г., были ликвидированы с подъемом коммунистического партийного государства. Дело в том, что существование этих центров силы до 1949 г. зависело от слияния политической власти и частнособственнических интересов и от неспособности китайских центральных властей контролировать распределение и деятельность государственного персонала и местных политических лидеров. Хотя провинциальные политические группировки и проблемы полного контроля над местными лидерами периодически вызывали беспокойство в Китае и после 1949 г., создание коммунистического партийного государства, в сущности, преодолело основные структурные препятствия на пути централизованной государственной власти в Китае. Потенциальные региональные боссы могли быть переведены в другой регион или уволены (что и делалось)⁷⁵, а центральные власти могли инициировать и реализовывать меры государственной политики, глубоко затрагивающие местные сообщества.

Коммунистический Китай и Советская Россия

Хотя китайский Новый порядок и разделял эти общие черты централизации, бюрократизации и большего веса в обществе и с французским, и с российским новыми порядками, в своих отличительных характеристиках он явно напоминал российский куда более, чем французский. По удачному выражению Эзры Фогеля, китайский

75. К примеру, Гао Ган, крупный партийный руководитель с прочной базой в Маньчжурии, был отстранен от власти в регионе в 1953–1955 г. См.: James Pinckney Harrison, *The Long March to Power* (New York: Praeger, 1972), pp. 467–468. Также важной темой книги Эзры Фогеля (Ezra Vogel, *Canton under Communism* (Cambridge: Harvard University Press, 1969), является влияние центральной власти и ее программ на провинцию Гуандун. А Ричард Пфеффер утверждает, что даже во время «культурной революции», когда централизованный партийно-государственный контроль был ослаблен, региональные руководители смещались либо переводились на другие посты. См.: Pfeffer, "Serving the People and Continuing the Revolution", *China Quarterly* no. 52 (October-December 1972), pp. 632–633.

коммунистический режим был «политизированной бюрократией»⁷⁶, а не рационально-легальным административным государством в рамках национальной рыночной экономики, как во Франции. То есть, как и в Советской России, все государственные организации были пронизаны партийным контролем и подлежали координации для достижения целей, поставленных руководителями партии для страны в целом. Более того, как и в России, китайское партийное государство могло проводить меры государственной политики отчасти благодаря прямым связям с населением в целом. Так было потому, что граждане были объединены в политически координируемые организации, служившие «приводными ремнями», включая представительные собрания (на всех государственных уровнях, от местного до национального), соседские и трудовые группы, массовые организации молодежи, женщин, промышленных рабочих и т. д.⁷⁷

Почему китайский Новый порядок имел куда больше сходств с российским, а не с французским порядком? Разумеется, это риторический вопрос, но все же заслуживающий ответа. В конце концов, когда я рассматривала, почему из русской революции возникло контролируемое партией государство, тогда как якобинцы потеряли власть во Франции, я подчеркивала важность современной крупной промышленности (существовавшей в России, но не во Франции). Эти отрасли промышленности создавали базу для сохранения и консолидации контроля идеологически ориентированной, мобилизующей массы партии *после* того, как она осуществила первоначальные задачи воссоздания новых государственных организаций и защиты от угроз контрреволюции. Однако если взять китайскую экономику до 1949 г., она в целом намного больше напоминала французскую конца XVIII — начала XIX в., чем уже существенно более индустриализованную экономику царской России. И экономика Франции конца XVIII в., и экономика Китая до 1949 г. были преимущественно сельскохозяйствен-

76. Ezra F. Vogel, "Politicized Bureaucracy: Communist China", in *Communist Systems in Comparative Perspective*, eds. Leonard J. Cohen and Jane P. Shapiro (New York: Doubleday (Anchor Books), 1974), pp. 160–170.

77. Fairbank, Reischauer, and Craig, *East Asia*, pp. 896–898.

но-торговыми, с преобладанием небольших производственных единиц. То, что основные формы результатов китайской революции, тем не менее, оказались намного ближе к советским, чем к французским, указывает только на важное воздействие на ход и результаты китайской революции двух групп всемирно-исторических и международных контекстуальных факторов: (1) политического влияния, оказанного на Китай ранее революционизированной Советской Россией и (2) роста возможностей в XX столетии для форсируемой государством национальной индустриализации.

Во-первых, очевидно, что на формы окончательных результатов китайской революции повлияло то, что она развилась в социальную революцию и породила революционные политические движения только *после* триумфа большевиков в России. Как мы помним, и Коммунистическая партия Китая, и Гоминьдан начали свою деятельность под патронажем Советского Союза и заимствовали ленинскую модель партийной организации. Более того, КПК на стадии зарождения также копировала опирающуюся на пролетариат и ориентированную на него революционную стратегию большевиков. Даже несмотря на то, что эта ранняя стратегия потерпела неудачу и партия оказалась в итоге отрезанной и от пролетариата, и от прямой советской опеки в сельской местности, китайские коммунисты всегда сохраняли основы ленинской партийной структуры и идеологическую верность делу «пролетарской» революции⁷⁸. Партийная организация сделала для них возможной в 1940-е гг. активную мобилизацию народной крестьянской поддержки, которая стала прочной политической базой в сельской местности и какой никогда не обладали французские революционеры. К тому же после 1949 г. организационное и идеологическое наследие ленинизма легко склонило китайских коммунистов к копированию характеристик советского режима по мере того, как они утверждали свою власть в городах и стране в целом.

78. Особенно пронизательный анализ ленинского и сталинского влияния на китайский коммунизм можно найти в работе: Roland Lew, "Maoism and the Chinese Revolution", in *The Socialist Register 1975* (London: Merlin Press, 1975), pp. 115-159.

Во-вторых, немаловажным также было то, что после 1949 г. для китайских коммунистов присутствовали и инфраструктурные возможности, и международные стимулы консолидировать партийное государство советского типа. Здесь мы должны подчеркнуть, что к середине XX в., в противоположность концу XVIII и началу XIX в., национальная автономия и могущество зависели от индустриализации. Столь же важно, что государственное управление современной крупной промышленностью, а также государственное планирование и мобилизация для дальнейшей национальной индустриализации были вполне реальными возможностями — в особенности для любого режима, пришедшего к власти в стране с *хоть какими-то* уже существующими современными отраслями промышленности. В Китае с конца XIX в. иностранные капиталисты и китайцы, жившие в договорных портах, развили некоторые современные отрасли промышленности на пограничных территориях страны, в особенности в Маньчжурии, которая вновь перешла к Китаю после поражения Японии во Второй мировой войне. К тому же существовал сталинский пример форсируемой государством индустриализации страны в сфере тяжелой промышленности. Таким образом, по всем этим причинам — поскольку КПК начала свою деятельность как пролетарская партия под советской опекой, поскольку она обзавелась массовой базой в деревне после изгнания из городов, поскольку имелись немногочисленные крупномасштабные современные производства, которые можно было взять под контроль, чтобы сформировать «командные высоты» управляемой государством экономики, и поскольку сталинская модель ускоренной индустриализации была заманчива для имитации — китайские коммунисты, когда они вернулись в города и консолидировали подлинно общенациональную политическую власть после 1949 г., *не стали* посвящать себя исключительно функциям государственных управленцев в реформированной аграрной мелкокрестьянской экономике. Напротив, в 1950-е гг. они продвигались шаг за шагом к следующим целям: распространение партийного и государственного управления на финансовые, промышленные и торговые предприятия; постановка массовых организаций горожан (рабочих, студентов, лиц свободных

профессий, потребителей) под влияние партии; проведение коллективизации сельского хозяйства; осуществление планов контролируемой государством национальной индустриализации. Более того, в первой половине 1950-х гг. китайские коммунисты действовали под прямым советским патронажем. Технические специалисты и капитальное оборудование были привезены из Советского Союза. Предполагалось, что китайцы будут платить за эту помощь экспортом сельскохозяйственной продукции и подчинением гегемонии Советского Союза в вопросах внешней политики⁷⁹.

И действительно, к середине 1950-х гг. все выглядело так, как будто бы коммунистический Китай все более становился, в институциональном плане, копией советской сталинистской системы. Без тени сомнения сталинистская стратегия национального экономического развития была воплощена в плане первой китайской пятилетки (1953–1957 гг.), ключевые цели которой были лаконично резюмированы Александром Экштейном:

Во-первых, в приоритете — приверженность достижению высоких темпов экономического роста практически год за годом, или, по крайней мере, в среднем за пять лет. Во-вторых, особый упор на прогрессе индустрии. В-третьих, ориентированная на тяжелую промышленность модель индустриализации и экономического роста. В-четвертых, высокий уровень накопления и инвестиций для достижения первых трех целей. В-пятых, индустриализация за счет сельского хозяйства. В-шестых, институциональная трансформация (т. е. коллективизация) в сельском хозяйстве и других секторах экономики, и в-седьмых — предпочтение капиталоемким методам при выборе технологий промышленного производства⁸⁰.

Чтобы осуществить эти меры, китайские коммунисты пытались копировать советские модели экономического планирования и контроля⁸¹. Были учреждены нацио-

79. Исходные данные о консолидации китайского коммунистического режима и ранних политических инициативах в 1950-е гг. см. в: Vogel, *China under Communism*, pt. II; Schurmann, *Ideology and Organization*, особенно ch. 4, pp. 371–380, 438–464.

80. Alexander Eckstein, *China's Economic Revolution* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977), p. 50–51.

81. Schurmann, *Ideology and Organization*, pp. 236–262; Stephen Andors, *China's Industrial Revolution*. (New York: Pantheon Books, 1977), pp. 53–59; Eckstein, *Economic Revolution*, pp. 50–54.

нальные министерства для планирования инвестиций в промышленность, а также надзор за распределением ресурсов и деятельностью предприятий. Особенно на крупных производствах была установлена система «единоначалия»: при ней директор фабрики нес ответственность за выполнение технических спецификаций государственного плана. В пределах самого предприятия он осуществлял контроль над всей деятельностью с помощью четко установленных, иерархических цепочек командования, а также точных процедурных правил и индивидуализированных норм выработки. Чтобы заставить эти системы индустриального планирования и контроля работать, вводились индивидуализированные и все более дифференцированные социально-экономические вознаграждения. В то же время все работающие на современных, крупных промышленных производствах обладали расширенными привилегиями по сравнению с крестьянским большинством, а также городскими и сельскими работниками мелких промышленных или торговых предприятий. В 1950-е гг. в этих секторах проводилась коллективизация, но их роль в рамках существующего государственного экономического плана могла состоять только в том, чтобы производить добавочные экономические ресурсы, подлежащие направлению в привилегированный городской сектор тяжелой промышленности.

Но с 1957 г. фундаментальные основы политики китайских коммунистов претерпели трансформацию. Еще до конца первой пятилетки китайское коммунистическое руководство стало приходить к выводам о том, что политика в советском стиле не подходит для условий Китая. В ходе ожесточенных дискуссий был выработан предварительный новый консенсус в пользу более сбалансированных планов развития, которые делали бы упор на рост сельского хозяйства, а также сельских и потребительских отраслей промышленности⁸². Более того, к началу 1960-х гг. китайско-советский альянс распался. Советская помощь и технические специалисты были

82. См.: Eckstein, *Economic Revolution*, pp. 54–56; C. K. Yeh, “Communist Chinese Industrialization Strategies”, in *Soviet and Chinese Communism: Similarities and Differences*, ed. Donald W. Treadgold (Seattle: University of Washington Press, 1967), pp. 327–363.

отозваны из Китая, и китайцы начали проводить свою внешнеполитическую линию, враждебную Советскому Союзу, и развивать свой собственный независимый ядерный потенциал.

Как раз в тот момент, когда произошла эта фундаментальная переориентация, руководители китайских коммунистов также разошлись в вопросе о том, насколько в развитии страны следует полагаться на массовую политическую мобилизацию и дополняющие ее политические меры по уменьшению неравенства между городским и сельским сектором, между руководителями и подчиненными и между различными слоями населения. Дело в том, что когда китайские коммунисты впервые предприняли переориентацию экономической политики в конце 1950-х гг., ряд лидеров, включая Мао Цзедуна, подталкивали не только к большему упору на развитие сельского хозяйства. Они также призывали к большей опоре на мобилизацию руководством партии усиленного народного, особенно крестьянского, участия в усилиях по развитию экономики, а следовательно — к модификации организационных структур и системы вознаграждений, которые способствовали бы такому подходу. Первое испытание такого подхода с треском провалилось во время «Большого скачка» в 1958–1960 гг. Вследствие этого в течение 1960-х гг. шла ожесточенная борьба за выбор мер государственной политики. В самых общих чертах: были «маоисты», которые хотели продвигаться вперед с помощью ориентированных на сельскую местность и мобилизацию масс стратегий развития, распространяя их также на городскую промышленность и высшие учебные заведения. И были также сторонники Лю Шаоци, желавшие возвращения к стратегиям развития, ориентированным на город, образованную элиту и бюрократическое администрирование. Сельское хозяйство предполагалось стимулировать дополнительными капиталовложениями и привилегиями для более эффективных крестьянских производителей. Только после того, как кульминацией внутривластной борьбы стали поощряемые маоистами массовые бунты (и временное господство в политической жизни Народно-освободительной армии), в ходе «Великой пролетарской культурной революции»

1965–1968 гг. эта борьба на время разрешилась, в основном в пользу маоистской линии⁸³.

Сейчас, десять лет спустя⁸⁴, многие лидеры, ранее подвергшиеся чисткам со стороны маоистов, явно снова возвращаются к власти и модифицируют многие из мер государственной политики, введенных во время культурной революции. Тем не менее, при всей нестабильности руководства и акцентов государственной политики, с конца 1950-х гг. (и до сих пор) не было какого-либо возврата к прямой имитации сталинистских моделей или тесному альянсу с Советским Союзом. Среди китайских коммунистов скорее шла борьба вокруг различных стратегий и тактик специфического китайского революционного пути. Борьба в китайском руководстве также не пошла по той траектории, как борьба среди большевиков в 1920-е гг.: в Китае не было такой катастрофической развязки, как триумф сталинизма в России⁸⁵. Группировки в руководстве подвергались чисткам (были отстранены от власти и подвергнуты унижениям, но не убиты) и снова впоследствии возвращались в политику. Тенденции в государственной политике менялись, прежние свершения отбрасывались, но никогда полностью не уничтожались в последующие периоды. Из всей этой борьбы в руководстве и перемен политической линии в Китае после 1957 г. возникла стратегия национального развития, способы политической координации и руководства, а также формы социальной стратификации, совершенно отличные не только от возникших в результате французской революции (что очевидно), но также и от таковых в России. Рассмотрим более детально эти результаты китайской революции.

83. Об этих «двух линиях» см.: Stuart R. Schram, "Introduction: the Cultural Revolution in Historical Perspective", pp. 1–109; Jack Gray, "The Alternative Strategies of Social Change and Economic Growth in China", pp. 109–157, обе в *Authority, Participation and Cultural Change in China*, ed. Schram (Cambridge: Cambridge University Press, 1973).

84. Книга была написана в 1979 году. — *Прим. ред.*

85. На страницах 305–309 моей более ранней статьи «Old Regime Legacies and Revolutions in Russia and China» (*Social Forces* 55:2 (December 1976)) я ошибочно провела слишком близкую параллель между динамикой и траекториями борьбы среди руководства в Советской России после 1921 г. и в коммунистическом Китае после 1949 г.

жан в сельскую местность, но и адаптации современных технологий и знаний к потребностям и возможностям села. Соответствующие меры включали создание «технологий среднего уровня» для местной промышленности, широкомасштабных, упрощенных программ подготовки работников без высшего образования (такие как программа «босоногих врачей») и создание национальной образовательной системы, которая обеспечивает начальное и сельскохозяйственно-ориентированное среднее образование в деревнях⁸⁸.

В ходе таких программ национального развития коллективизированное сельское хозяйство в Китае стало динамичным сектором, который продуктивен сам по себе и поддерживает сопутствующий прогресс местной промышленности и социальных служб. Китайские коммунисты *не использовали* коллективизацию и структуры партийного государства просто как средство экспроприации прибавочного продукта сельского хозяйства или насаждения бюрократического контроля над жизнью села. С начала 1960-х гг. базовой единицей производства и отчетности в китайском сельском хозяйстве является местная «бригада», единица коллективной собственности, планирования и труда, соответствующая небольшой деревне или микрорайону в большом селе и состоящая примерно из 20 крестьянских домохозяйств⁸⁹. Бригадами управляют не получающие заработную плату государственные бюрократы, а выборные местные лидеры, работающие бок о бок с другими крестьянами. В свою очередь, занятые неполный рабочий день кадры «бригад» ответственны за координацию планов бригад и мобилизацию

88. О «технологиях среднего уровня» см.: Jon Sigurdson, "Rural Industry and the Internal Transfer of Technology", in *Authority and Participation*, ed. Schram, pp. 199–232. Об образовании см.: Richard D. Barendsen, "The Agricultural Middle School in Communist China", in *China Under Mao: Politics Takes Command*, ed. Roderick MacFarquhar (Cambridge: MIT Press, 1966), pp. 304–332; Pfeffer, "Serving the People", pp. 639–645; John Gardner and Wilt Idema, "China's Educational Revolution", in *Authority and Participation*, ed. Schram, pp. 257–289. О программе «босоногих врачей» см.: Victor W. Sidel and Ruth Sidel, "The Delivery of Medical Care in China", *Scientific American* 230:4 (April 1974), pp. 19–22.

89. Byung-joon Ahn, "The Political Economy of the People's Commune in China: Changes and Continuities", *Journal of Asian Studies* 34:3 (May 1975), p. 637. Мой анализ организации коллективного сельского хозяйства и местных сельских властей базируется на этой статье в целом.

Сбалансированная стратегия национального развития

В противоположность чрезмерно одностороннему упору на быструю урбанизацию и тяжелую промышленность в сталинской России, коммунистический Китай выработал полноценные стратегии экономического развития. Инвестиции в крупные, технологически продвинутые отрасли промышленности продолжались. Но больший упор был сделан на поощрение развития сельского хозяйства и рост малой и средней региональной промышленности, которая должна была обслуживать потребителей-крестьян, производить продукцию (например, удобрения, электричество, орудия), применимую в сельском хозяйстве, и перерабатывать местные ресурсы и сельскохозяйственную продукцию⁸⁶. Применялись административные средства для контроля над урбанизацией, сдерживания ее темпов на уровне ниже темпов экономического роста и для направления большей части урбанистического развития в малые города и городки, а не в крупнейшие мегаполисы. Следовательно, по словам Джона Сигурдсона,

...миграция из сельской местности — и внутренняя утечка мозгов, — которая была крайне очевидной в 1950-е гг., была в целом обращена вспять... Со времен «культурной революции» на сельскую местность воздействовали два потока обратной миграции.

Во-первых... от значительного количества учеников городских средних школ потребовали переселиться, на более или менее постоянной основе, в сельскую местность...

Во-вторых, в процессе создания различных инфраструктурных служб очень большое количество представителей свободных профессий (учителей, администраторов, врачей и иного медицинского персонала) было направлено в сельскую местность⁸⁷.

Более того, в коммунистическом Китае были разработаны способы не только отправки образованных горо-

86. См.: Eckstein, *Economic Revolution*, pp. 58–63; Carl Riskin, “Industry and the Chinese Model of Development”, *China Quarterly*, no. 46 (April–June 1971), pp. 245–273; Jon Sigurdson, *Rural Industrialization in China* (Cambridge: Harvard University Press, 1977).

87. Sigurdson, *Rural Industrialization*, pp. 28–29.

Можно также провести сопоставление с Францией, где крестьяне после революции по большей части остались незащищенными государством от превратностей развития рыночной экономики страны. В выигрыше остались те регионы сельскохозяйственной Франции и привилегированные индивиды, которым благоприятствовали рыночные условия, тогда как остальные переживали стагнацию или потеряли вообще все⁹¹. В коммунистическом Китае также существуют важные различия в плане богатства и уровня развития, особенно между различными населенными пунктами и регионами в сельской местности⁹². Но, по крайней мере, наличие коллективов, связанных с партией-государством и периодически мобилизуемых ею, означает, что практически все крестьянские сообщества и семьи могут быть включены в развитие сельского хозяйства, достигая при этом существенного роста уровня доходов и благосостояния⁹³.

Политическая координация, массовая мобилизация и эгалитаризм

Коммунистический Китай выработал особый подход не только к национальному экономическому развитию; его модели лидерства в организациях и обществе в целом также отличаются от крайне централизованных и формализованных иерархий контроля, характерных для советской сталинистской системы. Два аспекта этих китайских моделей заслуживают внимания. Во-первых, китай-

91. О французских крестьянах в XIX в. см.: Theodore Zeldin, *France: 1848-1945*, vol. 1, *Ambition, Love, and Politics* (London: Oxford University Press, 1973), ch. 9; Maurice Agulhon, Gabriel Désert, and Robert Specklin, *Histoire de la France Rurale*, vol. 3, *Apogée et Crise de la Civilisation Paysanne, 1789-1914* (Paris: Editions du Seuil, 1976).

92. Эти виды неравенства и их причины выступают предметом исследования в: Audrey Donnithorne, "China's Cellular Economy: Some Economic Trends Since the Cultural Revolution", *China Quarterly* no. 52 (October-December 1972), pp. 505-519.

93. Выиграли даже территории, которые прежде были крайне маргинальными и приходили в упадок, как это продемонстрировано в исследовании бедной деревни в Гуандуне, проведенном Ричардом Мэдсенем. См.: Richard Madsen, "Revolutionary Asceticism in Communist China: Social Causes and Consequences of Commitment to the Maoist Ethos in a South China Village" (PhD dissertation, Department of Sociology, Harvard University, April 1977).

людских ресурсов для индустриальных и инфраструктурных проектов. Конечно, руководители больших и малых бригад подвергаются воздействию сверху. Партия непосредственно достигает бригадного уровня, и базовой единицей государственной администрации в сельском коммунистическом Китае является коммуна, соответствующая традиционной рыночной территории. Работающие на полную ставку оплачиваемые чиновники на этом уровне осуществляют надзор за выполнением производственных планов, согласованных государством и представителями мест, и координируют социальные и занятые развитием сельского хозяйства службы, а также управляют промышленными предприятиями, находящимися в собственности коммуны. Крестьянские производители обязаны сдавать зерно государству в виде налогов и продавать его по фиксированным ценам. Они также вносят средства для выполнения функций коммуны и бригады. Тем не менее примечательной особенностью китайских местных властей является децентрализация функций руководства и свобода действий для руководителей коллектива, бригады и коммуны по сохранению и реинвестированию прибавочного продукта, созданного местными сельскохозяйственными и промышленными предприятиями. В результате китайские крестьяне часто могут наблюдать прямую связь между политически направляемыми коллективными проектами и благосостоянием их собственных семей и деревень. Как и русские крестьяне после коллективизации, китайские сохранили частные семейные земельные участки и очень продуктивно их используют. Но, благодаря всем видам материальной поддержки сельского хозяйства со стороны государства и использованию местных, крестьянских организаций, коллективное сельское хозяйство в Китае (в отличие от того, что с ним произошло в Советском Союзе) стало экономически продуктивным и в социальном плане жизненно важным для крестьян и китайского коммунистического общества в целом⁹⁰.

90. См.: Byung-joon Ahn, "The Political Economy of the People's Commune in China: Changes and Continuities", pp. 657-658; Eckstein, *Economic Revolution*, pp. 206-213; Sterling Wortman, "Agriculture in China", *Scientific American* 232:6 (June 1975), pp. 13-21.

Во-вторых, в отличие от полного возвращения к контролю над работниками производства со стороны профессиональных специалистов и авторитарных управленцев, имеющих в своем распоряжении индивидуально дифференцированные штрафные санкции, как это было в Советском Союзе, в Китае повторяются попытки применения в сельских и городских учреждениях методов коллективной политической мобилизации в духе «линии масс»⁹⁷. Политическое давление сверху на действующих лидеров организаций, по-видимому, является необходимым при таких попытках, поскольку управленцев, закрепившихся на своих местах политических руководителей и технических специалистов, приходится подталкивать к тому, чтобы они отказывались от своих привилегий в плане вознаграждений и от власти, чтобы «слиться» с простыми рабочими. Идея заключается в том, что авторитарные и высоко стратифицированные формы контроля над рабочими могут вызвать их отчуждение, препятствуют полной отдаче всех их сил и умений, поэтому, если эти барьеры будут устранены при помощи руководства в стиле «линии масс», результатом будет ускоренное социальное и экономическое развитие⁹⁸. Эта «маоистская» философия лидерства ни в коей мере не была постоянно доминирующей на производстве в Китае. Но от «большого скачка» до мобилизаций на производственные проекты в деревнях, до управленческих комитетов, включающих представителей рабочих, созданных на многих пред-

97. См. два недавних исследования «линии масс» и политической мобилизации в Китае: Victor G. Nee, "Community and Change in Revolutionary China" (PhD dissertation, Department of Sociology, Harvard University, April 1977); Charles P. Cell, *Revolution at Work: Mobilization Campaigns in China* (New York: Academic Press, 1977). В книге Селла дается обзор основных кампаний и проверяются гипотезы об их эффективности. Селл приходит к выводу о том, что мобилизация масс, особенно в ходе экономических кампаний, оказалась эффективной стратегией достижения социальных перемен в Китае.

98. Рациональность «маоистского» стиля руководства хорошо показана Мартином Кингом Уайтом в его работах: Whyte, "Bureaucracy and Modernization in China: The Maoist Critique", *American Sociological Review* 38:2 (April 1973), pp. 149-163; Whyte, "Iron Law versus Mass Democracy: Weber, Michels, and the Maoist Vision", in *The Logic of 'Maoism': Critiques and Explication*, ed. James Chieh Hsiung (New York: Praeger, 1974), pp. 37-61.

ская стратегия «сбалансированного» экономического развития страны поощряет координацию и ответственное руководство на местном и провинциальном уровнях в той же степени, что и на национальном. Невозможными оказались планирование и контроль всех проектов в соответствии с детальными схемами и процедурами, которые спускаются вниз центральными министерствами. Вместо этого значительная ответственность за создание мелких и средних промышленных предприятий и управление ими, а также за социальные службы и развитие сельского хозяйства было делегировано местным и региональным руководителям «низшего уровня». Процедуры планирования, особенно направленные на координацию экономической деятельности на данных территориях, являются гибкими, с акцентом не на выполнение детальных указаний сверху, а на большую адаптацию местных ресурсов и согласованные действия по их использованию для выполнения задач, сформулированных в рамках общенациональных целей⁹⁴. Очевидно, что такие децентрализованные модели руководства и планирования крайне важны для развития связей между сельским хозяйством и промышленностью⁹⁵. Также необходимо отметить, что даже в крупных промышленных организациях от попыток установить единоличное управление в советском стиле отказались после середины 1950-х гг. в пользу различных форм совещательного управления. Это произошло отчасти потому, что новые формы лучше подходили для координации разнородных усилий и обменов внутри предприятия, а также между предприятием и его средой, тогда как единоличное управление концентрируется преимущественно на подчинении продиктованным из центра планам в соответствии с заранее сложившимися формальными, точно определенными процедурами⁹⁶.

94. Обзоры см. в: Marianne Bastid, "Levels of Economic Decision-Making", in *Authority and Participation*, ed. Schram, pp. 159-197; Peter Schran, "Economic Management", in *China: Management of a Revolutionary Society*, ed. John M. Lindbeck (Seattle: University of Washington Press, 1971) pp. 193-220.

95. См.: Sigurdson, *Rural Industrialization*, pp. 7-10, 35-42, ch. 3, особенно pp. 115-117; Donnithorne, "China's Cellular Economy".

96. Andors, *Industrial Revolution*, ch. 3, passim; Schurmann, *Ideology and Organization*, pp. 263-308.

Важнейшая роль партии в Китае, даже по сравнению с другими коммунистическими странами, усиливалась тем, что партия шла намного дальше управления и надзора над другими политическими организациями и постоянно вмешивалась в государственное управление как таковое... Во многих случаях и во многих сферах партия не просто контролировала ход дел, но вмешивалась и сама управляла ими¹⁰².

Наконец, необходимо прокомментировать те формы стратификации, которые возникли в Китае с 1950-х гг. По сравнению не только со сталинской Россией, но и с капиталистическими промышленными странами, коммунистический Китай является относительно эгалитарным. В Китае были предприняты согласованные усилия по стабилизации или уменьшению неравенства доходов и статуса среди слоев наемных работников, между трудящимися города и села и между руководителями и подчиненными.

Статистика распределения доходов демонстрирует часть этой картины. Согласно Александру Экштейну, после 1951 г. в Китае существенно сократилось расхождение в доходах горожан и сельских жителей, поскольку закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию выросли намного большими темпами, чем цены на промышленную продукцию, реализуемую в сельской местности, а также поскольку реальный рост заработной платы в промышленности был «лишь незначительным между 1957 и 1972 гг.»¹⁰³. В самом же городском промышленном секторе Китая, по оценкам Экштейна, различия в ставке заработной платы между фабричными рабочими различных категорий квалификации были сходны с таковыми во многих современных развитых и развивающихся странах (хотя, как я бы отметила, она была значительно более эгалитарной, чем дифференциация ставок заработной платы в Советском Союзе в 1930-е гг.). Однако необходимо рассматривать весь диапазон заработной платы, от простых работников до высших управленцев и лиц свободных профессий. Китай — с диапазоном от 10 к 1 (или, если рассматривать

102. Barnett, *Cadres and Bureaucracy*, p. 430.

103. Eckstein, *Economic Revolution*, p. 303.

приятнях во время «культурной революции» и после нее, она повлияла и оставила свой глубокий след⁹⁹.

Крайне важным сопутствующим результатом этих моделей лидерства в коммунистическом Китае выступало то, что, по сравнению с Россией, намного большая заслуга принадлежала организованному политическому руководству как таковому. Это справедливо вне зависимости от того, осуществлялось ли руководство Коммунистической партией или политизированной Народно-освободительной армией в ходе культурной революции (которая временно взяла на себя роль партии после того, как ее собственная организация была разрушена). В сталинской России Коммунистическая партия Советского Союза имела тенденцию к вырождению в элитный клуб руководителей, чья власть базировалась на их функциональных позициях как управленцев, государственных бюрократов и профессиональных специалистов¹⁰⁰. Причина этого заключалась в том, что реальная власть в советском обществе сконцентрировалась в руках централизованных бюрократий и организационных элит по принципу единоначалия. Партии ничего не оставалось, кроме надзора и обеспечения единства и лояльности бюрократического правящего слоя. В коммунистическом Китае, напротив, политические кадры и комитеты имели общие функции, такие как выработка политического курса и, в особенности, координация при осуществлении мер государственной политики, которые в Советской России были максимально монополизированы министерствами центрального правительства¹⁰¹. К тому же в Китае продолжали осуществляться периодические попытки идеологически ориентированной мобилизации масс, т.е. речь идет о стиле лидерства, для которого ключевым является политическое, а не бюрократическое руководство. В целом, как отмечает А. Доук Барнетт:

99. О влиянии «маоизма» на управление заводами см.: Andors, *Industrial Revolution*, особенно chs. 4, 7–8 и заключение.

100. T. H. Rigby, *Communist Party Membership in the U.S.S.R., 1917–1967* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968), ch. 6.

101. Shurmann, *Ideology and Organization*, chs. 2–5. На протяжении всех этих глав проводятся явные противопоставления практике Советского Союза.

этого все выпускники должны были идти на производство или в сельское хозяйство, а местным сообществам и производственным единицам предоставлялось финальное слово при отборе студентов в университеты. Это была примечательная попытка пресечь социальное воспроизводство университетских элит, практически полностью пополняемых из образованных, городских семей, оторванных от реалий труда на производстве, заводах и в деревнях.

Конечно, было бы ошибкой истолковывать что-либо из вышеперечисленного как свидетельство того, что неравенство статуса и власти, а тем более доходов, были когда-либо устранены в Китае. Прежде всего, радикальные меры, такие как введенные во время «культурной революции», всегда сворачивались (хотя редко полностью отменялись) в последующие периоды. В данном аспекте важнее то, что даже на пике маоистского эксперимента (со стороны могущественных лидеров Китая) никогда не существовало сколько-нибудь серьезного намерения действительно устранить неравенство. Напротив, как утверждает Мартин Уайт, коммунистический эгалитаризм может быть наилучшим образом понят как нацеленный на максимально полное вовлечение всего народа в развитие страны посредством мер, предназначенных «приглушить последствия» существующего неравенства. Он пишет:

Отличительная особенность китайского эгалитаризма... не столько в сокращении или устранении неравенства доходов, власти и образовательных навыков, хотя кое-что из этого имело место, сколько в попытке приглушить последствия действительно существующего неравенства в таких аспектах, как стиль жизни, модели потребления и различия между индивидами. Люди, занимавшие высокие посты, в Китае рассматривались как имеющие право на некоторые различия в вознаграждениях и власти, но в то же время выставление напоказ своей власти или демонстративное потребление были запрещены. Таким образом, речь о согласованных усилиях по ослаблению субъективного воздействия, которое существующее неравенство могло оказывать на инициативу и преданность неимущих, во имя которых велась революционная борьба¹⁰⁷.

107. Whyte, "Inequality and Stratification", p. 695.

крайне экстремальные случаи, до 20 к 1) — выглядит намного более эгалитарным, чем Россия в 1934 г., где диапазон (сопоставимый с цифрами 10 к 1 для Китая) составлял 29 к 1, и чем Индия (30 к 1) или Соединенные Штаты (до 50 к 1) сегодня¹⁰⁴. Более того, Экштейн указывает, что в Китае реальная разница в доходах еще меньше, чем в Соединенных Штатах или Индии, поскольку предметы первой необходимости нормированы и стоят дешево, а доступ к предметам роскоши крайне затруднен. К тому же в коммунистическом Китае элиты по большей части не имели специальных бонусов или привилегий в потреблении, сопоставимых с теми, что щедро сыпались на управленцев, партийных руководителей и привилегированных рабочих в сталинской России.

Помимо стремления контролировать или сокращать разницу в доходах, были также атаки на неравенство социального престижа и власти, особенно в годы сразу после культурной революции, когда были установлены (или полностью реализованы после прошлых пробных попыток) многие поразительные меры¹⁰⁵. Были отменены знаки различия в униформе Красной армии. «Интеллектуалов, офисных работников и партийных чиновников периодически отправляли заниматься физическим трудом...», а от управленцев на производстве, инженеров и руководителей коммун «регулярно требовалось заниматься физическим трудом бок о бок с рабочими и крестьянами, которыми они руководили»¹⁰⁶. Фабричные комитеты, включавшие в себя представителей рабочих, получили управленческие полномочия на промышленных предприятиях. Возможно, самым необычным было то, что был приостановлен прямой доступ к высшему образованию на основе экзаменационной конкуренции выпускников средних школ. Вместо

104. Eckstein, *Economic Revolution*, pp. 299–301. О России в 1934 г. см.: Leonard Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*, 2nd ed., rev. and enlarged (New York: Vintage Books, 1971), p. 465; Шапиро Л. *Коммунистическая партия Советского Союза*. London: Overseas Publications Interchange Limited, 1990.

105. Обзоры см. в: Martin King Whyte, "Inequality and Stratification in China", *China Quarterly* no. 64 (December 1975), pp. 684–711; Pfeffer, "Serving the People", pp. 635–653.

106. Whyte, "Inequality and Stratification", pp. 695–696.

тайские коммунисты с такой готовностью стремились к воплощению стратегии советского типа, делающей упор на тяжелой промышленности, может в большой степени объясняться тем, что они неожиданно снова получили современные промышленные предприятия (хотя и поврежденные в ходе военных действий), которые ранее находились на оккупированных врагом территориях. Со сравнительно небольшими капиталовложениями и управленческим опытом такая промышленность могла быть быстро восстановлена до довоенного (и даже до несколько более высокого) уровня¹⁰⁸. Но как только коммунисты таким образом восстановили промышленность Маньчжурии и прибрежных центров, они стали достигать пределов экономики, очень отличающейся от той, с которой столкнулись русские коммунисты в 1920-е гг.¹⁰⁹ Хорошо развитая база тяжелой промышленности имела только в Маньчжурии. В других центрах современная промышленность в целом была намного меньше развита, преобладала легкая промышленность и торговые предприятия. Еще более решающим фактором было то, что сельская экономика Китая обладала характеристиками, радикально отличавшими ее от сельского хозяйства России. Китайское сельское хозяйство стало между 1400 и 1900 гг. максимально продуктивным, насколько могло стать при данных традиционных технологиях, социальной структуре и имеющихся земельных площадях. К тому же население Китая устойчиво росло с 1700 г., пока практически не сравнялось с возможностями развития аграрного сектора примерно с 1850 г. и далее¹¹⁰. Более того, большая часть китайской экономической жизни оставалась вплоть до 1949 г. ориентированной на хорошо развитые региональные и локальные сети торговли и немеханизированного производства на рыночных территориях¹¹¹.

108. Perkins, "Growth and Changing Structure", in *China's Modern Economy*, ed. Perkins, p. 147.

109. Это является главной темой работ: Ibidem; Harry Magdoff, "China: Contrasts with the U.S.S.R.", *Monthly Review* 27 (July-August 1975), pp. 12-57.

110. См.: Dwight H. Perkins, *Agricultural Development in China, 1368-1968* (Chicago: Aldine, 1969); Ho, *Population: 1368-1953*.

111. William Skinner, "Marketing and Social Structure in Rural China (Part 11)", *Journal of Asian Studies* 24 (February 1965), pp. 195-228.

Но все же в сравнительном плане эгалитаризм коммунистического Китая представляется весьма примечательным. Это было бы верно, даже если повторяющиеся «маоистские» призывы к дальнейшему уравниванию и более глубокой мобилизации масс окончательно прекратились бы со смертью Мао Цзедуна. Поскольку факт состоит в том, что ни во Франции, ни в России в десятилетия, последовавшие сразу же за консолидацией революционной государственной власти, не было тенденций к экономическому или социально-политическому уравниванию. В этом отношении с середины 1950-х до середины 1970-х гг. Китай действительно стоит особняком.

Причины своеобразия результатов революции в Китае

Если результаты китайской революции (особенно по сравнению с российской коммунистической системой) были своеобразными в различных отношениях, рассмотренных выше, то возникает очевидный вопрос: *почему?* Исходя из аналитической перспективы, представленной в этой книге, наиболее фундаментальное объяснение кроется в условиях и возможностях, на которые реагировали лидеры китайских коммунистов в соответствии со своими политическими способностями, когда к середине 1950-х гг. они консолидировали государственную власть и контроль над обществом и национальной экономикой. Три группы факторов были особенно важны: экономическое наследие Старого порядка; стратегические реалии эпохи после Второй мировой войны и особые политические возможности, аккумулированные Коммунистической партией Китая во время ее борьбы за власть, особенно в отношении крестьянства. Взятые вместе, они объясняют, почему китайский новый порядок развивался именно так, а не иначе, особенно с конца 1950-х гг. и далее.

Во-первых, экономическое наследие Китая до 1949 г. помогает объяснить, почему китайские коммунисты отказались от планов развития в сталинистском духе всего лишь через несколько лет после того, как были предприняты первые усилия на этом пути. Тот факт, что ки-

ми, в то время как Китай ощущал угрозу из-за американской интервенции в Корее и искал советской поддержки в попытках присоединить Тайвань. Более того, отклонение китайских планов развития от советской модели создало дополнительные трения между двумя странами.

Решающий разрыв между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом стал следствием намерений Китая развивать свой собственный ядерный потенциал — высший символ и основу независимой, стратегической военной мощи страны в эпоху после Второй мировой войны¹¹³. Однако интересный момент здесь не в том, что китайско-советский альянс распался из-за этого, но в том, что благодаря особой природе ядерного оружия Китай *мог* разрабатывать такое оружие. Это подразумевало отказ от военной протекции со стороны Советского Союза в то время, когда американский империализм осуществлял экспансию в Азии, несмотря на то, что Китай также реализовывал стратегию национального экономического развития, *не столь* ориентированную исключительно на рост тяжелой промышленности. Безусловно, это смелое сочетание инициатив около 1960-х гг. стало возможным для китайских коммунистов только потому, что ядерное оружие требует сравнительно небольших экономических и индустриальных инвестиций по сравнению с оснащением больших сухопутных армий сложными механизированными вооружениями и защитой с воздуха. Последнее было стратегическим императивом для Советского Союза в 1930-е гг. и, как мы видели, оказало мощное влияние на выбор того, что необходимо для национального экономического развития. Но китайские коммунисты в стратегической ситуации после Второй мировой войны могли по меньшей мере учитывать возможность сделать ставку на военный аналог экономической политики «хождения на двух ногах». Они могли интенсивно вливать ресурсы в развитие потенциала ядерного сдерживания и в то же время сохранять большую, немодернизированную Народно-освободительную армию, чьи

113. На мои рассуждения об этом сильное влияние оказала работа: Franz Schurmann, *The Logic of World Power* (New York: Pantheon, 1974), pt. 11.

Таким образом, в плане препятствий китайские коммунисты столкнулись с ситуацией, когда даже самые жестокие методы эксплуатации крестьянского сельского хозяйства ради развития тяжелой промышленности в городах не сработали бы так, как в России после 1928 г. Причина — в том, что унаследованная ими промышленная база в качестве основы для дальнейшего строительства была намного более узкой, чем в Советском Союзе, тогда как объективные препятствия к форсированию резкого роста сельскохозяйственного производства и поставок на рынок были намного более внушительными, чем в России. На самом деле инвестициям в сельскохозяйственное развитие и в отрасли промышленности, ориентированные на сельское хозяйство, одновременно с проведением индустриализации в сфере тяжелой промышленности было мало альтернатив.

Кроме того, если рассмотреть позитивную сторону дела, то экономическая жизнь Китая всегда кипела именно на местах и в регионах. Крестьяне традиционно участвовали в экономических и социальных отношениях за пределами своих деревень и привыкли следовать руководству образованных не-крестьян в местных организациях и проектах. Процветающие системы взаимосвязей между немеханизированными производствами и сельским хозяйством уже существовали во многих сельских местностях. Одним словом, после 1949 г. возможности способствовать экономическому развитию села (и, конечно, «модернизировать» его) манили к себе, от нового режима требовалась лишь надлежащая политическая воля и организационные средства.

Во-вторых, на развитие китайского коммунистического режима также оказали влияние международные отношения и стратегические условия. В советско-китайском альянсе 1950-х гг. всегда присутствовала напряженность¹¹². В конце концов, китайские коммунисты пришли к власти вполне самостоятельно, и советская гегемония их раздражала. Советский Союз стремился к мирному сосуществованию с Соединенными Штата-

112. Fairbank, Reischauer, and Craig, *East Asia*, pp. 919–921; Harrison, *Long March*, pp. 480–481.

цев; напротив, социальная революция пришла в китайское село только под защитой Красной армии и местных коммунистических лидеров. Земельная революция свершилась в Северном Китае на последних стадиях гражданской войны между коммунистами и националистами и затем распространилась на Южный Китай в начале 1950-х гг., после того как коммунисты добились власти во всей стране. На обоих этапах этот процесс имел важные политические последствия и сопровождался изменениями. Помещики и поддерживающие их институты были смещены только после того, как коммунистические кадры проникли в каждую деревню, организовали бедных крестьян и середняков в ассоциации, рекрутировали лидеров для этих ассоциаций из среды самих местных крестьян, чем в итоге стимулировали крестьян к атаке на помещиков (а также на богатых крестьян). Следствием было не только перераспределение крупных земельных владений и прочей собственности среди крестьян; вдобавок к этому на местном уровне возникли новые лидеры и крестьянские политические институты, пришедшие на смену старым учреждениям (включая кланы), в которых доминировали помещики. Поэтому Коммунистическая партия Китая, разумеется, получила от этого огромную выгоду. Ситуация не походила на ту, которая сложилась в России после самостоятельных крестьянских восстаний 1917 г., когда крестьянские общины стали более отрезанными от внешнего влияния, чем когда-либо, оставив большевиков без прочной базы на селе и надежных способов обрести ее в будущем. В Китае после земельной революции крестьянские сообщества были организационно привязаны к коммунистическому партийному государству. Революционизированные деревни были полны старых и новых семей крестьян-середняков, получивших прямую выгоду от перераспределения земель, организованного коммунистами. Ими управляли новые организации, возглавляемые местными крестьянскими кадрами, которые либо сами были членами партии, либо привыкли сотрудничать с коммунистами.

После 1949–1952 гг. такие сельские кадры стали для коммунистического партийного государства бесценным источником низовой поддержки и руководства, к которому оно обращалось в ходе социалистической мобили-

возможности по организации децентрализованного партизанского сопротивления в огромной стране (как можно было надеяться) сдерживали бы любых потенциальных агрессоров. Наконец, когда разрыв между Китаем и Советским Союзом стал окончательным и Соединенные Штаты прекратили эскалацию своей военной активности в Азии, китайские коммунисты могли воспользоваться международным стратегическим положением по-новому: противопоставляя одну сверхдержаву, США, другой — СССР. Ни один из данных аргументов не подразумевает, что в международном положении после окончания Второй мировой войны что-либо стимулировало Китай к такому развитию, которое имело место после середины 1950-х гг. Но, размышляя в категориях сравнения с положением России в европейской системе государств после Первой мировой войны, действительно обоснованным выглядит утверждение, что китайцы столкнулись с ситуацией, которая *позволила* им развиваться по-другому, в той мере, в какой внутренние экономические условия и в особенности аккумулированные политические возможности их партийного государства поощряли их это делать.

И наконец, в-третьих, ни один фактор не был важнее аккумулированных партией политических возможностей, подталкивающих китайских коммунистов реализовать их ориентированные на сельское хозяйство, относительно партиципаторные и эгалитаристские подходы к развитию страны, которые стали отличительным признаком Китая при Новом порядке. Прежде всего, решающим значением обладала уже развитая связь между Коммунистической партией Китая и крестьянством. Когда китайские коммунисты в 1950-е гг. полностью консолидировали власть партийного государства и предприняли меры по развитию страны, они имели огромное преимущество, которого не было у большевиков в 1920-е гг. — непосредственные политические связи с крестьянскими деревнями.

Следует помнить, что китайские крестьяне исторически были связаны с землевладельцами-джентри и подчинялись им в пределах местных (рыночных) сообществ. Крестьяне не могли самостоятельно свергнуть экономическую и местную политическую власть землевладель-

задействуя и расширяя свою уже существующую политическую базу в сельской местности. Это, в свою очередь, позволило полагаться на рост сельского хозяйства и развитие села (и активно оформлять их), включив их в стратегию форсируемого государством развития страны. Так уникальная связь, изначально сформировавшаяся между коммунистами и крестьянами в ходе завершения и консолидации китайской социальной революции, впоследствии создала партийному государству особые возможности по мобилизации крестьян для активного участия в социалистических преобразованиях.

Подобным образом она создала постоянную тягу к реализации и поддержанию относительно сбалансированной и эгалитарной политики национального развития. Поскольку даже если крестьян можно было путем убеждения вовлечь в развитие страны имеющимися в арсенале политико-организационными средствами, на самом деле они не откликнулись бы, не видя для себя реальных выгод в будущем. Чтобы активировать их потенциал в сфере политики, китайским коммунистам пришлось делать именно то, что они делали — способствовать инвестициям в сельское хозяйство, сельскую промышленность и социальные службы, поднимать крестьян к национальным стандартам в образовании, здравоохранении и потреблении, одновременно не позволяя более современным городским анклавам сильно увеличить свое превосходство. В свою очередь, реализация такой государственной политики зависела от ответственного и активного местного политического руководства и постоянно возобновляющейся коллективной мобилизации. Без такой политики и форм руководства вовлечение крестьян методом убеждения не было бы успешным. С ними Китай в целом мог двигаться вперед, возможно, медленно и с повторяющимися неурядицами, но, тем не менее, демонстрируя замечательный общий прогресс в экономическом развитии и достижении социального равенства.

Таким образом, в Китае, как и во Франции и России, результаты революций очень сильно зависели от свершений крестьянства и его связи с осуществляющим государственное строительство руководством, которое консолидировало революцию. В России крестьянство совершило свою собственную уравнительную революцию

зации¹¹⁴. И делалось это, во-первых, для организации во многих регионах «бригад взаимопомощи» ради поддержки мелкокрестьянского производства, а во-вторых, с 1955 по 1958 г. — для продвижения реальной коллективизации большей части земельных владений и сельскохозяйственного производства. В определенных внешних аспектах, таких как облегчение политического контроля над сельскохозяйственным производством и его прибавочным продуктом, а также модель первоначально умеренной программы, ускорившейся и радикализовавшейся в ходе ее осуществления, китайская коллективизация напоминала советскую 1928–1933 гг. Однако у них имелись важные различия в плане средств и результатов. Как формулирует Томас Бернштейн, российские коммунисты коллективизировали сельское хозяйство с помощью «командной мобилизации» на основе крупномасштабного насилия, осуществляемого городскими эмиссарами, поскольку в России отсутствовали многочисленные или надежные кадры в деревнях. Напротив, китайские коммунисты могли идти путем «партиципаторной мобилизации», используя сочетание убеждения, групповой манипуляции и малых доз насилия, так как руководили их кампаниями в основном политически надежные крестьяне, действующие в своих родных областях или неподалеку от них¹¹⁵. К тому же в то время как советская коллективизация привела к краткосрочному разорению сельскохозяйственного производства, а также долгосрочной стагнации в коллективном сельскохозяйственном секторе, китайская кампания коллективизации (сама по себе, оставляя в стороне «большой скачок») вызвала намного меньше немедленной разрухи и заложила организационную основу для продуктивного коллективного сельскохозяйственного сектора в будущем.

Что это своеобразие означало для нового режима в целом? Китайские коммунисты смогли осуществить коллективизацию сельского хозяйства относительно гладко,

114. Эта преемственность местного руководства со времен земельной революции очень подчеркивается в работе: Thomas Paul Bernstein, "Leadership and Mobilization in the Collectivization of Agriculture in China and Russia: A Comparison" (PhD dissertation, Department of Political Science, Columbia University, 1970), в особенности pp. 111–132, 179–200.

115. Ibid., ch. 6.

Аргументы и компаративистская логика Части II непосредственно базируются на результатах, полученных в Части I. Значительное сходство причин и итогов французской, русской и китайской революций были приписаны фундаментальному подобию социально-революционных кризисов, представляющих собой совпадение административно-военной дезорганизации и крестьянских восстаний, из которых возникли все три революции. Различия революционных конфликтов и результатов были объяснены отчасти в терминах особых характеристик каждого революционного кризиса: как именно рухнул каждый из старых порядков; каким именно типам крестьянских восстаний способствовали существующие аграрные структуры. Отчасти различия также объяснялись отсылкой к специфике социально-экономических структур и международных ситуаций, более или менее сохранившихся при переходе от каждого Старого порядка к новому.

Разумеется, социальные революции приносят с собой крупные трансформации. Но они осуществляют эти трансформации только в пределах исторически заданных внутринациональных и международных условий. Более того, классовые и политические конфликты возникают в ходе социальных революций на основе исторически специфических кризисов старых порядков. Поэтому объяснения этих конфликтов и итогов наилучшим образом вытекают, как это и было зафиксировано в этой книге, из предварительного осмысления структур и положения старых порядков, а также предварительного анализа причин социально-экономических кризисов. Революционные перемены свершаются на основе и в рамках таких обстоятельств.

Результаты социальных революций, разумеется, не обозначают собою конца всех перемен. История продолжила свой ход во Франции с начала 1800-х гг., в России после 1930-х и в Китае после 1960-х гг. Тем не менее результаты революций во всех трех странах задали рамки для будущих процессов. Они создали новые ограничения и возможности для будущих политических битв — как в пределах каждой страны, так и в масштабах всего мира.

на земле и затем стало пассивной угрозой экономической и политической жизнеспособности революционной нации. В результате сталинистский исход был подготовлен в основном усилиями большевиков по насильственному контролю над крестьянами с помощью давления и террора. Во Франции крестьянство осуществило более ограниченную революцию против определенных притязаний на его прибавочный продукт, потеряло в ходе этого большую часть своего единства и, наконец, обнаружило себя отчасти принужденным, отчасти стимулированным к сосуществованию, в национальном рыночном контексте, с административно-бюрократическим государством, в то время как капитализм медленно, но неминуемо подрывал его позиции. И только лишь в Китае крестьянство не могло совершить свою собственную революцию, а организованные революционеры не могли напрямую прийти к власти в больших и малых городах. Коммунисты и крестьяне вынужденно стали союзниками в целях завершения революции. Вследствие этого были созданы особые возможности для революционеров, пришедших к государственной власти, использовать партиципаторную мобилизацию для дальнейших преобразований экономики и общества, а деятельность и благосостояние крестьян стали фундаментальным элементом национального развития в Китае.

Подводя итоги

Революции возникали из кризиса государства и классового господства, а результаты социальных революций во многом оформились за счет ограничений и возможностей, созданных этими кризисами. Подобным же образом результаты социальных революций формировались и ограничивались существующими социально-экономическими структурами и международными обстоятельствами, в рамках которых революционные лидеры боролись за воссоздание, консолидацию и использование государственной власти. Таковы в общем виде аналитические аргументы, выдвинутые в Части II. Таблица 2 резюмирует общую логику и многие конкретные моменты относительно отдельных революций, отмеченные в ходе изложения.

ТАБЛИЦА 2 (Окончание)

Процесс революционного государственного строительства	Природа нового режима
<p><i>Сходства</i></p> <p>Политико-военная мобилизация народной поддержки в войнах против внутренних контрреволюционеров и соперников, а также против иностранных захватчиков</p>	<p>Государство более крупное, более централизованное, бюрократическое с массовым политическим участием, чем при Старом порядке. Государство более автономно внутри страны и за рубежом.</p> <p>С привилегиями класса землевладельцев покончено</p>
<p><i>Франция</i></p> <p>Якобинская протопартия мобилизует городские народные силы для восстания национальной армии; никакой прочной базы среди промышленных рабочих или крестьян.</p> <p>Падение якобинцев после военной консолидации; административная консолидация только при военной диктатуре Наполеона</p>	<p>Профессионально-бюрократическое государство, не контролируемое партией; способствует внутренней стабильности и военной экспансии.</p> <p>Общество частных собственников и направляемая рынком экономика. Поддерживается капиталистическое развитие, идущее на пользу богатым собственникам</p>
<p><i>Россия</i></p> <p>Большевистская партия мобилизует промышленный пролетариат; база на селе отсутствует.</p> <p>Вынуждены восстанавливать государственные организации стремительно, с нуля, насильственными средствами. Чтобы выжить среди крестьян и при угрожающем международном положении, режим прибегает к насильственной коллективизации и форсированной индустриализации в тяжелой промышленности</p>	<p>Партийное государство, иерархическое, авторитарное и основанное на насилии. Форсируемое государством развитие национальной экономики; акцент на тяжелую промышленность и быструю урбанизацию.</p> <p>Чрезмерное неравенство статусов и экономических вознаграждений</p>
<p><i>Китай</i></p> <p>Революционная консолидация на базе городов терпит фиаско.</p> <p>КПК мобилизует крестьян на партизанскую войну и земельную революцию.</p> <p>После 1949 г. партийное государство контролирует промышленность, но также сохраняет и использует уникальную политическую базу на селе</p>	<p>Партийное государство, относительно децентрализованное и мобилизующее массы.</p> <p>Форсируемое государством развитие национальной экономики, с большим акцентом на развитие села и аграрной сферы.</p> <p>Попытки сократить или сдерживать рост неравенства</p>

ТАБЛИЦА 2

Итоги социальных революций во Франции, России и Китае

Последствия социально-революционных кризисов	Социально-экономическое наследие старых порядков	Международные и всемирно-исторические обстоятельства
<i>Сходства</i>		
<p>Либеральная стабилизация невозможна. Господствующие классы уязвимы. Присутствуют народные группы, подходящие для политической мобилизации</p>	<p>Общество остается преимущественно аграрным, с большим количеством крестьян</p>	<p>Страна находится в гуще событий международного соперничества во время революции и после нее</p>
<i>Франция</i>		
<p>Либеральные фазы, но не стабильные. Организационная структура королевских регулярных армий сохраняется. Крестьянские восстания уничтожают сеньориализм, но не перераспределяют земельную собственность</p>	<p>Аграрно-торговая экономика, состоящая из малых и средних (производственных) единиц; промышленность не механизирована. Отсутствует промышленный пролетариат. В экономике доминируют группы мелких собственников</p>	<p>Франция вовлечена в военное соперничество на континенте как потенциальная держава-гегемон. Государственный контроль над экономическим развитием страны пока невозможен</p>
<i>Россия</i>		
<p>Либеральная фаза отсутствует. Царские армии полностью разложены. Крестьяне изгоняют помещиков, перераспределяют земельную собственность; замыкаются на уровне деревни</p>	<p>Значительное развитие крупных современных предприятий преимущественно тяжелой промышленности. Стратегически расположенный пролетариат</p>	<p>В рамках европейской системы государств с 1917 г. и на протяжении Второй мировой войны Россия в обороне. Форсируемая государством индустриализация возможна</p>
<i>Китай</i>		
<p>Политическая и военная раздробленность эпохи милитаристов. Крестьяне не могут восстановить самостоятельность; джентри-землевладельцы сохраняют власть на местах</p>	<p>Традиционная аграрно-торговая экономика по большей части сохраняется неизменной. Немногочисленные маргинальные анклавы современной, преимущественно легкой промышленности</p>	<p>В годы Второй мировой войны Китай оккупирован; после нее в оборонительной позиции, поскольку в мире господствуют Соединенные Штаты и СССР как ядерные сверхдержавы. Форсируемая государством индустриализация возможна</p>

ственной власти *действительно* являются основными в ходе социально-революционных трансформаций, но государственную власть нельзя понимать только как инструмент классового господства. Также и изменения в структурах государства не могут быть объяснены исключительно в категориях классовых конфликтов. Во Франции, России и Китае классовые конфликты (особенно между крестьянами и помещиками) играли важнейшую роль во время революционных междоусобиц. Но и возникновение самих революционных ситуаций, и природа новых порядков, выросших из революционных конфликтов, фундаментальным образом зависели от структур государственных организаций, их частично автономных и динамичных связей с внутренними классовыми и политическими силами, а также от их положения по отношению к прочим странам на международной арене.

Дореволюционные Франция, Россия и Китай были устоявшимися империями с адекватными возможностями защиты своей гегемонии, а также власти господствующих классов от восстаний снизу. Чтобы социальные революции могли произойти, административная и военная мощь этих государств должна была быть разрушена. Когда это случилось во Франции 1789 г., России 1917 г. и Китае 1911 г., это было *не из-за* целенаправленных действий в этом направлении со стороны открыто революционных или политически влиятельных групп Старого порядка. Напротив, революционные политические кризисы, кульминацией которых стал административный и военный крах, развились потому, что имперские государства попали в ловушку усилившегося военного соперничества или иностранного вторжения при сохранении ограничений, накладываемых на ответные возможности монархий существующими аграрными классовыми структурами и политическими институтами. Государства Старого порядка прошли через подобные революционные кризисы потому, что существовавшие на тот период структуры делали для них невозможным удовлетворить конкретные потребности обороны на международной арене, с которыми каждое из них столкнулось в эпоху модерна.

Как только государства Старого порядка распались, были запущены фундаментальные политические и классовые конфликты, которые не могли разрешиться

Заключение

«**К**ОРЕННОЙ вопрос любой революции есть вопрос о власти в государстве», — писал Ленин в разгар русской революции 1917 г.¹ Это говорил Ленин — организатор революции. Тем не менее как теоретик Ленин следовал Марксу в том, что историческое развитие классовых отношений является той структурной матрицей, из которой вырастает революционная конкуренция за государственную власть, а также в том, что классовые конфликты — это средства, которыми решаются вопросы о формах и функциях государственной власти. Буржуазные революции послужили усилению государства как инструмента бюрократического и насильственного господства. Но антикапиталистические, социалистические революции подготовят почву для отмирания государства как такового, поскольку не будет необходимости в господстве государства над производящими классами, во имя которых и чьими усилиями будут совершаться такие революции².

Исследование, проведенное в этой книге, говорит как об истинности ленинских воззрений на государство и революцию, так и об их пределах. Вопросы о государ-

1. Lenin, "The Dual Power", originally published in *Pravda*, April 9, 1917; reprinted in *The Lenin Anthology*, ed. Robert C. Tucker (New York: Norton, 1975), p. 301; Ленин В. И. О двоевластии // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 31. С. 145.

2. См.: Lenin, "The State and Revolution", reprinted in *Lenin Anthology*, ed. Tucker, pp. 311–398; Ленин В. И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 1–120.

так и в России и Китае острая необходимость консолидации революции в мире соперничающих государств помогла гарантировать то, что лидеры, готовые и способные создавать централизованные организации управления и принуждения, выйдут на передний план в ходе революций и что их труды создадут постоянную основу для власти государственных кадров в рамках революционизированных социальных порядков.

Более того, современные социальные революции, подобно французской, русской и китайской, неизменно происходили в странах, отстающих от более экономически развитых стран-соперников. С течением «мирового времени» появляется все больше возможностей и моделей использования власти государства для форсирования национального экономического развития. Поэтому в России и Китае революционные лидеры могли использовать государственную власть вскоре после консолидации новых порядков для того, чтобы ускорять дальнейшие социально-экономические преобразования. Эти преобразования внесли неотъемлемый вклад в выживание нации (например, России в ходе Второй мировой войны) или поддержание материального благосостояния народа в целом (в Китае). Но их, разумеется, невозможно было осуществить без динамичного государственного вмешательства или политического контроля над многими аспектами социальной и экономической жизни.

Напрашивается заключение, что по сравнению с Лениным Макс Вебер выглядит более надежным и подходящим консультантом по результатам революций. С точки зрения Вебера, функцией революций в конечном счете является усиление бюрократического господства, которое все более неизбежно, чтобы установить государственный контроль над экономикой³. Но эта перспектива несостоятельна в отношении осмысления различных итогов французской, русской и китай-

3. См. в особенности: Weber, "Bureaucracy", in *From Max Weber: Essays in Sociology*, ed. and trans. H. H. Gerth and C. Wright Mills (New York: Oxford University Press, 1958), ch. 8. Взгляды Ленина и Вебера на государство и бюрократию очень убедительно сопоставлены в работе: Erik Olin Wright, "To Control or Smash Bureaucracy: Weber and Lenin on Politics, the State, and Bureaucracy", *Berkeley Journal of Sociology* 19 (1974-75), pp. 69-108.

до консолидации новых административных и военных организаций взамен старым. Низовые восстания напрямую атаковали собственность и привилегии господствующих классов, тем самым совершая перемены в классовых отношениях, которые иначе никогда бы не произошли. Но столь же важным было влияние восстаний крестьян и городского рабочего класса на ход внутренней политической борьбы. Возможности контрреволюционной реставрации или либеральной стабилизации были подорваны, и революционные лидеры смогли мобилизовать народную поддержку в процессе построения новых государственных организаций для защиты от внутренних соперников и иностранных захватчиков. По сравнению с имперскими государствами старых порядков государства Нового порядка, возникшие во Франции, России и Китае, были сильнее, автономнее в обществе и могущественнее в противостоянии иностранным соперникам в рамках международной системы государств. Более того, крестьяне и городские рабочие стали непосредственнее задействоваться в национальной политике и осуществляемых государством проектах после революций, триумф которых они помогли обеспечить. Усилившиеся национальные государства были не единственными достижениями французской, русской и китайской революций, но указанные перемены в государственном порядке были в числе наиболее поразительных и важных революционных трансформаций.

Из революций государства вышли более централизованными, бюрократическими и самодостаточными. Этот факт указывает на безусловность последствий революционных конфликтов внутри страны, независимо от того, были ли они антикапиталистическими по своей направленности, как в России и Китае, или в целом благоприятствовавшими капиталистическому развитию, как во Франции. Одним из таких последствий была соревновательная динамика в международной системе государств. Войны и имперские вторжения были «повивальными бабками» революционных кризисов, а возникавшие революционные режимы консолидировали государственную власть в условиях не только внутренних вооруженных конфликтов, но и международной угрозы военного вторжения. Как во Франции,

манипуляцией и нетерпимостью ко многим видам инакомыслия. Тем не менее было бы глупо позволить нашим общепринятым политическим категориям закрыть нам глаза на партиципаторные качества китайской политической системы в целом или на подлинные завоевания в плане принятия решений на уровне местных сообществ, которые были достигнуты китайским крестьянским большинством в результате революции. Китайское государство стало сильнее, но то же одновременно произошло и с коллективной демократией на местном уровне. Такие результаты революции невозможно осмыслить в рамках любой теоретической перспективы, которая постулирует однолинейное, всемирно-историческое развитие бюрократической рационализации. Скорее его необходимо осмыслять в рамках сравнительной перспективы, которая учитывает специфические формы распада старых порядков, революционных конфликтов и крестьянских мобилизаций в ходе революционного государственного строительства, которые были характерны для истории китайской революции.

Французская, русская и китайская революции, сходство и различия которых были подробно исследованы в этой книге с целью попытаться объяснить их, разумеется, не единственные в мире социально-революционные трансформации. Большинство исследователей, вероятно, согласятся, что социальные революции приблизительно в том смысле, в котором они здесь берутся (то есть быстрые фундаментальные преобразования государственных и классовых структур общества, сопровождающиеся и отчасти осуществляемые низовыми восстаниями на классовой основе) также произошли в Мексике между 1911 г. и 1930-ми гг., а также после Второй мировой войны в Югославии, Вьетнаме, Алжире, Кубе, Боливии, Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и Эфиопии. Все они в широком плане сходны с французской, русской и китайской революциями. Они произошли преимущественно аграрных странах и стали возможны только благодаря административно-военному краху ранее существовавших там государств. Крестьянские восстания или мобилизация на партизанскую войну играли ключевую роль в каждом революционном процессе. Более

ской революций — особенно что касается их последствий для крестьянства, которое сыграло столь важную роль во всех трех революционных драмах и составляло подавляющее большинство в обществе после революций, как, впрочем, и до них. Учитывая итоговую участь русского крестьянства при Сталине, очевидно, невозможно считать, что антикапиталистические, коммунистические революции непременно сослужили крестьянским интересам лучшую службу, чем некомунистические социальные революции, такие как французская (или мексиканская). Но в то же время неверно было бы полагать, что крестьянам с неизбежностью хуже живется при тоталитарных коммунистических революционных режимах. Китайская революция опровергает этот легковесный вывод и бросает вызов общепринятому категорическому противопоставлению демократии и тоталитаризма столь же уверенно, как и результаты русской революции опровергают любое машинальное отождествление антикапитализма с социалистической демократией. Непосредственным результатом социально-экономических и политических достижений китайской революции выступает то, что китайские крестьяне в целом не только наслаждаются заметно лучшими материальными условиями, чем до 1949 г. Они также получили возможность намного более непосредственно распоряжаться своими местными делами и участвовать в принятии решений о них, чем российское крестьянство после 1929 г. или французское крестьянство после 1789–1793 гг. Более того, каким бы централизованным и бюрократическим ни был коммунистический Китай по сравнению с дореволюционными китайскими режимами, он предоставил существенное пространство для провинциального и местного планирования и инициативы. Эти соображения, *вопреки* Веберу, говорят о том, что антикапиталистические, усиливающие государство революции не обязательно имеют своим результатом всего лишь более тотальную форму бюрократического господства западного типа.

Разумеется, итоги китайской революции не следует романтизировать. Лучшие идеалы социалистической демократии далеко не реализованы в том контексте, где политическая жизнь характеризуется групповой

Сила первого утверждения очевидна, когда мы примем во внимание, что практически все современные социальные революции, кроме французской, российской и китайской, произошли в относительно небольших странах, которые прежде были колониями и находились в крайне уязвимом и зависимом положении в мировой капиталистической экономике и международной системе государств. В Мексике и Вьетнаме, если взять два возможных и совершенно различных примера, социально-революционные кризисы не возникли в результате конфронтации исторически независимых и хорошо утвердившихся имперских государств с иностранными военными соперниками или агрессорами. Чтобы понять корни этих революционных кризисов, исследователь должен проследить то, как именно историческое наследие колониализма повлияло на каждую местную социально-политическую структуру, а также каковы оказались косвенные последствия изменений баланса экономических и военных сил в глобальных политических и экономических системах для Мексики и Вьетнама. Так, в Мексике слабое центральное правительство было одним из наследий испанского колониализма. К тому же на подъем и упадок слабо централизованного и слабого в военном отношении дореволюционного режима Порфирио Диаса (1870–1911 гг.) большое влияние оказала смена лидера среди североатлантических промышленных держав, приток иностранных инвестиций в различные регионы Мексики и менявшиеся политические балансы сил и внешнеполитические ориентации сменявших друг друга правительств США⁵. Подобным же образом социальная революция во Вьетнаме началась только после того, как французский колониализм, сам до этого свергнувший существовавшую прежде местную императорскую власть, был подорван японскими завоеваниями и последующим поражением во время Второй мировой войны⁶.

5. См. в особенности: Stanley J. Stein and Barbara H. Stein, *The Colonial Heritage of Latin America* (New York: Oxford University Press, 1970); Walter Goldfrank, "World System, State Structure, and the Onset of the Mexican Revolution", *Politics and Society* 5:4 (1975), pp. 417–439.

6. Краткий обзор вьетнамской революции, в котором подчеркиваются эти факторы, см. в: John Dunn, *Modern Revolutions* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972), ch. 5.

того, в каждом из этих случаев организованные революционные лидеры (рекрутированные из рядов ранее маргинальных, образованных элит) появились или вышли на передний план во время революционного кризиса. Также эти лидеры предпринимали действия по строительству новых, более могущественных государственных организаций для консолидации революционных перемен и утверждения национальной независимости.

Множество общих черт ставит вопрос об универсальности аргументации, представленной в этой книге. Может ли она применяться за пределами французского, российского и китайского опыта? В определенном смысле ответ — безусловно «нет». Нельзя механически расширять конкретную причинно-следственную аргументацию, разработанную для Франции, России и Китая, в «общую теорию революции», применимую ко всем остальным современным социальным революциям. Есть две важные причины того, почему эта стратегия оказалась бы бесплодной. Во-первых, причины революций (будь то в отдельных случаях или в группах сходных случаев) с необходимостью варьируются в соответствии с историческими и международными обстоятельствами охваченных ими стран. «Нам неизвестны универсальные механизмы исторических изменений, — однажды мудро написал Чарльз Райт Миллс, — [потому что] механизмы, которые уже описаны, варьируются в различных социальных структурах... Подобно тому, как существует разнообразие социальных структур, существует и разнообразие принципов исторических изменений»⁴. Во-вторых, формы революционных причинно-следственных связей и итогов необходимо испытывают влияние всемирно-исторических изменений в фундаментальных структурах и основах государственной власти как таковой. Вероятность и формы революций меняются с течением мирового времени, поскольку, как Миллс также отмечает в процитированном абзаце, «исторические изменения касаются социальных структур общества и отношений между образующими их компонентами».

4. C. Wright Mills, *The Sociological Imagination* (New York: Oxford University Press, 1959), p. 150; Миллс Ч. Р. *Социологическое воображение*. Москва: Nota Bene, 2001. С. 172.

власти. В особенности после окончания Второй мировой войны, когда из бывших колоний возникли десятки новых государств в мире, где экономически доминирует капитализм, а в военном плане — соперничающие сверхдержавы, современные военные технологии и бюрократическо-профессиональные формы военной организации распространились практически на все суверенные государства. Повсеместно национальные власти жаждут символических атрибутов и поддержки в осуществлении насилия со стороны современного военного истеблишмента. А ведущие державы, соперничая между собой, должны приобретать союзников или клиентов из числа других государств. Одним из очевидных последствий стало то, что в целом социальные революции стали намного менее вероятны, нежели в случае, если бы большинство новых стран не обладали современными армиями. Отчасти это так просто из-за самой репрессивной силы современного военного истеблишмента. Как в 1943 г. заявила Кэтрин Чорлей, «ни одна революция не может одержать победу над современной армией [своей страны], когда эта армия обращает всю свою силу на ее подавление»⁸. С того времени разрыв, уже тогда большой, между силами официальной государственной власти и теми средствами принуждения, которые могли (без иностранной помощи) мобилизовать неофициальные и народные группы, еще более увеличился. Но этот разрыв сам по себе не является единственной вещью, которую необходимо принимать во внимание. В конце концов, даже предшествовавшие современным армии Франции Старого порядка могли подавлять восстания снизу.

Перевес в средствах принуждения не так важен, как тот факт, что современные, профессиональные военные машины обычно организационно и социально обособлены от господствующих экономических классов тех стран, которым они «служат». Сегодня в большинстве стран «третьего мира» армейские офицеры рекрутируются преимущественно не из землевладельческих или капиталистических классов, а из семей мелких чи-

8. Katherine Chorley, *Armies and the Art of Revolution* (1943; reprint ed., Boston: Beacon Press, 1973), p. 243.

Более того, на ход и результаты социальных революций в зависимых странах оказывают мощное воздействие не только требования обороны и противостояния реальным и потенциальным иностранным агрессорам, но также и прямая экономическая и военная помощь зарубежных стран. Часто такую помощь новоявленным революционерам предлагают крупные иностранные державы, стремящиеся повлиять на облик и политику новых порядков. Это не означает, что такие революционные режимы просто становятся «клиентами» великих держав. Напротив, эти режимы более независимы на международной арене, чем их дореволюционные предшественники, а их отношения с иностранными спонсорами часто характеризуются трениями. Но справедливым представляется, что меры государственной политики, предпринимаемые революционными режимами в малых, зависимых странах, более подвержены влиянию иностранных спонсоров и более жестко ограничены транснациональными экономическими отношениями, чем политика французского, российского и (даже) китайского нового порядка. Крайним случаем здесь выступает Куба. Революция позволила ей преодолеть чрезвычайную зависимость от Соединенных Штатов и осуществлять более самостоятельную и эгалитарную политику экономического развития, направляемую государством. Но в то же время Куба стала очень зависеть от экономической помощи СССР, и ее внешняя политика стала тесно следовать за советской⁷.

Таким образом, есть пределы для обобщения конкретных причинно-следственных паттернов, разработанных для Франции, России и Китая, поскольку прочие социальные революции произошли (в основном позже) в странах со значительно отличающейся политической историей, находящихся в более зависимом положении на международной арене. Дополнительные и при этом более фундаментальные ограничения для возможностей обобщения классических социально-революционных паттернов накладываются всемирно-историческими трансформациями форм и основ государственной

7. Susan Eckstein, "Capitalist Constraints on Cuban Socialist Development", mimeograph (Boston: Department of Sociology, Boston University, 1978).

Таким образом, меняющиеся всемирно-исторические условия, так же как и различные политические истории и международные положения, затрудняют механическое распространение на другие социальные революции конкретных описательных обобщений и причинно-следственных аргументов этой книги, сделанных на примерах французской, русской и китайской революций. Другие революции требуют собственного анализа — при помощи сравнений сходных в широком плане случаев и противопоставления стран, претерпевших социальные революции с находившимися в сходных условиях странами, которые не прошли через социально-революционные трансформации. Огромная работа в этом направлении уже была проделана такими исследователями, как Эрик Вульф, Джон Данн, Джеффри Пэйдж и Сьюзан Экштейн¹¹, и тем не менее необходимы дальнейшие исследования. По мере того, как это происходит, аналитическая система координат и основные принципы анализа, используемые здесь для сравнительного анализа Франции, России и Китая, должны также оказаться полезными для сравнительных исследований причин и результатов других социальных революций. Важность систематического внимания к международным и всемирно-историческим обстоятельствам, которые влияют на вспышки революций и их кульминации, очевидна из предшествующего краткого обзора современных революционных моделей. К тому же все ком-

и регионального сепаратизма в Эритрее. Хотя и запущенная переворотом и испытывавшая сильное вмешательство великих держав, эфиопская революция в целом соответствует классическим социально-революционным моделям. Но вряд ли что-нибудь подобное произойдет снова, поскольку немногие другие режимы (если они вообще существуют), даже номинально абсолютные монархии, демонстрируют полубюрократические и аристократические черты, сопоставимые с эфиопским старым порядком императора Хайле Селассие.

11. См.: Dunn, *Modern Revolutions*; Eric Wolf, *Peasant Wars of the Twentieth Century* (New York: Harper & Row, 1969); Jeffery M. Paige, *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World* (New York: Free Press, 1975); Susan Eckstein, *The Impact of Revolution: A Comparative Analysis of Mexico and Bolivia*, Contemporary Political Sociology Series (Beverly Hills, Cal.: Sage Publications, 1976); Susan Eckstein and Peter Evans, "The Revolution as Cataclysm and Coup: Political Transformation and Economic Development in Mexico and Brazil", *Comparative Studies in Sociology* 1 (1978), pp. 129–155.

новников и мелких собственников. К тому же офицерский корпус имеет сильные, но ограниченные интересы, в центре которых — продвижение своих собственных корпоративных интересов в государственном аппарате, так же как и сохранение государственной власти как таковой⁹. Пока их собственной карьере и организационным интересам ничто не угрожает, военные могут оставаться в стороне от политических распрей между государственной властью и господствующими классами. Кроме того, будут ли они оставаться в стороне или решат вмешаться путем переворота, самой военной мощи такие распри не угрожают. Поэтому после Второй мировой войны социально-революционные кризисы *не* возникли, как это было во Франции Бурбонов или в Китае при маньчжурской династии, как побочный продукт политических распрей между представителями государственной власти и группами господствующего класса, обладающими рычагами влияния на государство, включая такие рычаги в офицерском корпусе. Скорее самой распространенной причиной революционных кризисов был подрыв колониального контроля международным сообществом. А после того, как деколонизация была завершена и современные военные машины были успешно обустроены, социальные революции стали куда менее вероятными — хотя военные перевороты разного рода стали весьма частыми. Но практически все перевороты, даже самые «реформистские», увековечивали существующие государственные и властные формы, и обычно предотвращали мобилизацию масс или восстания снизу¹⁰.

9. Отличный обзор современных офицерских корпусов третьего мира, их социального происхождения и способов политического участия см. в: Eric A. Nordlinger, *Soldiers in Politics: Military Coups and Governments* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1977).

10. Португалия в середине 1970-х гг., в течение некоторого времени после переворота, свергнувшего диктатуру Салазара, может составлять исключение из общего правила о том, что военные перевороты не способствуют низовым протестам. Тем не менее радикальные тенденции в Португалии с тех пор были остановлены и по большей части обращены вспять. Другим интереснейшим исключением этого же десятилетия была Эфиопия, где мятежные армейские офицеры обратились к мобилизации масс, усиливая атаку на архаическое государство и земельную аристократию, а затем и к массовой военной мобилизации для отстаивания национального суверенитета перед лицом вторжения из Сомали

ствлению государственного строительства. К тому же определенную форму итогам революций придавали внутренние и международные экономические условия, с которыми сталкивались революционные строители государств, а также их взаимоотношения с зарубежными государствами: противниками и сторонниками. Равно важными выступают взаимоотношения революционных строителей государств с классовыми силами. Крестьяне-земледельцы восставали спонтанно или напрямую мобилизовывались революционными партиями в ходе всех периферийных социальных революций, от мексиканской до вьетнамской. Промышленный пролетариат во многих случаях играл ключевую роль (например, в революциях в Боливии и Мексике). Внутренние или международные капиталистические классы также фигурировали, по крайней мере косвенно, в каждом революционном конфликте. Конкретные формы отношений классов и государства значительно варьируют и не поддаются общему описанию. Но аналитически значимый момент оставался неизменным: в ходе революционной ситуации классовые силы, будь то капиталистические классы, сохраняющие контроль над стратегическими средствами производства и экономическими связями, или народные классы, чьи восстания или военные мобилизации вносят вклад в революционную борьбу, связаны узами конфликта и сотрудничества, подчинения и мобилизации с динамичной и частично автономной деятельностью государств и их строителей. Революционные модели различаются от одного типа режима к другому, от одного всемирно-исторического периода к следующему, даже от случая к случаю. Но фокус на связях и отношениях государство/государство, государство/экономика и государство/класс остается полезным для интерпретации логики социально-революционных причин и следствий, от Франции 1790-х гг. до Вьетнама, Анголы и Эфиопии в 1970-х гг.

Теория революций Карла Маркса и его видение социализма послужили более или менее явной точкой отсчета для многих аргументов этой книги. Известные современной мировой истории социальные революции, хотя и содержали элементы конфликта классов, явно не соот-

паративисты, исследующие революции XX в., придают большое значение их влиянию.

Возможно, менее очевидной, но не менее настоящей для исследователей современных революций, а также революций прошлого выступает необходимость придерживаться структурной перспективы: делать акцент на объективных отношениях и конфликтах между занимающими разные позиции группами и странами, а не на интересах, взглядах или идеологиях тех или иных революционных акторов. Организованные революционные авангарды со временем становятся все более претенциозными и громогласными, заявляя о своей незаменимой роли в «осуществлении» революций. Но мне представляется, что современные революционные кризисы, так же как и те, что дали начало классическим социальным революциям, случились только благодаря международным и внутренним структурным противоречиям и стечениям обстоятельств, которые не были подконтрольны открыто заявляющим о себе революционерам. К тому же авангарды «третьего мира» не обладают бóльшим стратегическим предвидением относительно хода революций, чем было у якобинцев, большевиков и китайских коммунистов. Поэтому, вопреки искушению анализировать революции «глазами» идеологических авангардов, реальным вызовом для компаративиста служит выявление структурных/конъюнктурных причин пост- и неокOLONиальных революционных кризисов, а также социально-экономических и политических условий, придававших определенную форму революционным конфликтам и консолидациям.

Наконец, ключ к успешному структурному анализу лежит в фокусе на государственных организациях и их отношениях с международной средой, с классами и с экономическими условиями внутри страны. В периферийных странах возможности для вспышек революции в высшей степени зависят от устойчивости или краха государственных механизмов в ходе кризисов деколонизации, а также от относительной способности к принуждению и уязвимости на международной арене неокOLONиальных режимов. Однажды начавшись, социально-революционные сражения разворачивались вокруг усилий лидеров революции по осуще-

Позвольте мне закончить весьма спорным замечанием. Чтобы социальная революция преобразовала развитое индустриальное общество, она должна (как я могу только предположить) принять совершенно другие формы и произойти при совершенно других международных условиях, чем в случае великих исторических социальных революций. Поскольку кажется крайне маловероятным, что современные государства могут распасться как организации управления и принуждения, не разрушив при этом обществ, современной социальной революции, вероятно, придется протекать постепенно, не катастрофично, вытекая из длинной серии «нереформистских реформ»¹², которые проводятся массовыми политическими движениями, борющимися за демократизацию всех основных институтов: от экономики до политических партий, армии и государственной службы. Но чтобы подлинная демократизация стала возможной в любой данной развитой промышленной стране, от демократических движений, безусловно, потребуются, чтобы они разворачивались примерно одновременно во всех развитых странах, чтобы каждое движение имело своей важнейшей целью последовательное продвижение к международному разоружению и миру. Для того чтобы лишить глав авторитарных государств их вечного самоподдерживающегося основания, необходимо будет ослабить то самое военное соперничество, которое в прошлом помогало запустить и оформляло социальные революции.

Одним словом, причины и результаты великих социальных революций прошлого едва ли повторятся в будущих социально-демократических революциях в развитых индустриальных обществах. И все же прошлому есть чему научить нас относительно будущего: оно говорит о том, что в будущих революциях, как и в прошлых, государственная сфера, вероятно, будет играть главную роль. Как это однажды выразил Франц Ньюманн, «борьба за политическую власть — то есть борьба за контроль над аппаратом насилия, над полицией, ар-

12. Этот термин и соответствующая ему концепция принадлежат Андре Горцу и изложены в: Andre Gorz, *Strategy for Labor: A Radical Proposal*, trans. Martin A. Nicolaus and Victoria Oniz (Boston: Beacon Press, 1967).

мией, бюрократией и внешней политикой — и есть действующая сила исторического прогресса»¹³. Только когда люди это хорошо поймут, они смогут эффективно работать над реализацией марксистского представления о социалистическом обществе как «ассоциации, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»¹⁴ и в котором государство превращено «из органа, стоящего над обществом, в орган, этому обществу всецело подчиненный»¹⁵.

13. Franz Neumann, *The Democratic and Authoritarian State*, ed. Herbert Marcuse (New York: The Free Press of Glencoe, 1957), p. 264.

14. Karl Marx and Frederick Engels, "The Communist Manifesto", reprinted in *Selected Works* (New York: International Publishers, 1968), p. 53; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 4. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 447.

15. Karl Marx, "Critique of the Gotha Programme", excerpted in *Karl Marx: Selected Writings in Sociology and Social Philosophy*, ed. and trans. T. B. Bottomore (New York: McGraw-Hill, 1956), p. 255; Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 19. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 19.

Библиография

В ДАННОЙ библиографии приведены основные работы, к которым я обращалась, развивая аргументацию, представленную в книге. Библиография пересекается, но не полностью совпадает с примечаниями. Некоторые статьи или части книг, на которые я ссылаюсь в примечаниях для подкрепления определенных утверждений в тексте, сюда не включены; я также не включила в этот список работы о контрастных примерах Англии, Пруссии/Германии и Японии. Однако библиография включает ряд важных книг и статей, которые послужили источниками данных для общего анализа и детального рассмотрения примеров Франции, России и Китая, но не были указаны в примечаниях. Библиография организована в соответствии с алфавитным порядком под четырьмя основными заголовками.

- I. Франция: Старый порядок и революция.
- II. Россия: Старый порядок и революция.
- III. Китай: Старый порядок и революция.
- IV. Теоретический и исторический фундамент.

В целом работы, которые существенно повлияли на аргументацию в главах 1 и 4 и во вступлениях к главам 2 и 3, включены в Часть IV, тогда как Части I–III содержат перечни различных книг и статей историков и регионоведов, к которым я обращалась по каждому из основных кейс-стадиз, включая работы о старых порядках, революционных событиях и результатах революций.

I. Франция: Старый порядок и революция

- Acomb, Frances. *Anglophobia in France, 1763–1789*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1950.
- Agulhon, Maurice; Desert, Gabriel; and Specklin, Robert. *Histoire de la France Rurale*, vol. 3, *Apogée et Crise de la Civilisation Paysanne, 1789–1914*. Paris: Editions du Seuil, 1976.
- Amann, Peter. *The Eighteenth-Century Revolution: French or Western?* Lexington, Mass.: Heath, 1963.
- Barber, Elinor G. *The Bourgeoisie in 18th Century France*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955.
- Barker, Ernest. *The Development of Public Services in Western Europe, 1660–1930*. New York: Oxford University Press, 1944.
- Behrens, C. B. A. "Nobles, Privileges and Taxes in France at the End of the Ancien Régime". *Economic History Review*, 2nd ser. 15(3) (April 1963), pp. 451–475.
- . *The Ancien Régime*. London: Harcourt, Brace and World, 1967.
- Beloff, Max. *The Age of Absolutism, 1660–1815*. New York: Harper & Row, 1962.
- Bernard, Leon. "French Society and Popular Uprisings Under Louis XIV". *French Historical Studies* 3:4 (Fall 1964), pp. 454–474.
- Bien, David D. "La Réaction Aristocratique avant 1789: l'Exemple de l'Armée (à suivre)". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 29:1 (January–February 1974), pp. 23–48.
- Bloch, Marc. "La Lutte pour l'Individualisme Agraire dans la France du XVIIIe Siècle". *Annales d'Histoire Economique et Sociale* 11:7 (July 1930), pp. 329–381, and 11:8 (October 1930), pp. 511–556.
- . "Sur le Passe de la Noblesse Française: Quelques jalons de Recherche". *Annales d'Histoire Economique et Sociale* 8:40 (July 1936), pp. 366–378.
- . *French Rural History: An Essay on Its Basic Characteristics*. Translated by Janet Sondheimer. Berkeley: University of California Press, 1970.
- Bois, Paul. *Paysans de l'Ouest: Des Structures Economiques et Sociales aux Options Politiques depuis l'Epoque Révolutionnaire dans la Sarthe*. Le Mans: Imprimerie M. Vilai-
re, 1960.
- Bordes, Maurice. "Les Intendants Eclairés de la Fin de l'Ancien Régime". *Revue d'Histoire Economique et Sociale* 39:1 (1961), pp. 57–83.
- Bosher, J. F. *French Finances, 1770–1795: From Business to Bureaucracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Bouchard, Gerard. *Le Village Immobile*. Paris: Librairie Pion, 1972.
- Braudel, Fernand, and Labrousse, Ernest, eds. *Histoire Economique et sociale de la France*, vol. 2, *Des Derniers Temps de l'Age Seigneurial aux Preludes de l'Age Industriel (1660–1789)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1970.
- Brinton, Crane. *The Jacobins: An Essay in the New History*. 1930. Reprint. New York: Russell and Russell, 1961.
- Bromley, J. S. "The Decline of Absolute Monarchy (1683–1774)". In *France: Government and Society*, edited by J. M. Wallace-Hadrill and John McManners, pp. 134–160. London: Methuen, 1957.
- Bruun, Geoffrey. "The Balance of Power During the Wars, 1793–1814". In *The New Cambridge Modern History*, Vol. 9, pp. 250–274. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.

- Cameron, Rondo E. "Economic Growth and Stagnation in France, 1815-1914". *Journal of Modern History* 30: 1 (March 1958), pp. 1-13.
- Cavanaugh, Gerald J. "The Present State of French Revolutionary Historiography: Alfred Cobban and Beyond". *French Historical Studies* 7:4 (Fall 1972), pp. 587-606.
- Chalmin, P. "La Désintégration de l'Armée Royale en France à la Fin de XVIIIe Siècle". *Revue Historique de l'Armée* 20:1 (1964), pp. 75-90.
- Chaussinand-Nogaret, Guy. "Capital et Structure Sociale sous l'Ancien Régime". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 25:2 (March-April 1970), pp. 463-476.
- Church, Clive H. "In Search of the Directory". In *French Government and Society, 1500-1850*, edited by J. F. Bosher, pp. 261-294. London: Athlone Press, 1973.
- . "The Social Basis of the French Central Bureaucracy Under the Directory 1795-1799". *Past and Present* no. 36 (April 1967), pp. 59-72.
- Clough, Shephard Bancroft. *France: A History of National Economics, 1789-1939*. New York: Octagon Books, 1964.
- Cobb, Richard. "The Revolutionary Mentality in France 1793-1794". *History* 52 (1957), pp. 181-196.
- . *Les Armées Révolutionnaires: Instrument de la Terreur dans les Départements, Avril 1793 — Floréal, An II*. Paris: Mouton, 1961-1963.
- . *The Police and the People: French Popular Protest, 1789-1820*. New York: Oxford University Press, 1970.
- . *Paris and Its Provinces, 1792-1802*. New York: Oxford University Press, 1975.
- Cobban, Alfred. *A History of Modern France*, vol. 1, *Old Régime and Revolution, 1715-1799*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1957.
- . *A History of Modern France*, vol. 2, *From the First Empire to the Second Empire, 1799-1871*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1961.
- . *The Social Interpretation of the French Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.
- . *Aspects of the French Revolution*. New York: Norton: 1970.
- . *France Since the Revolution*. London: Jonathan Cape, 1970.
- . "Local Government During the French Revolution". In *Aspects of the French Revolution*, pp. 112-130. New York: Norton, 1970.
- Crouzet, François. "Wars, Blockade, and Economic Change in Europe, 1792-1815". *Journal of Economic History* 24:4 (December 1964), pp. 567-588.
- . "England and France in the Eighteenth Century: A Comparative Analysis of Two Economic Growths". In *The Causes of the Industrial Revolution in England*, edited by R. M. Hartwell, pp. 139-174. London: Methuen, 1967.
- . "French Economic Growth in the Nineteenth Century Reconsidered". *History* 59:196 (June 1974), pp. 167-179.
- Damton, Robert. "The High Enlightenment and the Low-Life of Literature in Pre-revolutionary France". *Past and Present* 51 (May 1971), pp. 81-115.
- . "In Search of the Enlightenment: Recent Attempts to Create a Social History of Ideas". *Journal of Modern History* 43 (1971), pp. 113-132.
- Davies, Alun. "The Origins of the French Peasant Revolution of 1789". *History* 49:165 (February 1964), pp. 24-41.
- Davis, Ralph. *The Rise of the Atlantic Economies*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1973.
- Dawson, Philip. "The *Bourgeoisie de Robe* in 1789". *French Historical Studies* 4:1 (Spring 1965), pp. 1-21.
- . *Provincial Magistrates and Revolutionary Politics in France, 1789-1795*. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

- Delbeke, Baron Francis. *L'Action Politique et Sociale des Avocats au XVIIIe Siècle*. Lowain, France: Librairie Universitaire, 1927.
- Doyle, William. "The Parlements of France and the Breakdown of the Old Régime, 1771-1788". *French Historical Studies* 6:4 (Fall 1970), pp. 415-458.
- . "Was There an Aristocratic Reaction in Pre-Revolutionary France?" *Past and Present* no. 57 (November 1972), pp. 97-122.
- Edelstein, Melvin. "La Feuille Villageoise, the Revolutionary Press, and the Question of Rural Political Participation". *French Historical Studies* 7:2 (Fall 1971), pp. 175-203.
- Egret, Jean. *La Révolution des Notables: Mounier et les Monarchiens*. Paris: Librairie Armand Colin, 1950.
- . "L'Aristocratie Parlementaire Française a la Fin de l'Ancien Régime". *Revue Historique* 208 (July-September 1952), pp. 1-14.
- . *La Pré-Révolution Française (1787-1788)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1962.
- Eisenstein, Elizabeth L. "Who Intervened in 1788? A Commentary on *The Coming of the French Revolution*". *American Historical Review* 71:1 (October 1965), pp. 77-103.
- Faucheux, Marcel. *L'Insurrection Vendéenne de 1793: Aspects Economiques et Sociaux*. Paris: Imprimerie Nationale, 1964.
- Fohlen, Claude. "France 1700-1914". In *The Emergence of Industrial Societies*, pt. 1, *The Fontana Economic History of Europe*, vol. 4, edited by Carlo M. Cipolla, pp. 7-75. London: Collins/Fontana, 1973.
- Ford, Franklin L. "The Revolutionary-Napoleonic Era: How Much of a Watershed?" *American Historical Review* 69:1 (October 1963), pp. 18-29.
- . *Robe and Sword: The Regrouping of the French Aristocracy After Louis XIV*. New York: Harper & Row, 1965.
- Forster, Robert. *The Nobility of Toulouse in the Eighteenth Century: A Social and Economic Study*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1960.
- . "The Noble Wine Producers of the Bordelais in the Eighteenth Century". *Economic History Review*. 2nd ser. 14:1 (August 1961), pp. 18-33.
- . "The Provincial Noble: A Reappraisal". *American Historical Review* 68:3 (April 1963), pp. 681-691.
- . "The Survival of the Nobility During the French Revolution". *Past and Present* no. 37 (July 1967), pp. 71-86.
- . *The House of Saulx-Travannes: Versailles and Burgundy, 1700-1830*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1971.
- Fox, Edward Whiting. *History in Geographic Perspective: The Other France*. New York: Norton, 1972.
- Furet, François. "Le Catechisme Revolutionnaire". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 26:2 (March-April 1971), pp. 255-289.
- Furet, François, and Denis Richet. *The French Revolution*. Translated by Stephen Hardman. New York: Macmillan, 1970.
- Gay, Peter. "Rhetoric and Politics in the French Revolution". *American Historical Review* 66:3 (April 1961), pp. 664-681.
- Gershoy, Leo. *The French Revolution and Napoleon*. 1933. Reprint. New York: Appleton-Century-Crofts, 1964.
- Godechot, Jacques. "The French Revolution". In *Chapters in Western Civilization*, 3rd ed., vol. 2, pp. 1-54. New York: Columbia University Press, 1962.
- . *Les Institutions de la France sous la Revolution et l'Empire*. 2nd rev. ed. Paris: Presses Universitaires de France, 1968.

- Goodwin, A. "The French Executive Directory — A Revaluation". *History* 22:87 (December 1937), pp. 201–218.
- . "Calonne, the Assembly of French Notables of 1787 and the Origins of the Revolte Nobiliare". *English Historical Review* 61:240 (May 1946), pp. 202–234, and 61:241 (September 1946), pp. 329–377.
- Goubert, Pierre. *Louis XIV and Twenty Million Frenchmen*. Translated by Anne Carter. New York: Vintage Books, 1970.
- . *L'Ancien Régime, 2: Les Pouvoirs*. Paris: Armand Colin, 1973.
- . *The Ancien Régime: French Society, 1600–1750*. Translated by Steve Cox. New York: Harper & Row, 1974.
- Greenlaw, Ralph W., ed. *The Economic Origins of the French Revolution*. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1958.
- Greer, Donald. *The Incidence of the Terror During the French Revolution*. Cambridge: Harvard University Press, 1935.
- . *The Incidence of the Emigration During the French Revolution*. Cambridge: Harvard University Press, 1951.
- Gruder, Vivian R. *The Royal Provincial Intendants: A Governing Elite in Eighteenth-Century France*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1968.
- Hampson, Norman. *A Social History of the French Revolution*. Toronto: University of Toronto Press, 1963.
- . *The Enlightenment*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1968.
- Hartmann, Louis. "Les Officiers de l'Armée Royale a la Veille de la Révolution". *Revue Historique* 100 (January-April 1909), pp. 241–268; and 101 (March-August 1909), pp. 38–79.
- Hauser, H. "The Characteristic Features of French Economic History from the Middle of the Sixteenth to the Middle of the Eighteenth Century". *Economic History Review* 4:3 (October 1933), pp. 257–72.
- Higonnet, Patrice L. R. "Montagne, Gironde et Plaine: Bourgeoisie Provinciale, Bourgeoisie Urbaine, Bourgeoisie Rurale". Unpublished paper. Cambridge: Harvard University, n.d.
- Hoffman, Stanley et al. *In Search of France: The Economy, Society, and Political System in the Twentieth Century*. New York: Harper & Row, 1965.
- Holtmann, Robert B. *The Napoleonic Revolution*. Philadelphia: Lippincott, 1967.
- Hunt, Lynn A. "Committees and Communes: Local Politics and National Revolution in 1789". *Comparative Studies in Society and History* 18:3 (July 1976), pp. 321–346.
- Jackson, J. Hampden, ed. *A Short History of France From Early Times to 1972*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Kaplow, Jeffry. *Elbeuf During the Revolutionary Period: History and Social Structure*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1964.
- . "On Who Intervened in 1788?". *American Historical Review* 72:2 (January 1967), pp. 497–502.
- , ed. *New Perspectives on the French Revolution*. New York: Wiley, 1965.
- Kemp, Tom. *Economic Forces in French History*. London: Dobson Books, 1971.
- Knapton, Ernest John. *Revolutionary and Imperial France, 1750–1815*. New York: Charles Scribner's Sons, 1972.
- Labrousse, C. E. *La Crise de l'Economie Française a la Fin de l'Ancien Régime et au Debut de la Révolution*. Paris: Presses Universitaires de France, 1943.
- . *Le Paysan Français des Physiocrates à nos Jours*. Paris: Cours de Sorbonne, 1962.
- . "The Evolution of Peasant Society in France from the Eighteenth Century to the Present". In *French Society and Culture Since the Old Regime*, edited by

- E. M. Acomb and M. L. Brown, pp. 44-64. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966.
- Landes, David S. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Lefebvre, Georges. *Les Paysans du Nord pendant La Révolution Française*. Lille, France: Librairie Papeterie, 1924.
- . *The Coming of the French Revolution*. Translated by R. R. Palmer. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1947.
- . *Questions Agraires au Temps de la Terreur*. La Roche-sur-Yon, France: Henri Potier, 1954.
- . "The French Revolution and the Peasants". In *The Economic Origins of the French Revolution*, edited by Robert Greenlaw, pp. 73-83. Lexington, Mass.: Heath, 1958.
- . "Urban Society in the Orleanais in the Late Eighteenth Century". *Past and Present* no. 19 (April 1961), pp. 46-75.
- . *The French Revolution*. 2 vols. Translated by Elizabeth Moss Evanson (vol. 1) and John Hall Stewart and James Friguglietti (vol. 2). New York: Columbia University Press, 1962, 1964.
- . *Etudes sur la Révolution Française*. Paris: Presses Universitaires de France, 1963.
- . "Repartition de la Propriété et de l'Exploitation Foncières à la Fin de l'Ancien Régime". In *Etudes sur la Révolution Française*, pp. 279-306. Paris: Presses Universitaires de France, 1963.
- . *The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France*. Translated by Joan White. New York: Pantheon, 1973.
- Le Goff, T. J. A., and Sutherland, D. M. G. "The Revolution and the Rural Community in Eighteenth-Century Brittany". *Past and Present* no. 62 (February 1974), pp. 96-119.
- Leonard, Emile G. "La Question Sociale dans l'Armée Française au XVIIIe Siècle". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 3:2 (April-June 1948), pp. 135-49.
- . *L'Armée et ses Problèmes au XVIIIe Siècle*. Paris: Librairie Pion, 1958.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel. "Revoltes et Contestations Rurales en France de 1675 à 1788". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 29:1 (January-February 1974), pp. 6-22.
- . *The Peasants of Languedoc*. Translated by John Day. Urbana: University of Illinois Press, 1976.
- Levy-Leboyer, Maurice. "Croissance Economique en France au XIXe Siècle". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 23:4 (July-August 1968), pp. 788-807.
- Lewis, W. H. *The Splendid Century: Life in the France of Louis XIV*. New York: Doubleday (Anchor Books), 1957.
- Lublinskaya, A. D. *French Absolutism: The Crucial Phase, 1620-1629*. Translated by Brian Pearce. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Lucas, Colin. "Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution". *Past and Present* no. 60 (August 1973), pp. 84-126.
- . *The Structure of the Terror: The Example of Javogues and the Loire*. New York: Oxford University Press, 1973.
- Luethy, Herbert. *France Against Herself*. Translated by Eric Mosbacher. New York: Praeger, 1955.
- Lyons, Martyn. *France Under the Directory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1975.
- Marczewski, Jan. "Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660-1958". *Economic Development and Cultural Change* 9:3 (April 1961), pp. 369-386.

- Marczewski, Jan. "The Take-Off Hypothesis and French Experience". In *The Economics of Take-Off into Sustained Growth*, edited by W. W. Rostow, pp. 119-138. New York: St. Martin's Press, 1963.
- Markham, F. M. H. "Napoleonic France". In *France: Government and Society*, edited by J. M. Wallace-Hadrill and John McManners, pp. 188-206. London: Methuen, 1957.
- Martin, Kingsley. *French Liberal Thought in the Eighteenth Century*. London: Phoenix House, 1962.
- Mathiez, Albert. *The French Revolution*. Translated by Catherine A. Phillips. New York: Russell and Russell, 1962.
- Matthews, George T. *The Royal General Farms in Eighteenth-Century France*. New York: Columbia University Press, 1958.
- Mazaauric, Claude. "Vendee et Chouannerie". *La Pensee* no. 124 (November-December 1965), pp. 54-85.
- McManners, J. "France". In *The European Nobility in the Eighteenth Century*, edited by Albert Goodwin, pp. 22-42. New York: Harper & Row, 1967.
- Mitchell, Harvey. "The Vendee and Counterrevolution: A Review Essay". *French Historical Studies* 5:4 (Fall 1968), pp. 405-429.
- . "Resistance to the Revolution in Western France". *Past and Present* no. 63 (May 1974), pp. 94-131.
- Momet, Daniel. *La Pensee Française au XVIIIe Siècle*. Paris: Librairie Annand Colin, 1926.
- Mousnier, Roland. "Recherches Sur les Soulevements Populaires en France avant la Fronde". *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine* 5 (1958), pp. 6-113.
- Murphy, J., and Higonnet, P. "Les Deputes de la Noblesse aux Etats Generaux de 1789". *Revue d'Histoire Moderne et Contemporaine* 20 (April-June 1973), pp. 230-247.
- Murphy, James Michael; Higonnet, Bernard; and Higonnet, Patrice. "Notes sur la Composition de l'Assemblée Constituante". *Annales Historiques de la Révolution Française* 46:217 (July-September 1974), pp. 321-326.
- Palmer, R. R. *Twelve Who Ruled: The Year of Terror in the French Revolution*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1941.
- . "Georges Lefebvre: The Peasants and the French Revolution". *Journal of Modern History* 31:4 (1959), pp. 329-342.
- . "Popular Democracy in the French Revolution: Review Article". *French Historical Studies* 1:4 (December 1960), pp. 445-469.
- . *The World of the French Revolution*. New York: Harper & Row, 1972.
- Parker, Harold T. "Two Administrative Bureaus Under the Directory and Napoleon". *French Historical Studies* 4:2 (Fall 1965), pp. 150-169.
- Patrick, Alison. "Political Divisions in the French National Convention, 1792-93". *Journal of Modern History* 41:4 (December 1969), pp. 421-474.
- Piéttri, François. *La Reform de l'Etat au XVIIIe Siècle*. Paris: Editions de France, 1935.
- Ponteil, Felix. *Napoleon Ier et l'Organisation Autoritaire de la France*. Paris: Librairie Armand Colin, 1956.
- Porchnev, Boris. *Les Soulèvements Populaires en France de 1623 à 1648. Oeuvres Etrangères*, no. 4. Paris: Ecole Pratique des Hautes Etudes, VI Section, Centres de Recherches Historiques, 1963.
- Prestwick, Menna. "The Making of Absolute Monarchy (1559-1683)". In *France: Government and Society*, edited by J. M. Wallace-Hadrill and J. McManners, pp. 105-133. London: Methuen, 1957.
- Ranum, Orest. *Paris in the Age of Absolutism*. New York: Wiley, 1968.

- Reinhard, M. "Observations sur le Role Revolutionnaire de l'Armée dans la Revolution Française". *Annales Historiques de la Revolution Française* no. 168 (April-June 1962), pp. 169-181.
- Richardson, Nicholas. *The French Prefectoral Corps, 1814-1830*. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
- Richet, Denis. "Croissance et Blocage en France du XVe au XVIIIe Siècle". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 23:4 (July-August 1968), pp. 789-797.
- . "Autour des Origines Ideologiques Lointaines de la Révolution Française: Elites et Despotism". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 24:1 (January-February 1969), pp. 1-23.
- Ross, Steven T. "The Development of the Combat Division in Eighteenth-Century French Armies". *French Historical Studies* 4:1 (Spring 1965), pp. 84-94.
- Rudé, George. *The Crowd in the French Revolution*. New York: Oxford University Press, 1959.
- . *Revolutionary Europe, 1783-1815*. New York: Harper & Row, 1966.
- . *Paris and London in the Eighteenth Century*. New York: Viking Press, 1973.
- . *Robespierre: Portrait of a Revolutionary Democrat*. New York: Viking Press, 1976.
- Sagnac, Philippe. *La Formation de la Société Française Moderne*. Vol. 2. Paris: Presses Universitaires de France, 1946.
- . *La Fin de l'Ancien Régime et La Révolution Americaine (1763-1789)*. Paris: Presses Universitaires de France, 1952.
- Saint-Jacob, Pierre de. *Les Paysans de la Bourgogne du Nord au Dernier Siècle de l'Ancien Régime*. Dijon, France: Imprimerie Bergniaud et Privat, 1960.
- Sargent, Frederico. "Feudalism to Family Farms in France". *Agricultural History* 35:4 (1961), pp. 193-201.
- Scott, Samuel F. "The French Revolution and the Professionalization of the French Officer Corps". In *On Military Ideology*, edited by Morris Janowitz and Jacques Van Doorn, pp. 5-56. Rotterdam, Holland: Rotterdam University Press, 1971.
- . "The Regeneration of the Line Army During the French Revolution". *Journal of Modern History* 42:3 (September 1970), pp. 307-330.
- See, Henri. *Economic and Social Conditions in France During the Eighteenth Century*. Translated by Edwin H. Zeydel. New York: F. S. Crofts, 1931.
- Shennan, J. H. *The Parliament of Paris*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1968.
- Sheppard, Thomas F. *Lourmarin in the Eighteenth Century: A Study of a French Village*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins Press, 1971.
- Soboul, Albert. "Classes and Class Struggles During the French Revolution". *Science and Society* 17:5 (Summer 1953), pp. 238-257.
- . "The French Rural Community in the Eighteenth and Nineteenth Centuries". *Past and Present* no. 10 (November 1956), pp. 78-95.
- . *La France a la Veille de la Revolution: Economie et Societe*. Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1960.
- . *The Sans-Culottes: The Popular Movement and Revolutionary Government, 1793-1794*. Translated by Remy Inglis Hall. New York: Doubleday (Anchor Books), 1972.
- . *The French Revolution, 1787-1799: From the Storming of the Bastille to Napoleon*. Translated by Alan Forrest and Colin Jones. New York: Vintage Books, 1975.
- Sydenham, M. J. *The Girondins*. London: Athlone Press, 1961.
- . *The French Revolution*. New York: Capricorn Books, 1966.
- Taylor, George V. "Types of Capitalism in Eighteenth-Century France". *English Historical Review* 79:312 (July 1964), pp. 478-497.

- Taylor, George V. "Noncapitalist Wealth and the Origins of the French Revolution". *American Historical Review* 72:2 (January 1967), pp. 469-496.
- . "Revolutionary and Nonrevolutionary Content in the *Cahiers* of 1789: An Interim Report". *French Historical Studies* 7:3 (Spring 1972), pp. 479-502.
- Temple, Nora. "The Control and Exploitation of French Towns During the Ancien Régime". *History* 51:171 (February 1966), pp. 16-34.
- Thompson, J. M. *Robespierre and the French Revolution*. New York: Collier Books, 1962.
- Tilly, Charles. *The Vendée: A Sociological Analysis of the Counterrevolution of 1793*. New York: Wiley, 1967.
- Tilly, Louise. "The Food Riot as a Form of Political Conflict in France". *Journal of Interdisciplinary History* 2:1 (Summer 1971), pp. 23-57.
- Tocqueville, Alexis de. *The Old Regime and the French Revolution*. Translated by Stuart Gilbert. New York: Doubleday (Anchor Books), 1955.
- Treasure, G. R. R. *Seventeenth Century France*. London: Rivingtons, 1966.
- Vovelle, Michel. "L'Elite ou le Mensonge des Mots". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 29:1 (January-February 1974), pp. 49-72.
- Williams, Gwyn A. *Artisans and Sans-Culottes: Popular Movements in France and Britain During the French Revolution*. New York: Norton, 1969.
- Woloch, Isser. *Jacobin Legacy: The Democratic Movement Under the Directory*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970.
- Young, Arthur. *Travels in France During the Years 1787, 1788, and 1789*. Edited by C. Maxwell. Cambridge: Cambridge University Press, 1929.
- Zeldin, Theodore. *France: 1848-1945*, vol. I, *Ambition, Love, and Politics*. New York: Oxford University Press, 1973.

II. Россия: Старый порядок и революция

- Anweiler, Oskar. *The Soviets: The Russian Workers, Peasants, and Soldiers Councils, 1905-1921*. Translated by Ruth Hein. New York: Pantheon, 1974.
- Avrich, Paul H. "The Bolshevik Revolution and Workers' Control in Russian Industry". *Slavic Review* 22:1 (March 1963), pp. 47-63.
- . "Russian Factory Committees in 1917". *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 11:2 (June 1963), pp. 161-182.
- . *Russian Rebels, 1600-1800*. New York: Schocken Books, 1972.
- . *Kronstadt 1921*. New York: Norton, 1974.
- Azrael, Jeremy R. *Managerial Power and Soviet Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 1966.
- Baykov, Alexander. "The Economic Development of Russia". *Economic History Review*. 2nd ser. 7:2 (1954), pp. 137-149.
- Berdyayev, Nicholas. *The Origin of Russian Communism*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.
- Bergson, Abram, and Kuznets, Simon, eds. *Economic Trends in the Soviet Union*. Cambridge: Harvard University Press, 1963.
- Bernstein, Thomas P. "Leadership and Mobilization in the Collectivization of Agriculture in China and Russia: A Comparison". PhD dissertation, Department of Political Science, Columbia University, 1970. Ann Arbor, Mich.: University Microfilms.

- Bettelheim, Charles. *Class Struggles in the USSR, First Period: 1917-1923*. Translated by Brian Pearce. New York: Monthly Review Press, 1976.
- Billington, James H. "Six Views of the Russian Revolution". *World Politics* 18 (April 1966), pp. 452-473.
- Black, Cyril E., ed. *The Transformation of Russian Society*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Black, Cyril E. et al. *The Modernization of Japan and Russia*. New York: Free Press, 1975.
- Blackwell, William L. *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800-1860*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968.
- . ed. *Russian Economic Development: From Peter the Great to Stalin*. New York: New Viewpoints, 1974.
- Blum, Jerome. *Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1961.
- Boyd, John R. "The Origins of Order No. 1". *Soviet Studies* 19:3 (January 1968), pp. 359-372.
- Brzezinski, Zbigniew K. "The Patterns of Autocracy". In *The Transformation of Russian Society*, edited by Cyril E. Black, pp. 93-109. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Carr, Edward Hallett. *The Bolshevik Revolution, 1917-1923*. 3 Vols. New York: Macmillan, 1951-68.
- . *Socialism in One Country, 1924-1926*. 3 Vols. New York: Macmillan, 1958-64.
- . "The Russian Revolution and the Peasant". *Proceedings of the British Academy* 49 (1963), pp. 69-93.
- . *Foundations of a Planned Economy, 1926-1929*. 3 Vols. New York: Macmillan, 1971.
- . *The October Revolution: Before and After*. New York: Vintage Books, 1971.
- Carson, George Barr, Jr. "The State and Economic Development: Russia, 1890-1939". In *The State and Economic Growth*, edited by Hugh G. J. Aitken, pp. 115-147. New York: Social Science Research Council, 1959.
- Chamberlin, William Henry. *The Russian Revolution, 1917-1921*. 2 Vols. 1935. Reprint. New York: Grosset & Dunlap, 1965.
- Charques, Richard. *The Twilight of Imperial Russia*. London: Phoenix House, 1958.
- Chayanov, A. V. *The Theory of Peasant Economy*. Edited by Daniel Thorner, Basile Kerblay, and R. E. F. Smith. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1966.
- Chemiavsky, Michael. *Tsar and People*. New York: Random House, 1969.
- Cliff, Tony. *State Capitalism in Russia*. New York: Pluto Press, 1974.
- Cohen, Stephen F. *Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888-1938*. New York: Knopf, 1973.
- Conquest, Robert. *The Great Terror: Stalin, Purges of the Thirties*. New York: Macmillan, 1973.
- Daniels, Robert Vincent. "The Kronstadt Revolt of 1921: A Study in the Dynamics of Revolution". *American Slavic and East European Review* 10:4 (December 1951), pp. 241-254.
- . *The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia*. New York: Simon & Schuster, 1969.
- Deutscher, Isaac. *The Prophet Armed: Trotsky 1879-1921*. New York: Vintage Books, 1965.
- . *The Prophet Outcast: Trotsky 1929-1940*. New York: Vintage Books, 1965.
- . *The Prophet Unarmed: Trotsky 1921-1929*. New York: Vintage Books, 1965.
- . *Stalin: A Political Biography*. New York: Oxford University Press, 1966.
- . *The Unfinished Revolution: Russia 1917-1967*. New York: Oxford University Press, 1967.

- Deutscher, Isaac. "The Russian Revolution". In *The New Cambridge Modern History*, 2nd ed., vol. 12, pp. 403-432. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Dobson, Richard B. "Mobility and Stratification in the Soviet Union". *Annual Review of Sociology* 3 (1977), pp. 297-329.
- Edeen, Alf. "The Civil Service: Its Composition and Status". In *The Transformation of Russian Society*, edited by Cyril E. Black, pp. 274-291. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Elkin, Boris. "The Russian Intelligentsia on the Eve of the Revolution". In *The Russian Intelligentsia*, edited by Richard Pipes, pp. 32-46. New York: Columbia University Press, 1961.
- Ellison, Herbert J. "Economic Modernization in Imperial Russia: Purposes and Achievements". *Journal of Economic History* 25 (December 1965), pp. 523-540.
- Emmons, Terence. "The Peasant and the Emancipation". In *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*, edited by Wayne S. Vucinich, pp. 41-71. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- . *The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Erickson, John. "The Origins of the Red Army". In *Revolutionary Russia*, edited by Richard Pipes, pp. 286-325. New York: Doubleday (Anchor Books), 1969.
- Erlich, Alexander. *The Soviet Industrialization Debate, 1924-1928*. Cambridge: Harvard University Press, 1967.
- Esper, Thomas. "Military Self-Sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia". *Slavic Review* 28:2 (June 1969), pp. 185-208.
- Fainsod, Merle. *How Russia is Ruled*. Cambridge: Harvard University Press, 1953.
- . *Smolensk Under Soviet Rule*. Cambridge: Harvard University Press, 1958.
- Feldmesser, Robert A. "Social Classes and Political Structure". In *The Transformation of Russian Society*, edited by Cyril E. Black, pp. 235-252. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Ferro, Marc. "The Russian Soldier in 1917: Undisciplined, Patriotic, and Revolutionary". *Slavic Review* 30:3 (September 1971), pp. 483-512.
- . *The Russian Revolution of February 1917*. Translated by J. L. Richards. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972.
- . "La Naissance du Systeme Bureaucratique en U.R.S.S". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 31:2 (March-April 1976), pp. 243-267.
- Field, Daniel. *Rebels in the Name of the Tsar*. Boston: Houghton Mifflin, 1976.
- Fischer, George. *Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia*. Cambridge: Harvard University Press, 1958.
- Florinsky, Michael T. *Russia: A History and Interpretation*. New York: Macmillan, 1955.
- Footman, David. *Civil War in Russia*. New York: Praeger, 1962.
- Garder, Michel. *A History of the Soviet Army*. New York: Praeger, 1966.
- Garthoff, Raymond L. "The Military as a Social Force". In *The Transformation of Russian Society*, edited by Cyril E. Black, pp. 323-327. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Gerschenkron, Alexander. "Problems and Patterns of Russian Economic Development". In *The Transformation of Russian Society*, edited by Cyril E. Black, pp. 42-72. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- . "Russian Agrarian Policies and Industrialization, 1861-1917". In *Continuity in History and Other Essays*, pp. 140-248. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
- Getzler, Israel. "Marxist Revolutionaries and the Dilemma of Power". In *Revolution and Politics in Russia*, edited by Alexander and Janet Rabinowitch, pp. 88-112. Bloomington: University of Indiana Press, 1972.

- Goldsmith, Raymond W. "The Economic Growth of Tsarist Russia, 1860-1913". *Economic Development and Cultural Change* 9:3 (April 1961), pp. 441-475.
- Golovine, Nicholas N. *The Russian Army in the World War*. New Haven: Yale University Press, 1931.
- Granick, David. *The Red Executive: A Study of the Organization Man in Russian Industry*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960.
- Gronsky, Paul P., and Astrov, Nicholas J. *The War and the Russian Government*. New Haven: Yale University Press, 1929.
- Haimson, Leopold. "The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905-1917". *Slavic Review* 23:4 (December 1964), pp. 619-642 and 24:1 (March 1965), pp. 1-21.
- . *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Boston: Beacon Press, 1966.
- Harcave, Sidney. *The Russian Revolution of 1905*. New York: Macmillan, 1964.
- Hellie, Richard. *Enserfment and Military Change in Muscovy*. Chicago: University of Chicago Press, 1971.
- Hoetzsch, Otto. *The Evolution of Russia*. London: Thames and Hudson, 1966.
- Inkeles, Alex. *Social Change in Soviet Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
- Jasny, Naum. *The Socialized Agriculture of the USSR*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1949.
- Jenkins, Joseph Craig. "Agrarian Class Structure and Peasant Revolution — Russia 1917". MA Thesis, Department of Sociology, State University of New York at Stony Brook, April 1974.
- Karcz, Jerzy F. "From Stalin to Brezhnev: Soviet Agricultural Policy in Historical Perspective". In *The Soviet Rural Community*, edited by James R. Millar, pp. 36-70. Urbana: University of Illinois Press, 1971.
- . "Thoughts on the Great Problem". *Soviet Studies* 18:4 (April 1967), pp. 399-434.
- Karpovitch, Michael. *Imperial Russia, 1801-1917*. New York: Holt, 1964.
- Keep, John L. H. *The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization*. New York: Norton, 1976.
- Keller, Theodore. "To Lead the People: Notes on the Russian Revolutionaries". *Journal of Contemporary Revolutions* 5:3 (Summer 1973), pp. 94-121.
- Kennan, George F. "The Breakdown of the Tsarist Autocracy". In *Revolutionary Russia*, edited by Richard Pipes, pp. 1-32. New York: Doubleday (Anchor Books), 1969.
- Kingston-Mann, Esther. "Lenin and the Beginning of Marxist Peasant Revolution: The Burden of Political Opportunity, July-October 1917". *Slavonic and East European Review* 50:121 (October 1972), pp. 570-588.
- Kochan, Lionel. *The Making of Modern Russia*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1963.
- Laird, Roy D., and Laird, Betty A. *Soviet Communism and Agrarian Revolution*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1970.
- Lane, David. *Politics and Society in the USSR*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1970.
- . *The Roots of Russian Communism: A Social and Historical Study of Russian Social Democracy, 1898-1907*. University Park, Penn.: Pennsylvania State University Press, 1975.
- Laqueur, Walter. *The Fate of the Revolution: Interpretation of Soviet History*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967.
- Lenin, V. I. *The Development of Capitalism in Russia*. Moscow: Progress Publishers, 1967.
- Lewin, Moshe. "The Immediate Background of Soviet Collectivization". *Soviet Studies* 17:2 (October 1965), pp. 162-197.
- . *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. Translated by Irene Nove. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1968.

- Lewin, Moshe. *Lenin's Last Struggle*. Translated by A. M. Sheridan Smith. New York: Vintage Books, 1970.
- Liebman, Marcel. *The Russian Revolution*. Translated by Arnold J. Pomerans. New York: Vintage Books, 1972.
- Lincoln, W. Bruce. "The Genesis of an 'Enlightened' Bureaucracy in Russia, 1825-1856". *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 20:3 (September 1963), pp. 321-330.
- Longly, D.A. "Officers and Men: A Study of the Development of Political Attitudes Among Sailors of the Baltic Fleet in 1917". *Soviet Studies* 25:1 (July 1973), pp. 28-50.
- Lyashchenko, Peter I. *History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*. Translated by L. M. Herman. New York: Macmillan, 1949.
- Male, D.J. *Russian Peasant Organization Before Collectivisation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
- Matossian, Mary. "The Peasant Way of Life". In *The Peasant in Nineteenth Century Russia*, edited by Wayne S. Vucinich, pp. 1-40. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- Matthews, Mervyn. *Class and Society in Soviet Russia*. New York: Walker, 1972.
- McGrew, Roderick E. "Some Imperatives of Russian Foreign Policy". In *Russia Under the Last Tsar*, edited by George Stavrou, pp. 202-229. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969.
- Menashe, Louis. "Vladimir Il'yich Bakunin: An Essay on Lenin". *Socialist Revolution* no. 18 (November-December 1973), pp. 9-54.
- Mendel, Arthur P. "Peasant and Worker on the Eve of the First World War". *Slavic Review* 24:1 (March 1965), pp. 23-33.
- Meyer, Alfred G. *The Soviet Political System*. New York: Random House, 1965.
- Millar, James R., ed. *The Soviet Rural Community*. Chicago: University of Illinois Press, 1961.
- . "Mass Collectivization and the Contribution of Soviet Agriculture to the First Five-Year Plan: A Review Article". *Slavic Review* 33 (December 1974), pp. 750-766.
- Millar, James R., and Guntzel, Corinne A. "The Economics and Politics of Mass Collectivization Reconsidered: A Review Article". *Explorations in Economic History* 8:2 (Fall 1970), pp. 103-116.
- Miller, Margaret S. *The Economic Development of Russia, 1905-1914*. 2nd ed. London: P. S. King, 1967.
- Miller, Robert F. *One Hundred Thousand Tractors: The MTS and the Development of Controls in Soviet Agriculture*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Moore, Barrington, Jr. *Soviet Politics — The Dilemma of Power: The Role of Ideas in Social Change*. New York: Harper & Row, 1965.
- . *Terror and Progress USSR: Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship*. New York: Harper & Row, 1966.
- Mosse, W. E. "Stolypin's Villages". *Slavonic and East European Review* 43:101 (June 1965), pp. 257-275.
- Netti, J. P. *The Soviet Achievement*. London: Harcourt, Brace, and World, 1967.
- Nove, Alec. *An Economic History of the U.S.S.R.* Baltimore, Md.: Penguin Books, 1969.
- Owen, Launcelot A. *The Russian Peasant Movement, 1906-1917*. London: P. S. King, 1937.
- Pares, Bernard. *A History of Russia*. New York: Vintage Books, 1965.
- Pavlovsky, George. *Agricultural Russia on the Eve of the Revolution*. London: Routledge, 1930.
- Perric, Maureen. "The Russian Peasant Movement of 1905-1907: Its Social Composition and Revolutionary Significance". *Past and Present* no. 57 (November 1972), pp. 123-155.

- Pethybridge, Roger. *The Spread of the Russian Revolution: Essays on 1917*. London: Macmillan, 1972.
- Pintner, Walter M. "The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy". *Slavic Review* 29:3 (September 1970), pp. 429-443.
- Pipes, Richard, ed. *The Russian Intelligentsia*. New York: Columbia University Press, 1961.
- . *Revolutionary Russia: A Symposium*. New York: Doubleday (Anchor Books), 1969.
- . *Russia Under the Old Regime*. New York: Scribner, 1974.
- Pushkarev, Sergei. *The Emergence of Modern Russia, 1801-1917*. Translated by Robert H. McNeal and Tova Yedlin. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1963.
- Rabinowitch, Alexander. *Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising*. Bloomington: University of Indiana Press, 1968.
- . "The Petrograd Garrison and the Bolshevik Seizure of Power". In *Revolution and Politics in Russia*, edited by Alexander and Janet Rabinowitch, pp. 172-191. Bloomington: University of Indiana Press, 1972.
- . *The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd*. New York: Norton, 1976.
- Radkey, Oliver H. *The Election to the Russian Constituent Assembly of 1917*. Cambridge: Harvard University Press, 1950.
- . "The Socialist Revolutionaries and the Peasantry After October". In *Russian Thought and Politics*, edited by Hugh McLean, Martin Malia, and George Fischer, pp. 457-479. Cambridge: Harvard University Press, 1957.
- . *The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October 1917*. New York: Columbia University Press, 1958.
- . *The Sickle Under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule*. New York: Oxford University Press, 1963.
- Raeff, Marc. "The Russian Autocracy and Its Officials". In *Russian Thought and Politics*, edited by Hugh McLean, Martin Malia, and George Fischer, pp. 77-91. Cambridge: Harvard University Press, 1957.
- . *Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteenth-Century Nobility*. New York: Harcourt, Brace, and World, 1966.
- . *Imperial Russia 1682-1825: The Coming of Age of Modern Russia*. New York: Knopf, 1971.
- Reed, John H. *Ten Days That Shook the World*. New York: Signet Books, 1967.
- Rigby, T. H. *Communist Party Membership in the USSR, 1917-1967*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1968.
- Rimlinger, Gaston W. "Autocracy and the Factory Order in Early Russian Industrialization". *Journal of Economic History* 20:1 (March 1960), pp. 67-92.
- Robinson, Geroid Tanquary. *Rural Russia Under the Old Régime*. 1932. Reprint. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Rosenberg, Arthur. *A History of Bolshevism*. New York: Oxford University Press, 1934.
- Rosenberg, William G. "The Russian Municipal Duma Elections of 1917: A Preliminary Computation of Returns". *Soviet Studies* 21:2 (October 1969), pp. 131-163.
- . *Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional Democratic Party, 1917-1921*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974.
- Rowney, Don Karl. "Higher Civil Servants in the Russian Ministry of Internal Affairs: Some Demographic and Career Characteristics, 1905-1916". *Slavic Review* 31:1 (March 1972), pp. 101-110.
- Rozman, Gilbert. *Urban Networks in Russia, 1750-1800, and Premodern Periodization*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1976.

- Sablinsky, Walter. "The All-Russian Railroad Union and the Beginning of the General Strike in October, 1905". In *Revolution and Politics in Russia*, edited by Alexander and Janet Rabinowitch, pp. 113-133. Bloomington: University of Indiana Press, 1972.
- Schapiro, Leonard. *The Origin of the Communist Autocracy*. London: G. Bell and Sons, 1955.
- . *The Government and Politics of the Soviet Union*. Rev. ed. New York: Vintage Books, 1967.
- . *The Communist Party of the Soviet Union*. 2nd ed., rev. and enlarged. New York: Vintage Books, 1971.
- Schwarz, Solomon M. *The Russian Revolution of 1905: The Workers' Movement and the Formation of Bolshevism and Menshevism*. Translated by Gertrude Vakar. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
- Seton-Watson, Hugh. *The Decline of Imperial Russia, 1855-1914*. New York: Praeger, 1952.
- . *The Russian Empire, 1801-1917*. New York: Oxford University Press, 1967.
- Shanin, Teodor. *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925*. New York: Oxford University Press, 1972.
- Singleton, Seth. "The Tambov Revolt (1920-1921)". *Slavic Review* 25:3 (September 1966), pp. 497-512.
- Sontag, John P. "Tsarist Debts and Tsarist Foreign Policy". *Slavic Review* 27:4 (December 1968), pp. 529-541.
- Starr, S. Frederick. *Decentralization and Self-Government in Russia, 1830-1870*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1972.
- Treadgold, Donald W. *The West in Russia and China*, vol. 1, *Russia, 1472-1917*. London: Cambridge University Press, 1973.
- Trotsky, Leon. *The Russian Revolution*. Selected and edited by F.W. Dupee. Translated by Max Eastman. New York: Doubleday (Anchor Books), 1959.
- . 1905. Translated by Anya Bostock. New York: Vintage Books, 1972.
- Tucker, Robert C. *Stalin as Revolutionary, 1879-1929*. New York: Norton, 1974.
- , ed. *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. New York: Norton, 1977.
- Ulam, Adam B. *The Bolsheviks: The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia*. New York: Collier Books, 1965.
- Uldricks, Teddy J. "The 'Crowd' in the Russian Revolution: Towards Reassessing the Nature of Revolutionary Leadership". *Politics and Society* 4:3 (1974), pp. 397-413.
- Venturi, Franco. *Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia*. Translated by Francis Haskell. New York: Grosset & Dunlap, 1966.
- Volin, Lazar. *A Century of Russian Agriculture: From Alexander II to Khrushchev*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Von Laue, Theodore H. "Russian Peasants in the Factory, 1892-1904". *Journal of Economic History* 21 (1961), pp. 61-80.
- . *Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. New York: Columbia University Press, 1963.
- . "Russian Labor Between Field and Factory, 1892-1903". *California Slavic Studies* 3 (1964), pp. 33-65.
- . "The Chances for Liberal Constitutionalism". *Slavic Review* 24:1 (March 1965), pp. 34-46.
- . *Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900-1930*. 2nd ed. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1971.

- Vucinich, Alexander. "The State and the Local Community". In *The Transformation of Russian Society*, edited by Cyril E. Black, pp. 191-208. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
- Vucinich, Wayne S., ed. *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- Wade, Rex A. "The Rajonnye Sovety of Petrograd: The Role of Local Political Bodies in the Russian Revolution". *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 20:2 (June 1972), pp. 227-240.
- Walkin, Jacob. *The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia: Political and Social Institutions Under the Last Three Czars*. New York: Praeger, 1962.
- Wallace, Sir Donald Mackenzie. *Russia on the Eve of War and Revolution*. New York: Vintage Books, 1961.
- Watters, Francis M. "The Peasant and the Village Commune". In *The Peasant in Nineteenth Century Russia*, edited by Wayne S. Vucinich, pp. 133-157. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- Werth, Alexander. *Russia at War, 1941-1945*. New York: Avon Books, 1964.
- Wesson, Robert G. *The Russian Dilemma: A Political and Geopolitical View*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1974.
- Wildman, Allan. *The Making of a Workers' Revolution: Russian Social Democracy, 1891-1903*. Chicago: University of Chicago Press, 1967.
- . "The February Revolution in the Russian Army". *Soviet Studies* 22:1 (July 1970), pp. 3-23.
- Wolfe, Bertram D. *An Ideology in Power: Reflections on the Russian Revolution*. New York: Stein & Day, 1970.
- Yarmolinsky, Avrahm. *Road to Revolution: A Century of Russian Radicalism*. New York: Collier Books, 1962.
- Zelnik, Reginald E. *Labor and Society in Tsarist Russia: The Factory Workers of St. Petersburg, 1855-1870*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1971.
- . "Russian Workers and the Revolutionary Movement". *Journal of Social History* 6 (Winter 1971-72), pp. 214-234.

III. Китай: Старый порядок и революция

- Ahn, Byung-joon. "The Political Economy of the People's Commune in China: Changes and Continuities". *Journal of Asian Studies* 34:3 (May 1975), pp. 631-658.
- . *Chinese Politics and the Cultural Revolution: Dynamics of Policy Processes*. Seattle: University of Washington Press, 1976.
- Andors, Stephen. *China's Industrial Revolution: Politics, Planning, and Management, 1949 to the Present*. New York: Pantheon Books, 1977.
- Balaz, Etienne. *Chinese Civilization and Bureaucracy*. Translated by H. M. Wright. New Haven: Yale University Press, 1964.
- Barendsen, Robert D. "The Agricultural Middle School in Communist China". In *China Under Mao: Politics Takes Command*, edited by Roderick MacFarquhar, pp. 304-332. Cambridge: M.I.T. Press, 1966.
- Barnett, A. Doak. *China on the Eve of Communist Takeover*. New York: Praeger, 1963.
- . *Cadres, Bureaucracy, and Political Power in Communist China*. New York: Columbia University Press, 1967.
- , ed. *Chinese Communist Politics in Action*. Seattle: University of Washington Press, 1969.

- Bastid, Marianne. "Levels of Economic Decision-Making". In *Authority, Participation and Cultural Change in China*, edited by Stuart R. Schram, pp. 159-198. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Baum, Richard, and Bennett, Louise B, eds. *China in Ferment: Perspectives on the Cultural Revolution*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1971.
- Bergere, Marie-Claire. "The Role of the Bourgeoisie". In *China in Revolution*, edited by Mary C. Wright, pp. 229-295. New Haven: Yale University Press, 1968.
- . "De la Chine Classique a la Chine Actuelle: Fluctuations Economiques et Revolution". *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 24:4 (July-August 1969), pp. 860-875.
- Bernstein, Thomas P. "Leadership and Mass Mobilisation in the Soviet and Chinese Collectivisation Campaigns of 1929-30 and 1955-56: A Comparison". *China Quarterly* no. 31 (July-September 1967), pp. 1-47.
- . "Leadership and Mobilization in the Collectivization of Agriculture in China and Russia: A Comparison". PhD dissertation, Department of Political Science, Columbia University, 1970. Ann Arbor, Mich.: University Microfilms.
- Bettelheim, Charles. *Cultural Revolution and Industrial Organization in China*. Translated by Alfred Ehrenfeld. New York: Monthly Review Press, 1975.
- Bianco, Lucien. "Les Paysans et la Revolution Chine, 1919-1949". *Politique Etrangere* no. 2 (1968), pp. 117-141.
- . *Origins of the Chinese Revolution, 1915-1949*. Translated by Muriel Bell. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1971.
- Buck, John Lossing. *Chinese Farm Economy*. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- Cavendish, Patrick. "The 'New China' of the Kuomintang". In *Modern China's Search for a Political Form*, edited by Jack Gray, pp. 138-196. New York: Oxford University Press, 1969.
- Cell, Charles P. *Revolution at Work: Mobilization Campaigns in China*. New York: Academic Press, 1977.
- Chang, Chung-li. *The Chinese Gentry: Studies on Their Role in Nineteenth Century Chinese Society*. Seattle: University of Washington Press, 1955.
- . *The Income of the Chinese Gentry*. Seattle: University of Washington Press, 1962.
- Chang, P'eng-yiian. "The Constitutionalists". In *China in Revolution*, edited by Mary C. Wright, pp. 143-183. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Chao, Shu-ii. *Rhymes of Li Yu-tsai and Other Stories*. Peking: Cultural Press, 1950.
- Ch'en, Jerome. *Mao and the Chinese Revolution*. New York: Oxford University Press, 1965.
- Chesneaux, Jean. *The Chinese Labor Movement, 1919-1927*. Translated by H. M. Wright. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- , ed. *Popular Movements and Secret Societies in China, 1840-1950*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1972.
- . *Peasant Revolts in China, 1840-1949*. New York: Norton, 1973.
- Chesneaux, Jean; Bastid, Marianne; and Bergere, Marie-Claire. *China: From the Opium Wars to the 1911 Revolution*. Translated by Anne Destenay. New York: Pantheon Books, 1976.
- Ch'i, Hsi-sheng. *Warlord Politics in China, 1916-1928*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- Chiang, Siang-tsch. *The Nien Rebellion*. Seattle: University of Washington Press, 1954.
- Ch'ien, Tuan-sheng. *The Government and Politics of China*. Cambridge: Harvard University Press, 1950.
- Chow, Tse-tung. *The May Fourth Movement: Intellectual Revolution in Modern China*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1967.

- Chow, Yung-teh. *Social Mobility in China*. New York: Atherton, 1966.
- Ch'ii, T'ung-tsu. *Local Government in China Under the Ch'ing*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
- Clubb, O. Edmund. *Twentieth Century China*. New York: Columbia University Press, 1964.
- Cohen, Paul A. "Ch'ing China: Confrontation with the West, 1850-1900". In *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, edited by James B. Crowley, pp. 29-61. New York: Harcourt, Brace, and World, 1970.
- Crook, Isabel, and Crook, David. *Revolution in a Chinese Village: Ten Mile Inn*. London: Routledge and Kegan Paul, 1959.
- Diamond, Norma. "Collectivization, Kinship, and the Status of Women in Rural China". *Bulletin of Concerned Asian Scholars, Special Issue: Asian Women* 7:1 (January-March 1975), pp. 25-32.
- Dittmer, Lowell. *Liu Shao-ch'i and the Chinese Cultural Revolution: The Politics of Mass Criticism*. Berkeley: University of California Press, 1974.
- Domes, Jurgen. *The Internal Politics of China, 1949-1972*. Translated by Rudiger Machetzki. New York: Praeger, 1973.
- Donnithorne, Audrey. "China's Cellular Economy: Some Economic Trends Since the Cultural Revolution". *China Quarterly* no. 52 (October-December 1972), pp. 605-618.
- Eastman, Lloyd E. *The Abortive Revolution: China Under Nationalist Rule, 1927-1937*. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
- Eberhard, Wolfram. *Conquerors and Rulers: Social Forces in Medieval China*. Leiden, Netherlands: Brill, 1952.
- . *A History of China*. 3rd ed. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Eckstein, Alexander. *China's Economic Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Elvin, Mark. *The Pattern of the Chinese Past*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1973.
- Elvin, Mark, and Skinner, G. William, eds. *The Chinese City Between Two Worlds*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- Eto, Shinkichi. "Hai-lu-feng — The First Chinese Soviet Government". *China Quarterly* no. 8 (October-December 1961), pp. 161-183 and no. 9 (January-March 1962), pp. 149-181.
- Fairbank, John K., ed. *Chinese Thought and Institutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1957.
- . *The United States and China*. 3rd ed. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Fairbank, John K.; Reischauer, Edwin O.; and Craig, Albert M. *East Asia: Tradition and Transformation*. Boston: Houghton Mifflin, 1973.
- Fei, Hsiao-tung. *Peasant Life in China: A Field Study of Country Life in the Yangtze Valley*. New York: Oxford University Press, 1946.
- . "Peasantry and Gentry: An Interpretation of Chinese Social Structure and Its Changes". *American Journal of Sociology* 52:1 (July 1946), pp. 1-17.
- . *China's Gentry: Essays on Rural-Urban Relations*. Chicago: University of Chicago Press, 1953.
- Fei, Hsiao-tung, and Chang, Chih-1. *Earthbound China: A Study of Rural Economy in Yunnan*. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Feuerwerker, Albert. *China's Early Industrialization: Sheng Hsuan-huai (1844-1916) and Mandarin Enterprise*. Cambridge: Harvard University Press, 1958.
- , ed. *Modern China*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.

- Feuerwerker, Albert. *The Chinese Economy, 1912-1949*. Michigan Papers in Chinese Studies, no. 1. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1968.
- . *The Chinese Economy, ca. 1870-1911*. Michigan Papers in Chinese Studies, no. 5. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1969.
- . *Rebellion in Nineteenth-Century China*. Michigan Papers in Chinese Studies, no. 21. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1975.
- Fincher, John. "Political Provincialism and the National Revolution". In *China in Revolution*, edited by Mary C. Wright, pp. 185-226. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Franke, Wolfgang. *China and the West: The Cultural Encounter, 13th to 20th Centuries*. Translated by R. A. Wilson. New York: Harper & Row, 1967.
- . *A Century of Chinese Revolution, 1851-1949*. Translated by Stanley Rudman. New York: Harper & Row, 1971.
- Freedman, Maurice. *Lineage Organization in Southeastern China*. London: University of London, 1965.
- Fried, Morton H. *Fabric of Chinese Society*. New York: Praeger, 1953.
- Friedman, Edward. *Backward Toward Revolution: The Chinese Revolutionary Party*. Berkeley: University of California Press, 1974.
- Friedman, Edward, and Selden, Mark, eds. *America's Asia: Dissenting Essays on Asian-American Relations*. New York: Vintage Books, 1971.
- Gamble, Sidney D. *Ting Hsien: A North China Rural Community*. New York: Institute of Pacific Relations, 1954.
- . *North China Villages: Social, Political, and Economic Activities Before 1933*. Berkeley: University of California Press, 1963.
- Gardner, John and Idema, Wilt. "China's Educational Revolution". In *Authority, Participation, and Cultural Change in Communist China*, edited by Stuart R. Schram, pp. 257-289. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Gillin, Donald G. "'Peasant Nationalism' in the History of Chinese Communism". *Journal of Asian Studies* 23:2 (February 1964), pp. 269-289.
- . *Warlord: Yen Hsi-shan in Shansi Province, 1911-1949*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1967.
- Gittings, John R. *The Role of the Chinese Army*. New York: Oxford University Press, 1967.
- . "The Chinese Army". In *Modern China's Search for a Political Form*, edited by Jack Gray, pp. 187-224. New York: Oxford University Press, 1969.
- Gray, Jack. "The Economics of Maoism". *Bulletin of the Atomic Scientists* 25:2 (February 1969), pp. 42-51.
- . "The Two Roads: Alternative Strategies of Social Change and Economic Growth in China". In *Authority, Participation and Cultural Change in China*, edited by Stuart R. Schram, pp. 109-158. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Griffith, Samuel B., II. *The Chinese People's Liberation Army*. New York: McGraw-Hill, 1967.
- Gurley, John. "Capitalist and Maoist Economic Development". In *America's Asia*, edited by Edward Friedman and Mark Selden, pp. 324-356. New York: Vintage Books, 1971.
- Harrison, James Pinckney. *The Long March to Power: A History of the Chinese Communist Party, 1921-72*. New York: Praeger, 1972.
- Hatano, Yoshiro. "The New Armies". In *China in Revolution*, edited by Mary C. Wright, pp. 365-382. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Hinton, William. *Fanshen: A Documentary of Revolution in a Chinese Village*. New York: Vintage Books, 1966.

- Ho, Ping-ti. *Studies on the Population of China, 1368-1953*. Cambridge: Harvard University Press, 1959.
- . *The Ladder of Success in Imperial China: An Analysis of Social Mobility, 1368-1911*. New York: Columbia University Press, 1962.
- Hofheinz, Roy, Jr. *The Broken Wave: The Chinese Communist Peasant Movement, 1922-1928*. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
- Hom, Joshua S. *Away with All Pests: An English Surgeon in People's China: 1954-1969*. New York: Monthly Review Press, 1971.
- Hou, Ching-ming. *Foreign Investment and Economic Development in China, 1840-1937*. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
- Houn, Franklin W. *A Short History of Chinese Communism*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973.
- Hsiao, Kung-chuan. *Rural China: Imperial Control in the Nineteenth Century*. Seattle: University of Washington Press, 1967.
- Hsieh, Winston. "Peasant Insurrection and the Marketing Hierarchy in the Canton Delta, 1911". In *The Chinese City Between Two Worlds*, edited by Mark Elvin and G. William Skinner, pp. 119-142. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- Khiko, Chuzo. "The Role of the Gentry: An Hypothesis". In *China in Revolution*, edited by Mary C. Wright, pp. 297-317. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Isaacs, Harold R. *The Tragedy of the Chinese Revolution*. 2nd rev. ed. New York: Atheneum, 1968.
- Israel, John. *Student Nationalism in China: 1927-1937*. Stanford, Cal.: Hoover Institution Publications, 1966.
- . "Reflections on the Modern Chinese Student Movement". *Daedalus* 97 (Winter 1968), pp. 229-253.
- Jen, Yu-wen. *The Taiping Revolutionary Movement*. New Haven: Yale University Press, 1973.
- Johnson, Chalmers A. *Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China, 1937-1945*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1962.
- Karol, K. S. *China: The Other Communism*. 2nd ed. New York: Hill & Wang, 1968.
- Kau, Ying-mao. *The People's Liberation Army and China's Nation-Building*. White Plains, N.Y.: International Arts and Sciences Press, 1973.
- . "Urban and Rural Strategies in the Chinese Communist Revolution". In *Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia*, edited by John Wilson Lewis, pp. 253-270. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- Kim, Ilpyong J. "Mass Mobilization Policies and Techniques Developed in the Period of the Chinese Soviet Republic". In *Chinese Communist Politics in Action*, edited by A. Doak Barnett, pp. 78-98. Seattle: University of Washington Press, 1969.
- Kuhn, Philip A. *Rebellion and Its Enemies in Late Imperial China: Militarization and Social Structure, 1796-1864*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- . "Local Self-Government Under the Republic: Problems of Control, Autonomy, and Mobilization". In *Conflict and Control in Late-Imperial China*, edited by Frederic Wakeman, Jr. and Carolyn Grant, pp. 257-298. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Lampton, David M. *Health, Conflict, and the Chinese Political System*. Michigan Papers in Chinese Studies, no. 18. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1974.
- Lee, Rensselaer, W. "The Hsia Fang System: Marxism and Modernization". *China Quarterly* no. 28 (October-December 1966), pp. 40-62.
- Lew, Roland. "Maoism and the Chinese Revolution". In *The Socialist Register 1975*, pp. 115-159. London: Merlin Press, 1975.

- Lewis, John W. *Leadership in Communist China*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1963.
- , ed. *Party Leadership and Revolutionary Power in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- , ed. *The City in Communist China*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1971.
- Lindbeck, John M., ed. *China: Management of a Revolutionary Society*. Seattle: University of Washington Press, 1971.
- MacKinnon, Stephen R. "The Peiyang Army, Yuan Shih-k'ai, and the Origins of Modern Chinese Warlordism". *Journal of Asian Studies* 32:3 (May 1973), pp. 405-423.
- Madsen, Richard. "Revolutionary Asceticism in Communist China: Social Causes and Consequences of Commitment to the Maoist Ethos in a South China Village". PhD dissertation, Department of Sociology, Harvard University, April, 1977.
- Magdoff, Harry. "China: Contrasts with the U.S.S.R". *Monthly Review* 27:3 (July-August 1975), pp. 12-57.
- Maitan, Livio. *Party, Army and Masses in China*. Translated by Gregor Benton and Marie Collitti. London: New Left Books, 1976.
- McCull, Robert W. "The Oyüwan Soviet Area, 1927-1932". *Journal of Asian Studies* 27:1 (November 1967), pp. 41-60.
- . "A Political Geography of Revolution: China, Vietnam, and Thailand". *Journal of Conflict Resolution* 11:2 (June 1967), pp. 153-167.
- Meisner, Maurice. "Yenan Communism and the Rise of the Chinese People's Republic". In *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, edited by James B. Crowley, pp. 265-297. New York: Harcourt, Brace and World, 1970.
- . *Li Ta-chao and the Origins of Chinese Marxism*. New York: Atheneum, 1973.
- . "Utopian Socialist Themes in Maoism". In *Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia*, edited by John Wilson Lewis, pp. 207-252. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- Michael, Franz. "State and Society in Nineteenth Century China". *World Politics* 7 (April 1955), pp. 419-433. Reprinted in *Modern China*, edited by Albert Feuerwerker, pp. 57-69. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1964.
- . *The Taiping Rebellion: History and Documents*, vol. 1, *History*. Seattle: University of Washington Press, 1966.
- Milton, David, and Milton, Nancy Dall. *The Wind Will Not Subside: Years in Revolutionary China, 1964-1969*. New York: Pantheon Books, 1976.
- Muramatsu, Yuji. "Some Themes in Chinese Rebel Ideologies". In *The Confucian Persuasion*, edited by Arthur F. Wright, pp. 241-267. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1960.
- . "A Documentary Study of Chinese Landlordism in Late Ch'ing and Early Republican Kiangnan". *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 29:3 (1966), pp. 566-599.
- Murphey, Rhoads. "The Treaty Ports and China's Modernization". In *The Chinese City Between Two Worlds*, edited by Mark Elvin and G. William Skinner, pp. 17-72. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- Myers, Ramon H. *The Chinese Peasant Economy: Agricultural Development in Hopei and Shantung, 1890-1949*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Nee, Victor G. "Community and Change in Revolutionary China". PhD dissertation, Department of Sociology, Harvard University, April, 1977.
- North, Robert C., and de Sola Pool, Ithiel. "Kuomintang and Chinese Communist Elites". In *World Revolutionary Elites*, edited by Harold D. Lasswell and Daniel Lerner, pp. 319-455. Cambridge: M.I.T. Press, 1966.

- Oksenberg, Michel. "Methods of Communication within the Chinese Bureaucracy". *China Quarterly* no. 57 (January-March 1974), pp. 1-39.
- Paauw, Douglas S. "The Kuomintang and Economic Stagnation, 1928-1937". *Journal of Asian Studies* 16 (February 1957), pp. 213-220.
- Parsons, James B. *Peasant Rebellions of the Late Ming Dynasty*. Tuscon: University of Arizona Press, 1970.
- Peck, Graham. *Two Kinds of Time: Life in Provincial China During the Crucial Years, 1940-1941*. Rev. ed. Boston: Houghton Mifflin, 1967.
- Perkins, Dwight H. *Agricultural Development in China, 1368-1968*. Chicago: Aldine, 1969.
- , ed. *China's Modern Economy in Historical Perspective*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1975.
- . "Growth and Changing Structure of China's Twentieth-Century Economy". In *China's Modern Economy in Historical Perspective*, edited by Dwight H. Perkins, pp. 115-166. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1975.
- Pfeffer, Richard. "Serving the People and Continuing the Revolution". *China Quarterly* no. 52 (October-December 1972), pp. 620-653.
- Powell, Ralph L. *The Rise of Chinese Military Power, 1895-1912*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1955.
- Pye, Lucien W. *The Spirit of Chinese Politics: A Psychocultural Study of the Authority Crisis in Political Development*. Cambridge: M. I. T. Press, 1968.
- . *Warlord Politics*. New York: Praeger, 1971.
- Rankin, Mary Backus. *Early Chinese Revolutionaries: Radical Intellectuals in Shanghai and Chekiang, 1902-1911*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Rawlinson, John L. "China's Failure to Coordinate Her Modern Fleets in the Late Nineteenth Century". In *Approaches to Modern Chinese History*, edited by Albert Feuerwerker, Rhoads Murphy, and Mary C. Wright, pp. 105-132. Berkeley: University of California Press, 1967.
- . *China's Struggle for Naval Development, 1839-1895*. Cambridge: Harvard University Press, 1967.
- Rhoads, Edward J. *China's Republican Revolution: The Case of Kwangtung, 1895-1913*. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
- Richman, Barry M. *Industrial Society in Communist China*. New York: Vintage Books, 1969.
- Riskin, Carl. "Small Industry and the Chinese Model of Development". *China Quarterly* no. 46 (April-June 1971), pp. 245-273.
- . "Incentive Systems and Work Motivations: The Experience in China". *Working Papers for a New Society* 1:4 (Winter 1974), pp. 27-31, 77-92.
- Rossanda, Rossana. "Mao's Marxism". In *The Socialist Register 1971*. London: Merlin Press, 1971.
- Rozman, Gilbert. *Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973.
- Scalapino, Robert A., ed. *Elites in the Peoples Republic of China*. Seattle: University of Washington Press, 1972.
- Schram, Stuart R. "Mao Tse-tung and Secret Societies". *China Quarterly* no. 27 (July-September 1966), pp. 1-13.
- . *Mao Tse-tung*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1967.
- . *The Political Thought of Mao Tse-tung*. Rev. and enlarged ed. New York: Praeger, 1969.
- , ed. *Authority, Participation, and Cultural Change in China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.

- Schran, Peter. "Economic Management". In *China: Management of a Revolutionary Society*, edited by John M. Lindbeck, pp. 193–220. Seattle: University of Seattle Press, 1971.
- . "On the Yen-an Origins of Current Economic Policies". In *China's Modern Economy in Historical Perspective*, edited by Dwight H. Perkins, pp. 279–302. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1975.
- Schurmann, H. Franz. "Organisational Principles of the Chinese Communists". In *China Under Mao: Politics Takes Command*, edited by Roderick MacFarquhar, pp. 87–98. Cambridge: M. I. T. Press, 1966.
- . "Politics and Economics in Russia and China". In *Soviet and Chinese Communism: Similarities and Differences*, edited by Donald W. Treadgold, pp. 297–326. Seattle: University of Washington Press, 1967.
- . *Ideology and Organization in Communist China*. 2nd ed. Berkeley: University of California Press, 1968.
- Schwartz, Benjamin I. "The Intelligentsia in Communist China: A Tentative Comparison". In *The Russian Intelligentsia*, edited by Richard Pipes, pp. 164–181. New York: Columbia University Press, 1961.
- . *Chinese Communism and the Rise of Mao*. New York: Harper & Row, 1967.
- Selden, Mark. "The Guerilla Movement in Northwest China: The Origins of the Shensi-Kansu-Ninghsia Border Region". *China Quarterly* no. 28 (October-December 1966), pp. 63–81, and no. 29 (January-March 1967), pp. 61–81.
- . "The Yen-an Legacy: The Mass Line". In *Chinese Communist Politics in Action*, edited by A. Doak Barnett, pp. 99–151. Seattle: University of Washington Press, 1969.
- . *The Yen-an Way in Revolutionary China*. Cambridge: Harvard University Press, 1971.
- Sheridan, James E. *Chinese Warlord: The Career of Feng Yu-Hsiang*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1966.
- . *China in Disintegration: The Republican Era in Chinese History, 1912–1949*. New York: Free Press, 1975.
- Shih, Kuo-heng. "The Early Development of the Modern Chinese Business Class". In *The Rise of the Modern Chinese Business Class: Two Introductory Essays*, edited by Marion J. Levy and Kuo-heng Shih, pp. 19–63. New York: Institute of Pacific Relations, 1949.
- Shih, Vincent Y. C. "Some Chinese Rebel Ideologies". *T'oung Pao* 44 (1956), pp. 150–226.
- . *The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences*. Seattle: University of Washington Press, 1967.
- Sidel, Victor W., and Ruth Sidel. "The Delivery of Medical Care in China". *Scientific American* 230:4 (April 1974), pp. 19–27.
- Sigurdson, Jon. "Rural Industry and the Internal Transfer of Technology". In *Authority, Participation and Cultural Change in China*, edited by Stuart R. Schram, pp. 199–232. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- . *Rural Industrialization in China*. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
- Skinner, G. William. "Marketing and Social Structure in Rural China". 3 pts. *Journal of Asian Studies* 24:1 (November 1964), pp. 3–43; 24: 2 (February 1965), pp. 195–228; and 24:3 (May 1965), pp. 363–399.
- . "Chinese Peasants and the Closed Community: An Open and Shut Case". *Comparative Studies in Society and History* 13:3 (July 1971), pp. 270–281.
- , ed. *The City in Late Imperial China*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1977.
- Skinner, G. William and Winckler, Edwin. "Compliance Succession in Rural Communist China". In *A Sociological Reader on Complex Organizations*, 2nd ed., edited by Amitai Etzioni, pp. 410–438. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1969.

- Smedley, Agnes. *The Great Road: The Life and Times of Chu Teh*. New York: Monthly Review Press, 1956.
- Snow, Edgar. *Red Star Over China*. 1938. Reprint. New York: Grove Press, 1961.
- Solomon, Richard H. *Mao's Revolution and the Chinese Political Culture*. Berkeley: University of California Press, 1971.
- Spector, Stanley. *Li Hung-chang and the Huai Army: A Study in Nineteenth-Century Chinese Regionalism*. Seattle: University of Washington Press, 1964.
- Tan, Chester C. *Chinese Political Thought in the Twentieth Century*. New York: Doubleday (Anchor Books), 1971.
- Tawney, R. H. *Land and Labour in China*. 1932. Reprint. Boston: Beacon Press, 1966.
- Taylor, George E. "The Taiping Rebellion". *Chinese Social and Political Science Review* 16:4 (1932-1933), pp. 545-614.
- Taylor, Romeyn. "Social Origins of the Ming Dynasty, 1351-1360". *Monumenta Serica* 22 (1963), pp. 1-78.
- Teng, Ssu-yu. *Historiography of the Taiping Rebellion*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
- Thaxton, Ralph. "Tenants in Revolution: The Tenacity of Traditional Morality". *Modern China* 1:3 (July 1975), pp. 323-358.
- Tien, Hung-mao. *Government and Politics in Kuomintang China, 1927-1937*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1972.
- Townsend, James R. *Political Participation in Communist China*. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Treadgold, Donald W. *Soviet and Chinese Communism*. Seattle: University of Washington Press, 1967.
- . *The West in Russia and China*, vol. 2, *China, 1582-1949*. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Tuchman, Barbara W. *Stillwell and the American Experience in China, 1911-45*. New York: Macmillan, 1971.
- Van Slyke, Lyman P., ed. *The Chinese Communist Movement: A Report of the United States War Department, July 1945*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1968.
- Vogel, Ezra F. *Canton Under Communism: Programs and Politics in a Provincial Capital, 1949-1968*. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
- . "Politicized Bureaucracy: Communist China". In *Communist Systems in Comparative Perspective*, edited by Leonard J. Cohen and Jane P. Shapiro, pp. 160-170. New York: Doubleday (Anchor Books), 1974.
- Wakeman, Frederic, Jr. *Strangers at the Gate: Social Disorder in South China, 1839-1861*. Berkeley: University of California Press, 1966.
- . "High Ch'ing: 1683-1839". In *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, edited by James B. Crowley, pp. 1-28. New York: Harcourt, Brace and World, 1970.
- . *The Fall of Imperial China*. New York: Free Press, 1975.
- Wakeman, Frederic, Jr., and Grant, Carolyn, eds. *Conflict and Control in Late Imperial China*. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Wang, Yeh-chien. *Chinese Intellectuals and the West, 1872-1949*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1966.
- . *Land Taxation in Imperial China, 1750-1911*. Cambridge: Harvard University Press, 1973.
- Watt, John R. *The District Magistrate in Late Imperial China*. New York: Columbia University Press, 1972.
- Whyte, Martin King. "Bureaucracy and Modernization in China: The Maoist Critique". *American Sociological Review* 38:2 (April 1973), pp. 149-163.

- Whyte, Martin King. "Iron Law Versus Mass Democracy: Weber, Michels, and the Maoist Vision". In *The Logic of Maoism: Critiques and Explication*, edited by James Chieh Hsiung, pp. 37-61. New York: Praeger, 1974.
- . *Small Groups and Political Rituals in China*. Berkeley: University of California Press, 1974.
- . "Inequality and Stratification in China". *China Quarterly* no. 64 (December 1975), pp. 684-711.
- Whyte, Martin King; Vogel, Ezra F.; and Parish, William L., Jr. "Social Structure of World Regions: Mainland China". *Annual Review of Sociology* 3 (1977), pp. 179-207.
- Wilbur, C. Martin. "Military Separatism and the Process of Reunification Under the Nationalist Regime, 1922-1937". In *China in Crisis*, 2 vols., edited by Ping-ti Ho and Tang Tsou, vol. 1, bk. 1, pp. 203-263. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
- . "The Influence of the Past: How the Early Years Helped to Shape the Future of the Chinese Communist Party". In *Party Leadership and Revolutionary Power in China*, edited by John Wilson Lewis, p. 35-68. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Wilson, Dick. *The Long March of 1935: The Epic of Chinese Communism's Survival*. New York: Avon Books, 1973.
- Wittfogel, Karl A. *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press, 1957.
- Wolf, Margery, and Witke, Roxane, eds. *Women in Chinese Society*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1975.
- Wortman, Sterling. "Agriculture in China". *Scientific American* 232:6 (June 1975), pp. 13-21.
- Wright, Mary C. *The Last Stand of Chinese Conservatism: The T'ung-Chih Restoration, 1862-1874*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1957.
- , ed. *China in Revolution: The First Phase, 1900-1913*. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Yang, C. K. *Religion in Chinese Society*. Berkeley: University of California Press, 1961.
- . *Chinese Communist Society: The Family and the Village*. Cambridge: M.I.T. Press, 1965.
- . "Some Preliminary Statistical Patterns of Mass Actions in Nineteenth-Century China". In *Conflict and Control in Late Imperial China*, edited by Frederic Wakeman, Jr., and Carolyn Grant, pp. 174-210. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Yang, Martin C. *A Chinese Village: Taitou, Shantung Province*. New York: Columbia University Press, 1965.
- Yang, Shang-kuei. *The Red Kiangsi-Kwangtung Border Region*. Peking: Foreign Languages Press, 1961.
- Yeh, C. K. "Soviet and Communist Chinese Industrialization Strategies". In *Soviet and Chinese Communism: Similarities and Differences*, edited by Donald W. Treadgold, pp. 327-363. Seattle: University of Washington Press, 1967.
- Young, Ernest P. "Nationalism, Reform, and Republican Revolution: China in the Early Twentieth Century". In *Modern East Asia: Essays in Interpretation*, edited by James B. Crowley, pp. 151-179. New York: Harcourt, Brace and World, 1970.
- Young, Marilyn B., ed. *Women in China: Studies in Social Change and Feminism*. Michigan Papers in Chinese Studies, no. 15. Ann Arbor: Center for Chinese Studies, University of Michigan, 1973.

IV. Теоретический и исторический фундамент

- Adam, Heribert. *Modernizing Racial Domination: South African Political Dynamics*. Berkeley: University of California Press, 1971.
- Alavi, Hamza. "Peasants and Revolution". In *The Socialist Register 1965*, pp. 241-277. London: Merlin Press, 1965.
- Allardt, Erik. "Culture, Structure and Revolutionary Ideologies". *International Journal of Comparative Sociology* 12:1 (March 1971), pp. 24-40.
- Althusser, Louis. "Contradiction and Overdetermination". In *For Marx*. Translated by Ben Brewster, pp. 87-128. New York: Vintage Books, 1970.
- Amann, Peter. "Revolution: A Redefinition". *Political Science Quarterly* 77:1 (March 1962), pp. 36-53.
- Anderson, Perry. *Lineages of the Absolutist State*. London: New Left Books, 1974.
- . *Passages from Antiquity to Feudalism*. London: New Left Books, 1974.
- . *Considerations on Western Marxism*. London: New Left Books, 1976.
- Arendt, Hannah. *On Revolution*. New York: Viking Press, 1965.
- Aston, Trevor. *Crisis in Europe, 1560-1660*. New York: Doubleday (Anchor Books), 1967.
- Barker, Ernest. *The Development of Public Services in Western Europe, 1660-1930*. New York: Oxford University Press, 1944.
- Barracough, G. "Universal History". In *Approaches to History: A Symposium*, edited by H. P. R. Finberg, pp. 83-109. Toronto: University of Toronto Press, 1962.
- Bell, David V. J. *Resistance and Revolution*. Boston: Houghton Mifflin, 1973.
- Ben-David, Joseph, and Zloczower, Awraham. "Universities and Academic Systems in Modern Societies". *Archives Européennes de Sociologie* 3:1 (1962), pp. 45-84.
- Bendix, Reinhard. *Nation-Building and Citizenship*. New York: Wiley, 1964.
- . "Tradition and Modernity Reconsidered". *Comparative Studies in Society and History* 9 (1967), pp. 292-346.
- Beqiraj, Mehmet. *Peasantry in Revolution*. Cornell Research Papers in International Studies, no. 5. Ithaca, N.Y.: Center for International Studies, Cornell University, 1966.
- Bittner, Egon. "Radicalism and the Organization of Radical Movements". *American Sociological Review* 28:6 (December 1963), pp. 928-940.
- Black, Cyril E., and Thornton, Thomas P., eds. *Communism and Revolution: The Strategic Uses of Political Violence*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1964.
- Bloch, Marc. "Toward a Comparative History of European Societies". In *Enterprise and Secular Change*, edited by Frederic C. Lane and Jelle C. Riesmersma, pp. 494-521. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1953.
- Block, Fred. "The Ruling Class Does Not Rule: Notes on the Marxist Theory of the State". *Socialist Revolution* no. 33 (May-June 1977), pp. 6-28.
- Blum, Jerome. "The European Village as Community: Origin and Functions". *Agricultural History* 45:3 (July 1971), pp. 157-178.
- . "The Internal Structure and Polity of the European Village Community from the Fifteenth to the Nineteenth Century". *Journal of Modern History* 43:4 (December 1971), pp. 541-576.
- Borkenau, Franz. "State and Revolution in the Paris Commune, the Russian Revolution, and the Spanish Civil War". *Sociological Review* 29:41 (1937), pp. 41-75.
- Braudel, Fernand. "European Expansion and Capitalism, 1450-1650". In *Chapters in Western Civilization*, 3rd ed., vol. 1, pp. 245-288. New York: Columbia University Press, 1961.

- Brenner, Robert. "Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-Industrial Europe". *Past and Present* no. 70 (February 1976), pp. 30-75.
- . "The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism". *New Left Review* no. 104 (July-August 1977), pp. 25-92.
- Brinton, Crane. *The Anatomy of Revolution*. 1938. Rev. and expanded ed. New York: Vintage Books, 1965.
- Bukharin, Nikolai. *Historical Materialism: A System of Sociology*. Translated from 3rd Russian edition, 1921. Ann Arbor: University of Michigan, 1969.
- Calvert, Peter. *A Study of Revolution*. New York: Oxford University Press, 1970.
- Cammett, John M. *Antonio Gramsci and the Origins of Italian Communism*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1967.
- Carr, E. H. *What is History?* New York: Vintage Books, 1961.
- Chaliand, Gerard. *Revolution in the Third World: Myths and Prospects*. Translated by Diana Johnstone. New York: Viking Press, 1977.
- Chirot, Daniel. *Social Change in the Twentieth Century*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1977.
- Chorley, Katherine. *Armies and the Art of Revolution*. Boston: Beacon Press, 1973.
- Cipolla, Carlo M. *Guns, Sails, and Empires: Technological Innovation and the Early Phases of European Expansion, 1400-1700*. New York: Minerva Press, 1965.
- Cohan, A. S. *Theories of Revolution: An Introduction*. New York: Halsted Press, 1975.
- Cohn, Norman. *The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages*. Rev. and expanded ed. New York: Oxford University Press, 1970.
- Collins, Randall. "A Comparative Approach to Political Sociology". In *State and Society: A Reader*, edited by Reinhard Bendix et al., pp. 42-69. Berkeley: University of California Press, 1968.
- . *Conflict Sociology*. New York: Academic Press, 1975.
- . "Some Principles of Long-Term Social Change: The Territorial Power of States". Paper presented at the Annual Meeting of the American Sociological Association, Chicago, Illinois, September 1977.
- Daniels, Robert Vincent. "The Chinese Revolution in Russian Perspective". *World Politics* 13:2 (1961), pp. 210-230.
- Davies, James C. "Toward a Theory of Revolution". *American Sociological Review* 27 (1962), pp. 5-18.
- . "The J-Curve of Rising and Declining Satisfaction as a Cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion". In *Violence in America*, edited by Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, pp. 671-709. New York: Signet Books, 1969.
- , ed. *When Men Revolt and Why: A Reader in Political Violence and Revolution*. New York: Free Press, 1971.
- Dehio, Ludwig. *The Precarious Balance: Four Centuries of the European Power Struggle*. Translated by Charles Fullman. New York: Vintage Books, 1962.
- Deutsch, Karl W. "Social Mobilization and Political Development". *American Political Science Review* 55 (September 1961), pp. 493-514.
- Deutscher, Isaac. "The French Revolution and the Russian Revolution: Some Suggestive Analogies". *World Politics* 4:3 (April 1952), pp. 369-381.
- DeVries, Jan. *The Economy of Europe in an Age of Crisis, 1600-1750*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dom, Walter L. *Competition for Empire, 1740-1763*. New York: Harper & Row, 1963.
- Dunn, John. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

- Dunn, John. "The Success and Failure of Modern Revolutions". In *Radicalism in the Contemporary Age*, vol. 3, edited by S. Bialer and S. Sluzar, pp. 83-114, 305-318. Boulder, Colorado: Westview Press, 1977.
- Eckstein, Harry, ed. *Internal War*. New York: Free Press, 1964.
- . "On the Etiology of Internal Wars". *History and Theory* 4:2 (1965), pp. 133-163.
- Edwards, Lyford P. *The Natural History of Revolution*. 1927. Reprint. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- Eisenstadt, S. N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.
- . "The Social Framework and Conditions of Revolution". In *Research in Social Movements, Conflict and Change*, edited by L. Kriesberg. Greenwich, Conn.: J. A. I. Press.
- Eisenstadt, S. N., and Azmon, Yael. *Socialism and Tradition*. Atlantic Highlands, N.J.: Humanities Press, 1975.
- Ellis, John. *Armies in Revolution*. New York: Oxford University Press, 1974.
- Ellwood, Charles A. "A Psychological Theory of Revolutions". *American Journal of Sociology* 11:1 (July 1905), pp. 49-59.
- Fanon, Frantz. *The Wretched of the Earth*. Translated by Constance Farrington. New York: Grove Press, 1968.
- Feierabend, Ivo K.; Feierabend, Rosalind L.; and Gurr, Ted Robert, eds. *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972.
- Feierabend, Ivo K.; Feierabend, Rosalind L.; and Nesvold, Betty A. "Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns". In *Violence in America*, edited by Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, pp. 606-668. New York: Signet Books, 1969.
- Feldman, Arnold S. "Violence and Volatility: The Likelihood of Revolution". In *Internal War*, edited by Harry Eckstein, pp. 111-129. New York: Free Press, 1964.
- Forster, Robert, and Greene, Jack P., eds. *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*. Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 1970.
- Freeman, Michael. "Review Article: Theories of Revolution". *British Journal of Political Science* 2:3 (July 1972), pp. 339-359.
- Friedrich, Carl J., ed. *Revolution*. New York: Atherton, 1966.
- Geertz, Clifford, ed. *Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa*. New York: Free Press, 1963.
- Gerschenkron, Alexander. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge: Harvard University Press, 1962.
- . *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge: Harvard University Press, 1968.
- Geschwender, James A. "Explorations in the Theory of Social Movements and Revolutions". *Social Forces* 42:2 (1968), pp. 127-135.
- Gillis, John R. "Political Decay and the European Revolutions, 1789-1848". *World Politics* 22:3 (April 1970), pp. 344-70.
- Goldfrank, Walter L. "The Causes of the Mexican Revolution". PhD dissertation, Department of Sociology, Columbia University, 1973.
- . "Theories of Revolution and Revolution Without Theory: The Case of Mexico". Forthcoming in *Theory and Society* 7:1 (January-March 1979).
- Goodwin, Albert, ed. *The European Nobility in the Eighteenth Century*. New York: Harper & Row, 1967.
- Gorz, Andre. *Strategy for Labor: A Radical Proposal*. Translated by Martin A. Nicholas and Victoria Ortiz. Boston: Beacon Press, 1967.

- Gottschalk, Louis. "Causes of Revolution". *American Journal of Sociology* 50:1 (July 1944), pp. 1-8.
- Gramsci, Antonio. *Selections from the Prison Notebooks*. Edited and translated by Quintan Hoare and Geoffrey Nowell Smith. New York: International Publishers, 1971.
- Greene, Thomas H. *Comparative Revolutionary Movements*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974.
- Griewank, Karl. "Emergence of the Concept of Revolution". In *Revolution: A Reader*, edited by Bruce Mazlish, Arthur D. Kaledin, and David B. Ralston, pp. 13-17. New York: Macmillan, 1971.
- Gross, Feliks. *The Revolutionary Party: Essays in the Sociology of Politics*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974.
- Gurr, Ted Robert. "A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices". *American Political Science Review* 27 (1968), pp. 1104-24.
- . "Psychological Factors in Civil Violence". *World Politics* 20 (January 1968), pp. 245-278.
- . *Why Men Rebel*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970.
- . "The Revolution-Social Change Nexus". *Comparative Politics* 5:3 (April 1973), pp. 359-392.
- Hagopian, Mark N. *The Phenomenon of Revolution*. New York: Dodd, Mead, 1974.
- Hatto, Arthur. "'Revolution': An Inquiry into the Usefulness of an Historical Term". *Mind* 58:229 (January 1949), pp. 495-517.
- Hermassi, Elbaki. "Toward a Comparative Study of Revolutions". *Comparative Studies in Society and History* 18:2 (April 1976), pp. 211-235.
- Hintze, Otto. "Economics and Politics in the Age of Modern Capitalism". In *The Historical Essays of Otto Hintze*, edited by Felix Gilbert, pp. 422-452. New York: Oxford University Press, 1975.
- . "Military Organization and the Organization of the State". In *The Historical Essays of Otto Hintze*, edited by Felix Gilbert, pp. 178-215. New York: Oxford University Press, 1975.
- Hobsbawm, Eric J. *Primitive Rebels: Studies in the Archaic Forms of Social Movement in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. New York: Norton, 1965.
- . *Bandits*. New York: Delacorte Press, 1969.
- . "Revolution". Paper presented at the Fourteenth International Congress of Historical Sciences, San Francisco, August 1975.
- Hopkins, Terence K., and Wallerstein, Immanuel. "The Comparative Study of National Societies". *Social Science Information* 6:5 (October 1967), pp. 25-58.
- Hopper, Rex D. "Revolutionary Process". *Social Forces* 28 (March 1950), pp. 270-279.
- Huntington, Samuel P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Johnson, Chalmers. *Revolution and the Social System*. Stanford, Cal.: The Hoover Institution, Stanford University, 1964.
- . *Revolutionary Change*. Boston: Little, Brown, 1966.
- Jouvenel, Bertrand de. *On Power: Its Nature and the History of Its Growth*. Translated by J. F. Huntington. Boston: Beacon Press, 1968.
- Kautsky, John H. "Revolutionary and Managerial Elites in Modernizing Regimes". *Comparative Politics* 1:4 (July 1969), pp. 441-467.
- Kemp, Tom. *Industrialization in Nineteenth-Century Europe*. London: Longman, 1969.
- Kirchheimer, Otto. "Confining Conditions and Revolutionary Breakthroughs". *American Political Science Review* 59 (December 1965), pp. 964-974.

- Kramnick, Isaac. "Reflections on Revolution: Definition and Explanation in Recent Scholarship". *History and Theory* 11:1 (1972), pp. 26-63.
- Landes, David S. "Japan and Europe: Contrasts in Industrialization". In *The State and Economic Enterprise in Japan*, edited by William W. Lockwood, pp. 93-182. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965.
- Landsberger, Henry A. "The Role of Peasant Movements and Revolts in Development". In *Latin American Peasant Movements*, edited by Henry A. Landsberger, pp. 1-61. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1969.
- , ed. *Rural Protest: Protest Movements and Social Change*. New York: Barnes & Noble Books, 1973.
- Langer, William L. "The Pattern of Urban Revolution in 1848". In *French Society and Culture Since the Old Régime*, edited by Evelyn M. Acomb and Marvin L. Brown, pp. 90-118. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1966.
- Laqueur, Walter. "Revolution". *International Encyclopedia of the Social Sciences*, vol. 13, pp. 501-507. New York: Macmillan, 1968.
- Lasswell, Harold D., and Lerner, Daniel, eds. *World Revolutionary Elites: Studies in Coercive Ideological Movements*. Cambridge: M.I.T. Press, 1966.
- Leiden, Carl, and Schmitt, Karl M. *The Politics of Violence: Revolution in the Modern World*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1968.
- Lewis, John Wilson, ed. *Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- Lichtheim, George. *Marxism: An Historical and Critical Study*. 2nd ed. New York: Praeger, 1965.
- Lijphart, Arend. "Comparative Politics and the Comparative Method". *American Political Science Review* 65 (September 1971), pp. 682-693.
- Lockwood, David. "Social Integration and System Integration". In *Explorations in Social Change*, edited by George K. Zollschan and Walter Hirsch, pp. 244-257. Boston: Houghton Mifflin, 1964.
- Lubasz, Heinz, ed. *Revolutions in Modern European History*. New York: Macmillan, 1966.
- Lukacs, Georg. *History and Class Consciousness*. Translated by Rodney Livingstone. Cambridge: M.I.T. Press, 1971.
- Lupsha, Peter A. "Explanation of Political Violence: Some Psychological Theories Versus Indignation". *Politics and Society* 2:1 (Fall 1971), pp. 89-104.
- Macintyre, Alasdair. "Ideology, Social Science and Revolution". *Comparative Politics* 5:3 (April 1973), pp. 321-342.
- Malia, Martin. "The Escalation of European Revolution: 1640, 1789, 1848, 1917". Paper presented at the Annual Meeting of the Modern European Section of the American Historical Association, Atlanta, Georgia, December 1975.
- Marx, Fritz Morstein. *The Administrative State: An Introduction to Bureaucracy*. Chicago: University of Chicago Press, 1957.
- Marx, Karl, and Engels, Frederick. *Selected Works*. New York: International Publishers, 1968.
- McNeill, William H. *The Shape of European History*. New York: Oxford University Press, 1974.
- Migdal, Joel. *Peasants, Politics, and Revolution: Pressures Toward Political and Social Change in the Third World*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1974.
- Moffett, John Thurber. "Bureaucratization and Social Control: A Study of the Progressive Regimentation of the Western Social Order". PhD dissertation, Department of Sociology, Columbia University, 1971.
- Moore, Barrington, Jr. *Political Power and Social Theory*. New York: Harper & Row, 1965.

- Moore, Barrington, Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966.
- . "Revolution in America?" *New York Review of Books* (January 1969), pp. 6–12.
- Moore, Wilbert E. "Predicting Discontinuities in Social Change". *American Sociological Review* 29 (June 1964), pp. 331–338.
- Mosca, Gaetano. *The Ruling Class*, edited and revised by Arthur Livingston. New York: McGraw-Hill, 1939.
- Moulder, Frances V. *Japan, China and the Modern World Economy: Toward a Reinterpretation of East Asian Development ca. 1600 to ca. 1918*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
- Mousnier, Roland. *Peasant Uprisings in the Seventeenth Century: France, Russia, and China*. Translated by Brian Pearce. New York: Harper & Row, 1972.
- Muller, Edward N. "A Test of a Partial Theory of Potential for Political Violence". *American Political Science Review* 66 (September 1972), pp. 928–949.
- Nagel, Ernest, ed. *John Stuart Mill's Philosophy of Scientific Method*. New York: Hafner, 1950.
- Neumann, Franz. *The Democratic and the Authoritarian State: Essays in Political and Legal Theory*, edited by Herbert Marcuse. New York: The Free Press of Glencoe, 1964.
- Neumann, Sigmund. "The Structure and Strategy of Revolution: 1848 and 1948". *Journal of Politics* 11 (August 1949), pp. 532–544.
- Nisbet, Robert A. *Social Change and History*. New York: Oxford University Press, 1969.
- Nordlinger, Eric A. *Soldiers in Politics: Military Coups and Governments*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1977.
- Oberschall, Anthony R. "Rising Expectations and Political Turmoil". *Journal of Development Studies* 6:1 (October 1969), pp. 5–22.
- . *Social Conflict and Social Movements*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall 1973.
- Overholt, William H. "Revolution". In *The Sociology of Political Organization*. Crotonon-Hudson, N.Y.: The Hudson Institute, 1972.
- Paige, Jeffery M. *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York: Free Press, 1975.
- Palmer, R. R. "The World Revolution of the West: 1763–1801". *Political Science Quarterly* 69:1 (March 1954), pp. 1–14.
- Parkin, Frank. "System Contradiction and Political Transformation". *Archives Européenne de Sociologie* 13 (1972), pp. 45–62.
- Parsons, Talcott. "The Processes of Change of Social Systems". In *The Social System*, ch. 9. New York: Free Press, 1964.
- Pettee, George Sawyer. *The Process of Revolution*. New York: Harper and Brothers, 1938.
- Polanyi, Karl. *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. 1944. Reprint. Boston: Beacon Press, 1957.
- Portes, Alejandro. "Leftist Radicalism in Chile". *Comparative Politics* 2:2 (January 1970), pp. 251–74.
- . "On the Logic of Post-Factum Explanations: The Hypothesis of Lower-Class Frustration as the Cause of Leftist Radicalism". *Social Forces* 50:1 (September 1971), pp. 26–44.
- Rafael, Eliezer Ben. "Social Aspects of Guerilla War". PhD dissertation, Hebrew University, October 1972.
- Richter, Melvin. "Tocqueville's Contributions to the Theory of Revolution". In *Revolution*, edited by Carl J. Friedrich, pp. 75–121. New York: Atherton, 1966.
- Riezler, Kurt. "On the Psychology of the Modern Revolution". *Social Research* 10:3 (September 1943), pp. 320–36.

- Rosenau, James N., ed. *International Aspects of Civil Strife*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1964.
- Russell, D. E. H. *Rebellion, Revolution, and Armed Force: A Comparative Study of Fifteen Countries with Special Emphasis on Cuba and South Africa*. New York: Academic Press, 1974.
- Russett, Bruce M. "Inequality and Instability: The Relation of Land Tenure to Politics". *World Politics* 16 (April 1964), pp. 442-454.
- Rustow, Dankwart A. "Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model". *Comparative Politics* 2:3 (April 1970), pp. 337-63.
- Salert, Barbara. *Revolutions and Revolutionaries: Four Theories*. New York: Elsevier, 1976.
- Scheiner, Irwin. "The Mindful Peasant: Sketches for a Study of Rebellion". *Journal of Asian Studies* 32:4 (August 1973), pp. 579-591.
- Schorske, Carl. *German Social Democracy, 1905-1917*. New York: Wiley, 1954.
- Schram, Stuart R., ed. *The Political Thought of Mao Tse-tung*. Rev. and enlarged ed. New York: Praeger, 1969.
- Schurmann, Franz. "On Revolutionary Conflict". *Journal of International Affairs* 23:1 (1969), pp. 36-53.
- . *The Logic of World Power*. New York: Pantheon Books, 1974.
- Schwartz, David C. "A Theory of Revolutionary Behavior". In *When Men Revolt and Why*, edited by James C. Davies, pp. 109-132. New York: Free Press, 1971.
- . "Political Alienation: The Psychology of Revolution's First Stage". In *Anger, Violence, and Politics*, edited by Ivo K. Feierabend, Rosalind L. Feierabend, and Ted Gurr, pp. 58-66. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1972.
- Selden, Mark. "Revolution and Third World Development". In *National Liberation*, edited by Norman Miller and Roderick Aya, pp. 214-248. New York: Free Press, 1971.
- Selznick, Philip. *The Organizational Weapon: A Study of Bolshevik Strategy and Tactics*. New York: McGraw-Hill, 1952.
- Sewell, William H., Jr. "Marc Bloch and the Logic of Comparative History". *History and Theory* 6:2 (1967), pp. 208-218.
- Skocpol, Theda. "A Critical Review of Barrington Moore's Social Origins of Dictatorship and Democracy". *Politics and Society* 4:1 (Fall 1973), pp. 1-34.
- . "Explaining Revolutions: In Quest of a Social-Structural Approach". In *The Uses of Controversy in Sociology*, edited by Lewis A. Coser and Otto N. Larsen, pp. 155-175. New York: Free Press, 1976.
- . "France, Russia, China: A Structural Analysis of Social Revolutions". *Comparative Studies in Society and History* 18:2 (April 1976), pp. 175-210.
- . "Old Regime Legacies and Communist Revolutions in Russia and China". *Social Forces* 55:2 (December 1976), pp. 284-315.
- . "Wallerstein's World Capitalist System: A Theoretical and Historical Critique". *American Journal of Sociology* 82:5 (March 1977), pp. 1075-1090.
- Skocpol, Theda, and Trimberger, Ellen Kay. "Revolutions and the World-Historical Development of Capitalism". *Berkeley Journal of Sociology* 22 (1977-8), pp. 101-113.
- Shanin, Theodor, ed. *Peasants and Peasant Societies*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1971.
- Smelser, Neil J. *Theory of Collective Behavior*. New York: The Free Press of Glencoe, 1963.
- . *Comparative Methods in the Social Sciences*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1976.
- Smith, Thomas C. "Pre-Modern Economic Growth: Japan and the West". *Past and Present* no. 60 (August 1973), pp. 127-160.

- Snyder, David, and Tilly, Charles. "Hardship and Collective Violence in France, 1830 to 1960". *American Sociological Review* 37 (October 1972), pp. 520-532.
- Sorokin, Pitirim A. *The Sociology of Revolution*. Philadelphia: Lippincott, 1925.
- Stein, Stanley J., and Stein, Barbara H. *The Colonial Heritage of Latin America*. New York: Oxford University Press, 1970.
- Stinchcombe, Arthur L. "Agricultural Enterprise and Rural Class Relations". In *Class, Status, and Power*, 2nd ed., edited by Reinhard Bendix and Seymour Martin Lipset, pp. 182-190. New York: Free Press, 1966.
- . "Stratification Among Organizations and the Sociology of Revolution". In *Handbook of Organizations*, edited by James G. March, pp. 169-180. Chicago: Rand McNally, 1965.
- Stone, Lawrence. "Theories of Revolution". *World Politics* 18:2 (January 1966), pp. 159-176.
- Tanter, Raymond, and Midlarsky, Manus. "A Theory of Revolution". *Journal of Conflict Resolution* 11:3 (September 1967), pp. 264-280.
- Tilly, Charles. "Collective Violence in European Perspective". In *Violence in America: Historical and Comparative Perspectives*, edited by Hugh Davis Graham and Ted Robert Gurr, pp. 4-42. New York: Signet Books, 1969.
- . "Does Modernization Breed Revolution?" *Comparative Politics* 5:3 (April 1973), pp. 425-47.
- . "Town and Country in Revolution". In *Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia*, edited by John Wilson Lewis, pp. 271-302. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1974.
- , ed. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975.
- . "Revolutions and Collective Violence". In *Handbook of Political Science*, vol. 3, *Macropolitical Theory*, edited by Fred I. Greenstein and Nelson W. Polsby, pp. 483-556. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975.
- . *From Mobilization to Revolution*. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1978.
- Tilly, Charles; Tilly, Louise; and Tilly, Richard. *The Rebellious Century, 1830-1930*. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
- Tiryakian, Edward A. "A Model of Societal Change in Its Lead Indicators". In *The Study of Total Societies*, edited by Samuel Z. Klausner, pp. 69-97. New York: Doubleday (Anchor Books), 1967.
- Trimberger, Ellen Kay. "State Power and Modes of Production: Implications of the Japanese Transition to Capitalism". *The Insurgent Sociologist* 7 (Spring 1977), pp. 85-98.
- . *Revolution from Above: Military Bureaucrats, and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru*. New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1978.
- . "A Theory of Elite Revolutions". *Studies in Comparative International Development* 7:3 (Fall 1972), pp. 191-207.
- Tucker, Robert C. "The Political Theory of Classical Marxism". In *The Marxian Revolutionary Idea*, ch. 3. New York: Norton, 1970.
- , ed. *The Lenin Anthology*. New York: Norton, 1975.
- Vagts, Alfred. *A History of Militarism, Civilian and Military*. Rev. ed. New York: Free Press, 1967.
- Von Laue, Theodore H. *The Global City*. Philadelphia: Lippincott, 1969.
- Wallace, Anthony F. C. "Revitalization Movements". *American Anthropologist* 58 (April 1956), pp. 264-281.
- Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York: Academic Press, 1974.

- Wallerstein, Immanuel. "The Rise and Future Demise of the World Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis". *Comparative Studies in Society and History* 16:4 (September 1974), pp. 387-415.
- Walzer, Michael. "Puritanism as a Revolutionary Ideology". *History and Theory* 3:1 (1963), pp. 59-90.
- . *The Revolution of the Saints: A Study in the Origins of Radical Politics*. New York: Atheneum, 1968.
- . "Regicide and Revolution". *Social Research* 40:4 (Winter 1973), pp. 617-642.
- Weber, Max. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*, edited by Guenther Roth and Claus Wittich, 3 vols. New York: Bedminster Press, 1968.
- Wertheim, W. F. *Evolution and Revolution: The Rising Waves of Emancipation*. Baltimore, Md.: Penguin Books, 1974.
- Willer, David, and Zollschan, George K. "Prolegomenon to a Theory of Revolutions". In *Explorations in Social Change*, edited by George K. Zollschan and Walter Hirsch, pp. 125-151. Boston: Houghton-Mifflin, 1964.
- Williams, E. N. *The Ancien Régime in Europe*. New York: Harper & Row, 1970.
- Wolf, Eric R. *Peasants*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.
- . *Peasant Wars of the Twentieth Century*. New York: Harper & Row, 1969.
- . "Peasant Rebellion and Revolution". In *National Liberation*, edited by Norman Miller and Roderick Aya, pp. 48-67. New York: Free Press, 1971.
- Wolin, Sheldon S. "The Politics of the Study of Revolution". *Comparative Politics* 5:3 (April 1973), pp. 343-358.
- Wolpe, Harold. "An Examination of Some Approaches to the Problem of the Development of Revolutionary Consciousness". *Telos* no. 4 (Fall 1969), pp. 113-44.
- Wright, Erik Olin. "To Control or Smash Bureaucracy: Weber and Lenin on Politics, the State and Bureaucracy". *Berkeley Journal of Sociology* 19 (1974-75), pp. 69-108.
- Yoder, Dale. "Current Definitions of Revolution". *American Journal of Sociology* 32 (November 1926), pp. 433-441.
- Zagorin, Perez. "Theories of Revolution in Contemporary Historiography". *Political Science Quarterly* 88:1 (March 1973), pp. 23-52.
- . "Prolegomena to the Comparative History of Revolution in Early Modern Europe". *Comparative Studies in Society and History* 18:2 (April 1976), pp. 151-174.
- Zelditch, Morris, Jr. "Intelligible Comparisons". In *Comparative Methods in Sociology*, edited by Ivan Vallier, pp. 267-307. Berkeley: University of California Press, 1971.

Научное издание

Теда Скочпол

ГОСУДАРСТВА И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
Сравнительный анализ Франции, России и Китая

Главный редактор издательства Валерий Анашвили
Научный редактор издательства Артем Смирнов
Выпускающий редактор Елена Попова
Корректор Ксения Заманская
Дизайн обложки Сергей Зиновьев
Верстка Ярослав Агеев

Издательство Института Гайдара
125009, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 09.03.2017.
Тираж 1000 экз. Формат 70×100/16. Заказ № 1476.
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
АО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Телефон: (499) 270-73-59
142300, г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1.